

13
К803

КРЕСТЬЯНСТВО
и сельское
ХОЗЯЙСТВО
СИБИРИ

1960 - 1980-е гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ

Главная редколлегия:

акад. А. П. Деревянко (главный редактор),
акад. А. П. Окладников (главный редактор), д-р экон. наук
А. П. Бычков (зам. главного редактора), чл.-кор. АН СССР
Л. М. Горюшкин (зам. главного редактора), д-р ист. наук
Н. Я. Гуцин (зам. главного редактора), д-р ист. наук
В. И. Шишкин (отв. секретарь), д-р ист. наук В. Т. Анисков,
д-р ист. наук Э. Я. Бояршинова, д-р ист. наук И. М. Волков,
акад. И. Д. Ковальченко, д-р ист. наук М. С. Кузнецов,
д-р ист. наук М. Е. Плотникова, чл.-кор. АН СССР Н. Н. Покровский,
канд. ист. наук Р. С. Русаков, д-р ист. наук
В. Л. Соскин, д-р ист. наук В. Г. Тюкавкин

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ

1960 - 1980-е гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н. Я. Гуцин*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.3(2)
К80

Рецензенты

доктор исторических наук *М. М. Ефимкин*
кандидат исторических наук *И. С. Кузнецов*

Редколлегия тома:

Т. М. Бадалян, чл.-кор. АН СССР *В. И. Бойко*, д-р ист. наук *С. С. Букин*, д-р экон. наук *А. П. Бычков*, д-р ист. наук *Н. Я. Гуцин* (отв. редактор), канд. ист. наук *В. А. Ильиных* (отв. секретарь), канд. экон. наук *В. А. Калмык*, канд. ист. наук *И. Б. Карпунина*, канд. ист. наук *А. А. Николаев*, канд. экон. наук *А. А. Носков*, д-р экон. наук *К. И. Панкова*

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 493 с.
ISBN 5—02—029376—8.

Книга завершает пятитомный обобщающий труд «История крестьянства Сибири», подготовленный под руководством Института истории, филологии и философии СО АН СССР большим коллективом ученых (историков, социологов, экономистов), работающих в академических учреждениях и вузах региона. Хронологические рамки тома охватывают около тридцати лет — с начала 60-х по 80-е гг.

Том состоит из трех частей. В первой части рассматривается в исторической динамике комплекс вопросов, характеризующих производительные силы и производственные отношения в деревне; во второй — проблемы социального развития села; в третьей — особенности экономических и социальных процессов в сельском хозяйстве национальных районов Сибири.

Монография рассчитана на историков, преподавателей вузов.

К 0503020000—010
042(02)—91 79—90 II полугодие

ББК 63.3(2)

ISBN 5—02—029376—8

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое читателю издание — пятая, заключительная книга обобщающего труда «История крестьянства Сибири»¹. В ней рассматривается исторический процесс развития крестьянства и сельского хозяйства Сибири с начала 60-х по 80-е гг. Начальная грань исследования определяется его органической сюжетной взаимосвязью с предыдущей книгой, где изложение событий доведено до конца 50-х гг. Во второй половине 50-х — начале 60-х гг. происходил принципиальный поворот не только в развитии сельского хозяйства, но и в целом в жизни советского общества.

Завершается исследование второй половиной 80-х гг. Решением апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС было положено начало перестройке социально-экономической и общественно-политической жизни нашей страны, процессу радикального обновления в жизни советского общества. К концу 80-х гг. в основных чертах завершается формирование концепции перестройки и ее важной составной части — современной аграрной политики Коммунистической партии и Советского государства. Об известной законченности этого процесса свидетельствуют переход агропромышленного комплекса с января

1988 г. на самоокупаемость и самофинансирование, принятие Закона о государственном предприятии (объединении) (1987 г.), Закона о кооперации в СССР (1988 г.), проведение IV Всесоюзного съезда колхозников (март 1988 г.), решения XIX Всесоюзной партийной конференции (июнь 1988 г.), Пленума ЦК КПСС «Об аграрной политике КПСС в современных условиях» (март 1989 г.), работа и решения первого Съезда народных депутатов СССР (май — июнь 1989 г.). В докладе на съезде М. С. Горбачев сказал: «У нас сложилась концепция перестройки, экономической и политической реформы»².

Рассматриваемый период — почти тридцать лет — сложен и противоречив. Общими тенденциями исторического процесса в 60—80-е гг. были преобладание командно-административных методов управления экономической, социальной и политической сферами жизни советского общества, а также поиски, временами непоследовательные и противоречивые, путей перехода от них к экономическим, а с середины 80-х гг. и к более демократическим методам руководства. В рамках этого тридцатилетия можно выделить и более дробные периоды, имеющие некоторую специфику. Хотя установить четкую хронологическую грань между ними в ряде случаев затруднительно, следует определить основные вехи в развитии исторического процесса. При его периодизации нужно

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.— Новосибирск, 1982; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.— Новосибирск, 1983; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.).— Новосибирск, 1983; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма.— Новосибирск, 1985.

² Правда.— 1989.— 31 мая.

учитывать совокупность объективных и субъективных факторов: развитие производительных сил и производственных отношений, изменения в политической жизни общества, особенно в аграрной политике партии и Советского государства. Последний фактор является определяющим для рассмотрения исторического процесса развития крестьянства и сельского хозяйства.

Истоки основных тенденций развития деревни в первой половине 60-х гг. коренятся в предыдущем периоде, начавшемся в середине 50-х гг., когда Коммунистической партией и Советским государством были проведены важнейшие мероприятия, среди которых центральное место занимает XX съезд КПСС. Съезд привел к принципиальному повороту в жизни Советской страны: началось преодоление наиболее пагубных последствий культа личности, развернулись поиски перехода к демократическим формам в политической жизни и экономической политике. Этот поворот отчетливо выразился и в области сельского хозяйства: была предпринята первая серьезная попытка перестройки командно-административной системы управления колхозным и совхозным производством, сложившейся в ходе насильственной коллективизации, преодоления наиболее грубых форм попрания интересов сельских тружеников.

Повышение материальной заинтересованности тружеников села (рост закупочных цен, упорядочение налоговой системы, введение пенсий колхозникам и т. п.), увеличение капиталовложений в отрасль, провозглашение принципа планирования снизу, отмена некоторых ограничений паспортного режима — все это явилось крупным шагом вперед в развитии сельского хозяйства. Существенно выросло производство продукции, несколько улучшилась социальная обстановка в деревне.

С начала 60-х гг. в основных чертах продолжалась аграрная политика предыдущего периода. В целом

позитивную роль сыграли реорганизация МТС и продажа техники колхозам в соответствии с решениями февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС, сделавшие колхозы полноправными хозяевами и пользователями всех основных средств производства, отмена обязательных поставок и натуроплаты за работу в МТС (замена их закупками), все большее внедрение денежной оплаты труда и такого же расчета себестоимости продукции и рентабельности производства, т. е. включение колхозной экономики в товарно-денежные отношения. К началу 60-х гг. «целинная эпопея» была закончена и стало ощущаться, что экстенсивные методы ведения хозяйства себя исчерпали, все более нарастал поиск путей развития сельского хозяйства на основе интенсификации. Курс на интенсификацию, по сути дела, был провозглашен уже в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии (октябрь 1961 г.): «Главный путь подъема сельского хозяйства и удовлетворения возрастающих потребностей страны и сельскохозяйственной продукции — всесторонняя механизация и последовательная интенсификация: достижение на основе науки и передового опыта во всех колхозах и совхозах высокой культуры земледелия и животноводства, резкое повышение урожайности всех культур и увеличение выхода продукции с каждого гектара при наименьших затратах труда и средств»³. В ряде последующих решений партии, и особенно в постановлениях декабрьского (1963 г.) Пленума ЦК «Ускорение развития химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа» и февральского (1964 г.) Пленума ЦК «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд. — М., 1986. — Т. 10. — С. 136.

развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого увеличения производства сельскохозяйственной продукции», курс на интенсификацию получил подтверждение как генеральное направление в развитии сельского хозяйства. В решении февральского Пленума говорилось: «*Интенсификация — генеральное направление в подъеме сельского хозяйства, столбовая дорога развития его производительных сил*»⁴. В целях осуществления этой задачи намечался комплекс мер: широкая химизация земледелия и животноводства, всемерное развитие орошаемого земледелия, внедрение комплексной механизации и достижений науки и передового опыта, осуществление специализации производства на основе научно обоснованного размещения сельского хозяйства, коренное улучшение строительства на селе, подъем экономики слабых колхозов и повышение материальной заинтересованности колхозников в результатах общественного производства, ряд других социально-экономических мероприятий.

Однако практическое осуществление намечаемых мер по переходу на интенсивные методы развития затонуло на два десятилетия, так как проходило в условиях преобладания командно-административных методов управления. Кроме того, в конце 50-х и в первой половине 60-х гг., наряду с позитивными решениями все более стали сказываться волюнтаристские действия в руководстве сельским хозяйством (да в известной степени и страной в целом), проявлявшиеся в неумном и часто необоснованном реформаторстве, всякого рода реорганизациях. Скоропалительные, не обоснованные наукой, не проверенные практикой реформы все более навязывались колхозам и совхозам. Уже в 1957 г. была выдвинута сверхпрограмма — в ближайшие 2—3 года догнать США по про-

изводству мяса, молока и масла на душу населения, — не опиравшаяся на реальные возможности и поэтому проваленная. В качестве одного из путей решения животноводческой проблемы стало рассматриваться обобществление скота личных подсобных хозяйств, что еще более обострило продовольственное положение в стране. Эта ошибочная ориентация наметилась в решении декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС⁵.

Вразрез с принятым еще в марте 1955 г. постановлением «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» колхозам и совхозам предписывались свыше системы земледелия, структуры посевов, специализация и т. п. Особенно уродливо это проявилось в насаждении повсеместно, вплоть до Полярного круга, «королевы полей» — кукурузы. Посевы кукурузы в стране с 1953 по 1962 г. возросли более чем в 10 раз, достигнув 17,2 % всех посевных площадей. В Сибири, где посевы этой культуры традиционно составляли незначительную величину (сотые доли процента), они возросли значительно: в 1965 г. достигли в Западной Сибири 13 %, в Восточной Сибири — 11 %. Ожидаемого результата — сбора по 500—600 ц зеленой массы с гектара (как важнейшего средства обеспечения кормовой базы) — получено не было: в 1962—1963 гг. урожай в Сибири составляли в среднем лишь 70—90 ц/га (в РСФСР — 63—70 ц/га)⁶.

Непомерное, по сути дела принудительное навязывание этой «чуждой культуры» мешало внедрению оптимальной структуры посевов, рациональных систем земледелия. В начале 60-гг. повсеместно административным путем стала насаждаться пропашная система земледелия, как якобы наиболее прогрессивная. Однако при ней нарушались севообо-

⁵ См.: Там же.— М., 1986.— Т. 9.— С. 283, 287, 289—290.

⁶ Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник.— М., 1960.— С. 114, 156; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник.— М., 1971.— С. 110, 114, 133, 220.

⁴ Там же.— С. 401.

роты, ликвидировались чистые пары, изгонялись с полей однолетние и многолетние травы. Для западных зерновых районов Сибири это имело особенно пагубное значение. Здесь под влиянием рекомендаций Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства, которым руководил Г. А. Наливайко, стали повсюду внедрять пропашную систему. В результате не только на Алтае, но и в большинстве районов Западной Сибири были почти полностью ликвидированы чистые пары: их доля в 1960 г. составила лишь 0,4 % к посевной площади (в стране удельный вес чистых паров с 28 % в 1950 г. сократился до 3 % в 1963 г.)⁷.

Между тем для сибирского земледелия — особенно для степной и засушливой зон — уже тогда была разработана и выверена многолетним опытом система замечательного хлебороба России Т. С. Мальцева, в основу которой заложен правильный севооборот с чистыми парами и безотвальной обработкой земли. Еще в 1958 г. на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Т. С. Мальцев говорил: «Пар мы считаем основой, фундаментом севооборота, ибо без пара в наших условиях, по крайней мере на данном этапе развития сельского хозяйства, трудно говорить и о подъеме культуры земледелия. Без пара, и пара хорошего, Сибирь может покрыться сорняками»⁸.

Большой урон сельскому хозяйству наносили чуть ли не ежегодные организационные перестройки форм и размеров хозяйства, органов управления и т. п. На конец 50-х — начало 60-х гг. пришелся новый этап укрупнения колхозов и совхозов. В результате с середины 50-х до 1963 г. число колхозов в стране сократилось в 2,3 раза, а посевы совхозов увеличились примерно в 3 ра-

за. Это рассматривалось официальной пропагандой как концентрация производства, а на деле вело к еще большей централизации и снижению его эффективности. Осуществленный в середине 60-х гг. анализ деятельности совхозов привел к выводу, что «обратная связь между интенсивностью и размерами хозяйств... является настолько постоянной и повсеместной, что выступает как определенная закономерность»⁹. К подобным же негативным результатам приводили необоснованное преобразование жизнеспособных колхозов в совхозы, а также курс на ликвидацию многих тысяч сел и деревень, объявленных «неперспективными».

Реорганизации управления сельским хозяйством, создание территориально-производственных и производственных структур, подмена функций советских органов партийными, особенно пагубно проявившаяся с разделением в 1962 г. краевых и областных партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные, усугубляли трудности в развитии деревни. Переоценка реального уровня экономического развития колхозов и совхозов, их технической оснащенности, способности вести расширенное воспроизводство послужила основанием для урезания капитальных вложений в сельское хозяйство, сокращения поставок техники. Скоропалительная — в течение одного года — продажа техники колхозам обременила многие колхозы непосильными платежами, подорвала их экономику и тем самым снизила значение этой прогрессивной меры. Некритическая оценка положения в сельском хозяйстве, неумное восхваление успехов, подчас мнимых, основанных на ложных показателях, приписках и обмане, «сверхпрограммы — догнать и перегнать», необоснованные, неральные планы «крутого подъема» в семилетке, да и на перспективу — конкретные задания по показателям

⁷ Рассчитано по данным: Сельское хозяйство СССР.— М., 1971.— С. 108—109, 114, 136.

⁸ Мальцев Т. С. Раздумья о земле и хлебе.— Новосибирск, 1985.— С. 76.

⁹ Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий.— М., 1965.— С. 49.

роста сельского хозяйства в Программе КПСС, как и провозглашенный в ней лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»¹⁰, — все это было проявлением волюнтаризма в руководстве страной, и сельским хозяйством в частности, значительно снизило эффективность предпринятых прогрессивных новаций в развитии последнего.

Вследствие указанных причин в первой половине 60-х гг. произошло замедление темпов развития сельского хозяйства. Производство валовой продукции сельского хозяйства (среднегодовое) увеличилось в стране с 59,2 млрд руб. в 1956—1960 гг. до 66,3 млрд руб. в 1961—1965 гг., т. е. на 11 % (вместо намеченных по плану семилетки 70 %) ¹¹. В Сибири вследствие ряда причин негативные тенденции проявились сильнее. Сопоставление темпов развития различных отраслей сельскохозяйственного производства в 1953—1958 и 1959—1965 гг. показывает, что производство основных продуктов земледелия, за исключением овощей, снизилось; наметилась тенденция к уменьшению производства технических культур. За 1958—1965 гг. посевы увеличились на 1,1 млн га. Однако это произошло главным образом не за счет распашки новых земель, а за счет сокращения площади паров. В Западной Сибири среднегодовая урожайность зерновых уменьшилась с 10,9 ц/га в 1956—1960 гг. до 7,0 ц/га в 1961—1965 гг. Валовые сборы зерна сократились примерно на 20 %, а заготовки — на 35 %. Замедлились темпы роста животноводства ¹².

Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК партии так оценил противоречивость мероприятий по подъему сельского

хозяйства, проведенных во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг.: «...были сделаны действительно крупные шаги вперед. Но скоро вновь последовало неоправданное вмешательство в деятельность колхозов и совхозов, навязывание им из центра различного рода указаний, проведение надуманных реорганизаций. Систематическое удорожание строительных материалов и других средств производства, реализуемых в сельском хозяйстве, продажа колхозам по высоким ценам техники МТС негативно сказались на состоянии экономики колхозов и совхозов, подорвали процесс расширенного воспроизводства, вновь привели к неэквивалентному обмену.

Именно в этот период стала проводиться в жизнь, по существу, левая концепция отмирания личного подсобного хозяйства, наличие которого якобы тормозило утверждение на селе социалистических отношений. Активизировалась и политика ликвидации так называемых «неперспективных деревень» ¹³.

Важную роль в дальнейшем совершенствовании аграрной политики имели решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» ¹⁴. Проанализировав состояние и методы руководства сельским хозяйством, Пленум определил причины замедления темпов его развития объективного и субъективного характера: нарушение требований экономических законов развития социалистического хозяйства, принципов материальной заинтересованности работников, правильного сочетания общественных и личных интересов, субъективизм в руководстве, приведший к ошибкам в планировании производства и заготовок продукции, финансировании и кредитовании, в по-

¹⁰ Материалы XXII съезда КПСС.— М., 1961.— С. 428.

¹¹ Сельское хозяйство СССР.— М., 1974.— С. 25.

¹² См.: Социально-экономическое развитие советской Сибири: Исторический опыт и современность.— Новосибирск, 1984.— С. 172.

¹³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года.— М., 1989.— С. 44—45.

¹⁴ КПСС в резолюциях...— Т. 10.— С. 426—429.

литике цен. На основе постановления Пленума был разработан комплекс мер по подъему сельского хозяйства, в основу которого положены факторы, связанные с экономическими отношениями между государством и сельскохозяйственными предприятиями, а также внутри колхозов и совхозов.

Среди принятых мер особое значение имело принципиальное изменение порядка планирования и проведения заготовок сельхозпродукции: устанавливались твердые планы закупок на всю пятилетку, колхозы получали право реализовывать излишки товарного зерна по повышенным ценам, новые закупочные цены были существенно повышены, дифференцированы по зонам. Другой важной мерой стало совершенствование отношений распределения внутри колхозов и между колхозами и государством. В соответствии с решением мартовского Пленума ЦК КПСС, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР (от 16 мая 1966 г.) колхозам было рекомендовано с 1 июля 1966 г. ввести гарантированную (деньгами и натурой) оплату труда колхозников исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. При этом подчеркивалось, что «при распределении доходов в колхозах в первую очередь выделяются средства на оплату труда колхозников»¹⁵. Постановление рекомендовало колхозам производить денежную оплату труда колхозников ежемесячно, а натуральную — по мере получения продукции в общественном хозяйстве колхоза. Фонд оплаты труда колхозников запрещалось использовать на другие цели. Для обеспечения гарантии в оплате труда колхозников Госбанку было разрешено предоставлять колхозам в 1966—1970 гг. кредит (при недостатке у них собственных средств) сроком на пять лет. Этот порядок кредитования кол-

хозов на оплату труда был сохранен и в последующие годы. Принятые меры значительно повысили материальную обеспеченность колхозников.

Для дальнейшего развития колхозного производства и решения социальных вопросов деревни важное значение имело изменение порядка распределения колхозного дохода между колхозами и государством через налоговую систему. Был существенно изменен порядок взимания с колхозов подоходного налога: начиная с 1966 г. его начисление стало производиться не с валового дохода, как было прежде, а с чистого дохода колхоза. При новой системе подоходным налогом стала облагаться не вся сумма чистого дохода, а только та его часть, которая остается сверх 15 % рентабельности колхоза (по отношению к себестоимости) и отчислений в централизованный фонд социального обеспечения колхозников. Установленный порядок сократил размер подоходного налога по колхозам страны в два раза. Это увеличило доходы колхозов для собственных нужд, повысило их рентабельность и способствовало росту оплаты труда колхозников.

Существенно повысилось материально-техническое обеспечение и укрепилось финансовое положение колхозов и совхозов. Капиталовложения государства и колхозов выросли в восьмой пятилетке по сравнению с 1961—1965 гг. в 1,6 раза. В порядке оказания финансовой помощи колхозам постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 1 апреля 1965 г. с них была списана задолженность по ссудам Госбанка СССР в сумме до 2010 млн руб. и отсрочена задолженность по авансам, полученным от заготовительных организаций, на сумму до 120 млн руб. Возросли поставки техники и фондовооруженность сельского хозяйства. Изменение порядка планирования заготовок продукции сельского хозяйства, упорядочение цен, введение гарантированной оплаты труда кол-

¹⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 6.— С. 111—112.

хозников, новый порядок взимания с колхозов подоходного налога и государственного кредитования — все это повышало роль экономических методов руководства колхозами и совхозами, способствовало развитию хозрасчетных отношений. «Нужно решительно отказаться,— записано в решении мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС,— от практики администрирования, командования, подмены руководителей и специалистов колхозов и совхозов, искоренять проявления парадности и шумихи»¹⁶. К сожалению, подобная практика руководства сельским хозяйством оказалась живучей, и с ней пришлось вести борьбу не одно десятилетие — вплоть до середины 80-х гг.

В целом решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС оцениваются в современных партийных документах как вторая — после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК — «попытка разработать эффективную аграрную политику... В соответствии с его решениями были осуществлены меры по перераспределению национального дохода в пользу сельского хозяйства и более широкому решению социальных проблем села, использованию экономических методов для развития аграрного сектора, интенсификации колхозно-совхозного производства»¹⁷.

Эти меры встретили поддержку крестьянства, оживили хозяйственную деятельность села. В результате в годы восьмой пятилетки был достигнут наибольший за послевоенный период прирост сельскохозяйственной продукции. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1966—1970 гг. (в среднем за год) по сравнению с 1961—1965 гг. на 27,3 млрд руб., т. е. на 21 %. В Сибири прирост продукции сельского хозяйства составил 20 %, а зерна — 35 %. Однако осуществле-

ние курса, намеченного мартовским Пленумом, происходило недостаточно последовательно. Если в начале 70-х гг. еще продолжался подъем сельскохозяйственного производства (в стране максимальный уровень был достигнут в 1973 г., в Сибири рекордный урожай получен в 1972 г.), то в последующие годы темпы упали, а в растениеводстве произошло даже снижение уровня (в стране показатели растениеводческой продукции превзошли уровень 1973 г. лишь в 1983 г.). В целом прирост валовой продукции в девятой пятилетке хотя и снизился, но был сравнительно высок. Он составил по стране 20,4 млрд руб. (13 %) и был выше, чем во все последующие пятилетия. В Сибири в 1966—1972 гг. среднегодовой объем производства возрос на 11 %; среднегодовые темпы прироста составили 3,7 %, в последующем они резко снизились. В 1976—1980 гг. валовое сельскохозяйственное производство в стране увеличилось менее чем на 9 %, а в Сибири значительно меньше — на 2,5 %. Застойные явления явно преобладали в 1973—1980 гг. В сибирском регионе в этот период среднегодовой темп прироста продукции опустился до 0,5 %, производство зерна, картофеля даже сократилось, а молока, мяса крупного рогатого скота, баранины практически не увеличилось при возрастающем дефиците этих продуктов¹⁸.

Попытки изменить неблагоприятные тенденции в сельском хозяйстве неоднократно предпринимались в 70-е гг. — недостаток в различных решениях директивных органов не было. Назовем лишь некоторые из них. В июле 1970 г. Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства». Пленум сделал вывод, что достигнутый уровень сель-

¹⁶ КПСС в резолюциях... — Т. 10. — С. 428, 432—433.

¹⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 45.

¹⁸ Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник. — М., 1988. — С. 25; Социально-экономическое развитие сибирской деревни (1965—1985 гг.). — Новосибирск, 1987. — С. 10—11.

ского хозяйства не удовлетворял потребности страны. Это была верная констатация, однако полного и глубокого анализа выполнения всего комплекса решений, намеченных мартовским (1965 г.) Пленумом, сделано не было¹⁹. Главный упор при анализе нерешенных вопросов снова делался на объемные показатели роста продуктов сельского хозяйства в земледелии и животноводстве. Сдерживание темпов роста сельскохозяйственного производства связывалось с развитием материально-технической базы колхозов и совхозов: недостатком машин, транспортных средств, минеральных удобрений, с отставанием перерабатывающей промышленности. Техническое переоснащение сельского хозяйства, безусловно, оставалось важнейшей задачей в развитии этой отрасли. Но предшествующий опыт показывал, что рост производства сельскохозяйственной продукции обеспечивался всякий раз не только укреплением материально-технической базы, прежде всего — существенными изменениями экономического механизма хозяйствования, учетом экономических и социальных интересов крестьянина.

Предпринимались попытки решить проблемы интенсификации сельского хозяйства путем широкого развития межхозяйственной кооперации, создания агропромышленных предприятий и комплексов. 28 мая 1976 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции»²⁰. Однако широкого развития межхозяйственные объединения не получили: к началу 80-х гг. они производили лишь около 1 % продукции (в Сибири значительно меньше —

0,1 %) ²¹. Кроме того, курс на специализацию и концентрацию в ряде мест был воспринят как очередная кампания, и это привело к поспешной ликвидации в колхозах и совхозах небольших рентабельных ферм, что обострило дефицит продовольственных продуктов. Оценивая в целом предпринятые в то время шаги, М. С. Горбачев отмечал, что «эта мера — в принципе в общем-то правильная — была выдвинута в отрыве от реального положения. Значительная часть средств, направляемых в село, тратилась на строительство дорогостоящих объектов, загонялась в „стены“, вместо того чтобы направить их на повышение плодородия земель, механизацию производства, социальное переустройство деревни. В конечном счете затраты зачастую оборачивались не экономическим выигрышем, на который рассчитывали, а большими потерями»²².

В течение 70-х гг. партией и правительством принимались и другие меры по экономическому развитию колхозов и совхозов: повышались закупочные цены на продукты сельского хозяйства, расширялись работы по мелиорации земель и их хозяйственному освоению, делались шаги к улучшению планирования и организации строительства животноводческих комплексов и птицефабрик, повышению эффективности использования и улучшению хранения сельскохозяйственной техники в колхозах и совхозах, к развитию личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих и др.²³

Отдельные частичные меры по экономическому вопросам развития сельского хозяйства не могли изменить ситуацию в целом, с их помощью невозможно было преодолеть замед-

²¹ Социально-экономическое развитие сибирского села.— Новосибирск, 1987.— С. 168.

²² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года.— С. 45—46.

²³ См.: Ленинская аграрная политика КПСС: Сб. важнейших документов (март 1965 г. — июль 1978 г.).— М., 1978.

¹⁹ См.: КПСС в резолюциях...— М., 1986.— Т. 11.— С. 531—539.

²⁰ КПСС в резолюциях...— М., 1987.— Т. 13.— С. 96—109.

ление темпов роста сельскохозяйственной продукции. Решающие направления аграрной политики по интенсификации производства в колхозах и совхозах, по переводу их на полный хозяйственный расчет не получали повсеместно реального воплощения, их реализация чаще всего ограничивалась полумерами и поэтому не могла дать ожидаемого результата в повышении эффективности сельскохозяйственного производства.

В эти же годы был принят ряд специальных постановлений партии и правительства по вопросам социального развития деревни²⁴, но они касались лишь частных проблем и не давали целостной оценки складывавшейся ситуации, не вели к коренному повороту социальной политики в деревне на основе качественных перемен социально-экономического развития всего агропромышленного комплекса.

Многие трудности и недостатки в развитии сельского хозяйства на исходе 70-х гг. были вскрыты в решениях июльского (1978 г.) Пленума ЦК партии, рассмотревшего вопрос «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР»²⁵. Среди причин, сдерживающих темпы развития сельского хозяйства, в постановлении июльского Пленума указывались недостаточное обеспечение колхозов и совхозов современной техникой, минеральными удобрениями, средствами защиты растений; неэффективное использование капитальных вложений; отставание производства кормов для животноводства; слабость мощностей перерабатывающей промышлен-

ности. Все это действительно имело место, но не это было главным, не это сдерживало развитие сельского хозяйства в 70-е гг.

Главная причина замедленных темпов роста сельского хозяйства коренилась в том, что экономические методы в управлении сельским хозяйством снова стали подменяться нажимно-административными, сковывающими самостоятельность и инициативу трудовых коллективов в колхозах и совхозах, подрывающими их творческую активность и заинтересованность в эффективном ведении сельского хозяйства. В реальной практике, вопреки решениям мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, твердые планы закупок сельскохозяйственной продукции на пять лет снова ежегодно изменялись без учета потребностей самого хозяйства, цены на промышленные средства производства для колхозов и совхозов повышались без учета уровня цен на продукты сельского хозяйства. Все это сдерживало экономический рост в аграрном секторе народного хозяйства, вызывая негативные явления в воспроизводственном процессе в целом. Сдерживалось развитие и социальной сферы в деревне, которая долгие годы оставалась на втором плане. Накапливались факторы, не ускоряющие социально-экономическое развитие, а сдерживающие его. Это наглядно проявилось в практике списания задолженности с колхозов и совхозов. Выше уже говорилось о списании долга в 1965 г., в 1978 г. снова списывается долг — уже в сумме 7,8 млрд руб.²⁶ Это значит, что число нерентабельных хозяйств не уменьшалось, а решения о переводе совхозов на полный хозрасчет и укреплении хозрасчетных отношений в колхозах, принятые в конце 60-х гг., оставались невыполненными. Нерентабельные хозяйства привыкли жить за счет государственного кредита, не заботясь о его возврате.

²⁴ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве» (14 апреля 1971 г.); постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» (10 ноября 1977 г.) и др. (см.: Ленинская аграрная политика КПСС...— С. 321—325, 645—651).

²⁵ См.: КПСС в резолюциях...— Т. 13.— С. 263—276.

²⁶ См.: Ленинская аграрная политика КПСС...— С. 124.

У части хозяйственных руководителей вырабатывалась психология иждивенчества, а не социалистическая предприимчивость в ведении общественного производства.

Нельзя сказать, что эти негативные явления не замечались. На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС в принятом постановлении, наряду с задачами по увеличению производства продуктов сельского хозяйства, по укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов, вновь указывалось, что основным направлением аграрной политики на современном этапе является интенсификация сельскохозяйственного производства, повышение его эффективности. Отмечалось, что необходимо «ликвидировать множественность планов» по закупкам продукции сельского хозяйства и утверждать колхозам и совхозам единый твердый план закупок на пять лет, что надо обеспечить улучшение системы стимулирования труда и производства, ввести обоснованные цены на продукты сельского хозяйства и промышленные средства производства для колхозов и совхозов, что необходимо повести настойчивую борьбу против потерь, за экономию и бережливость. Боевым лозунгом всех тружеников сельского хозяйства и работников связанных с ним отраслей должен стать «стратегический лозунг партии — борьба за эффективность и качество». Необходим «крутой поворот» к делу переустройства села, улучшению жилищных условий, культуры и быта деревни.

Однако и на этот раз последовательного и строгого выполнения на деле принятых решений достичь не удалось. Не хватало смелой и глубокой критической оценки возникших застойных явлений, накапливающихся трудностей и нерешенных проблем в социально-экономическом развитии страны в целом и в агропромышленном комплексе в том числе. Это касалось и теории, и социально-экономической практики. Нужны были глубокие перемены экономическо-

го и социального механизма управления развитием сельского хозяйства в условиях интенсификации общественного производства на базе научно-технического прогресса, нужны были радикальные меры по углублению и расширению социалистического демократизма в производстве и социальной практике. К сожалению, это не было сделано. В постановлении январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС говорится, что «на рубеже 70—80-х годов страна стала терять темпы движения вперед. В экономике, социальной и духовной сферах начали накапливаться трудности и нерешенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления»²⁷.

Негативные, застойные процессы особенно рельефно проявились в сельском хозяйстве и в целом в аграрно-промышленном комплексе (АПК). В конце 70-х — начале 80-х гг. ситуация в сельском хозяйстве все более принимала кризисные формы. Объем производства снижался: в 1979—1982 гг. он был ниже, чем среднегодовой за десятую пятилетку. Если в 1970 г. уровень рентабельности колхозного производства составлял +34 %, а совхозного +22 %, то в 1980 г. колхозы и совхозы оказались убыточными (-0,4 и -1,2 %). В Сибири также наблюдались регрессивные процессы: в 1981—1982 гг. объем производства сократился на 3,1 % в расчете на год. Уровень рентабельности в колхозах Западной Сибири в 1970 г. составлял +32,7 %, а в 1980 г. -2,6 %, в Восточной Сибири — соответственно +25,3 и -15,5%²⁸.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве к началу 80-х гг., требовала принятия безотлагательных мер, способных приостановить дальнейшую деградацию аграрного

²⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. — М., 1987. — С. 74—75.

²⁸ Сельское хозяйство СССР. — М., 1988. — С. 25, 448, 459. Данные по Сибири — расчетные.

производства. На это была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная на период до 1990 г. В ней ставилась задача значительно увеличить производство всех видов сельскохозяйственной продукции и на этой основе обеспечить «устойчивое снабжение населения всеми видами продовольствия, существенно улучшить структуру питания советских людей за счет наиболее ценных продуктов» и тем самым добиться самообеспечения страны продовольственными и фуражными ресурсами, «иметь необходимые государственные резервы зерна и ресурсы его для экспорта»²⁹.

В целях реализации Продовольственной программы партия ввела в действие комплекс политических, экономических, социальных и организационных мер. Был взят курс на всемерное ускорение технического оснащения материальной базы сельского хозяйства, особенно отраслей перерабатывающей промышленности, на осуществление в широких масштабах химизации и мелиорации земель, на внедрение в практику колхозов и совхозов достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта. Намечались также меры по социальному переустройству села, улучшению культурно-бытовых условий жизни сельских тружеников. До 1990 г. планировалось осуществить комплекс мероприятий, направленных на повышение материального благосостояния колхозников, расширение масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшение медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Реорганизовывалась система управления и руководства сельскохозяйственными предприятиями, всем агропромышленным комплексом. Впервые АПК выделялся как единый самостоятельный объект управления и планирования. Для руководства

агропромышленным комплексом на всех уровнях, снизу доверху, создавались новые органы управления.

Однако, как справедливо отмечалось М. С. Горбачевым, «решения майского Пленума несли в себе и печать времени, имели компромиссный, половинчатый характер»³⁰. Сказалась инерция старого подхода к решению наболевших проблем развития сельского хозяйства, проявилась боязнь отступить от изживших себя форм и методов хозяйственной политики. Намеченные меры явились лишь началом коренной реорганизации хозяйственного механизма АПК. Все организации, входившие в районные агропромышленные объединения (РАПО) наряду с колхозами и совхозами, сохраняли свою ведомственную подчиненность и полную юридическую самостоятельность, что не позволило преодолеть элементы ведомственности и групповщины в реализации экономических интересов партнеров по АПК. Суть экономических противоречий между партнерами по АПК не была в полной мере раскрыта, условия для их преодоления не созданы, несмотря на целый ряд экономических мер, осуществленных в соответствии с решениями майского Пленума ЦК КПСС. По существу это были лишь частичные меры по оздоровлению экономики колхозов и совхозов; они не меняли в целом ситуацию в аграрном секторе, механизм управления остался, по сути дела, прежний. В течение нескольких последующих лет неоднократно делались попытки в рамках незавершенной структуры управления найти приемлемые для всех партнеров по АПК формы реализации их экономических интересов, но к кардинальным сдвигам они не привели, так как осуществлялись в рамках изжившей себя внеэкономической системы хозяйствования.

С принятием Продовольственной программы начался новый этап аг-

²⁹ КПСС в резолюциях...— М., 1987.— Т. 14.— С. 279, 281.

³⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года.— С. 46.

рарной политики, были заложены основы для позитивных перемен в деревне, которые в дальнейшем получили развитие в решениях апрельского (1985 г.) и последующих пленумов ЦК, XXVII съезда и XIX партконференции. Предпринятые после майского (1982 г.) Пленума меры позволили лишь приостановить сползание сельского хозяйства к кризису и добиться некоторого подъема производства. Среднегодовой объем продукции сельского хозяйства за пятилетие (1983—1987 гг.) возрос по сравнению с 1978—1982 гг. на 10,8 %, производство мяса увеличилось на 14,4, молока — на 8,8 %. Среднегодовой темп прироста продукции сельского хозяйства по сравнению с предыдущим годом был невысок: в 1983 г. +6,2 %, в 1984 г. +0,2, в 1985 г. +0,2, в 1986 г. +5,3, в 1987 г. —0,6 % (в 1988 г. прироста также не произошло). Среднегодовой объем продукции сельского хозяйства за 1986—1988 гг. должен был превысить уровень предыдущей пятилетки на 11,5 %, а фактический прирост составил около 9 %. Таким образом, задания двенадцатой пятилетки по производству продукции сельского хозяйства не выполнялись. Академик ВАСХНИЛ А. М. Емельянов, анализируя данные, свидетельствующие о невыполнении плановых заданий, делает вывод: «Эти цифры важны для оценки обнародованных на весь мир планов, оценки того, как наша реальность расходится с планами, а наши слова, провозглашенные на самом высоком партийном и государственном уровне, — с практическими делами»³¹.

В Сибири наблюдалась та же тенденция. В течение трех пятилеток — с 1966 по 1980 г. — прирост продукции сельского хозяйства был здесь значительно ниже, чем в среднем по стране, причем это отставание увеличивалось (в 1976—1980 гг. продукция в регионе возросла на 2,3 %,

а в стране — на 9,0 %). Чтобы поправить положение, в апреле 1982 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и в Курганской области», в котором ставилась задача увеличения в ближайшие годы урожайности основных сельскохозяйственных культур на 30—40 %³². Комплекс мер по усилению средств интенсификации, осуществленный на основе этого постановления, первоначально несколько оживил рост производства: в 1981—1985 гг. прирост сравнялся в Сибири с общесоюзным уровнем и составил 5,5 %, а за 1986—1987 гг. даже несколько превзошел его (соответственно 10,6 и 8,5 %)³³. За 1983—1987 гг. среднегодовой прирост валовой продукции сельского хозяйства Сибири составил 3,9 %. Несмотря на сравнительно высокие его темпы, в целом говорить об устойчивом подъеме преждевременно. Так, в 1986 г. валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в Западной Сибири по сравнению со среднегодовым показателем 1981—1985 гг. до 114,5 %, в Восточной Сибири — до 111,0 %; однако уже в 1987 г. произошел некоторый спад по сравнению с предыдущим годом, по отношению к которому уровень производства составил по регионам соответственно 97,9 и 98,4 %³⁴. В 1988 г. существенного прироста также не произошло. Это свидетельствует о том, что кризисные явления в сельском хозяйстве как в Сибири, так и в стране в целом еще не преодолены. Такой вывод содержится в материалах первого Съезда народных депутатов СССР

³² Правда. — 1982. — 21 апр.

³³ Темп был существенно ниже запланированного в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР, это ставило под вопрос возможность выполнения постановления, на что уже указывалось в литературе (см.: Социально-экономическое развитие сибирского села. — С. 165).

³⁴ Рассчитано по данным Агропрома РСФСР.

³¹ Вопросы экономики. — 1989. — № 1. — С. 6.

(май — июнь 1989 г.) — в Обращении группы народных депутатов-аграрников, поддержанном съездом, и в других документах. В Постановлении съезда говорится: «Процесс перестройки осуществляется трудно, противоречиво, положение в стране остается сложным и напряженным. Она еще не вышла из кризиса... острыми остаются продовольственная и жилищная проблемы»³⁵.

Острые кризисные явления в экономике, в том числе и в сфере АПК, нерешенность многих социальных проблем, «нарастание социальной напряженности, неудовлетворенность ходом перестройки у большинства членов общества» отмечались в докладе Н. И. Рыжкова на втором Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.)³⁶, а также в других документах съезда.

Начиная с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК Коммунистическая партия неоднократно во многих документах и на разных форумах подвергала обстоятельному анализу экономическое развитие страны и его важнейшую, приоритетную составную часть — продовольственный комплекс, предпринимала поиски выхода из создавшегося кризисного положения³⁷. Со временем этот анализ углублялся. На XIX Всесоюзной партийной конференции (июнь — июль 1988 г.) продовольственная проблема рассматривалась как «самая болевая точка в жизни общества, самая острая проблема»³⁸. Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, исходя из того, что аграрная политика — «это ведущее направление всего нашего политического курса, органическая часть революционной

перестройки»³⁹, разработал основы современной аграрной политики партии. В документах Пленума более развернуто и глубоко были вскрыты «корни нынешней острейшей ситуации в нашей деревне», причины затянувшегося кризиса в сельском хозяйстве. При этом анализировались как исторически сложившиеся причины, так и ошибки, допущенные в ходе перестройки.

Пленум констатировал, что исторические корни затянувшегося кризисного состояния сельского хозяйства проистекают из волюнтаристского характера осуществления сплошной коллективизации, в ходе которой были грубо нарушены ленинские принципы развития кооперации (добровольность, демократизм, многообразие форм, постепенность, материальная заинтересованность) и тем самым значительно деформирован тип созданных социалистических сельскохозяйственных предприятий. Грубейшие отступления от ленинского курса обернулись большими издержками социального, экономического и нравственного характера, наложили негативный отпечаток на последующие этапы развития сельского хозяйства, вели к нарастанию командно-административных методов руководства. Административно-командная система с ее диктатом и принуждением сковывала инициативу и предприимчивость крестьян, лишала колхозы и совхозы элементарных демократических норм самоуправления, необоснованно изымала у них значительную часть денежных и материальных ресурсов, нарушала эквивалентность обмена между городом и деревней и тем самым подрывала основы расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве, вела к отчуждению тружеников села от земли и других средств производства. Такой путь развития навязывался на десятилетия, в принципе он носил антикрестьянский характер и был

³⁵ Правда. — 1989. — 25 июня.

³⁶ Там же — 14 дек.

³⁷ См.: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 марта 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны» // Собрание постановлений Правительства СССР. — М., 1986. — № 17. — С. 267—291; и др.

³⁸ XIX Всесоюзная конференция КПСС: Стеногр. отчет. — М., 1988. — Т. 1. — С. 23.

³⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 35.

чужд социализму. М. С. Горбачев в докладе на Пленуме отмечал, что «жизнь не раз ставила вопрос о ликвидации тормозящих факторов, созданных в результате жесткой регламентации хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, об отказе от командных методов управления аграрным сектором, о восстановлении ленинских принципов по отношению к крестьянству»⁴⁰.

Поиски перехода от авторитарного, волюнтаристского правления к относительно демократическим, коллективистским методам хозяйствования были осуществлены после сентябрьского (1953 г.) и мартовского (1965 г.) пленумов ЦК КПСС. Однако «предпринимавшиеся попытки изменить аграрную политику, — говорится в постановлении мартовского Пленума, — отказаться от административно-командной системы руководства, повысить экономическую заинтересованность тружеников села были неполными и непоследовательными, они давали лишь временный эффект»⁴¹. Продолжались они примерно 5—7 лет, после чего все возвращалось на «круги своя».

Меры, принятые после 1982 г., явились новой попыткой отойти от административно-командных методов, но лишь после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК партии новое политическое руководство страны взяло решительный курс на их преодоление. Разработка этого курса — становление экономических отношений в аграрной сфере и в управлении ею — проходит сложно, противоречиво. Это отмечалось на апрельском Пленуме и в последующих директивных документах. «Перестройка экономических отношений на селе, — говорил М. С. Горбачев в докладе на первом Съезде народных депутатов, — переход на новые условия хозяйствования идут с большим трудом, встречают недопонимание, а нередко и прямое сопротивление»⁴².

Преодолевая закостенелые догмы, а также прямое сопротивление, Советы всех уровней ведут напряженный поиск наиболее целесообразных путей перехода к новой системе хозяйствования. Из критического анализа предшествующей аграрной политики извлекаются уроки, главные из которых состоят в том, чтобы полностью преодолеть командно-административные методы, добиться включения широких масс крестьянства в преобразовательные процессы путем подлинного самоуправления, свободы выбора форм хозяйствования, установления экономически обоснованных, справедливых отношений между городом и деревней, между аграрным и другими секторами экономики, приоритетного материально-технического перевооружения сельского хозяйства, коренного улучшения социальных условий жизни села.

Советским государством определены основные пути преодоления кризисного состояния аграрно-промышленного комплекса. Ключевой вопрос современной аграрной политики — коренное преобразование экономических отношений в деревне, в основу которых должны быть положены последовательный переход колхозов, совхозов и других предприятий агропромышленного комплекса на принципы хозяйственного расчета и самофинансирования, создание равноправных условий для развития и свободного соревнования многообразных форм социалистической собственности и хозяйствования (исключающих эксплуатацию и отчуждение работника от средств производства): колхозов, совхозов, агропромышленных комбинатов и агрофирм, арендных коллективов, кооперативов, индивидуальных трудовых крестьянских хозяйств, личных подсобных хозяйств граждан. Особая роль отводится развитию различных форм арендных отношений. Осуществляемые на строго добровольной и долгосрочной основе, они призваны вернуть человека на землю, дать ему в руки средства про-

⁴⁰ Там же. — С. 42—43.

⁴¹ Там же. — С. 87.

⁴² Правда. — 1989. — 31 мая.

изводства, сделать его подлинным хозяином и тем самым пробудить личный интерес труженика, усилить его материальную заинтересованность в наращивании продукции сельского хозяйства.

Предпринимаются меры по освоению нового хозяйственного механизма на всех уровнях производства, управления и планирования. Всем формам хозяйствования «должно быть предоставлено право самостоятельно... определять структуру производства, объемы продажи продукции, другие производственные и экономические показатели, а также распоряжаться по своему усмотрению произведенной продукцией и хозрасчетным доходом»⁴³. Стержнем нового хозяйственного механизма, способным поставить экономику на прочный фундамент, является создание взаимосвязанной системы цен на продукцию агропромышленного комплекса, ориентирующей все его звенья на достижение высоких конечных результатов на принципах хозрасчета и самофинансирования. В проведении политики цен должен быть обеспечен долгое время поспирившийся ценовой паритет в обмене между двумя решающими сферами народного хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством, обеспечивающий эквивалентные отношения между ними.

В соответствии с коренной перестройкой экономических отношений на смену действовавшим длительное время органам управления АПК, которые, несмотря на многократное изменение форм, обладали директивными функциями и действовали командно-административными методами, по инициативе снизу, демократическим путем создаются новые хозяйственные образования — советы, союзы, ассоциации и объединения, призванные на кооперативных началах обеспечивать обслуживание производства и его управление.

Приоритетное развитие агропромышленного комплекса требует устойчивого и возрастающего выделения необходимых финансовых, кредитных и материальных ресурсов. Необходимо наращивать обеспечение сельского хозяйства системой высокопроизводительных машин и оборудования с целью внедрения новейшей технологии ресурсосберегающего, малоотходного и безотходного типов. Изменение структуры инвестиций должно привести к преимущественному направлению капиталовложений в социальную сферу, а также на предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции.

Намечена на 1989—1995 гг. и начала осуществляться целевая программа социального переустройства села: первоочередного жилищного строительства, развития торговли, коммунального хозяйства, всей инфраструктуры, особенно дорог. Выполнение намеченной комплексной программы развития агропромышленного комплекса позволит преодолеть недопустимо затянувшееся решение продовольственной проблемы и «в тринадцатой пятилетке обеспечить производство сельскохозяйственных продуктов, достаточное для устойчивого продовольственного снабжения населения»⁴⁴.

В разработанной партией программе приоритетного решения продовольственной проблемы важная роль принадлежит Сибири. Современная Сибирь — это не только край крупной индустрии, основная топливно-энергетическая база страны, но и важный сельскохозяйственный район. На всех этапах социалистического строительства роль сибирского сельского хозяйства в создании общесоюзного продовольственного фонда была весьма существенной. Основные сельскохозяйственные районы — Омская и Новосибирская области, Алтайский край — не только обеспечивают свои собственные потребности, но и вносят большой

⁴³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 88—89.

⁴⁴ Там же. — С. 86.

вклад в снабжение продукцией других районов страны. Так, Омская область с двухмиллионным населением в середине 80-х гг. ежегодно производила продукции столько, что могла обеспечить зерном (исходя из сложившихся норм потребления) почти 17 млн чел., молоком — около 4 млн и мясом — 3 млн чел.⁴⁵ Хотя в последнюю четверть века удельный вес сельскохозяйственной продукции региона в общесоюзном продовольственном комплексе несколько сократился (с 8,5 % в 1960—1965 гг. до 7,7 % в 1981—1985 гг.), Сибирь по-прежнему остается важным сельскохозяйственным районом страны. В 1981—1985 гг. ее удельный вес в производстве зерна в РСФСР составлял около 20 %, молока и мяса — примерно 18 % (в населении — около 16 %)⁴⁶.

В связи с бурным развитием в Сибири индустрии, особенно топливно-энергетического комплекса, происходит быстрый рост городского населения, что требует ускорения темпов подъема сельскохозяйственного производства. От этого зависят успех дальнейшего освоения региона, обеспечение высоких темпов развития всей его экономики, преодоление отставания социальной сферы, подъем материального благосостояния трудящихся и решение проблемы трудовых ресурсов.

Сибирь располагает широкими возможностями для дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства: здесь сосредоточено около 30 % земельных ресурсов страны, 10,5 % сельскохозяйственных угодий, 13 % пашни; юго-западная зона региона (Алтайский край, Омская и Новосибирская области) имеет благоприятные природно-климатические условия для развития сельского хозяйства. Народнохозяйственные затраты на производство основных продуктов сельского хо-

зяйства в Сибири ниже общесоюзных показателей или примерно равны им, а производительность труда здесь традиционно выше. Сохраняющаяся высокая эффективность производства зерна, картофеля, животноводческой продукции, крупные резервы роста урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота за счет средств интенсификации дают реальную основу для достижения в ближайшей перспективе опережающих темпов развития сельского хозяйства и приоритетного обеспечения продуктами питания жителей региона. Сибирь с ее огромными природными, в том числе земельными, богатствами может и должна внести весомый вклад в решение продовольственной проблемы в стране.

Ретроспективный анализ развития сельского хозяйства, положения крестьянства Сибири имеет важное значение не только для науки, но и для практики. За последние три десятилетия в Сибири накоплен богатый и разнообразный опыт сельскохозяйственного освоения новых территорий, перехода от экстенсивного пути развития сельскохозяйственного производства на путь интенсификации, сочетания разных форм организации производства — колхозов, совхозов, межхозяйственных агропромышленных объединений, научно-производственных комплексов, арендных коллективов, ЛПХ, крестьянских хозяйств. Здесь проведены социальные эксперименты по организации и стимулированию труда, в частности, сочетанию коллективного и арендного подряда с полным хозрасчетом, управлению АПК на кооперативных началах, взаимодействию академической и отраслевой науки и их влиянию на развитие села. Этот опыт при общности основных закономерностей развития, характерных для всей страны, имеет много своеобразных черт, он в известной мере уникален. Для разработки конкретной научно обоснованной программы развития сельскохозяйственного производства на пер-

⁴⁵ Правда. — 1986. — 1 марта.

⁴⁶ Рассчитано по данным сборников «Народное хозяйство РСФСР» за соответствующие годы.

спективу необходимо изучение основных тенденций и особенностей развития производительных сил и производственных отношений на предыдущих исторических этапах; правильная оценка исторического опыта поможет избежать ошибок в будущем и выработать оптимальные пути и средства ускорения темпов подъема сельского хозяйства.

Изучение процессов развития сельского хозяйства за последние три десятилетия закономерно привлекает внимание исследователей-обществоведов. Это определяется совокупностью причин: сложностью и противоречивостью этих процессов на различных этапах, их непосредственной связью с задачами сегодняшнего дня и с расчетами на перспективу, проявлением наряду с достижениями негативных тенденций и застойных явлений, которые наглядно обозначились в 70-х и начале 80-х гг., трудностью выработки курса на преодоление административно-командных методов и замену их экономическими, перехода от экстенсивного развития на последовательную интенсификацию производства. Тесная связь рассматриваемой темы с задачами сегодняшнего дня и с перспективами развития послужила главной причиной того, что наряду с историками исследования вели экономисты, социологи, демографы, а также представители сельскохозяйственной науки. Усиление интеграционных связей общественных наук — закономерный процесс, особенно при изучении современных проблем. Поэтому при оценке степени изученности того или иного вопроса следует учитывать достижения и недостатки обществоведения в целом.

Историография деревни 60—80-х гг. находится в процессе становления; она развивалась вместе с происходившими событиями и по непосредственным их следам, на ее концепциях в большой мере лежит печать времени господствовавших политических доктрин. На протяже-

нии рассматриваемого периода многие концепции видоизменялись, но решающий поворот в оценке исторического прошлого произошел лишь в середине 80-х гг., в условиях перестройки всех сторон жизни советского общества, утверждения гласности и открытости, когда обществоведение стало решительно раскрепощаться от довлевших над ним догм и стереотипов. Новый период в историографии, по сути дела, только начинается, и крупных исторических трудов по истории советской деревни 60—80-х гг. еще не создано.

Однако за последние 30 лет написано множество работ разных форм, посвященных либо отдельным периодам истории деревни, либо отдельным проблемам в разных хронологических рамках. Историографический анализ многочисленной и разнообразной литературы неоднократно предпринимался исследователями⁴⁷. Из монографических работ следует выделить труды В. Б. Островского, П. И. Симуша, А. П. Тюриной, в которых рассматривается широкий круг проблем социально-экономического развития деревни на протяжении сравнительно длительного исторического периода⁴⁸.

⁴⁷ Данилов В. П. Проблемы истории советской деревни в 1946—1970 гг. (Очерки историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы.— М., 1972; Волков И. М., Вылцан М. А., Данилов В. П. и др. Советская историография социалистического преобразования деревни и развития сельского хозяйства // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС.— М., 1978.— Вып. 1: Советский период; Волков И. М., Вылцан М. А. Советская деревня на современном этапе.— История СССР.— 1979.— № 2; Волков И. М., Дмитренко В. П., Зеленин И. Е., Кабанов В. В. Аграрная история советского общества // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами партии.— М., 1982; Волков И. М., Зеленин И. Е., Кострикин В. И. Изучение проблем аграрной истории советского общества в 1980—1984 гг. // Изучение истории советского общества в 1980—1984 годах.— М., 1985; и др.

⁴⁸ Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии и ее социально-экономические результаты.— М.,

По сибирской аграрной проблематике также имеются историографические обзоры⁴⁹. Историками Сибири разработаны в основном такие темы, как деятельность партийных и других общественных организаций на селе, колхозное и совхозное строительство, динамика сельскохозяйственного производства, социальная структура деревни, формирование кадров сельского хозяйства, социалистическое соревнование, причем преимущественно в рамках узких хронологических периодов и на локальной территории⁵⁰. Создана серия тематических сборников научных работ по различным проблемам истории сибирской деревни⁵¹. Особо следует выделить тематический сборник «Социально-экономическое развитие советской Сибири», один из разделов которого посвящен закономерностям и особенностям социаль-

но-экономического развития советской сибирской деревни⁵². В нем предпринята попытка показать значение ретроспективного анализа исторического опыта (в частности, его уроков) для решения задач сегодняшнего дня и определения перспектив развития сельского хозяйства. Однако в целом следует констатировать, что изучение всего комплекса рассматриваемых проблем — отстающий участок исторической науки. По этой проблематике преобладают работы малых форм (статьи, тезисы); опубликована единственная монография А. А. Саункина⁵³, которая ограничена как в хронологических рамках, так и по комплексу рассматриваемых проблем, имеются также курсы лекций по вопросам социально-экономического и культурного развития современной деревни⁵⁴.

Большой вклад в разработку проблем современной сибирской деревни

1967; Он же. Новый этап в развитии колхозного строя.— М., 1977; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства.— М., 1976.— Он же. Облик хозяина земли: Новейшие и традиционные черты.— М., 1987; Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни (1965—1980).— М., 1982; и др.

⁴⁹ См.: *Историография крестьянства советской Сибири*.— Новосибирск, 1976; *Гущин Н. Я., Московский А. С., Соскин В. Л.* *Историография Сибири (советский период)*.— Новосибирск, 1980; *Гущин Н. Я.* *Исторический опыт сельскохозяйственного освоения советской Сибири. (Проблемы и задачи изучения)* // *Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии*.— 1986.— № 14, вып. 3; Он же. Тенденции социально-экономического развития сибирской деревни. Середина 50-х — середина 80-х гг. (*Историография*) // *Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири*.— Новосибирск, 1988.— Вып. II: Советский период; и др.

⁵⁰ *Тонаевская Н. С.* *Рабочие совхозов Западной Сибири. 1959—1965 гг.*— Новосибирск, 1978; *Казанцев В. И.* *Формирование сельскохозяйственных трудовых ресурсов*.— Барнаул, 1980; *Гущин Н. Я.* *Основные этапы и тенденции развития сельскохозяйственного производства Сибири за годы Советской власти (1917—1975)* // *Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук*.— 1981.— № 6, вып. 2; и др.

⁵¹ *Социально-политическое развитие советской сибирской деревни*.— Новосибирск,

1980; *Социально-культурное развитие советской сибирской деревни*.— Новосибирск, 1980; *Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому образованию и развитию деревни*.— Новосибирск, 1982; *Развитие сельскохозяйственного производства Сибири в условиях социализма. 1938—1980 гг.*— Новосибирск, 1983; *Социальная структура сибирской деревни в период строительства и совершенствования развитого социализма*.— Новосибирск, 1984; *Социально-экономическое развитие сибирской деревни (1965—1985 гг.)*.— Новосибирск, 1987; *Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни*.— Новосибирск, 1988; и др.

⁵² *Социально-экономическое развитие советской Сибири: Исторический опыт и современность*.— Новосибирск, 1984.— С. 153—216 (статьи Н. Я. Гущина, А. А. Носкова, В. И. Еськова, С. Б. Орлова).

⁵³ *Саункин А. А.* *Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за интенсификацию сельскохозяйственного производства в 1959—1971 гг.*— Чита, 1977.

⁵⁴ *Гущин Н. Я.* *Основные этапы, закономерности и особенности преобразования социальной структуры сибирской деревни (1917 — конец 1970-х гг.)*.— Новосибирск, 1982; *Дремова Л. И.* *Социально-экономическое развитие сибирской колхозной деревни в период развитого социализма*.— Новосибирск, 1982; *Она же.* *Культурное развитие современной сибирской деревни*.— Новосибирск, 1986.

внесли экономисты под руководством академика Т. И. Заславской. В их трудах обстоятельно исследован широкий круг проблем, характеризующих в совокупности систему социально-экономических отношений в деревне: закономерности развития сельского населения и трудовых ресурсов (миграции, социальные проблемы труда и занятости, расселение сельских жителей и т. п.), тенденции изменения различных сторон сельского образа жизни, социальное переустройство села, повышение материального благосостояния и уровня духовного развития населения, совершенствование экономического механизма хозяйствования и др. По инициативе ИЭОПП СО АН СССР периодически, с интервалом в пять лет (1967, 1972, 1977 и 1982 гг.), проводятся комплексные социолого-статистические обследования западно-сибирского села, которые дополняются в промежуточные годы частными обследованиями (бюджет времени сельского населения, отношение работников к действующему хозяйственному механизму и др.)⁵⁵. Результаты исследований экономистов наряду с научными трудами отражены в материалах регулярно проводимых всесоюзных конференций по развитию производительных сил Сибири. Большое значение одной из них — «Развитие производительных сил Сибири и задачи научно-технического прогресса в регионе» (1985 г.) — не раз отмечалось в документах Коммунистической партии и Советского правительства; рекомендации конференции использованы при разработке «Основных на-

⁵⁵ Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. — Новосибирск, 1977; Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. — Новосибирск, 1979; Проблемы социально-экономического развития западно-сибирской деревни. — Новосибирск, 1981; Смирнов В. Д. Социально-экономический эксперимент в колхозе. — Новосибирск, 1986; Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск, 1987; и др.

правлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года»⁵⁶.

Многие вопросы развития производительных сил и отдельных отраслей производства в различных регионах и зонах Сибири, рационального использования ресурсного потенциала, средств и способов осуществления курса на интенсификацию разрабатываются представителями сельскохозяйственной науки⁵⁷.

Отмечая некоторые достижения историографии, следует со всей определенностью подчеркнуть, что многие сложные проблемы социально-экономического и общественно-политического развития деревни в 60—80-е гг. слабо изучены как на общесоюзном, так и на региональном сибирском материале. Более того, в освещении многих процессов допущена вульгаризация на потребу политических доктрин того времени, многие исторические работы лишены исследовательского начала и сводятся к простому комментированию постановлений партии и правительства, к неудержному восхвалению их, к голой конъюнктурщине. Нельзя не согласиться с выводами историка-аграрника А. П. Тюриной: «На состояние исторической науки в 60—70-х годах большое влияние оказала политическая концепция развития советского общества, сформулированная в конце 50-х — начале 60-х годов. Упрощенные представления о строительстве коммунистического общества, сроках решения таких программных целей, как стирание существенных различий между городом и деревней, преодоление классового характера советского общества, тиражируемые в политических документах тех лет, оказывали не-

⁵⁶ См.: Горбачев М. С. Избранные статьи и речи. — М., 1985. — С. 246.

⁵⁷ Развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока. — М., 1980; Направления развития продовольственного комплекса Сибири. — Новосибирск, 1985; Ресурсный потенциал агропродуктивных систем Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986; и др.

посредственное давление на развитие науки...

Давление на историческую мысль особенно усилилось в 70-е гг., когда обстановка застоя и парадности захлестнула всю общественно-политическую жизнь, когда для создания ложных авторитетов на службу были поставлены приписки, очковтирательство, обман общественности. В этих условиях для критического осмысления действительности, для выявления реально существующих противоречий, для осознания истинных причин негативных явлений во всех сферах жизни страны просто не было места. Потребность в исторической правде оказалась дозированной. Творческое развитие исторической науки было ограничено, ее выводы и оценки должны были обязательно укладываться в определенные схемы, а все, что не укладывалось, отсекалось цензурными ножамицами разного уровня»⁵⁸.

Этот вывод соответствует партийным оценкам периода перестройки. Так, в докладе на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что из политической практики и теории «ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию»⁵⁹.

Суровая критическая оценка обществоведения не зачеркивает напрочь историографию 60-х — начала 80-х гг. Историческая наука накапливала факты, исследовательская мысль хотя и тормозилась, но по ряду направлений развивалась поступательно, совершенствовалась исследовательская методика: стали шире проводиться социологические обследования, применяться математические методы и т. п. Начавшийся в середине 80-х гг. процесс перестрой-

ки обществоведения показал, что здоровые силы в исторической науке способны преодолеть кризисное состояние.

Остановимся на некоторых основных проблемах аграрной истории, которые в последнее время стали предметом дискуссий.

Для истории прежде всего важно установление периодизации исторического процесса. «Безусловным требованием марксистской теории,— писал В. И. Ленин,— при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки...»⁶⁰ Не случайно этот вопрос стал в 1986—1989 гг. предметом дискуссии в журналах «Коммунист», «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС» и на многих конференциях. Дискутируются как в целом периоды истории советского общества, так и период, определяемый в публикациях журнала «Вопросы истории КПСС» хронологически «от XX до XXVII съезда партии». Разноречивость позиций авторов связана с неодинаковым подходом к критериям периодизации. Правомерна позиция, учитывающая всю совокупность социально-экономических и общественно-политических факторов как объективного, так и субъективного характера, при этом в связи со спецификой изучаемого предмета и объекта необходимо выделение рубежных граней. Представляется убедительной позиция, признающая рубежными в развитии советского общества середину 50-х гг.—XX съезд и связанные с ним изменения общественно-политической и социально-экономической жизни страны — и середину 80-х гг.—апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и последовавшая за ним перестройка всех сторон жизни советского общества. В рамках этого тридцатилетия выделяются более дробные периоды, грани между которыми часто как бы размыты — рубеж-

⁵⁸ Тюрина А. П. Торможение научных исследований по аграрной истории СССР // Вопросы истории.— 1988.— № 3.— С. 42—43.

⁵⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года.— С. 8.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 263.

ные изменения растянуты во времени.

Периодизация развития сельского хозяйства тесно связана с периодизацией советского общества в целом, фактически совпадает с нею. На эту взаимосвязь неоднократно указывали обществоведы. Историк Ч. Э. Сыманович пишет: «На каждом из переломных этапов строительства и развития социализма в СССР в центре внимания оказывалось положение в деревне. Так было при переходе к нэпу, в начале массовой коллективизации. Решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК открывался период модернизации и демократизации общества. Состояние аграрной сферы было сильным доводом в пользу перемен 1964—1965 гг. И наконец, начало перестройки сельского хозяйства (май 1982 г.) предвещало перестройку всего советского общества, развернувшуюся теперь... Ход и итоги каждого из этапов развития общества в огромной степени определяются ходом и итогами развития сельского хозяйства, общественно-политической позицией сельского населения»⁶¹.

Эту же мысль подчеркивает академик ВАСХНИЛ А. М. Емельянов. Отмечая в качестве рубежных периоды «после марта 1953 г.», «после октября 1964 г.» и «после майского (1982 г.)», «апрельского (1985 г.)» пленумов ЦК партии, он пишет: «Смена главного политического руководителя являлась основой оздоровления социально-экономического развития. Начинаясь переход от авторитарного волюнтаристского правления к относительно демократическим, коллективистским методам»⁶².

В сибирской историографии также предприняты попытки периодизации развития сельского хозяйства за по-

следние тридцать лет⁶³. Взяв за критерии количественные и качественные показатели развития производительных сил и производственных отношений, социального преобразования села, а также изменения в аграрной политике партии, можно выделить четыре периода в истории деревни. Первый период: вторая половина 50-х — середина 60-х гг. — поиски новых форм и методов руководства сельским хозяйством преимущественно на экстенсивной основе, постепенное осознание исчерпанности этого пути развития. Второй период: вторая половина 60-х — начало 70-х гг. — курс на интенсификацию сельского хозяйства, начальный его этап, осложнившийся сохранением административно-командной системы управления. Третий период: середина 70-х — начало 80-х гг. — преобладание застойных, предкризисных явлений в сельском хозяйстве, наиболее пагубное проявление механизма торможения. Четвертый период: с 1983 г. (без конечной грани) — поиски преодоления кризисных явлений на основе сочетания разных форм хозяйствования, большей интенсификации, курс на приоритетное развитие социальной сферы.

Необходимо исследовать социально-экономические, демографические, политические тенденции на каждом из этапов. При этом крайне важно конкретно изучить причины, сущность проявления и негативные последствия административно-командной системы и механизма торможения, пути их преодоления, начальный этап практического осуществления курса на перестройку.

Дискуссионными остаются многие проблемы развития производства.

⁶¹ Сыманович Ч. Э. Советская деревня в 50—80-е годы (взаимосвязь экономического и политического развития) // Вопросы истории. — 1988. — № 2. — С. 11.

⁶² Емельянов А. Продовольственная проблема: Истоки и пути решения // Вопросы экономики. — 1989. — № 1. — С. 5.

⁶³ См.: Носков А. А. Интенсификация сельского хозяйства Сибири в 1965—1985 гг. (основные этапы и тенденции) // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири: Тезисы докладов. — Новосибирск, 1987. — С. 66—67; Гущин Н. Я. Тенденции социально-экономического развития сибирской деревни... — С. 98—99; и др.

В частности, долгое время трактовался упрощенно вопрос, касающийся обобществления производства: утвердился стереотип, что социалистическое сельское хозяйство неизменно должно быть крупномасштабным, высококонцентрированным, построенным по примеру городских промышленных фабрик. Не была в достаточной степени осмыслена ленинская мысль о том, что и в промышленности «закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают... В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими условиями»⁶⁴.

Абсолютизировались и распространялись на сельское хозяйство не только многие общие экономические закономерности, но и специфические для индустриальных отраслей формы хозяйствования, принципы организации труда; биологические основы отрасли часто не принимались во внимание. Процесс обобществления производства сам по себе закономерен: по сути дела, он означает усиление общественного характера производства на основе общественного разделения труда и межхозяйственных связей. Однако долгое время этот процесс понимался упрощенно и измерялся внешними, экстенсивными показателями (площадью земель, количеством работников и т. п.), что вело к гигантомании — к чрезмерному укрупнению, централизации и концентрации сельскохозяйственного производства. В 60—70-е гг. были допущены ошибки, проявившиеся в создании чрезмерно крупных, трудноуправляемых сельскохозяйственных предприятий, а в их составе — неоправданно больших производственных бригад, в увлечении строительством крупных и дорогостоящих животноводческих комплексов и ор-

ганизацией неоправданно укрупненных севооборотов при отсутствии необходимых природно-экономических условий, а также непомерной концентрацией и в социальной сфере — строительство жилья, объектов социально-культурного и бытового назначения в крупных селах (создание «аггородов») и сознательное разрушение небольших, «неперспективных» деревень. Подобная позиция оправдывалась и пропагандировалась в литературе 60—70-х гг. довольно широко. Опыт нашей страны и мировой опыт показали, что в сельском хозяйстве наиболее благоприятно сочетание крупных, средних и мелких форм хозяйствования, которые через систему горизонтальной и вертикальной кооперации осуществляют реальное обобществление сельскохозяйственного производства.

Признание целесообразности многообразия форм хозяйствования требует изменения подходов к оценке развития техники и технологий. А. М. Емельянов приходит к выводу: «У нас сложился и господствует чисто технократический подход в ущерб социальному... Постоянно повторяли, что технику можно эффективно использовать лишь в крупном производстве, и с этим связывали наши преимущества... Технику и технологию следует приспособлять к сформированным... формам и размерам хозяйствования, а не наоборот»⁶⁵. В литературе долгое время освещалось преимущественно механическое наращивание технических средств, глубоко не вскрывались недостатки такой политики. В действительности сельскому хозяйству долгое время поставлялись в основном разрозненные и металлоемкие машины и оборудование устаревших образцов, не обеспечивающие комплексную механизацию производственных процессов. Предпринимались лишь отдельные попытки рассмотрения региональной специфики

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С 110—111.

⁶⁵ Емельянов А. Продовольственная проблема...— С. 11.

машиноснабжения с учетом специфики природно-климатических зон, в частности в Сибири⁶⁶. В литературе до сих пор не преодолена не критическая, односторонняя оценка таких средств интенсификации, как мелнорация, химизация, недооцениваются инвестиции в отрасли, связанные с транспортировкой сельскохозяйственной продукции, ее хранением, переработкой и реализацией. Проблема взаимосвязи экологии с сельскохозяйственным освоением историками, по существу, еще не поставлена. Предприняты лишь отдельные попытки показать негативные последствия массового освоения в кратчайшие сроки огромного массива целинных земель⁶⁷.

Центральной проблемой исследования аграрной истории является развитие производственных отношений и их сердцевины — форм собственности. В литературе на долгое время утвердилась схоластическая трактовка категории «производительные отношения» как теоретической абстракции высшего уровня обобщения, применимой лишь к характеристике общества в целом или его классов и слоев, в отрыве от реальных отношений людей в процессе производства и распределения.

Вульгарное понимание чуть ли не автоматического взаимодействия производительных сил и производственных отношений находило различные проявления в теории социалистической собственности и форм ее реализации, в объяснении причин существования и характера товарно-денежных отношений, рынка, стоимостных измерений при социализме и т. п. Ошибки, допущенные в этих областях, послужили главными причинами трудностей и негативных явлений в социально-экономическом развитии советского общества, поро-

дили тот механизм торможения, действие которого проявилось в замедлении темпов экономического роста, деформациях, нарастании застойных, кризисных явлений. «Практика показала, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — несостоятельность представлений, согласно которым в социалистических условиях соответствие производственных отношений характеру производительных сил обеспечивается как бы автоматически. В жизни все сложнее. Да, социалистические производственные отношения открывают простор развитию производительных сил. Но для этого они должны постоянно совершенствоваться. А это значит, что нужно вовремя замечать устаревшие методы хозяйствования и заменять их новыми»⁶⁸.

Ключевой в совокупной системе производственных отношений (отношения производства, обмена, распределения и потребления) является проблема социалистической собственности. Ее исследование долгое время шло в ограниченном проторенном русле — сближение колхозно-кооперативной собственности с государственной, преобразование колхозов в совхозы, определение социальной природы межхозяйственных объединений и ЛПХ. Государственная собственность провозглашалась высшей формой, совхозы, в частности, «предприятиями последовательно социалистического типа». В то же время кооперативно-колхозная собственность рассматривалась как менее совершенная, второстепенная форма, а личное подсобное хозяйство — как реликт прошлой эпохи (частного хозяйства). Подобные представления в течение десятилетий преобладали в теории и на практике и приносили большой вред. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Особо следует сказать о социалистической собственности. Про-

⁶⁶ См.: Научно-технический прогресс в аграрно-промышленном комплексе. — Новосибирск, 1986.

⁶⁷ См.: Русинов И. В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: Опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 9. — С. 35—49.

⁶⁸ XXVII съезд КПСС: Стеногр. отчет. — М., 1986. — Т. 1. — С. 60.

изошло серьезное ослабление контроля за тем, кто и как распоряжается ею. Она нередко разьедалась ведомственностью и местничеством, становилась как бы «ничейной», бесплатной, лишённой реального хозяина, во многих случаях стала использоваться для извлечения нетрудовых доходов.

Неправильное отношение было к кооперативной собственности, которая изображалась как нечто «второсортное» и бесперспективное. Все это имело серьезные последствия в аграрной и социальной политике, порождало администрирование в отношениях с колхозами, привело к ликвидации промысловой кооперации. Не обошлось и без серьезных заблуждений во взглядах на личное подсобное хозяйство и индивидуальную трудовую деятельность, что также нанесло немалый экономический и социальный ущерб»⁶⁹.

Действительно, государственная собственность и общественная собственность — категории существенно разные. Так называемая общенародная, социалистическая собственность, которая долгие годы провозглашалась в качестве важнейшего преимущества социализма, в условиях бюрократизации экономической и политической систем трансформировалась в некую безликую категорию, для честных людей — в чужую, «ничью», а для нечестных — в «свою».

Недооценка колхозно-кооперативной формы собственности проявилась прежде всего в том, что со времен сплошной коллективизации происходил процесс все большей унификации социально-экономических отношений в колхозно-кооперативном и государственном секторах сельского хозяйства. Кооперативная природа колхозов деформировалась, они, по сути дела, были огосударвлены: лишены самостоятельности в хозяй-

ствовании (планировании, организации производства, распределении доходов и т. п.). Колхозная демократия игнорировалась, управление, как и на государственных предприятиях, осуществлялось командно-приказными методами. Та же недооценка колхозно-кооперативной собственности проявилась в необоснованном массовом переводе колхозов в совхозы, проводившемся, как и многие другие «преобразования», путем ударной кампании и превратившемся в формальный акт. По выражению А. Н. Яковлева, «догматизм, насиливая жизнь, буквально за уши тянул кооперацию в государство»⁷⁰.

Реальные отношения собственности, затрагивающие интересы отдельных социальных слоев, групп и личности, включенность их в совладение собственностью, долгое время не изучались и лишь в настоящее время выдвинуты как ключевая задача обществоведения. Попытки путей и форм включения производителей в фактическое совладение собственностью, возрождения крестьянина как труженика, по-хозяйски относящегося к земле, к другим средствам производства, лично заинтересованного в улучшении производственного процесса и его результатов, велись в различных регионах страны с конца 50-х — начала 60-х гг. Организация «безрядных звеньев», подразделений, работающих на коллективном подряде, позволила более последовательно, чем при других формах организации производства, внедрять принципы хозрасчета и материальной заинтересованности в конечных результатах труда. Однако эти новые ячейки хозяйствования плохо приживались и не стали массовыми, так как не вписывались в существовавшую систему экономических отношений, командно-административного управления. Попытки продолжались и привели к выводу,

⁶⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. — С. 9.

⁷⁰ Яковлев А. Достижение качественного нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист.— 1987.— № 8.— С. 13.

который был сформулирован в постановлении мартовского (1989 г.) Пленума ЦК партии: о перспективности арендных отношений «как формы социалистических отношений, наиболее полно отвечающей требованиям гармоничного сочетания интересов граждан, трудовых коллективов и общества в целом»⁷¹.

Вокруг сущности и перспектив аренды ведется оживленная дискуссия. Высказываются различные точки зрения, в том числе полярные. С одной стороны, многие ученые, а также практики — руководители общественных хозяйств, добившихся высоких показателей хозяйственной деятельности, считают, что должна развиваться внутрихозяйственная аренда в структуре колхозов и совхозов, которые как формы хозяйствования еще не имели, по сути дела, возможности в полной мере раскрыть свои преимущества, так как всегда находились под диктатом государственных и партийных органов. Об этом, в частности, неоднократно говорили народные депутаты СССР, в том числе и из Сибири, на первом и втором Съездах народных депутатов, а также в прессе. Так, В. Г. Филиппова, заместитель председателя колхоза «Алей» Третьяковского района Алтайского края, где четыре года успешно внедряются разные формы хозрасчетных отношений, отмечает, что нельзя «легковесно расправляться с колхозами и совхозами — основой нашего социалистического сельского хозяйства... Другое дело, что формы хозяйствования, применяемые колхозами и совхозами, нужно обогатить внутрихозяйственной, внутрипроизводственной арендой, глубокими хозрасчетными отношениями»⁷². Эта же мысль содержится и в обращении группы депутатов-аграрников к первому Съезду народных депутатов СССР.

Идею о неисчерпаемости колхозов

⁷¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 87.

⁷² Земля сибирская, дальневосточная. — 1989. — № 6. — С. 2.

как формы кооперативного хозяйствования разделяют многие ученые. Т. И. Заславская пишет: «Убеждена, что если бы 30—40 лет назад колхозам дали возможность работать в экономических условиях, соответствующих их природе, то сейчас бы мы не только не испытывали недостатка продовольствия, но и экспортировали бы его в другие страны»⁷³.

С другой стороны, некоторые писатели-публицисты, научные работники считают, что колхозы и совхозы как форма хозяйствования полностью себя дискредитировали, подлежат расформированию; спасение надо искать, по их мнению, в повсеместном переходе к семейному фермерскому хозяйству⁷⁴.

Против таких представлений решительно возражают многие руководители колхозной системы, рядовые колхозники. Председатель Союзного совета колхозов И. И. Кухарь на втором Съезде народных депутатов говорил: «Нынешние колхозы и совхозы подвергались, прямо скажем, незаслуженной критике защитников частной собственности в деревне, обещающих рай земной при индивидуальном хозяйствовании... Не надо мешать работать колхозам, вот что требуется сегодня»⁷⁵. В то же время и сторонники колхозной системы признают целесообразность всемерного развития разнообразных форм хозяйствования на земле. Так, председатель Комитета Верховного Совета СССР по аграрным вопросам и продовольствию, директор совхоза «Назаровский» Красноярского края А. Ф. Вепрев отмечает: «Наши старые формы задубели. Думаю, что мы продвинем дело вперед только бла-

⁷³ Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. — М., 1988. — С. 21.

⁷⁴ См.: Черниченко Ю. Д. Ждать уже поздно // Огонек. — 1989. — № 23. — С. 4—5. (Близкие взгляды, ориентирующие на всемерное развитие фермерских хозяйств как главный путь решения продовольственной проблемы, широко пропагандируют академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов, писатель А. А. Ананьев и др.)

⁷⁵ Правда. — 1989. — 17 дек.

годаря конкуренции между различными структурами в сельском хозяйстве... Колхозы и совхозы никак не могут оставаться прежними. Они непременно должны претерпеть серьезные изменения. Я вижу многие из них кооперативами, объединяющими арендаторов, фермеров, крестьянские хозяйства»⁷⁶.

Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК партии высказался за многообразие форм аренды, за добровольный выбор крестьянством разнообразных форм хозяйствования, за их свободное состязание на равноправных условиях.

Дискутируется вопрос, почему медленно внедряется аренда. Приводятся различные причины, среди которых на первое место выдвигаются две группы сдерживающих факторов. Первая — внутренняя, связанная с самим крестьянином, у которого в течение десятилетий выбивали чувство хозяина земли, который фактически превратился в наемного отработчика. А. М. Емельянов пишет: «Административно-командные методы руководства „выбили“ чувство хозяина. Вопреки крестьянской природе большинство людей привыкли быть простыми исполнителями, часто бездумными, недобросовестными, привыкли не ломать голову над тем, как вести дело, что всегда было присуще крестьянскому труду. Привыкли ни за что не отвечать, не рисковать и при этом получать немалые доходы.

Это стало образом мышления, укладом жизни, внутренней психологией, душой работника, вернее, его бездуховностью. Ныне формирование у сельских тружеников чувства хозяина — такой же сложный и трудный процесс, как преодоление частнособственнической психологии в период социалистического преобразования сельского хозяйства...

К сожалению, многие руководители разных уровней этого не понимают, полагая, что если они призывают переходить на подряд, то все селяне

должны с энтузиазмом откликнуться на призыв»⁷⁷.

Даже у тех сельских тружеников, у которых не потеряно желание хорошо хозяйствовать, проявляется настороженность по отношению к подряду и аренде: прошлый опыт чехарды реорганизаций (по примерным подсчетам, «перестроек» в сельском хозяйстве было около трех десятков) не дает уверенности в долговременности современной политики. Крестьянину нужны реальные гарантии, закрепленные в законе.

Вторая группа сдерживающих аренду факторов — внешние, которые не зависят от самих работников. Суть их в том, что сложившийся прежде хозяйственный механизм невосприимчив к подряду и аренде. Отсюда — формальный подход, неотработанность условий, связанных с освоением арендного подряда. Формализм во внедрении подряда проявляется, с одной стороны, в попытках загнать арендные отношения в очередные нормативы, «навязать» арендаторам чересчур регламентированные, неравноправные условия хозяйствования; с другой стороны, в восприятии аренды как очередной кампании, в стремлении «учинить» ее как можно быстрее и отчитаться. На практике арендой нередко объявляют любые формы внедрения хозрасчета (даже отдельных его элементов). Порой непомерно много внимания уделяют рекламе предприятий, перешедших на аренду и кооперативные начала; идет неоправданное захваливание достижений арендаторов, что порождает иллюзии легкого и быстрого подъема сельского хозяйства на этой основе. При этом в методике подсчета достижений отдельных арендаторов допускаются ошибки, ведущие к искажению реального положения дел⁷⁸.

⁷⁷ Емельянов А. Продовольственная проблема... — С. 11.

⁷⁸ См.: Панкова К. И. Эффективность сельскохозяйственного подряда: Анализ практики и дискуссионные проблемы // Социально-экономическое развитие сибирской деревни... — С. 141—145.

⁷⁶ Литературная газета. — 1989. — 20 дек.

Нельзя не согласиться с утверждениями ряда ученых о том, что аренда, «не затрагивающая глубинных экономических отношений и не меняющая принципиально возможностей трудящихся и их коллективов в присвоении средств и результатов труда, создаваемого дохода и распоряжения ими, может довольно быстро дискредитировать в глазах работников саму идею развития арендных отношений»⁷⁹.

Дискуссии, аналогичные дискуссиям по проблемам аренды, развернулись и о крестьянских (фермерских) хозяйствах, их социально-экономической сущности, причинах медленного возникновения и перспективности развития.

Подрядные отношения — это форма кооперативного движения, глубоко демократичная в своей основе. Они чужды всякому администрированию, шаблону и могут развиваться на основе инициативы снизу, в меру активизации масс, в меру их желания и способности овладевать хозяйственными процессами. Переход к аренде делает ненужным прежний административно-хозяйственный аппарат в экономике, приведет его к полному демонтажу.

Мартовский (1989 г.) Пленум ЦК партии принял решение о коренной реорганизации управления агропромышленным комплексом с целью полного искоренения командно-административных методов управления и перехода на подлинно экономические методы. Система управления от РАПО до Госагропрома СССР, образованная совсем недавно — после майского (1982 г.) Пленума ЦК — и неоднократно перестраивавшаяся уже в условиях перестройки, оказалась неэффективной, так как базировалась по-прежнему на старых, изживших себя административных методах. Несмотря на неоднократно принимавшиеся решения о расши-

⁷⁹ Никифоров Л., Рутгайзер В. Арендные отношения в экономической системе социализма // Вопросы экономики.— 1989.— № 3.— С. 9—10.

рении самостоятельности хозяйств, на практике продолжали доминировать нажимные методы руководства, возросший аппарат управления⁸⁰ не сумел отказаться от бумажного командования, не смог найти оптимального сочетания централизма и местной инициативы. А. Ф. Вепрев еще в конце 1988 г. говорил: «Чем РАПО лучше управлений сельского хозяйства — а ничем, как те, так и другие — самые настоящие носители бюрократизма... Но РАПО существует — давай отчетность, заполняй простыни-ведомости»⁸¹.

Госагропром СССР был ликвидирован. Однако многие обществоведы, не преодолевшие укоренившейся инерции восхваления всякого «последнего правительственного распоряжения», сумели в восторженных тонах описать его создание и деятельность. Сказался застарелый недуг, «не изжитый даже перестройкой, гласностью и плюрализмом мнений, — это первоначальная переоценка значения многих начинаний. Слишком долго в стране „звучат фанфары“ в честь великих строек коммунизма, и в их шуме не слышны голоса критиков, пока не выясняется, что все созданное сделано не так, без учета возможных последствий. Подобная опасность существует и теперь: как бы не переоценить значение реформы... Три года реформы показали, что, решая одни проблемы, мы встаем перед другими, не менее острыми, и часто не знаем, как их решать»⁸².

Пагубность прежних систем управления состояла в том, что они строились административным путем по принципу «сверху вниз», при этом вышестоящие органы решали, какие

⁸⁰ В органах Госагропрома в начале 1989 г. было занято 360 тыс. чел., кроме того, 2,3 млн управленцев насчитывается в колхозах и совхозах (см.: Коммунист.— 1989.— № 4.— С. 15).

⁸¹ Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 1.— С. 5.

⁸² Логинов В. Планы и реальность // Вопросы экономики.— 1989.— № 4.— С. 21.

звенья должны быть внизу, чем они должны заниматься, сколько нужно работников, сколько им следует платить. А. М. Емельянов предлагает перестроить управление на районном и последующих уровнях, включая центральные звенья, на кооперативных началах по принципу «снизу вверх»: «Исходным началом служит низовой трудовой коллектив. На каждый следующий уровень выносятся лишь те функции, которые нужны низовому звену, но не могут реализовываться на его уровне... При предлагаемой системе управления каждое вышестоящее звено находится на службе у нижестоящего, подотчетно ему, а в целом система управления — на службе народа»⁸³.

Острейшая проблема, которая не нашла научного решения ни применительно к предыдущим этапам социалистического строительства, ни к современным условиям, — это эквивалентность обмена между городом и деревней, между сельским хозяйством и промышленностью. Современное обществоведение преодолевает долго господствовавшие представления о нетоварном характере экономических отношений, которые в законченном виде были сформулированы в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Позиции воинствующих антитоварников, критиков «рыночной экономики» потеснены, жизнь показала несостоятельность их концепций. Товарно-денежные отношения, рынок, цены — основа экономических отношений в обществе в целом, между промышленностью и сельским хозяйством в частности. На мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК подчеркивалось, что в течение десятилетий игнорировались объективные экономические законы, в обеспечении централизованных продовольственных фондов уповали исключительно на диктат, из деревни на неэквивалентной основе изымались ресурсы. За 1946—1953 гг. вклад сельского хо-

зяйства в национальный доход составил 298 млрд руб., а использовано из этой суммы в нем самом лишь 193 млрд руб.: 105 млрд руб. ушло из села в другие сферы экономики⁸⁴. Ценовой паритет в обмене между двумя решающими сферами народного хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством — продолжал попирается и на последующих этапах: рост цен на средства производства и другие виды промышленной продукции для сельского хозяйства значительно опережал закупочные цены. Академик И. И. Лукинов утверждает: представление о том, что конечная продукция сельского хозяйства дорожает вследствие неэффективной работы лишь в этих отраслях, «совершенно безосновательно». «Рост себестоимости и цен сельскохозяйственной продукции определяется в основном ростом уровня цен приобретаемых средств производства»⁸⁵. Отмечая неразработанность ценовой и финансово-кредитной политики, И. И. Лукинов приходит к заключению: «Если сейчас не осуществлять активного государственного регулирования, искусственно сохранять глубокие деформации застойного периода еще несколько лет, то это неизбежно приведет к ухудшению экономической ситуации... Формальный перевод предприятий на хозрасчетные принципы без создания стабильных финансовых предпосылок экономического чуда не принесет»⁸⁶.

Обществоведы указывают на многие нерешенные проблемы в установлении эквивалентных отношений города и деревни: соотношение между капиталовложениями в сельское хозяйство и ростом объемов производства; создание механизма, под-

⁸⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 43.

⁸⁵ Лукинов И. Затраты и цены в сельском хозяйстве. Почему они растут? // Коммунист. — 1989. — № 3. — С. 26—27.

⁸⁶ Лукинов И. Перестройка в аграрной сфере // Вопросы экономики. — 1989. — № 5. — С. 5.

⁸³ Емельянов А. Продовольственная проблема... — С. 12—13.

держивающего паритет цен на продукты промышленности и сельского хозяйства; критерии установления цен на продукцию для хозяйств, обладающих различной экономической состоятельностью и находящихся в разных природно-климатических условиях, и т. п.

Многообразие форм хозяйствования, основанных на различных формах собственности, неизбежно привело к изменению представлений о социальной структуре современного общества в целом и села в частности. Абсолютизированная «трехчленная формула» социальной структуры советского общества (два класса: рабочий класс и крестьянство — и прослойка — интеллигенция), долгое время господствовавшая в историографии, подверглась критике, как не отражающая всей сложности социальной структуры в современных условиях. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК партии была подвергнута острой критике «абсолютизация сложившихся форм организации общества», когда «социальная структура общества изображалась схематично, как лишенная противоречий и динамизма многообразных интересов его различных слоев и групп»⁸⁷. «Трехчленная формула» далеко не достаточна для объяснения функционирования нашего общества и порожденных им проблем и негативных явлений в общественной жизни: отчуждения от труда, дезинтеграции интересов и конфликтности между отдельными социальными группами, сохранения неравенства, отсутствия социальной справедливости и т. д.

В передовой статье журнала «Коммунист» говорится: «На почве действительно происходивших процессов размывания межклассовых различий концепция стирания классовых противоположностей была подменена... концепцией „социальной однородности“, по существу анти-

диалектической и с научной точки зрения несостоятельной потому хотя бы, что она противоречит живой структуре общественного организма, в котором непременно функционируют разнородные социальные образования. В „трехчленную“ формулу не попадают, естественно, многообразные социальные слои и группы, имеющие свои особые интересы и занимающие различные позиции в отношении глубокой социально-экономической и общественно-политической перестройки... Так что гражданское общество в условиях социализма базируется на многообразии социальных интересов не только классов, но и других больших общественных групп, социальных общностей разного типа и уровня»⁸⁸.

Исходным методологическим принципом при анализе социально-классовой структуры является ленинское определение классов: это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁸⁹.

В литературе чаще всего анализируются лишь два признака: различия между крестьянством и рабочим классом (по формам собственности); внутриклассовые различия между слоями работников с разным характером труда. Наряду с этими несомненно важнейшими признаками многие исследователи выделяют еще два признака социальной дифференциации: место в системе управления, а также уровень и структуру доходов. Исходя из этого, Т. И. Заславская делает вывод: «Особенность классов заключается в том, что они различаются одновременно по всем

⁸⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года.— С. 8.

⁸⁸ Коммунист.— 1989.— № 13.— С. 14—15.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 15.

названным критериям. Но каждый из этих критериев, рассматриваемый независимо от других, тоже обладает немалой социальной дифференцирующей силой и позволяет выделить группы, не носящие классового характера, но играющие важную роль в социальном функционировании общества»⁹⁰.

Дискуссия о классовой структуре советского общества выявила две крайности: одна из них — абсолютизация «трехчленной формулы» как единственно возможной, другая — полная ее неприемлемость. Ф. Р. Филиппов и другие исследователи придерживаются позиции, интегрирующей позитивные элементы этих подходов. Рассматриваемая «трехчленная формула» сохраняет свое значение постольку, поскольку рабочий класс, крестьянство и интеллигенция как особая социальная группа остаются не только реальными, но и основными элементами социальной структуры советского общества. Но для полной характеристики социальной структуры она недостаточна, так как, во-первых, сами классы и социальные группы имеют все более сложное внутреннее строение, во-вторых, существуют различные внеклассовые группы (служители культов, деклассированные элементы, дельцы «теневой экономики» и т. п.)⁹¹.

Недооценка кооперативно-колхозной собственности, как второстепенной, породила ошибочное представление о крестьянстве как классе неравноправном, не имеющем будущего в «чистом социализме» с его общенародной собственностью. Действительно, сформировавшийся на основе насильственной коллективизации класс колхозного крестьянства подвергся сильной деформации. С одной стороны, он был отчужден от

земли, с другой — привязан к ней, и не только уставными требованиями колхозов и, следовательно, отчуждением от собственности на средства производства своего бывшего индивидуального хозяйства, но и политически — посредством лишения свободы передвижения из-за отсутствия паспортов. По мере наращивания силы бюрократически-командных методов руководства сельским хозяйством колхозное крестьянство все в большей мере превращалось в класс наемных работников, не заинтересованных в конечных результатах производства. Ответственность за хозяйственную деятельность была перенесена на руководство, главным образом высшее, партийное, крестьянское общественное самоуправление почти полностью ликвидировалось. Даже председатель колхоза стал номенклатурой райкома. В итоге продолжавшегося десятилетиями неэквивалентного обмена между городом и селом в пользу первого и административного подавления инициативы крестьянства сформировался тип работника с безразличным отношением к работе в колхозе, иждивенческими настроениями в сфере быта. Только на основе осуществления современной аграрной политики, свободы выбора форм хозяйствования, самоуправления, последовательного демократизма происходит возрождение класса крестьян — полноправного класса советского общества, подлинного и рачительного хозяина земли.

Многообразие форм хозяйственной деятельности, сложный комплекс отношений, связанных с владением и распоряжением собственностью, научно-технический прогресс ведут к усложнению социальных структур, появлению новых социальных групп. Одно из характерных явлений — рост пограничных групп, сочетающих в себе черты обоих классов. На основе агропромышленной интеграции и межхозяйственной кооперации возникает слой работников, сочетающих в своем социальном обли-

⁹⁰ Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. — М., 1988. — С. 15.

⁹¹ См.: Филиппов Ф. Социальная структура советского общества: Тенденции и противоречия развития // Общественные науки. — 1988. — № 1. — С. 24—25.

ке черты рабочего класса и крестьянства. Пограничные слои образуются и при распространении принципов кооперации на государственные предприятия, в том числе совхозы. В связи с ростом числа лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, с развитием новых кооперативов также появляются новые социальные группы; своеобразен и социальный облик различных групп арендаторов, особенно семейных и индивидуальных. Следует определить социальный статус индивидуального крестьянского (фермерского) хозяйства. В большинстве стран Восточной Европы собственность лиц (семей) на средства производства именуется мелкой частной собственностью. В. П. Шкредов утверждает, что с 30-х гг. «идея о несовместимости социализма с любой формой частной собственности стала незабываемой догмой... Между тем в строго научном смысле для подобного вывода не было ни теоретических, ни практических оснований»⁹².

Подобной же точки зрения придерживается А. М. Емельянов: «Если семья берет землю и самостоятельно ведет производство, какой это тип хозяйства с социально-экономической точки зрения? Думается, что это частное трудовое крестьянское хозяйство... Целесообразность такого мелкотоварного частного уклада практически сейчас признана»⁹³. В то же время ряд ученых (А. А. Сергеев и др.) отстаивают идею принципиальной недопустимости частной собственности при социализме. В докладе на втором Съезде народных депутатов Н. И. Рыжков «введение частной собственности, в том числе и на землю», отнес к числу спорных вопросов, «с которыми правительство не могло согласиться»⁹⁴. Дума-

ется, что вопрос о социальном типе хозяйства крестьянина-фермера в условиях социализма и социального облике такого крестьянина нуждается в дальнейшем осмыслении.

Социальная структура общества на протяжении последних десятилетий не упрощается, а усложняется. Поэтому, как утверждает Т. И. Заславская, «бытовавшая долгие годы догма, согласно которой развитое социалистическое общество будет характеризоваться «полной социальной однородностью», попросту не научна. Другое дело, что социальные различия в таком обществе потеряют классовую сущность и приобретут новое содержание,— эта перспектива бесспорна»⁹⁵. Таким образом, процессы социально-классовой интеграции и социальной дифференциации — одно из неантагонистических противоречий развития современного советского общества.

В освещении проблем материального благосостояния, социальной инфраструктуры, культурного и общественно-политического развития по-прежнему преобладает схема: развитие всех процессов и структур непременно шло по восходящей линии и встречаются лишь «отдельные недостатки и нерешенные вопросы», «трудности роста» и т. п. Так, при рассмотрении уровня жизни не учитываются инфляционные процессы, индекс цен, материальная обеспеченность и социальная защищенность различных слоев населения, а также социальная справедливость в распределении различных благ. В культурном развитии не анализируются глубоко сочетание классовых и общечеловеческих принципов нравственности, традиций и инноваций, национального и интернационального; влияние идеологических стереотипов на содержательную сущность культуры. Общественно-политическая жизнь по-прежнему ограничивается лишь деятельностью организаций, которая сводится в основном к

⁹² Шкредов В. Социализм и собственность // Коммунист.— 1988.— № 12.— С. 35—36.

⁹³ Вопросы экономики.— 1989.— № 3.— С. 50.

⁹⁴ Правда.— 1989.— 14 дек.

⁹⁵ Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой...— С. 15.

принятию конгломерата различных решений, а не к анализу их реально-го воплощения в жизнь. Руководящая роль партии, профсоюзов, комсомола в освещении большинства публикаций непременно постоянно возрастает, и этот процесс якобы предопределен объективными факторами и происходит чуть ли не автоматически. Эти поверхностные представления развеяла реальная жизнь. Открыто признанное кризисное состояние общественных организаций и Советов в середине 80-х гг. возникло не вдруг, накапливалось за годы, в предшествующие периоды, не без участия этих организаций. Необходимы глубокий критический анализ комплекса социально-политических, культурных и идеологических процессов, вскрытие реальных противоречий и путей их преодоления. Дискуссионность и слабая изученность всех отмеченных проблем упираются в неразработанность современной концепции социализма, которая сейчас определена лишь в основных чертах. М. С. Горбачев на совещании в ЦК КПСС в июле 1989 г. говорил: «Сегодня обрисованы лишь общие контуры этого общества. Для революционных преобразований нужна развернутая концепция, охватывающая все стороны жизни будущего общества»⁹⁶.

При изучении региональной темы особое значение имеет раскрытие региональной специфики, факторов, ее определяющих, и конкретно-исторического проявления на каждом этапе развития. Общий методологический подход к исследованию этой проблемы известен и вытекает из марксистско-ленинского тезиса о диалектической взаимосвязи общего и отдельного⁹⁷. Однако в рассмотрении этой проблемы как в исследованиях, так и на практике допускаются крайности: либо региональные особенности гипертрофируются в ущерб раскрытию действия общих

закономерностей, либо особенности Сибири игнорируются, конкретно-исторический процесс подменяется общесоюзной схемой. При господстве административно-командной системы, повсюду насаждающей диктат, однотипные методы и схемы, учет специфики региона часто игнорировался. Переход к экономическим методам, основанным на хозрасчете, самофинансировании, самоокупаемости и самоуправлении, возродил интерес к региональным особенностям — в истории, экономике, культуре. В научной литературе, в политической сфере стала оживленно обсуждаться идея регионального (а также республиканского) хозрасчета и экономической самостоятельности. Об этом говорили, например, многие делегаты-сибиряки на первом Съезде народных депутатов, подчеркивая, что до сих пор не преодолен неправомерный традиционный подход к Сибири как сырьевому приделу к народнохозяйственному комплексу страны, что социальная защищенность трудящихся региона, особенно на селе, слабая. Так, первый секретарь Русско-Полянского райкома партии (Омская область) И. А. Назаров сказал: «По-прежнему Сибирь — это сырьевой придаток страны. Социальные издержки, невысокий уровень оплаты труда, вообще крайне недостаточные капиталовложения в сибирское село, сибирский климат — все это приводит к постоянной миграции населения. Нерешение этих и ряда других вопросов приводит к обезлюдиванию сибирского села»⁹⁸.

Дискутируется проблема предоставления экономической самостоятельности на основе регионального хозрасчета таким крупным регионам, как Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и др.⁹⁹ Региональный хозрасчет и экономическая самостоятельность могут обеспечить

⁹⁶ Правда.— 1989.— 20 июля.

⁹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 318.

⁹⁸ Известия.— 1989.— 10 июня.

⁹⁹ См.: Коммунист.— 1989.— № 8.— С. 66; Известия.— 1989.— 2 июня; и др.

ускоренное развитие при усилении интеграционных связей и эквивалентного обмена между регионами. Ставится вопрос о необходимости сбалансирования инвестиций центра со вкладом региона в народнохозяйственный комплекс страны. Так, удельный вес в общесоюзной экономике Сибири, где проживает 8 % населения, в середине 80-х гг. превысил 10 % по производству валового продукта, национального дохода, продукции промышленности (здесь производится две трети нефти, 60 % газа и т. д.), а развитие отраслей АПК (в особенности переработки продукции), стройиндустрии, социально-бытовой инфраструктуры сильно отстает, порождая диспропорции в хозяйстве и социальную напряженность¹⁰⁰. Всесторонний учет исторических, социально-экономических, географических, природных особенностей — важная задача и науки, и практики социального управления.

Проблема общего и особенного еще более остро стоит перед национальными районами Сибири, и в научном плане она еще менее исследована. Перестройка вскрыла несостоятельность господствовавших долгое время стереотипов о полном решении в нашей стране национального вопроса, о скором слиянии малых народов в более крупные народы и «консолидации» их в нации. В резолюции XIX партийной конференции «О межнациональных отношениях» говорится: «Абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утвердились представления о беспроблемности национальных отношений. Недостаточно учитывались потребности социально-экономического, культурного развития как отдельных республик и автономных образований, так и национальных групп»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Гранберг А. Экономика Сибири — задачи структурной политики // Коммунист. — 1988. — № 2. — С. 31—40.

¹⁰¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М., 1988. — Т. 2. — С. 156.

Однако искусственное «сглаживание» национальных и этнических особенностей в какой-то мере продолжается и в наши дни, не преодолены упрощенные представления об интернационализме, превращаемом иногда в декларативный лозунг, и национализме, под который часто подводят стремления к экономической самостоятельности и социальной справедливости, к возрождению национальной культуры, языка, обычаев.

В Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятой сентябрьским (1989 г.) Пленумом ЦК партии, говорится: «Необходимы коренные изменения самих методов и содержания работы по формированию интернационалистического сознания. Давно уже не срабатывают высокопарные фразы о единстве, оторванные от реальности... И здесь нужно новое политическое мышление, которое не приемлет начетничества. Надо исходить из того, что интернационализм — это не отрицание права на национальное, наоборот — это возрастающее внимание к национальным интересам народов и одновременно — защита общечеловеческих ценностей, учет интернациональных тенденций, набирающих силу во всем мире. Важно, чтобы интернационализм воспринимался как осознанная собственная потребность, а не нечто навязанное извне, со стороны»¹⁰².

Извращенно трактуется также тезис о советском народе как новой исторической общности, формирование которой якобы уже завершилось, что нередко ведет к национальному нигилизму. Все это, конечно, не снимает задачу борьбы со всякими проявлениями как шовинизма, так и национализма. Подлинный интернационализм и национальное возрождение — не антиподы, а две взаимосвязанные стороны единого процесса создания действительно свободного, демократического и рав-

¹⁰² Правда. — 1989. — 24 сент.

ноправного союза всех наций и народов. Академик Н. Н. Моисеев пишет, что «культура, язык, самосознание каждого, даже самого маленького, этноса — неповторимый ступок человекотворчества. „Банк“ национальных культур и национального восприятия окружающего мира — вечная, непреходящая ценность человечества, которому он и принадлежит... Поэтому речь должна идти не о национальной унификации, а о том, чтобы использовать интегративные тенденции для взаимовыгодной, рациональной кооперации, для создания возможности разумной совместной жизни»¹⁰³.

XIX партконференция, сентябрьский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, первый Съезд народных депутатов СССР поставили перед обществоведами задачу глубокой научно-теоретической разработки современной национальной политики. Одну из первых попыток в этом направлении применительно к народностям Севера предприняли ученые Сибири¹⁰⁴.

Наличие многих дискуссионных проблем, слабая научная изученность их свидетельствуют о все еще непреодоленном существенном отставании обществоведения, в том числе и исторической науки. Этим и определяется необходимость создания различных трудов по наиболее острым и актуальным темам. Одна из них — исторический опыт развития сибирской деревни за последнее сложное и противоречивое тридцатилетие, научное осмысление которого может оказаться полезным для анализа сегодняшних процессов и определения перспектив развития. Попытка создать такой труд предпринимается в настоящем издании.

Книга написана на основе анализа большого массива разнообразного

¹⁰³ Моисеев Н. Национальные проблемы в контексте общих законов развития // Коммунист.— 1989.— № 8.— С. 58.

¹⁰⁴ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.— Новосибирск, 1989.

документального материала, значительная часть которого извлечена авторами из государственных и партийных архивов, из текущих материалов (делопроизводственных, информационных и т. п.) различных ведомств, учреждений и предприятий, периодической печати и впервые вводится в научный оборот. Важнейшая группа источников — статистические (как опубликованные, так и неопубликованные). Это материалы центральных и местных статистических органов, Советов, Агропрома, различных учреждений сельского хозяйства и т. п. Особую ценность представляют годовые отчеты колхозов и совхозов, а также Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Первые дают наиболее полную характеристику многообразной жизнедеятельности основных производственных коллективов, вторые — наиболее существенную информацию о динамике демографического и социального состава населения.

Особо следует выделить социологические обследования ученых ИЭиОПП и ИИФиФ СО АН СССР, ИЭСХ СО ВАСХНИЛ. В частности, четыре комплексных социологико-статистических обследования западно-сибирской деревни, проведенные социологами ИЭиОПП СО АН СССР в 1967, 1972, 1977 и 1982 гг. и дополненные рядом частных опросов, касающихся бюджетов времени сельского населения, отношения различных групп сельских тружеников к существующему хозяйственному механизму и возможным путям его улучшения, показателей социальной сферы села и других (1975—1987 гг.)¹⁰⁵.

Использованы также материалы специальных обследований, осуществленных экономистами ИЭСХ СО ВАСХНИЛ: системы организации и оплаты труда, управления, хозрасчета в колхозах, совхозах, а также в подразделениях, работающих на

¹⁰⁵ См.: Социально-экономическое развитие сибирского села...— С. 5—10.

коллективном и арендном подряде, состава и движения трудовых ресурсов и сельскохозяйственных кадров, бюджетов сельских семей и т. п.

Привлечены результаты социологических обследований, проведенных социологами ИИФиФ СО АН СССР в различных национальных районах Сибири (в Горном Алтае, Туве, Хакасии, Якутии), а также среди народностей Севера.

Обилие фактического материала предопределило особую необходимость его отбора, критического анализа, сопоставления и взаимопроверки для выявления достоверности анализируемых документов. Внутренняя критика исторических источников, рассматриваемая как вполне естественная и необходимая применительно к более ранним этапам отечественной истории, по отношению к документам последней четверти века — скорее исключение, нежели правило. Между тем в этот период получила широкое распространение практика сознательных или несознательных (что не меняет дела) приписок и искажений.

В условиях, когда обществоведение было втиснуто в прокрустово ложе директивных указаний и догматических политических концепций, критический анализ источников или не допускался, или был субъективен (все, что делалось при прежних лидерах, получало оценку «плохо», а при вновь утвердившихся — «хорошо»). Сейчас предпринимаются лишь первые попытки преодолеть эту «застарелую болезнь». Усилия авторов данной книги идут в том же направлении. Так, рост основных производственных фондов дается не только в стоимостном выражении (что искажает картину вследствие удорожания техники, строительных материалов и т. п.), но и в натуральных показателях. При анализе учитывается, что результаты хозяйственной деятельности предприятий (уровень производства, себестоимость, рентабельность, производительность труда) без учета всего комплекса затрат ресурсов,

изменения ценового механизма являются также искажением действительного положения дел. Подобное же наблюдается при оценке деятельности многих подрядных коллективов, когда отсутствует комплексность подхода и, следовательно, научность.

Один из наиболее устойчивых стереотипов исторических публикаций (особенно историко-партийных) — переоценка роли принятых директивных решений, подмена критического анализа их реализации лишь комментированием, а иногда и неумным захваливанием. Это касается не только отдаленного исторического прошлого, но и последних, «перестроечных» лет. В редакционной статье «Правды» справедливо говорится, что «на коротком веку перестройки мы накопили уже солидную коллекцию скороспелых, а потому не работающих на обновление постановлений, законов, указов и других... директивных указаний»¹⁰⁶.

Н. И. Рыжков в докладе на втором Съезде народных депутатов СССР признал допущенные «ошибки и просчеты при подготовке ряда серьезных общегосударственных мероприятий без должной оценки последствий, поспешность в их практическом осуществлении», «принятие многих региональных и отраслевых программ при отсутствии необходимых ресурсов». «Лишь за минувшие 10 лет, — сказал он, — селу посвящено свыше 80 постановлений ЦК КПСС и правительства, направленных главным образом на укрепление материально-технической базы агропромышленного комплекса. Но положение дел меняется медленно»¹⁰⁷.

Некоторые директивные решения, недостаточно обеспеченные ресурсами, всесторонне не взвешенные и не обоснованные, были приняты и по Сибири. Это касается ряда решений о приоритетном развитии как экономики, так и социальной сферы регио-

¹⁰⁶ Правда. — 1989. — 28 июля.

¹⁰⁷ Там же. — 14 дек.

на. В частности, уже отмечалось, что не было обеспечено выполнение заданий, намеченных постановлением ЦК КПСС и СМ СССР (1982 г.) «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и в Курганской области» на период до 1990 г.¹⁰⁸ Подобное же произошло с некоторыми другими документами, например с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». Исследователи уже указывали, что крупномасштабные мероприятия, намеченные этим постановлением, «выполняются не в полной мере и во многом сами эти мероприятия не затрагивают непосредственных жизненных интересов народностей Севера»¹⁰⁹.

Стремясь преодолеть стереотипы лишь комментирования директивных решений, авторы данной монографии по ходу рассмотрения проблем стремятся дать внутреннюю критику источников. При этом делается попытка избежать крайностей — сведения истории как к перечислению победных реляций, так и к нагромождению цепи сплошных ошибок и недостатков. Авторский коллектив ставил перед собой задачу показать реальный исторический процесс во всей его сложности, противоречивости, переплетениях позитивных и негативных тенденций.

Предлагаемое читателю издание — обобщающий труд, в котором ставится задача в исторической динамике комплексно рассмотреть историю крестьянства и сельского хозяйства Сибири на протяжении длительного периода, охватывающего почти три десятилетия. Отсюда вытекает и структура книги: введение, три части (13 глав) и заключение.

¹⁰⁸ Там же.— 21 апр.

¹⁰⁹ Концепция социального и экономического развития...— С. 46.

Во введении определяются основные исторические этапы развития крестьянства и сельского хозяйства во взаимосвязи с изменением аграрной политики Коммунистической партии и Советского государства; подводятся итоги изучения рассматриваемой темы, выделяются дискуссионные проблемы и задачи дальнейшего исследования.

В первой части прослеживается процесс развития производительных сил и производственных отношений. Прежде всего рассматриваются изменение численности, состава и расселения населения, его демографическая характеристика, тенденции развития трудовых ресурсов села. Анализируются земельные ресурсы, пути повышения плодородия почвы, производственные фонды, энергетическая и техническая оснащенность труда, подготовка, использование и движение производственно-технических кадров. В комплексе проблем развития производственных отношений рассматриваются главным образом совершенствование отношений собственности, многообразие ее форм (кооперативно-колхозная, государственная, «смешанная», индивидуальная трудовая и др.). В центре внимания — развитие колхозной собственности на основе повышения уровня обобществления, кооперации и специализации производства, а главное — выработки механизма фактического включения крестьянина-производителя в совладение ею. Прослеживается история развития подрядных отношений — от различных форм коллективного подряда до аренды, совершенствование форм организации и оплаты труда и их влияние на трудовую активность крестьянства. Исторический процесс изменения производства рассматривается многосторонне: основные этапы и тенденции сельскохозяйственного производства, общественный и личный его секторы, интенсификация и эффективность социалистического хозяйствования, изменение системы заготовок, роль науки в развитии сельского хозяйства.

Вторая часть книги посвящена социальному развитию деревни. Анализируется социально-классовая и социально-профессиональная структура населения. Условия и уровень жизни рассматриваются во всех основных аспектах: личные доходы сельской семьи, потребление, жилищное и бытовое обеспечение, здравоохранение. Исследуется комплекс проблем культурного развития села: народное образование и образовательный уровень различных групп сельского населения, сеть учреждений культуры и направления их деятельности, использование свободного времени. Общественно-политическая жизнь деревни показывается в основном через деятельность Советов, партийных и других общественных организаций, в том числе самодеятельных. При анализе акцент делается на участии крестьянства в различных организациях и других формах социальной активности; прослеживается процесс возрождения колхозов как органов самоуправления и демократии.

В третьей части анализируются процессы развития крестьянства и сельского хозяйства в национальных районах Сибири. Рассматриваются демографическая и социальная структура населения как в целом автономий, так и коренных наций и народностей; тенденции экономического, социального, культурного и общественно-политического их развития. На основе сравнительно-исторического анализа выявляются общие закономерности социально-экономических процессов, а также их региональные и национальные особенности. Специальная глава посвящена хозяйственному и социально-культурному развитию районов населения народностей Севера.

В заключении подводятся итоги исторического опыта крестьянства Сибири; намечаются в общих чертах перспективы развития сельского хозяйства, дается вариант расчета-прогноза решения продовольственной проблемы в регионе.

Территориальные границы исследуемых процессов — Сибирь в узком значении этого понятия, т. е. территория от Урала до Забайкалья включительно. По современному административному делению она включает Алтайский и Красноярский края, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Иркутскую и Читинскую области, Бурятскую, Тувинскую и Якутскую автономные республики.

Ограниченный объем монографии предопределил необходимость сократить до минимума научно-справочный аппарат: ссылки даются на цитируемые источники, основной документальный материал, монографические издания, непосредственно рассматривающие проблемы, анализируемые в данной книге.

Монография написана коллективом исследователей ИИФиФ и ИЭиОПП СО АН СССР, ИЭСХ СО ВАСХНИЛ, а также других научных учреждений и вузов Сибири. Состав авторского коллектива следующие.

Введение — Н. Я. Гуцин.

Часть I, гл. 1, 1 — В. А. Калмык, 2 — Е. Е. Горяченко, 3, 4 — В. А. Калмык; гл. 2, 1 — А. А. Николаев (использованы материалы Г. А. Жукова, А. К. Михальченко, 2 — В. Н. Александров, А. А. Николаев, С. Н. Чикин (использованы материалы Н. А. Романовой), 3 — В. Н. Александров, А. А. Николаев, 4 — В. Н. Александров, А. П. Бычков, А. А. Николаев, Я. И. Черкасский (использованы материалы В. И. Штамлера); гл. 3, 1 — А. А. Николаев, К. И. Панкова, 2 — А. А. Николаев, К. И. Панкова, А. С. Шелепа, 3 — А. А. Николаев, К. И. Панкова; гл. 4, 1 — А. П. Бычков, Л. Ф. Жукова, В. А. Ильиных, Е. В. Никулина, 2 — В. А. Ильиных; гл. 5, 1, 2 — А. А. Носков, 3 — Н. Я. Гуцин, И. Я. Эйгерис, 4 — З. И. Калугина, 5 — Н. Я. Гуцин, К. И. Могильницкая, 6 — П. Л. Гончаров, Н. Я. Гуцин, А. А. Рычков.

Часть II, гл. 6, 1 — Т. М. Бадалян; 2 — Т. М. Бадалян, Л. И. Дре-

мова; гл. 7, 1 — С. С. Букин, А. Н. Шапошников (использованы материалы В. К. Коваленко), 2 — Н. А. Балыкова, С. С. Букин, 3 — В. С. Тапилина, 4 — Н. А. Балыкова, 5 — Э. Д. Азарх; гл. 8, 1 — Л. Г. Борисова, И. Б. Карпунина, Р. А. Попкова, В. Н. Турченко, Г. Н. Яковина, 2 — И. И. Харченко, 3 — Г. П. Гвоздева, И. Б. Карпунина, Р. А. Попкова, 4 — И. Б. Карпунина, Р. А. Попкова (использованы материалы И. М. Шильдяшова), 5 — Г. П. Гвоздева, И. Б. Карпунина; гл. 9, 1 — В. А. Ильиных, В. Г. Истомин, Л. Н. Приходько, 2 — В. А. Ильиных, В. Г. Истомин, И. Б. Карпунина, Л. Н. Приходько, 3 — Б. Л. Борисов, А. И. Кузнецов

(использованы материалы Е. С. Махиной), 4 — В. А. Ильиных, В. Г. Истомин.

Часть III, гл. 10, 1 — В. И. Бойко, Г. С. Гончарова, 2 — В. И. Бойко, О. В. Нечипоренко; гл. 11, 1 — В. А. Ильиных, И. Ф. Медведев, А. И. Оборкин; гл. 12, 1, 2 — А. П. Мелентьева, И. И. Осинский, 3 — И. Ф. Медведев, А. А. Николаев, И. И. Осинский; гл. 13, 1 — И. В. Удалова, 2 — В. И. Бойко, В. С. Золототрубов, Н. В. Исакова (использованы материалы Е. И. Швецовой).

Заключение — Н. Я. Гуцин, В. А. Калмык, А. А. Носков.

Именной и географический указатели подготовила Е. П. Лунегова.

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава I

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

1. Демографическое развитие

Основой общественного производства, главным двигателем социального развития является человек. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов»¹. В. И. Ленин подчеркивал: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»².

В условиях перестройки, утверждающегося приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми интересами демографические проблемы выдвигаются на авансцену современной жизни. Перестраивается демографическая политика государства: если раньше она была нацелена на решение главным образом экономических проблем, а человек рассматривался лишь как носитель рабочей силы, то теперь эта политика начинает ориентироваться на человека, его социальные интересы, на рост продолжительности жизни как интегральный показатель зрелости общества, на жизнедеятельность людей во всех ее сферах.

Демографические процессы в Сибири — регионе пионерного освоения — протекали интенсивно: освое-

ние огромных природных богатств (сырьевых и энергетических ресурсов) при обширности и удаленности территории, труднодоступности ряда районов, слабой заселенности, малой плотности населения³ порождало многообразные миграционные потоки. Сибирь — край многонациональный, и этнические процессы здесь своеобразны: народности до революции находились на различных этапах социально-этнического и экономического развития. Эти различия преодолевались не сразу и по-разному в различных автономиях, их влияние сказывается и на современном этапе исторического развития, порождая многие трудности в решении демографических проблем.

Сельское население Сибири в 60—80-е гг. претерпевало существенные изменения под влиянием социально-экономических и биологических факторов. Немаловажную роль в его историческом развитии продолжали играть суровые природно-климатические условия жизни, взаимодействие человека с окружающей средой. Нельзя игнорировать влияние городского сектора нашего общества, с одной стороны, интенсивно притягивающего к себе сельское население в качестве источника рабочей силы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 359.

³ Плотность населения в Западной Сибири в 11 раз, в Восточной Сибири — в 31 раз ниже, чем в Центральном экономическом районе (см.: Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе.— Новосибирск, 1980.— С. 68).

Таблица 1

Динамика городского и сельского населения Сибири * за 1959—1989 гг. (на 1 января)**

Год	Всего, млн чел.	В том числе			
		городское		сельское	
		млн чел.	%	млн чел.	%
1959	17 725	9 138	51	8587	49
1970	19 567	12 026	61	7541	39
1976	20 418	13 584	67	6834	33
1979	21 112	14 155	67	6757	33
1989 ***	24 158	17 499	72	6659	28
1989 в % к 1959	136	192	141	78	57

* Без Якутской АССР.

** Таблица рассчитана по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1971 г.— М., 1972; Народное хозяйство РСФСР в 1976 г.— М., 1977; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.— М., 1981; Известия.— 1989.— 29 апр.

*** Данные на 12 января 1989 г.

и, с другой — привлекательного для жителей села вследствие более высокого уровня жизни. В истории сибирского крестьянства последний фактор имеет особенно важное значение в связи с быстрым ростом сибирских городов. Наконец, удаленность Сибири от обжитых европейских районов страны с их культурными центрами, хорошей рекреационной базой также воздействовала на миграционное поведение населения региона. Влияние всех этих факторов отразилось на динамике населения, его численности, режиме воспроизводства, половозрастной, семейной, территориально-поселенческой, культурно-образовательной, социально-экономической структурах. Определяющее значение в этих процессах имела аграрная политика партии и государства.

В 60-е гг. сельские районы страны продолжали терять население в результате его оттока в города. Сократилась численность сельских жителей и в Сибири, причем темпы убыли примерно равнялись среднереспубликанским показателям и превышали общесоюзные. За период между переписями населения 1959 и 1970 гг. в Сибири городское население приросло на 31,6 %, а сельское сократилось на 12,2 %, так что удельный вес последнего во всем населении края снизился. В 1971—1989 гг. население сибирского края продолжало увеличиваться, причем более высокими темпами, чем в других регионах республики и по СССР в целом. Активно протекал и процесс перераспределения населения между городом и селом в пользу первого, хотя темпы сокращения сельского населения постепенно снижались (табл. 1). Численность сельского населения сокращалась во всех административных районах Сибири, кроме Томской, Тюменской, Читинской областей. Малой долей сельского населения (12 %) отличалась Кемеровская область; в остальных административных районах его удельный вес колебался в пределах 26—44 %. Си-

бирь опередила общесоюзный уровень урбанизации населения почти на десятилетие (в 1987 г. удельный вес городского населения СССР составлял 66 %, РСФСР — 74, Сибири — 72 %).

Численность населения изменяется в результате двух процессов — его естественного и механического движения. На селе размер механической убыли преобладал над величиной естественного прироста. Величины миграционного оттока и сокращения численности в результате административно-территориальных преобразований крупных сельских поселений в городские, т. е. механического движения, за период 1970—1985 гг. превысили абсолютный естественный прирост населения в 1,8 раза (в первое пятилетие 70-х гг. — в 2,6 раза, во второе — в 1,7 и в первое пятилетие 80-х гг. — всего в 1,2 раза)⁴. Роль миграционных процессов постепенно снижалась, а естественных росла, при этом естественный прирост увеличивался не только относительно, но и абсолютно, хотя и происходил на сужен-

⁴ Рассчитано по данным ЦСУ РСФСР.

ной основе. Абсолютный естественный прирост — отличительная черта Сибири по сравнению с Российской Федерацией в целом и многими ее регионами, для которых характерна естественная убыль сельского населения.

Интенсивность сельской миграции постепенно сокращалась не только в Сибири, но и во многих других регионах республики. Однако если за 1966—1970 гг. в Сибири она была выше среднереспубликанского показателя (на 1000 чел.) и составляла по Западной Сибири в среднем за год 28,9 чел. и по Восточной Сибири — 25,3, то в следующее пятилетие почти сравнялась с ним (соответственно 22 и 23 чел.), а в 1976—1985 гг. была уже существенно ниже. В Восточной Сибири интенсивность сельской миграции снижалась медленнее, чем в Западной. В 1981—1985 гг. отрицательное сальдо миграции здесь было выше, чем в Западной Сибири, примерно в 1,8 раза.

Проблемными с точки зрения чрезмерной миграции сельского населения являются Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская и Омская области в Западной Сибири и все районы Восточной Сибири, кроме Читинской области. Хотя в перечисленных выше районах (за исключением Тувинской АССР) интенсивность миграционного оттока за последние 10 лет значительно снизилась, она до сих пор много выше среднерегionalной.

Основной поток сельских мигрантов региона шел в сибирские города, население которых прирастало преимущественно за счет сельских районов. Об этом можно судить по данным социологического обследования группы работников в пяти городах Западной Сибири (Омске, Алейске, Кемерове, Нижневартовске, Междуреченске), проведенного в 1984 г. ИЭиОПП СО АН СССР по признакам возраста, пола и отраслевой структуры работающих (более 1,7 тыс. чел.) и репрезентативного для всего работающего населения. Установлено, что на 31,3 % эта груп-

па состояла из мигрантов, до этого живших на селе, и на 39,3 % — из родившихся на селе.

Высокой интенсивности сельской миграции в сибирские города в 60-е гг. способствовала межрайонная миграция, неблагоприятно сложившаяся для восточных регионов. За период между двумя переписями (1959—1970 гг.) абсолютное отрицательное сальдо миграции по Западно-Сибирскому экономическому району составило в среднем за год 787 тыс. чел., а относительное — 65 чел. на 10 тыс. жителей. Если к этому прибавить, что в Восточно-Сибирском экономическом районе отрицательное сальдо миграции достигло в среднем за год 135 тыс. чел., а относительное — 10 чел. на 10 тыс. жителей, то Сибирь выйдет на второе место вслед за Уралом в группе районов, имевших в тот период отток населения. По интенсивности оттока Сибирь уступала лишь Волго-Вятскому району (99 чел. на 10 тыс.)⁵.

Причины миграции из села в город многообразны и подвижны, поскольку динамичны во времени как сами факторы, ее образующие, так и их соотношение. В числе основных причин, притягивавших население сибирских сел в города в 1960—1975 гг., наличие в последних свободных рабочих мест, возникших вследствие чрезмерной миграции городского населения в другие регионы страны; недостаточность естественного прироста городского населения; относительно высокий уровень жизни в городах. Демографическим фактором оттока является изменение на селе удельного веса молодежи, которой свойственна высокая миграционная подвижность. Резкое снижение доли людей 16—19-летнего возраста (а также улучшение условий жизни на селе и ухудшение продовольственного снабжения городского населения) замедлило в

⁵ Миграционная подвижность населения в СССР.— М., 1974.— С. 80—81.

конце 70-х — 80-е гг. процессы сельской миграции.

О социальных причинах, формирующих миграционное поведение сельских жителей, и их динамике свидетельствует сложность структуры мотивов потенциальной миграции работников западно-сибирского села. В конце 60-х гг. главным «отталкивающим» фактором здесь был сельский образ жизни в целом; в конце 70-х гг. усилилась группа специфических мотивов («состояние здоровья», «семейные обстоятельства»); пять лет спустя резко возросли требования к жилищным условиям. В течение 1967—1982 гг. нарастала и без того высокая неудовлетворенность условиями и содержанием труда, занявшая в 1982 г. в группе мотивов первое место; устойчиво высокую роль играет и неудовлетворенность снабжением потребительскими товарами и бытовыми услугами.

Социальное развитие села, демократизация управления АПК, приватизация и развитие арендных отношений, гибкость форм привлечения населения к сельскохозяйственному труду — все это должно способствовать сокращению миграционного оттока из села.

Еще одной составляющей процесса изменения численности населения является естественный прирост. Он складывается в результате превышения численности родившихся над умершими. В 60-е гг. общая численность родившихся в сибирском селе резко сократилась, а умерших умеренно увеличилась. В Западной Сибири за 1960—1969 гг. удельный вес естественного прироста в общей численности населения сократился с 24 до 5,5 %, в том числе за счет уменьшения коэффициента рождаемости — более чем в 2 раза и увеличения смертности — на 22 %. Благоприятная демографическая ситуация сложилась в 70—80-е гг., она была вызвана ростом рождаемости, причем это не только сибирская, но и общесоюзная тенденция. Показатели рождаемости в Сибири (как и на Дальнем Востоке) выше, чем в других

регионах республики, что в немалой степени связано с более высоким удельным весом в составе женского населения лиц репродуктивных возрастов. В 1985 г. общий коэффициент рождаемости в сельской местности Западной Сибири составлял 20,2 промилле, в Восточной Сибири — 23,8, что превышало соответствующие данные по городской местности на 2,5 и 5,3 промилльных пункта. Показатели рождаемости по РСФСР в целом ниже.

В 80-е гг. из наиболее активного возраста рождения первого ребенка начало выходить многолюдное поколение женщин, родившихся в 50-е гг., и на смену ему пришло малолюдное поколение 60-х гг. Сам по себе этот факт приводит к абсолютному снижению числа рождений, а компенсаторным фактором может служить повышение числа рождений этим поколением. Между тем главенствующей тенденцией оказалось как раз снижение числа рождений в семье, или малодетность, к тому же усугубляемая ростом разводимости молодых семей. Поэтому в дальнейшем следует ожидать, скорее всего, сокращения коэффициента рождаемости.

Показатели смертности сельского населения сибирского края, как и республики и страны в целом, имели тенденцию к повышению. За 1970—1985 гг. общий коэффициент смертности в расчете на 1000 чел. сельского населения в Западной Сибири поднялся на 32 % и в Восточной Сибири — на 36 % (соответственно с 0,9 до 11,9 и с 8,4 до 11,4 промилле). В РСФСР в целом динамика еще менее благоприятная (отмечен рост с 10,0 до 14,3 промилле). Наиболее высока смертность в южных районах Западной Сибири, а также в Красноярском крае и в Иркутской области. Рост смертности в течение длительного времени был связан главным образом с постарением населения, но в 70-е гг. он затронул почти все его возрастные группы. Общие и повозрастные показатели смертности сельского населения Си-

бири выше, чем городского. Более того, этот разрыв увеличивается, поскольку отчетливо прослеживается тенденция ускоренного увеличения показателей по возрастной смертности, особенно детской, по сравнению с городским населением. Повозрастная смертность в Сибири выше среднереспубликанской.

Повышению по возрастной смертности населения страны в 1976—1985 гг. способствовали резкое ухудшение экологической среды обитания, алкоголизация всех слоев взрослого населения и подростков, рост технической вооруженности труда без существенного улучшения, а по многим параметрам и в результате ухудшения санитарно-гигиенических условий и организации труда, что приводит к усилению нервной утомляемости и психологическому дискомфорту. К основным причинам роста смертности можно с полным основанием отнести и отставание развития здравоохранения от потребности в нем населения. В Сибири, и особенно в ее сельской части, действие всех этих факторов проявилось сильнее на фоне относительно худших условий и более низкого уровня жизни населения.

С начала 80-х гг. по возрастной смертности во всех районах Сибири начала сокращаться. Этот процесс затронул и сельское население, в результате чего уже с 1985 г. общий коэффициент смертности сельского населения начал снижаться и увеличилась продолжительность жизни. В немалой степени этому перелому способствовало движение за трезвость и улучшение социально-бытовых условий жизни на селе.

Уменьшение численности сельского населения Сибири сопровождалось изменением его семейной структуры. В 60—80-е гг. продолжался процесс нуклеаризации семей, выражавшийся в увеличении удельного веса семей, состоявших из одной брачной пары с детьми или без детей или матери (отца) с детьми. В итоге этого процесса размер семьи уменьшился.

По данным всесоюзных переписей населения, к началу 60-х гг. среднереспубликанская семья состояла из 3,6 совместно проживавших человек, к началу 70-х гг. — из 3,5 и к концу — уже из 3,3. В 60-е гг. продолжала уменьшаться доля семей, насчитывавших в своем составе 4 члена и более, а в 70-е гг. в это движение были втянуты и семьи, состоявшие из 3 чел., причем в основном вследствие падения числа рождений второго ребенка. Сельская семья издавна была больше городской. Но ускоренное сокращение ее размеров в последние два десятилетия приблизило ее к городской, так что к 1979 г. разница между ними по этому показателю составляла всего 0,2 чел.

Западная Сибирь была захвачена более интенсивным процессом сокращения размеров семьи, и к концу 70-х гг. регион в этом отношении ничем не отличался от РСФСР в целом. В Восточной Сибири социально-демографические процессы протекали с той же скоростью, но поскольку в начале периода размер восточно-сибирской семьи был больше, чем западно-сибирской, к концу 70-х гг. она ее несколько превышала.

Колхозное население как часть сельского населения сибирского края также характеризовалось в эти годы динамичностью развития, однако были и особенности, связанные со спецификой колхозной формы собственности, преимущественной занятостью колхозников сельским хозяйством и вытекавшими из этих факторов экономическими и социальными последствиями.

Колхозное население сокращалось интенсивнее, нежели неколхозное, главным образом потому, что продолжался процесс перевода части колхозов в совхозы. Например, в Новосибирской области, типичной представительнице Западной Сибири, за 1961—1977 гг. сельское население сократилось на 23 %, а колхозное — на 34 %, или в 1,5 раза больше. В 1972 г. в Новосибирской области из 30 районов десять уже не имели

Динамика численности колхозного населения Новосибирской области за 1962—1982 гг. (на начало года), % к 1962 г.*

Год	Сельское население	
	все	колхозное
1967	94	90
1972	88	74
1977	77	66
1982	73	62

* Таблицы 2, 3 рассчитаны по данным Новосибирского облисполкома.

колхозного населения. В последующие годы число колхозов области оставалось стабильным и абсолютное сокращение колхозного населения протекало примерно такими же темпами, как и неколхозного (табл. 2).

В остальных областях и краях Сибири (кроме Тюменской области со стабильным числом колхозов) численность колхозного населения в 70-е и 80-е гг. продолжала сокращаться интенсивнее, нежели неколхозного.

Колхозное население существенно менее подвижно в миграционном отношении по сравнению с неколхозным. По данным социологического обследования, в 1967 г. в Новосибирской области удельный вес проживающих на селе с рождения по колхозному населению составлял 38,3 %, неколхозному — 26,6; в 1982 г. — соответственно 31,8 и 17,1 %. Различаются между ними и показатели числа мест проживания.

Колхозное население имеет в своем составе больший удельный вес лиц младших и старших возрастов, чем неколхозное. Все сельское население Сибири «стареет» быстрее, чем городское, в результате чего его средний возраст превышает средний возраст городского населения на 2,5 года. Средний возраст на селе увеличивается в основном за счет сокращения удельного веса детей и увеличения лиц старших возрастов. Особенно остра в колхозах и общая для советского села проблема соотношения полов — недостаток «невест». Ее корни лежат в сравнительно неблагоприятных условиях занятости женщин на селе: на начало 80-х гг. в Западной Сибири на 1000 колхозников-мужчин приходилось 1230 женщин, в том числе в возрасте 16—29 лет — 882, а в группе 50—55 лет и старше — 3369 женщин.

Семьи колхозников-сибиряков, как и в стране в целом, по размерам больше семей рабочих и служащих. Исключения редки (в Кемеровской области размеры колхозных семей и

семей рабочих одинаковы). Колхозные семьи в Читинской области — одни из самых больших. В числе экономических последствий изменения размеров и возрастного состава колхозных семей — существенное уменьшение демографической нагрузки на трудоспособное население. Это видно на примере Новосибирской области (табл. 3).

История воспроизводства населения трудоспособных возрастов имеет как общие с историей всего населения закономерности развития, так и свою специфику. И объясняется это не только своеобразием естественного прироста, который определяется главным образом входом молодых поколений в трудоспособный возраст и выходом из него старших поколений, а следовательно, соотношением численности поколений, находящихся на границах возрастной трудоспособности (16—54 лет у женщин и 16—59 лет у мужчин)⁶, но и усиленной миграционной подвижностью экономически активного населения. В 50—60-е гг. сельское население СССР в трудоспособном возрасте сокращалось значительно интенсивнее, чем население в целом. В 70-е гг. тенденция изменилась на противоположную, т. е. трудоспособ-

⁶ До конца 60-х гг. возрастные границы трудоспособности у колхозников были шире, чем у неколхозного населения. В начале последующего десятилетия они были приравнены к таковым у рабочих и служащих (см.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1968. — Т. 6. — С. 79, 608—613).

Т а б л и ц а 3

Динамика демографической нагрузки на колхозное население Новосибирской области за 1962—1982 гг. (на начало года), % к населению в трудоспособном возрасте

Год	Дети до 16 лет	Лица старше трудоспособного возраста	Демографическая нагрузка
1962	96	28	124
1967	97	32	129
1972	83	36	119
1977	61	34	95
1982	53	35	88

ное население стало сокращаться в меньшей мере, чем население в целом. Этот факт объясняется колебаниями естественного прироста, а также ослаблением миграционного оттока. В 1960—1966 гг. естественный прирост трудовых ресурсов был низким, поскольку, во-первых, на пенсию уходили многочисленные поколения рожденных в начале XX в., особенно женщины (на мужчинах сказались первая мировая, гражданская и Великая Отечественная войны), и, во-вторых, в трудоспособный возраст вступали немногочисленные поколения, рожденные в годы войны и первые послевоенные годы. В сочетании с интенсивным механическим оттоком этот процесс привел к резкому сокращению трудоспособного населения. С середины 60-х гг. до конца 70-х из состава трудоспособного населения выходили малочисленные поколения, родившиеся в годы первой мировой войны и понесшие наибольшие потери во время второй мировой войны, а пополнение шло за счет родившихся в годы повышенной рождаемости (1950—1960 гг.). В 80-е гг. естественные процессы формирования трудоспособного населения круто меняются: увеличивается численность поколений, выходящих на пенсию (особенно женщин, рожденных в 1923—1932 гг.), убывает численность поколений, входящих в трудоспособный возраст (в результате резкого снижения рождаемости в 60-е гг.). В итоге численность трудоспособного

населения интенсивно уменьшается. Эта тенденция продолжится, по-видимому, до середины 90-х гг.

Спецификой сибирского села является более высокий естественный прирост трудовых ресурсов по сравнению со среднереспубликанскими показателями. Однако в 60-е гг. роль естественного прироста в формировании трудоспособного населения сибирского села была снижена в результате неблагоприятных миграционных процессов: естественный прирост компенсировал миграционный отток менее чем наполовину. Иная ситуация сложилась в 70—80-е гг.— период повышенного естественного прироста трудоспособного населения и сокращения интенсивности его миграции. В первой половине 80-х гг. трудоспособное население сибирского села продолжало сокращаться в большей мере, чем все население. Однако по сравнению с РСФСР в целом этот процесс был замедленным вследствие относительно более высокой интенсивности как естественного прироста, так и снижения миграционного оттока.

Численность трудоспособного колхозного населения уменьшалась быстрее, чем неколхозного. К началу 80-х гг. колхозное население в трудоспособном возрасте насчитывало более 750 тыс. чел., в том числе на долю Западной Сибири приходилось примерно две трети этой численности, на долю Восточной Сибири — одна треть.

Экономисты считают, что с начала 60-х гг. Сибирь — регион трудонедостаточный. В 1961—1965 гг. в Западной Сибири дефицит кадров на селе составлял величину порядка 10—30 %⁷. Он усугублял и без того тяжелое экономическое положение сельского хозяйства. Новая аграрная политика партии, направленная на интенсификацию сельскохозяйственного производства, не дала положительных результатов по закреплению кадров на селе, и миграцион-

⁷ Миграция сельского населения.— М., 1970.— С. 87—89.

ный поток продолжал нарастать, достигнув к концу 60-х гг. наивысшего за весь послевоенный период уровня.

Однако в 60-е гг. дефицит трудовых ресурсов носил в основном сезонный характер и захватывал далеко не все сельские районы сибирского края. Многие из них имели избыток рабочей силы. Но уже в первой половине 70-х гг. дефицит трудовых ресурсов в сельском хозяйстве стал круглогодичным и распространился на все массовые профессиональные группы этой отрасли, захватил многие другие производства и даже сферу обслуживания сельского населения, которая хотя и медленно, но начала расширяться. По данным экономических служб хозяйств Новосибирской области, выступивших в социологических исследованиях ИЭиОПП СО АН СССР в роли экспертов, дефицит кадров в совхозах и колхозах увеличился с 8 % от их общей потребности в 1966 г. до 14 % в 1972 г.

В 70-е гг. четко обозначилось падение темпов роста производства сельскохозяйственной продукции. Отрасль по-прежнему оставалась трудонедостаточной, хотя во второй половине 70-х гг. дефицит трудовых ресурсов на селе снизился в основных отраслях материального производства. В Новосибирской области он упал с 11 до 7 %, оставаясь примерно в тех же размерах в сфере обслуживания населения. В первой половине 80-х гг. потребность Новосибирской области в рабочей силе в материальном производстве села была удовлетворена примерно на 91 %, в том числе в строительстве — на 89, в непроизводственной сфере — на 95 %.

О масштабах дополнительной потребности в кадрах можно судить и по другим показателям, например по удельному весу постоянных кадров в сельском строительстве. На Алтае он не превышает 75—80 %. Рост сезонного дефицита труда в сельском хозяйстве отражается в увеличении удельного веса трудовых

затрат привлеченного труда в прямых затратах труда в растениеводстве. Так, в Новосибирской области в совхозах они составляли в 1965 г. 14 %, в 1974 г. — 20, в колхозах — соответственно 5 и 13 %.

Колхозы имели менее напряженный баланс трудовых ресурсов, нежели совхозы, но причины этого явления и последствия были идентичными. О нарастании напряженности баланса рабочей силы в колхозах свидетельствует чрезмерный рост трудовой нагрузки животноводов и представителей ряда других профессий.

О трудонапряженной ситуации в колхозах Сибири можно судить и по показателям соотношения в них средств производства и числа работников. Так, в среднем на одного колхозника, занятого в общественном хозяйстве региона, приходится пашни в 1,4 раза больше, чем в целом по РСФСР; выше средней и его фондоснащенность, причем основные различия падают на активные фонды.

Причины дефицита трудовых ресурсов многообразны и связаны с социально-демографическим, экономическим и социальным развитием села и всего региона в целом. Важную роль в демографическом и социально-экономическом развитии имеет и рациональная пространственная организация жизнедеятельности сельского населения.

2. Система расселения

Особенности сложившейся системы расселения, степень согласованности размещения на территории мест проживания населения, мест приложения труда и мест получения услуг, а также развитость системы транспортных коммуникаций в значительной степени определяют условия и образ жизни населения. В результате проживание в определенном типе поселений становится важнейшим фактором социальной дифференциации населения. В то же время система расселения обладает

значительной инерционностью: сложившаяся сеть поселений наследуется от прошлого, часто отдаленного, а ее современное состояние будет сказываться на многих сторонах общественного развития страны еще много десятилетий.

Сибирь относится к типу слабозаселенных сельских регионов с редкой сетью сравнительно крупных населенных мест. На ее территории, составляющей 40 % всей территории РСФСР, в настоящее время размещены 8 % сельских поселений, в которых проживает седьмая часть сельского населения республики. О низком уровне заселенности территории и преимущественно несельскохозяйственном характере ее освоения свидетельствует малая плотность сельского населения: в 1984 г. в Западной Сибири — 1,7 чел. на 1 км², в Восточной Сибири — 0,6 чел. на 1 км², в то время как в европейской части РСФСР она намного выше (в Центральном районе — 13 чел., в Центрально-Черноземном — 22, в Поволжье — 10, на Урале — 6 чел. на 1 км²).

Заселенность в пределах региона носит неравномерный, чаще всего «очаговый» характер, различаясь более чем в 10 раз по отдельным участкам территории. Уровень урбанизации территории сравнительно невысок: густота городов в Западной Сибири в 2 раза, а в Восточной Сибири — в 3,6 раза ниже среднереспубликанской. В зоне благоприятной двухчасовой доступности городских центров в Западной Сибири в 1979 г. проживало 37 %, а в Восточной Сибири — 24 % сельского населения⁸. Поэтому роль городов в жизни сельского населения региона сравнительно мала.

Основная нагрузка по созданию благоприятных условий жизни крестьян ложится непосредственно на сельские поселения, преимущественно крупные. Средняя людность сель-

ского поселения в Сибири составляет примерно 450—455 чел., что в 1,8—1,9 раза выше среднереспубликанского показателя. (Лишь в двух регионах республики — на Дальнем Востоке и Северном Кавказе — средний размер сельского поселения больше.) Около половины сельского населения сосредоточено в поселениях, насчитывающих свыше 1000 чел. Эти села способны не только создать благоприятные условия жизнедеятельности для своего населения, но и выступить центрами обслуживания для окружающих сел. Они составляют 10,9 % сельских населенных пунктов Западной Сибири и 12,4 % — Восточной Сибири (по РСФСР на их долю приходится лишь 4,8 % населенных пунктов и 43 % населения). Мелкие поселения (с численностью жителей до 100 чел.) в Сибири составляют четверть населенных мест, причем в них проживает 2,5 % населения (в целом в РСФСР доля мелких поселений достигает 59 %, т. е. в 2,2—2,3 раза превышает аналогичный показатель по Сибири). Это объясняется не только концентрацией сельского населения в крупных поселениях, но и значительно меньшей долей хуторского расселения: мельчайшие населенные пункты (до 25 чел.) здесь составляют 9,2—9,9 % против 29 % в РСФСР. Удельный вес населения, проживающего в хуторах-однодворках, в 5 раз ниже среднереспубликанского показателя.

Концентрация населения Сибири в сравнительно крупных поселках сочетается с их значительной территориальной рассредоточенностью. Сельское расселение на территории Западной Сибири неоднородно. Для района в целом характерны ярко выраженные зональные различия, проявляющиеся в неравномерности заселения отдельных участков территории, различиях в величине населенных пунктов, особенностях их размещения. Густота сельских населенных мест (на 1000 км²) колеблется от 1,2 в Тюменской области

⁸ Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевнич М. Н. Где живет советский человек? — М., 1988. — С. 128.

до 13,2 — в Кемеровской, причем в последней они самые мелкие (средний размер — 327 чел., а доля поселков, имеющих менее 100 жителей, составляет 34,4 %). Самые крупные поселения встречаются в Алтайском крае (610 жителей на одно поселение, а в селах, насчитывающих свыше 1000 чел., проживает почти 60 % населения). Показатели, наиболее близкие к средним по региону, имеет Новосибирская область, занимающая промежуточное положение между редкозаселенной Тюменской и густозаселенной Кемеровской областями⁹.

За период между переписями населения 1959 и 1979 гг. число сельских населенных пунктов сократилось в Сибири на 52 %, а в целом по РСФСР — на 39,6 %. Поскольку в этот же период численность сельского населения сокращалась более медленно, достаточно интенсивно шла его концентрация. В результате этих процессов средний размер сельского поселения увеличился в 1,6—1,8 раза. Наиболее высокие темпы концентрации сельского населения были характерны для первой половины рассматриваемого периода, после 1970 г. этот процесс существенно замедлился. Так, если в 1959—1970 гг. ежегодный прирост среднего числа жителей в поселении составлял в Западной Сибири 2,5 %, а в Восточной Сибири — почти 4 %, то в последующие 9 лет — 2,1 и 1,7 % соответственно. При сохранении прежних темпов концентрации средняя людность сельского поселения к 1979 г. должна была бы составить 465 чел. в Западной и 555 чел. в Восточной Сибири. Фактически же она оказалась ниже (табл. 4).

Доля крупных поселений (свыше 1000 чел.) за 20 лет увеличилась лишь на 6 п. п. Характерно, что процесс сокращения числа сельских поселений затрагивает и крупные

населенные пункты. При анализе дробной группировки по людности видно, что достаточно интенсивно сокращалось число населенных пунктов с людностью 3—5 тыс. чел. (по Западной Сибири оно сократилось на 19 %, а по Восточной Сибири — на 36 %). Это явилось следствием не только укрупнения части этих поселений и преобразования их в поселки городского типа, но и интенсивного сокращения численности населения, приводящего к переходу их в группы с меньшей людностью, чем в значительной мере объясняется увеличение количества населенных пунктов в группе с численностью 1—2 тыс. чел.

Если в 1959—1970 гг. основное сокращение числа сельских населенных пунктов приходилось на группу с населением до 100 чел. (64 % в Западной и 74 % в Восточной Сибири), то в последующем (1970—1979 гг.) — на долю групп с населением от 101 до 500 чел. (53 % в Западной и 41 % в Восточной Сибири). Быстрое сокращение в 60-е гг. числа мельчайших поселений, являющихся источником притока населения в более крупные села, привело в дальнейшем к измельчанию средних поселений. Разукрупнение же средних поселений ведет к тому, что они пополняют группу более мелких. В результате этого происходит «самовосстановление» структуры сельского расселения. Поэтому в 70-е гг. доля малых поселений (насчитывающих менее 200 чел.) сократилась незначительно (с 48 до 44 %), и в целом структуры сельского расселения 1959 и 1979 гг. остались достаточно близки, несмотря на то что в течение ряда лет проводилась активная политика, направленная на концентрацию расселения. По мере того, как «резервы» оттока населения из мелких сел будут исчерпываться, следует ожидать дальнейшего замедления процесса концентрации.

Вплоть до конца 50-х гг. специальных комплексных долгосрочных

⁹ Здесь и далее рассчитано по спискам сельских населенных пунктов Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг.

Динамика сельского расселения в Сибири за 1959—1979 гг.

Показатели	РСФСР			Западная Сибирь			Восточная Сибирь		
	1959	1970	1979	1959	1970	1979	1959	1970	1979
Плотность сельского населения, чел. на 1 км ²	3,3	2,9	2,5	2,3	1,9	1,7	0,7	0,7	0,6
Густота сельских поселений на 1000 км ²	17,2	12,7	10,4	7,9	5,2	3,9	2,8	1,8	1,4
Среднее расстояние между сельскими поселениями, км	7,6	8,9	9,8	11,2	13,9	16,1	18,9	23,6	27,1
Средний размер сельского поселения, чел.	187	226	240	283	372	450	256	392	455

программ реконструкции сельского расселения в СССР вообще не разрабатывалось. Политика целенаправленного преобразования сети сельских поселений фактически началась в 60-е гг. Постановлением декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС¹⁰ была признана целесообразность разработки для всех административных районов страны схем районных и сельскохозяйственных планировок, в которых должны быть предусмотрены перспективы развития и специализация сельскохозяйственного производства, рациональное размещение производственных и общественных зданий, жилых массивов, электрификация, водоснабжение, дорожное строительство и связь, дальнейшее развитие населенных пунктов колхозов и совхозов. В основу социальной политики в деревне была положена данная XXII съездом КПСС установка на постепенное преобразование колхозных деревень и сел «в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями», на ликвидацию социально-экономических и культурно-бытовых

различий между городом и деревней¹¹.

В соответствии с этой установкой начались массовые работы по составлению схем районной планировки в сельских районах. В разработку включились проектные и научно-исследовательские институты преимущественно технического профиля без соответствующих исследований закономерностей развития систем расселения, их роли в социально-экономическом развитии страны, без учета региональной специфики.

В подготовленных НИИ градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР с участием ВНИЭСХ ВАСХНИЛ и других проектных учреждений методических материалах¹² были выделены как перспективные населенные пункты с размещением нового строительства и как неперспективные существующие населенные пункты, намечаемые к постепенной ликвидации. При этом рекомендовалась численность населения на перспективу не менее 1—1,2 тыс. чел. для поселков производ-

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1961—1965.— 9-е изд.— М., 1986.— Т. 10.— С. 143.

¹² Методические указания по составлению схем планировки сельскохозяйственных районов.— М., 1962.— С. 40—42; Районная планировка экономических административных районов, промышленных районов и узлов: Руководство по проектированию.— М., 1962.— С. 71.

¹⁰ См.: О дальнейшем развитии сельского хозяйства: Постановление Пленума ЦК (23—25 декабря 1959 г.) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 4.— С. 630.

ственных участков и 3—5 тыс.— для центральных поселков совхозов и колхозов.

Таким образом, практика градостроительных решений для сельской местности была поставлена в жесткую зависимость от численности жителей в населенном пункте, при этом ограничивались возможности нового строительства социальной инфраструктуры, создания комплекса условий жизнедеятельности в сельских поселениях.

В течение ряда последующих лет концентрация сельского расселения путем ликвидации так называемых «неперспективных» сел и сселение их жителей в более крупные поселения предлагались в качестве единственного пути совершенствования системы расселения. Однако попытка повсеместной реализации этой политики без учета необходимости существования разных по величине поселений для успешного функционирования системы расселения в целом на практике не только не дала ожидаемого решения проблемы миграции и закрепления сельского населения, но и привела в ряде случаев к неожиданным результатам. Миграция сельского населения в города не сократилась, а, напротив, усилилась, причем зачастую именно благодаря сселению. По данным выборочного опроса жителей Новосибирской области, проведенного в годы активной реализации этой политики, лишь 7 % населения подлежащих ликвидации поселений переселялось на центральную усадьбу своего хозяйства (как это было предусмотрено программой сселения), еще 22 % — в другие села, основная же часть переезжала в города. Чистая потеря населения для села вследствие сселения составила две трети жителей ликвидируемых поселений, т. е. с точки зрения закрепления сельского населения привела к прямо противоположному результату.

Кроме того, процесс концентрации сельского населения нельзя оценивать однозначно. Казалось бы, он

должен способствовать улучшению условий жизни, обеспечивая достаточную демографическую базу для создания полноценной системы учреждений обслуживания непосредственно в местах проживания. Однако оборотной стороной концентрации является снижение уровня заселенности территории. Так, средняя густота сельских населенных мест уменьшилась в Сибири за период 1959—1978 гг. почти в 2 раза, а среднее расстояние между сельскими поселениями увеличилось в 1,5 раза. В результате уменьшается реальная связанность сети расселения, происходит стягивание сельского населения в пригородные районы и зоны, прилегающие к транспортным магистралям. Такое поредение сети населенных мест чрезвычайно нежелательно, особенно для районов с низкой заселенностью и низкой социальной освоенностью территории. Пространственно изолированные, слабо связанные между собой (пусть даже более крупные) поселения Сибири создают не лучшие, а худшие условия жизнедеятельности населения по сравнению с другими регионами.

В этих условиях возрастает роль местных центров системы расселения, как наиболее (а иногда и единственно) доступных, обеспечивающих удовлетворение основных потребностей в благах и услугах населения окружающих сельских поселений.

В Сибири функции центра системы расселения чаще всего выполняет районный центр: на его долю приходится три четверти всех культурно-бытовых поездок окрестного населения, причем почти 80 % населения трудоспособного возраста, живущего в периферийных поселках, ездит в райцентр не реже нескольких раз в год и свыше 40 % — каждый месяц. В условиях сравнительно малой роли городов в организации жизнедеятельности сельского населения социальные функции райцентра возрастают. Вместе с тем

среди райцентров высока доля поселений сельского типа с их сравнительно небольшой людностью, что затрудняет выполнение ими роли центров социально-бытового и культурного обслуживания населения. Так, доля городов среди районных центров к концу 70-х гг. составляла в Западной Сибири 24,7 % и в Восточной Сибири — 28,6, в то время как в РСФСР в целом — 38,7 %. Не могли в полной мере справиться с ролью центров обслуживания и поселки городского типа (28 % от всего числа центров), поскольку их средняя людность (9,2 тыс. чел. в Западной Сибири и 7,9 тыс. чел. — в Восточной Сибири) меньше численности, необходимой, по утверждению градостроителей, для создания развитой сферы обслуживания¹³.

Среднее число жителей в сельском районном центре к началу 1979 г. составляло в Западной Сибири 5010 чел., в Восточной Сибири — 4225 чел. против 5373 чел. в среднем по РСФСР. Учитывая, что минимальный «рубеж», предусмотренный действующими градостроительными нормативами для создания целого ряда учреждений массового обслуживания «городского» типа, 5 тыс. чел., а также принимая во внимание повышенные требования к райцентру в Сибири (вследствие слабой доступности центров более высокого ранга), современный уровень развития большинства райцентров в Сибири следует признать недостаточным.

Таким образом, в условиях Сибири необходимо ускоренное развитие районных центров — сел, а также поселков городского типа, которые обеспечивают основное социальное и производственное обслуживание окружающих населенных пунктов. Это развитие не должно зависеть от динамики собственного населения

райцентров, иначе возникает порочный круг: низкий уровень развития общественного обслуживания стимулирует усиление оттока жителей, а сокращение численности населения лишает поселение шансов на развитие социальной инфраструктуры, так как все нормативы исходят из определенной численности населения.

Для современного сельского расселения характерна неравномерность развития разных административно-производственных типов поселений (табл. 5). Районные центры и центры хозяйств развиваются более высокими темпами, чем поселения остальных типов, что повышает их привлекательность в глазах населения. Районный центр обладает наибольшей притягательной силой для окрестного населения: численность его населения растет быстрее, чем других поселений. Среднегодовой рост средней людности райцентра составил за 1970—1978 гг. 1,5 % в Западной Сибири и 0,8 % — в Восточной Сибири.

Следующее место по темпам увеличения численности населения занимают центральные усадьбы хозяйств; в них также наблюдался прирост сельского населения, хотя и несколько менее интенсивный, чем в райцентрах. Средняя людность центральной усадьбы в Западной Сибири за межпереписной период практически не увеличилась (среднегодовой темп прироста составил 0,2 %), что было связано не столько с процессом стабилизации населения в центрах хозяйств, сколько с достаточно большим числом административных преобразований периферийных поселений. Однако само по себе изменение административно-производственного статуса поселения еще не приводит к качественному изменению условий жизни его населения. В результате дифференциация уровней развития центральных усадеб увеличивается.

Важной чертой современного сельского расселения является большой

¹³ Рассчитано по данным: СССР: Административно-территориальное деление.— М., 1980.

Динамика сельских поселений разных типов за 1970—1979 гг., % к 1970 г.

Тип поселения	Число поселений			Численность населения			Средний размер поселения		
	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Райцентр	94,4	95,8	100,0	107,0	109,7	107,2	113,4	114,5	107,2
Центр сельсовета	100,6	101,7	103,1	102,0	108,7	106,7	101,3	106,9	103,2
Центральная усадьба хозяйства (без райцентра)	98,4	106,8	100,9	101,8	108,0	106,6	103,4	101,7	105,6
Рядовое поселение	79,5	68,8	70,2	72,8	70,2	70,2	88,9	91,7	98,8
В том числе:									
сельскохозяйственное	82,1	70,1	74,3	72,0	69,7	73,0	86,9	99,4	98,3
несельскохозяйственное	60,4	62,6	62,1	72,2	73,3	63,8	119,5	117,1	102,6

разрыв в уровне социально-экономического развития и комплексе жизненных условий центральных и периферийных поселков. Этот разрыв увеличивается в связи с политикой ускоренного развития опорного каркаса поселений, а ранее он возрастал в связи с отнесением значительной части поселков отделений, бригад и ферм к «неперспективным» или имеющим ограниченные перспективы развития. Одним из косвенных показателей этой тенденции могут служить ответы жителей поселений разного типа на вопрос социологов о том, улучшились ли конкретные стороны их жизни за десять лет (1973—1982 гг.). На улучшение внешнего вида и благоустройства своих сел указали 63 % жителей периферийных поселений, 76 % — центральных усадеб и 88 % — поселений райцентров; на улучшение возможностей проведения свободного времени — соответственно 48, 59 и 66 %, получения благоустроенного жилья — 48, 59 и 62 % жителей. К тому же исходный уровень этих показателей в периферийных поселениях был гораздо ниже, чем в райцентрах и центральных усадьбах.

Сложившееся в 60—70-е гг. отношение к небольшим периферийным поселениям как к неперспективным выработало и у сельского жителя соответствующее отношение к свое-

му поселению. Так, если среди жителей райцентров 96 %, а центральных усадеб — 80 % считают, что их поселение будет развиваться, то в периферийных селах людей с таким мнением в два раза меньше. В то же время свыше четверти жителей периферийных сел считают, что поселение будет ликвидировано или постепенно исчезнет, так как все разъедется, а еще шестая часть вообще не берется оценивать перспективы своего поселения. Естественный результат этой тенденции — постепенное перемещение населения из периферийных поселений в центральные.

Разница в динамике поселений, существующих на базе колхозов или совхозов, невелика. Примером может служить динамика колхозных и совхозных поселков Новосибирской области. За 1970—1979 гг. число населенных пунктов, существующих на базе колхозов, сократилось на 26 %, а совхозов — на 17 %; численность населения уменьшилась соответственно на 20 и 12 %. Различия вызываются процессом административного преобразования части колхозов. За это время 14 колхозов области, т. е. 8 % общего числа хозяйств, было преобразовано в совхозы.

Поскольку для колхозов области характерна более мелкоселенная система расселения (средний размер

колхозного поселения в 1970 г. составлял 345 чел., а совхозного — 411 чел.), опережающие темпы сокращения числа колхозных поселков привели к незначительному сближению этих показателей: к 1979 г. средняя людность колхозного поселения увеличилась на 7,5 %, а совхозного — на 5,7 %. Обращает на себя внимание и большая концентрированность внутривоспроизводственного расселения в колхозах: если в 1970 г. на один колхоз приходилось 3,4 поселения, а в 1979 г. — 2,7, то на один совхоз — соответственно 5,2 и 3,7 поселения, т. е. для совхозной системы расселения характерно большее число периферийных поселений (хотя в среднем и несколько более крупных). При этом разница в средней людности периферийных поселений колхозов и совхозов не столь уж велика (56 чел.).

Основные различия в структуре колхозного и совхозного расселения образуются не за счет доли населения, проживающего в мелких поселениях (и в том, и в другом случае эти доли достаточно близки: 38,9 % жителей колхозных сел и 37,0 % — совхозных живут в поселках, в которых менее 500 чел.), а за счет населения средних и крупных поселений. Так, доля колхозного населения, проживающего в поселениях с численностью от 500 до 1000 чел., в 1,5 раза ниже, чем совхозного. Это свидетельствует о более однородной структуре колхозного расселения. В динамике в обоих случаях наблюдается сокращение доли средних поселений. Однако для колхозов характерен процесс некоторого укрупнения структуры расселения: доля населения, проживающего в поселениях с числом жителей от 500 до 1000 чел., за 1970—1979 гг. увеличилась на 24 %, а свыше 1000 чел. — на 15 % при стабильной доле мельчайших поселений. В совхозах же наблюдается процесс «поляризации» расселения, поскольку доля жителей мельчайших поселений возросла на 14 %, средних — на 3 и крупных —

на 7 %. Такой характер динамики сказался на изменении средней людности центральных усадеб хозяйств. Если в колхозах области средний размер центральной усадьбы увеличился за 9 лет на 3 %, составив к 1979 г. 716 чел., то за этот же период в совхозах он сократился на 6 % (с 1065 до 999 чел.). Темпы сокращения средней людности периферийных поселений колхозов и совхозов были примерно одинаковы.

Результаты социологического опроса сельских жителей, проведенного в 1982 г., свидетельствуют о более высокой устойчивости колхозных поселений (как центральных, так и периферийных) по сравнению с совхозными. Так, доля жителей, родившихся в данном населенном пункте, составляет половину опрошенных жителей центральных усадеб колхозов и 46 % — колхозной периферии против 30 и 38 % в соответствующих совхозных поселениях. Различны и миграционные намерения жителей колхозных и совхозных поселений: на 9,5 п. п. выше доля не намеренных покинуть свое село среди жителей колхозных центров (89,6 % против 80,1 %) и на 5,7 п. п. — среди жителей колхозной периферии (77,2 % против 71,5 %).

Поскольку в современных условиях для успешного выполнения функций деревни нецелесообразно ориентироваться на преимущественное развитие одного центрального поселка без существования небольших периферийных поселков подразделений, нельзя допускать стихийной самоликвидации небольших периферийных поселений хозяйств из-за недостаточного развития в них общественного обслуживания. Тем более, что около 85 % населения не имеют определенного намерения уезжать из своего малого села, если к этому не вынуждают обстоятельства (прежде всего закрытие начальной школы и магазина). Поэтому следует направлять усилия местных организаций, колхозов и совхозов на

сохранение и поддержание малых периферийных поселений, осуществление там хотя бы небольших объемов культурно-бытового и жилищного строительства и тем самым укрепления веры населения в возможность их существования и развития. Кроме того, важнейшей мерой для поддержания малых поселений является обеспечение их надежной связью с другими населенными пунктами.

Улучшение комплекса жизненных условий населения в сибирском селе должно осуществляться путем ускоренного развития социальной инфраструктуры в сельских и городских центрах межселенного обслуживания в сочетании с развитием повседневного обслуживания в местах непосредственного проживания населения и обеспечением их надежного транспортного сообщения с центрами. Для районов с низкой плотностью населения и малой густотой сети населенных мест необходимо создание минимального набора учреждений повседневного обслуживания (начальная школа, магазин, фельдшерско-акушерский пункт) в каждом поселении, независимо от численности проживающего там населения. Целесообразно также совершенствование системы передвижного обслуживания и развитие новых форм обслуживания, пригодных для пространственно изолированных поселений с недостаточной демографической базой.

3. Тенденции занятости

Экономическая активность населения, т. е. занятость в народном хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство), приносящая доход от общественно полезного труда, зависит от удельного веса в структуре всего населения лиц трудоспособных возрастов и от степени их занятости. Последняя же определяется социально-экономическими условиями жизни населения. Экономическая активность сельского населения в

основных сферах жизнедеятельности имеет существенные отличия от активности городского населения. Специфика обусловлена общественным разделением труда между городом и селом, уровнем обобществления сельского труда и его условиями, существованием двух форм собственности — государственной и колхозной, спецификой сельского расселения, жилищно-бытовыми и культурными условиями жизни.

Изменение демографической и социально-экономической ситуации в сибирском селе за три десятилетия (60—80-е гг.) привело к существенным сдвигам в численности трудоспособного населения, уровне и структуре занятости. О динамике распределения взрослого сельского населения Сибири по основным сферам занятости в 1967—1982 гг. можно судить по данным социологических обследований, представленным в табл. 6. Как видно, еще в конце 60-х гг. различия в структуре основных сфер занятости колхозного и неколхозного сельского населения были небольшими. Практически такими же они остались и в последующие годы. Очевиден существенный рост за 15 лет удельного веса работающего населения за счет сокращения в 4,6 раза доли занятых преимущественно в домашнем и личном подсобном хозяйстве, в основном женщин. В годы одиннадцатой пятилетки продолжался рост занятости сельского населения Сибири в общественном производстве, однако уже вследствие не только продолжавшегося сокращения личного подсобного и домашнего хозяйства, но и относительно быстрого абсолютного сокращения количества занятых преимущественно в сфере образования (уменьшилась численность учащихся 16—18-летнего возраста).

Административные районы Сибири в 60—70-е гг. довольно сильно различались по уровню вовлечения сельского населения в общественное производство. В Читинской области доля занятых в личном подсобном и

Таблица 6

Динамика структуры занятости взрослого сельского населения западно-сибирского села (летнее время), % к взрослому населению соответствующей группы

Группа занятых	1967 г.						1982 г.							
	Все население	В том числе						Все население	В том числе					
		неколхозное			колхозное				неколхозное			колхозное		
		всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.		всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Работающие	68	69	86	57	67	86	55	80	80	88	74 *	81	94	71 *
Учащиеся (без школьников)	1	1	2	1	0	0	0	2	2	2	1	1	1	0
Занятые в домашнем и личном подсобном хозяйстве	14	13	0	23	14	1	23	3	3	0	6	3	0	6
Неработающие пенсионных возрастов и инвалиды	16	16	11	18	17	12	20	13	13	8	17	14	7	22
Временно не работающие и не давшие сведений о занятости	1	1	1	1	2	1	2	2	2	2	2	1	1	1

* Из них 6,5 % были в отпуске по уходу за малолетним ребенком.

домашнем хозяйстве была самой большой, вслед за ней шла Иркутская область. Наиболее высокий уровень занятости относительно среднего по СССР и РСФСР имели Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области (89—90 %). К середине 80-х гг. дифференциация уровня занятости между районами Сибири сгладилась. Те же тенденции выравнивания различий между сельскими районами Сибири относятся к структуре занятости сельского населения и его трудовой нагрузке в колхозах и совхозах.

По сравнению с показателями по РСФСР в целом в Сибири удельный вес колхозников трудоспособного возраста в числе работающих выше, сравнительно высока и доля молодежи. Труд подростков и лиц пенсионных возрастов, занятых в общественном хозяйстве колхозов, по сравнению с трудом этих категорий работников в городах Сибири невелик. За четверть века (1963—1987 гг.) трудовой потенциал общественного хозяйства колхозов стал

более качественным в результате увеличения в составе работающих удельного веса лиц в трудоспособных возрастах, т. е. наиболее трудоспособных (табл. 7).

Довольно четко прослеживается рост занятости мужчин пенсионного возраста, особенно колхозников. Стимулированию их труда содействовало развитие социального страхования колхозников. С 1965 г., согласно принятому Верховным Советом СССР Закону о пенсиях и пособиях, колхозникам устанавливались пенсии по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца и пособия для женщин — членов колхозов по беременности и родам. Размеры пенсий были поставлены в зависимость от величины доходов колхозов и производительности труда самих колхозников, т. е. пенсия должна была стимулировать рост трудовой активности. Право на пенсию по старости получали мужчины по достижении 65 лет и женщины по достижении 60 лет при стаже работы не менее 25 лет у первых и

Динамика состава колхозников и членов их семей, занятых в общественном хозяйстве колхозов Западной Сибири, %*

Состав занятых	1963 г.	1972 г.	1983 г.	1985 г.	1987 г.
Взрослые трудоспособные	73,8	74,6	83,1	84,3	85,0
Частично трудоспособные	26,2	25,4	16,9	15,7	15,0
В том числе:					
инвалиды и лица старше трудоспособного возраста	11,3	9,0	6,8	6,7	6,6
подростки до 16 лет	12,0	11,4	6,3	5,4	5,0
привлеченные из колхозных семей	2,9	5,0	3,8	3,6	3,4

* Таблица составлена по данным сводных отчетов колхозов Западно-Сибирского экономического района за 1963 и 1972 гг., а также сборников: Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1983 год— М., 1984; Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1985 год.— М., 1986; Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1987 год.— М., 1988.

20 лет у вторых. С 1968 г. возрастная граница была снижена до 60 лет у мужчин и 55 лет у женщин. Минимальный размер пенсии по старости установлен 12 руб. в месяц; максимальный — 102 руб., как и в совхозах. Пенсионерам, проработавшим в колхозе после назначения пенсии не менее двух лет с более высоким заработком, пенсия пересматривалась в сторону ее увеличения.

В 1970 г. по решению III Всесоюзного съезда колхозников была введена система социального страхования, в том же году ведущие кадры колхозов (механизаторы, специалисты, председатели колхозов и др.) были подключены по социальному обеспечению к государственной системе социального страхования. К концу 80-х гг. социальное обеспечение колхозников (кроме ведущих кадров) производилось за счет средств централизованного союзного фонда социального страхования колхозников, образованного из обязательных ежемесячных взносов колхозов. Из этого фонда выплачивались и пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и пр. В 1977 г. минимальный размер пенсии по старости был повышен до 28 руб., а в 1986 г.— до 40 руб. Соответственно повышались минимальные размеры пенсий по инвалидности и пр. Эти меры социальной на-

правленности способствовали привлечению пожилых колхозников к общественному труду. Однако по сравнению с другими регионами страны в сибирском крае условия труда в сельском хозяйстве более тяжелые, поэтому возможности использования труда лиц пенсионного возраста ограничены. Свидетельство тому — небольшой удельный вес этой категории работников в числе работавших колхозников (в 1987 г. по Сибири он составлял 5,5 %, по РСФСР в целом — 10,8 %) ¹⁴.

Особенно большие перемены произошли в сфере женской занятости. Скрытая безработица женщин на селе к началу 80-х гг. рассосалась. Резко возрос уровень занятости женщин, особенно в группе 16—29-летних. Дополнительные льготы, предоставленные работающей женщине с конца 70-х гг. по уходу за малолетними детьми, позволили ей не бросать работу, и она воспользовалась этим правом. По данным обследования новосибирского села в 1982 г., в числе молодых работниц 16—29-летнего возраста каждая пятая находилась в декретном отпуске по уходу за ребенком.

Значительные изменения уровня занятости женщин в общественном производстве произошли и в группе

¹⁴ Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1987 год.— М., 1988.— С. 13—14.

Таблица 8

Годовой фонд отработанного времени в колхозах и совхозах, чел.-дней на одного работника *

Год	Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1965	249	276	255	Нет свед.
1970	250	276	254	283
1975	263	275	269	287
1980	273	274	277	284
1983	278	272	285	284
1987	281	273	292	284

* Таблица рассчитана по данным сводных годовых отчетов совхозов и колхозов.

лиц старших трудоспособных возрастов. Это связано с изменением пенсионного обеспечения, условий труда и спроса на рабочую силу. Применение в больших масштабах тяжелого физического труда традиционно требует мужских рабочих рук. Пожилые женщины привлекаются к сельскохозяйственному труду главным образом в пору летней страды. Некоторое облегчение труда в животноводстве, рост числа рабочих мест вне сферы сельского хозяйства стимулировали труд лиц пенсионных возрастов. К тому же улучшилось пенсионное обеспечение. Освобождение части женщин пенсионного возраста от необходимости воспитывать внуков также способствовало повышению уровня их занятости в общественном производстве. (По данным опроса жителей сел Новосибирской области, удельный вес этой категории лиц в числе работающих увеличился с 4 % в 1977 г. до 19 % в 1982 г.)

Таким образом, за 60—80-е гг. существенно поднялся уровень занятости сельского населения Сибири в общественном производстве, возросла трудовая активность населения вследствие увеличения удельного веса лиц трудоактивных возрастов. Отличительная черта сибирского села — более четкое проявление общесоюзной тенденции сокращения доли незанятого населения.

Одной из основных характеристик экономической активности населения является его трудовая нагрузка в общественном хозяйстве. По данным табл. 8 можно судить об экстенсивном увеличении трудовой нагрузки работающих в колхозах, особенно в Восточной Сибири, а также о стабилизации трудовой нагрузки в совхозах этого региона, остающейся чрезмерно высокой, ее сокращении до нормального уровня в совхозах Западной Сибири. Однако за средними показателями скрывается довольно сильная дифференциация трудовой нагрузки между различными социально-демографическими

группами населения. Наиболее трудоактивно взрослое население, вслед за ним идет группа молодежи, затем лица пожилых возрастов и, наконец, подростки (табл. 9). Показатели по Западной Сибири более благоприятны, чем по Восточной Сибири, а также по РСФСР. Трудовая нагрузка женщин в коллективном хозяйстве традиционно меньше, чем у мужчин (табл. 10), поскольку на их плечах в основном лежит личное подсобное хозяйство, к тому же выбор профессиональной деятельности женщин весьма ограничен.

Наиболее напряженно работают животноводы, чей труд не имеет сезонных колебаний. К тому же эта отрасль сельского хозяйства испытывает наибольший дефицит кадров. Менее всего активны занятые на конных и ручных работах в растениеводстве (табл. 11). Поскольку на этих работах заняты преимущественно женщины, сокращение числа занятых неквалифицированным трудом привело к ускоренному росту трудовой нагрузки женщин.

Труд крестьянина по-прежнему сохраняет сезонный характер. Коэффициент сезонности сельскохозяйственного труда в сибирских колхозах в 1985 г. составлял 13,7 %, что несколько меньше, чем по РСФСР в целом (17,4 %). Сезонность труда колхозников Сибири выражена сла-

Таблица 9

Трудовая нагрузка колхозников разных возрастных групп в общественном хозяйстве в 1985 г.*

Возрастная группа, лет	Отработано чел.-дней на одного работника		
	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
16—59 (54)	272	267	272
В том числе до 30	249	247	244
60 (55) и старше	126	113	137
Моложе 16 лет	44	38	45

* Таблица рассчитана по данным: Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1985 год. — М., 1986. — С. 11—12.

бее потому, что в период наиболее напряженных сельскохозяйственных работ резко возрастают масштабы привлеченного труда горожан.

Таким образом, развитие занятости шло главным образом в направлении увеличения ее экстенсивных форм.

На трудовое поведение крестьянства влияли условия занятости населения. К. Маркс оценивал условия трудовой занятости как условия жизни рабочего во время труда, т. е. условия не только расходования, но и сохранения, развития интеллектуальных, физических и нервно-психических сил человека. Здоровье и работоспособность входят в число основных ценностей человека. Хорошие условия труда позволяют ему быстро снять утомляемость и активно проводить свободное время. По мере возрастания роли здоровья и свободного времени в системе ценностных ориентаций человека усиливаются и требования работников к условиям труда.

Рост культурного уровня и благосостояния сельского населения в 60—80-е гг. повысил его притязания к условиям труда, улучшение которых, однако, шло медленнее, чем рост запросов со стороны работников. В результате общественный престиж сельскохозяйственного тру-

да (и без того невысокий) еще более снизился, что отразилось в конечном итоге на резком падении эффективности сельскохозяйственного производства. Корень этого противоречия лежит не в отставании трудового потенциала работника от требований производства, а в резком падении его заинтересованности в полной трудовой отдаче в общественном хозяйстве, в низкой удовлетворенности своей работой.

Под социальными характеристиками работы социологи понимают те условия трудовой деятельности, которые затрагивают интересы работника как личности. Анализ ответов на вопросы анкеты-интервью 1982 г. (что нравится и что не нравится сельским жителям в их работе) показал, что среди предпочтительных сторон труда на первые два места выходят ответы «интересная работа» и «все нравится». Но такого рода оценку дала лишь третья часть работников совхозов и колхозников. А на такую черту, как самостоятельность в работе, указали лишь 2 % колхозников и 5 % рабочих и служащих совхозов. В числе сторон труда, непривлекательных для сельчан, на первое место выходят плохие санитарно-гигиенические условия (31 % ответов) и плохая организация работы (25 %). Оплата труда не устраивает лишь 6 % колхозников и 9 % рабочих и служащих; такая же часть респондентов недовольна отношениями с руководителями. Тот факт, что в оценках разных сторон своей работы колхозники мало чем отличаются от работ-

Таблица 10

Распределение нагрузки в колхозах Западной Сибири, чел.-дней на одного трудоспособного

Пол	1964 г.	1972 г.	1985 г.	1985 г. в % к 1964 г.
Мужчины	268	269	279	104
Женщины	183	212	248	136
Отношение (2 : 1)	68	79	89	—

Трудоучастие профессиональных групп колхозников в общественном производстве в 1985 г. (выработано чел.-дней одним среднегодовым работником за год)*

Профессионально-должностная группа	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Аппарат управления	291	289	293
Не отнесенные к аппарату управления	277	278	285
В том числе:			
строители	269	274	286
ремонтники и другие работники			
промышленных предприятий	282	283	290
животноводы	306	297	305
Из них:			
доярки, операторы машинного доения	312	302	308
трактористы-машинисты	281	281	284
шоферы	286	284	286
занятые на конных и ручных работах			
в растениеводстве и пр.	243	241	246

* Таблица рассчитана по данным: Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1985 год.

ников совхозов, говорит об общем характере проблем труда на селе.

Опросы сельского населения показали, что санитарно-гигиенические условия труда нередко не обеспечивают безопасность работ и часто не соответствуют предельно допустимым нормам. Механизация сельскохозяйственных работ, активно осуществлявшаяся в 60-е гг., требовала такого же темпа внедрения техники безопасности и производственной санитарии, обучения работников. Однако на практике она значительно опережала мероприятия по охране труда. В результате уровень производственного травматизма на селе не снижался. Во многих колхозах и совхозах не было санитарно-бытовых помещений и другой сантехники, нарушались правила хранения и применения ядохимикатов, органами здравоохранения слабо изучались вопросы физиологии и гигиены труда, причины профессиональных заболеваний. Для улучшения безопасности работ в конце 60-х гг. были организованы отделы по охране труда и технике безопасности в центральном аппарате Министерства сельского хозяйства СССР и ряде других министерств и ведомств. Колхозам рекомендовалось предоставлять колхозникам, работающим во

вредных для здоровья условиях, спецодежду, спецобувь и предохранительные средства, обеспечивать оперативную медицинскую помощь на рабочих местах. Многие было сделано, тем не менее ряд вопросов решить до конца не удалось, и в последующие годы эта проблема обострилась.

Спецификой сельского труда остаются неблагоприятные метеоусловия. В условиях холода, сквозняков работает в сельском хозяйстве подавляющая часть мужчин и женщин (табл. 12). Задача повышения комфортности санитарно-гигиенических условий труда актуальна до сих пор.

Т а б л и ц а 12

Неблагоприятные санитарно-гигиенические условия физического труда работников сельского хозяйства, % положительных ответов к числу опрошенных в 1982 г.

Санитарно-гигиенические условия	Мужчины	Женщины
На рабочем месте холод, сквозняки, работа на открытом воздухе	87	78
Загазованность, пыль, повышенная влажность	72	56
Грязь	70	63
Ядовитые вещества	26	24
Шум, вибрация	59	26
Плохая освещенность	7	14

И хотя санитарно-гигиенические условия труда женщин лучше, чем мужчин, и здесь много еще нерешенных проблем. Особенно это касается труда доярок, нередко работающих в условиях повышенной влажности и загазованности, грязи, плохой освещенности. Ответы доярок на вопрос, есть ли на работе необходимые санитарно-гигиенические условия, распределились следующим образом (% ответов к числу опрошенных):

	1972 г.	1982 г.
Душ, умывальник	35	21
Комната для переодевания и отдыха	30	21
Общественное питание	7	24
Питьевая вода	60	81
Спецодежда	7	97

Задача улучшения условий труда животноводов решается медленно и некомплексно. Еще многое предстоит сделать в области улучшения социальных параметров техники, с тем чтобы уменьшить вибрацию при работе машины, усовершенствовать приборы по очистке воздуха, больше его подогревать и пр.

Отвечая на вопрос «Как вы оцениваете условия Вашего труда в целом?», хорошими условия своей работы назвали 19 % колхозников и 25 % рабочих и служащих совхозов; плохими — соответственно 18 и 15 %, остальные дали другие ответы. Причина того, что доля негативных оценок невелика, кроется, на наш взгляд, в невысоких требованиях к условиям труда со стороны населения, остающегося жить на селе.

Условия труда женщин более благоприятны, чем мужчин, и работа у них менее тяжелая, тем не менее комплексная оценка женщинами ее условий много ниже. Например, удельный вес мужчин, работающих по сельскохозяйственным профессиям и оценивших условия труда как плохие, в 2 раза ниже, работающих строителями — в 2,5 раза ниже, чем женщин.

Неблагоприятные санитарно-гигиенические условия труда в качестве

главного фактора, влияющего на здоровье, называют 45 % колхозников и 39 % рабочих и служащих. Считают, что условия труда вредно влияют на их здоровье, все женщины, занятые на строительных работах, и 60 % женщин, занятых в сельском хозяйстве. Немаловажную роль здесь играют плохие условия работы и переутомление в результате тройной трудовой нагрузки (в общественном хозяйстве, дома и в личном хозяйстве), сокращение свободного времени для возмещения затрат физических сил и нервной энергии. О дальнейшем увеличении и без того высокой среднесезонной недельной трудовой нагрузки работающих женщин свидетельствуют данные выборочных обследований бюджетов времени, проведенных ИЭиОПП СО АН СССР в 1975—1976 и 1986—1987 гг. в селах Новосибирской области и репрезентативных для сельского населения юга Западной Сибири. Если в середине 70-х гг. она составляла 86,8 ч и была больше, чем у мужчин, на 18 %, то к середине 80-х гг. увеличилась на 3,9 ч и оставалась выше нагрузки мужчин на 15 %. Свободное время женщин (включая занятия с детьми) сократилось за этот период с 18,9 до 15,6 ч и осталось меньшим по сравнению со временем мужчин на 9,6 ч¹⁵.

До середины 80-х гг. организация труда шла в основном в направлении дробления трудовых функций вплоть до отдельных трудовых операций, что выхолащивало их содержательность, связанность с конечными результатами труда коллектива. Стала падать дисциплина труда, увеличивались простои, потери рабочего времени достигали порой 30—50 % рабочего дня. В организации сельскохозяйственного труда ра-

¹⁵ См.: Артемов В. А., Балыкова Н. А., Вершинина Т. Н. Изменение условий жизни и бюджетов времени сельских работников // Тенденции социального развития сибирской деревни в 80-е годы.— Новосибирск, 1989.— С. 149.

Потенциальная текучесть * работающих колхозников (выборочные обследования), %

Ответ о намерении сменить место работы	1967 г.	1972 г.	1977 г.	1982 г.
Обязательно сменит	14,7	8,2	9,8	7,2
Возможно, сменит	2,2	6,9	10,4	5,3
Хотел бы сменить, но нет возможности	—	6,5	4,2	11,0
Не собирается менять	83,1	78,4	75,6	76,5

* Под потенциальной текучестью понимается желание человека сменить работу.

ботники видят много недостатков. Прежде всего это частые поломки техники из-за плохого ее качества, нерегулярное обеспечение рабочих мест средствами труда, неустойчивый режим рабочего дня, недели. Не удовлетворяют характер управления работой первичных коллективов, слабая вовлеченность в управленческую деятельность.

Одним из итоговых показателей субъективного отношения к труду служит удовлетворенность работой в общественном хозяйстве. Этот показатель отражает установку работника на коллективный труд. Оценивая труд с точки зрения соответствия своим потребностям и интересам, работник сопоставляет его условия, содержание, трудовую нагрузку и состояние своего здоровья, уровень профессиональной подготовки, затраты труда и размеры его оплаты, т. е. учитывает многие факторы. По итогам социологических обследований западно-сибирского села, удовлетворенность работой у сельского населения повысилась за 1967—1982 гг. в группе женщин, а в группе мужчин снизилась. Больше всего недовольных работой среди лиц с высоким уровнем образования. Значительная часть респондентов ушла от прямого ответа. Так, для группы работниц с полным и неполным средним образованием характерен высокий удельный вес ответов типа «другой работы нет». Разницы в оценках удовлетворенности работой между колхозниками и работниками совхозов почти нет. Об отношении человека к своей

работе можно судить также на основе его вербального поведения (т. е. высказанных намерений относительно перемены места работы и ее мотивации). О планах колхозников относительно смены работы дают представление данные табл. 13. Согласно этим данным, одна четверть колхозников дает негативную оценку месту своей работы. В совхозах потенциальная текучесть кадров более высока: в 1967 г. желающих сменить работу в числе рабочих и служащих было в 1,2 раза больше, чем в числе колхозников, в 1982 г. — больше уже в 1,3 раза.

Мотивация намерений сменить работу сложная. В числе обоснований предполагаемой смены неудовлетворенность содержанием работы и плохой ее организацией, санитарно-гигиеническими условиями, низкой оплатой труда и другими социально-экономическими условиями труда и жизни. Претензии к содержанию и условиям труда выходят в структуре мотивов на первые места, вслед за ними идут неудовлетворенность организацией труда и его оплатой.

Известно, что поведение человека зависит как от типа личности, так и от производственных и социальных условий существования. Поэтому наиболее мобильна в сфере труда молодежь, ее отличают, с одной стороны, сравнительно высокие уровень образования и притязания к условиям труда и жизни, с другой — слабая адаптированность к месту работы вследствие небольшого ее стажа, отсутствие семейной нагрузки иждивенцами и пр.

Структура мотивов потенциальной текучести в основном однотипна для работающего населения в совхозах и колхозах, но колхозники менее притязательны к условиям работы, менее мобильны, хотя в равной мере с рабочими и служащими не удовлетворены своей работой.

Ограничение выбора рабочих мест на селе вынуждает многих сельчан, не удовлетворенных работой на данном рабочем месте, планировать выезд из села. Примерно 20—30 % потенциальных мигрантов связывают намерения сменить место жительства со сферой труда. В числе потенциальных мигрантов велик удельный вес тех, кто при этом планирует смену населенного пункта. По данным опроса, в 1967 г. примерно 40 % колхозников и столько же рабочих и служащих совместили планы смены места работы с отъездом из села. В 70-е гг. связь между этими двумя планами ослабла, и уже в 1982 г. среди колхозников, желавших сменить работу, нашлось только 20 % тех, кто при этом планировал переезд, а в числе рабочих и служащих — те же 40 %. В 1982 г. намеревались уезжать в ближайшие 2—3 года 10 % колхозников (17 % рабочих и служащих совхозов), причем половина из них — в город или рабочий поселок. Особенно много потенциальных мигрантов среди самых молодых работников. В 1982 г. собирались уезжать в ближайшие 2—3 года 34 % работниц в возрасте 16—19 лет и 22 % юношей. Из числа молодых потенциальных мигрантов половина женщин и 40 % мужчин намеревались уехать в городские поселения.

Таким образом, город продолжает оставаться притягательным для сельских жителей. И многое еще следует сделать в сфере экономической и социальной жизни села и в условиях самого сельского труда, чтобы крестьянский труд стал привлекательным.

Одной из важных сторон содержания труда является его физиче-

ская тяжесть. Крестьянский труд издавна считался физически тяжелым. Его механизация в 60-е гг. принесла облегчение, тем не менее она не носила комплексного характера, и многие работы оставались физически тяжелыми.

На рубеже 70—80-х гг. колхозники и рабочие совхозов трудились приблизительно в равных условиях. Если судить по ответам респондентов на социологическую анкету, в 1982 г. в растениеводстве и животноводстве работало в условиях комплексной механизации труда лишь 7 % колхозников, в условиях частичной механизации — 42 и вручную — 51 %; в совхозах и подсобных хозяйствах — соответственно 12, 41 и 48 %. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что бы Вы могли сказать о физической тяжести своей работы: она тяжелая, средней тяжести или легкая?» показано в табл. 14.

В сельском хозяйстве нашей страны разделение труда между мужчинами и женщинами выражено очень ярко. В растениеводстве занятия женщин сосредоточены на выращивании овощей, ягод, фруктов; более половины всех полевых работ — женщины; в животноводстве чисто женскими являются работы по выращиванию скота и птицы, по дойке коров; в числе работающих в ветлечебницах и других санитарных службах 70—80 % составляют женщины. Перечисленные виды работ меньше всего механизированы, а часть ручных работ относится к физически тяжелым. В итоге ручным трудом не при машинах занято 60—70 % колхозниц, в том числе в растениеводстве более 90 %. Между тем ручной труд, особенно в животноводстве, традиционно связан с большими физическими усилиями. И это несмотря на то, что многое сделано для его механизации. Дояркам порой приходится додаивать коров вручную, сливать молоко и переносить тяжелые бидоны из-за нехватки мужской рабочей силы.

Самооценки физической тяжести труда, % к итогу

Оценка труда	1972 г.		1982 г.	
	Колхозники	Рабочие совхозов	Колхозники	Рабочие совхозов
Тяжелый	63	46	35	35
Средней тяжести	16	31	37	37
Легкий	18	18	21	20
Бывает по-разному	3	5	7	8

Тяжелого ручного труда требуют чистка скота, подача воды и раздача кормов, поскольку механизация этих работ не носит комплексного характера. В результате некомплексности механизации экономия ручного труда на одних операциях частично или полностью поглощается увеличением ручного труда на других. К ручным работам вынуждают частые поломки техники. В 1982 г. 12 % опрошенных доярок области отметили, что им приходится работать вручную. В сфере животноводства механизированным способом работает лишь половина колхозниц в Западной Сибири и немногим более одной трети — в Восточной Сибири. Таким образом, проблема тяжелого физического труда в сельском хозяйстве остается острой.

Уровень занятости сельского населения относительно велик, трудовая нагрузка в условиях дефицита кадров чрезмерна. Между тем дефицит кадров и чрезмерная трудовая нагрузка работников колхозов и совхозов уживаются с большими потерями рабочего времени. Большую величину составляют целодневные простои. Например, в 1985 г. в колхозах Западной Сибири целодневные простои составили 134,7 тыс. чел.-дней, или 1,8 % к общему фонду отработанного трудоспособными колхозниками времени; в Восточной Сибири простои оценивались в 66,2 тыс. чел.-дней, или 1,6 % к отработанному фонду времени. Это по данным официальной статистики, которая отражает потери неполно. Но

и по этому источнику прогулы и неявки с разрешения администрации составляют внушительную величину — только за 1987 г. 87,6 тыс. чел.-дней по всем колхозам Сибири. В расчете на одного работавшего трудоспособного колхозника они составляли в 1985 г. в Западной Сибири 3,51 чел.-дня, в Восточной Сибири — 4,08 чел.-дня, что превышало общереспубликанский показатель в 1,2—1,5 раза. В период перестройки эти показатели существенно сократились: в 1987 г. они составляли соответственно 2,06, 2,29 и 1,99 чел.-дня¹⁶.

Рабочая сила колхозников недоиспользуется и в связи с ее текучестью. В стране ежегодно меняет место работы примерно каждый шестой работник, в основном в неорганизованной форме. На селе интенсивность перемещений между рабочими местами меньше, чем в городе, причем, как и в городе, перемещения на селе тесно связаны с перемещением места жительства.

Колхозам присуща меньшая текучесть рабочей силы, чем совхозам. Так, за 1959—1967 гг. в Новосибирской области среднегодовой коэффициент текучести рабочей силы в колхозах составлял 4,7 %, а в совхозах — 19 %. В 1970—1985 гг. интенсивность смены места работы увеличивалась в колхозах в большей мере, чем в совхозах. Однако

¹⁶ Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1987 год. — С. 94—95.

по уровню текучести совхозы по-прежнему опережают колхозы.

Повышенной сменяемостью характеризуются руководящие кадры и специалисты колхозов и совхозов. Об этом можно судить на основании данных распределения работников по стажу работы в одном хозяйстве. В Западной Сибири среди председателей колхозов проработавшие в данном хозяйстве менее трех лет в 1969 г. составили 31 %, в 1975 г. — 32 %, в Восточной Сибири — соответственно 36 и 40 %. Еще меньшей стабильностью отличались бригадиры и заведующие животноводческих ферм, специалисты. По су-

ществу, не изменилось соотношение работников по стажу работы в должности и за годы десятой и одиннадцатой пятилеток.

Намеченная внеочередным вторым Съездом народных депутатов РСФСР программа возрождения российской деревни тесно связана с проблемами трудовых ресурсов села, их сбалансированностью с потребностями производства, качественным использованием. Определяющим направлением здесь является усиление социальной и трудовой активности населения, так как главным двигателем исторического прогресса был и остается человек.

Глава 2

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА И КАДРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Земельные ресурсы

Земля в сельском хозяйстве является основой производства. Сохранение и повышение плодородия — неременное условие расширенного сельскохозяйственного производства, устойчивого обеспечения населения продовольствием. Указывая на специфику земли как основного орудия производства в сельском хозяйстве, К. Маркс в «Капитале» подчеркивал, что она в отличие от машин, требующих постоянной замены, может при правильном обращении постоянно улучшаться. Здесь «последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат...»¹.

Сибирь располагает огромными ресурсами. Богатство и разнообразие ее природных и почвенных условий послужили основой для развития многоотраслевого сельского хозяйства. Наиболее благоприятными биоклиматическими условиями обладает юго-западная зона Сибири (территория

Алтайского края, Омской и Новосибирской областей). Земельный фонд этих территорий включает в себя значительную часть Барабинской и Кулундинской степей, издревле являвшихся местом развитого скотоводства. Сочетание богатых лугов, колочных и парковых лесов, а также обилие пресных озер создало здесь уникальные условия для высокопродуктивного скотоводства, особенно молочного направления. В юго-западной части Сибири сосредоточены и лучшие пахотные угодья, значительная часть которых состоит из черноземных и лугово-черноземных почв. Восточная Сибирь представляет собой в основном горно-таежные и таежные пространства, которые прерываются островками степей и лесостепей. Наиболее пригодные для ведения земледелия почвы (каштановые и маломощные черноземы) находятся в степных районах Тувинской АССР, Бурятской АССР и южной части Читинской области.

В 1986 г. в пользовании сельскохозяйственных предприятий Сибири, включая личные подсобные хозяй-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25, Ч. 2. — С. 343—344.

Таблица 15

Сельскохозяйственные угодья, находящиеся в пользовании сельскохозяйственных предприятий РСФСР и Сибири (на 1 ноября 1986 г.), млн га *

Площадь	РСФСР	Сибирь	Сибирь, % от РСФСР
Общая земельная	648,2	203,4	31,3
Все сельскохозяйственные угодья	218,5	59,0	27,0
В том числе:			
пашня	133,9	29,3	21,8
сенокосы	23,7	9,9	41,7
пастбища	59,3	19,6	28,4

* Таблицы 15, 17, 18, 20, 23 составлены по данным Госагропрома РСФСР.

ства, находилось 203,4 млн га земли, или почти треть используемого в Российской Федерации земельного фонда. Площадь собственно сельскохозяйственных угодий оценивалась в 59,0 млн га. На Сибирь приходилось более четверти сельскохозяйственных угодий Российской Федерации, в том числе пятая часть пашни, более четверти — пастбищ, 41,7 % — сенокосов (табл. 15).

Структура сельскохозяйственных угодий в Сибири в 1960—1986 гг. оставалась малоподвижной. Половина их приходилась на пашню. Несколько увеличилась доля пастбищ и сократилась — сенокосов (табл. 16).

Основная часть сельскохозяйственных угодий находилась в распоряжении общественного сектора земледелия — колхозов, совхозов и межхозяйственных объединений. В 1960 г. в Сибири из 58,4 млн га угодий в личных подсобных хозяйствах населения использовалось 469 тыс. га, или 0,8 %. К 1 ноября 1984 г. площадь приусадебных земель, коллективных садов и огородов выросла до 519 тыс. га, что составляло 0,9 % всех угодий, используемых для производства сельскохозяйственной продукции в Сибири ².

Существенное расширение площади сельскохозяйственных угодий, в основном пашни, имело место в 50-х — начале 60-х гг. В 1954—1962 гг. в Сибири было поднято свыше

10 млн га целинных и залежных земель, что составляло половину от вновь распаханых площадей РСФСР. В дальнейшем возможности вовлечения в сельскохозяйственный оборот дополнительных земель сократились, но отнюдь не были исчерпаны. В середине 80-х гг. в структуре земельного фонда Сибири на сельскохозяйственные угодья приходилось 9,7 % площадей, или в 1,4 раза меньше, чем в целом по РСФСР, и в 2,8 раза меньше, чем в целом по СССР. Эти цифры свидетельствуют о более низком уровне сельскохозяйственного освоения земель и наличии потенциальных резервов расширения сельскохозяйственных угодий в регионе. Только в Красноярском крае, по данным Востоксибгипрозема, за счет освоения болот, расчистки земель из-под леса и кустарника можно ввести в оборот свыше 1 млн га сельхозугодий ³.

Вместе с тем в силу исторических особенностей развития процесса обобществления сельскохозяйственного производства в колхозах, расположенных в благоприятных природно-экономических зонах, возможности вовлечения дополнительных земель в сельскохозяйственный оборот были практически исчерпаны. В структуре земельного фонда колхозного сектора Сибири на сельскохозяйственные угодья в середине 80-х гг.

² Рассчитано по данным ЦСУ РСФСР.

³ Мелиорация и водное хозяйство.— 1988.— № 6.— С. 10.

Структура сельскохозяйственных угодий, находящихся в пользовании сельскохозяйственных предприятий Сибири (по всем категориям хозяйств, на 1 ноября),* млн га

Год	Все угодья		Пашня		Сенокосы		Пастбища		Прочие угодья и залежи	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1960	58,4	100	28,9	49,5	10,7	18,3	16,9	29,0	1,9	3,2
1965	57,9	100	28,9	49,9	10,0	17,4	17,8	30,7	1,2	2,0
1970	58,3	100	28,9	49,5	10,1	17,4	18,9	32,4	0,4	0,7
1975	58,6	100	29,1	49,7	10,1	17,2	19,3	33,0	0,06	0,1
1984	58,8	100	29,0	49,3	9,9	16,8	19,4	33,0	0,5	0,9
1986	59,0	100	29,3	49,7	9,9	16,8	19,5	33,0	0,3	0,5

* Таблица составлена по данным Госагропрома РСФСР, а также ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 6552, л. 9 об.— 10; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. сб.— М., 1966.— С. 189; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.— М., 1971.— С. 167; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.— М., 1976.— 13.

приходилось 62, 4 % площадей, или в 4,7 раза больше, чем в среднем по РСФСР, и в 2,3 раза больше, чем по СССР⁴.

Динамика площади сельскохозяйственных угодий в Сибири в 60—80-е гг. носила внешне сбалансированный характер: выбытие компенсировалось освоением новых земель. В результате за 1960—1986 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в регионе увеличилась на 1 %, причем прирост произошел только в Восточной Сибири. Однако достижение этой стабилизации обходилось обществу и природе все более дорогой ценой. Затратный тип развития экономики, бесплатность земельных ресурсов, преобладание технократических взглядов на развитие производительных сил негативно сказывались на состоянии земельного фонда. Из сельскохозяйственного оборота в связи с промышленным и транспортным строительством выбывали все более значительные площади пригодных для обработки почв. Промышленные предприятия, которым отводились земельные участки, обязательства по раскорчевке леса и освоению новых земель не выполняли. Так, в Иркутской области в конце 50-х — начале 60-х гг. дирекция строящейся Братской ГЭС, управле-

ние треста «Черемховуголь» и управление строящейся железной дороги Абакан — Тайшет не восстановили колхозам и совхозам 2,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий⁵.

В годы десятой пятилетки в постоянное и долгосрочное пользование для несельскохозяйственных целей в Западной Сибири ежегодно отводилось в среднем 5,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1,8 тыс. га пашни, а в первой половине 80-х гг. — 4,4 тыс. га, в том числе 2,0 тыс. га пашни. В Восточной Сибири за это время размер ежегодно выбывающих сельскохозяйственных угодий увеличился с 3,5 тыс. до 8,0 тыс. га, в том числе пашни — с 1,2 тыс. до 2,2 тыс. га. В целом по Сибири и Дальнему Востоку за 1966—1985 гг. из пользования сельскохозяйственных предприятий в связи с развитием территориально-производственных комплексов, городов, транспортных коммуникаций ежегодно изымалось 20—22 тыс. га угодий, в том числе 8—10 тыс. га пашни⁶.

Значительная часть угодий выбывала и продолжает выбывать в свя-

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32, д. 8205, л. 25.

⁶ Габов В. М. Земельные ресурсы Сибири и Дальнего Востока // Ресурсный потенциал агропродуктовых систем Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1986.— С. 17.

⁴ Рассчитано по данным Госагропрома СССР.

Таблица 17

Динамика площади пашни в Сибири и РСФСР в расчете на одного жителя за 1965—1985 гг., га

Регион	1965	1975	1980	1985
РСФСР	1,06	1,00	0,96	0,94
Западная Сибирь	1,66	1,59	1,49	1,42
Алтайский край	2,74	2,77	2,72	2,68
Кемеровская обл.	0,53	0,56	0,54	0,52
Новосибирская обл.	1,65	1,57	1,50	1,46
Омская обл.	2,46	2,35	2,13	2,16
Тюменская обл.	0,78	0,81	0,77	0,73
Тюменская обл.	1,41	1,09	0,86	0,72
Восточная Сибирь	1,23	1,21	1,16	1,11
Красноярский край	1,35	1,31	1,24	1,20
Иркутская обл.	0,75	0,73	0,70	0,68
Читинская обл.	1,69	1,77	1,82	1,71
Бурятская АССР	1,21	1,20	1,11	1,04
Тувинская АССР	2,14	1,98	1,84	1,51

зи со строительством гидроэлектростанций. По проекту Богучанской ГЭС, строящейся в Красноярском крае, предполагается к затоплению 36 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них 15 тыс. га пашни. К началу 1989 г. из запланированных к восстановлению 10 тыс. га пашни было восстановлено лишь 400 га⁷.

Интенсивное промышленное освоение Сибири, рост ее населения, развитие процессов урбанизации привели к возрастанию нагрузок на окружающую среду. За 1965—1985 гг. в связи с ростом численности населения уменьшилась площадь сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни, в расчете на одного жителя: в Западной Сибири с 1,7 до 1,4 га, в Восточной Сибири с 1,2 до 1,1 га. Особенно стремительно сокращался размер пашни на одного жителя в Тюменской области, где шел процесс интенсивного освоения нефтяных и газовых месторождений (табл. 17).

Огромное воздействие на состояние сельскохозяйственных угодий, в особенности пашни, оказывают техника и технологии, используемые в производстве, степень освоения севооборотов, внедрения рациональных систем земледелия и т. д. Большая часть пашни, наиболее ценного элемента в структуре сельскохозяйственных угодий, подвержена в Сибири смыву и дефляции и нуждается в проведении противоэрозионных мероприятий. Повышению эродированности почв способствовали чрезмерная распашка земель в период освоения целины, шаблонная агротехника, нарушение рациональных севооборотов, а также неблагоприятные природно-географические условия. В начале 60-х гг. действие ветровой эрозии распространилось на площадь в несколько миллионов гектаров. Основные массивы почв, подверженных дефляции, были сосредоточены в Кулунде, Минусинской котловине, Туве, речных доли-

нах Бурятии. В 1965 г. воздействию ветровой эрозии в Кулунде подверглось более 2 млн га пашни.

Колхозы и совхозы Сибири накопили положительный опыт по восстановлению плодородия пахотного клина. Уже в конце 50-х — начале 60-х гг. в целях борьбы с ветровой и водной эрозией в практику начали внедряться рекомендации академиков А. И. Бараева и Т. С. Мальцева: обработка пашни с сохранением стерни, сокращение размеров предпосевной вспашки, применение других агротехнических приемов. К концу 60-х гг., когда повсеместно стала применяться плоскорезная, безотвальная обработка почвы, развитие ветровой эрозии было приостановлено. В начале 70-х гг. в Алтайском крае на площади 2848 тыс. га проводилась обработка почвы с сохранением стерни, на 430 тыс. га зерновые культуры размещались чересполосно с многолетними травами, на 371 тыс. га высевались кулисные культуры, на 423 тыс. га были введены почвозащитные севообороты⁸.

В середине 70-х гг. в Западной Сибири почвозащитная система земледелия применялась на половине

⁷ Коммунист. — 1989. — № 2. — С. 58.

⁸ Земельные ресурсы Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 67, 156—157.

Пашня и ее использование в 1986 г.

Регион	Площадь пашни		Структура использования пашни					
			Под посевами		Чистый пар		Неиспользованные площади в колхозах и совхозах	
	млн га	%	млн га	%	млн га	%	млн га	%
РСФСР	134,0	100,0	119,0	88,8	14,0	10,4	1,0	0,8
Западная Сибирь	19,7	100,0	17,0	86,2	2,4	12,2	0,3	1,6
Восточная Сибирь	9,6	100,0	7,8	81,3	1,7	17,7	0,1	1,0

площадей, подверженных водной и ветровой эрозии. В 80-е гг. в большинстве хозяйств Сибири использовались противоэрозионные технологии обработки почвы, совершенствовалась структура посевов, были внедрены рациональные севообороты. Для поддержания стабильного плодородия пашни в более широких размерах стало проводиться ее парование. Так если в 1961 г. в Западной Сибири под чистыми парами было занято 3,2 % пашни, то в 1986 г. — 12,2 %. Удельный вес парового клина в структуре пашни в Восточной Сибири, сведенный к минимуму в 1962 г., возрос к 1986 г. до 17,7 %⁹. В середине 80-х гг. сибирские колхозы и совхозы сохраняли больше пашни под чистыми парами в сравнении с хозяйствами других регионов РСФСР (табл. 18). Судя по рекомендациям специалистов, в частности Т. С. Мальцева, хорошо подготовленный пар — «лучшая гарантия высокого урожая следующего года». Для условий Сибири Т. С. Мальцев рекомендует держать под паром — с учетом особенностей хозяйств — от 10 до 20 % земли¹⁰.

Опыт сибирских колхозов и совхозов подтверждает прогрессивность парования земли. Особенно ощутимые результаты паровой клин дает в борьбе с сорняками, а также в засушливых районах, где его применение заметно повышает урожайность полей. В 1986 г., например, 16 хо-

зяйств Муромцевского района Омской области, применив парование земли, получили урожай зерновых выше среднего по области. В ряде северных районов Новосибирской области в целях борьбы с вредителями успешно практиковалась перестройка структуры посевов. Таким образом, уже в настоящее время в арсенале колхозов и совхозов имеются экологически чистые методы защиты растений, способствующие повышению продуктивности полей.

В Сибири расширяется сфера применения рациональных систем земледелия: за 1976—1983 гг. удельный вес пашни в освоенном севообороте в Западной Сибири увеличился с 83,7 до 87,8 %, в Восточной Сибири — с 66,6 до 74,3 %. Однако вторжение директивного планирования в сферу внутрихозяйственного землеустройства приводит к серьезным нарушениям оптимальных севооборотов. Так, в 1976 г., согласно севооборотам, в Новосибирской области по чистым парам предполагалось разместить 23 % зерновых, а фактически было посеяно около 8 %, в целом в Западной Сибири рациональные севообороты не были освоены на 18 % пашни¹¹. В 1983 г. вопреки проведенному внутрихозяйственному землеустройству в ряде районов Восточной Сибири были волевым методом увеличены посевы зерновых культур. Освобождение землеустроительной политики от различных конъюнктурных воздействий ос-

⁹ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 8218, л. 5.

¹⁰ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. — М., 1985. — С. 67, 76.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 1, д. 11470, л. 158; оп. 3, д. 9222, л. 147.

Таблица 19

Поставка минеральных удобрений сельскому хозяйству Сибири, тыс. т действующего вещества *

Регион	1961 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Западная Сибирь	18	46	104	328	448	842
Восточная Сибирь	9	40	100	165	213	398
Сибирь	27	86	204	493	661	1240

* Таблицы 19,22 составлены по данным сводных годовых отчетов колхозов и совхозов.

тается актуальным и по сегодняшний день.

В целях повышения плодородия пашни с начала 60-х гг. начало расширяться применение минеральных удобрений и средств химической защиты растений. Мировой опыт показывает, что минеральные удобрения оказывают противоречивое влияние на качественное состояние почвы. С одной стороны, они способствуют повышению урожайности сельскохозяйственных культур, увеличивая объем биомассы корневых остатков — одного из основных источников пополнения гумусного слоя. С другой стороны, с расширением масштабов применения средств химизации в почве и растениях происходит накопление токсичных элементов, загрязняющих окружающую среду, отрицательно влияющих на здоровье людей.

В начале 60-х гг. поставки минеральных удобрений были невелики. В 1961 г. на сибирскую пашню приходилось 3,1 % потребляемых в сельском хозяйстве РСФСР минеральных удобрений. В дальнейшем объемы поставок были резко увеличены (табл. 19). В 1970 г. Сибирь получила 6,3 % минеральных удобрений от общего объема их поставок сельскому хозяйству России, в 1985 г. — 9,8 %. Несмотря на сравнительно высокие темпы роста поставок удобрений, уровень их применения в Сибири в 1985 г. составил в среднем 42 кг действующего вещества на 1 га пашни, что в два с лишним раза меньше, чем в среднем по РСФСР.

В Сибири сложились зоны различной интенсивности использования минеральных удобрений, что определялось природно-экономическими условиями, и прежде всего почвенно-климатическими особенностями и специализацией сельскохозяйственного производства. В распределении минеральных удобрений по сельскохозяйственным культурам наблюдалось последовательное увеличение объемов их применения под зерновые. Несмотря на то что в первой половине 80-х гг. потребность Сибири в минеральных удобрениях обеспечивалось лишь на 25—30 %¹², их применение позволило существенно повысить урожайность технических и зерновых культур. Вместе с тем использование средств химизации в Сибири даже в меньших удельных объемах, чем в среднем по РСФСР, стало негативно влиять как на природную среду, так и на здоровье людей. В ряде случаев это проявляется в повышении содержания нитратов и других вредных примесей в продуктах питания. Выборочное обследование качества сельскохозяйственных продуктов, проведенное в 1988 г. Комитетом народного контроля СССР в ряде районов страны, включая Алтайский край, показало, что 20—30 % взятых на анализ проб овощей имели содержание нитратов выше предельно допустимых концен-

¹² Управление развитием продовольственной базы Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 130.

траций¹³. Перенасыщение почвы минеральными удобрениями в ряде случаев вело к развитию микроорганизмов, обладающих высокой токсичностью для растений. Однако отказаться в настоящее время от применения химических средств защиты растений и минеральных удобрений в силу слабого развития альтернативных способов повышения урожайности сельскохозяйственных культур не представляется возможным.

В комплексе факторов, влияющих на состояние продуктивности пашни, важную роль играют органические удобрения. За 1965—1985 гг. среднегодовой объем внесения органических удобрений в общественном секторе земледелия в Сибири увеличился с 18,4 млн т до 53,3 млн т, что в пересчете на 1 га пашни в 1985 г. составляло 2 т. В Томской и Тюменской областях за счет использования торфоперегнойных смесей (их производство в 1985 г. в Сибири составило 9,1 млн т) в расчете на 1 га пашни вносилось по 4—5 т органики, что в 2—2,5 раза больше, чем в среднем по региону. Однако этого количества органики было недостаточно, чтобы приостановить процесс сокращения гумусного слоя в почве. Господство хлебной монокультуры, низкий уровень почвозащитной агротехники и ряд других факторов привели к деградации пахотных угодий. В Западно-Сибирском экономическом районе за 1955—1980 гг. содержание гумуса в пахотном слое уменьшилось на 0,34 %, что в среднем за год составляет 0,51 т в расчете на гектар. В ряде районов, по оценкам специалистов, содержание гумуса в почве достигло критической отметки. В целом по Российской Федерации биологическая сила земли в последнюю четверть века ежегодно сокращалась на 1 %¹⁴.

¹³ Правда.— 1989.— 26 янв.

¹⁴ Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 10.— С. 20; Кулинцев Ф. Использование земельных ресурсов // Вопросы экономики.— 1989.— № 1.— С. 15.

В настоящее время масштабы применения органических удобрений в сельском хозяйстве Сибири явно недостаточны как с точки зрения повышения продуктивности пашни, так и с точки зрения соблюдения природоохранных требований. Значительная часть органики из-за недостатка техники не вывозится на поля. В качестве органических удобрений недостаточно используются местные биологические ресурсы (торф, сапропель и др.). Только в Алтайском крае, чтобы достичь бездефицитного баланса гумуса в пахотном слое, необходимо вносить ежегодно 41 млн т органических удобрений. При использовании всего ежегодно скапливающегося навоза — 11 млн т — нужно еще 30 млн т торфоперегнойных смесей и сапропеля¹⁵. Восстановление плодородия пашни в нынешних условиях — неотложная и трудоемкая задача, требующая рационального маневра имеющимися материальными ресурсами, выбора адекватных форм ведения земледелия. Наряду с освоением почвозащитных технологий, увеличением внесения органических удобрений необходимо шире переходить на биологические севообороты, которые коренным образом улучшают физико-химические характеристики почвы, быстро восстанавливают утраченное плодородие.

Важное место в структуре сельскохозяйственных угодий занимают сенокосы и пастбища. Динамика этих базовых для развития животноводства элементов земельных ресурсов носила противоречивый характер. С 1960 по 1986 г. площадь сенокосов в Сибири сократилась на 0,8 млн га, а пастбищ — возросла на 2,6 млн га. В целом площадь естественных кормовых угодий увеличилась за этот период с 27,6 млн до 29,4 млн га. В связи с резким сокращением сенокосных угодий в других районах Российской Федерации объективно возрастали требования к эф-

¹⁵ Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 10.— С. 21.

фективному использованию сибирских кормовых угодий. Условные расчеты, сделанные в начале 70-х гг., показали, что при минимальных затратах можно в 2—3 раза увеличить выход зеленой массы¹⁶. Однако проблема повышения продуктивности кормовых угодий, резкого увеличения выхода пастбищного корма и сена из-за бесхозяйственности до сих пор решается неудовлетворительно.

Качественное состояние земельного фонда, в том числе сельскохозяйственных угодий, определяется комплексом естественно-географических, биоклиматических, социально-экономических и исторических факторов. Значительная часть территории Сибири находится в зоне рискованного земледелия. В степной и южной частях лесостепной зоны сельскохозяйственные угодья испытывают недостаточную влагообеспеченность. В северной части лесостепной и таежной зон — переувлажнение. К тому же часть угодий южно-таежной зоны и севера лесостепной зоны отличается повышенной кислотностью. Примерно 13—14 % сельскохозяйственных угодий нуждается в проведении культурно-технических работ: расчистке от мелкого леса и кустарника, уборке камней и т. д. В соответствии с природно-климатическими условиями мелиоративный фонд Сибири определен в 37,1 млн га, из которых в середине 80-х гг. было освоено менее 3 %. Таким образом, требуется проведение большого объема мелиоративных работ.

Из нескольких десятков способов мелиорирования земель, известных мировой практике, в Сибири, как и в стране в целом, используются немногие, в частности орошение, осушение, применение извести и гипса и некоторые другие.

В Сибири развитие орошаемого земледелия наиболее целесообразно на черноземах Кулунды и Приобского плато, обладающих благоприятными водно-воздушными и тепло-

физическими свойствами. Более трудоемко освоение черноземов обширных равнин междуречий Иртыш — Ишим — Убаган, где продолжается строительство Южно-Омской оросительной системы. Вовлечение этих черноземов в орошаемое земледелие требует широкого развития дренажных систем для предотвращения быстрого подъема грунтовых вод до критического уровня. Огромный потенциал для расширения сельскохозяйственных угодий представляют массивы заболоченных и переувлажненных почв. Одной из главных целей мелиоративной политики последних десятилетий являлось расширение зоны получения устойчивых урожаев на основе орошаемого земледелия, включение в сельскохозяйственный оборот осушенных земель. В 60-е гг. в силу наличия запаса естественного плодородия целинных земель работы в этом направлении велись узким фронтом. За 1962—1970 гг. площадь орошаемых земель в пользовании сельскохозяйственных предприятий Западной Сибири увеличилась с 23,4 тыс. до 35,4 тыс. га, Восточной Сибири — с 292,7 тыс. до 300,8 тыс. га. В 1970 г. площадь осушенных земель в колхозах и госхозах составляла в Западной Сибири 97,1 тыс. га, в Восточной Сибири — 59,7 тыс. га. Общая площадь мелиорированных земель в Сибири в 1970 г. достигала 539,6 тыс. га, т. е. 10,7 % от мелиоративного фонда хозяйств Российской Федерации. Однако общая площадь улучшенных земель в балансе сельскохозяйственных угодий не превышала 0,9 %.

С начала 70-х гг. работы в этой области были интенсифицированы. В течение трех пятилеток (1971—1985 гг.) в Сибири в колхозах и совхозах введено в действие свыше 500 тыс. га орошаемых и осушенных земель. За 1965—1985 гг. площадь орошаемых сельскохозяйственных угодий возросла почти в 2 раза: в Западной Сибири на 264 тыс. га, в Восточной Сибири на 63,3 тыс. га. Однако темпы роста орошаемых пло-

¹⁶ Земельные ресурсы Сибири.— С. 67.

Динамика роста площадей орошаемых и осушенных сельскохозяйственных угодий, находящихся в пользовании колхозов и совхозов Сибири, за 1965—1985 гг., тыс. га

Регион	1965	1970	1975	1980	1985	
					Всего	В том числе в колхозах
Орошаемые угодья						
РСФСР	1510,4	1947,8	3681,9	4988,7	5817,0	2374,7
Западная Сибирь	32,0	35,4	142,8	235,0	296,0	78,1
Восточная Сибирь	295,8	300,8	348,2	347,8	359,1	82,8
Итого по Сибири . . .	327,8	336,2	491,0	582,8	655,1	160,9
Сибирь в % к РСФСР	21,7	17,3	13,3	11,7	11,3	—
Осушенные угодья						
РСФСР	2304,3	2416,6	2994,1	3861,6	4618,8	1660,2
Западная Сибирь	66,6	97,1	76,2	207,1	242,2	99,5
Восточная Сибирь	60,7	59,7	83,4	105,7	114,9	53,8
Итого по Сибири . . .	127,3	156,8	259,6	312,8	357,1	153,3
Сибирь в % к РСФСР	5,5	6,5	8,7	8,1	7,7	—

щадей были ниже, чем по РСФСР. В результате удельный вес орошаемых земель Сибири в составе орошаемых угодий Российской Федерации снизился с 21,7 до 11,3 %. Площадь осушенных земель в Сибири за 1965—1985 гг. утроилась и составила 357,1 тыс. га. Четвертая часть орошаемых угодий и свыше 40 % осушенных находились в пользовании колхозов (табл. 20). В целом удельный вес мелиорированных тем или иным способом земель в структуре сельскохозяйственных угодий возрос с 0,9 % в 1970 г. до 1,3 в 1975 г. и 1,7 % в 1985 г. В 1986 г. на орошаемые и осушенные земли в Западной Сибири приходилось 1,6 % сельскохозяйственных угодий и 5,1 % валовой продукции растениеводства общественного сектора, в Восточной Сибири — соответственно 2,1 и 6,0 %¹⁷. Орошаемые и осушенные сельскохозяйственные угодья давали с одного гектара в 2,7 раза больше продукции растениеводства, чем богарные. Наиболее широко орошение применяется в овощеводстве и

производстве зеленых и сочных кормов для животноводства. Осушенные естественные кормовые угодья начинают играть все более заметную роль в производстве грубых кормов.

Вместе с тем концентрация усилий на проведении водных видов мелиорации, несоблюдение технологической дисциплины (в особенности при поливе), невысокий уровень культуры земледелия приводили к нарушению экологического равновесия, ухудшению качественных характеристик почв. В 1979 г. в Западной Сибири почти четверть орошаемых земель, а в Восточной Сибири — 38 % нуждались в проведении неотложных восстановительных работ. За 1975—1985 гг. площадь засоленных и заболоченных земель в Сибири увеличилась на 1 млн га. В середине 80-х гг. площадь полностью и частично выведенных из оборота сельскохозяйственных угодий составляла 15 млн га, или 23 % всех сельскохозяйственных угодий в Сибири. Эти потери лишь отчасти удалось компенсировать за счет средств химической мелиорации. За 1965—1985 гг. в сельскохозяйственный оборот было возвращено около 1 млн га известкованных

¹⁷ Рассчитано по данным Госагропрома РСФСР.

земель. В незначительных масштабах велось гипсование солонцовых почв. Ухудшение качества сельскохозяйственных угодий происходило в целом по стране. За 1975—1985 гг. площадь засоленных земель удвоилась, переувлажненных — возросла на четверть, заболоченных — на 15 %, в то время как площадь кислых почв сократилась только на 19 %¹⁸.

К настоящему времени многие ученые высказывают серьезную озабоченность по поводу сложившейся практики ввода в действие и использования мелиорированных земель. Быстрые темпы роста заболоченности и засоленности почв в Сибири — серьезное предостережение против необдуманных действий в области мелиоративного строительства. Главное внимание должно быть обращено на капитальную реконструкцию уже действующих систем и разнообразных альтернативных варианты улучшения качества сельскохозяйственных угодий. Простые и эффективные виды мелиорации — обводнение пастбищ, культурно-технические работы, агролесомелиорация и известкование почв — не получили широкого распространения. Развитие «сухих» видов мелиорации упирается отчасти в неразвитость материально-сырьевой базы, нехватку специализированных машин и орудий. Но, видимо, главным сдерживающим фактором является система экономических отношений, ориентирующая мелиоративные службы на проведение более капиталоемких и дорогостоящих работ, таких как орошение и осушение. Так, в Красноярском крае в середине 80-х гг. на простые культурно-технические виды мелиорации тратилось лишь 20—25 % капиталовложений (в основном расчистка земель от кустарников и мелколесья с последующим переводом их в кормовые угодья и пашню)¹⁹.

Ведомственный подход отразился и на решениях октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, который принял постановление «О долгосрочной программе мелиорации, повышения эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны»²⁰. Согласно решениям Пленума, предусматривается завершить строительство Алейской и Бурлинской оросительных систем в Алтайском крае и Южно-Омской оросительной системы с гидроузлом и водохранилищем на Иртыше. К 2000 г. площадь орошаемых земель в Сибири должна увеличиться более чем в два раза и достигнуть 1574 тыс. га, а осушенных — 725 тыс. га. Однако эти проекты мелиорирования земель необходимо существенно скорректировать и поставить в жесткую зависимость от перспективных интересов региона и страны, они должны отвечать требованиям сохранения экологического равновесия.

Таким образом, в мелиоративной политике назрела необходимость проведения глубокой структурной перестройки. Ведомственный подход к улучшению земельных ресурсов привел к концентрации капитальных вложений на проведение водных мелиораций. К тому же в реализации этого курса во всей полноте проявились негативные стороны экстенсивного, затратного подхода, что в конечном итоге привело к быстрому росту площади заболоченных и засоленных земель. Структурные перемены требуют определения приоритетов, каковыми в перспективе должны стать коренная реконструкция уже действующих оросительных и осушительных систем и развитие альтернативных видов мелиораций, требующих меньше ресурсов и не оказывающих разрушительного воздействия на природную среду.

¹⁸ Земля сибирская, дальневосточная. — 1988. — № 6. — С. 10.

¹⁹ Мелиорация и водное хозяйство. — 1988. — № 6. — С. 10.

²⁰ Коммунист. — 1984. — № 16. — С. 12—16.

Совершенствование состава и технологии использования минеральных удобрений необходимо строго соотносить с сокращением негативного воздействия их на землю, воду, воздух и сельскохозяйственную продукцию. В ведении сельского хозяйства следует все больше возвращаться к природной биологической основе с использованием достижений научно-технического прогресса. Это предполагает освоение севооборотов, рациональных систем земледелия, широкое использование органических удобрений, расширение посевов культур, не истощающих, а обогащающих почву.

2. Капитальные вложения и основные производственные фонды

Уровень, достигнутый в развитии экономики страны в 50-е гг., создавал предпосылки для переключения большей части ресурсов на развитие материально-технической базы сельского хозяйства, повышение фондовооруженности крестьянского труда. Переход к интенсивным факторам развития был не только желателен, но и необходим в связи с определением предела на пути расширения сельскохозяйственных угодий и трудностями в обеспечении трудовыми ресурсами.

Объективно складывались условия для серьезных структурных изменений в инвестиционном комплексе в пользу аграрной сферы. Однако в первой половине 60-х гг. рост капитальных вложений в сельское хозяйство был недостаточен, чтобы задать всему агропромышленному комплексу опережающие темпы развития по сравнению с другими отраслями народного хозяйства. В 1965 г. государство и колхозы Сибири вложили в объекты производственного и непроизводственного назначения 738,1 млн руб., или в 1,5 раза больше, чем в 1961 г. Падение темпов роста сельскохозяйственного производства отрицательно сказывалось на размерах инвестиционных вложений в аг-

рарную сферу, причем в большей степени в колхозном секторе. Доля капитальных вложений колхозов в общей структуре инвестиций, направляемых в сельское хозяйство Сибири, уменьшилась с 36 % в 1961 г. до 31 % в 1963 г. В 1963 г. капитальные вложения колхозов Сибири по сравнению с 1962 г. в абсолютном исчислении практически не увеличились, а в Западной Сибири даже сократились. Однако период снижения инвестиционной активности колхозов был кратковременным. Расширение долгосрочного кредитования хозяйств со стороны государства для приобретения сельскохозяйственной техники и строительства животноводческих помещений улучшило финансовое положение колхозов, а доля колхозных вложений в 1965 г. в общей сумме капиталовложений в сельское хозяйство возросла до 37 %²¹.

С середины 60-х гг. доля капитальных вложений, направляемых на развитие сельского хозяйства, стала нарастать не только в абсолютном выражении, но и в общих инвестициях в народнохозяйственный комплекс. Если в 1961—1965 гг. она составляла по стране пятую часть вложений в народное хозяйство, то в 1981—1985 гг. — более четверти (26 %) ²². Динамика капитальных вложений в сельское хозяйство Сибири носила поступательный характер. В 70-е гг. по всему комплексу работ объем инвестиций за счет средств государства и колхозов увеличился на 35 %. Значительно возросли капитальные вложения колхозов. В Сибири за годы десятой пятилетки по объектам производственного назначения они составили 3,4 млрд руб., т. е. увеличились в 2,8 раза по сравнению с 1961—1965 гг.

К концу 70-х — началу 80-х гг. темпы прироста капитальных вло-

²¹ Основные экономические показатели колхозов и совхозов в 1961—1965 гг. — М., 1967. — С. 93—94.

²² Народное хозяйство СССР в 1985 году. — М., 1986. — С. 260.

жений заметно снизились, что было связано с углублением негативных процессов в экономике. Однако в абсолютных стоимостных показателях сельское хозяйство продолжало получать значительные ресурсы. В 1976—1985 гг. на развитие агропромышленного комплекса в Сибири было направлено 38,1 млрд руб., или 15 % общего объема инвестиций в аграрную сферу РСФСР. На колхозный сектор приходилась в Сибири четвертая часть инвестиций, в то время как в среднем по РСФСР — около третьей части²³.

Благодаря повышению доли национального дохода, направляемой в сельское хозяйство, обновление основных производственных фондов здесь шло более интенсивно, чем в целом по народному хозяйству. Централизованные ресурсы общества и капитальные вложения кооперативного сектора позволили существенно обновить производственные фонды колхозов и совхозов, наладить поставки разнообразной сельскохозяйственной техники, станков и механизмов. За 1965—1986 гг. фондообеспеченность колхозного производства в Сибири возросла более чем в пять раз, а в расчете на один колхоз — еще значительно (табл. 21). Опережающими темпами росла фондовооруженность труда: к середине 80-х гг. по объему фондов в расчете на одного работника колхозы превзошли уровень государственных сельскохозяйственных предприятий.

Вместе с тем прирост капитальных вложений в сельское хозяйство по отдельным краям и областям Сибири не всегда соотносился с темпами роста промышленности, урбанизацией региона. Нарушался принцип комплексного развития отдельных территорий. Особенно заметные диспропорции между развитием промышленности и сельского хозяйства сложились в Тюменской области и Красноярском крае. Катастрофичес-

ки отставала социальная сфера колхозов и совхозов, усилился отток сельских жителей в города. Действие этих негативных тенденций проявилось и в других районах Сибири. Несмотря на разнообразные меры по стабилизации миграции сельского населения, подъему социально-культурной сферы, положение в лучшую сторону менялось медленно. Серьезных структурных изменений в инвестиционной политике внутри агропромышленного комплекса не происходило.

Рост стоимости производственных фондов был непропорционален росту их физических объемов, так как в рассматриваемый период наблюдалось быстрое удорожание объектов, в первую очередь животноводческих помещений. Только за 1965—1970 гг. стоимость одного скотоместа в отрасли крупного рогатого скота возросла в 2,1 раза, свиноводстве — в 2,6, овцеводстве — в 3,1, птицеводстве — в 2,3 раза. В Западной Сибири за годы девятой и десятой пятилеток капиталовложения в строительство животноводческих помещений повысились в 2,2 раза, реальный их ввод по числу постановочного поголовья для крупного рогатого скота увеличился лишь на 10 %, а для свиней и овец даже абсолютно сократился²⁴. Дорожали также техника, электроэнергия, строительные и другие материалы.

Таким образом, стоимостные показатели превышали реально достигнутый уровень индустриализации животноводства, количественного роста и качественного состояния машинно-тракторного парка, используемого в полеводстве. Вместе с тем намечалось отставание Сибири от других регионов РСФСР по уровню материально-технической оснащенности сельского хозяйства. В середине 80-х гг. фондообеспеченность в расчете на 100 га сельхозугодий составляла в Западной Сибири 65 %,

²³ Рассчитано по данным Госагропрома РСФСР.

²⁴ Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск, 1987. — С. 173.

Динамика фондообеспеченности и фондовооруженности колхозного производства в Сибири в 1965—1986 гг., тыс. руб.*

Год	Фондообеспеченность				Фондовооруженность одного работника	
	на 100 га сельхозугодий		на один колхоз		Западная Сибирь	Восточная Сибирь
	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Западная Сибирь	Восточная Сибирь		
1965	10,3	6,7	1024	872	2,6	2,7
1970	13,9	9,7	1675	1466	4,2	4,2
1975	23,8	14,9	2879	2735	7,5	6,9
1980	35,7	25,4	4423	4120	12,1	10,6
1986	51,0	35,3	6303	5333	19,0	15,8

* Таблицы 21, 26 составлены по данным сводных годовых отчетов колхозов.

в Восточной Сибири — 52 % к среднему показателю по РСФСР²⁵.

Изменения в структуре основных производственных фондов колхозов и совхозов Сибири происходили не в пользу увеличения доли активных средств труда, что предопределялось структурой капитальных затрат колхозов и государства. Так, в 1973 г. в капитальных затратах колхозов Западной Сибири расходы на строительство и капитальный ремонт производственных зданий и сооружений составили более 56 %, на приобретение и капитальный ремонт тракторов, комбайнов, автомобилей и другой техники — 22, на формирование основного стада — лишь 17, в том числе затраты на приобретение продуктивного скота — 0,9 %²⁶. Развивались капиталоемкие направления интенсификации животноводства, вкладывались большие средства в мелиоративное строительство. В результате за 1965—1986 гг. доля активной части в основных производственных фондах сельского хозяйства Сибири сократилась с 28 до 22 %, в том числе в колхозах — с 24 до 18, в совхозах — с 31 до 19 % (табл. 22). Тенденция увеличения удельного ве-

са стоимости зданий и сооружений и снижения доли стоимости силовых и рабочих машин, транспортных средств и оборудования в структуре основных производственных фондов была характерна почти для всех регионов РСФСР.

Необходимость увеличения вложений в создание построек и сооружений вызывалась тем, что во многих хозяйствах не был достигнут достаточный уровень развития именно этих элементов основных производственных фондов. В середине 70-х гг. в колхозах и совхозах Западной Сибири до 30 % скота содержалось в непригодных помещениях. И все же столь существенный разрыв между активной и пассивной частями основных производственных фондов был вряд ли обоснован. Сдерживались другие мероприятия по индустриализации сельскохозяйственного труда.

В результате развернувшегося строительства обеспеченность колхозов Сибири типовыми постройками и сооружениями в 60—80-е гг. резко возросла. Только за 1970—1985 гг. доля капитальных построек в общей численности зерно-, семеновохранилищ (включая фуражные) возросла с 66 до 77 %²⁷. В качестве приоритетно-

²⁵ Управление развитием продовольственной базы Сибири.— С. 128.

²⁶ Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири.— Новосибирск, 1977.— С. 66—67.

²⁷ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 5138, 5148; Наличие построек и сооружений в колхозах, совхозах и межхозяйственных предприятиях.— М., 1985.— С. 66—67.

Изменения в структуре основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения в сельском хозяйстве Сибири за 1960—1986 гг. (по общественному сектору)
% к итогу

Год	В целом сельское хозяйство			Колхозы			Совхозы		
	Здания и сооружения	Машины и оборудование	Прочее	Здания и сооружения	Машины и оборудование	Прочее	Здания и сооружения	Машины и оборудование	Прочее
1960	—	—	—	45	21	34	—	—	—
1965	45	28	27	50	24	26	42	31	24
1970	52	23	25	54	21	25	50	24	26
1975	58	20	22	60	19	21	57	21	22
1980	61	19	20	61	18	21	61	19	20
1986	62	22	16	62	18	20	63	19	18

го направления было избрано строительство крупных животноводческих помещений, которое особенно активизировалось после принятия в апреле 1971 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии производства продуктов животноводства на промышленной основе»²⁸.

За 1971—1981 гг. в Красноярском крае было построено 36 животноводческих комплексов, в том числе 26 по производству молока. В каждом из них содержалось от 800 до 1200 коров. Только за годы десятой пятилетки в крае число комплексно-механизированных ферм различного профиля увеличилось на 20—28 %. В молочном животноводстве это позволило высвободить и перевести на другую работу 1800 доярок. В целом по Сибири за 1970—1985 гг. вместимость животноводческих помещений для содержания крупного рогатого скота возросла с 1,7 млн до 2,9 млн голов, или в 1,7 раза²⁹.

Вместе с тем концентрация капитальных вложений на строительстве крупных животноводческих объектов, поставках сельскому хозяйству техники произошла за счет ущемления интересов других элементов инфраструктуры. Значительно медленнее

развивалась сфера технического обслуживания, где плановые показатели хронически не выполнялись. Так, в Западной Сибири план одиннадцатой пятилетки по строительству пунктов технического обслуживания был выполнен лишь на 8 %, ремонтных мастерских — на 25, нефтебаз — на 27, машинных дворов — на 45 %. Обострялось положение в области хранения и переработки кормов. В середине 80-х гг. колхозы и совхозы Новосибирской области были обеспечены сенохранилищами на 1 %, силосно-сенажными сооружениями — на 43, корнеплодохранилищами — на 10 %. Недостаточно сбалансированно формировалась материально-техническая база собственно животноводства. Не хватало телятников-профилакториев, родильных отделений, что являлось одной из причин высокого падежа молодняка. В Красноярском крае в 80-е гг. обеспеченность села этими видами построек составляла 30—40 % от потребности.

Острый недостаток капитальных вложений испытывали предприятия переработки и хранения сельскохозяйственной продукции АПК. Слабое внимание к развитию этой сферы вело к большим потерям уже собранного урожая. Хотя сложившиеся диспропорции были известны руководству страны в 70-е гг., энергичных мер по структурной перестрой-

²⁸ Правда.— 1971.— 26 апр.

²⁹ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 5138, 5148; Наличие построек и сооружений...— С. 197—198.

ке инвестиционной политики принято не было. Только на основе решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС система приоритетов стала постепенно меняться, и уже во второй половине 80-х гг. рост инвестиций в перерабатывающие отрасли стал более заметным. За три года двенадцатой пятилетки в перерабатывающие отрасли промышленности АПК Сибири государством было вложено почти столько же средств, сколько за всю одиннадцатую пятилетку, — 757,8 млн руб. Среднегодовые государственные капитальные вложения в эти отрасли возросли на 65 % и составили в 1986—1988 гг. 252,6 млн руб.³⁰

Качественная характеристика вновь вводимых фондов, особенно животноводческих помещений, как правило, не соответствовала требованиям интенсивных форм ведения хозяйства. Многие типовые проекты не были привязаны к местным условиям. Нормы технологического и строительного проектирования животноводческих помещений, разработанные и утвержденные Госстроем СССР совместно с Министерством сельского хозяйства в 1965—1967 гг., рассчитывались без учета суровых сибирских условий. Местные проектные организации материально не были заинтересованы в совершенствовании качества технической документации, вследствие чего сооружение животноводческих комплексов велось по проектам низкого качества. Постройки ориентировались на устаревшую технологию, поэтому иногда сразу же после ввода объектов в эксплуатацию требовалась их реконструкция. В техническую документацию не закладывались перспективные реконструктивные работы по расширению помещений и комплексной механизации производственных процессов. А ведь именно эту задачу надо было решить в ходе перевода животноводства на индустриальную основу.

³⁰ Капитальное строительство в РСФСР. — М., 1989. — С. 173.

В этих условиях хозяйства пытались приспособить типовые проекты к местным условиям самостоятельно. Так, в Омской области в 70-е гг. развернулось переоборудование животноводческих помещений по так называемому лузинскому методу. Эта инициатива тружеников Лузинского совхоза и колхоза «Заря коммунизма» Омского района Омской области была одобрена пленумом обкома КПСС и рекомендована к широкому распространению. В середине 70-х гг. в постройках нового типа содержалось 16 % поголовья коров области. В передовом совхозе «Назаровский» Красноярского края проекты животноводческих помещений, вышедшие из стен проектных институтов, кардинально изменялись или вовсе отбрасывались из-за их дороговизны, излишней материалоемкости, технологических неувязок. В результате скотоместо в Назаровском совхозе оказалось в пять раз дешевле, чем в типовом комплексе³¹.

Однако местная инициатива не могла перекрыть все издержки низкого качества сельскохозяйственного строительства и несовершенства его технологии. Ориентация сельских подрядных организаций на «валовые показатели» вела к погоне за количественными результатами, тем более что насыщенность колхозов и совхозов разнообразными постройками была далека от нормативной. В середине 80-х гг. в колхозах Иркутской области крупный рогатый скот был обеспечен помещениями на 80 %, свиньи — на 85, овцы — на 67 %. Хозяйства Читинской области имели в составе животноводческих помещений только половину типовых построек.

Важным составным элементом материально-технической базы являются различные инженерные и гидромелиоративные сооружения. К концу 50-х — началу 60-х гг. в Сибири действовала небольшая сеть ороси-

³¹ Сальников В. М. В Назаровском у Вепрева. — Красноярск, 1989. — С. 48.

тельных и осушительных систем, значительная часть которых была сооружена до революции. К числу немногих систем, созданных в годы социалистического строительства, относится Алейская. Длина ее магистрального канала — 38 км, межхозяйственных каналов — 87, внутрихозяйственной сети — 830 км. В зоне системы построено 32 км дорог, 15 мостов, проложена телефонная линия. В 1962 г. стоимость инженерных сооружений Алейской оросительной системы составляла 1 млн руб. В 50—60-е гг. новое мелиоративное строительство в Сибири практически не велось. Многие водохозяйственные объекты работали на износ и пришли в ветхое состояние. Так в Новосибирской области вследствие вторичного заболачивания и выхода из строя проводящих каналов дореволюционной постройки на Барабинской низменности площадь земель с осушительной сетью за 1960—1963 гг. сократилась на 83,8 тыс. га. Ирригационные системы Забайкалья, в основном не инженерного типа, находились в поймах малых рек и родников. На значительной территории они полностью или частично разрушены, так как за свое долгое существование не подвергались профилактическому ремонту³².

За 1962—1970 гг. прирост земель с оросительной сетью составил в Сибири всего 20, 4 тыс. га. Строительство велось, как правило, хозяйственным способом. Так, за 1963—1966 гг. силами пяти колхозов и совхозов Алтайского края дополнительно к Алейской системе была построена сеть каналов протяженностью 25 км с бетонными сооружениями на площади 1,6 тыс. га.

Только в 70-е гг. в сельском хозяйстве Сибири были развернуты работы по строительству инженерных и гидромелиоративных сооружений. В 1971—1985 гг. в мелиоративное

строительство и освоение мелиорированных земель здесь было вложено 4,3 млрд руб., или десятая часть затрат на эти цели в РСФСР. За счет бюджетных и колхозных средств построены десятки новых оросительных и осушительных систем, созданы зоны получения гарантированных урожаев сельскохозяйственных культур, в особенности овощей³³.

В середине 80-х гг. в Томской области функционировало 30 осушительных и 40 оросительных систем. В Тюменской области действовала Сургутская польдерная осушительная система. Существенно расширилась Алейская оросительная система на Алтае, включающая сеть инженерных сооружений, оборудованных десятью стационарными насосными станциями, дождевальными установками и машинами. Суммарный забор воды в створе головного сооружения составляет 88,5 млн м³.

Средства, вложенные в реализацию гидромелиоративных проектов, позволили заметно повысить эффективность сельскохозяйственного производства, снизить потери от периодических засух. Однако в силу несоблюдения технологической дисциплины, бесхозяйственности, низкой культуры земледелия и недостаточного внимания к профилактическим и реконструктивным работам значительная часть гидромелиоративных систем стала приходить в негодность. В середине 80-х гг. в Томской области все оросительные и осушительные системы, построенные до 1975 г., нуждались в коренной реконструкции или списании. На Алейской оросительной системе в пределах Рубцовского района Алтайского края 40 % земель подверглось засолению или заболачиванию, в то время как рассоляющий дренаж использовался только на 7 тыс. га, или менее чем на половине поливных угодий³⁴. В связи с износом ряда водохозяйст-

³³ Рассчитано по данным Госагропрома РСФСР.

³⁴ Рассчитано по данным краевых и областных агропромов.

³² ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 6556, л. 2, 24—25; д. 8274, л. 174—175.

венных объектов, расширением масштабов засоления и вторичного заболачивания почв возникает необходимость переноса центра тяжести в мелиоративной политике с нового строительства на капитальный ремонт и реконструкцию действующих систем.

На формирование и функционирование материально-технической базы в сельском хозяйстве отрицательно влияло несовершенство организационно-экономических отношений. Обезличка отношений собственности вела к потере интереса к производительному труду. Несовершенной была система материально-технического снабжения, что особенно заметно проявлялось в сельском строительстве, где уровень обеспечения строительно-монтажных работ материалами составлял в 80-е гг. 10—15 % от норматива³⁵.

Дефицитность строительных материалов инициировала развитие теневой экономики, хищений государственных средств, приписки. Так, ряд хозяйств Новосибирской области, внося в списки зерносклады на 1000—2000 т в кирпичном исполнении, строил их из металлоконструкций, что ниже проектной стоимости на 30—40 %. При этом заработная плата наемным бригадам выплачивалась согласно проектно-сметной документации. Анализ договоров, заключенных хозяйствами с временными рабочими, приехавшими из других республик, показал, что, уступая их требованиям, руководители хозяйств определяли им заработную плату в размерах, значительно превышавших сумму, указанную в смете. В колхозах «Сибирияк», «Советская Сибирь», «Коммунизм» Искитимского района и некоторых других заработная плата таких бригад достигала 50 % сметной стоимости возводимых объектов³⁶.

³⁵ Управление развитием продовольственной базы Сибири.— С. 72.

³⁶ ПАНО, ф. 4, оп. 80, д. 293, л. 16—17; д. 354, л. 16—17.

Курс на создание крупных животноводческих комплексов с индустриальной технологией содержания скота требовал расширения масштабов деятельности подрядных строительных организаций, которые имели слабую производственную базу. Положение усугублялось отвлечением сил подрядных организаций на сооружение городских и промышленных объектов. Так, передвижные мехколонны, созданные в первую очередь для строительства животноводческих помещений, в городах Алтайского края строили ретрансляционные станции, пожарные депо, административные здания. Попытки исправить это положение, предпринимавшиеся местными руководящими органами, часто оказывались безуспешными. Строительные организации продолжали осваивать капитальные вложения на посторонних, более выгодных объектах. Рос объем незавершенного строительства, низким оставалось качество строительно-монтажных работ. Издержки фондоемкого пути индустриализации сельского хозяйства получили принципиальную оценку в документах мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС. «Значительная часть средств, направляемых в село,— говорил М. С. Горбачев,— тратилась на строительство дорогостроительных объектов, загонялась в „стены“, вместо того чтобы направить их на повышение плодородия земель, механизацию производства, социальное переустройство деревни»³⁷.

Строительство крупных животноводческих комплексов объективно обесценивало значимость малых организационных форм ведения сельского хозяйства — личного подворья, небольших ферм, не требовавших больших капитальных затрат. Наряду с другими факторами это снижало эффективность использования накопленного производственного потенциала. Несмотря на то что темпы падения фондоотдачи в одиннад-

³⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 15—16 марта 1989 года.— М., 1989.— С. 45—46.

цатой пятилетке по сравнению с предшествующим десятилетием несколько сократились, сама эта негативная тенденция не была преодолена. За 1975—1985 гг. производство валовой продукции в расчете на 1000 руб. основных фондов снизилось в колхозах Западной Сибири с 885 до 496 руб., или в 1,8 раза, в колхозах Восточной Сибири — с 941 до 456 руб., или в 2 раза³⁸, хотя капиталовложения в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий увеличились в годы одиннадцатой пятилетки в сравнении с десятой соответственно на 17,0 и 30,6 %.

Таким образом, в рассматриваемый период сельское хозяйство Сибири, в том числе колхозы, за счет перераспределения национального дохода получило в свое распоряжение большие материальные ресурсы. Материально-техническая база насыщалась новыми элементами, ориентированными на индустриализацию труда сельских тружеников. Однако доля активной части (техники, средств труда) в составе основных производственных фондов была незначительна.

3. Техническая и энергетическая оснащенность производства

К началу 60-х гг. производственный потенциал сибирского села существенно возрос. Подавляющая часть хозяйств была электрифицирована. В 1961 г. в Западной Сибири электроэнергией пользовались 95 % колхозов и 99 % совхозов, в Восточной Сибири — 84 % колхозов и 99 % совхозов. Только за 1958—1964 гг. потребление электроэнергии в колхозах Сибири увеличилось в 1,8 раза, а в расчете на одного колхозника — более чем в 3 раза.

Деревня получала все больше техники. В 1961—1962 гг. тракторный парк в сельском хозяйстве Сибири обновлялся ежегодно в сред-

нем на 14—15 %. На 1 июля 1962 г. в нем числилось 148,2 тыс. тракторов, в том числе 95,8 тыс. гусеничных. По данным выборочного обследования ЦСУ РСФСР, проведенного в Алтайском крае в декабре 1964 г., 20 % тракторов находилось в эксплуатации от 1 до 2 лет, 70 % — от 2 до 10 лет и 10 % — свыше 10 лет³⁹.

Наращивание технических средств труда позволило уже в первой половине 60-х гг. достичь определенных рубежей в сфере индустриализации сельскохозяйственного труда. В это время в колхозах и совхозах Сибири была полностью механизирована уборка зерна, на 70—80 % — сенокошение, посадка картофеля. Но ручной труд преобладал в уборке сахарной свеклы, доении коров, подаче воды и очистке животноводческих помещений⁴⁰.

В ходе реорганизации МТС хозяйства получили право непосредственного распоряжения сельскохозяйственной техникой; расширились возможности оперативного использования машинно-тракторного парка. Вместе с тем прогрессивная по замыслу мера, проведенная в ряде случаев без учета местных особенностей и поспешно, вызвала ухудшение условий ремонтно-технического обслуживания, стало хронически не хватать запасных частей. На 1 июля 1960 г. в сельском хозяйстве Западной Сибири находилось в ремонте: тракторов — 13 %, зерноуборочных комбайнов — 42, в Восточной Сибири тракторов — 9 и комбайнов — 39 %. Ухудшение состояния ремонтной базы вело к нарушению оптимальных сроков проведения сева и уборки, отрицательно сказывалось на качестве других сельскохозяйственных работ.

Для улучшения ремонтного обслуживания, а также для упорядо-

³⁹ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 8210, л. 74, 80; оп. 32, д. 4350, л. 28—30; оп. 35, д. 726, л. 15, 22, 27.

⁴⁰ Данные сводных годовых отчетов колхозов и совхозов.

³⁸ Данные Госагропрома РСФСР.

чения системы продажи сельхозтехники в начале 1961 г. по решению ЦК КПСС было образовано Всесоюзное объединение по продаже сельхозтехники, запасных частей, минеральных удобрений, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах («Союзсельхозтехника»). Создание специализированного органа с отделениями в административных районах сгладило остроту проблем, но не избавило от них полностью.

На основе решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС был принят комплекс мер по развитию отечественного машиностроения. В течение последующего десятилетия в стране было введено в действие 16 новых заводов сельскохозяйственной техники. В 1975 г. тракторное и сельскохозяйственное машиностроение имело 120 производственных объединений и заводов, в том числе 17 тракторных и моторных, более 40 — по производству сельхозмашин, свыше 50 — по выпуску деталей, узлов и агрегатов. С каждой пятилеткой промышленность увеличивала выпуск различной сельскохозяйственной техники. В восьмой пятилетке было заново освоено производство 346 наименований техники, в девятой — 300, в десятой — 248⁴¹.

В структуре отечественного сельскохозяйственного машиностроения одно из главных мест занимало производство тракторов и комбайнов различных марок. За 1965—1980 гг. поставки тракторов сельскому хозяйству Сибири увеличились со 163,7 тыс. до 206,2 тыс. шт., комбайнов — с 83,5 тыс. до 95,7 тыс. шт. Несмотря на преждевременное выбытие из строя техники, особенно комбайнов, шел процесс насыщения сельскохозяйственного производства машинами и оборудованием. За 1965—1986 гг. уровень обеспеченности сибирской паш-

ни тракторами возрос в 1,5 раза, комбайнами в Западной Сибири — в 1,7 раза, в Восточной Сибири — в 1,3 раза. В 1986 г. в среднем на каждые 1000 га сибирской пашни приходилось восемь тракторов и семь зерноуборочных комбайнов (табл. 23).

Снабжение села техникой, и прежде всего тракторами, значительно повышало энерговооруженность сельскохозяйственного производства. Если в 1975 г. на одного колхозника и работника совхоза в Сибири приходилось в среднем 27,3 л. с., то в 1986 г. — почти 47,4 л. с., или в 1,7 раза больше. Энергообеспеченность колхозно-совхозного производства возросла в Западной Сибири в расчете на 100 га посевной площади со 151 л. с. в 1975 г. до 242 л. с. в 1985 г., в Восточной Сибири — со 164 до 258 л. с. Особенно быстрыми темпами шел процесс насыщения сельского хозяйства электрической энергией. За 1975—1985 гг. электровооруженность одного работника в общественном земледелии увеличилась в Западной Сибири с 2628 до 5910 кВт·ч, или в 2,3 раза, в Восточной Сибири — с 2820 до 6039 кВт·ч, или в 2,1 раза. В середине 80-х гг. сибирский крестьянин был лучше энерго- и электровооружен, чем работник аграрной сферы в других регионах РСФСР. В то же время энергонасыщенность сибирской пашни оставалась ниже средних показателей по Российской Федерации. Удельные нагрузки на трудоспособное население были в Сибири выше. В 1984 г. на одного работающего в сельском хозяйстве Западной Сибири приходилось 16,0 га пашни, Восточной Сибири — 15,9, РСФСР — 11,3 га, условных голов скота — соответственно 7,8, 8,9 и 7,6⁴².

За счет увеличения парка машин и механизмов повысился уровень механизации производственных про-

⁴¹ Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980. — М., 1982. — С. 103.

⁴² По данным Госагропрома РСФСР.

Динамика обеспеченности сельского хозяйства Сибири тракторами и комбайнами в 1965—1986 гг., шт.

Регион	Тракторы (на 1000 га пашни)						Зерноуборочные комбайны (на 1000 га посева зерновых культур)					
	1965	1970	1975	1980	1985	1986	1965	1970	1975	1980	1985	1986
РСФСР	5,9	7,2	9,1	10,1	10,9	11,0	4,1	5,2	5,4	6,0	7,6	7,7
Западная Сибирь	5,4	5,8	7,2	7,5	8,2	8,4	4,2	5,0	5,5	5,8	7,0	7,3
Восточная Сибирь	5,4	6,3	7,7	7,7	8,4	8,8	5,1	5,4	5,6	5,8	6,7	7,1

цессов в различных отраслях сельского хозяйства. Уровень механизированной посадки овощей возрос в сельском хозяйстве Сибири за 1975—1984 гг. в 2—2,5 раза, а уровень механизированной копки картофеля — в 2, уборки — в 3—5 раз⁴³. В 1986 г. 22 % овощей и более 50 % картофеля убиралось в регионе механизированным способом. На 85 % была механизирована посадка овощей. Существенно изменилась ситуация в животноводстве. За 1975—1984 гг. уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота в колхозах, межхозяйственных предприятиях и совхозах Западной Сибири возрос с 27 до 61 %, Восточной Сибири — с 14 до 42 %. На свинофермах Сибири к середине 80-х гг. он достиг 74 % (к поголовью скота), на птицеводческих фермах и молочных комплексах — 90 %. Эти сдвиги свидетельствовали о серьезных позитивных переменах в уровне технической оснащенности сельского хозяйства.

И тем не менее на зернопогрузке, закладке силоса, посадке капусты и других работах оставался значительным процент ручного труда. В 1985 г. доля лиц, занятых ручным трудом не при машинах и механизмах, составляла в общественном секторе животноводства Западной Сибири 54,6 %, Восточной Си-

бири — 69,3, в растениеводстве — соответственно 37,0 и 40,7 %⁴⁴. Вследствие этого абсолютный рост сельскохозяйственного производства сопровождался абсолютным увеличением затрат ручного труда. На многие виды сельскохозяйственных работ, в особенности в сезон уборки урожая, приходилось привлекать горожан.

Крупным недостатком материально-технической базы сельского хозяйства Сибири и страны в целом продолжали оставаться неоптимальная структура машинного парка, соотношение силовых и рабочих машин. Дорогостоящая, энергонасыщенная техника своевременно не обеспечивалась шлейфом рабочих машин. С 1975 по 1985 г. парк тракторов увеличился на 25—30 %, а рабочих машин — всего на 12 %. В середине 80-х гг. тракторы К-700 и К-701 были обеспечены комплектом прицепных и навесных машин только на 55—60 %, а тракторы типа Т-150 К — на 60—70 %⁴⁵. В результате соотношение силовых и рабочих машин составляло 1:1,5 (по стоимости), что в два раза ниже оптимального уровня. В итоге снижались коэффициенты использования энергонасыщенной техники: по тракторам — до 39 %, самоходным комбайнам — до 45 %. Недостаток рабочих машин нарушал

⁴³ Механизация работ в растениеводстве в колхозах, совхозах и межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях за 1965, 1970, 1975, 1980—1984 годы. — М., 1985. — С. 72, 76, 97, 101.

⁴⁴ Профессиональный состав и механизация труда колхозников и рабочих совхозов. — М., 1986. — С. 12—22.

⁴⁵ Научно-технический прогресс в агропромышленном комплексе. — Новосибирск, 1986. — С. 8—9.

технологическую последовательность производства, что вело к высоким затратам ручного труда, большим потерям сельскохозяйственной продукции. Кроме того, энергонасыщенные тракторы не были ориентированы на сохранение физических и биологических свойств почвы, уплотняли и разрушали ее.

В силу монопольного положения машиностроителей структура поставок сельскохозяйственной техники не соответствовала спросу. Сельскохозяйственные предприятия Сибири получали больше колесных, чем гусеничных, тракторов, в то время как выработка последних в 2—3 раза выше. В середине 80-х гг. колхозы и совхозы страны получали лишь 2 тыс. наименований машин вместо 4 тыс. по плану. Практически отсутствовала система машин для выращивания картофеля и овощей, другие виды техники. Между тем сельскохозяйственным предприятиям навязывалось много ненужной техники. В 1987 г. хозяйствам Кемеровской области без их согласия были направлены дополнительно комбайны Красноярского завода, пользовавшиеся плохой репутацией у механизаторов⁴⁶.

Качество поставляемой сельскохозяйственной техники продолжает оставаться серьезной проблемой. В середине 80-х гг. наработка отечественных тракторов до момента первого отказа составляла 80—135 моточасов вместо 800—1000 по норме, зерноуборочных комбайнов — 6—9 моточасов вместо 300 по ГОСТу⁴⁷. Низкое качество сельскохозяйственной техники при эксплуатации в условиях сибирского климата и бездорожья приводило к ее преждевременному выбытию. Количественный рост машинно-тракторного парка шел в регионе медленнее, чем в среднем по РСФСР. Число списанных технических средств росло пропорционально темпам рос-

та машинно-тракторного парка. В 1975 г. колхозы Сибири списали около 6 тыс. тракторов и 3,5 тыс. комбайнов, а получили всего около 7,3 тыс. тракторов и 3,5 тыс. комбайнов⁴⁸. За годы десятой пятилетки в Западной Сибири на увеличение парка тракторов всех марок пошло лишь 7 % объема их поставок, грузовых автомобилей — 15 %, парк же зерновых комбайнов количественно практически не изменился⁴⁹. В 80-е гг. заметного улучшения качества сельскохозяйственной техники не произошло. В 1981 г. в колхозах и совхозах Красноярского края была списана десятая часть тракторов, комбайнов, сеялок, от 10 до 20 % жаток, раздатчиков кормов, транспортеров для уборки урожая.

Низкое качество поставляемой техники было одной из причин снижения эффективности использования парка комбайнов в сельском хозяйстве Сибири. Так, в колхозах средняя дневная выработка на один зерноуборочный комбайн сократилась с 1965 по 1985 г. в Западной Сибири с 12,5 до 8,3 га; в Восточной Сибири — с 7,5 до 6,6 га, а средняя сезонная выработка — соответственно с 382 до 147 и с 264 до 174 га. Аналогичная ситуация просматривалась в совхозном секторе⁵⁰. В середине 80-х гг. до 25 % зерноуборочных комбайнов простаивало в период уборки. Потери зерна из-за ненадежности узлов комбайна в два раза превышали допустимую норму.

Насыщение сельского хозяйства новой дорогостоящей техникой, не обладавшей высокой степенью надежности, объективно требовало расширения сферы ремонта и технического обслуживания. Еще в на-

⁴⁸ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 5138, 5148, 10 203—10 204, 10 209.

⁴⁹ Социально-экономическое развитие сибирского села.— С. 173.

⁵⁰ Использование комбайнов в колхозах, совхозах и межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях в 1985 году.— М., 1986.— С. 44.

⁴⁶ Правда.— 1987.— 30 дек.

⁴⁷ Научно-технический прогресс в агропромышленном комплексе.— С. 9.

чале 60-х гг. были организованы специализированные подразделения «Сельхозтехники», на которые возлагались функции технического обслуживания колхозов и совхозов. На решение проблемы коренного улучшения использования технических средств труда были также направлены постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению использования техники в сельском хозяйстве» (1970 г.) и совместное постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве» (1971 г.)⁵¹.

В плане мероприятий, намечавшихся руководящими органами областей, краев Сибири по реализации этих постановлений, большое место отводилось улучшению условий эксплуатации, хранения и ремонта сельскохозяйственной техники. В 70-е гг. велось строительство гаражей, ремонтных мастерских, пунктов технического обслуживания машинно-тракторного парка в колхозах и совхозах. В результате доля типовых мастерских в общем количестве помещений, предназначенных для ремонта техники, в сельском хозяйстве Сибири возросла с 43 % в 1970 г. до 65 % в 1985 г. Доля типовых пунктов техобслуживания в 1985 г. составила 60 %.

Несмотря на эти позитивные сдвиги, сфера технического сервиса была не в состоянии перекрыть издержки, присущие в целом системе экономических отношений. Затратный хозяйственный механизм, сохранение сильных ведомственных интересов у партнеров по АПК вели к деформации критериев эффективности общественного производства. По-прежнему большие средства вкладывались в наращивание выпуска сельскохозяйственной тех-

ники без улучшения ее качества при одновременном расширении ремонтно-технического обслуживания. Вследствие этого дефицит запасных частей в стране не уменьшался, хотя в 80-е гг. на их производство расходовалось до 20 % проката черных металлов, потребляемых в машиностроении. При этом стоимость ремонта приближалась к стоимости машин, а ресурс техники после него составлял всего 30—35 % от ресурса новой машины. В 1982 г. затраты на приобретение новой техники колхозами и совхозами страны возросли по сравнению с 1970 г. в 1,8 раза, а затраты на ремонт — в 2 раза. Низким оставалось качество технического обслуживания. Выборочные проверки, проведенные в 1983 г. в ряде хозяйств Западной Сибири, показали, что брак на ремонте тракторов, зерноуборочных комбайнов и двигателей достигал 14—19 % к отремонтированной технике⁵². Все это приводило к тому, что в колхозах и совхозах Сибири ежегодно наблюдался перерасход средств на ремонт техники. Ситуация в этом плане мало изменялась.

Предприятия «Сельхозтехники» и в одиннадцатой пятилетке имели свои собственные, постоянно возрастающие планы, не связанные с реальными потребностями обслуживаемых хозяйств. Рост рентабельности этих предприятий происходил в значительной степени за счет колхозов и совхозов. Практически повсеместно отделения «Сельхозтехники» заключали договоры на фиктивный техход, которые хозяйства из-за дефицита запасных частей вынуждены были подписывать.

Низкое качество и невысокая степень надежности сельскохозяйственных машин и оборудования вызвали чрезмерное разбухание сферы ремонта и технического обслуживания непосредственно в хозяйствах. Формирование собственной ремонт-

⁵¹ Правда.— 1970.— 24 сент.; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1972.— Т. 8.— С. 419.

⁵² По данным краевых и областных статистических управлений.

вой базы в колхозах и совхозах сопровождалось увеличением сверхнормативных запасов сырья и материалов, некоторых запасных частей. При отсутствии оптовой торговли средствами производства обнаруживались тенденции к натурализации обменных отношений.

Таким образом, в 60—80-е гг. техническая и энергетическая оснащенность сельского хозяйства возрастала. Колхозы и совхозы получали энергонасыщенную технику, что позволяло в более сжатые сроки проводить основные агротехнические работы. Расширилась номенклатура поставляемых технических средств труда, повысился уровень комплексной механизации работ в полеводстве и животноводстве. Достигнутый уровень фондовооруженности и фондообеспеченности сельского хозяйства создавал предпосылки для перевода аграрной сферы на рельсы интенсификации. Вместе с тем в силу сложившихся экономических отношений между производителями и потребителями сельскохозяйственной техники многие вопросы качественного совершенствования технической базы аграрного сектора решались медленно и некомплексно. Низкое качество и ненадежность некоторых узлов тракторов и комбайнов вели к разбуханию сферы ремонта и технического обслуживания.

4. Производственно-технические кадры

Развитие производительных сил деревни, предъявляя новые требования к профессиональному мастерству сельских тружеников, оказывало противоречивое воздействие на динамику и структуру подготовки квалифицированных кадров. С одной стороны, рост фондообеспеченности сельскохозяйственного производства, фондо- и энерговооруженности сельскохозяйственного труда требовал повышения квалификации работников, увеличения численно-

сти механизаторских кадров. С другой стороны, диспропорции в развитии материально-технической базы сельского хозяйства, сохранение в ряде отраслей высокой доли ручного малоквалифицированного труда сдерживали прогрессивные изменения в профессиональном составе работников сельского хозяйства. Даже в середине 80-х гг. в сельском хозяйстве Сибири преобладали работники, занятые на ручных общехозяйственных работах. Их доля в квалификационной структуре кадров колхозов и совхозов колебалась от 52 до 64 % (табл. 24).

Отрицательное воздействие на формирование квалифицированных кадров оказывали демографическая ситуация и неблагоприятное для деревни сальдо миграции населения. В города уходила, как правило, молодежь, что наряду с другими факторами создавало дополнительную напряженность с обеспечением деревни трудовыми ресурсами. На фоне этих объективных процессов приходилось решать комплекс сложных вопросов, связанных не только с подготовкой профессиональных кадров для деревни, но и с их закреплением.

Квалифицированные работники массовых профессий готовились главным образом через созданную в 1959—1964 гг. систему профессионально-технического образования. Число СПТУ в Сибири увеличилось со 164 в 1965 г. до 196 в 1983 г. Возрастал выпуск квалифицированных специалистов, хотя их доля в общей численности выпускников СПТУ РСФСР сокращалась. Если в 1965 г. численность выпускников сельских профтехучилищ Сибири составляла 57 тыс. чел. (27 % от общего числа выпускников СПТУ РСФСР), в 1975 г. — 79 тыс. (24 %), то в 1983 г. — 67 тыс. чел. (20 %).

Укрепление материально-технической базы сельскохозяйственного производства сопровождалось расширением подготовки через СПТУ специалистов ряда приоритетных

Таблица 24

Квалификационная структура кадров в колхозах и совхозах Сибири, %*

Квалификационная группа	Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы
Механизаторы всех специальностей	23	20	21	18
Квалифицированные рабочие животноводства	6	5	6	6
Специалисты с высшим и средним образованием	8	6	7	5
Постоянные рабочие на ремонтных и строительных работах	9	8	7	5
Прочие	2	2	2	2
Итого квалифицированных рабочих и специалистов	48	41	43	36
Рабочие на ручных общехозяйственных работах	52	59	57	64

* Управление развитием продовольственной базы Сибири.— Новосибирск, 1987.— С. 189.

профессий: животноводов, строителей, наладчиков, электриков, мелиораторов. Индустриализация животноводства потребовала расширения подготовки механизаторов животноводческих ферм, мастеров машинного доения и т. д. К концу 60-х — началу 70-х гг. в Сибири началась подготовка через СПТУ животноводов. В 1973 г. Омский обком КПСС, одобрив опыт Элитовского СПТУ по обучению мастеров машинного доения, поставил задачу подготовки кадров животноводов в 18 училищах с общим набором около 1,5 тыс. чел. Опыт омичей был одобрен Госкомитетом РСФСР по профессионально-техническому образованию и рекомендован для распространения в других краях и областях. Однако на местах все еще господствовало убеждение, что доярки могут работать и без учебы. Даже к 1986 г. среди выпускников СПТУ восточных районов РСФСР работники животноводства составляли лишь 8—15 %, хотя обеспеченность ими составляла в Сибири 92—94 % от потребности⁵³.

По мере роста культурного уровня сельских тружеников вставал вопрос о переходе сельских проф-

⁵³ Ресурсный потенциал агропродуктивных систем Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1986.— С. 81.

техучилищ на подготовку работников со средним образованием. Реорганизация учебного процесса осуществлялась постепенно. Если в 1975 г. 5 % выпускников СПТУ Сибири получали вместе с дипломом и аттестат зрелости, то в 1983 г.— 16 %⁵⁴. Но в 1984 г. принцип постепенности был нарушен. Все СПТУ были реорганизованы в средние профтехучилища, хотя далеко не везде для этого имелась соответствующая учебно-производственная база. Не хватало сельскохозяйственной техники, квалифицированных преподавателей, площадей учебных хозяйств. СПТУ в расчете на одного учащегося располагали всего 2—3 га земли, что было недостаточно.

С увеличением потребности в механизаторских кадрах возрастали масштабы механизаторского всеобуча. Для 60-х — начала 80-х гг. была характерна ориентация на переподготовку и повышение квалификации трактористов и комбайнеров непосредственно в хозяйствах. Одной из форм такого всеобуча стали межхозяйственные учебно-курсовые комбинаты. Они появились на рубеже 60—70-х гг. на Алтае. Первый

⁵⁴ Профессионально-техническое образование в РСФСР в 1981—1983 гг.— М., 1984.— С. 27—50. Используются данные Госпрофобра РСФСР.

эксперимент был проведен в Петропавловском и Баевском районах. В 1971 г. Баевский комбинат подготовил первых механизаторов. Во второй половине 70-х гг. в нем ежегодно приобретали профессию механизатора и повышали квалификацию более 700 работников сельского хозяйства. В результате в 1977 г. в районе две трети механизаторов имели первый и второй классы, половина животноводов — звание мастера⁵⁵. К концу 70-х гг. в крае действовало около 50 таких комбинатов.

Среди работников массовых профессий повышался удельный вес специалистов первого и второго классов. В 1986 г. высококвалифицированных трактористов-машинистов в хозяйствах Западной Сибири было 69 %, Восточной Сибири — 61 %. Среди животноводов классных специалистов было меньше — соответственно 49 и 32 %. Повышение квалификации способствовало росту производительности труда, улучшению использования техники. У трактористов-машинистов, имеющих первый класс, выработка на условный трактор была на 27–30 % выше, чем у тех, кто имел третий класс⁵⁶. Вместе с тем нет оснований говорить об автоматической взаимосвязи квалификации работника с производительностью его труда, эффективностью использования техники.

Наращивая год от года масштабы подготовки квалифицированных рабочих через систему профтехобразования, казалось бы, можно было решить проблему обеспечения ими хозяйств региона. Однако численность этих работников росла незначительно (табл. 25). В колхозах Сибири за 1960–1987 гг. число трактористов-машинистов и тракто-

ристов-комбайнеров уменьшилось почти вдвое. Если в 60-е гг. этот процесс был связан в основном с преобразованием экономически слабых колхозов в совхозы, то в последующем — главным образом с выбытием квалифицированных кадров из хозяйств в города и другие отрасли народного хозяйства.

Усилия по насыщению деревни механизаторскими кадрами обесценивались комплексом социально-экономических причин. Как показывают расчеты, в начале 80-х гг. ежегодно из хозяйств Западной и Восточной Сибири выбывало более 15 % трактористов-машинистов, или почти столько же, сколько их прибывало. Около 40 % выпускников сельских училищ после распределения не попадали непосредственно на сельскохозяйственные предприятия, а половина из оставшихся выбывала из них в первый год работы⁵⁷. Квалифицированных работников не устраивали условия труда и отдыха, уровень организации работы, обеспечения жильем. Значительная часть механизаторов увольнялась из-за того, что работала не по специальности. В 70-е гг. по инициативе местных партийных и советских органов проводились кампании по переводу механизаторов в зимний период на работу на животноводческие фермы, что также не способствовало их закреплению в сельском хозяйстве.

Сокращение численности механизаторских кадров в условиях расширения машинно-тракторного парка и относительной стабильности площадей сельскохозяйственных угодий приводило к возрастанию удельных нагрузок. К середине 80-х гг. фактическое наличие механизаторов в расчете на 1000 га пашни было ниже нормативного уровня в колхозах и совхозах Западной Сибири на 11,1 %, Восточной Сибири — на 16,7 %. В наиболее напря-

⁵⁵ Алтайская правда.— 1972.— 1 марта; Кадры сельского хозяйства.— 1977.— № 6.— С. 62—64.

⁵⁶ Социальные проблемы улучшения использования кадров в сельском хозяйстве Сибири.— Новосибирск, 1984.— С. 81.

⁵⁷ Механизаторские кадры предприятий.— М., 1984.— С. 90—91.

Динамика численности трактористов-машинистов, трактористов-комбайнеров в сельском хозяйстве Сибири за 1960—1985 гг., тыс. чел.*

Регион	1960		1965		1970		1975		1980		1985	
	Всего	В колхозах	Всего	В колхозах	Всего	В колхозах	Всего	В колхозах	Всего	В колхозах	Всего	В колхозах
РСФСР	1009	675	1211	695	1291	679	1375	674	1494	698	1482	686
Сибирь	219	130	249	94	244	85	250	75	257	75	252	73
В том числе:												
Западная Сибирь	154	85	175	63	169	56	171	49	175	49	170	48
Восточная Сибирь	65	45	74	31	75	29	79	26	82	26	82	25

* Таблица составлена по данным: Механизаторские кадры колхозов, совхозов и межхозяйственных сельхозпредприятий РСФСР.— М., 1987.— С. 8, 15—16; Механизаторские кадры колхозов и совхозов РСФСР.— М., 1983.— С. 14, 20—21.

женные периоды сельскохозяйственных работ нехватка механизаторов обнажалась еще отчетливее.

В целях снижения текучести механизаторских кадров на партийно-правительственном уровне принимались решения по улучшению условий их труда, на основе которых местные партийные и советские органы разрабатывали программы строительства благоустроенных полевых станов, теплых гаражей, а также других объектов, облегчающих труд механизаторов. Для некоторых категорий механизаторов вводились новые тарифные ставки, надбавки трактористам-машинистам за стаж работы, более высокие для восточных районов страны. В целях привлечения в сельское хозяйство молодежи совхозам и колхозам рекомендовалось выдавать лицам, уволенным в запас и поступившим на работу в качестве механизаторов, пособие в размере до трех месячных окладов. Однако в хозяйственной практике многие решения оставались нереализованными.

В 80-е гг. наметилась тенденция частичной стабилизации состава механизаторов. В первой половине 80-х гг. в колхозах численность трактористов-машинистов сократилась незначительно, а механизаторов — в целом увеличилась со 162,5 тыс. в 1979 г. до 166 тыс. в

1986 г. Снизился уровень текучести. Если в 1981—1982 гг. в колхозах выбывало и поступало 10—12 % от общей численности механизаторов, то в 1986—1987 гг. — 8—10 %. Доля трактористов и комбайнеров, проработавших в хозяйстве свыше 5 лет, возросла с 63 до 67 %, а имеющих стаж работы менее двух лет — сократилась с 19 до 13 %⁵⁸.

Вместе с тем обеспеченность механизаторами машинно-тракторного парка колхозов и совхозов практически не улучшилась, что особенно отчетливо проявлялось в периоды наиболее напряженных полевых работ. К овладению механизаторскими профессиями привлекались работники других специальностей, в том числе горожане. Система привлечения рабочих городских предприятий на сезонные работы в хозяйства зачастую не имела под собой договорной основы, страдала административными перегибами, что, в свою очередь, вело к росту иждивенческих настроений среди руководителей колхозов и совхозов, которые стали возлагать чрезмерные надежды на помощь города, ослабив внимание к подготовке местных кадров.

⁵⁸ Подсчитано по данным: Механизаторские кадры совхозов, колхозов и межхозяйственных сельхозпредприятий РСФСР.— М., 1982.— С. 33; М., 1987.— С. 15—16.

В 60—80-е гг. наблюдался быстрый рост числа дипломированных специалистов, в том числе работников колхозов. За 1965—1987 гг. число лиц, имеющих высшее или среднее специальное образование, среди колхозников Сибири возросло с 7,1 тыс. до 28,6 тыс. чел., или в 4 раза. Это достигалось прежде всего за счет значительного расширения подготовки специалистов в вузах и техникумах, в том числе расположенных на территории Сибири. С начала 60-х до середины 80-х гг. численность студентов сельскохозяйственных вузов (по очным отделениям всех 8 вузов Сибири) возросла с 14,0 тыс. до 18,5 тыс. чел., или на треть, а выпуск специалистов в них увеличился на 70 %. В 1987 г. сибирские сельскохозяйственные вузы выпустили свыше 4 тыс. чел. Быстро увеличивался контингент учащихся сельскохозяйственных техникумов.

Увеличение выпуска специалистов осуществлялось на медленно обновлявшейся учебно-производственной базе, что было вызвано сокращением доли капитальных вложений, направляемых в сферу образования. Так, к началу 70-х гг. Алтайский сельскохозяйственный институт имел учебной площади на одного студента 5,6 м² при норме 12 м². В сельскохозяйственных техникумах края не хватало более 60 кабинетов и лабораторий. Это не только отрицательно сказывалось на качестве подготовки специалистов, но и затрудняло своевременное увеличение набора студентов нужного профиля, например, инженеров-мелиораторов. К началу 1978 г. в хозяйствах и на предприятиях Минсельхоза и Минводхоза РСФСР в Сибири работало 945 инженеров-гидротехников, что составляло треть от расчетной потребности. Но расширить прием студентов на гидро-мелиоративный факультет Омского сельскохозяйственного института, где училось 150 чел., было невозможно, так как на одного студента

ОмСХИ приходилось учебной площади в половину меньше необходимой.

В 60-е гг. в европейской части РСФСР укрепление учебно-производственной базы техникумов стало осуществляться отчасти за счет средств сельхозпредприятий путем создания совхозов-техникумов. Эта форма среднего сельскохозяйственного учебного заведения давала возможность теснее связать процесс обучения с производством. В Сибири такая форма обучения была распространена мало. Но уже в 1971—1975 гг. количество совхозов-техникумов в РСФСР возросло главным образом за счет создания их в восточных районах. Только в Западной Сибири было организовано пять совхозов-техникумов. В 1972 г. совхоз-техникум создан на базе совхоза «Поросинский» и Томского сельскохозяйственного техникума.

Кадры специалистов готовились преимущественно из числа сельской молодежи. На рубеже 60—70-х гг. стали создаваться подготовительные отделения (рабфаки) в сельскохозяйственных вузах, расширена практика направления стипендиатов хозяйств в вузы и техникумы, увеличен набор на заочные отделения. Наблюдался устойчивый рост численности стипендиатов хозяйств в учебных заведениях. Если в 1963 г. их доля среди учащихся сельскохозяйственных техникумов Сибири составляла менее 1 %, то в 1966 г. — уже 13 %. С начала 70-х гг. сельскохозяйственные предприятия получили право направлять в качестве стипендиатов выпускников школ.

Сельскохозяйственные учебные заведения за счет средств хозяйств располагали более богатым стипендиальным фондом, чем вузы и техникумы других профилей. В 1988 г. Алтайский сельхозинститут имел наибольшую долю стипендиатов хозяйств (74 % всех студентов) среди вузов Сибири. В 80-е гг. на стипендиатов колхозов и совхозов в сельскохозяйственных институтах регио-

на приходилось более половины всех студентов этих вузов.

Расширение подготовки дипломированных специалистов из числа сельских жителей осуществлялось и за счет заочного обучения. Наиболее последовательно эта линия проводилась в Алтайском крае, где было немало сделано для привлечения к обучению рабочих и колхозников, а также практиков, работавших на руководящих должностях в сельском хозяйстве. В пяти городах Алтая имелись учебно-консультационные пункты сельскохозяйственного института. В середине 70-х гг. более половины всех принятых на первый курс заочного отделения института успешно его заканчивали. Среди учащихся сельскохозяйственных техникумов края заочники составляли 58 % против 44 % в среднем по РСФСР. В начале 1988 г. в сельскохозяйственных вузах Сибири на заочников приходилось более половины студентов.

Развитие заочного образования, расширение подготовки молодежи в вузах и техникумах по направлениям хозяйств позволило значительно увеличить масштабы подготовки специалистов для села. В 1961—1985 гг. в Сибири было подготовлено свыше 400 тыс. специалистов сельского хозяйства, в том числе около трети — с высшим образованием. Благодаря этому удалось в основном укомплектовать должности руководителей и специалистов сибирских хозяйств дипломированными работниками. На 1 апреля 1987 г. среди руководящих работников и специалистов колхозов и совхозов 72 % лиц имели высшее или среднеспециальное образование. Во главе хозяйств встали работники, имеющие, как правило, высшее сельскохозяйственное образование. В 1987 г. их доля среди руководителей хозяйств составляла в колхозах и совхозах Восточной Сибири 84 %, Западной Сибири — 90 %. В Алтайском крае их удельный вес достиг 95 %.

Возрастала обеспеченность колхозно-совхозного производства дипломированными специалистами зоотехнического профиля. Доля их в общей численности зооинженеров и зоотехников в колхозах стала почти такой же, как среди агрономов, в 1987 г. она составляла 92 %. За 1965—1987 гг. значительно возрос удельный вес дипломированных работников среди инженеров и техников: в Западной Сибири с 33 до 71 %, в Восточной Сибири с 51 до 68 %.

Большие трудности имелись в деле укомплектования специалистами руководящих должностей среднего звена. В 1965 г. удельный вес руководителей среднего звена, имеющих высшее или среднее специальное образование, составлял в хозяйствах Западной Сибири 6 %, Восточной Сибири — 11 %. Среди бригадиров производственных бригад в колхозах и совхозах Сибири доля дипломированных работников была равна 3—7 %.

В 70-е гг. были приняты меры по стимулированию перехода специалистов на работу руководителями отделений, бригад, ферм и других подразделений среднего звена, расширению системы заочной подготовки. В результате положение дел стало меняться в лучшую сторону. В 1985 г. уже 46 % руководителей среднего звена в хозяйствах Западной Сибири и 38 % — Восточной Сибири имели высшее или среднее специальное образование. Среди бригадиров производственных бригад в колхозах Сибири таких работников было 29—42 % (табл. 26).

Усложнявшиеся условия ведения хозяйства, внедрение новой техники, передовых технологий требовали постоянного повышения уровня компетентности кадров, организации эффективной системы повышения квалификации и переподготовки специалистов и руководителей колхозного и совхозного производства. В начале 60-х гг. наиболее распространенными формами повыше-

Таблица 26

Удельный вес дипломированных специалистов в составе бригадиров производственных бригад в колхозах

Регион	Растениеводство		Животноводство	
	1965 г.	1987 г.	1965 г.	1987 г.
РСФСР	6	44	6	46
Западная Сибирь	3	40	3	42
Восточная Сибирь	6	29	7	32

ния квалификации были одногодичные школы для руководящих кадров колхозов и совхозов, шестимесячные курсы при этих школах, а также при вузах и научно-исследовательских учреждениях, и, наконец, учебно-курсовые комбинаты. Во всех этих заведениях в Сибири в первой половине 60-х гг. ежегодно повышали квалификацию от 500 до 1000 специалистов и руководителей сельского хозяйства. Кроме вузовских педагогов к преподаванию привлекались ученые, руководители передовых хозяйств, среди последних — председатель колхоза «Страна Советов» Алтайского края Н. Н. Буханько, бригадир этого же хозяйства А. А. Беккер и др. Широко практиковалось проведение экскурсий в передовые хозяйства. Однако эффективность функционирования системы переподготовки оставалась низкой. Многие хозяйства старались посылать на курсы таких людей, отсутствие которых не отражалось бы на положении дел. Не удивительно, что из 93 чел., прошедших переподготовку в 1962—1964 гг. в Иркутской межобластной школе, рекомендовано и работало директорами совхозов 3 чел., а председателями колхозов — 4 чел.

В РСФСР из 8 тыс. чел., закончивших одногодичные школы в 1961—1964 гг., председателями колхозов, директорами совхозов и их заместителями работало в середине 60-х гг. менее трети. Повышению эффективности работы одногодич-

ных школ и шестимесячных курсов мешали резкие различия уровня образования слушателей, направляемых на переподготовку. Специалисты с высшим образованием повышали квалификацию вместе с работниками, не имеющими даже среднего образования. Так, на шестимесячных курсах при сельскохозяйственных вузах Сибири в 1963—1965 гг. около половины слушателей имели среднее образование, а остальные примерно поровну делились на специалистов с высшим образованием и практиков с 5—8 классами⁵⁹.

К середине 60-х гг. назрела острая потребность в реорганизации системы переподготовки и повышения квалификации специалистов сельского хозяйства. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем улучшении системы повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства» (январь 1966 г.)⁶⁰ основным звеном новой системы стали факультеты повышения квалификации сельскохозяйственных вузов и созданные при них отделения подготовки руководящих кадров и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства. Наряду с ними действовали областные и межобластные школы повышения квалификации работников сельского хозяйства (главным образом для специалистов со средним образованием). В целях укрепления учебно-материальной базы системы переподготовки кадров были определены базовые хозяйства, выделено оборудование, начато строительство учебных и бытовых корпусов. С середины 70-х гг. благодаря мерам, предусмотренным постановлением ЦК КПСС «О работе сельскохозяй-

⁵⁹ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 102, л. 306; оп. 1, д. 786, л. 9.

⁶⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 6.— С. 7.

ственных органов по переподготовке и повышению квалификации руководящих кадров и специалистов колхозов и совхозов» (1974 г.)⁶¹, процесс переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов колхозов и совхозов стал носить более планомерный характер. Со второй половины 60-х гг. ежегодно только на факультетах повышения квалификации сельскохозяйственных вузов Западной Сибири проходило переподготовку около 2 тыс. руководителей и специалистов, а в школах повышения квалификации — до 4 тыс. работников сельского хозяйства.

На фоне расширения масштабов подготовки кадров для сельского хозяйства все четче обозначалась проблема их эффективного использования. Высоким был уровень сменяемости руководителей и специалистов хозяйств. За 1981—1985 гг. в Западной Сибири выбыло 12 % руководителей хозяйств, 16 % руководителей отделений и ферм, в Восточной Сибири — соответственно 15 и 18 %. Наибольшая сменяемость председателей колхозов отмечалась в Томской области и Красноярском крае, где свыше двух третей руководителей проработало менее 5 лет.

Высокий уровень текучести руководящих работников был вызван неблагоприятными условиями труда и отдыха, большими психологическими нагрузками, отсутствием демократизма в кадровой политике и рядом других факторов. Чрезмерная загруженность являлась следствием широты выполняемых функций, повседневного участия руководителей в решении текущих производственных вопросов. Будучи лишены возможности определять перспективные направления в развитии производства в своих хозяйствах, мелочно опекаемые районным начальством, директора совхозов и председатели колхозов нередко под-

меняли главных специалистов и руководителей среднего звена или отвлекались на составление отчетов и справок, требуемых различного рода директивами и указаниями вышестоящих органов.

В 80-е гг. сменяемость руководящих кадров сибирских колхозов и совхозов возросла. Это было связано с наметившимися изменениями в управленческих и хозяйственных связях, расширением хозяйственной самостоятельности низовых звеньев управления. По данным социологических обследований, в 1986 г. почти половина (48 %) руководителей хозяйств Алтайского края считала, что становится тяжелее работать; в 1982 г. таких руководителей было 40 % от числа опрошенных.

Сформировавшиеся в условиях административно-командной системы руководители во второй половине 80-х гг. испытывали возрастающие трудности в руководстве хозяйствами, что отмечалось в постановлениях ЦК КПСС «Об организаторской работе Алтайского крайкома КПСС по внедрению в сельскохозяйственное производство хозяйственного расчета и прогрессивных форм организации труда». Многие руководители алтайских хозяйств, подчеркивалось в нем, «слабо владеют экономическими методами управления, конкретную организаторскую работу в трудовых коллективах подменяют принятием постановлений призывного характера»⁶².

Первые опыты перевода хозяйств на хозрасчетные принципы деятельности с включением управленцев в бригады, звенья, первичные кооперативы показали, что требования к этим работникам возрастают. Критерием оценки деятельности специалистов становится не столько способность реализовывать полученные сверху директивы, сколько умение вносить реальный вклад в создание конечного продукта.

Новые экономические условия предъявляют повышенные требова-

⁶¹ КПСС в резолюциях... — Т. 11. — С. 427—428.

⁶² Правда. — 1987. — 21 апр.

ния к качеству обучения работников сельского хозяйства. Назрела необходимость преобразований в системе переподготовки кадров, которая должна быть сориентирована

на возможность мобильного пере-профилирования и восприятие тех новых позитивных тенденций, которые зарождаются в аграрном секторе экономики.

Глава 3

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В 60—80-е гг. в аграрной сфере, в том числе ее колхозной части, происходили заметные перемены, что было обусловлено повышением технико-технологического уровня сельскохозяйственного производства, а также изменениями в организационно-экономических условиях функционирования сельскохозяйственных предприятий. Это проявлялось в укреплении материально-технической базы колхозов, приумножении других элементов коллективной собственности. Широкие производственные связи, разнообразнее становились их конкретные формы, менялся организационный, технико-технологический, социальный и экономический облик колхозного производства. Развивались процессы, сближающие колхозное производство с государственным сектором сельского хозяйства.

Процесс обобществления колхозной собственности проходил как путем расширения масштабов объединения ресурсов через межхозяйственное кооперирование, так и путем повышения ее социально-экономической зрелости непосредственно в хозяйствах. Происходила унификация колхозных и государственных форм и методов распределения и обмена.

Централизация колхозных ресурсов, специализация и концентрация производства способствовали развитию, углублению и расширению производственно-экономических связей. Возникали новые внутриколхозные и межколхозные формы организации производства. Однако все

эти процессы проходили непросто, противоречиво, были не одинаковы по силе своего влияния на темпы развития и результаты сельскохозяйственного производства.

Долгое время в теоретическом арсенале преобладали упрощенные схемы трактовки отношений собственности в условиях социализма. Реальное многообразие экономической действительности подменялось облегченной моделью сближения двух форм социалистической собственности в земледелии. Акцент делался в основном на подтягивании якобы менее зрелой колхозной собственности к более совершенной — государственной. Аграрная практика откликнулась на эти установки массовым преобразованием колхозов в совхозы, свертыванием индивидуально-трудового сектора в земледелии, необоснованными акциями в области специализации и кооперирования производства. Административно-командная система бесцеремонно вторгалась в систему производственных отношений, игнорируя положение, что социализму, как развивающемуся общественному строю, присуще многообразие отношений собственности, конкретных форм ее реализации. Игнорирование реальных экономических интересов вело к огосударствлению колхозной собственности, порождало деформации, усиливало отчуждение производителей от результатов собственного труда.

Экономические отношения, как показывает исторический опыт, реализуются не только через государ-

ственную и кооперативную формы собственности, собственность общественных организаций и государственных органов, но и через индивидуально-трудовой сектор, различные пограничные формы, рождающиеся на стыке основных структурных элементов социалистической собственности. Снятие ограничений в реализации отношений социалистической собственности на принципах хозрасчетной заинтересованности и ответственности создает организационно-экономические условия для подъема и ускоренного развития аграрного сектора.

1. Изменения в отношении собственности и укрепление экономики колхозов

Колхозная собственность как общественная форма присвоения материальных благ занимает важное место в общей системе социалистических производственных отношений. Ее укрепление в рамках развития агропромышленного комплекса страны отвечает требованиям планомерного ведения социалистического общественного хозяйства.

За свою почти 60-летнюю историю колхозы прошли нелегкий путь, пережив годы истинных подвигов и тяжелых потерь. Именно они в тяжелую пору войны стали основными поставщиками продовольствия для воюющего народа. На них легла основная тяжесть восстановительного периода. Им в полной мере пришлось испытать действие многочисленных волевых реорганизаций и административного произвола в 70-е гг. Но колхозы выдержали эти испытания, показали свою жизнеспособность как формы хозяйства. В 1988 г. они объединяли в стране около 13 млн чел., им принадлежало более 40 % основных производственных фондов общественного сельского хозяйства и почти половина общего объема продукции этого сектора. В силу особенностей процесса обобществления сельскохозяйственного производст-

ва удельный вес колхозного сектора в социально-экономической структуре сельского хозяйства Сибири значительно меньше, чем в среднем по стране. В 1988 г. на колхозы здесь приходилось чуть более четверти материальных и трудовых ресурсов, объема валовой продукции и сельскохозяйственных угодий общественного сектора земледелия (табл. 27).

Колхозная собственность выступает в виде основных и оборотных средств, продуктов труда, а также условно закрепленной за колхозами земли. Перемены в колхозной собственности определялись общими тенденциями развития сельского хозяйства, которое после войны неоднократно подвергалось крупным социально-экономическим реорганизациям. В 50-е гг. в Сибири, как и по всей стране, сфера функционирования колхозной собственности сократилась в основном за счет преобразования экономически слабых колхозов в совхозы. С 1950 по 1958 г. численность колхозов в Сибири уменьшилась с 9654 до 4113, или в 2,3 раза¹. В дальнейшем реорганизационные процессы в колхозной системе протекали наиболее заметно в первой половине 60-х гг. В 1961—1965 гг. в Сибири на базе земель и имущества экономически слабых колхозов было организовано 230 совхозов². В Томской и Кемеровской областях в совхозы преобразованы три четверти колхозов, в Читинской — более половины.

Рост численности городов и их населения заставил искать более эффективные меры решения продовольственного вопроса. Вблизи крупных городских поселений и промышленных центров началась организация специализированных животноводческих и овощеводческих совхозов. В пригородах стали формироваться специализирован-

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1958 году.— М., 1959.— С. 304.

² ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 6699, л. 52—53; оп. 35, д. 4380, л. 3—4.

Социально-экономическая структура сельского хозяйства Сибири в 1988 г.*

Показатели	Колхозы		Совхозы		Межхозяйственные объединения		Общее кол-во
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Общая земельная площадь в пользовании хозяйств, тыс. га	24131,1	12,4	169828,4	87,6	36,9	0,0	193996,4
В том числе сельскохозяйственные угодья, тыс. га	15233,0	27,2	40820,6	72,8	16,3	0,0	56069,9
Численность занятых работников, тыс. чел.	435,7	27,5	1132,0	71,5	16,4	1,0	15841,0
Валовая продукция, млн руб.	3291,2	25,4	9636,8	74,4	15,4	0,2	12943,4
Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения, млн руб.	7384,1	26,4	20481,2	73,3	66,5	2,3	27931,8

* Таблица составлена по данным Госагропрома РСФСР.

ные зоны по производству малотранспортабельной продукции. Расположенные на их территории колхозы также были преобразованы в государственные хозяйства. С 1965 по 1985 г. число колхозов в пригородных зонах Сибири сократилось со 155 до 20.

Не прекращался процесс укрупнения колхозов, централизации колхозной собственности. В итоге произошло увеличение их средних размеров при неизменных уровнях интенсификации и внутривозьездной концентрации производства.

Реорганизация аграрного сектора часто проходила без учета особенностей территории, размещения населенных пунктов и производственных объектов, состояния транспортных и иных коммуникаций. Исследования, проведенные в 60-е гг. по колхозам Алтайского края, показали, что эффективность производства как в чрезмерно крупных, так и в наиболее мелких по земельной площади хозяйствах, была одинаково низка в сравнении с колхозами, площадь которых приближалась к оптимальной³.

Попытки форсировать процесс обобществления колхозной собственности и на этой основе получить желаемые приросты объемов произ-

водства успеха не принесли. А ставка на особо крупные предприятия (в Восточной Сибири в ходе реорганизации нередко объединяли в одно хозяйство 8—15 колхозов) объективно принижала значение для решения продовольственного вопроса малых форм организации производства в сельском хозяйстве, прежде всего личного подворья. Доля личного сектора в общем объеме валовой продукции упала, сократился объем производства. И только в одиннадцатой пятилетке благодаря мерам, предусмотренным постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР по развитию личных подсобных хозяйств населения, в этом секторе наметилась тенденция некоторого увеличения производства продукции.

Процесс организационного преобразования затронул практически всю массу колхозных хозяйств: к 1970 г. в Западной Сибири, например, в среднем из 100 колхозов, числившихся в 1960 г., подверглись территориальному преобразованию 87, или на 13 больше, чем в среднем по Российской Федерации. При этом надо иметь в виду более крупные исходные размеры хозяйств⁴.

⁴ Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири.— Новосибирск, 1977.— С. 12—14.

³ Оптимальные размеры колхозов.— М., 1970.— С. 261—262.

Таблица 28

Изменение численности и средних размеров колхозов Сибири *

Год	Число колхозов	Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	
		вся	на один колхоз
1956	6335	38 596	6,1
1965	1534	21 429	14,0
1970	1448	19 174	13,2
1975	1177	16 983	14,4
1980	1091	14 946	13,7
1985	1134	14 981	13,1

* Таблица 28, 30—37, 39—42 составлены по данным сводных годовых отчетов колхозов.

Таблица 29

Удельный вес основных производственных фондов колхозов в общественном секторе сельского хозяйства Сибири, млн руб.*

Год	Общественный сектор	В том числе колхозы	Колхозы в % к общественному сектору
1965	6 079	1948	32,0
1970	9 075	2753	30,3
1975	15 736	4216	26,8
1980	23 511	6164	26,2
1985	33 680	8895	26,4
1986	36 152	9532	26,4

* Таблица составлена по данным сводных годовых отчетов колхозов и совхозов.

Уже к 1966 г. общая площадь колхозной земли сократилась: с 38,6 млн га в 1956 г. до 21,4 млн га в 1965 г. (табл. 28). В 4 раза уменьшилась численность хозяйств, больше чем в два раза увеличилась средняя площадь сельскохозяйственных угодий в расчете на одно хозяйство.

Укрупнение колхозов не всегда соответствовало интересам коллективов, а главное, хотя и временно, но существенно дестабилизировало производство, поскольку даже в случае целесообразности таких реорганизаций период восстановления внутри- и внешнехозяйственных связей, управленческой субординации занимает не менее двух лет. Отдельные особо крупные хозяйства, объединенные без предварительного учета конкретных особенностей своей территориальной организации, впоследствии потребовали разъединения и разукрупнились.

Преобразование колхозов в совхозы сопровождалось некоторыми негативными социальными явлениями. Усилилась миграция сельского населения в города, обострилась проблема его занятости. По данным ЦСУ РСФСР на 1 января 1961 г., численность необеспеченных рабочими местами взрослых трудоспособных колхозников в тех колхозах, которые были преобразованы в совхозы, составила по РСФСР 45,6 тыс. чел., в том числе 4,3 тыс. чел. в Сибири⁵.

Существенные коррективы в практику отношений государственной и колхозной собственности внес мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. Процессы преобразования и укрупнения постепенно стали затухать. Если в 1959—1965 гг. колхозная система Западной Сибири уменьшалась в среднем почти на 200 хозяйств в год, в 1966—1970 гг. — уже менее, чем на 30, то в 1971—1985 гг. — всего на 7 хозяйств. В Восточной Сибири — соот-

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 31, д. 6671, л. 81.

ветственно на 155, 24 и 10. Подобные реорганизационные изменения в колхозной системе практически прекратились в годы одиннадцатой пятилетки. Общий размер колхозной земли практически не изменился, число хозяйств увеличилось на 4 %, что в этих условиях могло произойти только за счет разукрупнения.

Реорганизовывались в совхозы, как правило, экономически слабые колхозы, расположенные в зонах, относительно менее благоприятных для сельскохозяйственного производства. Выбытие этих угодий в госсектор привело к сосредоточению оставшихся колхозных земель в районах с лучшими природными и экономическими условиями.

В 60—70-е гг. в связи с выбытием из колхозного сектора отстающих хозяйств возрастал удельный вес экономически развитых колхозов, лучше обеспеченных материально-техническими ресурсами. Одновременно происходило и новое накопление: неделимые фонды колхозов в Сибири с 1,2 млрд руб. в 1960 г. увеличились к 1986 г. в общей сложности до 7,6 млрд руб. Возросла обеспеченность техническими средствами. В 1982 г. на один трактор приходилось в среднем 143 га пашни против 318 га в 1960 г., на один комбайн — 150 га зерновых против 250 га.

Сокращение численности хозяйств колхозной системы привело к снижению ее доли в стоимости основных производственных фондов общественного сектора сельского хозяйства Сибири, которая и прежде была ниже, чем по стране в целом. За двадцать лет она снизилась с 32,0 до 26,4 % (табл. 29). Уменьшилась и доля колхозов в производстве валовой продукции. Если в 1961—1965 гг. колхозы в Сибири производили 23 % всей сельскохозяйственной продукции (включая продукцию личного сектора), то в 1981—1985 гг. — 17 %.

За счет сокращения колхозной системы рос государственный сектор в земледелии. За 1960—1986 гг. число совхозов в Сибири увеличилось с 713 до 2530, или в 3,5 раза, площадь закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий поднялась с 22,4 млн до 42,6 млн га, или в 1,9 раза. Удельный вес совхозов в производстве всей сельскохозяйственной продукции возрос с 43 % в первой половине 60-х гг. до 58 % в годы одиннадцатой пятилетки.

Организационные перемены затрудняют определение степени влияния на увеличение производственных и других фондов хозяйств дополнительных вложений, поскольку централизация ресурсов в результате укрупнения протекала практиче-

ски одновременно с ростом обеспеченности ими за счет новых вложений. В целом при резком сокращении к 1986 г. численности колхозов и площади сельскохозяйственных угодий стоимость основных производственных фондов увеличилась в колхозном секторе Сибири в сравнении с 1960 г. больше чем в 5 раз, а фондооснащенность (основные средства производства на 100 га сельскохозяйственных угодий) — в 10 раз.

В границах экономических районов этот процесс проходил неодинаково: стоимость основных производственных фондов в колхозах Западной Сибири выросла в расчете на землю в 11 раз, Восточной Сибири — в 9 раз. Это привело к увеличению разрыва в уровне фондообеспеченности хозяйств данных районов. Если в 1960 г. обеспеченность фондами колхозов Восточной Сибири была ниже, чем колхозов Западной Сибири, на 20 %, то в 1986 г. — на 32 % (табл. 30).

В 60—80-е гг. сократился разрыв между колхозами и совхозами в уровне вооруженности труда средствами производства, обеспеченности ими сельскохозяйственных предприятий. Так, если в 1965 г. обеспеченность колхозов Омской области основными фондами в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий составляла 75 % совхозного уровня, то в 1987 г. оказалась на 13 % выше. Фондообеспеченность среднегодового работника в колхозах возросла с 60 до 90 % от совхозного уровня. Стала более однотипной структура основных фондов. Выравнивание показателей материально-технической обеспеченности колхозов и совхозов явилось прямым следствием возрастания роли централизованных ресурсов, направляемых государством на подъем аграрной сферы. Увеличивалось и производство валовой продукции, но значительно более медленными темпами, чем возрастала концентрация ресурсов (табл. 31).

Обеспеченность фондами и средние размеры колхозов Сибири

Год	Западная Сибирь			Восточная Сибирь		
	Число колхозов	Основные производ. фонды на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	Сельхозугодья на 1 колхоз, тыс. га	Число колхозов	Основные производ. фонды на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.	Сельхозугодья на 1 колхоз, тыс. га
1960	1386	5,0	12,7	1250	4,0	10,7
1965	1022	8,8	11,7	512	6,5	18,5
1970	898	14,0	14,4	550	9,7	15,3
1975	749	25,1	12,2	428	15,7	18,3
1980	718	38,3	12,4	373	26,9	16,3
1985	734	53,2	12,1	400	35,2	15,2
1986	737	54,7	12,4	401	37,4	15,1

Таблица 31

Концентрация основных средств производства и валовой продукции в колхозах на 100 га сельхозугодий, тыс. руб.

Год	Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	Основные производ. фонды	Валовая продукция	Основные производ. фонды	Валовая продукция
1965	8,8	10,8	6,5	5,3
1970	11,6	11,0	9,7	7,5
1980	38,3	13,9	26,9	8,8
1985	53,2	14,5	35,3	9,2
1985 в % к 1965	600	134	540	173

Переход колхозов с 1966 г. на денежную оплату труда, увеличение объемов товарной продукции за счет продукции, которая раньше не принимала товарную форму, поскольку поступала в государственные фонды в виде натуральной оплаты за выполненные МТС работы, повышение закупочных цен, определенный рост продуктивности колхозного гектара — все это способствовало развитию товарно-денежных отношений, повышению колхозных доходов. Валовой доход колхозного сектора за 1965—1985 гг. в расчете на хозяйство возрос в 25 раз и составил более 1 млн руб.

Увеличивались расходы на социальные нужды. Их размер в расчете на одного колхозного жителя в 1965—1985 гг. вырос в 3,9 раза. Интенсивно прирастали производственные фонды, обеспеченность которыми к 1986 г. повысилась в

26 раз, в том числе жильем — почти в 45 раз.

Возрастали доходы колхозного двора, в том числе и от общественного хозяйства. В 1985 г. величина доходов из фондов общественного потребления на члена семьи в год составила больше 1000 руб. (табл. 32).

Росту обеспеченности колхозов фондами способствовали изменения в инвестиционной политике. Доля сельского хозяйства в общих капиталовложениях в народное хозяйство страны последовательно повышалась. Однако этот рост происходил на фоне падения собственной инвестиционной активности колхозов. Относительно высокий уровень капитальных вложений в колхозах поддерживался за счет возрастающей доли кредитов государственного банка, о чем свидетельствует увеличение в колхозном денежном обороте не возвращенных в срок за-

Основные показатели экономики колхозов Сибири

Год	На один колхоз, тыс. руб.				На одного человека, руб.				
	Основные фонды		Чистый доход	Общественные фонды потребления	Основные производственные фонды*	Основные производственные фонды**	В том числе жилье	Валовой доход*	Общественные фонды потребления**
	производственные	непроизводственные							
1960	538,0	21,0	Нет свед.	204,2	947,3	21,6	Нет свед.	Нет свед.	152,5
1965	1089,9	103,6	437,8	315,0	1703,0	83,5	32,9	684,1	252,6
1970	1601,1	229,6	638,6	433,1	2812,9	230,1	98,3	1129,9	434,0
1975	2996,4	584,8	679,0	587,8	4256,3	546,8	282,6	964,7	549,6
1982	4935,4	1259,1	602,4	736,3	8508,3	1430,5	976,9	1038,6	836,5
1985	6055,7	1789,4	1112,2	887,1	10553,5	2043,4	1471,8	1938,3	1013,0
1985 к 1965 (кол-во раз)	5,6	17,3	25,4	2,7	6,2	25,5	44,7	2,8	3,9

* На одного трудоспособного колхозника.

** Включая детей.

Движение основных средств, неделимых фондов и кредитов в колхозах Сибири

Год	Основные фонды			Неделимые фонды			Не оплаченные в срок ссуды госбанка, тыс. руб. на 1 колхоз
	Всего, млн. руб.	На 1 хозяйство, тыс. руб.	На 1 га сельхозугодий, руб.	Всего, млн. руб.	На 1 хозяйство, тыс. руб.	На 1 га сельхозугодий, руб.	
1960	1473,7	559,0	47,4	1189,2	478,4	38,3	3,9
1965	1830,8	1193,5	85,4	1021,4	665,8	47,7	8,7
1970	2650,9	1830,7	138,3	1928,1	1331,6	100,6	90,8
1975	4215,1	3581,2	248,2	2698,1	2292,4	158,9	306,1
1982	6869,6	6194,5	460,6	6141,9	5538,2	411,8	899,7
1985	8896,3	7845,1	593,8	7504,7	6617,9	500,9	1020,2
1985 к 1960 (кол-во раз)	6,0	14,0	12,5	6,3	13,8	13,2	2,6

емных средств. За 1965—1985 гг. величина просроченных и пролонгированных ссуд Госбанка в среднем на один колхоз увеличилась в Сибири с 8,7 тыс. до 1020,2 тыс. руб. (табл. 33).

При возрастающих быстрыми темпами объемах вложений в колхозное производство прироста объемов продукции сельского хозяйства оставались низкими. В колхозах Западной Сибири, например, валовая продукция с 1 га сельхозугодий увеличилась в 1985 г. в сравнении с 1966 г. на 23 %, но в расчете на 1000 руб. основных производственных фондов снизилась в 6 раз, в то время как обеспеченность производственными ресурсами увеличилась в 4 раза. При повышении фондовооруженности в 5 раз производительность труда в колхозах выросла за 20 лет в 1,5 раза.

Несоответствие между факторами интенсификации и показателями эффективности сельскохозяйственного производства проявлялось в крайне замедленном росте урожайности сельскохозяйственных культур, продуктивности скота и птицы. Средние годовые надои молока от коровы, поднявшиеся в Сибири в 1960—1970 гг., в дальнейшем снижались и в 1982 г. были ниже уровня 1970 г. Не менее напряженно складывалось положение с продуктивностью овец и яйценоскостью кур. Сохранялось большое различие по областям в показателях молочной продуктивности, настрига шерсти, яйценоскости кур.

Слабым звеном колхозной системы, как и сельского хозяйства страны в целом, оставалась эффективность функционирования коллективной собственности. В 70-е — первой половине 80-х гг. колхозы не сумели полноценно использовать свой возраставший производственный потенциал. Огромные капитальные вложения не сопровождались соответствующими приростами производства сельскохозяйственной продукции. Повышение массы дохо-

дов от ее реализации и рост уровня жизни колхозников происходили на фоне периодического снижения рентабельности производства. Каждый рубль прироста валовой продукции колхозов, как и совхозов, с годами обходился дороже.

Таким образом, с конца 50-х до начала 70-х гг. колхозная система в Сибири численно сокращалась вследствие объединения колхозов, а также преобразования значительной их части в совхозы. В дальнейшем этот процесс был приостановлен. За счет укрупнения хозяйств, увеличения доли средств, направляемых государством в сельское хозяйство, капитальных вложений самих колхозов их собственность количественно приумножалась и качественно совершенствовалась. Однако сама по себе централизация колхозных ресурсов за счет укрупнения хозяйств, как правило, лишь формально повышала уровень обобществления сельскохозяйственного производства. Развитие колхозной собственности не сопровождалось соответствующим ростом эффективности хозяйствования, что свидетельствовало о серьезных изъянах в системе производственных отношений.

2. Специализация производства. Развитие отношений кооперации и агропромышленной интеграции

Необходимость эффективного использования потенциала, накопленного в результате централизации ресурсов в укрупненных колхозах и последующей их концентрации за счет дополнительных вложений, потребовала реорганизации системы производственных отношений, прежде всего развития кооперативных связей и агропромышленной интеграции. В годы активной реорганизации колхозной системы переменам в этой области мешала неопределенность хозяйственных структур. Организационная стабилизация колхозного сектора позволила предметно за-

Изменение средних размеров ферм в колхозах (количество голов на 1 ферму)

Год	Новосибирская область			Омская область		
	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы
1960	375	307	838	318	272	635
1965	870	557	1683	535	398	1113
1980	865	464	2640	915	687	4475
1985	816	368	2995	952	749	5050
1985 в % к 1960	217,6	120,0	357,4	299,4	275,4	795,3

Таблица 35

Плотность размещения скота и птицы в колхозах (количество голов на 100 га)

Год	Новосибирская область				Омская область			
	Крупный рогатый скот (на с.-х. угодья)	Овцы (на с.-х. угодья)	Свиньи (на пашню)	Птицы (на посев зерновых)	Крупный рогатый скот (на с.-х. угодья)	Овцы (на с.-х. угодья)	Свиньи (на пашню)	Птицы (на посев зерновых)
1960	10,3	11,1	7,2	37,8	12,8	12,3	8,8	71,2
1965	13,5	9,1	3,7	10,4	17,2	7,6	6,4	14,4
1970	16,5	10,8	3,3	26,1	22,3	7,2	10,4	20,0
1975	18,9	11,9	1,3	1,1	27,4	3,0	2,0	1,0
1980	19,8	10,9	1,7	—	28,5	1,1	2,9	—
1985	19,5	10,1	1,5	0,5	29,2	1,2	2,8	—

няться вопросами специализации производства и развития межхозяйственных связей.

В 60—70-е гг. процесс общественного разделения труда в сельском хозяйстве Сибири шел в двух направлениях. С одной стороны, в целях быстрого наращивания производства и устойчивого обеспечения населения крупных городов высококалорийными продуктами питания и овощами закрытого грунта формировались крупные специализированные предприятия. С другой стороны, совершенствовалась внутрихозяйственная специализация в колхозах и совхозах. Тенденция развития внутрихозяйственной специализации преобладала, так как в Сибири хозяйства были более крупными, чем в других районах страны.

Процесс разделения труда в сфере внутрихозяйственной организации производства привел к укрупнению бригад и ферм. Так, в колхозах Омской области за 1960—1985 гг. средний размер фермы по численности крупного рогатого скота и свиней

возрос в 3 раза, а овец — в 8 раз (табл. 34).

В хозяйствах постепенно стали выделяться ведущие отрасли, определялась производственная специализация. В Западной Сибири, например, уже к середине 60-х гг. из числа обследованных колхозов более половины имели зерновое направление, четвертая часть специализировалась на производстве молока и мяса⁶.

Углубление специализации колхозного производства стимулировалось принятым ЦК КПСС в мае 1976 г. Постановлением о развитии в сельском хозяйстве специализации, кооперации и агропромышленной интеграции⁷. Однако специализация в массе своей происходила за счет не столько интенсификации главной отрасли, сколько ее экстенсивного

⁶ Концентрация и кооперирование сельскохозяйственного производства.— М., 1980.— С. 268.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1987.— Т. 13.— С. 96—108.

развития, сопровождалась во многих хозяйствах сокращением производства других отраслей и даже их ликвидацией.

Сейчас практически не держат птицы колхозы Омской области. Во всех 169 колхозах Новосибирской области в 1985 г. насчитывалось всего 3 тыс. кур. Сократилось поголовье свиней. Например, в колхозах Омской области в 1985 г. на 100 га пашни приходилось три свиньи (в 1965 г. — девять), Новосибирской — две (в 1965 г. — четыре). За 1960—1985 гг. поголовье овец в расчете на 100 га сельхозугодий в колхозах Омской области уменьшилось в 12 раз. Одновременно в колхозном животноводстве повысилась доля крупного рогатого скота (табл. 35). В Новосибирской области доля колхозов, специализирующихся только на разведении крупного рогатого скота, с 2,8 % в 1965 г. увеличилась до 19 % в 1972 г.⁸ Масштабы специализации расширялись также за счет строительства крупных животноводческих комплексов и комбинатов.

Специализация колхозов вызывала реорганизационные изменения в сопредельных сферах, и прежде всего в области вторичной занятости сельского населения и социальной среде деревень. Мелкие производства и подсобные промыслы, имевшиеся на территории укрупненных хозяйств, ликвидировались или перебазировались в другие населенные пункты. Люди нередко оставались без привычной для них работы. Расшатывался сложившийся жизненный уклад, усиливалась миграция, разрушались мелкие сельские поселения. Сселение привело к сокращению в 1985 г. числа населенных пунктов в колхозах на 30 % в сравнении с 1960 г. Число дворов на один населенный пункт увеличилось больше чем наполовину при уменьшении численности жителей одного такого укрупнившегося населенного пункта

⁸ Аграрное и агропромышленное кооперирование в Западной Сибири. — Новосибирск, 1977. — С. 9.

на 8 %, в основном за счет детей (до 12 лет — на 68 % и старше 12 лет — на 21 %). Относительно многочисленная в 1960 г. семья (в среднем 5 чел.) уступила место малой (в среднем 3 чел.).

Развитие производительных сил и дефицит некоторых ресурсов побуждали колхозы выходить за рамки только сельскохозяйственного производства и создавать у себя несельскохозяйственные отрасли, своего рода внутрихозяйственную агропромышленную интеграцию.

На практике реализация этой объективной потребности нередко наталкивалась на противодействие политических установок, базировавшихся на предположениях о преимуществах только «чистой» специализации. В истории колхозного движения было немало зигзагов. Разрешения заниматься наряду с сельским хозяйством любимыми другими видами деятельности перемежались с запретами. В результате в настоящее время подсобные колхозные производства и услуги в общем объеме реализуемой продукции занимают в стране всего 5 %⁹.

О развитии подсобных колхозных производств в Сибири говорит величина основных производственных фондов несельскохозяйственного назначения. В 1965 г. на них приходилось менее 5 % стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства, в 1970 г. — 7,5, в 1986 г. — 8,6 %. За 1970—1985 гг. стоимость основных производственных фондов подсобных производств и промыслов в колхозах Сибири увеличилась с 92,2 млн до 360,7 млн руб., или в 3,9 раза. Существенно повысился уровень концентрации производства. В среднем одно подсобное предприятие в 1985 г. имело основных производственных фондов на 58,7 тыс. руб., или в 6,7 раз больше, чем в 1970 г. (табл. 36). В большинстве хозяйств подсобные промышленные производства носили сезонный харак-

⁹ Правда. — 1988. — 25 мая.

Развитие подсобных производств и промыслов в колхозах Сибири в 1970—1985 гг.

Область, край	1970			1985			1985 к 1970	
	Число предприятий	Стоимость основных производственных фондов		Число предприятий	Стоимость основных производственных фондов		Предприятия (в %)	Стоимость основных производственных фондов (кол-во раз)
		Всего млн руб.	На одно предприятие, тыс. руб.		Всего млн руб.	На одно предприятие, тыс. руб.		
Алтайский	2147	26,7	12,4	1942	109,5	56,4	90,5	4,5
Кемеровская	522	4,2	8,0	380	14,8	38,9	72,8	4,9
Новосибирская	1098	13,0	11,8	649	49,8	76,7	59,1	6,5
Омская	1440	11,5	8,0	763	65,3	85,6	53,0	10,7
Томская	524	4,1	7,8	130	6,8	52,3	24,8	6,7
Тюменская	762	5,9	7,7	514	19,8	13,2	67,5	1,7
Красноярский	1373	6,3	4,6	711	33,4	47,0	51,8	10,2
Иркутская	892	7,3	8,2	580	31,3	54,0	65,0	6,6
Читинская	1201	13,1	10,9	697	30,0	43,0	58,0	3,9
Итого . . .	9959	92,2	9,3	6366	360,7	56,7	63,9	6,1

тер и не имели постоянного штата работников.

Как показывает опыт, рациональное сочетание основного хозяйства и подсобных производств позволяет эффективно решать производственные и социальные задачи. В колхозе «Большевик» Ордынского района Новосибирской области действуют подсобные предприятия по переработке семян льна масличного и соломки, кирпичный завод. Основные производственные фонды несельскохозяйственного назначения к началу 1985 г. составляли здесь 3,8 млн руб., или 20 % всех производственных фондов. От реализации продукции подсобных производств колхоз выручал в разные годы от 15 до 25 % прибыли. В хозяйстве равномерно используются трудовые ресурсы, имеется возможность для широкого развертывания строительства производственных и социальных объектов. Часть средств, полученных от подсобных промышленных производств, вкладывается в развитие сельского хозяйства.

Аналогичные процессы происходили в совхозном секторе сельского хозяйства. Так, в начале 1988 г. в колхозах и совхозах Омской области в расчете на одно хозяйство имелось

примерно одинаковое число лесопилок, крупорушек, скотоубойных площадок, ремонтных мастерских. В колхозах было больше кирпичных и маслосыродельных заводов, но меньше мельниц и маслобоек.

Изменялись организационные формы сельскохозяйственного производства. Практике становилось тесно в обстановке относительной производственной изолированности отдельных предприятий, она искала каналы для расширения границ специализированного производства через развитие межхозяйственных связей, различные формы комбинирования и кооперирования.

Поначалу межхозяйственная кооперация развивалась в отраслях, не связанных непосредственно с земледелием: в сельском строительстве, энергообеспечении, лесоустройстве и т. д. Это позволяло за счет долевого участия концентрировать средства на задачах, решение которых для одного хозяйства было непосильным или экономически нецелесообразным.

Практика объединения сил и средств нескольких колхозов в сельском строительстве, организации подсобных промыслов, строительстве электростанций имела место в 30-е гг. Однако межхозяйственные

связи в то время носили неустойчивый, эпизодический характер. Увеличение колхозов и продажа им техники в 50-е гг. потребовали соответствующих изменений в элементах материально-технической базы. Усилилась потребность в строительстве современных объектов производственного и культурно-бытового назначения, в переходе к индустриальным методам строительства. В большинстве случаев отдельным колхозам было не под силу создавать производственную базу, приобретать необходимую технику и содержать квалифицированных специалистов. Эти задачи решались путем формирования межколхозных строительных организаций. На паевых началах создавались строительные объединения, предприятия по производству и заготовке строительных материалов, проектные организации.

В Красноярском крае первое межколхозное строительное предприятие — шлакоблочный завод — было создано в 1955 г. силами пяти колхозов Рыбинского района. В 1956 г. шесть колхозов Уярского района, перенимая опыт соседей, также построили такой завод. В 1957 г. появились межколхозные шлакоблочные заводы и межколхозные строительные организации в Ачинском, Боготольском, Ужурском, Новоселовском, Ермаковском районах, а в 1958 г. — в Держинском, Каратузском, Курагинском и Майском.

К концу 60-х гг. межколхозные строительные организации и объединения имелись во всех областях, краях и АССР Сибири. Колхозы на паевых началах передавали им денежные средства, столярные мастерские, кирпичные заводы, карьеры, технику и другое имущество. К началу 1976 г. в Сибири работало 186 межхозяйственных строительных организаций, в том числе в Западной Сибири — 102 и Восточной Сибири — 84. В их составе имелось 15 механизированных колонн, 29 кирпичных заводов и карьеров, 2 строительных комбината, 4 завода железобетонных

конструкций, 4 проектных института и несколько леспромхозов. Межколхозные строительные организации работали на основе хозяйственного расчета и, как правило, были рентабельными. В 1975 г. в Западной Сибири их прибыль составила 19,5 млн руб. Стоимость строительства помещений одного и того же типа, возводимых межколхозными строительными организациями, была на 5—7 % ниже, чем выполняемых государственными организациями. В межколхозных строительных организациях проще внедрялись новые формы организации труда. В 1974 г. в Омском объединении на принципах коллективного подряда работали 102 бригады и два межколхозостроя. За счет этого удалось обеспечить досрочное окончание строительства 130 объектов¹⁰.

В 60-е гг. отношения межхозяйственной кооперации начали распространяться на лесное хозяйство. Первые межколхозные объединения были созданы в 1967 г. в Тюменской области и Красноярском крае. В 1970 г. они появились в Омской области, в 1971 г. — в Алтайском крае и Иркутской области, в 1972 г. — в Новосибирской и Томской областях, в 1973 г. — в Бурятской АССР. В их составе к началу 1978 г. работал 141 лесхоз. Межколхозные лесхозы занимались разведением леса, уходом за ним, закладывали полезащитные лесополосы, выполняли работы по заготовке древесины, производству пиломатериалов и столярных изделий, сувениров и хозяйственного инвентаря.

Рост потребления электроэнергии, развитие электрохозяйства требовали организации особой системы энергетического обслуживания. В 70-е гг. в Сибири стали создаваться межколхозные производственные энергетические объединения: в 1973 г. — в Омской области, в конце 1974 г. — в пяти районах Новосибир-

¹⁰ Вальной Д. В. Межколхозная и государственно-колхозная кооперация. — М., 1977. — С. 191.

ской области, в 1975 г.— в Красноярском крае. К началу 1976 г. в Западной Сибири действовали 26 объединений «Межколхозэнерго», в них участвовали 163 хозяйства-пайщика и работали 1900 чел.

Энергетические объединения взяли на себя эксплуатацию электрооборудования, организацию его планово-предупредительного ремонта, выполнение контрольно-измерительных и лабораторных работ, разработку и внедрение мероприятий по эффективному использованию электроэнергии в сельскохозяйственном производстве, подготовку и переподготовку кадров электриков. Кроме того, некоторые объединения ремонтировали средства диспетчерской связи, электродвигатели, выпускали комплекты заготовок для ремонта.

С начала 70-х гг. межхозяйственная кооперация стала распространяться и в основных отраслях земледелия и животноводства. В 1975 г. в Западной Сибири действовало 5 межхозяйственных формирований по откорму крупного рогатого скота, репродукции и откорму свиней. На межхозяйственной основе действовало 90 специализированных хозяйств по направленному выращиванию нетелей. В целом в Сибири в этот год функционировало 27 межхозяйственных формирований, в том числе 2 — по откорму и доращиванию крупного рогатого скота, 3 — по репродукции, доращиванию и откорму свиней, 3 — птицеводческих. Участниками этих объединений были 193 колхоза и 27 совхозов¹¹.

В растениеводстве в связи с особенностями этой отрасли межхозяйственные связи получили менее широкое распространение и охватывали семеноводство, производство и переработку кормов, производство комбикормов. В 1976 г. в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях были созданы сортосеменоводческие объединения, пайщиками которых стали 68 хозяйств.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 9222, л. 164—165; д. 9202, л. 2, 241, 267.

С середины 70-х гг. в Сибири начали складываться объективные предпосылки для кооперации усилий в области производства кормов на мелиорированных землях. Опыт организации и работы таких межхозяйственных формирований уже имелся в различных регионах страны. В 1976 г. в Омской и Тюменской областях было организовано три межхозяйственных предприятия по производству кормов на мелиорированных землях.

Принятое в 1976 г. постановление Центрального Комитета партии «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции»¹² вскрывало дополнительные возможности для развития этих процессов в колхозном производстве на базе кооперирования с государственными предприятиями, снимало ограничения для взаимодействия двух форм социалистической собственности.

В годы десятой и одиннадцатой пятилеток последовательно увеличивалось число кооперативных формирований разных типов: сельскохозяйственных (растениеводческих и животноводческих), по обслуживанию колхозов и совхозов, строительных, комбикормовых и перерабатывающих. Колхозы и совхозы стали объединять свои ресурсы для решения не только производственных, но и социальных вопросов: создавали совместные дома отдыха и санатории, дома престарелых, пионерские лагеря, юридические группы. В этот процесс вовлекалось все больше отраслей и территорий. В 1978 г. 1356 колхозов Сибири были участниками 192 межхозяйственных предприятий — чисто колхозных и 162 организованных на средства как колхозов, так и государственных сельскохозяйственных предприятий. В 1985 г. насчитывалось уже 313 межхозяйственных предприятий, в том числе 18 чисто колхозных, куда вхо-

¹² КПСС в резолюциях...— Т. 13.— С. 96.

дило 178 колхозов, 295 смешанных, где участниками были 1569 колхозов (табл. 37).

Основной сферой приложения усилий в области межхозяйственной кооперации оставались отрасли по обслуживанию сельского хозяйства, строительство, лесхозы. На 1 января 1981 г. в Сибири на них приходилось более 90 % всех формирований. Природно-географические особенности региона определили высокий удельный вес лесхозов в составе межхозяйственных формирований: в Сибири он был в два раза выше, чем в среднем по РСФСР, и составлял на 1 января 1981 г. почти треть (табл. 38). В значительной мере за счет этого доля межхозяйственных объединений по производству сельскохозяйственной продукции в Сибири была меньше, чем в среднем по РСФСР.

В годы одиннадцатой пятилетки число межколхозных предприятий сократилось, как и число их участников, так как кооперация стала развиваться преимущественно за счет расширения производственных связей колхозов с государственными сельскохозяйственными предприятиями. Отдельные межхозяйственные предприятия по производству продукции свиноводства были переданы в состав совхозов и переведены на обеспечение кормами из централизованных ресурсов.

В 70-е гг. затраты колхозов на доленое участие в межхозяйственных предприятиях увеличились, так как новым формированиям требовались значительные финансовые средства и материально-технические ресурсы. Однако по мере организационно-хозяйственного укрепления межхозяйственных объединений затраты колхозов на их деятельность стали уменьшаться (табл. 39). В 1985 г. колхозы направили на их развитие 3,1 млн руб., или в 4 раза меньше, чем в 1980 г.

Наряду со специально созданными межколхозными специализированными хозяйствами функции межхозяй-

ственных предприятий стали выполнять отдельные колхозы и совхозы. В основном это была деятельность по откорму крупного рогатого скота и свиней, выращиванию ремонтного молодняка. Только в Западной Сибири число таких хозяйств за 1975—1979 гг. увеличилось со 175 до 309. На них приходилось 83 % прироста крупного рогатого скота, 10 % — свинины и все поголовье нетелей, полученных на условиях кооперации. Это позволило колхозам увеличить продажу государству продукции животноводства. Особенно стремительно произошло увеличение производства продукции животноводства на межхозяйственной основе в годы десятой пятилетки. В 1980 г. межхозяйственные формирования Западной Сибири реализовали в счет плана колхозов 14,5 % крупного рогатого скота и 23 % свиней, в Восточной Сибири — соответственно 9,2 и 18,5 %. В годы одиннадцатой пятилетки роль межхозяйственных объединений в производстве животноводческой продукции снизилась, что было обусловлено снижением заинтересованности хозяйств-пайщиков в результатах их деятельности, а также усилением самостоятельности колхозов и совхозов в выборе вариантов использования собственных накоплений.

Создание межхозяйственной кооперации способствует увеличению производства продукции, создает такие производственно-технологические условия, при которых сельскохозяйственный труд приближается к индустриальному. Это подтверждается опытом межхозяйственного откормочного комплекса Кольванского района Новосибирской области. Внедрение промышленной технологии на откорме позволило снизить затраты труда, повысить сдаточный вес одной головы, улучшить совокупные экономические показатели всех участников кооперации. Затраты труда на единицу продукции на комплексе были ниже, чем в среднем по району, среднесуточный привес со-

Динамика межхозяйственных предприятий в Сибири в 1978—1985 гг.*

Область, край	1978				1985			
	Колхозные		Смешанные		Колхозные		Смешанные	
	Число	В них колхозов	Число	В них колхозов	Число	В них колхозов	Число	В них колхозов
Алтайский	2	2	35	170	—	—	54	268
Кемеровская	1	16	1	8	—	—	1	6
Новосибирская	8	97	29	190	5	66	36	259
Омская	8	230	15	147	3	35	24	211
Томская	1	5	—	—	1	5	1	1
Тюменская	3	24	18	105	2	16	30	118
Красноярский	2	13	30	152	3	27	46	232
Иркутская	3	22	13	53	—	—	32	146
Читинская	2	24	7	47	4	29	41	197
Итого . . .	30	433	148	872	18	178	295	1438

* Показаны только те межхозяйственные предприятия, где участники кооперации — колхозы; в таблицу не входят межхозяйственные образования, участниками которых являются только совхозы.

Таблица 38

Структура межхозяйственных предприятий в Сибири и РСФСР по отраслям производства на 1 января 1981 г.*

Межхозяйственные предприятия	Сибирь		РСФСР	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего	459	100	4034	100
В том числе:				
по обслуживанию сельскохозяйственного производства	106	23,1	1188	29,5
строительно-монтажные лесхозы	176	38,3	1352	33,5
по производству сельскохозяйственной продукции	142	30,9	638	15,8
Прочие	20	4,4	393	9,7
	15	3,3	463	11,5

* Таблица составлена по данным: Основные показатели деятельности межхозяйственных предприятий по производству сельскохозяйственной продукции и обслуживанию сельскохозяйственного производства за 1980 г.— М., 1980.— С. 3, 5, 20, 33, 36, 39—43.

Таблица 39

Затраты колхозов Сибири на долевое участие в межхозяйственных организациях, тыс. руб.

Регион	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1984 г.	1985 г.
Западная Сибирь	1149	2506	5587	7 913	5769	2584
Восточная Сибирь	2111	724	2927	4 295	2608	525
Всего . . .	3260	3230	8514	12 208	8377	3109

ставлял от 705 до 839 г, в то время как в кооперируемых хозяйствах — от 364 до 405 г¹³.

¹³ Роль межхозяйственного кооперирования в увеличении производства сель-

Развитие межхозяйственной кооперации привело к формированию

скохозяйственных продуктов в Сибири и на Дальнем Востоке.— Новосибирск, 1981.— С. 59, 72, 79.

в большинстве районов Сибири системы взаимодействующих и сотрудничающих предприятий. Так, в Локтевском районе Алтайского края все хозяйства стали участниками кооперации. Колхоз «Память Ленина» выполняет функции межхозяйственного предприятия по откорму крупного рогатого скота, колхозы им. Неверова и «Заря» — по откорму овец, «Рассвет» и «Полевод» — по направленному выращиванию петелей, «Путь к коммунизму» и «Страна Советов» — по производству семян зерновых и многолетних трав. На средства гормолзавода, колхозов и совхозов района построен цех по производству цельномолочной продукции. Таким образом, в кооперирование включились и государственные промышленные предприятия, развивалась агропромышленная интеграция.

Вместе с тем при создании межхозяйственных предприятий допускались просчеты: необоснованно менялась специализация отдельных хозяйств, отсутствовал предварительный экономический анализ целесообразности кооперирования, у хозяйств-пайщиков отнимались финансовые и материальные ресурсы. Интересы хозяйств зачастую не учитывались аппаратами межколхозных организаций. В середине 70-х гг., например, в составе правления омского Облмежколхозстроя не было ни одного представителя колхозов. На деятельности животноводческих межхозяйственных формирований отрицательно сказывались неустойчивость результатов в земледелии и отсутствие прочной кормовой базы. Нарушение ритмичности поставки кормов от хозяйств-пайщиков снижало эффективность откорма скота, нередко приводило к разрыву отношений, ликвидации межхозяйственных предприятий или переводу их в государственный сектор. Характерна в этом отношении история Кыштовского межхозяйственного комплекса Новосибирской области, построенного под административным нажимом в 1978 г. на средства вось-

ми хозяйств. Экономическая нецелесообразность кооперации, ошибки проектировщиков, несовершенство технологии откорма превратили комплекс в хронически убыточное предприятие. В 1985 г. с переходом на самофинансирование и самокупаемость хозяйства-пайщики отказались поставлять зернофураж и комплекс окончательно обанкротился¹⁴.

В первой половине 80-х гг. была предпринята попытка создать более широкий простор развитию межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции за счет снятия ведомственных перегородок между сельским хозяйством и отраслями, обслуживающими его и занятыми переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции. Решением майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС были созданы районные агропромышленные объединения (РАПО). Наряду с колхозами и совхозами в кооперацию стали вовлекаться предприятия обслуживающих отраслей и перерабатывающей промышленности. Однако, как вскоре показала практика, включение в состав РАПО наряду с колхозами и совхозами ремонтно-технических, агрохимических, автотранспортных, технических, снабженческих, заготовительных и перерабатывающих предприятий оказалось во многом формальным. Ведомственные барьеры продолжали тормозить развитие интеграционных связей. Однако процесс обобществления колхозно-совхозного производства, встречая сопротивление бюрократических структур на территориальном уровне, получал свое логическое продолжение в сфере межхозяйственных и межотраслевых связей. В 1986—1987 гг. было организовано более 120 агропромышленных комбинатов и кооперативных объединений, 25 агрофирм, 313 производственных и 170 научно-производственных систем¹⁵. В абсолютное большинство из них вошли

¹⁴ Советская Сибирь.— 1989.— 31 окт.

¹⁵ Правда.— 1988.— 24 марта.

и колхозы. Более интенсивно, минуя заготовительные организации, начала развиваться система прямых связей между сельским хозяйством и перерабатывающими отраслями. В 1982 г. в Читинской области 320 колхозов и совхозов сдавали шерсть непосредственно Улан-Удэнскому тонкосуконному комбинату. Здесь доля прямых поставок шерсти составила 95 % от общего уровня ее заготовок в области.

Таким образом, развитие концентрации и специализации колхозного производства стало объективной предпосылкой развертывания межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, которые захватили как производительные силы, так и производственные отношения колхозной системы. В первую очередь это коснулось колхозной собственности, которая, концентрируясь в рамках отдельных хозяйств, все больше переливалась через их границы в ходе развития отношений кооперации, производственно интегрировалась с собственностью не только других колхозов, но и государственных предприятий. За счет развития несельскохозяйственных отраслей и производств обогащалась структура колхозной собственности. Однако эти объективные процессы из-за административных мер в ряде случаев неправомерно сдерживались или, наоборот, форсировались, что наносило большой вред идеологии и практике развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

3. Изменения в механизме реализации отношений собственности

Механизм реализации колхозной собственности представляет собой сложный, многоуровневый феномен, охватывающий взаимоотношения колхозов и государства, органов политического руководства и экономических структур, внутриколхозные отношения и отношения колхозов с

другими хозяйственными единицами. В условиях централизованного управления и распределения ресурсов главные функции по распоряжению социалистической собственностью сосредоточиваются в высших звеньях управления. Посредством директивных указаний, системы налогов, цен они задают жесткие рамки реализации экономических интересов, ограничивая тем самым самостоятельность непосредственных распорядителей — колхозников.

Практика управления социально-экономическими процессами, сложившаяся в 30—50-е гг., содержала в себе диалектическое противоречие. Система жесткого централизма позволяла, с одной стороны, широко маневрировать ресурсами общества, а с другой — отчуждала непосредственных производителей от принятия принципиальных решений. Тем самым обесценивалась эффективность экономических реформ, что особенно заметно проявлялось в аграрной сфере.

Реорганизация МТС в конце 50-х — начале 60-х гг. и продажа принадлежавшей им техники колхозам привели к осложнению финансового положения последних. Колхозы вынуждены были выплачивать значительные суммы за переданные им технические средства, тратить дополнительные деньги на их эксплуатацию. Из-за отсутствия необходимых условий хуже стал использоваться машинно-тракторный парк. В 1964 г. выработка на трактор в колхозах Алтая, например, была в два раза ниже, чем в МТС в 1957 г.

В 1961 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов», которое предусматривало снижение цен на технику, запасные части, горючие и смазочные материалы. Были снижены процентные ставки за пользование кредитом¹⁶. Однако реальное значе-

¹⁶ КПСС в резолюциях... — М., 1986. — Т. 10. — С. 7—10.

ние для колхозов содержащихся в этом постановлении мер ослаблялось существовавшей системой управления, отличавшейся большой централизацией и развитием командно-административных методов.

Снижение темпов роста сельскохозяйственного производства и существенные невыполнения плановых заданий в конце 50-х — начале 60-х гг. способствовали усилению административного вмешательства директивных органов в дела колхозов и совхозов. Одновременно по решению июньского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС была введена система подвижных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию¹⁷. По сравнению с предшествовавшей системой цен на сельскохозяйственную продукцию, основанной на системе дотаций, новая способствовала расширению границ использования товарно-денежных отношений, усиливала материальные стимулы роста сельскохозяйственного производства. Однако уже в начале 60-х гг. практика корректировки цен в зависимости от конкретных условий года перестала действовать. Товарно-денежные отношения были потеснены системой прямых дотаций, компенсирующих дефицит финансовых ресурсов в неблагоприятные годы, что устраивало как многих производителей продукции, так и аппарат управления.

Вопросам управления сельским хозяйством был посвящен мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, решения которого принципиально изменили концепцию механизма хозяйствования в аграрном секторе экономики. Изменился порядок планирования сельскохозяйственного производства. Контрольные цифры стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы и прибыль). Планы продажи продукции государству устанавливались твердыми, неизменными на всю

пятилетку, их показатели были ниже фактических закупок прошлых лет. Все это существенно улучшало воспроизводственные возможности сельскохозяйственных предприятий. Плановые объемы заготовок зерна уже в 1965 г. сократились по стране против первоначальных наметок с 64 млн до 54,4 млн т, что положительно сказалось на увеличении фуражных фондов хозяйств. Установление твердых планов продажи государству продукции сельского хозяйства на пятилетку, изменение порядка ее оплаты повысили интерес колхозов к сверхплановой продаже. В 1966 г. колхозы и совхозы Омской области отправили в государственные закрома 1710 тыс. т зерна, в том числе 529 тыс. т сверх плана¹⁸.

По решению мартовского (1965 г.) Пленума с колхозов было списано более 2 млрд руб. задолженности по ссудам Госбанка. Вводились более высокие закупочные цены на зерновые культуры, а также надбавки к закупочным ценам на крупный рогатый скот, свиней и овец, проданных сверх установленного плана. Усилилась зональная дифференциация цен, что способствовало выравниванию финансового положения хозяйств. В целом величина доходов, полученных колхозами от повышения закупочных цен, была выше стоимости основных фондов, которыми они располагали к началу 1957 г.¹⁹ Условия оплаты продукции менялись и в последующие годы повышался уровень закупочных цен, углублялась зональная дифференциация. В РСФСР в 1964 г. на молоко было 12 ценовых зон, в 1973 г. — 94 и в 1976 — 148, на зерно — соответственно 7, 36 и 65. Однако такая дифференциация закупочных цен, доходившая порой до районов и даже отдельных хозяйств, значительно усложняла экономические отношения государства с колхозами и совхоза-

¹⁸ Там же. — М., 1986. — Т. 11. — С. 169.

¹⁹ Боев В. Р. Закупочные цены и чистый доход колхозов. — М., 1969. — С. 57.

¹⁷ Там же. — М., 1986. — Т. 9. — С. 248.

ми, но, в сущности, не устраняла деформирующего воздействия централизованного ценообразования, так как препятствовала размещению производства сельскохозяйственных культур в местах наиболее благоприятных для этого, не стимулировала снижения себестоимости продукции растениеводства и животноводства.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1965 г. «Об улучшении кредитования колхозов»²⁰ хозяйства начали постепенно переводиться на прямое банковское кредитование, минуя заготовительные организации, что расширило их финансовую самостоятельность. На принципы хозрасчета стала переходить совхозная система. К 1970 г. на условиях хозрасчета в Сибири работала пятая часть совхозов²¹.

Комплекс мер по подъему сельского хозяйства и укреплению колхозного строя затронул и систему внутриколхозных отношений, что особенно заметно проявилось в системе распределения. С 1 июля 1966 г. колхозы стали широко переходить на гарантированную (деньгами и натурой) ежемесячную оплату. Во второй половине 60-х и первой половине 70-х гг. произошли заметные изменения в системе оплаты труда в государственном секторе сельского хозяйства, что заметно повлияло на перестройку распределительных отношений в колхозах. Наметилась тенденция быстрого сближения уровня оплаты труда колхозников и рабочих совхозов. Реальные доходы колхозников также увеличивались быстрее, чем у рабочих и служащих. За 1965—1986 гг. доходы колхозных семей в Западной Сибири выросли в 1,7 раза, Восточной Сибири —

в 1,5 раза. Сократился разрыв в уровне душевого дохода семьи: в 1965 г. в колхозах он был ниже, чем у семей рабочих и служащих, на 25 %, в 1978 г. — на 12 %. В совокупных доходах колхозной семьи повышалась доля поступлений от общественного хозяйства.

Однако периодически принимаемые меры, направленные на увеличение колхозных доходов, укрепление колхозной собственности, рост уровня жизни колхозников и на этой основе — развитие колхозного производства, ожидаемого результата не давали. Финансовое положение колхозной системы в целом оставалось нестабильным. Неделимые фонды колхозов возрастали медленнее, чем их основные фонды, которые в существенной части формировались за счет кредитов. Стремительно увеличивалась сумма просроченной задолженности Госбанку, в то время как валовой доход колхозов в основном расходовался на потребление. В 1965 г. на оплату труда из него было направлено 80 %, в 1970 г. — около 75, в 1986 г. — свыше 80 %. Если в 1985 г. валовой доход колхозов возрос в сравнении с 1970 г. на 36 %, то суммы, определенные к выдаче колхозникам на оплату труда, — на 60 %; в 2,3 раза увеличился размер фонда материального поощрения, на 44 % — средства фонда помощи, на 33 % — фонда на культурные и бытовые нужды (табл. 40). На пополнение неделимого фонда в части основных средств было в 1985 г. направлено на 8 % меньше, чем в 1970 г., и в части оборотных средств — на 55 % меньше.

По целому ряду причин, в том числе в связи с введением гарантированной оплаты труда, многие колхозы, отказавшись от трудодня, пришли, по существу, к уравнительному распределению. Оплата труда оказывалась выше, чем реальный трудовой вклад колхозников. В колхозе «Память Ильича» Третяковского района Алтайского края, например, в 1986 г. среднегодовой заработок был

²⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1968. — Т. 5. — С. 739.

²¹ Рассчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 749, л. 39, 73, 75, 183; д. 4318, л. 2; д. 4168, л. 2; д. 5139, л. 43, 45—47.

Валовой доход и его распределение в колхозах Сибири

Год	Валовой доход		Его распределение					
	Всего, млн руб.	На 100 га с.-х. угодий, тыс. руб.	На накопление		На потребление		В том числе личное	
			млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
1965	671,6	3,1	115,1	17,1	483,2	71,9	470,2	70,0
1970	924,7	4,8	207,5	22,4	627,3	67,8	602,8	65,2
1985	1261,3	8,4	163,8	13,0	1005,9	79,8	973,3	77,2
1985 в %:								
к 1965	187,8	271,0	142,3	—	208,2	—	207,0	—
к 1970	136,4	175,0	78,9	—	160,4	—	161,5	—

выше, чем в колхозе «Сибирь» того же района, почти на 14 % (3186 и 2798 руб.), хотя рентабельность производства — в 4 раза ниже (18 и 77 %). В совхозе «Назаровский» Красноярского края в 1987 г. производительность труда была в 2 раза выше, чем в соседнем хозяйстве «Подсосенском», а среднемесячная заработная плата работников — одинаковой и составляла 236 руб.²²

Нарастание негативных явлений в сельском хозяйстве явилось прямым следствием отхода практики управления аграрной сферой экономики от концепции хозяйственной реформы 1965 г., перехода от экономических к административным методам регулирования. Этот перелом произошел на рубеже 60—70-х гг. Хотя в решениях октябрьского (1968 г.) и июльского (1970 г.) Пленумов ЦК КПСС подтверждалась приверженность основным принципам хозяйственной реформы, в том числе сохранению твердых пятилетних планов, ножицы между декларируемым и реальным курсом начали раздвигаться. Заметно стал сворачиваться процесс демократизации колхозного самоуправления, усилился контроль со стороны исполнительных и административных органов за финансово-хозяйственной деятельностью колхозов. В марте 1971 г. было восстановлено отмененное в 1964 г. право райисполкомов рассматривать планы

колхозов. Планы же производства на орошаемых и осушенных землях райисполкомы должны были утверждать²³. Местным органам вменялось в обязанность осуществление строгого контроля за распределением доходов колхозов, оплатой труда. В июле 1970 г. был выдвинут лозунг о продаже каждым колхозом и совхозом государству ежегодно сверх плана не менее 35 % зерна и 8—10 % животноводческой продукции. Усиливалось вмешательство партийных, советских и сельскохозяйственных органов во внутриколхозные дела. Хозяйствам стали навязывать сверхплановые закупки, структуру посевных площадей, диктовать технологические решения. Под натиском административно-командных методов управления утрачивалась самостоятельность колхозов и совхозов, возрастала степень их социально-хозяйственной незащищенности. На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что вместо одного твердого пятилетнего плана закупок сельскохозяйственной продукции появилось несколько планов, возродилась практика их частных и необоснованных корректировок²⁴. Это свидетельствовало о демонтаже важнейших элементов реформы середины 60-х гг.

²³ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.).— М., 1975.— С. 548, 463.

²⁴ КПСС в резолюциях...— Т. 13.— С. 267.

²² Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 1.— С. 4.

Вопросы совершенствования производственных отношений, остро поставленные мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, в 70-е гг. практически выпали из поля зрения. Аграрная политика сконцентрировалась на проблемах материально-технической базы и развития социальной инфраструктуры деревни. В условиях несовершенства организационно-экономических отношений, отчуждения производителей от собственности часть централизованных ресурсов, направленных на укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов, не попала по месту назначения. Львиную долю средств стали поглощать подразделения Минводхоза. Прогрессировала теневая экономика, выкачивающая денежные знаки, не обеспеченные материально-техническими ресурсами. Часть средств изымалась у колхозов местными органами власти на цели, не связанные непосредственно с производством сельскохозяйственной продукции: строительство дорог, благоустройство районных центров и т. д. Широкое распространение получила практика безвозмездной передачи различным организациям зданий и сооружений. Только за 1974—1976 гг. колхозы страны потеряли на этом свыше 1 млрд руб.²⁵ Изъятие средств из сельского хозяйства имело место и в начале 80-х гг. В 1983 г. Омский обком КПСС дважды рассматривал вопрос «О фактах отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства». Деформирующее воздействие на функционирование колхозной собственности и в целом аграрной сферы оказывал неэквивалентный обмен между городом и деревней. Расчеты, выполненные на материалах годовых отчетов колхозов и совхозов, показали, что некомпенсированные затраты в земледелии страны за 1970—1978 гг. составили

²⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1979.— Т. 12.— С. 406—407.

20 млрд руб.²⁶ Деформация обменных отношений между городом и деревней, наличие внеэкономических механизмов изъятия средств в значительной мере обесценили курс на укрепление материально-технической базы села и развитие социальной сферы за счет централизованных ресурсов.

Ослабление эффективности регулирующих функций государства из-за административных методов управления проявлялось не только в сфере перераспределения национального дохода, но и в системе централизованного планирования. Увеличивался разрыв между планируемыми и полученными результатами. В Западной Сибири уровень выполнения плана по закупкам зерна снизился с 79 % в 1971—1975 гг. до 59 % в 1981—1985 гг.

В 70-е гг. система хозрасчета, заложенная решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, начала расстраиваться, кредит потерял свои стимулирующие функции и превратился практически в безвозмездную форму бюджетных ассигнований. Все больше хозяйств становились убыточными и низкорентабельными (табл. 41). Целевое распределение средств государственного бюджета осуществлялось в строго централизованном порядке и ограничивало хозяйство в выборе решений. В 1970 г., например, Главному производственно-территориальному управлению сельского хозяйства Западно-Сибирского района было доведено распределение бюджетных средств по краям и областям с точностью до рубля и более чем по 10 позициям.

К началу 80-х гг. аграрный сектор экономики вновь оказался неплатежеспособным. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение о списании с колхозов и совхозов крупных сумм задолженности и отсрочке платежей, существенном повышении закупочных цен, введении надбавок к ним для низкорентабель-

²⁶ Хозяйственный механизм АПК.— М., 1984.— С. 25.

Таблица 41

Динамика убыточных хозяйств в колхозной системе Сибири, тыс. руб.

Год	Число убыточных колхозов	Сумма убытка		Общий уровень рентабельности (убыточности) колхозного производства, %	
		вся	на 1 убыточное хозяйство	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1971	156	7 641	49,0	38,3	23,9
1973	276	28 138	102,0	19,3	13,2
1975	490	72 948	149,9	5,0	12,1
1977	584	124 235	213,0	-0,7	1,4
1977 к 1971 (кол-во раз)	3,7	16,3	4,3	—	—

Таблица 42

Динамика рентабельности колхозного производства в 1965—1986 гг., %

Область, край	1965	1970	1975	1982	1983	1986
Алтайский	20,9	53,6	19,7	-8,1	20,0	31,7
Кемеровская	30,7	14,4	-3,5	-4,1	16,0	13,0
Новосибирская	22,2	16,5	4,2	-9,9	12,1	14,0
Омская	11,8	25,5	-5,3	-14,6	3,7	9,6
Томская	40,5	12,3	-13,8	-32,6	6,5	8,2
Тюменская	25,0	12,0	-10,5	-8,8	—	14,5
Красноярский	28,6	18,0	18,7	3,8	16,8	10,9
Иркутская	18,6	20,0	9,6	-13,0	-16,3	9,5
Читинская	50,0	33,6	11,5	-12,0	15,2	7,5

ных и убыточных хозяйств. В 1983 г. низкорентабельным хозяйствам Читинской области, например, было выделено в качестве надбавок к закупочным ценам за проданную государству продукцию свыше 30 млн руб. Принятые меры вновь подняли рентабельность сельскохозяйственного производства. Удельный вес убыточных колхозов и совхозов в 1985 г. в сравнении с 1980 г. сократился в Западной Сибири с 58 до 20 %, в Восточной Сибири — с 76 до 37 %. Однако и эта вызванная финансовым вливанием тенденция носила неустойчивый характер. Уже в 1983—1985 гг. в Кемеровской и Читинской областях, Красноярском крае рентабельность колхозного производства начала снижаться (табл. 42). В Новосибирской области на 1 октября 1987 г. задолженность колхозов по ссудам Госбанка составила 1,2 млрд руб. и достигла стоимости неделимых фондов хозяйств. В конце 1988 г. в Алтайском крае был объявлен не-

платежеспособным колхоз им. 60-летия Союза ССР, долги по ссудам которого оказались больше стоимости основных фондов²⁷. Аналогичные процессы шли в совхозном секторе экономики, хотя рентабельность производства оставалась здесь выше, чем в колхозах.

Практика убеждала, что без коренного изменения всей системы хозяйствования, без приведения производственных отношений в соответствие с развивающимися производительными силами, без полноценного включения интересов коллективов в отношения собственности политикой государственных вложений и повышения цен на продукцию сельского хозяйства дела не поправить. Главная причина низкой эффективности и финансовой неустойчивости аграрного сектора крылась в том, что действующий механизм централизованного аппаратного планирования, распределе-

²⁷ Правда.— 1989.— 24 янв.

ния ресурсов, изъятия доходов вступил в коренное противоречие с производительными силами сельского хозяйства.

В стране шел поиск более совершенных форм и методов управления сельским хозяйством. Новые подходы ставили целью преодоление отраслевой структуры управления аграрной сферой, выработку механизма управления, адекватного возросшему кадровому и производственно-техническому потенциалу сельского хозяйства и достигнутому уровню развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Диспропорции, сложившиеся в АПК и приводившие к большим потерям сельскохозяйственной продукции при транспортировке, хранении и переработке, требовали пересмотра инвестиционной политики и создания единых органов управления всем агропромышленным комплексом. Начиная с 1982 г. на основе решений центральных органов власти стали формироваться районные агропромышленные объединения. Постепенно выделялся и организационно оформлялся агропромышленный комплекс. Эта работа завершилась принятием в 1985 г. соответствующего постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР²⁸.

Однако последующий опыт показал, что модернизация организационных структур управления эффекта тоже не дала: изменение организационных форм управления происходило без принципиальных изменений в экономическом механизме, реализующем производственные отношения. Сохранялся диктат производителей, предприятия не были свободны в выборе средств производства и объектов строительства, так как в условиях дефицитности многих ресурсов оставалось централизованным, а подчас принудительным распределение их по хозяйствам.

Цены на продукцию промышленного и строительного комплексов по-

вышались при сохранявшемся низком ее качестве. Возрастал численно управленческий аппарат, увеличивался поток распорядительно-приказных документов. Экономически хозяйства не были защищены. Этот вопрос не решил даже Закон СССР о государственном предприятии. Выступая в конце 1988 г. на Красноярской краевой партийной конференции, директор совхоза «Сибирь» И. Ш. Заббаров говорил, что «при нынешней диктатуре директивных органов настоящий хозяин никогда не появится». За период с 1985 г. численность управленческого аппарата крайагропрома увеличилась с 930 до 1500 чел²⁹.

Вместе с тем со второй половины 80-х гг. под давлением снизу в деятельности органов управления АПК стали происходить существенные изменения, особенно на районном уровне. В начале 1988 г. в Карымском районе Читинской области был создан районный агропромышленный кооперативный союз, заменивший РАПО. В него вошло 245 первичных кооперативов, организованных на базе бригад, цехов и ферм. С использованием опыта агропромышленного объединения «Новомосковское» Тульской области был создан агропромышленный комбинат «Горный Алтай», где сразу же резко уменьшилась численность аппарата управления. В Новосибирской области на базе ряда РАПО появились агропромышленные комбинаты «Восток», «Искитимский», «Сибирь», «Ордынское». В марте 1989 г. почти в 2 тыс. районов страны вместо административно-управленческого аппарата РАПО демократическим путем были сформированы выборные органы. В ряде мест на областном уровне на смену директивным структурам АПК пришли хозяйственные образования, организованные по инициативе снизу. Эти процессы были рассмотрены на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, в решениях которого

²⁸ Правда.— 1985.— 23 нояб.

²⁹ Коммунист.— 1989.— № 2.— С. 57.

предложено повсеместно ликвидировать РАПО, а вместо Госагропрома СССР образовать постоянно действующую Комиссию Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам³⁰.

Со второй половины 80-х гг. в практике реализации отношений собственности в земледелии стали использоваться элементы аренды. Наибольшее распространение получила так называемая внутривоспроизводственная аренда, которая юридически оформлялась в договоре между руководством хозяйства и какой-то бригадой, фермой или семьей. Хотя, согласно статистическим данным, в годы двенадцатой пятилетки сфера использования арендных отношений в сельском хозяйстве существенно расширилась, это не привело к повышению эффективности агропромышленного производства. С одной стороны, наблюдалась подмена отношений аренды различными новациями в сфере организации и оплаты труда. С другой стороны, для развития подлинной аренды не было необходимых хозяйственных условий, не готовы к ее восприятию оказались управленческие структуры и сами трудовые коллективы. Только в ноябре 1989 г. Верховным Советом СССР были утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик «Об аренде». В законодательстве предусмотрены передача земли, природных и материально-технических ресурсов в срочное возмездное владение и пользование арендаторам, создание на добровольных началах их союзов и ассоциаций, оговорены имущественные права и обязанности арендодателей и т. д.³¹

Отставание юридической базы от развития новых хозяйственных отношений тормозило процесс экономического раскрепощения непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции. Практика убеж-

дает, что и на этапе перестройки ключевые вопросы развития агропромышленного комплекса решаются медленно и непоследовательно. Появилось стремление вложить в новые организационные формы старый бумажно-бюрократический стиль управления.

Главная причина низкой эффективности общественного производства — устаревшие производственные отношения и фиксирующий их хозяйственный механизм, которые перестали отвечать новому уровню развития производительных сил. По этой же причине было сковано, омертвлено в своем развитии колхозное производство. Колхозники объективно не могли в этих условиях полноценно осуществить свои отношения собственности, реализовать свое право на самостоятельное использование средств производства, распоряжение результатами труда.

Отношения собственности в реальной действительности реализуются не автоматически, а через механизм организационных, экономических и правовых форм. Их трансформация в колхозном секторе шла не путем приведения в соответствие с коллективным содержанием колхозной собственности и демократическим характером колхозного строя, а через слияние с механизмом государственного сектора сельского хозяйства, через распространение на колхозы методов и форм прямого регулирования, принципиально несовместимого с кооперативной, демократической природой колхозов. Это сковало и омертвило объективно присущие колхозам высокие производственные возможности. В этом же направлении действовала практика всякого рода дотаций и списания просроченной задолженности колхозов по кредитам Государственного банка.

В концепции радикальной реформы управления экономикой, принятой XXVII съездом КПСС и конкретизированной в решениях XIX партийной конференции, центральные места отведены демократизации всех сторон

³⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — М., 1989. — С. 61.

³¹ Известия. — 1989. — 2 дек.

нашей жизни и переводу предприятий на реальный хозяйственный расчет. Эти два направления наиболее эффективны и для реализации отношений колхозной собственности. Широкие права для развития колхозного самоуправления открывают хозяйствам принятый Верховным Советом СССР Закон о кооперации, а также принятые в стране и в РСФСР законы о собственности и о земле. Только на основе коренных изменений между государством и производителями сельскохозяйственной продукции, перевода всей аграрной

экономики на принципы полного хозяйственного расчета достижимо выравнивание условий хозяйствования различных общественных форм земледелия и повышение их эффективности. Экономическая самостоятельность колхозов и совхозов, различных межхозяйственных формирований, индивидуальных крестьянских и личных подсобных хозяйств населения должна иметь четкие политические и правовые гарантии, базироваться на реальном распоряжении структурными элементами социалистической собственности.

Глава 4

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТИМУЛОВ ТРУДА. ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА

1. Организация и оплата труда в колхозах. Развитие подрядных и арендных отношений

Стимулы к труду — это планомерная система методов и способов социально-экономического воздействия на человека с целью привлечения его к общественно-полезному труду, повышения трудовой активности, достижения наибольшей отдачи в производстве. В. И. Ленин указывал: «Привлечение к труду — важнейшая и труднейшая проблема социализма»¹. «Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий»². На этапе строительства социализма важное место в системе мер привлечения людей к труду занимают организация труда и производства в общественном хозяйстве, а также материальные стимулы. От этого в значи-

тельной степени зависит степень использования трудового потенциала работников социалистических предприятий.

Основной формой организации труда в колхозах со времени их создания являлась постоянная производственная бригада — коллектив колхозников, за которым на длительный срок закреплялись земельный участок и необходимые средства производства. В конце 50-х — начале 60-х гг. производственная бригада по своей структуре и размерам претерпела изменения вслед за изменениями условий колхозного производства. Основными факторами, повлиявшими на эволюцию бригадной формы организации производства, стали укрупнение колхозов и продажа им — в связи с реорганизацией в 1958 г. МТС — сельскохозяйственной техники. В этой связи росли и размеры бригад, как полеводческих, так и животноводческих: вместо небольших организовывались значительно более крупные. На базе мелких колхозов создавались комплексные бригады. В результате слияния полеводческих или комплексных бригад с бывшими тракторными бригадами МТС появились трак-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 285.

² Там же. — Т. 40. — С. 316.

торно-полеводческие или тракторно-комплексные. После реорганизации МТС сформировались также самостоятельные тракторные бригады, каждая из которых обслуживала ряд отраслевых. В тех случаях, когда за такими бригадами закреплялась земля, они осуществляли и свой севооборот.

Всего в конце 1960 г. в колхозах Сибири насчитывалось 1304 тракторных, 2095 полеводческих, 2254 тракторно-полеводческих, 4964 комплексных (из них 2684 тракторно-комплексных) бригады. Наиболее крупными были комплексные, тракторно-комплексные и тракторно-полеводческие бригады. В большинстве из них трудилось более 100 колхозников разных профессий, как механизаторов, так и работников конно-ручного труда, выполнявших вспомогательные и общехозяйственные работы. В Алтайском крае средний размер такой бригады достигал 134 чел. Меньшее число колхозников входило в специализированные отраслевые бригады, распространенные в основных сельскохозяйственных районах Сибири и менее механизированные. Однако и их размеры были довольно внушительными. В полеводческих бригадах работало в среднем по 74 колхозника. Более мобильными были тракторные бригады (по 24 механизатора)³.

Громоздкость абсолютного большинства производственных бригад значительно затрудняла управление ими и контроль за их деятельностью, способствовала ослаблению связей работника с результатами его труда. В связи с этим в конце 50-х гг. была сделана попытка создать в полеводстве механизированные звенья и отряды, за которыми бы закреплялись участки земли и необходимый набор техники. Первоначально звенья специализировались лишь на выращивании пропашных культур

преимущественно на небольших, так называемых рекордных, участках. В последующие годы эта форма организации труда получила более широкое распространение. В 1960 г. в колхозах Сибири насчитывалось около 2,6 тыс. механизированных звеньев. В 1963 г. в совхозах и колхозах Новосибирской области было организовано 2960 механизированных звеньев, в том числе на возделывании кукурузы — 1430, на производстве смешанных культур — 1302, картофеля — 126 и сахарной свеклы — 102. В Омской области в 1964 г. 1,8 тыс. звеньев обрабатывали 44 % посевных площадей, занятых под пропашными культурами. Создававшиеся в начале 60-х гг. механизированные звенья, как правило, были небольших размеров и отличались однородностью состава. Так, в Омской области в большинстве звеньев трудилось не более чем по 5 чел.⁴

В конце 50-х гг. на Алтае начали организовываться механизированные отряды (крупные звенья в составе 10—15 чел.) по возделыванию зерновых культур, за которыми на период полного цикла сельскохозяйственных работ также закреплялись участок земли, техника, им доводились планы производства продукции. Весной 1961 г. в совхозах и колхозах Алтайского края работало 5563 механизированных отряда. За ними было закреплено свыше 80 % посевов зерновых культур.

В животноводстве основной формой организации труда были отраслевые бригады и фермы, входившие в состав комплексных бригад. В 1964 г. в колхозах Западной Сибири насчитывалось 2,2 тыс. животноводческих бригад. В конце 1965 г. в этом же регионе функционировало 2470 колхозных ферм крупного рогатого скота, 749 свиноводческих, 760 овцеводческих и 196 птицеводческих. Масштабы распространения

³ Фактические данные об организации и оплате труда, кроме оговоренных случаев, извлечены из сводных годовых отчетов колхозов и совхозов Сибири.

⁴ ГАНО, ф. 2040, оп. 1, д. 170, л. 7; ГАОО, ф. 1699, оп. 1, д. 3159, л. 55; д. 3160, л. 50—55.

звеньевой организации труда в животноводстве были менее значительны и ограничивались, как правило, молочными фермами, где применялось беспривязное содержание коров, и овцеводческими подразделениями, где исторически сложившимися формами организации труда были чабанские звенья из 3—4 чел.

Дальнейшая специализация колхозного производства привела к возникновению более узкоспециализированных подразделений: строительных, кормозаготовительных, дорожных, по производству семян и т. п. Наряду с этим крупные комплексные механизированные бригады превращались в производственные участки по типу совхозных отделений. Некоторые из них делились, в свою очередь, на бригады и звенья. Возглавляли производственные участки бригадиры. В конце 1965 г. в колхозах Западной Сибири насчитывалось уже 789 производственных участков, в которые входило 746 бригад. Помимо этого, вне участков функционировало 600 тракторно-полеводческих, 951 тракторно-комплексная, 94 тракторных, 126 полеводческих и 1359 комплексных бригад. Средние размеры бригад в середине 60-х гг. не только не уменьшились, но даже возросли. В 1965 г. за комплексной бригадой было закреплено в среднем 1885 га пашни, а в ее составе работало 128 колхозников. В 1960 г.—соответственно 1702 га и 113 чел. Резко уменьшилось число механизированных звеньев (которые ранее специализировались преимущественно на возделывании пропашных культур). К 1965 г. в колхозах Западной Сибири насчитывалось лишь 963 механизированных звена внутри бригад и 102 укрупненных комплексных звена вне бригад.

Показателем усиления процесса специализации колхозного производства стала организация с начала 70-х гг. отраслевых цехов. Вместо комплексных подразделений (участков, бригад) создавались специализированные цеха, возглавляемые

главными специалистами, в первую очередь растениеводческие, животноводческие и механизации, а также зерновые, кормопроизводства, молочные, мясные и т. п. Цеховая организация производства позволила шире привлекать к руководству главных специалистов, которые ранее выполняли в основном консультативные функции. С ликвидацией так называемых «неперспективных» деревень и сведением колхозного производства в центральные усадьбы надобность в территориальных подразделениях отпадала, что облегчало процесс отраслевой концентрации. Там же, где отдельные селения в составе колхозов сохранялись, отраслевая структура в ее чистом виде не приживалась и наряду с цехами существовали комплексные территориальные единицы (бригады и даже производственные участки).

В 1975 г. в колхозах Сибири насчитывалось 233 отраслевых цеха, к 1980 г. их количество выросло до 358. Внутренняя структура колхозов, в силу их меньших размеров, была менее дробной, чем совхозов. Так, в 1980 г. на один западно-сибирский колхоз приходилось 1,2 производственных участка, 0,3 отраслевых цеха, 3,0 бригады, тогда как в совхозе того же региона насчитывалось в среднем 3,2 отделения, 0,2 цеха и 8,0 бригад. Всего в 1037 совхозах Западной Сибири в 1980 г. было 3334 отделения, 260 отраслевых цехов и 491 самостоятельная бригада.

Наряду с организационными формами сельскохозяйственного производства изменялась и система оплаты труда колхозников. На рубеже 50—60-х гг. система распределения в большинстве колхозов Сибири строилась по остаточному принципу. Фонд оплаты по труду твердо не фиксировался, а ее уровень не был гарантирован. В качестве оплаты по труду выдавалась часть общего дохода, которая оставалась после вычета налогов, страховых платежей, материальных и денежных затрат на производство продукции, отчислений

в неделимые фонды. Действовавший порядок связывал размер оплаты с конечными результатами производственной деятельности. Вместе с тем низкий общий размер доходов большинства колхозов не обеспечивал выделения достаточных средств на оплату труда. Заработок колхозников определялся только в конце года, а авансирование в течение года проводилось крайне нерегулярно. Нередко случалось и так, что получать в конце года членам колхоза было нечего.

Трудодень в качестве меры затрат труда колхозников в общественном производстве и меры долевого участия в распределении доходов имел в разных колхозах различное содержание, что не позволяло правильно определять себестоимость продукции, производительность труда и справедливую его оплату. Крайне низкие размеры оплаты по трудодням в большинстве колхозов не стимулировали материальной заинтересованности колхозников, затрудняли развитие хозрасчетных отношений. Выход из сложившегося положения в этот период виделся в введении для колхозников гарантированной денежной оплаты труда по аналогии с оплатой труда рабочих совхозов.

Еще в конце 50-х гг. передовые колхозы Сибири стали применять денежную оплату труда с ежемесячным авансированием. Денежная оплата в колхозах отличалась от заработной платы в совхозах тем, что ее размер гарантировало не государство, а сами колхозы с учетом собственных доходов. В этих хозяйствах пересматривались нормы выработки, устанавливались прямые денежные расценки по тарифной сетке. Переход на денежную оплату был непростым делом — успех его зависел от совершенствования экономической работы в хозяйстве на основе введения хозяйственного расчета. Во многих хозяйствах Сибири переход на денежную оплату не был этим подкреплен, и они были вынуждены вновь вер-

нуться к оплате по трудодням или к смешанным формам оплаты.

В 1959 г. гарантированную денежную оплату по Западно-Сибирскому экономическому району (без Тюменской области) применяло 253 колхоза, в 1960 г. — 235, в 1961 г. — 242 из 1218 (в Алтайском крае — 132 из 404), по Восточно-Сибирскому экономическому району — соответственно 234, 197, 213⁵. По всем колхозам, в том числе и применявшим прежние формы оплаты, уменьшалась доля натуральных выплат. С 1960 по 1965 г. доля денежных выплат в общей сумме оплаты труда колхозников выросла с 61 до 76 % (в колхозах с оплатой по трудодням или смешанной оплатой — с 51 до 68 %).

16 мая 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в соответствии с решением мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС приняли постановление «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»⁶. Этим постановлением рекомендовалось перейти на гарантированную денежную оплату труда членов колхозов на уровне тарифных ставок работников совхозов. Указывалось на необходимость производить денежную оплату ежемесячно, а натуральную — по мере получения продукции. Для обеспечения гарантии в оплате труда Госбанку было разрешено предоставлять кредиты (при недостатке собственных средств у колхоза) сроком на пять лет с началом погашения их через три года. Этот порядок кредитования колхозов на оплату труда был сохранен и в последующие годы. Несмотря на то, что государству приходилось тратить значительные средства на организа-

⁵ Буздалов И. Н., Карлюк И. Я., Морозов В. А. Материальное стимулирование и подъем колхозного производства.— М., 1965.— С. 206; сводные годовые отчеты колхозов.

⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 6.— С. 111—113.

цию новой системы оплаты в экономически слабых хозяйствах, введение гарантированного заработка для колхозников в этот период было оправдано прежде всего в плане установления социальной справедливости. Новая система быстро внедрялась в практику. Уже в 1969 г. на гарантированную оплату перешло более 95 % колхозов страны. В Сибири переход осуществлялся быстрее, чем в целом по стране. В ряде областей он был завершен за год. В Омской области уже в июне 1966 г. все колхозы перешли на гарантированную оплату труда.

Переход на гарантированную оплату способствовал быстрой денатурализации заработной платы колхозников. В Западной Сибири уже в 1966 г. удельный вес ее денежной части вырос до 80 %, в 1967 г. — до 91,5, в 1970 г. — до 99,6 %. Аналогичные процессы происходили и в Восточной Сибири. Денатурализация заработной платы, которая отражала в 50—60-е гг. развитие товарно-денежных отношений в деревне, не может быть однозначно оценена положительно. В условиях необходимости сохранения достаточно высоких размеров личного подсобного хозяйства для решения продовольственной проблемы в стране выдача части заработной платы натурой позволяет развивать его без лишних усилий по добычанию и заготовке кормов, сокращает число хищений.

Введение в колхозах единой с государственными сельскохозяйственными предприятиями тарификации работ, применение типовых норм выработки, действующих в совхозах, не только гарантировали ежемесячную оплату труда, но и способствовали сближению оплаты труда в колхозах и совхозах. Если в 1965 г. в Западной Сибири среднемесячная заработная плата колхозника была меньше оплаты труда рабочего совхоза на 26,0 %, то в 1975 г. эта разница сократилась до 20,7, а в 1986 г. — до 9,6 % (в РСФСР — до 16,5 %). В Кемеровской же области в 1986 г. сред-

няя заработная плата колхозников была выше, чем рабочих совхозов, на 3,5 %. В целом с 1965 по 1987 г. оплата труда колхозников возросла в Западной Сибири в 3,9 раза, в Восточной Сибири — в 3,2, в РСФСР — в 3,8 раза (табл. 43).

Рост оплаты труда колхозников был также связан с введением надбавки по районному коэффициенту, с периодическим повышением тарифных ставок, возрастанием минимального уровня заработка сначала с 40 до 60 руб., а затем до 70 и 80 руб. в месяц. Были установлены и надбавки за звание мастер животноводства 1-го и 2-го класса, за классность среди трактористов-машинистов. Широкое распространение в колхозах получила дополнительная оплата: за выполнение плана производства продукции, сверхплановое производство, достижение высоких показателей урожайности, продуктивности животных, перевыполнение сменных норм выработки, сохранение поголовья скота и хорошую его упитанность, высокое качество продукции и т. д. Размеры различных форм дополнительной оплаты периодически повышались.

Вводились и другие меры стимулирования труда, при этом использовался как фонд заработной платы, так и фонд материального поощрения. Увеличивались средние размеры премий. В 1966 г. в Западной Сибири премии были выданы 56,5 тыс. колхозников на сумму 3384 тыс. руб. (средний размер премии — 60 руб.). В 1980 г. сумма премий выросла до 15 527 тыс. руб., а количество их получивших — до 102,8 тыс. чел. (средний размер премии — 151 руб.). Система оплаты труда колхозников стала громоздкой. Снижались удельный вес тарифной ставки. Различного рода доплаты, надбавки, премии начислялись по 10—15 показателям. При этом зачастую они рассматривались не как система материального поощрения, а как формы основной оплаты. Единые государственные тарифы, коэффициенты и нормативы, на ко-

Оплата труда колхозников в 1965—1987 гг., руб.*

Регион	Среднемесячная				В расчете на один рабочий день					
	1965	1975	1985	1987	1965	1970	1975	1980	1985	1987
РСФСР	50	100	166	189	2,54	3,95	4,70	5,69	7,12	8,03
Западная Сибирь	57	122	198	220	2,72	4,43	5,59	6,49	8,73	9,43
Алтайский край	62	128	199	231	3,11	4,86	6,01	6,65	8,92	10,13
Кемеровская обл.	62	116	206	246	2,89	4,60	5,19	6,69	8,12	10,35
Новосибирская »	54	122	192	214	2,50	4,16	5,42	6,49	8,00	8,93
Омская »	50	120	191	205	2,32	4,10	5,49	6,51	7,99	8,72
Томская »	58	126	191	215	2,93	4,39	5,47	6,30	8,76	8,75
Тюменская »	50	115	210	210	2,29	4,94	5,04	6,51	8,45	8,96
Красноярский край	61	120	183	211	2,92	4,57	5,66	6,00	7,87	9,04
Иркутская обл.	76	121	171	200	3,55	4,64	5,40	5,92	7,05	8,21
Читинская »	73	123	176	216	3,28	4,52	5,27	5,96	7,28	8,64

* Таблица рассчитана по сводным годовым отчетам колхозов.

торых строилась заработная плата тружеников села, слабо учитывали разницу в условиях труда, сложность и многообразие работ.

В годы восьмой пятилетки в колхозах СССР темпы роста оплаты труда опережали темпы роста его производительности более чем в 1,3 раза. Сохранилось опережение и в последующие три пятилетки. В 60-х — начале 70-х гг. это вызывалось стремлением поднять жизненный уровень сельских тружеников, сократить разрыв между средним уровнем заработной платы на селе и в городе, общим упорядочением оплаты труда в колхозах. При этом предполагалось, что рост оплаты труда скажется на повышении его производительности, и в дальнейшем темпы роста производительности труда будут устойчиво превышать темпы роста его оплаты. На XXV съезде КПСС была поставлена задача усиления стимулирующей роли заработной платы и премирования колхозников, повышения их зависимости от конечных результатов производства⁷. Однако добиться опережения темпов роста производительности сельскохозяйственного труда над темпами роста его оплаты в конце 70-х — начале 80-х гг. не удалось. Так, в колхозах Западной Сиби-

ри в десятой пятилетке рост производительности труда составил 8,5 %, а оплата труда выросла на 24,6 %. В 1981—1982 гг. производительность сельскохозяйственного труда уменьшилась на 7,4 %, а оплата, напротив, возросла на 11,6 %. В совхозах Западной Сибири отношение темпов роста оплаты труда к его производительности составило за 1976—1980 гг. 1,10, а в 1981—1982 гг. — 1,18⁸.

Превышение темпов роста заработной платы над темпами роста производительности труда нередко приводило к тому, что фонд оплаты труда в колхозах был больше, чем размер валового дохода. В достаточно благоприятном по погодным условиям 1980 г. на оплату труда в колхозах Западной Сибири было истратено 95 % валового дохода. Оптимальные же размеры отчислений в фонд оплаты составляют 60—67 %. В 1982 г. в колхозах Западной Сибири оплата на 14 % (в Омской области — на 26 %) превысила валовой доход хозяйств. При этом необходимо иметь в виду, что часть валового дохода направляется на расширение производ-

⁷ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976.— С. 121.

⁸ Петрушков М. А. Соотношение роста производительности и оплаты труда // Социальные проблемы улучшения использования кадров в сельском хозяйстве Сибири.— Новосибирск, 1984.— С. 118.

ства и в социально-культурную сферу. Конечно, говоря о превышении расходов колхозов над их доходами, следует помнить и об увеличивающейся неэквивалентности обмена между городом и деревней. Рост цен на технику, стройматериалы, удобрения значительно опережал рост закупочных цен. Однако сам факт того, что рост денежных выплат далеко не всегда был связан с увеличением объема сельскохозяйственной продукции и снижением ее себестоимости, безусловно, снижал действительность материальных стимулов. Более того, заработная плата и премии продолжали расти и в то время, когда уменьшалось производство продуктов растениеводства и животноводства.

Колхозники, работавшие в громоздких и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Главная их цель заключалась в последовательном выполнении операций сельскохозяйственного цикла. Колхозник, таким образом, получал деньги за выход на работу, а не за ее итоги. Кардинально поправить положение могло лишь комплексное введение коллективных форм организации и оплаты труда.

В конце 50-х — начале 60-х гг. началось внедрение новых форм организации труда — малых механизированных звеньев, позволявших лучше сочетать личную и коллективную ответственность за конечные результаты работы. Это повлекло за собой соответствующие изменения в формах оплаты труда. Во многих звеньях стали применять аккордно-премиальную оплату труда. Ее суть заключалась в том, что первичному трудовому коллективу с закрепленной за ним земельной площадью устанавливались план производства продукции и фонд оплаты труда. На основе этих двух плановых показателей определялись денежные расценки за единицу веса или стоимости продукции. Оплата труда в течение года производилась в форме аванса, который

начислялся либо за выполнение отдельных работ по сдельным расценкам, либо за отработанное время. В конце года коллективам выплачивалась разница между заработной платой, начисленной по расценкам за произведенную продукцию, и полученными суммами аванса.

Наиболее последовательно оплата труда за произведенную продукцию применялась в механизированных звеньях с аккордно-премиальной оплатой труда и повременным авансированием, т. е. авансированием, связанным с числом выходов на работу. Такие звенья строили свою работу не по ежедневным нарядам на выполнение отдельных заданий, как это принято при индивидуальной сдельщине или сдельном авансировании, почему и получили название безнарядных. В безнарядных звеньях самостоятельно определялись объемы и намечались агротехнические сроки выполнения работ, возрастала заинтересованность в конечном продукте, расширялись границы управленческой самостоятельности.

Одно из первых безнарядных подразделений в Западной Сибири (отряд А. Беккера) было создано в 1964 г. и длительное время успешно работало в колхозе им. Ленина Одесского района Омской области. По его примеру на возделывании зерновых в колхозе были организованы безнарядные звенья А. Кренца и Р. Иордана. В засушливом 1969 г. эти три механизированных звена вырастили урожай, который был на 14 % выше, чем по хозяйству в целом; при этом себестоимость производства на 30—35 % ниже, а нагрузка по посеву на одного работающего в звене в 4,5 раза выше. В колхозе «Путь к коммунизму» Советского района Алтайского края выход валовой продукции в безнарядном звене Н. И. Тупикина на одного работающего оказался наполовину выше, чем в среднем по колхозу.

Успехи первых безнарядных звеньев стимулировали рост их количества. Во второй половине 60-х — нача-

ле 70-х гг. в крае были созданы сотни безнарядных коллективов. Сравнительно широкое распространение они получили в хозяйствах Павловского, Тальменского и Усть-Пристанского районов Алтайского края, Искитимского, Сузунского и Маслянинского районов Новосибирской области, Русско-Полянского, Одесского и Оконешниковского — Омской области. Положительные результаты показали первые опыты перевода на прогрессивную форму организации и оплаты труда не только подразделений, но и целых отраслей в совхозах «Маслянинский» Новосибирской области, «Комсомольский» Омской области, «Сорокинский» Алтайского края.

Несмотря на некоторые сдвиги в развитии безнарядной формы организации и оплаты труда, доля применявших ее подразделений оставалась небольшой и составляла в 1970 г. в РСФСР 4,5 % всех первичных трудовых коллективов. В этом же году в Алтайском крае насчитывалось 365 растениеводческих безнарядных бригад и звеньев, в Омской области — 100, в Новосибирской — 73 (соответственно 13,6, 7,3 и 6,6 % от всех механизированных подразделений). Более того, уже в конце 70-х гг. наметилось уменьшение числа безнарядных бригад и звеньев. В Красноярском крае в 1973 г. было 50, а в 1979 г. — 22 безнарядных подразделения, в Алтайском крае в 1977 г. — 133, в 1981 г. — 90 звеньев. Всего в 1981 г. в растениеводстве Западной Сибири работало лишь 292 безнарядных звена. Не получило широкого распространения применение коллективных форм организации и оплаты труда и в животноводстве.

Наметившийся в конце 70-х гг. спад безнарядного движения был связан с общими процессами застоя в сельском хозяйстве. Превалирующей чертой в осуществлении экономической политики стало ослабление хозяйственных методов управления и усиление централизованного планирования. Это приводило к свертыва-

нию оперативно-хозяйственной самостоятельности сельхозпредприятий, снижению инициативы работников, отсутствию их материальной ответственности за невыполнение плана.

Тенденция свертывания хоэрасчетных отношений предопределила слабую «вживаемость» безнарядной системы. Существенным препятствием на пути ее развития стала сложившаяся практика планирования «от достигнутого». Плановая урожайность устанавливалась с учетом фактически достигнутого уровня. У коллектива, добивавшегося более высокой продуктивности, уровень плановых показателей оказывался выше. В результате была ниже аккордная расценка за продукцию. Завышенные планы в неблагоприятные и даже средние по погодным условиям годы, как правило, не выполнялись. Оплата труда в этом случае зачастую оказывалась ниже, чем у работников, трудившихся на индивидуальной сельщипине. Ограниченной была самостоятельность безнарядных звеньев: они по-прежнему подчинялись бригадирам, управляющим, руководителям хозяйств. Сохранялась жесткая опека в технологических вопросах, в начислении текущих авансов и распределении конечных заработков. Не было создано необходимых материально-технических и технологических условий.

Уменьшению числа безнарядных коллективов способствовало и распространение в конце 70-х — начале 80-х гг. пооперационно-группового метода организации производства, при котором пооперационное разделение труда осуществлялось не только между отдельными работниками, но и между трудовыми коллективами. Во многих хозяйствах внутри производственных бригад, участков, цехов (а то и вместо них) стала создаваться система временных звеньев, отрядов и комплексов. Значительное распространение временные трудовые коллективы получили на кормозаготовках и хлебоуборке. В 1979 г. в Новосибирской области работало 500

кормозаготовительных и 303 хлебоуборочных отряда и звена. В 1982 г. более половины комбайнового парка области было сосредоточено в 1140 звеньях. В состав уборочно-транспортных комплексов на Алтае входили звенья по скашиванию хлеба, его обмолоту, вспашке зяби, подработке зерна, техническому обслуживанию, общественному питанию, культурно-бытовому обслуживанию. В комплексе работало до двух десятков комбайнов, полутора десятков автомобилей, с десятком тракторов. Подобное формирование в глазах вышестоящих администраторов было, безусловно, более солидным и больше соответствовало «битве за хлеб», по псевдвоенной терминологии, нежели небольшой по численности безнарядный коллектив. И хотя во временных звеньях и отрядах применялись коллективные формы оплаты, это не приводило к заметным положительным результатам, так как за коллективами не закреплялась земля, а следовательно, отсутствовало и хозяйское отношение к ней. Производительность труда в связи с этим повысилась незначительно, сроки работ существенно не сократились, зато уровень агротехники во многих случаях еще более понизился.

Нараставшее в начале 80-х гг. падение стимулирующей роли заработной платы работников сельского хозяйства и связанное с этим ухудшение плановой, технологической и трудовой дисциплины заставило партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей обратиться к опыту коллективов с оплатой труда по конечным результатам. Подобные формы организации труда к этому времени получили распространение в строительстве и ряде отраслей промышленности. Именно из этих отраслей в сельское хозяйство и был перенесен термин «коллективный подряд» (КП). Безнарядные коллективы стали возрождаться под названием «подрядные». Новый термин точнее выражал существо отно-

шений между администрацией сельхозпредприятий и трудовыми коллективами, на условиях договора выполнявшими цикл работ, необходимых для производства продукции.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства продукции и повышении ее качества», принятом на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, предусматривалось повсеместное внедрение в сельскохозяйственное производство КП, улучшение условий для формирования первичных подрядных подразделений⁹. Дальнейшую конкретизацию вопрос массового внедрения КП получил в решениях белгородского Всесоюзного совещания по коллективному подряду (1983 г.). Выступая на нем, М. С. Горбачев указал, что 1983 г. «должен стать началом этапа массового внедрения КП с тем, чтобы к концу пятилетки эта прогрессивная форма организации и стимулирования труда прочно вошла в практику колхозного и совхозного строительства»¹⁰. После майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и Белгородского совещания увеличилось число и возрос удельный вес подрядных подразделений в сельском хозяйстве страны. В 1982 г. число работающих на КП составляло немногим более миллиона, а в 1986 г. — более 11 млн чел.¹¹

Аналогичные процессы происходили и в Сибири. В Новосибирской области в 1982 г. количество подрядных росло до 116, т. е. по сравнению с коллективов в растениеводстве воз-

---

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд. — М., 1987. — Т. 14. — С. 329—331.

¹⁰ Горбачев М. С. Коллективному подряду на селе — широкую дорогу // Коллективный подряд на селе. — М., 1983. — С. 32.

¹¹ Сельская жизнь. — 1987. — 25 явл.

1981 г. почти в 2,5 раза. Существенный скачок в развитии подрядных отношений в регионе произошел в 1983 г. В этом году в Западной Сибири на КП трудилось 9,1 тыс. бригад и звеньев, в том числе в растениеводстве 3,7 тыс., в животноводстве — 5 тыс. первичных трудовых коллективов (соответственно 42,2 и 29,8 % от их общего числа); в Восточной Сибири насчитывалось почти 9 тыс. подрядных подразделений. В 1987 г. в Сибири в колхозах и совхозах всех систем имелось уже 36,6 тыс. коллективов на КП. В Западной Сибири в этом году подрядными отношениями были охвачены 58 % работников сельского хозяйства, которые обслуживали пашни 84,6 %, крупного рогатого скота на откорме — 46,4, коров — 67,7, свиней — 67,9, овец — 89,2 %. Подрядные подразделения произвели около 71 % валовой сельскохозяйственной продукции¹².

В целом производственные показатели подрядных коллективов были выше, чем в бригадах, по-прежнему работающих на индивидуальной сдельщине. Однако эта разница по сравнению с первыми положительными опытами применения коллективных форм организации труда заметно уменьшилась. Не оправдались и надежды на существенный рост сельскохозяйственного производства, связанный с массовым внедрением КП. Более того, в Новосибирской области, например, в районах с наибольшим распространением КП темпы прироста сельхозпродукции в 1985 г. были ниже как среднеобластных, так и достигнутых в тех районах, где подряд был развит менее всего. В 1984 г. в Красноозерском, Баганском, Куйбышевском районах урожайность в бригадах, работавших на обычных условиях, была выше, чем в подрядных.

В чем же причина недостаточно

высокой эффективности коллективного подряда? Прежде всего в преобладании административно-командных методов управления и сохранении за экономическими рычагами вспомогательной роли. Слабым оружием в борьбе с администрированием оказались договоры подряда. Администрация колхозов и совхозов их постоянно нарушала. В 1984 г. лишь 7 % членов подрядных подразделений, опрошенных социологами ИЭиОПП СО АН СССР, отметили, что никаких нарушений договорных обязательств со стороны руководителей хозяйств не допускается; указали, что руководители отвлекают членов бригады на другие работы, не оговоренные в договоре, 73 % опрошенных; что дают распоряжения в обход бригадира, вмешиваются во внутренние дела бригады — 56; что не обеспечивают ремонта техники и снабжения запчастями — 41; что допускают нарушения в оплате труда (снижают премиальный фонд, расценки и т. д.) — 32 %¹³. Кроме того, самостоятельность подразделений, работающих на КП, изначально ограничена. Земля и другие средства производства за коллективом на длительный срок не закрепляются, право их использования по собственному усмотрению не оговаривается, не предоставляется также достаточная самостоятельность в решении технологических и экономических вопросов. У коллектива практически отсутствует право выбора средств производства.

Следует иметь в виду и рафинированность первых подрядных подразделений. Они возникали по инициативе снизу, состав их был выравненным по трудовым признакам. Имели они и более высокий уровень технического обеспечения, производственной самостоятельности. При массовом переводе коллективов на подряд о добровольности как принципе его организации говорить уже не приходилось. Становление и развитие КП

¹² Развитие коллективного подряда в колхозах и совхозах РСФСР в 1987 г.— М., 1988.— С. 21—22.

¹³ Социально-экономическое развитие сибирского села.— Новосибирск, 1987.— С. 254.

проходили в условиях навязывания колхозам и совхозам строго контролируемых планов, необоснованно форсирующих перевод подразделений на подряд. Хозяйства, не готовые к реальному введению новых форм организации труда, иногда отчитывались о несуществующем КП. Помимо прямых приписок, распространение получил переход на подряд без перестройки принципов хозяйствования и управления. Иллюстрацией может служить рост средних размеров подрядных коллективов. В 1984 г. среднегодовая численность одного подразделения на КП в растениеводстве Западной Сибири составляла 14 чел., а в 1985 г. — уже 28 чел. (в Омской области — 37 чел.). Оптимальные размеры подрядного коллектива были превышены, что привело к снижению эффективности этой формы организации труда.

Из-за сложности определения трудового вклада каждого работника в общие результаты возникали трудности в распределении коллективного заработка. В силу административного соединения в подрядном коллективе работников с различным отношением к труду и разной квалификацией используемый в первых подрядных коллективах выравненный повременный аванс потерял справедливость, так как выравнивал оплату неравно работающих. В связи с этим стал вводиться коэффициент трудового участия (КТУ). Для получения повременного аванса с учетом КТУ коллективу необходимо было по каждому работающему вести ежедневный учет целого ряда частных показателей, где на первом месте находилась дневная выработка. Таким образом, вновь, но уже на ином, более усложненном уровне возвращались к сдельной индивидуальной оплате.

Оплата труда, связанная только с выходом продукции, не стимулирует стремление к уменьшению затрат на производство. Даже в передовых коллективах рост объемов сельхозпродукции часто сопровождается повышением ее себестоимости, а темпы

роста заработной платы опережают темпы роста производительности труда. Так, по подрядным подразделениям Колыванского района Новосибирской области в 1988 г. оплата труда выросла на 95 %, а его производительность — на 31 %. В 1983—1985 г. в колхозах Алтайского, Красноярского краев, Тюменской, Иркутской и Читинской областей рост производительности труда по-прежнему отставал от его оплаты. Таким образом, в первой половине 80-х гг. подрядный механизм как противозатратный практически не действовал. Снижалась эффективность КП и невключенность в подрядные отношения руководителей и специалистов, которые получали твердые, неизменные при любом варианте плановой дисциплины оклады. Принципы работы подрядных подразделений, организованных в основном в полеводстве и животноводстве, не были согласованы с другими службами и отраслями хозяйства.

В связи с тем, что массовое внедрение КП не принесло желаемых результатов, с 1985 г. была развернута работа по совершенствованию подрядных отношений. Большое внимание при этом уделялось оптимизации размеров подрядных коллективов. Уменьшались размеры подрядных бригад, интенсивно развивались различные формы мелкогруппового подряда.

Модель одного из подрядных подразделений, сочетающая предельно малые размеры с обязательным применением интенсивных технологий и обеспечением высокопроизводительной техникой, была создана еще в 1983—1984 гг. учеными СО ВАСХНИЛ. Первые подобные подразделения, получившие название КИТов — коллективов интенсивного труда (сейчас в ходу названия «коллектив интенсивной технологии», «коллектив высокопроизводительного труда»), были созданы в 1985 г. в совхозе «Большевик» Ордынского района и совхозе «Обской» Новосибирского района. Обнаруженные ре-

зультаты работы первых КИТов показали существенное возрастание в них производительности труда. Звено братьев Кожуховых из колхоза «Большевик» в 1985 г. в расчете на одного работника произвело 620 т зерна и на 62 тыс. руб. продукции, что значительно превышало среднехозяйственные, а тем более среднерегionalные показатели. Внутренние результаты деятельности первых КИТов сразу же получили высокую оценку¹⁴. Это, в свою очередь, вызвало их массовое распространение. В 1986 г. в Новосибирской области функционировало 5 КИТов, в 1987 г. — 112, а в 1988 г. — уже около 600.

Однако формального подхода не избежала и эта модель организации труда. Договоры с КИТами часто заключаются не на длительный период, а на год и даже на сезон. Не везде за ними закрепляется севооборот, не всем хватает техники. Как показал опрос, 37 % руководителей КИТов в Новосибирской области жаловались на нарушения договоров со стороны администрации. Отмечается переброска членов КИТов на другие работы. Иногда без всяких оснований к КИТам относят подрядные, а порой и не подрядные коллективы в составе 10—15 и даже 20 чел., где авансирование идет по нормо-сменам и другим количественным показателям. В ряде случаев КИТами называют даже звенья в животноводстве, в которых вообще преобладает ручной труд.

В этих условиях ожидаемого тиражирования высоких показателей первых КИТов не произошло. К тому же коллективы высокопроизводительного труда сами по себе не создавали

противозатратного механизма. Более того, во многих из них значительный рост производительности труда сопровождался еще более значительным ростом заработной платы. Любая форма КП недостаточно эффективна без отработанной системы учета затрат, без связи с валовым доходом хозяйства.

В связи с этим важное значение приобрело совершенствование подрядных отношений через внедрение развитых форм внутрихозяйственного расчета. На КП наряду с полеводческими и животноводческими переводились все вспомогательные службы, специалисты и руководители. Противозатратный механизм в большинстве случаев организовывался на основе чековой формы контроля, при которой до первичного коллектива доводится не только плановое задание, но и лимит затрат. Контроль за затратами в этом случае осуществляется на основе чековой книжки. С помощью чеков подрядное подразделение производит взаиморасчет с партнерами по хозяйству. Стимулом снижения затрат является выплата сэкономленных средств. В 1987 г. в колхозах Сибири нормативно-чековую систему планирования, учета и контроля применяло 10,5 тыс. первичных подразделений.

Более последовательному внедрению противозатратного механизма, приданию истинной самостоятельности первичным трудовым коллективам способствует их включение в арендные отношения. Первоначальной формой развития арендных отношений является арендный подряд, суть которого заключается в передаче подрядному коллективу — семье, звену или бригаде — за определенную плату на длительный срок земли и других средств производства для самостоятельного производственного-хозяйственного распоряжения ими. Коллектив, вступающий в арендные отношения с администрацией сельскохозяйственного предприятия, на срок, определенный в договоре, должен наделяться полной самостоя-

¹⁴ См.: Постановление ЦК КПСС «О неотложных мерах по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчета» // Правда.— 1986.— 18 дек.; Речь М. С. Горбачева на июньском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС // Правда.— 1987.— 26 июня; и др.

тельностью в решении организационных, технологических вопросов, в использовании хозрасчетного дохода, образующегося как разница между выручкой за проданную хозяйству продукцию и суммой производственных затрат. (Реализация излишков возможна и на рынке.) Финансовое состояние арендатора полностью зависит от конечных результатов его деятельности. Оплата труда определяется величиной хозрасчетного дохода и его распределением на потребление и накопление. На период, указанный в договоре, арендатор становится многоправным хозяином, над которым нет прямого начальника, регламентирующего его деятельность. У него есть лишь экономический партнер. Хозяйство-арендодатель может вмешаться в дела подрядного арендного коллектива лишь в случае нарушения последним условий договора.

Арендатору не только передаются на договорный срок основные средства производства, он получает и право приобретения этих средств (кроме земли) за счет собственных накоплений или банковского кредита. Таким образом, арендатор может стать собственником части средств производства и по мере увеличения их у него и расширения свободы реализации продукции происходит перерастание отношений арендного подряда в собственно аренду. Подрядный арендный коллектив может служить базой либо кооператива, либо трудового крестьянского хозяйства, обладающих правами юридического лица, имеющих свой счет в банке и распоряжающихся всей произведенной продукцией по своему усмотрению.

Исходя из перспективности арендных отношений, позволяющих в значительной степени преодолеть отчуждение работников сельского хозяйства от средств и результатов труда на основе их реального включения в отношения собственности на средства производства, был взят курс на повсеместное внедрение всех форм арендного подряда (коллективный,

семейный, индивидуальный). Уже в 1988 г. в Красноярском крае работало 550 арендных звеньев, на Алтае — более 1 тыс. семейных арендных звеньев. В Омской области насчитывалось 408 растениеводческих, 513 животноводческих и 22 смешанных арендных первичных трудовых коллектива (8,5 тыс. чел.). На аренду были переведены также 7 ремонтно-технических мастерских и 26 автогаражей.

В Новосибирской области к середине 1989 г. по принципу арендного подряда было организовано 1500 подразделений в 299 хозяйствах (21,5 % пашни, 18 % поголовья крупного рогатого скота и свиней). В 17 хозяйствах на арендные отношения были переведены все подразделения. На одного работника арендных коллективов в области в 1988 г. произведено продукции на 22,1 тыс. руб., в то время как в среднем только на 12,3 тыс. руб. В колхозе «Алей» Третьяковского района Алтайского края, в котором все подразделения перешли на аренду, при росте фонда оплаты труда за 1986—1987 гг. на 38,5 % производство валовой продукции увеличилось на 64,5 %. В результате рентабельность возросла с 26 до 46 %¹⁵.

Однако в целом увеличение числа арендных коллективов не сопровождалось столь же внушительным ростом производства сельскохозяйственной продукции. Причины здесь разные. Так, по-прежнему неистребим кампанейский подход к делу. Многие руководители сельскохозяйственных предприятий в условиях давления со стороны партийных и хозяйственных органов, стремящихся ускорить процесс внедрения аренды, объявляли арендными обычные подрядные коллективы. В ряде случаев аренда воспринималась специалистами и счетными работниками только как новая форма учета и контроля. В результате появлялись «арендные» коллективы, в которых применялась сдель-

¹⁵ Сельская жизнь.— 1988.— 6 мая.

ная оплата. Под флагом аренды внедрялись лишь ее элементы. Все это позволило директору совхоза «Назаровский» Красноярского края, председателю Комитета по аграрным вопросам и продовольствию Верховного Совста СССР А. Ф. Вепреву в интервью газете «Советская Россия» от 7 ноября 1989 г. заявить: «То, что мы называем сегодня арендой, — на девяносто процентов липа». Наглядный пример тому — ситуация в Алтайском крае, где из-за формального отношения к делу из 11 колхозов, перешедших в 1988 г. на аренду, в 1989 г. продолжали работать по-новому лишь два.

Опыт внедрения арендных отношений показал также их несовместимость со сложившейся административно-командной системой управления, основа которой — регламентация производства, жесткое планирование, лимитированное распределение ресурсов. Не соответствовала новым условиям и сложившаяся структура хозяйств. Административно-управленческий аппарат колхозов и совхозов, вытесняемый арендными отношениями, оказывал скрытое, а порой и явное сопротивление прогрессивному процессу. Этому на начальном этапе развития аренды способствовало и отсутствие четких юридических гарантий самостоятельности арендных коллективов.

Исходя из необходимости преодоления технологического и экономического диктата со стороны администрации колхозов и совхозов в 1988—1989 гг. были сделаны первые попытки коренной ломки существующей структуры сельхозпредприятий. В частности, из ряда хозяйств были выделены самостоятельные производственные кооперативы. Пример тому — совхоз «Коммунар» Алейского района Алтайского края, на базе бывшего отделения которого в 1988 г. создан кооператив. Ему передано в аренду 3500 га пашни, 200 коров, 485 голов молодняка крупного рогатого скота. В состав

кооператива вошли 47 постоянных членов, в том числе 5 специалистов, бригадир. Кооператив имеет полную производственную и финансовую самостоятельность, открыл свой счет в Госбанке и производит все расчетные операции. Оплата труда его членов основывается на остаточном принципе. Аналогичный кооператив из 134 чел. создан на базе отделения колхоза им. XX партсъезда в д. Мосты Искитимского района Новосибирской области.

Кооперативный механизм взаимодействия между первичными трудовыми коллективами начал отработываться в совхозах «Крутишинский» Новосибирской области, «Восход» Кемеровской области, «Мазаловский» Томской области, колхозах им. Я. М. Свердлова Кемеровской области, «Путь к коммунизму» Косихинского района Алтайского края. В колхозе «Страна Советов» Юргинского района Тюменской области решением общего собрания образовано 22 самостоятельных хозрасчетных подразделения, в том числе 4 фермерских хозяйства. В результате произошло сокращение управленческого аппарата, организованы подсобные производства и промыслы. После передачи средств производства в руки трудовых коллективов начал работать противозатратный механизм. К среднегодовому уровню одиннадцатой пятилетки более чем на треть возросло производство сельскохозяйственной продукции, прибыль увеличилась более чем в два раза. В Читинской области на кооперативную систему полностью переведен целый район — Карымский.

Важным этапом на пути развития арендных отношений стало принятие Верховным Советом СССР «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде», в которых четко оговорены и закреплены права и обязанности трудовых коллективов и лиц, работающих на принципах арендного подряда. Наряду с этим рядом законодательных ак-

тов Союза ССР («О земле», «О собственности») ликвидируется монопольное право существующих сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) на сдачу земли в аренду. Правомочия по распоряжению землей осуществляют теперь Советы народных депутатов, которые предоставляют земельные участки в пожизненное наследуемое владение, пользование или аренду гражданам (в том числе и для ведения трудового крестьянского хозяйства), в коллективное владение, пользование или аренду государственным, кооперативным и общественным организациям.

Таким образом, логика развития коллективных форм организации и оплаты труда привела к необходимости создания таких организационных форм ведения сельскохозяйственного производства, которые в максимальной степени способствуют преодолению отчуждения сельского труженика от земли и других средств производства. Это различные типы внутрихозяйственной аренды, полностью самостоятельные кооперативы и индивидуальные крестьянские хозяйства. На очереди систематическая и последовательная организаторская деятельность по внедрению данных форм трудовых отношений. Однако исторический опыт развития сельского хозяйства в нашей стране показывает, что нельзя излишне форсировать внедрение какой-либо одной организационной формы, нельзя ее абсолютизировать. Различные природные условия, специализация, дифференциация экономического и социального уровня определяют необходимость применения соответствующих форм организации труда. Даже в пределах одной формы отдельные вопросы (размеры, объем закрепленных средств производства, применение вспомогательного найма, распределение доходов и т. п.) могут решаться по-разному. Право выбора должно оставаться за трудовыми коллективами или отдельными работниками, при этом следует сохранять свободу выбора.

2. Производственная активность

В 60-е — первую половину 80-х гг. в качестве одного из основных стимулов трудовой активности рассматривалось социалистическое соревнование. Основными нормативными документами по его организации в этот период являлись постановление Президиума ВЦСПС от 23 сентября 1966 г. «Об улучшении организации социалистического соревнования»¹⁶ и постановление ЦК КПСС от 31 августа 1971 г. «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования»¹⁷. В постановлении ЦК КПСС социалистическое соревнование называлось «эффективным методом подъема производительных сил, совершенствования производственных отношений, воспитания трудящихся, привлечения их к управлению производством»¹⁸.

В начале 60-х гг. основными видами социалистического соревнования на селе были Всесоюзное соревнование за увеличение производства мяса и молока на 100 га пашни и других сельскохозяйственных угодий и Всесоюзное соревнование за увеличение производства зерна. Большое внимание уделялось увеличению массовости соревнования. Если в 1959 г. в нем участвовало до 75 % работающих в сельском хозяйстве Сибири, то к 1964 г. — уже около 86 %¹⁹.

В конце 50-х гг. в сибирской деревне появились первые бригады коммунистического труда. В 1961 г. в Омской области таких бригад насчитывалось 113, в Новосибирской —

¹⁶ Сборник постановлений ВЦСПС. Июль — сентябрь 1966 г. — М., 1966. — С. 51—59.

¹⁷ КПСС в резолюциях... — Т. 12. — С. 138—146.

¹⁸ Там же. — С. 138.

¹⁹ Здесь и далее данные о массовости социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду извлечены из статистических отчетов областных и краевых комитетов профсоюза.

58, в Алтайском крае — 123 (в том числе в колхозах — 46). К 1963 г. в целом по Сибири число бригад коммунистического труда выросло до 1160. К этому времени в движение за коммунистический труд включилось 10,5 % членов профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок, примерно четверти из них (27 626 чел.) было присвоено звание ударника коммунистического труда. На данном этапе развития движения особое внимание уделялось бригадной форме, так как предполагалось, что переход от социалистического труда к коммунистическому может произойти на основе совместной производственной деятельности. Обязательным условием участия в движении была взаимопомощь, заключение между производственными ячейками договоров о коммунистическом содружестве. И звание бригады (фермы, отделения, предприятия) коммунистического труда должно было присваиваться лишь в случае выполнения этого договора. Коллективы и ударники коммунистического труда включались в шестидесятилетнюю программу, выходящую за пределы пятилетнего плана. Примеру Валентины Гагановой, перешедшей в отстающую бригаду, чтобы сделать ее передовой, последовали в Сибири в 1963 г. 682 работника сельского хозяйства.

Несмотря на кажущуюся активизацию социалистического соревнования, его эффективность как стимула трудовой активности в начале 60-х гг. была низкой. Сравнительно высоких производственных показателей достигали лишь отдельные трудовые коллективы. Нарушения принципа материальной заинтересованности тружеников деревни, широко распространившаяся практика волюнтаристического руководства резко ограничивали поступательные возможности развития сельского хозяйства. Негативные явления в хозяйственном механизме были усугублены рядом засушливых лет. Существенно упали валовые сборы зерна. Практически не росли производственные показате-

тели в животноводстве. Трудовая нагрузка в среднем на одного трудоспособного колхозника уменьшилась в Сибири с 239 чел.-дней в 1960 г. до 224 чел.-дней в 1965 г.²⁰ Резко усилился миграционный отток из деревни.

Организации социалистического соревнования и движения за коммунистический труд были присущи существенные недостатки, главные из которых — формализм и администрирование. Не было условий для повторения передового опыта. Коллективы и отдельные работники включались в движение за коммунистический труд без должной подготовки, их обязательства ничем не отличались от обязательств других участников соревнования. Почетные звания присваивались поспешно, необоснованно. Несмотря на это, вышестоящие органы всемерно форсировали развитие движения. Отрицательно воздействовала на уровень трудовой активности завышенность производственных планов и социалистических обязательств, навязываемых трудовым коллективам. В 1962 г., например, производственно-финансовый план по колхозам Алтайского края был выполнен лишь на 51 %, в острозасушливом 1963 г. — на 33, в относительно благоприятном по погодным условиям 1964 г. — на 80 %.

Усилившееся после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС внимание к сельскому хозяйству, увеличение капитальных вложений, рост оплаты труда положительно сказались на уровне трудовой активности работников сельского хозяйства Сибири в годы восьмой пятилетки. Выросло производство продукции, были выполнены и перевыполнены пятилетние планы многими хозяйствами, районами, областями и краями региона. Среднегодовая валовая продукция по Сибири в 1966—1970 гг. в сравнении с предыдущим пятиле-

²⁰ Количественные параметры трудовой активности сибирских колхозников, кроме оговоренных случаев, рассчитаны по сводным годовым отчетам колхозов.

тием выросла на 20 %. Труженики Красноярского края выполнили задания восьмой пятилетки по объему производства к 23 ноября 1970 г. В Омской области пятилетние планы по продаже сельхозпродукции досрочно выполнили 13 сельских районов. Среднегодовая трудовая нагрузка на одного колхозника возросла в Западной Сибири с 222 чел.-дней в 1965 г. до 234 чел.-дней в 1970 г.

Рост производства сельскохозяйственной продукции был продолжен и в начале 70-х гг. Особенно заметных результатов достигли в 1972 г. хлеборобы региона. Жатва 1972 г. разворачивалась в обстановке, когда во многих районах страны суровая бесснежная зима, приведшая к гибели озимых, а затем и летняя засуха обусловили значительный недобор зерновых. В Сибири, напротив, был выращен очень хороший урожай. Поэтому цена сибирского хлеба оказалась высока. Однако положение осложнялось поздним, в связи с прохладной погодой в июле, созреванием хлебов, неустойчивостью осенней погоды, полеглостью зерновых на больших площадях. Несмотря на это, ударный труд полеводов, комбайнеров, водителей, наладчиков, работников токов и других специалистов увенчался успехом. Больше всего хлеба государству сдали алтайские хлеборобы. Государственный план и повышенные социалистические обязательства — 4,5 млн т, — принятые накануне жатвы, были выполнены на Алтае 11 октября. После этого было взято и вновь перевыполнено новое обязательство: сдать государству 5 млн т. Колхозы края продали государству 2016,7 тыс. т зерновых и зернобобовых, а урожайность колхозной нивы составила 20,9 ц/га. Всего колхозники Западной Сибири засыпали в государственные закрома более 3,5 млн т зерна²¹. Высокий урожай был выращен в Шушенском районе Красноярского края, Здвинском рай-

оне Новосибирской области, Русско-Полянском районе Омской области. В Новосибирской области более трех планов сдали колхозы «Новая заря» Барабинского района и им. Калинина Купинского района.

Но не все хозяйства Сибири смогли собрать хороший урожай, что было связано не столько с погодными условиями, сколько с плохой организацией труда. В Алтайском крае, например, 37 колхозов и совхозов собрали урожай ниже 12 ц/га. В колхозе «Красное знамя» Калачинского района Омской области урожай составил лишь 12,8 ц/га, в то время как в соседнем колхозе им. Калинина — 21,3 ц/га. Стремясь выполнить и перевыполнить завышенные обязательства, многие руководители буквально выметали колхозные закрома. Несмотря на относительно высокий урожай, в колхозах Новосибирской области на фураж было оставлено на 18 %, а в фонд оплаты труда выделено на 37 % меньше зерна, чем в 1971 г. Кроме того, сложные погодные условия жатвы 1972 г. и связанная с этим высокая влажность зерна затрудняли его своевременное просушивание на зернотоках и хлебоприемных пунктах, которые не были рассчитаны на прием такого количества хлеба. В связи с этим часть зерна не была доведена до потребительских кондиций.

В постановлениях Президиума ВЦСПС от 23 сентября 1966 г. и ЦК КПСС от 31 августа 1971 г. наряду с общей высокой оценкой уровня развития социалистического соревнования был дан и критический анализ накопленного за последние годы опыта. Указывалось, что усилия соревнующихся слабо нацелены на решение задач ускорения темпов роста производительности труда, улучшения качества продукции, укрепления трудовой и общественной дисциплины; отмечались нарушения демократических норм соревнования, формализм, недостаточное изучение и распространение передового опыта. Главной задачей соревнования

²¹ Алтайская правда. — 1972. — 12, 29 окт.; сводные годовые отчеты колхозов.

определялось повышение производительности труда и эффективности общественного производства, рациональное использование трудовых и материальных ресурсов. Выдвигалось требование неуклонно осуществлять ленинские принципы его организации — гласность, сравнимость результатов, обеспечивать возможность практического повторения опыта.

Общеобразующей формой социалистического соревнования во второй половине 60-х — начале 70-х гг. было Всесоюзное соревнование за выполнение и перевыполнение пятилетних и годовых планов производства продукции растениеводства и животноводства. Кроме того, в масштабах всей страны организовывалось соревнование, посвященное встрече знаменательных юбилеев (50-летия Великого Октября, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и т. п.) и партийных съездов. В рамках всесоюзного соревнования в РСФСР, ее областях и краях соревнование разворачивалось по нескольким более частным направлениям. Существовало и несколько его уровней: всесоюзный, всероссийский, областной или краевой, районный, внутрихозяйственный, внутрибригадный. Итоги индивидуального соревнования, проводившегося на основе конкурса «Лучший по профессии», также подводились на всех вышеперечисленных уровнях. Кроме того, в качестве особых форм соревнования функционировали движение за коммунистическое отношение к труду, которое вплоть до середины 80-х гг. признавалось высшей формой социалистического соревнования; движение за высокую культуру земледелия и животноводства; разработка и выполнение личных творческих планов специалистов и руководителей хозяйств; наставничество; движение за качество продукции («десятой пятилетке — высококачественную продукцию»); движение за экономию и бережливость.

По-прежнему росла массовость социалистического соревнования. На 1 июля 1966 г. индивидуальные социалистические обязательства в регионе имели более 1 млн чел., или 87,4 % от всех членов профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок. К концу восьмой пятилетки процент охвата соревнованием вырос почти до 90 %, а к началу 80-х гг. — до 93 % и впоследствии оставался практически стабильным. По РСФСР доля участвующих в соревновании на 1 января 1986 г. составляла 93,8 %.

В 1966—1967 гг. была проведена работа по пересмотру и подтверждению званий «Ударник коммунистического труда», «Коллектив коммунистического труда». Если ранее эти звания присуждались на неопределенный срок, то теперь их нужно было подтверждать ежегодно. Изменилось и наименование движения: речь шла уже не о движении за коммунистический труд, а о движении за коммунистическое отношение к труду. В 1967 г. по двум краям и семи областям Сибири в соревновании за присвоение или подтверждение звания «Ударник коммунистического труда» участвовали около 300 тыс. чел. (23,8 % от числа соревнующихся), из них имел это звание каждый третий. Звание «Коллектив коммунистического труда» было присвоено 2410 бригадам, 813 цехам, фермам и отделениям. К 1976 г. количество ударников возросло до 147,2 тыс. чел., число бригад коммунистического труда — до 3,5 тыс., а к 1986 г. — соответственно до 270,5 тыс. и 3,9 тыс.

На рубеже 50—60-х гг. своеобразной реакцией на широко распространявшиеся нарушения рациональных севооборотов, массовую распашку паров, вызванную этим засоренность полей, водную и ветровую эрозию почв стало движение за высокую культуру земледелия. Его условия предусматривали внедрение научно обоснованных севооборотов, разработ-

ку и осуществление мер борьбы с эрозией, рациональное использование удобрений, своевременную борьбу с сорняками, внедрение высокоурожайных районированных сортов семян. В соревновании за право называться коллективом высокой культуры земледелия в годы восьмой пятилетки участвовали в Красноярском крае 77 колхозов, 37 совхозов, 114 отделений и ферм, в Кемеровской области — 219 тракторно-полеводческих бригад, 20 ферм и отделений колхозов и совхозов, в Алтайском крае — 87 колхозов и совхозов, 704 отделения и бригады. В 1975 г. этого звания на Алтае были удостоены 34 колхоза и совхоза, 167 отделений и бригад.

Значительное внимание партийные, профсоюзные и хозяйственные органы уделяли соревнованию за звание «Лучший по профессии». Трудовое соперничество за наивысшие намолоты среди комбайнеров наиболее успешно протекало в высокоурожайные (1966, 1971, 1972) годы. В 1972 г. 8 тыс. алтайских комбайнеров намолотили за сезон более чем по 5 тыс. ц зерна, а 707 чел. — по 10 тыс. ц и более. Рекордного результата по РСФСР — 25,2 тыс. ц зерна — добился И. А. Максименко из совхоза «Путиловский» Ключевского района. В Красноярском крае правофланговым в соревновании комбайнеров стал Герой Социалистического Труда И. А. Недобитков из совхоза «Енисейский» Минусинского района, взявший обязательство намолотить за сезон 20 тыс. ц и перевыполнивший его на 1 тыс. ц. В Новосибирской области 143 комбайнерам было присвоено звание «Герой жатвы юбилейного 1972 года», а 198 — звание «Мастер жатвы юбилейного 1972 года».

Участвовали в соревновании и животноводы. Чабаны соревновались за наивысший настриг шерсти, скотники и телятницы — за наивысшие суточные привесы, птичники — за наибольший сбор яиц. В Алтайском крае победителям соревнования выдава-

лись премии имени знатных животноводов — Героев Социалистического Труда доярки М. И. Заболотной, свиноводки А. М. Фоминых, птичницы О. В. Гавриленко, чабана А. Я. Лигостаева, мастера откорма скота В. Т. Батлука, пчеловода В. Г. Афонина. Доярки и дояры соревновались за получение от каждой коровы 3 тыс. кг молока и за наивысшие валовые надои от закрепленной группы. В 1972 г. трехтысячного рубежа в Красноярском крае достигли 383 чел. (89 из них надоили более 4 тыс. кг). В Омской области в 1973 г. — 1790 чел. (15 из них надоили более 4 тыс. кг), а в 1975 г. — 1644 чел. (100 — более 4 тыс. кг), в Новосибирской области в 1980 г. — 1186 чел.²²

Ведущее место в соревновании за звание «Коллектив высокой зоотехнической культуры» в Алтайском крае занимал колхоз им. XXII партсъезда Славгородского района. В 1975 г. в колхозе было надоено на одну корову в среднем 2995 кг молока, 82 % его сдано первым сортом. Поставлено более 70 % крупного рогатого скота высшей упитанности. На фермах была внедрена комплексная механизация. Построены и оборудованы два дома животноводов, в которых имелись красные уголки, бытовые комнаты, медпрофилакторий. Животноводы регулярно занимались зоотехнической учебой. Повышена породность скота, в результате чего колхоз в 1976 г. получил статус племенного завода по разведению крупного рогатого скота красной степной породы.

В 70-е гг. приобрело массовый характер движение шефства-наставничества, зародившееся в годы восьмой пятилетки. Вошли в практику договоры о наставничестве, годовые планы трудового содружества наставника и подшефного. В 1974 г. настав-

²² Ильиных В. А. Трудовая активность работников сельского хозяйства Сибири в 1960—1975 гг. // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1988. — С. 160, 172, 174.

ничеством в Алтайском крае было охвачено 8,5 тыс. молодых механизаторов и животноводов. Над ними шефствовали свыше 8 тыс. опытных мастеров. В Красноярском крае в 1980 г. в сельской местности трудились 9,2 тыс. наставников, среди них 29 Героев Социалистического Труда, 166 кавалеров ордена Ленина²³. В целом же охват молодежи наставничеством был недостаточно высок. Так, по 20 районам Алтайского края, подавшим в 1977 г. сведения по аналогичной форме, из 24 тыс. молодых людей до 30 лет, занятых в сфере материального производства, шефов имели 22,4 %²⁴. Да и качество шефства в ряде случаев было недостаточно высоким.

Среди специалистов сельского хозяйства было развернуто соревнование за выполнение личных творческих планов, активизировавшееся после принятия в июле 1972 г. постановления ЦК КПСС «О работе Алтайского крайкома КПСС по повышению роли специалистов колхозного и совхозного производства»²⁵. К весне 1974 г. личные творческие планы на Алтае имели 90,5 % главных колхозных специалистов, в том числе 98,3 % главных агрономов и 95 % главных зоотехников. На их основе в каждом хозяйстве составлялись годовые планы мероприятий по внедрению передовых приемов и новой технологии. Победители соревнования среди специалистов поощрялись как материально, так и морально. В 1972 г. в Алтайском крае в качестве материального поощрения и с целью закрепления специалистов им было продано 3100 легковых автомобилей и 1900 тяжелых мотоциклов. По итогам того же года правительственные награды получили 562 спе-

циалиста сельского хозяйства края²⁶. Вместе с тем личные творческие планы имели далеко не все специалисты, многие из них, как на Алтае, так и в других регионах Сибири, сводились лишь к простому перечислению прямых служебных обязанностей.

Социалистическое соревнование за увеличение производства сельскохозяйственной продукции, повышение культуры земледелия и животноводства в отдельных коллективах развивалось успешно. Благодаря умелой организации труда и хорошей постановке внутрихозяйственного соревнования высоких результатов добивались труженики колхоза «Россия» Змеиногорского района Алтайского края, колхоза им. VII съезда Советов Иланского района и совхоза «Назаровский» Назаровского района Красноярского края, колхоза «Большевик» Ордынского района Новосибирской области, колхоза им. Ленина Аларского района Иркутской области и некоторых других хозяйств. Так, колхоз «Россия» Змеиногорского района в 1967 г. был награжден орденом Ленина и Памятным знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС, в 1970 г.— Ленинской юбилейной почетной грамотой, в 1976 г.— памятным знаком «За трудовую доблесть в девятой пятилетке». В сложных погодных условиях 1975 г. на колхозных полях было собрано 26,4 ц зерна с гектара. Государственный план оказался перевыполнен в два раза. Чистый доход хозяйства составил почти 3 млн руб., из них половина была получена за счет денежных выплат за высокое качество продукции. Успехам передового хозяйства способствовали также повышение уровня жизни колхозников, забота об их материальном благосостоянии. В социалистических обязательствах на десятую пятилетку члены колхоза

²³ Молодые хозяева земли.— Барнаул, 1974.— С. 57; Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895—1980.— Красноярск, 1982.— С. 513—514.

²⁴ ОААК, ф. 7, оп. 7, д. 1102.

²⁵ Справочник партийного работника.— М., 1973.— Вып. 13.— С. 235.

²⁶ Социалистическое соревнование в сельском хозяйстве: Опыт и проблемы.— М., 1974.— С. 65—67.

совместно с жителями Барановского сельсовета заявили о своем стремлении бороться за присвоение селу Барановка звания «Населенный пункт образцового общественного порядка и высокой дисциплины». За 1976—1980 гг. производство сельхозпродукции в колхозе «Россия» выросло на 22 %, производительность труда увеличилась на 33 %. Десятый пятилетний план был выполнен к середине августа 1980 г. По итогам пятилетия хозяйство было награждено памятным знаком «За высокую эффективность и качество работы». Сохраняя за собой на протяжении трех пятилеток переходящее Красное знамя победителя Всесоюзного социалистического соревнования, колхоз получил его в 1986 г. на вечное хранение.

В большинстве же хозяйств активизация социалистического соревнования в конце 60-х — 70-х гг. была лишь видимой. Успехи отдельных коллективов, подлинное ударничество соседствовали с массовыми и все расширявшимися проявлениями заорганизованности, формализма, бюрократизма, приписками. И дело здесь было не в «отдельных недостатках», а в издержках всей системы управления трудом, в которой, как и в экономике в целом, господствовали валовые показатели, практически не соотносившиеся между собой, а иногда и отрицавшие показатели качественные.

Говоря о массовом охвате тружеников села различными формами соревнования, необходимо иметь в виду данные социологического обследования, проведенного в 1976—1980 гг. в 14 регионах страны, в том числе в Омской области и на Алтае, согласно которым только каждый третий опрошенный принимал участие в разработке своих обязательств, а каждый второй не знал, как они выполняются, т. е. в соревновании не участвовал²⁷.

²⁷ Юнак Г. В. Чтобы улучшить соревнование на селе // Социалистическое соревнование.— 1983.— № 3.— С. 12.

Картину кажущегося благополучия создавали прежде всего вполне сознательные приписки, когда в отчетность включались как участники соревнования и даже движения за коммунистическое отношение к труду работники, вообще не имевшие индивидуальных социалистических обязательств. Кроме того, обязательства очень часто навязывались сверху, разрабатывались представителями администрации или профкома. При организации трудового соперничества получила распространение порочная практика составления индивидуальных социалистических обязательств «под копирку». Дояркам, например, проставлялось количество надоев, нередко общим списком. Во многих хозяйствах условия соревнования и обязательства переносились из года в год без каких-либо изменений. Принятие обязательств превращалось в обязательное, но формальное мероприятие. Главное состояло в том, чтобы принять обязательства и отчитаться за это. За снижение охвата соревнованием следовали санкции вышестоящих профсоюзных органов.

В социалистических обязательствах большинства трудовых коллективов отсутствовали качественные показатели: задания по повышению производительности труда, снижению себестоимости, ресурсосбережению. В тех же случаях, когда подобные показатели принимались, их часто не учитывали при подведении итогов. Подведение итогов лишь по валу нарушало принцип сравнимости хозяйственной деятельности, так как в этом случае не анализировалось, какой ценой получена та или иная продукция. В практике организации соревнования преобладал принцип: перевыполнил задание и норму — получи премию, что больше напоминало условия материального вознаграждения за высокопроизводительный труд, нежели условия социалистического соревнования. Подобную премию можно было получить и ни с кем не соревнуясь. Соревнование между областями, районами и

даже хозяйствами не могло служить действенным стимулом улучшения работы труженика, ибо он не видел своего личного вклада в успех или неуспех коллектива, а тем более района или области.

В соревновании за звание «Лучший по профессии» принимали участие лишь немногие передовики, которым создавались идеальные условия: они получали львиную долю самых качественных материальных ресурсов, только на них, по существу, работали специалисты, наладчики. Тем самым нарушался один из основных принципов социалистического соревнования — возможность повторения передового опыта. Рекорды ставились ради рекордов. С одним-двумя передовиками на хозяйство никто не мог и не хотел соревноваться.

В то же время общий успех дела зависел не столько от победителей соревнования, сколько от усилий основной массы трудящихся. Вместе с тем о ее отставании умалчивалось. Слабо был поставлен обмен передовым опытом. Практически отсутствовало соревнование партнеров по АПК. Более того, высокие показатели победителей соревнования среди подразделений «Сельхозтехники», «Сельхозхимии», строительных организаций, например, часто достигались в ущерб обслуживаемым хозяйствам. Обесценивались многие виды морального и материального поощрения. Премии вручались, как правило, мелкими суммами (5—10 руб. и меньше) через кассу, как прибавка к зарплате.

Движение за коммунистическое отношение к труду несло в себе те же издержки. На первый план было выдвинуто соревнование за звание ударника коммунистического труда, которое присваивалось людям, добившимся высоких индивидуальных показателей, практически не связанных с результатами работы коллектива. Тем не менее в практике партийного и профсоюзного руководства существовала установка на все боль-

шее увеличение числа участников движения. Цифры, характеризующие рост числа ударников и бригад коммунистического труда, говорят не о качественном улучшении движения, а о все большем нарастании в нем формализма. Связанное с упрощенными трактовками путей и средств построения коммунизма, движение по сути абсолютно не соответствовало своему названию. 17 декабря 1987 г. Президиум ВЦСПС отменил регулирование в общесоюзном масштабе присвоения звания «Ударник коммунистического труда» и «Коллектив коммунистического труда», вручение единых знаков, удостоверений, вымпелов, а также статотчетность по движению.

Несмотря на низкую действительность соревнования, множественность его форм и направлений постоянно возрастала. В 1963 г. в РСФСР насчитывалось 10 видов Всесоюзного соревнования по сельскому хозяйству, в 1975 г. — 16, а в 1982 г. их число применительно к Сибири достигло 23. Функционировало также 7 видов Всесоюзного социалистического соревнования, 12 всесоюзных и более 40 всероссийских смотров-конкурсов. До двух десятков видов соревнования и смотров-конкурсов учредили подразделения Министерства сельского хозяйства и другие сельскохозяйственные ведомства РСФСР. Существование множества различных видов межобластного, внутриобластного, внутрирайонного соревнования умножало их количество. Кроме того, как на областном, так и на районном уровне постоянно возникали разнообразные, но часто необоснованные и неподготовленные почины, направленные на успешное завершение очередной сельскохозяйственной кампании. Множественность видов соревнования, смотров-конкурсов, починов, нередко дублирующих друг друга, мешала концентрации усилий на решении главных экономических задач. По каждой из функционирующих форм социалистического сорев-

нования существовала обширная отчетность, которой требовали от низовых профсоюзных организаций вышестоящие. Нередко само соревнование подменялось отчетом о нем. В речи на XVIII съезде профсоюзов М. С. Горбачев отметил, что «профсоюзы свыклись с отсутствием настоящей состязательности, с показухой, обилием форм соревнования, в которых нормальному человеку и не разобраться... Подчас даже начинает казаться, что с помощью профсоюз в сферу соревнования запущен некий „бумажный двигатель“, который способен крутиться независимо от того, есть соревнующиеся или их нет. А бумаги идут»²⁸.

Таким образом, массовость социалистического соревнования была фиктивной, демократизм в нем заменен бюрократизмом, его организация являлась фактически не школой управления для широких масс трудящихся, а школой очковтирательства. Соревнование не выполняло своей основной функции — экономической. Оно не было сколько-нибудь заметным стимулом роста трудовой активности работников сельского хозяйства. Основная причина этого связана с господством в советской экономике командно-административной системы, робкая попытка перестройки которой, предпринятая в середине 60-х гг., была вскоре предана забвению, несмотря на выдвижение XXIV съездом КПСС лозунга интенсификации народного хозяйства.

Темпы прироста сельскохозяйственной продукции в Сибири после 1972 г. резко снизились. Нормой на всех уровнях стало невыполнение годовых и пятилетних планов, принятых социалистических обязательств. На сельскохозяйственных предприятиях региона, как и во многих других народнохозяйственных звеньях, отмечались заметное ослабление трудовой дисциплины, повышение текучести кадров, ухудшение отношения к труду, нерациональное расходование сырья, мате-

риалов, энергии. Получали значительное распространение прогулы, опоздания на работу, невыполнение распоряжений руководителей, мелкие хищения, пьянство на производстве и связанные с ним грубые нарушения техники безопасности, которые нередко вели к значительным материальным потерям и даже человеческим жертвам. Ситуация не изменилась и после принятия 13 декабря 1979 г. постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»²⁹. Учетные потери рабочего времени в колхозах Сибири в 1981 г. только за счет прогулов составили 1508 тыс. чел.-дней, или 362,6 дня на 100 работающих. В Алтайском крае за первый квартал 1981 г. 28 тыс. работников сельского хозяйства совершили 50,5 тыс. прогулов, а всего нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка за это время отмечено 34 тыс. чел., из них 16,3 тыс. в возрасте до 30 лет. К этому еще нужно добавить целодневные простои, неявки с разрешения администрации. Из-за потерь рабочего времени и неорганизованности выработка на эталонный трактор при норме 8,4 га в 1980 г. составляла в Алтайском крае 7,7, в Омской области 7,1, в Ермаковском районе Красноярского края 5,4 га.

В большинстве колхозов и совхозов имели место хищения общественной собственности: кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции; использование работниками общественной техники в личных целях — для себя или для оказания услуг частным лицам за плату. Согласно обследованию, проведенному в 1982 г. сотрудниками ИЭОПП СО АН СССР, 74 % опрошенных констатировали наличие хищений в своих коллективах. При этом выяснилось, что работники склонны оправдывать их, называя

²⁸ Правда. — 1987. — 26 февр.

²⁹ Справочник партийного работника. — М., 1980. — Вып. 20. — С. 281—290.

в качестве главных причин плохое снабжение продуктами, кормами для ЛПХ (на это указали 72 % опрошенных), отсутствие серьезного учета и контроля (24 %), в числе ответов прозвучало и следующее: «Так делают все, в том числе и руководители» (15 %). Эти ответы свидетельствуют о негативных сдвигах в экономическом сознании рабочих и колхозников, ослаблении критичности к совершению противоправных поступков. Пример отклоняющегося поведения показывали рядовым рабочим многие руководители хозяйств, допускавшие несправедливость в распределении материальных благ, разного рода нарушения трудовой дисциплины, приписки, использование служебного положения в личных целях и т. п.

В обследованных хозяйствах доля работников, которые в последние два-три года внесли какие-либо предложения по техническому усовершенствованию или улучшению организации производства, составила в среднем 10 %. 40 % опрошенных заявили, что «не видят смысла что-нибудь предлагать, так как не будет поддержки». В структуре мотивов, по которым работники не вмешиваются, если какое-либо дело ведется бесхозяйственно (а это признали 60 % опрошенных), основным является неверие в возможность положительных перемен³⁰. Главная причина низкой трудовой активности, широкого распространения негативных форм поведения заключается в том, что работники сельского хозяйства не включены в управление производством, отчуждены от средств и результатов труда.

На необходимость преодоления негативных тенденций и выхода экономики на плановые рубежи пятилетки было указано на ноябрьском (1982 г.) и июньском (1983 г.) пленумах ЦК КПСС, обращено особое внимание на укрепление партийной, государственной и трудовой дисциплины³¹.

³⁰ Социально-экономическое развитие сибирского села. — С. 247, 251—252.

лины³¹. В соответствии с их решениями 28 июля 1983 г. были приняты постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» и постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины», предусматривавшие меры по повышению дисциплинарной ответственности рабочих и служащих, допускающих нарушения дисциплины, и руководителей предприятий за рациональность использования рабочего времени и достоверность учета его потерь. Введен был и ряд дополнительных льгот и поощрений для передовиков и новаторов производства, а также лиц, длительное время добросовестно работавших на предприятиях и в организациях³². В соответствии с решениями высших государственных и партийных органов была проведена активная, а на начальном этапе (зимой — весной 1983 г.) достаточно жесткая кампания по укреплению трудовой дисциплины. В ее ходе ставка была сделана на преимущественно административные меры, заключавшиеся в максимальном выявлении нарушителей и их строгом наказании. Однако кампания, в основе которой лежала борьба лишь с внешними проявлениями негативных форм поведения и не затрагивались их социальные и организационные причины, имела кратковременный характер.

Более ощутимые результаты в плане укрепления производственной и технологической дисциплины принес комплекс организационных и административно-правовых мер, осуществленных в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма»³³. На многих предприятиях

³¹ Справочник партийного работника. — М., 1983. — Вып. 23. — С. 101—104, 109, 111; Вып. 24, ч. I. — С. 15.

³² Там же. — Вып. 24, ч. II. — М., 1984. — С. 91—99.

³³ Там же. — М., 1987. — Вып. 27. — С. 123—129.

были созданы и успешно функционировали дисциплинарные комиссии, советы профилактики, активизировалась деятельность товарищеских судов, усилилось воздействие сельских сходов на нарушителей общественного порядка. Действенной мерой для преодоления пьянства стало расширение в ряде мест централизованного предоставления коммунально-бытовых услуг: тем самым ликвидировалась оплата этих услуг спиртным. В ходе кампании по борьбе с пьянством сократилось число невыходов на работу, несчастных случаев, снизилась общая преступность. Большинство опрошенных в 1986 г. руководителей и специалистов сельского хозяйства Алтая отметили, что число лиц, появившихся на работе в нетрезвом состоянии, значительно уменьшилось³⁴.

К сожалению, и в этом важном деле не обошлось без кампанейщины. Администрирование, навязывание сверху организации «зон трезвости», резкое, опережающее установленные нормативы снижение продажи алкогольных напитков привели к усилению напряженности платежеспособного спроса, росту самогонварения, во многом дискредитировали решения партии. Предпринятое ЦК осуждение скоропалительности и администрирования в деле борьбы с пьянством в ряде мест было воспринято как своеобразный «отбой» борьбы за трезвый образ жизни. И как следствие этого в конце 80-х гг. вновь зафиксирован рост травматизма и преступности, связанных с пьянством.

С 1983 г. в регионе начался постепенный подъем аграрного производства. Более благоприятные погодные условия, кампания по укреплению дисциплины, развертывание массового подрядного движения при-

вели к подъему производительности труда. В колхозах Алтайского края производительность труда выросла по сравнению с 1982 г. в 1983 г. на 13 %, а в 1984 г. — на 22 %. В колхозах Новосибирской и Омской областей — соответственно на 11, 27 % и 10, 19 %.

После 1985 г. развитие сельского хозяйства проходило в условиях выработки новой аграрной политики, массового апробирования ее различных элементов. Был продолжен постепенный процесс преодоления регрессивных и застойных явлений. Повысилась производительность труда, производственная активность работников сельского хозяйства. Количество убыточных колхозов в 1987 г. сократилось по сравнению с 1985 г. с 202 до 145 (13 % от общего числа). Предпринимались попытки совершенствования системы социалистического соревнования. Значительно сокращено количество форм и видов трудового соперничества. Основным требованием к его организации провозглашалась нацеленность на коренное повышение производительности труда, качества продукции, внедрение достижений науки и техники, ресурсосбережение. В Томской и Новосибирской областях родилась идея организации соревнования «по весовым категориям». Так, в Искитимском районе Новосибирской области доярки соревнуются между собой в составе четырех объединений: «Старт» — для надаивающих менее 3 тыс. кг на одну фуражную корову в год, «Темп» — менее 4 тыс. кг, «Прогресс» — от 4 до 5 тыс. кг, «Подвиг» — более 5 тыс. кг.

Вместе с тем негативные явления в сфере труда и производства в сельском хозяйстве Сибири далеко не изжиты. В 1986 г. в колхозах Новосибирской области прогулы составили 65 тыс. чел.-дней, а неявки на работу с разрешения администрации — 54 тыс. чел.-дней. Фактически в течение года не работало ни одного дня 5,5 тыс. колхозников. В том же году колхозы области заработали 41 млн руб. прибыли.

³⁴ Калугина З. И. Улучшение социальных качеств работников сельского хозяйства — важный резерв повышения трудовой и социальной активности // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1988. — С. 278.

а потеряли от недостач, хищений, падежа, порчи имущества и бесхозяйственности 63 млн руб. Всего в 1987 г. в колхозах Сибири прогулы составили 451 тыс. чел.-дней.

Не было достигнуто и коренного улучшения в организации социалистического соревнования, которое по-прежнему выступало не в форме соперничества между отдельными работниками или коллективами, а в форме обещаний достигнуть определенных производственных результатов. Профсоюзы по-прежнему лишь заявляли о своем включении в ту или иную форму соревнования, разрабатывали на бумаге план мероприятий, отчитывались, а потом забывали о них. Председатель ВЦСПС С. А. Шалаев, посетивший в начале августа 1987 г. Новосибирскую область (в том числе колхоз «Большевик» и совхоз «Приобский» Ордынского района), в интервью газете «Советская Сибирь» отметил: «...недостатков в организации социалистического соревнования очень много... Даже сейчас, в период подготовки к 70-летию Великого Октября, в нем не видно накала. И профсоюзы организуют это соревнование как-то вяло, не инициативно»³⁵.

Перестройка соревнования, превращение его в действенный стимул социалистической предприимчивости возможны лишь в случае отказа от практики организации соревнования сверху. Подобная «организация» не только не помогает, но является главным тормозом для применения социалистического соревнования

«действительно широко, действительно в массовом размере...»³⁶. В условиях рыночной экономики соревнование будет представлять объективный процесс конкуренции между товаропроизводителями (государственными хозяйствами, кооперативами, арендаторами, фермерами) за получение возможно большего хозяйственного дохода, а значит, преимуществ в улучшении жилищных, бытовых и культурных условий жизни. Экономическое соревнование, действуя как объективный процесс, не требует особого «организационного» вмешательства со стороны партийных, профсоюзных и хозяйственных органов. В то же время важное значение продолжает иметь трудовое соревнование — состязание отдельных работников за увеличение вклада в конечные результаты совместной деятельности. Центр тяжести трудового соперничества должен быть перенесен с районного или областного уровня непосредственно в трудовые коллективы. Только это позволит избавиться от «избранничества», т. е. создания передовикам привилегированных условий.

Очищение соревнования от накопившихся в течение многих десятилетий бюрократических деформаций, значительный подъем уровня трудовой активности будут достигнуты лишь при условии включения тружеников села в отношения собственности, превращения их из наемных, «поденщиков» в хозяев земли и производства.

Глава 5

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. Основные тенденции и этапы развития сельскохозяйственного производства

В 60—80-е гг. сельское хозяйство страны переходило от системы хо-

зяйствования, основанной на расширении пространственного базиса, к системе интенсивного использования земельного фонда. Сельскохозяйственное производство Сибири развивалось в русле общих союзных тен-

³⁵ Советская Сибирь.— 1987.— 9 авг.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 35.— С. 195.

денций, однако имело и свои, особенные черты, во многом определявшие как позитивные сдвиги, так и негативные стороны процесса. Об общих для страны и региона процессах свидетельствует изменение площадей пашни и посевов культур. За 1951—1960 гг. площадь пашни в стране возросла на 42,1 млн га (23,6 %), а посевов сельскохозяйственных культур — на 56,7 млн га (38,8 %), прирост за последующие 17 лет составил соответственно 12,0 млн (5,4 %) и 8,5 млн (4,2 %) га. В Сибири площадь посевов сельскохозяйственных культур за 1951—1960 гг. возросла на 12,0 млн га (82,7 %), а в последующем даже сократилась на 0,5 млн га (на 4,5 %) ¹.

Общей тенденцией было также повышение степени централизованного управления сельскохозяйственным производством, во-первых, путем экономического регулирования (инвестиционная политика в рамках государственных программ химизации, водной мелиорации, региональных программ и др.), во-вторых, путем форсированного преобразования значительной части колхозов в совхозы. Последние более жестко, напрямую управляются посредством планирования, инвестирования, материально-технического обеспечения и контроля.

Усилился нажим на колхозы с помощью административных и экономических методов. Колхозы объединялись под эгидой системы управления со всеми ее иерархическими ступенями. На них распространялось также управление путем закупочных цен, тарифов, жестко рекомендуемых норм и расценок. Все это привело к снижению доли колхозно-кооперативного сектора в валовой продукции сельского хозяйства. В Сибири процесс огосударствления сельскохозяйственного производства

совпал по времени с интенсивным промышленным освоением новых районов, формированием в ее северной части крупнейшего в стране топливного комплекса, а также гидроэнергетическим и транспортным строительством. Перевод колхозов в совхозы стимулировался необходимостью более динамичной переспециализации сельскохозяйственных предприятий. Предполагалось создание товарного картофелеовощного хозяйства, а также производство ценных, но малотранспортабельных животноводческих продуктов (яйца, свежее молоко) вблизи вновь создаваемых промышленных центров, с одной стороны, и усиление процессов формирования крупных товарных зон основных транспортабельных продуктов питания (мясо, масло, зерновые, включая товарный зернофураж) в юго-западных районах Сибири — с другой. Помимо этого, огосударствление сельского хозяйства в Сибири обосновывалось задачей подстраховки экономики сельскохозяйственных предприятий как важнейшей продовольственной базы на востоке страны, функционирующей в условиях частых засух и других неблагоприятных природных явлений, а также стремлением сохранить низкий уровень закупочных цен в основных сельскохозяйственных зонах Сибири. Немалую роль играла и слабость материально-технической базы сельского хозяйства, которую надо было укрепить для решения новых задач, не связывая капитальные вложения с реальными доходами и инвестиционными устремлениями колхозов.

В результате политики преобразований была ликвидирована колхозная форма собственности в экстремальных по природным условиям северных районах — национальных политико-административных образований (в Тувинской и Якутской АССР, Хакасской автономной области, северных национальных округах), а также в пригородных зонах крупных промышленных центров (Новосибирска, Тюмени, Томска,

¹ Рассчитано по данным: Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник.— М., 1971; Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник.— М., 1988.

Кемерово, Иркутска и др.). В результате в Сибири произошел существенный сдвиг социально-экономической структуры сельского хозяйства в пользу прямо регулируемого государственного сектора.

Одной из важнейших долговременных проблем развития сельского хозяйства Сибири было наращивание объема производства важнейших видов продукции как союзной специализации (продовольственное зерно, в первую очередь пшеница, молоко для выработки масла, сыров, консервов), так и региональной (мясо, молоко для потребления в цельном и кисломолочном виде, картофель, овощи, яйца, а также зернофураж). Экономической основой, постоянно действующими факторами возрастания объема и модификации структуры сельскохозяйственного производства в пользу биологически более ценных животных продуктов и овощей являлись рост платежеспособного спроса на продукцию за счет повышения денежных доходов и увеличения численности населения Сибири, преимущественно в северных районах; опережающий рост городов с их повышенными требованиями к качеству и разнообразию продуктов питания; повышающийся спрос на высококачественную и транспортабельную продукцию (пшеницу, масло, сыр, сгущенное и сухое молоко, а также мясо и картофель) со стороны прилегающих и близких регионов (Дальний Восток, Средняя Азия), испытывающих возрастающий дефицит в этих видах продуктов. Рост производства важнейших продуктов сельского хозяйства Сибири за 1961—1988 гг. показан в табл. 44.

Период с 1961 по 1965 г. был неблагоприятным и в целом для сельского хозяйства страны, и особенно для Сибири (сказались, помимо общих социально-экономических причин, пагубные последствия засух 1962, 1963 и 1965 гг.). Валовая продукция сельского хозяйства в 1965 г. в сравнении с 1960 г. составила в

Западной Сибири (наиболее пораженной неурожаем) 89 %, в Восточной Сибири — 116, в том числе земледелия — соответственно 65 и 110, животноводства — 116 и 120 %². В известной мере спад в земледелии был связан с исчерпанием ресурса освоения целинных земель. Поэтому основные тенденции развития яснее просматриваются за более длительный период: 1966—1987 гг.

Комплексная оценка этих тенденций произведена, с одной стороны, путем сопоставления региональной и общесоюзной динамики сельскохозяйственного производства (с учетом того, что союзный агропромышленный комплекс развивался далеко не достаточными для решения продовольственной проблемы темпами); с другой — посредством соотнесения темпов роста производства основных продуктов по региону с общественными потребностями.

Анализ показал, что сельскохозяйственное производство в Сибири начиная с 1965 г. характеризуется умеренным ростом: среднегодовой темп прироста составил всего 2,0 % (среднесоюзный — 2,3 %). Многолетнее устойчивое отставание сельского хозяйства Сибири привело к понижению его веса в сельском хозяйстве страны с 8,2 % в 1966—1970 гг. до 7,6 % в 1981—1985 гг.

Наращивание производства сельскохозяйственных продуктов в Сибири проходило крайне неравномерно. Наиболее высокие темпы прироста достигнуты в восьмой пятилетке — 3,7 % (общесоюзный показатель — 3,9 %). Сельское хозяйство Сибири раньше, чем других продовольственных районов страны, оказалось в предкризисном состоянии. В 1976—1980 гг. был получен фактически нулевой прирост валовой продукции (среднегодовой темп прироста составил всего 0,4 %, что могло быть получено, в частности, и через повышение удельного веса животноводст-

² Сельское хозяйство СССР.— М., 1971.— С. 38—40.

Производство продукции сельского хозяйства в Сибири в 1961—1988 гг. (среднегодовой объем)*

Продукция	1961— 1965	1966— 1970	1971— 1975	1976— 1980	1981— 1985	1986— 1988	1986—1988 в % к 1966—1970
Валовая продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	10,6	12,8	14,2	14,6	15,4	17,2	134,4
Зерно, млн т	14,3	19,3	21,5	20,4	19,5	22,6	117,3
Картофель, млн т	6,4	7,3	7,4	6,1	6,0	5,9	80,8
Овощи, млн т	0,9	0,9	1,1	1,1	1,4	1,3	146,5
Мясо (в убойном весе скота и птицы), млн т	0,9	1,1	1,2	1,3	1,4	1,6	151,7
Молоко, млн т	6,5	8,0	8,3	8,5	8,8	9,5	118,6
Яйца, млрд шт.	2,3	2,9	4,3	5,7	6,7	7,6	260,3
Шерсть, тыс. т	34,8	42,3	51,1	53,8	52,3	50,2	118,7

* Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1962 г.— М., 1963; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.— М., 1986; Сельское хозяйство СССР.— М., 1971; Сельское хозяйство СССР.— М., 1988, а также по данным Госкомстата РСФСР за 1988 г., опубликованным в прессе областей, краев и АССР Сибири.

ва, использующего не только местные, но и завозные корма). В последующие два года (1981—1982) объемы сельскохозяйственного производства Сибири резко снизились. Одной из основных причин тому послужили неурожай в ее основных сельскохозяйственных зонах, не компенсированные государственными и региональными резервами кормов. Этот период правомерно считать кризисным: резко упала эффективность сельскохозяйственного производства; его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда снизились; возросла себестоимость продукции. По стране в целом затухание темпов роста сельскохозяйственного производства происходило менее выражено. Самые низкие ежегодные темпы прироста по пятилетиям были получены в 1981—1985 гг. (1,1 % в среднем за год)³, т. е. в период, включающий кризисные 1981 и 1982 гг.

Долгосрочные тенденции выявляют неравномерность развития отраслей сельского хозяйства Сибири. Наибольший прирост продукции за

1970—1988 гг. был достигнут в отраслях, не характерных для его основной специализации или же ориентированных изначально на местное (внутриобластное, внутрирегиональное) потребление. Это касается прежде всего производства яиц, овощей, мяса (особенно птицы и свинины). В целом по Сибири объем производства яиц возрос на 4,7 млрд шт., или в 2,6 раза, овощей — на 426 тыс. т, или на 46,5 %, мяса — на 547 тыс. т, или на 51,7 %. В то же время в основных традиционных отраслях, определяющих аграрную специализацию, — производстве зерна и картофеля, скотоводстве (особенно производстве молока и шерсти) — результативность оказалась значительно меньшей. Объем производства зерна увеличился всего на 17,3 %, молока — на 18,6, шерсти — на 18,7, а картофеля — даже сократился на 19,2 %.

Динамически развивавшиеся отрасли сельского хозяйства Сибири (овощеводство, свиноводство и особенно птицеводство) опирались на новую материально-техническую базу и технологии промышленного (непрерывного или внесезонного) типа. Это потребовало создания адекватных организационно-экономических форм производственных пред-

³ Народное хозяйство СССР в 1985 году: Стат. ежегодник.— М., 1986.— С. 180; Народное хозяйство СССР в 1987 году.— М., 1988.— С. 174.

Прирост валовой продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) по пятилетним периодам (1966—1988 гг.), %*

Регион	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985	1986—1988	Среднегого- вой темп при- роста за 1966—1988
	к 1961—1965	к 1966—1970	к 1971—1975	к 1976—1980	к 1981—1985	
Западная Сибирь	19,9	11,4	2,7	4,4	12,2	2,0
Алтайский край	18,7	12,4	-3,0	0,4	16,2	1,8
Кемеровская обл.	21,4	11,3	-1,2	9,0	10,5	2,0
Новосибирская »	21,8	12,7	0,6	1,2	12,6	1,9
Омская »	21,4	12,5	11,2	3,8	10,8	2,4
Томская »	18,6	4,8	10,2	15,8	16,6	2,6
Тюменская »	17,0	7,8	9,9	10,6	4,3	2,0
Восточная Сибирь	19,1	10,1	1,5	8,0	11,2	2,0
Красноярский край	19,8	10,0	3,6	10,1	8,0	2,0
Иркутская обл.	13,3	7,8	3,9	7,4	13,5	1,9
Читинская »	22,1	14,9	-0,8	1,3	14,6	2,0
Сибирь	19,7	11,0	2,3	5,6	11,8	2,0
СССР	21,3	13,2	9,0	5,5	9,0	2,3

* Таблица рассчитана по данным: Сельское хозяйство СССР.— М., 1971; Сельское хозяйство СССР.— М., 1988; данным за 1988 г. областных, краевых, республиканских (автономных республик) учреждений Госкомстата РСФСР, опубликованным в прессе областей, краев, АССР Сибири.

приятый (комплексы, птицефабрики, тепличные комбинаты, крупные овощеводческие хозяйства на поливных землях и пр.) и формирования сельскохозяйственного работника нового типа, менее универсального, а в ряде случаев узкоспециализированного (каким является, например, оператор на свинокомплексе или птицефабрике), практически не отличающегося от индустриального рабочего или специалиста. К социальным последствиям подобного рода процессов следует, по-видимому, отнести разрушение в последние 15—20 лет традиционного крестьянского хозяйства (даже и обобщественного) в районах развития сельскохозяйственных комплексов индустриального типа и картофелеовощных пригородных зонах, отодвигание его территориально на периферию и на второй план в решении задач, связанных с использованием достижений науки и техники и развитием социальной инфраструктуры.

В начальный период перехода к интенсивным методам ведения сельское хозяйство в силу действия разнообразных факторов и наличия противоречивых условий развивалось далеко не однозначно. С учетом преоблада-

ния тех или иных тенденций роста могут быть выделены четыре этапа современного аграрного развития Сибири.

1. 1966—1972 гг.— быстрое обновление основных фондов и высокие среднегодовые темпы прироста производства (3,7 %).

2. 1973—1980 гг.— преобладание застойных явлений в производстве (среднегодовой темп прироста 0,5%) при быстром росте спроса на ценные продукты питания, возникновение и нарастание напряженности в продовольственном снабжении населения региона.

3. 1981—1982 гг.— распространение явлений кризиса сельскохозяйственного производства (снижение производства на 3,1 % в среднем за год при одновременном увеличении материальных и финансовых затрат).

4. С 1983 г. и до настоящего времени — начало преодоления кризисных явлений и перехода на более концентрированные и последовательные методы интенсификации (среднегодовой темп прироста повысился за 1983—1988 гг. до 3,5 %).

При рассмотрении этапов развития сельского хозяйства возникает

еще один вопрос: насколько различался процесс роста производства по административным районам Сибири. Долгосрочный ретроспективный анализ развития позволяет сделать вывод о незначительности различия в темпах роста между отдельными краями, областями и автономными республиками, образующими этот регион. Из приведенных в табл. 45 данных следует: если исключить Омскую область, имеющую показатели на уровне среднесоюзных, Томскую, у которой показатели чуть выше среднесоюзных, а также Тувинскую АССР с аномально низкими темпами роста, то в этом случае можно говорить, что среднегодовые темпы прироста сельского хозяйства всех остальных краев, областей Сибири и Бурятской АССР находятся в тесном диапазоне 1,8—2,0 %.

Представляется, что равномерность поступательного движения аграрного сектора в его административно-территориальном разрезе определялась действием именно жесткого централизованного планирования, существовавшего в стране до последнего времени, нормативного распределения средств, а также — или прежде всего — инвестиционной и финансовой политикой (имеются в виду выделение безвозвратного финансирования, практика предоставления дотаций убыточной и низко rentабельной продукции и др.). К тому же большую лепту в однообразие внесло преобладание в аграрной сфере Сибири государственного сектора.

В целом сельское хозяйство Сибири, переходя на путь интенсификации, столкнулось с различными трудностями, как общими для страны, так и имеющими региональную специфику (социально-экономическую, технологическую, демографическую), преодолеть которые до 1983 г. не смогло. Лишь в период перестройки оно вступило в этап перехода к новому механизму хозяйствования и создания условий, более благоприятных для интенсивного развития.

2. Переход сельского хозяйства на путь интенсификации

Уже в начале 60-х гг. стало осознаваться, что дальнейший прогресс сельскохозяйственного производства невозможен без перехода на использование средств интенсификации. Эти представления были оформлены и закреплены в материалах мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и последовавших за ним решениях. Сельское хозяйство Сибири вступило в новый этап своего развития — начальный период интенсификации — с восьмой пятилетки (1966—1970 гг.), когда фактически уже закончилось освоение сибирских территорий для сельскохозяйственного использования.

Интенсификация производства, в общем понимании этого явления, есть увеличение масштабов производственной деятельности посредством применения новой техники, технологии, материалов, позволяющих поднять на существенно более высокий уровень производительность труда. К. Маркс писал: «...через известные промежутки времени совершается воспроизводство, — и притом, — если рассматривать его с общественной точки зрения, — воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется только поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более эффективные средства производства»⁴.

Относительно просто вопрос об интенсификации производства, как и сочетании интенсивных и экстенсивных факторов развития, решается в промышленных, особенно перерабатывающих, отраслях, где вполне доступно современными методами выделить долю прироста, полученную за счет прямого наращивания средств прежнего технического уровня, находящихся на данном предприятии (в объединении, отрасли), и соответственно остаток прироста отне-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 24. — С. 193.

сти к результатам интенсификации производства. Гораздо сложнее оценить значимость факторов и эффективность применяемых средств интенсификации в аграрной сфере производственной деятельности людей, где, как известно, в качестве основного средства производства выступает земля. Здесь еще в большей степени, чем при исследовании характера экономического развития в промышленных отраслях, требуется многосторонний анализ, при котором необходимо учитывать зависимость конкретных результатов сельскохозяйственного производства от погодно-климатических условий, а следовательно, вероятностный характер экономических процессов, в том числе и хода интенсификации. Иначе, говоря об интенсификации сельского хозяйства, его эффективности и т. п., следует учитывать, на фоне каких погодных условий был получен определенный хозяйственный результат. Например, восьмой пятилетке, имеющей наилучшие природные показатели производства в Сибири, предшествовала пятилетка, в которой два года — 1963-й и 1965-й — основные земледельческие районы подвергались жесточайшей засухе, причем в 1963 г. засуха в Западной Сибири была вообще наиболее сильной в текущем столетии. В течение же самой восьмой пятилетки, напротив, погодные условия были благоприятными (исключая засушливый 1969 г., в котором засуха все-таки не достигла таких размеров, как в названные выше годы). Поэтому экономическая результативность мер, предпринятых в тот период для подъема сельского хозяйства, должна быть скорректирована на природный фактор функционирования сельского хозяйства.

Однако интенсивный путь развития сельского хозяйства не предполагает каких-то единственно заданных составляющих и может характеризоваться различными сочетаниями факторов, определяющих его: интенсивностью использования основного средства производства — земли, из-

менением отраслевой структуры производства, масштабом и научно-техническим уровнем применяемых средств производства, уровнем профессиональной подготовки кадров, а также степенью соответствия производительных сил и экономических отношений, складывающихся в аграрной сфере.

В целом за 20 лет (1966—1985 гг.) в сельском хозяйстве Сибири произошли существенные перемены. Стабилизировалась площадь пашни на уровне максимальных размеров, достигнутых в 1963 г., — 29,8 млн га. В дальнейшем площадь пашни существенно не изменялась (1970 г. — 28,9, 1975 г. — 29,4, 1980 г. — 29,4, 1985 г. — 29,3 млн га)⁵. Сократилась численность непосредственно занятых в сельском хозяйстве. В 1965 г. среднегодовая численность всех работников совхозов и колхозов (принимавших участие в работе колхозов, без рыболовецких артелей) составляла по Сибири 1716 тыс. чел., в 1983 г. — 1564 тыс. чел. Следует отметить, что после 1980 г. численность занятых в сельском хозяйстве Сибири несколько возросла. В самый начальный период этапа интенсификации происходило довольно быстрое сокращение трудовых ресурсов села. Так, за 1966—1970 гг. численность занятых в колхозах и совхозах уменьшилась на 131 тыс. чел., или на 7,6 %; в последующие десять лет сокращение численности занятых продолжалось, но более низкими темпами (на 89 тыс. чел.). Быстрое сокращение трудовых ресурсов наблюдалось в период подъема сельского хозяйства. Явление это отмечено экономической наукой, но объяснение сводится к демографической ситуации⁶ — важной, однако не единственной состав-

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. — М., 1971. — С. 167; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. — М., 1976. — С. 163; Сельское хозяйство СССР. — М., 1971. — С. 102—103; данные текущей сельскохозяйственной статистики.

⁶ См., например: Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск, 1987. — С. 96.

ляющей. Здесь сыграли роль и другие противоречивые факторы и условия развития: высвобождение рабочей силы, в основном неквалифицированной, занятой сезонно на конно-ручных работах, вследствие механизации полевых и особенно уборочных работ, начавшейся механизации животноводства; продолжавшийся процесс преобразования колхозов в совхозы с более жесткими требованиями приема на работу и одновременно свободой расторжения трудового соглашения; политика хозяйственной централизации и концентрации производства в крупных (перспективных) селах; действие экономического механизма хозяйственного расчета с элементами самоокупаемости и самостоятельности предприятий в ходе осуществления экономической реформы 1965 г.

Сформирована новая материально-техническая база сельского хозяйства, изменена ее структура в пользу более капиталоемких, трудо-, энергоемких отраслей, дающих одновременно более ценную продукцию: животноводства, овощеводства на поливных землях и тепличного. В колхозах, межхозах и совхозах Сибири основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения возросли с 4,7 млрд руб. в 1965 г. до 23,6 млрд руб. в 1985 г., или в 5 раз. Однако рост физических размеров основных производственных фондов, т. е. с корректировкой на их износ и изменение ценностных характеристик в силу известного влияния завышенной стоимости машин, строительных материалов, капитального ремонта и т. д., а также инфляционных процессов, не отражаемых государственной статистикой и требующих специальных экономических исследований, по косвенным признакам, заметно меньше, и соответственно эффективность сельскохозяйственного производства, выражаемая через фондоемкость и фондоокупаемость, иная, т. е. выше или не так низка. В основе преобразований материально-технической базы сельского хозяйст-

ва Сибири лежат самые крупные за все годы Советской власти капиталовложения: в 1966—1985 гг. по всему комплексу работ на развитие сельского хозяйства было направлено 47,1 млрд руб. капиталовложений, из них за десятую и одиннадцатую пятилетки — 31,6 млрд руб., или 67,2 %.

Интенсификация сельского хозяйства находит свое выражение в увеличении выхода продукции в расчете на 1 га используемых сельскохозяйственных угодий, прежде всего пашни. Приведенные в табл. 46 сведения дают представление о динамике процесса интенсификации сельскохозяйственного производства Сибири по экономическим районам. Для сглаживания влияния погодных условий и соответственно выделения действия экономических факторов подсчеты проведены по пятилетним периодам.

Из анализа данных табл. 46 следует несколько выводов.

Сельское хозяйство Сибири вступило в начальный этап интенсивного развития при существенно низкой продуктивности производства, ибо в расчете на 1 га пашни было получено продукции в целом по Сибири на 35,6 % меньше среднесоюзного уровня.

Темпы выхода продукции в экономических районах Сибири на протяжении всего анализируемого периода отставали в среднем на 0,5 процентного пункта в год, в результате чего выход сельскохозяйственной продукции в расчете на 1 га пашни возрос в меньшей мере, чем в целом по СССР.

При некоторой дифференциации темпов интенсификации между отдельными краями и областями прогресс производства по экономическим районам чрезвычайно схож по общей динамике и характеру поступательного движения по пятилеткам. Достаточно сравнить темпы приростов выхода продукции к предшествующей пятилетке, начиная с девятой. По Западной Сибири этот ряд

Рост валовой продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.) в расчете на 1 га пашни по Сибири за 1961—1985 гг., руб.*

Регион	В среднем за год					1981—1985 в % к 1961—1965	
	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985	Прирост	Среднегодовой темп
Сибирь	239	286	314	317	337	41,6	1,7
Западная Сибирь	236	283	318	326	339	43,6	1,8
Алтайский край	201	239	270	261	262	30,3	1,3
Кемеровская обл.	371	451	501	498	548	47,7	2,0
Новосибирская »	241	292	335	338	341	41,5	1,8
Омская »	198	240	271	301	312	57,8	2,3
Томская »	337	399	392	426	494	46,6	1,9
Тюменская »	309	361	400	434	475	53,7	2,2
Восточная Сибирь	244	291	308	301	333	36,5	1,6
Красноярский край	250	299	325	333	366	46,4	1,9
Иркутская обл.	306	347	354	363	388	26,8	1,2
Читинская »	188	229	247	229	232	23,4	1,2
Бурятская АССР	261	319	330	311	363	39,1	1,7
Тувинская »	183	229	224	204	258	41,0	1,7
СССР	371	449	506	548	576	53,2	2,2

* Народное хозяйство СССР в 1985 г. — С. 190, 203; Народное хозяйство СССР за 1971—1984 годы; Сельское хозяйство СССР — М., 1971. — С. 102—103. Данные по регионам рассчитаны по материалам местных (областных, краевых, республиканских — АССР) управлений государственной статистики, опубликованным в периодической печати и статистических сборниках.

чисел будет выглядеть так: 19,9; 12,4; 2,5; 4,0 %; по Восточной Сибири — 19,2; 5,8; 2,3; 10,6 %.

Велика неравномерность наращивания продуктивности сельского хозяйства на протяжении всего периода. Наивысший прирост продукции в расчете на 1 га пашни (47 руб./га) получен в самом начале анализируемого периода, т. е. в момент, когда средств интенсификации было применено немного, а при росте капитальных вложений, резко повышении фондооснащенности, относительно большем применении удобрений, насыщенности техникой прирост выхода продукции с 1 га пашни за 1971—1985 гг. оказался вдвое меньшим, чем за одну восьмую пятилетку. При этом основные производственные фонды сельского хозяйства в расчете на 1 га пашни выросли по Сибири с 230 руб. в 1970 г. до 805 руб. в 1985 г.

Более высокие темпы роста производства связаны с районами нового промышленного освоения и интенсивного развития, форсированием

создания в них продовольственной базы. Это относится прежде всего к Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу (Обь-Иртышской группе областей — Тюменской, Томской, Омской) и Красноярскому краю.

Отмечено усиление дифференциации по уровню использования земли между преимущественно индустриальными областями и регионами, являющимися крупными поставщиками продовольствия. К первым, менее обеспеченным сельскохозяйственными земельными ресурсами, в значительной мере формирующим свои продовольственные и фуражные фонды за счет завоза продуктов, относятся Кемеровская, Томская, Тюменская области. Кемеровская область — единственная в Сибири, где уровень сельскохозяйственного производства в расчете на 1 га пашни близок к среднесоюзному. В то же время даже Алтайский край — крупнейший производитель продовольствия, в том числе для поставок в общесоюзный фонд, — в течение длительного времени развивался темпа-

Чистый вывоз основных продуктов специализации сельского хозяйства юга Западной Сибири в 1970—1985 гг.

Продукты	1970		1980		1985	
	Кол-во, млн т	Доля от объема произв., %	Кол-во млн т	Доля от объема произв., %	Кол-во млн т	Доля от объема произв., %
Зерно	4,7	37,6	4,2	31,2	4,0	31,2
Молокопродукты	1,2	28,9	1,4	31,4	1,3	33,0
Мясопродукты	0,06	12,0	0,12	21,3	0,15	22,0

ми, не обеспечивавшими, при росте спроса и повышении уровня централизованного изъятия, нормального снабжения продуктами собственного населения.

Одной из наиболее действенных причин интенсификации аграрного сектора производства является потребность в улучшении продовольственного обеспечения населения, приведении его в соответствие с потребительским спросом. При этом общие потребности в продуктах питания, производимых в Сибири, формируются под воздействием как местных (региональных) потребностей, так и общесоюзных, в удовлетворении которых сибирское сельское хозяйство, особенно районов юга Западной Сибири (Алтайский край, Омская и Новосибирская области), постоянно играет заметную, хотя и уменьшившуюся в последние годы роль. Так, по оценкам ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, чистый вывоз (разница между вывозом из района и ввозом в район) по югу Западной Сибири сохранялся постоянно на высоком уровне (табл. 47).

При невысоких темпах роста производства в целом ускоренное развитие получили птицеводство, производство (преимущественно за счет переводимых на промышленный тип производств свинины и птицы) и овощеводство. Застойными явлениями (низкой продуктивностью, стагнацией производства и снижением экономической эффективности) характеризуются ведущие отрасли сибирского сельского хозяйства — скотоводство (производство

молока и мяса) и зерновое производство. Практически на протяжении всего периода объем производства этих отраслей колебался близ уровня, достигнутого в 1966—1970 гг.

Отсутствие заметного прогресса в земледелии, базовой отрасли сельского хозяйства Сибири, в частности из-за недостаточности и некомплексности вводимых в действие средств интенсификации, привело в условиях ускоренного роста животноводства к вовлечению в производственный процесс товарных ресурсов зерна. Но уже в начале 70-х гг. и этот источник кормов был исчерпан, что явилось одной из наиболее значительных причин застоя сельского хозяйства Сибири 1973—1982 гг.

Однако независимо от этого повышение удельного веса животноводства в совокупном продукте сельского хозяйства следует отнести к важнейшим структурным изменениям интенсивного типа. Если в 1960 г. доля продукции животноводства в стоимости валового продукта сельского хозяйства Сибири составляла 53,7 %, то в 1966—1970 гг. — 61,2, в 1971—1975 гг. — 62,3, в 1976—1980 гг. — 64,5, в 1981—1985 гг. — 65,3 %. Эта структурная перестройка, а также ускоренное развитие овощеводства повлекли за собой по меньшей мере три следствия.

Во-первых, сельское хозяйство Сибири приняло более заверченный, комплексный вид, в значительной мере отойдя от прежней, довольно узкой специализации на производстве продовольственного зерна и продукции скотоводства. Во-вторых, со-

здались условия для усиления производственно-технологических и экономических связей сельского хозяйства и потребителей его продукции, вплоть до появления элементов интеграции. В частности, это обеспечивается тем, что продукция животноводства (исключая 10—12 % молока, 5—7 % яиц, идущих на цели воспроизводства и восполнения их прямых потерь) и овощеводства почти целиком принимает вид конечной продукции сельского хозяйства. В-третьих, повысилась устойчивость производственных результатов сельского хозяйства в целом. Стабилизирующими факторами все более становятся производство продукции животноводства, кормовая база которого формируется из урожаев двух лет — предыдущего и текущего, и развитие овощеводства на орошаемых землях в закрытом грунте. Поэтому даже при значительном недоборе продукции земледелия в Сибири в 1976—1983 гг. против среднегодовых объемов 1971—1975 гг. (за весь период суммарно 1,5 млрд руб. в сопоставимых ценах 1973 г.) был обеспечен некоторый рост всей продукции сельского хозяйства (среднегодовой темп прироста в этот период — 0,4 %).

В решении продовольственных проблем и структурной перестройке сельского хозяйства Сибири наиболее существенными направлениями развития по пути интенсификации были завершение комплексной механизации зернового хозяйства, полная механизация почвообработки и ухода за посевами других культур, особенно кормовых, перевод ряда отраслей животноводства на промышленную основу, в первую очередь в наиболее технологичных и малооперационных птицеводстве и свиноводстве.

Большую роль сыграло и создание пригородных зон, обеспечивающих крупные города свежей плодово-овощной продукцией, картофелем, молоком, диетическим яйцом. В этих зонах сосредоточены все посевы овощей и картофеля на орошаемых землях, тепличные комбинаты, все пти-

цеводство и свиноводство на промышленной основе. Такой набор производств связан не только с факторами экономически эффективного функционирования, но и с использованием возможностей городов (ресурсы тепла, электроэнергии, наличие систем водоснабжения и очистки стоков, строительные базы и др.).

В современный этап развития сельское хозяйство Сибири вступило, имея материально-техническую базу, соответствующую прежней ориентации на расширение площадей посевов, особенно зерновых, и развитие скотоводства, опирающегося на естественные кормовые ресурсы. При традиционно существующей практике изъятия большого процента товарной продукции из региона это позволяло мириться с отставанием материально-технической базы последующих стадий движения продукта: элеваторно-складского хозяйства, оборудования для переработки молока и особенно мяса на малотранспортабельные, готовые к употреблению продукты и полуфабрикаты.

В начальный период интенсификации состав материально-технической базы сибирского сельского хозяйства характеризовался прежде всего насыщенностью тракторами, зерновыми комбайнами и земледельческой техникой, что было связано с закончившимся этапом освоения земель. Уровень обеспеченности тракторами в расчете на 1000 га пашни составлял в 1965 г. по Западной и Восточной Сибири 177 л. с. (86,8 % среднесоюзного уровня); зерновых комбайнов на 1000 га посевов зерновых культур приходилось 4,3 шт. по Западной и 5,3 шт. по Восточной Сибири против 4,2 шт. по СССР⁷.

Практически отсутствовали химические средства — минеральные удобрения и пестициды. В расчете на 1 га посевов применено в 1965 г. по Западной Сибири всего 2 кг, по Во-

⁷ Сельское хозяйство СССР.— М., 1971.— С. 385, 387.

сточной Сибири 5 кг минеральных удобрений в действующем веществе (по СССР в этом году поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений составляли 28,5 кг/га, а, например, на Украине — 38,8, в Белоруссии — 76,7 кг/га)⁸. Это было связано как с отсутствием производства в Сибири наиболее остро необходимых фосфорных удобрений, так и с тем, что имевшиеся относительно небольшие мощности производства азотных удобрений (сульфата аммония на азотно-туковом заводе в г. Кемерово) оказались традиционно задействованы на поставку в хлопкосеющие районы Средней Азии. Вследствие низкой земледельческой культуры и неистощенности еще в то время почв основных пашенных массивов сибирское сельское хозяйство мало применяло органические удобрения (в среднем по Сибири — всего 0,7 т/га).

Использование мелиорированных земель, точнее, орошаемого земледелия и осушенных земель было развито слабо и носило локальный характер, существенный для хозяйства отдельных районов. Площадь орошаемых земель в Западной Сибири в 1965 г. составляла всего 32 тыс. га, почти целиком это были земли Алтайского края (старая Алейская система). Большие площади находились в обороте под осушенными землями — 218,5 тыс. га, главным образом в Барабе. В целом в Западной Сибири на мелиорированных землях размещалось посевов овощей и картофеля всего 1,0 %, кормовых культур — 0,2 и зерновых культур — 0,08 %. Более заметную роль играло орошаемое земледелие в Восточной Сибири. В силу исторически сложившихся условий освоения засушливых восточно-сибирских степей (в Хакасии, Забайкалье) орошение проводилось здесь прежде всего для создания кормовой базы животноводства (сенокосы, пастбища, кормовые культуры), но имелись и более зна-

чительные, чем в Западной Сибири, посевы зерновых культур на орошаемых землях (в 1965 г. — 56,6 тыс. га). Площадь мелиорированных земель Восточной Сибири в 1965 г. составляла 362 тыс. га, в том числе 296 тыс. га орошаемых⁹.

По уровню применения средств интенсификации сельское хозяйство Сибири к началу современного этапа его развития значительно уступало даже среднесоюзному уровню. По обеспеченности основными производственными фондами (стоимости фондов в расчете на 1000 га сельскохозяйственных угодий) отставание составляло 6—8 лет, по применению минеральных удобрений — 30, по развитию мелиорации (доля мелиорированных земель в сельскохозяйственных угодьях) — более чем 7 лет. В то же время по обеспеченности машинами и механизмами сельское хозяйство Сибири было близко к среднесоюзному уровню или даже чуть опережало его.

В целом материально-техническая база сельского хозяйства Сибири была значительно менее пригодна для перехода к интенсификации сельскохозяйственного производства, чем в среднем по стране. На фоне централизованного, затухающего действия экономического механизма в сельском хозяйстве, а также начавшегося расхождения производственных результатов и доходов общий низкий исходный уровень интенсификации сельскохозяйственного комплекса Сибири лег в основание долговременного отставания и снижения его доли в общесоюзном производстве сельскохозяйственной продукции.

Хотя по всем основным направлениям интенсификации сельского хозяйства Сибири за 1966—1985 гг. произошли существенные сдвиги, вследствие допущенных просчетов в применении средств интенсификации, способов достижения прогресса, диспропорций это не привело к решению поставленных перед сель-

⁸ Народное хозяйство СССР в 1965 г. — М., 1966. — С. 357.

⁹ Там же. — С. 203, 219, 221, 223, 230—231, 235.

ским хозяйством задач. Отражая общее отставание аграрного производства СССР от уровня, достигнутого высокоразвитыми странами Европы и Америки, возросшее в 70-х — первой половине 80-х гг., сельское хозяйство Сибири в условиях меньшей обеспеченности средствами интенсификации начало заметно отставать по темпам роста производства важнейших продуктов (зерна, молока, говядины), технологическому уровню и экономическим показателям, теряя постепенно свои преимущества.

Одной из главных, если не доминирующей составляющей этих факторов явилась сверхцентрализация управления процессом интенсификации — определение приоритетных направлений и зон развития и прямое распределение финансовых и материальных средств без учета реального экономического состояния и заинтересованности в них непосредственно сельскохозяйственных предприятий и объединений.

Преобладание централизованного момента в интенсификации производства, в том числе в выработке региональных ее аспектов, над внутренне присущей, экономической заинтересованностью предприятий и объединений — характерная особенность данного процесса в Сибири в 1966—1985 гг. Эту особенность можно определить как «центрогенную интенсификацию» в противовес «имманентной», вытекающей из законов функционирования предприятия в данных экономических реальностях. На это, в частности, указывает то обстоятельство, что в районах, где наиболее последовательно проводилась инвестиционная и своего рода протекционистская политика по созданию новой производственно-технологической базы (например, в Омской, Томской и Тюменской областях), уже в одиннадцатой пятилетке произошли резкое снижение темпов прироста, замедление и уравнивание с другими областями и краями Сибири показателей урожайности культур и продуктивности животных

и опережающий рост производственных затрат в сельском хозяйстве. При этом качественные показатели сельского хозяйства остались такими же далекими от современных стандартов, как и в районах Сибири, шедших, так сказать, в общем строю.

Основные изменения в размерах применения средств интенсификации сельского хозяйства по экономическим районам Сибири приведены в табл. 48.

Несмотря на отмеченные трудности и диспропорции, в течение двадцати лет в сельском хозяйстве Сибири были достигнуты существенные результаты.

В области механизации сельскохозяйственного производства: достижение в основном комплексной механизации возделывания и уборки зерновых и кормовых культур; распространение машинных процессов в картофелеводстве и овощеводстве; появление энергонасыщенных тракторов (К-700, К-701, Т-150), позволяющих агрегировать широкозахватную и комбинированную технику для проведения почвообрабатывающих работ и транспортировки грузов; механизация трудоемких процессов в животноводстве — доения, приготовления и раздачи кормов, водопоя, уборки навоза, осуществление комплексной механизации трудоемких процессов на животноводческих предприятиях с технологией промышленного типа; энергетизация производственных процессов, прежде всего ускоренное распространение электросилового и электротехнологического оборудования; перевод поливного земледелия на машинный полив.

В области химизации сельского хозяйства: ускоренное, сравнительно с другими факторами, распространение применения минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов (среднегодовой темп прироста применения минеральных удобрений за 20-летний период в целом по Сибири составил 14,3 %); появление и распространение в производственной прак-

Средства и факторы интенсификации сельского хозяйства по экономическим районам Сибири в 1965—1985 гг.*

Показатели	1965		1970		1975		1980		1985		1985 к 1965, (кол-во раз)	
	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.
Основные производственные фонды, млрд руб.	3,1	1,5	4,5	2,2	7,9	3,7	11,8	5,4	16,3	7,4	5,2	4,9
Тракторы, тыс. физ. ед.	113	50	120	59	140	72	146	74	160	79	1,4	1,6
Зерновые комбайны, тыс. ед.	57,0	26,5	58,7	27,1	66,6	30,3	66,8	28,9	75,5	30,7	1,3	1,2
Минеральные удобрения, тыс. т действующего вещества	46	40	104	100	328	165	448	213	842	398	18,3	10,0
Органические удобрения, млн т	12,8	5,8	10,5	5,5	23,1	8,5	27,7	10,1	—	—	—	—
Орошаемые земли, тыс. га	32	296	36	301	143	348	235	340	295	358	9,2	1,2
Осушенные земли, тыс. га	218	66	136	67	216	94	205	106	242	115	1,1	1,7

* Таблица рассчитана по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.; Сельское хозяйство СССР.—М., 1971; Сельское хозяйство СССР.—М., 1988.

тике химических кормовых добавок — карбамида (мочевина) для жвачных животных и кормовых фосфатов в качестве корректирующих кормовой рацион веществ, а также пленочных тепло- и гидрозащитных материалов, прежде всего пленок для закрытого грунта в общественном и личном подсобном хозяйстве и в хранения кормов.

В области мелиорации: появление крупных массивов орошаемых земель в пригородных зонах крупных городов для создания орошаемого овощеводства и интенсификации кормопроизводства; создание орошаемых массивов в засушливых зонах юга Сибири, прежде всего для создания здесь страховых кормовых и семенных ресурсов.

В области селекции и семеноводства: появление в производственной практике сортов интенсивного типа, выше окупающих применение средств интенсификации; замена местного и беспородного скота на породный, имеющий больший молоч-

ный потенциал, прежде всего чернопестрый скот, начало голтинизации — скрещивания с крупным рогатым скотом голштинофризской породы для придания промышленному стаду более ценных свойств по продуктивности и качеству продукции.

В области индустриализации сельскохозяйственного производства: массовое строительство, начиная с середины 60-х гг. яичных птицефабрик в расчете на полное покрытие региональных потребностей городов и промышленных районов; строительство крупных свинокомплексов близ крупных городов, т. е. в районах наиболее концентрированного потребления.

Строительство свинокомплексов на технологических принципах, первоначально на итальянском оборудовании (Чистогорский под Новокузнецком, Кудряшовский под Новосибирском, Малиновский близ Ачинска), началось в девятой пятилетке. Несколько иные технологические принципы производства и другое оборудо-

дование были использованы на головном предприятии фирмы «Омский бекон». Предприятия данного типа мощностью по основному блоку 108 тыс. голов откорма в год (12,0 тыс. т живой массы) стали базовыми в производстве свинины. При низкой себестоимости привеса (100—140 руб./ц) эти производства требовали принципиального изменения материально-технического уровня инфраструктуры сельского хозяйства (ремонтно-техническое обслуживание, тепло- и электроснабжение, комбикормовая промышленность и др.). Одновременно понадобилось обеспечить и совершенно иной уровень экологической защиты (общий выход органической массы от комплекса, состоящего из двух блоков по 108 тыс. голов откорма в год, аналогичен бытовым стокам города с 700 тыс. жителей). Трудные проблемы эпизоотической защиты внутри комплекса и биологической защиты от его воздействия на внешнюю среду остались не решенными на современном этапе, и это поставило ограничение дальнейшему распространению свинокомплексов, несмотря на высокие экономические показатели: прибыльность, низкие затраты, в 3—4 раза более высокую, чем даже в специализированных совхозах, производительность труда.

В региональном разрезе процесс интенсификации сельского хозяйства протекал со значительной дифференциацией. Наиболее быстрое наращивание основных фондов сельского хозяйства было достигнуто в областях Обь-Иртышского региона, а также в Красноярском крае и Иркутской области. Здесь средства вкладывались преимущественно в строительство животноводческих комплексов и подсобных хозяйств промышленных предприятий, создаваемых на вновь осваиваемых территориях, а также в развитие продовольственной базы в южных районах. В этих же целях планировался и обеспечивался выделением ресурсов более высокий уровень

применения минеральных удобрений и других химических средств интенсификации в районах ускоренного индустриального развития (табл. 49).

Процесс мелиорации земель получил распространение в Сибири в сколько-нибудь серьезных масштабах только после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС. На основании его решений началось строительство мелиоративных систем полностью за счет централизованных государственных капитальных вложений, оно захватило преимущественно районы юга Сибири. Ввод в действие оросительных систем и освоение орошаемого земледелия в Сибири начались только в девятой пятилетке, сначала преимущественно по овощным культурам, затем по кормовому производству — в районах, более удаленных от крупных городов, где основная задача виделась в создании кормовой базы животноводства. Так, если за восьмую пятилетку посевные площади овощей на орошаемых участках в Сибири возросли на 6,0 тыс. га (69,0 % всего прироста посевов на этих землях), а кормовых культур — на 5,1 тыс. га, то уже в следующей пятилетке только 7,7 % от общего прироста было отведено под овощные, а 27,7 % — под кормовые культуры при гораздо более существенном расширении площадей под ними (овощных — на 12 тыс. га за пятилетку, кормовых — на 43,9 тыс. га). Суммарно прирост посевов под овощными и кормовыми культурами превысил общий прирост используемых орошаемых земель за счет изменения их хозяйственного использования.

Наиболее значительные приросты ирригационно подготовленных земель за 1966—1985 гг. были достигнуты в Омской области (94,4 тыс. га), где создана самая крупная по размерам Южно-Омская оросительная система, в Алтайском крае (65,1 тыс. га) — за счет второй очереди Алейской, Барнаульской и участков Кулундинской системы, а

Применение минеральных удобрений в расчете на 1 га посева (действующего вещества) в 1970—1985 гг., кг *

Область, край	1970	1980	1985	Прирост за 1971—1985
Районы интенсивного промышленного освоения:				
Кемеровская	11	44	58	47
Томская	23	71	89	66
Тюменская	16	63	67	51
Основные районы производства сельскохозяйственной продукции:				
Алтайский	5	18	31	26
Новосибирская	4	18	33	29
Омская	3	18	41	38
Западная Сибирь	6	26	41	35

* Таблицы 49, 66, 67, 69 рассчитаны по данным Агропрома РСФСР.

также в Кемеровской области (42,0 тыс. га) — путем строительства нескольких средних по размерам оросительных систем (Кемеровская, Ленинская, близ Новокузнецка и Юрги) и создания полей орошения. После 1980 г., по мере осознания необходимости более комплексно решать задачи повышения производительности сельского хозяйства, одновременно с распространением полива обеспечивать применение оптимальных доз удобрений, внедрять системы машин для высокопроизводительного и строго нормированного полива, уборочную технику и т. п., снизались темпы строительства и ввода ирригационных систем. Выявились также отрицательные экономические и экологические последствия ведения земледелия на орошаемых землях Сибири в условиях переменной по годам и сезонам атмосферной влагообеспеченности. К ним относятся распространение явлений засоления и заболачиваемости, недостаточная окупаемость приростом продукции и удорожание вследствие этого самой продукции, снижение в ряде случаев ее качества.

В конце 70-х гг. в Сибири четко определились стагнирующие зоны аграрного производства, в которых темпы роста сельскохозяйственного производства снижались до мини-

мальных, а в отдельные периоды происходило и абсолютное падение его уровня. В этих районах отмечалась наиболее низкая степень интенсификации, низки были и темпы роста применения ее средств. Затяжной застой охватил наиболее значимый по масштабам товарного производства регион — Алтай и Новосибирскую область, а также Забайкалье и Тувинскую АССР.

Проблема экологичности применяемых средств и технологий возникла еще до начала интенсификации сельского хозяйства, однако в практической плоскости не рассматривалась. Поправка на экологичность привела к понижению оценок результативности использования химических средств, строительства мелиоративных сооружений, крупных животноводческих комплексов, а также оценок продукции, полученной с помощью больших доз химических веществ.

На очередь дня выдвинулась задача нового этапа интенсификации сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом — наращивание выхода продукции конечного потребления с максимальным использованием безопасных, преимущественно биотехнологических средств, снижением потерь продукции на всех стадиях ее получения путем развития переработки (в том

числе и непосредственно в хозяйствах — колхозах и госхозах), развитием сферы хранения и реализации.

3. Динамика общественного производства и его эффективность

Сельскохозяйственное производство Сибири, как и страны в целом, со времени коллективизации развивалось в решающей степени на основе общественных хозяйств — колхозов и совхозов. В 60—80-е гг. удельный вес общественных хозяйств Сибири в производстве продукции значительно возрос (табл. 50). По валовой продукции сельского хозяйства он увеличился с 66 до 75 %, мяса и молока — с 62 до 73, шерсти — с 84 до 89, яиц — с 28 до 83, картофеля — с 21 до 26, овощей — с 42 до 60 %; по зерну оставался сто процентным¹⁰.

Повышение доли общественных хозяйств было связано с созданием птицефабрик, а также мясомолочных специализированных комбинатов и пригородных овощных хозяйств, с одной стороны, и снижением производства в личных приусадебных хозяйствах в 60—70-е гг. — с другой. Со второй половины 50-х гг. в производстве сокращалась доля продукции колхозов и повышалась доля продукции совхозов и других государственных хозяйств. Площадь сельскохозяйственных угодий и пашни колхозов сократилась за 1960—1986 гг. примерно в 2 раза (с 32,2 млн до 15,3 млн га угодий, с 15,5 млн до 8,0 млн га пашни); поголовье скота, несмотря на систематическое увеличение его плотности на единицу земельных угодий, уменьшилось на 16 % (с 3250,4 тыс. до 2789,7 тыс.), в том числе коров — на 31 % (с 1166,8 тыс. до 891,8 тыс.), овец — почти в 2 раза (с 7843,5 тыс. до

4035,2 тыс.), свиней — в 2,4 раза (с 1652,9 тыс. до 685,2 тыс.). Если в 1961—1965 гг. среднегодовая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве колхозов, составляла 677,8 тыс. чел., то уже в 1981—1985 гг. — 382,4 тыс., в 1986 г. — 371,6 тыс. чел. Напротив, число совхозов увеличивалось и возрастал объем закрепленных за ними производственных ресурсов. На конец 1960 г. в регионе было 713 совхозов, а в 1986 г. — уже 2530; площадь сельскохозяйственных угодий, закрепленная за ними, возросла с 22,4 млн до 42,6 млн га, пашни — с 12,1 млн до 20,0 млн га; поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 2497,1 тыс. до 6913,9 тыс. голов, в том числе коров — с 884,5 тыс. до 2206,5 тыс., овец и коз — с 3706,1 тыс. до 8848,2 тыс., свиней — с 1227,3 тыс. до 3656,2 тыс. Среднегодовая численность работников, занятых в сельском хозяйстве государственного сектора, возросла с 995,5 тыс. в 1961—1965 гг. до 1046,6 тыс. чел. в 1981—1985 гг. Однако общая численность работников, занятых в общественном сельскохозяйственном производстве региона, за этот период сократилась на 15 %.

Все эти процессы в решающей степени сказались на изменении соотношений объемов производства между колхозным и совхозным секторами (табл. 51). В первой половине 60-х гг. валовая продукция колхозов в сравнении со второй половиной 50-х гг. значительно сократилась, во второй половине 60-х гг. возросла на 11 %; начиная с 70-х гг. вновь происходило ее снижение, хотя темпы его постепенно уменьшались, а в середине 80-х гг. отмечался некоторый подъем. Валовая продукция совхозов непрерывно возрастала (особенно ощутим ее прирост в 1966—1975 гг.). Среднегодовой объем продукции в 1981—1985 гг. в сравнении с 1961—1965 гг. в совхозах увеличился на 92 %, в колхозах — на 7,8 %. Общий объем валовой продукции общественного сектора в сопоставимых ценах

¹⁰ Все приведенные в этом параграфе статистические данные в тексте и в таблицах, кроме особо оговоренных, рассчитаны по сводным годовым отчетам совхозов и колхозов.

Таблица 50

Удельный вес производства колхозов и совхозов в суммарной сельскохозяйственной продукции общественного и личного секторов Сибири, %*

Вид продукции	1961—1965 гг.		1966—1970 гг.		1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1985 гг.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
Зерно	39	61	35	65	30	70	30	70	30	70
Картофель	6	15	4	14	4	14	4	20	5	21
Овощи	7	35	6	37	4	47	4	57	4	56
Молоко	21	41	21	46	20	52	21	53	21	52
Мясо	22	40	20	45	19	53	18	56	15	58
Яйца	7	21	7	38	4	59	1	75	1	81
Шерсть	42	42	39	48	33	56	30	60	27	62
Продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1983 г.:										
Сибирь	23	43	22	47	19	52	19	57	17	58
РСФСР	37	26	36	34	34	38	32	43	30	45
СССР	41	23	40	29	39	32	37	36	35	38

* Таблицы 50—60 рассчитаны по сводным годовым отчетам колхозов и совхозов.

Таблица 51

Динамика валовой продукции колхозов и совхозов Сибири

Годы	Валовая продукция, млрд руб.		Темпы роста, %		Среднегодовой темп прироста (снижения)	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1961—1965	2,5	4,7	100	100	—	—
1966—1970	2,9	6,1	115,2	130,1	2,9	5,4
1971—1975	2,8	7,6	111,9	161,5	-0,6	4,4
1976—1980	2,7	8,4	109,5	178,7	-0,4	2,0
1981—1985	2,7	9,0	107,8	192,0	-0,3	1,4
1986	3,3	10,5	130,7	222,5	—	—

Таблица 52

Динамика валового производства зерна в колхозах и совхозах Сибири (в среднем за год)

Годы	Валовое производство зерна, млн т		Темпы роста, %		Среднегодовой темп прироста (снижения)	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1961—1965	5,6	8,7	100	100	—	—
1966—1970	6,7	12,6	119,1	144,2	3,6	7,6
1971—1975	6,6	15,0	116,6	171,8	-0,4	3,6
1976—1980	6,1	14,3	108,6	163,6	-1,4	-1,0
1981—1985	5,8	13,7	103,3	157,6	-1,0	-0,75
1986	6,9	16,2	122,0	185,4	—	—

1983 г. за 1981—1985 гг. превысил уровень 1961—1965 гг. в 1,6 раза. В 1986—1988 гг. среднегодовой прирост всей продукции в колхозах и совхозах по сравнению с предыдущим пятилетием увеличился в Западной Сибири на 15,5 %, в Восточной Сибири — на 13,7, в РСФСР —

на 13,8 %, в том числе растениеводства — соответственно на 20,9, 11,0 и 11,5 %, а животноводства — на 12,3, 15,2 и 15,5 %.

В колхозах особенно неустойчивым было развитие зернового производства: в 1966—1970 гг. оно возросло на 15,2 %, в последующие полтора десятилетия непрерывно снижалось и лишь в середине 80-х гг. вновь стало увеличиваться (табл. 52).

Посевные площади зерновых в сибирских колхозах со второй половины 60-х гг. имели тенденцию к некоторому снижению, урожайность же при значительном колебании по годам в целом повышалась. В среднем в 1961—1965 гг. колхозы региона засевали зерновыми более 7,1 млн га. В следующем пятилетии площадь посевов сократилась до 6,1 млн га, но повышение урожайности на 39 % позволило существенно увеличить валовой сбор зерна. В девятой пятилетке урожайность возросла еще на 1,9 ц/га, или на 17 %, но сокращение посевных площадей на 1 млн га не позволило сохранить валовой сбор на уровне предыдущей пятилетки. В десятой и одиннадцатой пятилетках посевы зерновых продолжали сокращаться, составив соответственно 4,9 млн и 4,4 млн га. Некоторое снижение урожайности в десятой пятилетке привело к снижению валовых сборов зерна. Только в более благоприятном по погодным условиям 1986 г. благодаря существенному приросту урожайности валовой сбор зерна превысил все предыдущие (среднегодовые по пятилеткам) намолоты. В 1987 г. урожай несколько снизился, но также превосходил среднегодовой уровень за предыдущие пятилетия.

В сибирских совхозах, несмотря на постоянное увеличение площади пашни за счет колхозного сектора, существенного увеличения посевов зерновых не происходило. В 1961—1965 гг. ими было занято в среднем 11,4 млн га, в 1966—1970 гг. — 11,8 млн, в последующие годы — 10,5—10,7 млн га. Объясняется этот

факт постоянным увеличением площадей, занятых под кормовые культуры, а в последние годы и доведением площадей чистого пара до оптимальных размеров. В связи с этим валовой намолот зерна в совхозах определялся в основном его урожайностью. Наибольший прирост урожайности зерновых был достигнут в годы восьмой пятилетки, продолжался он, хотя и значительно меньшими темпами, и в девятой. В последующие две пятилетки урожайность зерновых в совхозах несколько снизилась, уступив колхозной 0,8—1,1 ц с каждого гектара, в 1986 г. эта разница достигла 1,4 ц/га (табл. 53).

В 1986—1987 гг. урожайность зерновых по колхозам и совхозам региона составила в среднем 15,2 ц/га, что на 2,8 ц превысило данные одиннадцатой пятилетки. Среднегодовой намолот зерна по региону оказался более чем на 3,5 млн т больше среднего за предыдущую пятилетку (23,1 млн т). И этот результат был получен при сокращении посевов зерновых на 610 тыс. га.

На протяжении трех пятилеток (1966—1980 гг.) валовое производство картофеля в колхозах сокращалось, при этом урожайность несколько возросла. В 1981—1987 гг. колхозы увеличили производство этого продукта, преимущественно за счет повышения урожайности. Однако его среднегодовое производство не достигло уровня 1961—1965 гг. и составило лишь около трех его четвертей. В совхозном секторе производство картофеля постоянно возрастало, превысив к концу рассматриваемого периода его базовый уровень на 27—36 %. Рост был достигнут преимущественно также за счет повышения урожайности.

Аналогичная, но более контрастная ситуация складывалась и в производстве овощей. В колхозах урожай овощей снизился с 65,3 тыс. т в 1961—1965 гг. до 53,1 тыс. т в 1981—1985 гг., или на 18,7 %. В совхозах урожай увеличился соответ-

Урожайность основных продовольственных культур в колхозах и совхозах Сибири, ц/га

Культура	1961—1965 гг.		1966—1970 гг.		1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1985 гг.		1986 г.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
Зерновые	7,9	7,2	11,0	11,7	12,9	12,4	12,5	11,7	13,2	12,1	16,0	14,6
Картофель	45	50	59	66	66	69	66	78	72	79	81	89
Овощи	56	68	85	94	83	120	83	145	106	179	130	200

венно с 999,7 тыс. до 1266,8 тыс. т. В 1986—1987 гг. производство овощей в колхозах и совхозах возросло по сравнению со среднегодовым в 1981—1985 гг. на 13—16 %.

Повышению урожая картофеля и овощей способствовали принимаемые центральными и местными советскими и сельскохозяйственными органами меры по созданию вокруг городов и промышленных центров специализированных государственных предприятий пригородного типа, в которых концентрировались посевы этих культур. В них, как правило, улучшались условия для использования прогрессивных способов и методов, а также экономической и трудовой помощи города селу, что приводило к значительному росту урожайности.

На продуктивность полей существенное влияние оказали прогрессивные изменения в системах земледелия, в способах обработки почвы и повышения ее плодородия¹¹, а также постепенный отход от шаблонных методов решения агротехнических вопросов. Специалисты и руководители хозяйств начиная с середины 80-х гг. все больше получали право самим решать агротехнические проблемы с учетом природно-климатических, почвенных и других условий хозяйств и их подразделений.

Изменение объемов производства животноводческой продукции по видам в различные периоды происходило неравномерно (табл. 54). Рез-

кий скачок в увеличении производства молока в колхозах произошел в годы восьмой пятилетки, в девятой темпы прироста снизились, а в последующие периоды опять началось постепенное его наращивание. В совхозах валовой надой молока постоянно увеличивался, хотя среднегодовые темпы прироста этого вида продукции угасали. В целом же в общественном секторе региона производство молока к одиннадцатой пятилетке возросло в сравнении с седьмой почти на 57,6 %, в том числе за восьмую — на 32,6 и за остальные годы — всего на 25 %. В 1986—1988 гг. производство молока в колхозах и совхозах увеличилось по сравнению со среднегодовым в 1981—1985 гг. в Западной Сибири на 8,7 %, а в Восточной Сибири — на 16,4 % (в РСФСР — на 13,3 %).

Объемы производства молока зависели от динамики поголовья коров, а также продуктивности стада. Главным источником увеличения производства молока в восьмой пятилетке выступало повышение продуктивности общественного стада, за счет этого фактора получено более 80 % всего прироста с некоторой дифференциацией по колхозам и совхозам (табл. 55). Среднегодовое поголовье коров увеличилось только на 6 %, в то время как удойность возросла почти на 25 %. В девятой пятилетке повышение продуктивности коров было незначительным. Преимущественную роль в увеличении производства молока в целом по общественному сектору стали играть экстен-

¹¹ См. об этом в разделе 1 главы 2 данной монографии.

Динамика валового производства молока и мяса в колхозах и совхозах Сибири

сивные факторы. Среднегодовое поголовье коров возросло в сравнении с восьмой пятилеткой на 8,6%, а продуктивность поднялась всего на 2,5%. В колхозах поголовье сократилось в большей степени, чем возросла продуктивность, и валовой надой несколько снизился, в совхозах же практически весь прирост был получен за счет увеличения поголовья коров.

В последующие две пятилетки весь прирост производства молока обеспечивался за счет увеличения поголовья, годовые удои снижались. Лишь в 1986—1987 гг. дело коренным образом изменилось. Так, в целом в колхозах и совхозах региона среднегодовое поголовье коров в сравнении с одиннадцатой пятилеткой сократилось на 0,9%, а валовой надой молока возрос на 9,1%. Таким образом, весь прирост производства молока за 1986—1987 гг. фактически был достигнут благодаря повышению удойности.

Начиная с восьмой пятилетки и до 1985 г. прирост производства молока в целом по общественному сектору сельского хозяйства Сибири более чем на 52% был обеспечен за счет увеличения поголовья коров и на 48% — за счет повышения продуктивности. Таким образом, оба фактора сыграли примерно одинаковую роль. В колхозах, однако, преимущество было на стороне повышения продуктивности, в совхозах — на стороне увеличения поголовья. Это объясняется не только недостаточной организационной и зоотехнической работой, но и систематическим преобразованием слабых колхозов в совхозы, что привело к тому, что в десятой и одиннадцатой пятилетках удой на корову в совхозах оказался ниже, чем в колхозах, в то время как в седьмой и восьмой пятилетках удойность в совхозах превосходила колхозную на 12 и 7% соответственно. Следует отметить, что кормообеспечение, играющее ведущую роль в повышении продуктивности скота, не могло быть причиной падения годо-

Годы	Молоко						Мясо					
	Тыс. т		Темп роста, %		Среднегодовой темп прироста (снижения)*		Тыс. т		Темп роста, %		Среднегодовой темп прироста (снижения)*	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1961—1965	1402,7	2746,4	100	100	—	—	328,6	601,7	100	100	—	—
1966—1970	1734,4	3766,7	123,6	137,2	4,3	6,5	358,2	796,9	109,0	132,4	1,8	5,8
1971—1975	1716,2	4405,6	122,3	160,4	-0,2	3,2	386,3	1055,0	117,6	175,3	1,5	5,8
1976—1980	1847,8	4617,5	131,7	168,1	1,5	0,9	363,5	1162,8	110,6	193,2	-1,2	2,0
1981—1985	1889,0	4650,7	134,7	169,3	0,45	0,15	340,0	1299,6	103,5	216,0	-1,35	2,25
1986	2058,1	5018,5	146,7	182,7	—	—	379,0	1422,1	115,3	236,3	—	—

* По сравнению со среднегодовым объемом предыдущего пятилетия.

Т а б л и ц а 55

Динамика среднегодовых удоев на корову в колхозах и совхозах Сибири, кг

Годы	Колхозы	Совхозы	Колхозы и совхозы вместе
1961—1965	1623	1821	1748
1966—1970	2083	2232	2182
1971—1975	2235	2237	2236
1976—1980	2226	2207	2212
1981—1985	2194	2170	2176
1986	2372	2361	2364
1987	—	—	2426
1986—1987	—	—	2396

вых удоев, имевшего место с середины 70-х до середины 80-х гг.: если в среднем за 1971—1975 гг. расход всех кормов на фуражную корову за год составлял около 33 ц кормовых единиц, то за 1976—1980 гг. — более 34 ц и за 1981—1985 гг. — 25,5 ц. При этом в течение всего периода на каждую корову за год скармливалось примерно по 10 ц кормовых единиц концентратов.

В 1960—1975 гг. происходило устойчивое и ускоренное увеличение производства мяса всех видов скота и птицы. Так, за восьмую и девятую пятилетки среднегодовой темп прироста этого вида продукции в целом по общественному сектору составил 4,5 %. При этом опережающим он был в совхозном производстве, поскольку именно сюда перемещалась основная часть поголовья общественного скота. В последующем десятилетии производство мяса в колхозах сокращалось, а в совхозах увеличивалось, хотя значительно меньшими, чем ранее, темпами. В целом по общественному сектору животноводства среднегодовой темп прироста производства мяса за десятую и одиннадцатую пятилетки составил 1,15—1,4 %. Темпы прироста несколько возросли в 1986—1988 г.: среднегодовое производство мяса увеличилось по сравнению с предшествующим пятилетием в Западной Сибири на 17,9 %, в Восточной Сибири — на 15,5 % (в РСФСР — на 20,4 %). В восьмой пятилетке его прирост на 97 % был достигнут за счет роста

производства говядины, среднегодовой выход которой увеличился почти на 43 %, в то время как свинины — лишь на 4,3, баранины — на 2,4, мяса птицы — на 17 %. Доминирующим был рост производства говядины и в девятой пятилетке. За этот период среднегодовой выход говядины в сравнении с восьмой пятилеткой возрос на 23 %, свинины — на 7,8, баранины — на 7,7 %, мяса птицы — вдвое. За десятую пятилетку производство говядины возросло в сравнении с предыдущей всего на 7,2 %, свинины — на 12,6, а баранины сократилось на 6 %; только производство мяса птицы удвоилось. В одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой производство мяса крупного рогатого скота сократилось почти на 2 %, овец и коз — на 12 %. Правда, производство свинины увеличилось на 32,5 % и мяса птицы — в 1,5 раза. За весь анализируемый период основной прирост производства был достигнут за счет мяса крупного рогатого скота. На его долю приходится 72 % всего прироста производства мяса в живой массе за 1966—1986 гг., в то время как на долю свиноводства — 12,5 и птицеводства — 14,4 %.

Среднегодовое производство говядины в одиннадцатой пятилетке в сравнении с седьмой возросло на 85 %. Основным источником, обеспечившим увеличение прироста живой массы крупного рогатого скота, на протяжении всего периода выступало увеличение поголовья. Лишь в восьмой пятилетке в сравнении с седьмой происходило одновременно и увеличение поголовья, и повышение продуктивности молодняка крупного рогатого скота и выбракованного из основного стада взрослого скота. В последующем же продуктивность оставалась практически неизменной. Так, если в восьмой и девятой пятилетках прирост живой массы на голову крупного рогатого скота составлял по Сибири 101 кг, то в десятой — 100 и в одиннадцатой — 95 кг; среднесуточные привесы на голову молодняка и взрослого откорм-

мочного поголовья колебались по регионам в пределах 380—519 г. При этом расход кормов на каждую голову крупного рогатого скота возрастал: в 1966—1975 гг. он составлял около 14 ц кормовых единиц при удельном весе концентратов в них 19,0 %, в 1976—1985 гг. — соответственно 15,7 и около 23 %.

В течение анализируемого периода в целях решения мясной проблемы в регионе, как и по всей стране, пристальное внимание уделялось вопросам концентрации свиноголовья, строительству крупных откормочных комплексов с индустриальной технологией и обеспечением кормами из государственных ресурсов. Однако одновременно с этим имел место процесс сокращения поголовья свиней, содержащихся на обычных фермах колхозов и совхозов. Так, если в среднем за седьмую пятилетку выходное свиноголовье на конец года составляло почти 3,1 млн голов, то за восьмую — 2,5 млн, за девятую — 3,2 млн, за десятую — 3,4 млн голов. И лишь в последние годы произошел рост, приведший к выходному поголовью за одиннадцатую пятилетку 4,1 млн голов и в 1986 г. — 4,3 млн голов.

В настоящее время две трети поголовья свиней общественного сектора сосредоточено в государственных предприятиях. При этом более 45 % его размещено в крупных комплексах по выращиванию и откорму. Крупных прогрессивных изменений продуктивности в этой отрасли не происходило, однако несколько сократился расход кормов на одну голову: с 7,2—7,1 до 6,7—6,8 ц кормовых единиц при практически неизменном расходе концентратов в пределах 5,9—6,1 ц кормовых единиц.

Наибольший темп прироста производства мяса достигнут в птицеводстве, где среднегодовое производство продукции в сравнении с седьмой пятилеткой возросло в одиннадцатой в 7,6 раза, а за 1986 г. — в 9,5 раза. Это результат строительства широ-

кой сети государственных птицефабрик, перевода отрасли на промышленную технологию, основанную на централизованном кормообеспечении из государственных ресурсов.

Традиционной отраслью сельского хозяйства Сибири, особенно Восточной, использующей естественные кормовые угодья засушливых районов, является овцеводство. Поголовье овец в общественном секторе до десятой пятилетки постепенно возрастало, превысив уровень седьмой на 25 %, в последующем сократилось. А вот в производстве основных видов продукции мяса и шерсти протекали иные процессы. Выход живой массы увеличивался лишь до девятой пятилетки, превысив начальный уровень на 10 %, а в последующие две пятилетки постепенно снижался до 91 % первоначального объема. Причина тому — существенное сокращение мясной продуктивности. Так, если за 1966—1970 гг. в расчете на голову скота, имевшегося на начало года, колхозы и совхозы получали по 13, 6 кг прироста живой массы, то за 1976—1980 гг. — 11,4, а за 1981—1985 гг. — 10,8 кг. Производство же шерсти в десятой и одиннадцатой пятилетках превысило уровень седьмой примерно в 1,6 раза (за счет совхозного производства, колхозы сохранили прежний уровень). Рост был достигнут главным образом на основе повышения продуктивности овец. Если в 1965 г. годовой настриг шерсти на голову составлял 2,8 кг, то в среднем за 1976—1980 гг. — 3,5, в 1981—1985 гг. — 3,6 кг. Достигнутые положительные результаты в овцеводстве не были комплексными, поскольку не обеспечивали повышения мясной продуктивности, и не отличались устойчивостью. В 1986—1988 гг. среднегодовое производство шерсти в колхозах и совхозах по сравнению с предыдущим периодом даже снизилось: в Западной Сибири — на 2,9 %, в Восточной Сибири — на 5,5 %. Ухудшился ряд показателей продуктивности. В частности, расход кор-

мов на голову скота возрос по сравнению с восьмой пятилеткой примерно на 10—11 %.

Характерной чертой в развитии овцеводства за рассматриваемый период была ликвидация мелких ферм в колхозах и совхозах, особенно в лесостепных и подтаежных зонах, причем проводилась она далеко не всегда обоснованно с научной точки зрения. Это привело к снижению удельного веса баранины в производстве всех видов мяса в 2 раза (до 7 %).

Наиболее крупные успехи достигнуты в решении проблемы удовлетворения потребностей населения в пищевых яйцах. Производство яиц в общественном секторе в 1981—1985 гг. по сравнению с 1961—1965 гг. возросло в 3 раза. Рост производства яиц продолжался и в 1986—1988 гг., превысив среднегодовой уровень предыдущего пятилетия в Западной Сибири на 15,9 %, в Восточной Сибири — на 20,8 % (в РСФСР — на 15,3 %). При этом производство целенаправленно концентрировалось в государственном секторе, где оно за четверть века возросло примерно в 12 раз, а в колхозах сократилось в 5 раз. В середине 80-х гг. государственные предприятия производили 99,4 % продукции общественного сектора.

Этого удалось достигнуть путем строительства крупных птицеводческих фабрик, оснащенных современным оборудованием. В результате яйценоскость кур-несушек на этих предприятиях возросла в 1,5 раза, что наряду с увеличением поголовья птицы в 6,7 раза позволило в одиннадцатой пятилетке увеличить сбор яиц в 8,8 раза и получить мяса птицы в 7,6 раза больше, чем в базисном периоде. Доля птичьего мяса в общем его производстве возросла с 2,5 % в седьмой пятилетке до 10,7 % в одиннадцатой.

Совершенствование технологии производства продукции животноводства происходило под воздействием индустриализации отрасли, на ос-

нове строительства крупных животноводческих комплексов для содержания молочного стада, свинооткормочных комплексов, птицефабрик яичного и мясного направлений. Развивалось межхозяйственное кооперирование по откорму крупного рогатого скота, свиней, выращиванию нетелей и другим направлениям совместного производства сельскохозяйственной продукции.

Главным путем, обеспечившим увеличение производства основных видов продукции в условиях достаточно высокой освоенности сельскохозяйственных угодий, как уже отмечалось ранее, выступала интенсификация общественного производства. Рассматривая проблемы интенсификации сельского хозяйства, необходимо обратить внимание на особенности хода интенсификации в условиях предприятий, различающихся формой собственности: государственная (совхозы) и колхозно-кооперативная. Тенденции развития уровней интенсификации по основным показателям в колхозах и совхозах даются в табл. 56.

В одиннадцатой пятилетке колхозы на 100 га сельскохозяйственных угодий обеспечили увеличение выхода продукции в сравнении с седьмой пятилеткой более чем в 1,6 раза, совхозы — в 1,5 раза. Выход продукции в совхозах превосходил колхозный уровень в начальный период на 22 %, в конечный — на 13 %. Наиболее высокими темпами продукция наращивалась во второй половине 60-х — начале 70-х гг., после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, когда усилилось воздействие экономических методов хозяйствования. В последующие годы рост ее значительно замедлился, достигнув наименьшей отметки в конце 70-х — начале 80-х гг. Лишь в середине 80-х гг. показатели несколько улучшились: в 1986—1988 гг. производство продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий повысилось (по сравнению со среднегодовым за 1981—1985 гг.) в Западной

Динамика уровней интенсивности сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Сибири на 100 га сельскохозяйственных угодий

Показатель	1961—1965 гг.		1966—1970 гг.		1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1985 гг.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
Выход валовой продукции в сопоставимых ценах 1983 г., тыс. руб.	10,9	13,3	14,0	15,9	16,0	18,0	17,4	19,1	17,8	20,2
Среднегодовая численность работников, занятых в сельском хозяйстве, чел.	3,0	2,8	2,8	2,6	2,6	2,4	2,6	2,3	2,5	2,3
Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения, тыс. руб.	7,0	8,0	10,0	10,9	16,0	17,6	26,5	26,4	38,0	37,0
Условное поголовье скота, голов	12,3	15,8	13,4	16,5	15,4	19,0	16,6	20,2	17,1	21,3

Сибири на 12 %, в Восточной Сибири — на 10,6 % (в РСФСР — на 11,1 %).

Непрерывное возрастание выхода валовой продукции сельского хозяйства на единицу земельных угодий в той или иной степени сдерживало уменьшение общего ее объема в колхозном производстве. По пятилеткам взаимодействие этих двух составляющих складывалось по-разному. В восьмой пятилетке по сравнению с предыдущей прирост выхода продукции на единицу земельных угодий на 28,4 % полностью нейтрализовал сокращение общей площади сельскохозяйственных угодий, обеспечив, кроме того, прирост объема на 15,2 %; в девятой пятилетке прирост выхода продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий на 14,3 % сдерживал уменьшение объема производства продукции в связи с сокращением сельскохозяйственных угодий, но полностью этому воспрепятствовать не смог. Нарастивание выхода продукции сдерживалось снижением трудонасыщенности производства, не вполне компенсированной массой функционирующих материальных ресурсов, систематически возрастающей.

Уровень фондооснащенности и трудонасыщенности варьируется в

различных регионах в достаточно широких пределах. Так, в колхозах Кемеровской области в середине 80-х гг. на 100 га сельскохозяйственных угодий приходится в 1,9 раза больше основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения и в 1,3 раза больше среднегодовых работников, занятых в отрасли, чем в Алтайском крае. Как результат и выход валовой продукции на единицу земельных угодий в Кемеровской области в 1,6 раза выше, чем в Алтайском крае. Выше среднего по региону уровень фондооснащенности и трудонасыщенности в колхозах Томской, Омской и Тюменской областей, ниже — в хозяйствах Новосибирской области. Выход валовой продукции отрасли на 100 га сельскохозяйственных угодий выше среднерегionalного по Кемеровской области в 1,5 раза, по Томской и Тюменской — на 22 %, по Омской — на 8, ниже среднерегionalного по Алтайскому краю на 6, по Новосибирской области — на 20 %. Аналогичные данные прослеживаются и по совхозам.

Средняя по региону фондооснащенность колхозов в 1983 г. была выше, чем в совхозном секторе, на 24 %. При этом и выход валовой продукции на 100 га сельскохозяйст-

венных угодий в колхозах на 15 % превышал совхозный. Более высокая оснащенность колхозов региона основными производственными фондами, сложившаяся в результате преобразования значительной части экономически слабых хозяйств в совхозы, — явный признак более широкого использования оставшимися хозяйствами достижений научно-технического прогресса.

Несмотря на все большее насыщение колхозов и совхозов более совершенной машинной техникой, на возрастание поставок минеральных удобрений, химических средств защиты растений от болезней и вредителей, стимуляторов роста, кормовых добавок и т. п., сохранялась высокая зависимость урожаев от изменяющихся погодных условий. Так, по данным специальных исследований, проведенных Институтом экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИИ в 1965—1985 гг., по колхозам и совхозам Западной Сибири максимальный уровень урожайности зерновых достигал 17,4 ц/га, минимальный — 7,9 ц/га, а среднеквадратическое отклонение от тренда (коэффициент колеблемости) составляло 21,7 %. При этом в результате несинхронности изменений погодных условий по административным единицам и природно-климатическим зонам имели место большие различия между указанными показателями. По Омской области максимальная урожайность превышала минимальную за этот же период в 4,4 раза, а коэффициент колеблемости составлял около 27 %, в Алтайском крае эти показатели определялись как 3,5 раза и около 30 %, а в Тюменской области — всего 1,6 раза и 12,4 %. В степной зоне Новосибирской области соотношение максимальной и минимальной урожайности составило пятикратную величину, а коэффициент колеблемости достиг более 42 %. При среднем коэффициенте колеблемости урожайности кукурузы в зеленой массе по Западной Сибири 19,3 %, по Омской

области он составил 30,4 %, Кемеровской и Новосибирской — 26, Томской — 21,4, а по подтаежной зоне региона — более 40 %. Аналогичные результаты получены и по урожайности сена однолетних и многолетних трав. Это, безусловно, существенно влияет на объемы валовой продукции растениеводства по годам, а через кормообеспечение и на объемы продукции животноводства. Задача интенсификации сельского хозяйства заключается в целенаправленном и эффективном использовании всего арсенала известных науке и передовой сельскохозяйственной практике технических, технологических, организационно-экономических приемов, позволяющих в наибольшей степени нейтрализовать действие неблагоприятных и усиливать действие благоприятных природно-климатических условий конкретного календарного года, повышая тем самым уровень хозяйственного использования всего природно-климатического потенциала, добываясь большей устойчивости развития сельскохозяйственного производства. Уровень использования производственного потенциала получает отражение в показателях экономической эффективности, важнейшим из которых выступает производительность труда (табл. 57).

В целом по региону выработка валовой продукции сельского хозяйства в расчете на одного среднегодового колхозника, занятого в сельском хозяйстве, в одиннадцатой пятилетке в сравнении с седьмой возросла на 91 %, а на одного работника совхозов — на 82 %. Среднегодовой темп прироста производительности труда за четыре пятилетки, предшествующие двенадцатой, составил по колхозам 3,3 %, по совхозам — 3,05 %. При этом наглядно просматривается затухание темпов прироста производительности труда от пятилетки к пятилетке. Наиболее низкие темпы прироста этого показателя имели место в одиннадцатой пятилетке. В 1986—1988 гг. в колхозах и совхозах удалось вновь до-

Таблица 57

Производство валовой продукции сельского хозяйства в расчете на среднегодового работника в сопоставимых ценах 1983 г.

Годы	Продукция, руб.		Темп роста, %		Среднегодовой темп прироста, %	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1961—1965	3686	4 734	100	100	—	—
1966—1970	4950	6 138	134	130	6,0	5,7
1971—1975	6226	7 411	169	156	5,4	4,5
1976—1980	6795	8 146	184	172	4,2	3,7
1981—1985	7043	8 643	191	182	3,3	3,0
1986	8786	10 226	238	216	—	—

Таблица 58

Динамика себестоимости 1 ц основных видов продукции по колхозам и совхозам Сибири, руб.

Вид продукции	1965 г.		1970 г.		1975 г.		1980 г.		1985 г.		1986 г.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
Зерно	6,5	7,4	5,8	5,5	7,0	7,7	8,0	7,8	9,2	10,0	9,5	10,1
Молоко	15,6	16,1	19,0	19,4	23,5	26,3	30,0	32,0	37,0	39,8	35,9	38,6
Прирост живой массы:												
крупного рогатого скота	89,6	98	110	124	149,6	175	208	222	263	281	243	266
свиней	117	116	125	114	158	144	222	165	276	177	245	173
Шерсть	297	356	379	416	495	587	723	783	909	937	861	885

Таблица 59

Себестоимость продукции в 1986—1988 гг. (в сравнении с 1981—1985 гг.), %

Вид продукции	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	РСФСР
Зерно	108,2	104,1	111,2
Крупный рогатый скот (привес)	108,0	101,0	107,0
Молоко	104,6	102,0	104,0

Таблица 60

Среднегодовые издержки производства на 100 руб. валовой продукции, руб.

Регион	1976—1980 гг.	1981—1985 гг.	1986—1988 гг.
Западная Сибирь	73,0	89,0	91,0
Восточная Сибирь	81,0	95,0	97,7
РСФСР	76,0	94,0	98,0

биться некоторого повышения производительности труда (по сравнению со среднегодовым в 1981—1985 гг.): в Западной Сибири — на 23,5 %, в Восточной Сибири — на 19,1, в РСФСР — на 22,9 %. В расчете на одного среднегодового работника в эти годы в общественных хозяйствах Западной Сибири получено продукции больше, чем в среднем по РСФСР, на 16,5 %, в Восточной Сибири — на 1,9 %.

Следует иметь в виду замечание К. Маркса: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»¹². Необходимо учесть, что природные условия, от которых в значительной степени зависят результаты сельскохозяйственного производства, весьма консервативны. Большинство же других факториальных элементов, от которых зависят потенциальные возможности повышения производительности труда, непрерывно возрастало.

Рассмотрим один из важных факторов — изменение фондовооруженности труда. Если в седьмой пятилетке на среднегодового колхозника, занятого в сельскохозяйственном производстве, приходилось 2,3 тыс. руб. среднегодовых основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения, а на работника совхоза — 2,9 тыс. руб., то в восьмой — соответственно 3,6 тыс. и 4,2 тыс., в девятой — 6,2 тыс. и 7,3 тыс., в десятой — 10,2 тыс. и 11,5 тыс., в одиннадцатой — более 15 тыс. и 16 тыс. руб., т. е. фондовооруженность труда в колхозах возросла в 6,6, в совхозах — в 5,6 раза, при этом темпы роста фондовооруженности были устойчивыми и относительно высокими.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 23.— С. 48.

Общая закономерность повышения производительности труда на основе возрастания фондовооруженности прослеживается довольно четко. И еще две тенденции ясно выражены — это падение в динамике темпов роста производительности и фондовооруженности труда, а также снижение фондоотдачи, что свидетельствует о снижении экономической эффективности дополнительно вкладываемых в развитие материально-технической базы ресурсов. Правда, отрицательную роль здесь играло также систематическое повышение цен на средства труда несельскохозяйственного происхождения, которые возрастали быстрее, чем увеличивалась полезность вводимых средств труда.

Экономическая эффективность общественного сельскохозяйственного производства зависит от таких важных показателей, как себестоимость продукции и рентабельность производства. За двадцатилетний период себестоимость 1 ц зерна возросла в 1,4 раза, а продукция животноводства — в 2,4—3 раза (табл. 58).

В 1986—1988 гг. рост себестоимости производства продукции продолжался, хотя и замедлился, особенно по продуктам животноводства (табл. 59). Себестоимость производства в регионе оставалась более низкой, чем в среднем по республике: по зерну в Западной Сибири на 7,3 %, в Восточной Сибири — на 6,4, по мясу крупного рогатого скота — соответственно на 9,5 и 9,1, по молоку в Западной Сибири — на 9,1, в Восточной больше — на 8,3 %. В колхозах себестоимость основных продуктов была ниже, чем в совхозах (за исключением свинины и птицы), что свидетельствовало об экономической рациональности этой формы хозяйствования.

В результате роста себестоимости и несовершенства ценообразования на протяжении длительного времени уровень рентабельности производства имел неустойчивый характер, проявляя тенденцию к снижению. Так, если в 1965 г. совокупная рента-

бельность колхозного производства составляла в Западной Сибири +22,1 %, в Восточной Сибири — +35,1, то в 1975 г.— соответственно +5,0 и +12,1 %. В 1980 г. колхозное производство стало убыточным (соответственно —2,6 и —15,5 %). Совхозы свою хозяйственную деятельность еще в 1965 г. закончили с убытком. Уровень убыточности по Западной Сибири достигал —30,3 %, по Восточной Сибири —16,5 %. По результатам деятельности за 1970 г. совхозное производство было рентабельным (в Западной Сибири +12,1 %, в Восточной Сибири +10,5), а к 1975 г. рентабельность сменилась на убыточность (соответственно —9,9 и —12,8 %). Убыточным было производство и в 1980 г. (в Западной Сибири —2,1 %, в Восточной Сибири —12,9 %). В 1981—1982 гг. колхозно-совхозное производство Сибири имело рентабельность в среднем —6,7 %.

Только после проведения ряда крупномасштабных мер по укреплению экономики сельскохозяйственных предприятий и включению в действие экономических механизмов хозяйствования, начатых решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и получивших развитие в середине 80-х гг. в условиях перестройки, произошел некоторый положительный сдвиг в показателях экономической эффективности колхозов и совхозов: рентабельность производства за 1983—1985 гг. достигла в Сибири +17,2 %, а в целом за пятилетие (1981—1985 гг.) она составила +9 %. В 1986—1988 гг. уровень рентабельности колхозов и совхозов достиг в Западной Сибири +25,9 %, в Восточной Сибири +27,0, в РСФСР +25,3 %.

Значительное повышение себестоимости продукции, выступавшее основной причиной снижения рентабельности, явилось следствием опережающего роста затрат на гектар посева соответствующих культур и голову продуктивного скота и птицы в сравнении с изменением урожай-

ности и продуктивности. Так, если в 1965 г. в колхозах региона затраты на 1 га зерновых составляли около 40 руб., а на содержание фуражной коровы — 301 руб., то в 1975 г.— соответственно 91,4 и 564, в 1985 г.— 145 и 889 руб., т. е. возросли в 3,6 и 3,0 раза, в то время как урожайность зерновых увеличилась лишь в 2,5 раза и годовой удой на фуражную корову — на 23 %. Аналогичная картина наблюдалась и по совхозам. Возрастание затрат на производство продукции продолжалось и в 1986—1988 гг., хотя темп его значительно замедлился (табл. 60). Причины роста затрат весьма разнообразны, но главные из них следующие.

Во-первых, это существенное повышение цен на средства производства несельскохозяйственного происхождения и тарифов за услуги, оказываемые колхозам и совхозам вспомогательными и обслуживающими предприятиями. По примерным подсчетам, только в результате этого затраты в сравнении с седьмой пятилеткой возросли в десятой на возделывание зерновых более чем на 26 %, на содержание фуражной коровы — примерно на 50 %, а в одиннадцатой по сравнению с десятой — на 6—8 %.

Во-вторых, это централизованное повышение уровня оплаты сельскохозяйственного труда. Известно, что длительное время оплата труда колхозников осуществлялась по остаточному принципу, а распределение производилось по трудодням. И лишь с 1 июля 1966 г. правительственным решением введена гарантированная оплата труда колхозников (деньгами и натурой) исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов, с использованием норм выработки, действующих на аналогичных работах в госхозах. При этом с целью подтягивания уровня оплаты труда в сельском хозяйстве к уровню оплаты в других отраслях народного хозяйства указанные тарифные ставки неоднократно повышались. В результате если

в 1965 г. по колхозам региона оплата 1 чел.-ч прямых затрат труда, израсходованного на возделывание зерновых, составляла 49 коп., а на производство молока — 47 коп., то в 1970 г. — соответственно 81 и 59 коп., а в 1985 г. — 1 р. 46 к. и 1 р. 20 к., т. е. возросла в 3—2,6 раза.

В-третьих, это изменение методики определения величины затрат и распределения их между культурами, видами скота и продуктами. Сюда относятся менявшиеся методы оценки переходящих запасов сельскохозяйственных продуктов собственного производства, способ распределения общехозяйственных и общепроизводственных затрат, начисление страховых платежей и др. Все это оказывало влияние на изменение себестоимости продукции и далеко не всегда непосредственно зависело от результатов хозяйственной деятельности.

Современные колхозы и совхозы являются крупными сельскохозяйственными предприятиями, в большинстве своем способными к дальнейшему развитию по пути интенсификации на основе нового хозяйственного механизма, широкого использования достижений научно-технического прогресса, прогрессивных форм и методов организации производства, активизации труда колхозников и работников совхозов. Особую значимость и актуальность на современном этапе имеет усиление соответствия между материально-техническими и организационно-экономическими условиями производства и производственными отношениями. Единство прогресса — технического, технологического, организационного и экономического — находит выражение в соответствии форм собственности, хозяйственного механизма, форм и методов управления сельскохозяйственным производством требованиям развития производительных сил. Именно этим продиктованы принятое в марте 1989 г. Пленумом ЦК КПСС постановление «Об аграрной политике КПСС в современных условиях»

и последующие решения государственных органов, ставящие задачу перевода всех колхозов и совхозов на самоокупаемость и самофинансирование, при этом важная роль отводится развитию на добровольных началах кооперативных форм хозяйствования, широкому внедрению арендных отношений.

4. Личный сектор сельского хозяйства

Специфической формой сельскохозяйственного производства, органически включенной в систему социального сельского хозяйства, является личное подсобное хозяйство (ЛПХ). В ЛПХ используются преимущественно те ресурсы труда, которые по объективным причинам не могут быть использованы в общественном производстве: труд пенсионеров, домохозяйек, инвалидов, частично сохранивших трудоспособность, старших школьников, труд работников общественного производства во внерабочее время. В числе средств производства для ЛПХ — хозяйственные постройки и средства населения, небольшие по размеру малоплодородные и труднодоступные участки земли, использование которых в общественном производстве малоэффективно.

В личном секторе производится одна четвертая часть валовой и одна десятая часть товарной продукции сельского хозяйства. На эти цели затрачивается примерно половина совокупных затрат живого труда в отрасли. За счет ЛПХ формируется более четверти совокупных доходов сельского населения.

Ведение ЛПХ имеет также важное социальное значение. Это своеобразная форма самовыражения сельского населения, способ проведения досуга, важное средство трудового воспитания и профессиональной ориентации сельской молодежи. Последнее особенно важно в условиях низкой престижности сельскохозяйственного труда для части сельской молодежи. Труд в ЛПХ способствует формиро-

ванию у молодого поколения хозяйского отношения к земле, любви к природе, воспитывает бережное отношение к ней, прививает навыки экономного и эффективного ведения хозяйства.

Однако ведение ЛПХ в существующих масштабах наряду с положительными результатами вызывает ряд негативных социально-экономических последствий: увеличение трудовой нагрузки на человека, сокращение фонда свободного времени, снижение общественной активности, а иногда нарушения трудовой дисциплины, использование техники и общественных кормов в личных целях, снижение ценности труда в общественном производстве. Явления подобного рода порождаются не природой ЛПХ, а трудностями его ведения (недостатком кормов, слабой помощью со стороны общественного хозяйства, нравственными установками владельцев хозяйств). Поэтому активная поддержка населения со стороны сельскохозяйственных предприятий и местных Советов — важнейшее условие существования и дальнейшего развития ЛПХ.

Политика директивных органов по отношению к ЛПХ в различные исторические периоды претерпевала изменения, не была достаточно последовательной. В середине 50-х гг. был принят ряд мер, благоприятствующих развитию ЛПХ: в 1953 г. снижены, а с 1 января 1958 г. полностью отменены обязательные поставки государству сельскохозяйственных продуктов хозяйствами колхозников, рабочих и служащих, составившие ранее пятую часть общего объема поступления мяса и третью часть — молока¹³. Однако в конце 50-х — начале 60-х гг. в политике возобладала тенденция на свертывание личных подсобных хозяйств, которая явилась следствием неверных представлений о природе и роли ЛПХ в условиях социализма, а так-

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 3.— С. 60—88, 349—354.

же волюнтаристского подхода к управлению сельским хозяйством. Экономически необоснованное свертывание ЛПХ населения наносило серьезный ущерб как личным, так и общественным интересам.

На декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС рассматривались меры по закупке у населения молодняка крупного рогатого скота для его дощипывания и сдачи государству. В последующие годы широко пропагандировался опыт колхозов и совхозов, в которых население продавало личный скот государству, а мясомолочные продукты покупало в общественном хозяйстве.

Во многих местах практиковались необоснованные ограничения размеров ЛПХ. В результате поголовье крупного рогатого скота в личной собственности населения резко сократилось: с января 1959 по январь 1961 г. в РСФСР оно уменьшилось на 23 %¹⁴. Эти потери обострили продовольственную проблему, отрицательно сказались на жизненном уровне населения. Часть сельских жителей, лишенная возможности вести свое хозяйство в достаточных для их потребностей масштабах, покинула деревню. Исследование сельско-городской миграции населения показало, что один из «пиков» миграционного оттока сельского населения в города приходился именно на период реализации политики ограничения личных хозяйств (1959—1960 гг.)¹⁵.

В октябре 1964 г. ЦК КПСС принял постановление «Об устранении необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»¹⁶, в кото-

¹⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1963 г.: Стат. ежегодник.— М., 1965.— С. 294.

¹⁵ Заславская Т. И., Корель Л. В. Некоторые проблемы и перспективы развития сельско-городской миграции в СССР // Современное развитие сибирского села: Опыт социологического изучения.— Новосибирск, 1983.— С. 3—19.

¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 5.— С. 517.

ром дана принципиальная оценка социально-экономической сущности и роли ЛПХ при социализме. В последующие годы центральными партийными и советскими органами принимался ряд постановлений, направленных на предотвращение преждевременного свертывания ЛПХ, на дальнейшее их развитие и оказание помощи им со стороны государства и общественных хозяйств.

Важное значение для развития личных хозяйств населения, в том числе и колхозников, сыграли в конце 70-х и начале 80-х гг. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» (1977 г.), «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» (1981 г.), а также Продовольственная программа СССР, принятая майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС¹⁷. В этих документах предусмотрены меры по отмене необоснованных ограничений содержания скота и птицы в личных хозяйствах, расширению помощи, оказываемой населению в ведении личных хозяйств, развитию интеграционных связей личного подсобного хозяйства с общественным. Эти меры направлены на увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции в личных хозяйствах населения в целях пополнения продовольственных ресурсов страны.

В середине 80-х гг. в ЛПХ населения СССР находилась примерно пятая часть всего крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, около тре-

ти коров. Посевные площади в этой категории хозяйств составляли 6,2 млн га, из них под картофель и овощебахчевые культуры было занято 70 %, под зерновые — 15, кормовые — 14 и технические культуры — 1 %. ЛПХ специализируются главным образом на трудоемких культурах, производство которых в общественных хозяйствах, во-первых, недостаточно механизировано, а во-вторых, не удовлетворяет растущих потребностей населения.

В 1985 г. в ЛПХ производилось мяса, молока, яиц, овощей примерно 30 %; картофеля — 60, плодов и ягод — 54, шерсти — 26 %. Объем производства в личном секторе сельского хозяйства возрос в 1981—1985 гг. по сравнению со среднегодовым за 1961—1965 гг. на 21 %. Продукция ЛПХ частично потребляется сельским населением, а частично принимает товарную форму. Доля ЛПХ во всей товарной продукции отрасли хотя и невелика, но весьма устойчива: за 1965—1985 гг. она изменилась незначительно и составила в середине 80-х гг. примерно 10—11 %¹⁸.

Тенденции развития в 1960—1985 гг. личных хозяйств в Сибири, РСФСР и СССР в целом совпадают. Вклад ЛПХ региона в формирование продовольственных ресурсов в основном соответствует средним показателям по стране.

Социолого-статистические исследования, проведенные в ИЭиОПП СО АН СССР в 1967—1985 гг., позволяют оценить динамику, современное состояние и проблемы развития ЛПХ в сибирской деревне. Характер изменений ЛПХ в Сибири в рассматриваемый период не был однозначен. В середине 60-х гг. происходила стабилизация размеров ЛПХ. Последующая динамика ЛПХ прослежена в табл. 61.

В период с 1967 по 1977 г. масштабы личных хозяйств повсеместно

¹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1979.— Т. 12.— С. 104—111; Собрание постановлений Правительства СССР.— 1981.— № 6.— С. 37; Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года.— М., 1982.— С. 43.

¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1985 г.— С. 185—187, 190.

Т а б л и ц а 61

Изменение масштабов личного подсобного хозяйства в Новосибирской области *

Показатель	На 100 семей, имеющих личное хозяйство				В % к 1967 г.		
	1967 г.	1972 г.	1977 г.	1982 г.	1972 г.	1977 г.	1982 г.
	Приусадебный участок, га	22,3	18,5	15,9	15,6	83	71
Крупный рогатый скот, голов	179	153	131	129	85	73	72
В том числе коровы	92	74	65	64	80	71	69
Свиньи, голов	72	87	63	92	113	87	128
Овцы, козы, голов	237	262	291	262	110	123	110
Птица, голов	1101	1212	593	776	110	54	70
Итого скота, усл. ед.	211	198	165	176	94	78	83

* Таблицы 61—63 рассчитаны по данным социолого-статистических обследований.

сокращались: средний размер приусадебного участка жителей Новосибирской области¹⁹ уменьшился почти на треть, а количество скота (условных голов) — почти вдвое, что отрицательно сказывалось на объемах производимой в них продукции. Подобная тенденция наблюдалась по всем экономическим районам РСФСР и в стране в целом. В последующие годы, напротив, масштабы ЛПХ начали расти, а по отдельным показателям темпы сокращения снизились. К 1982 г. в Новосибирской области 98 % сельских семей имели участок под картофель и овощи, 26 % занимались садоводством, а 82 % содержали в своих хозяйствах скот и птицу. По сравнению с 1977 г. их доля увеличилась соответственно на 1,5, 5 и 10 %. Условное поголовье скота, находящегося в личной собственности, увеличилось на 7 %, свиней — почти наполовину, птицы — на одну треть. Несколько снизилось поголовье крупного рогатого скота, в том числе коров, а также овец и коз. Но это не отразилось на объемах производства и реализации животноводческой продукции, масштабы которой увеличились, что свидетельствует о возросшей эффективности ведения

личных хозяйств. За рассматриваемый период вдвое снизилась доля семей с минимальными приусадебными участками, заметно сократилась доля семей, не имеющих в своих хозяйствах крупного рогатого скота, в том числе коров, а также свиней и птицы, но увеличилась доля семей с хозяйством наибольших размеров.

Таким образом, к 1982 г. благодаря мерам, принятым партией и Советским государством и направленным на развитие подсобных хозяйств населения, тенденция сокращения ЛПХ была приостановлена. Однако возможности увеличения личных хозяйств не исчерпаны, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что примерно четверть сельского населения к настоящему времени не имеет никакого скота. Размеры, состав, товарность и доходность личных хозяйств определяются многими социально-экономическими факторами, которые условно можно разделить на две группы: связанные с характеристиками сельских семей, с одной стороны, и сельских поселений и хозяйств, на территории которых эти семьи проживают, — с другой.

Практика показала, что после снятия необоснованных ограничений наибольшее воздействие на развитие ЛПХ стали оказывать факторы, отражающие объективную возможность ведения такого хозяйства: характер жилья, конкретные особенности на-

¹⁹ Данные по Новосибирской области, на примере которой проводились обследования, близки по большинству показателей к среднерегиональным характеристикам.

Т а б л и ц а 62

Дифференциация ЛПХ сельского населения Западной Сибири по типам поселкообразующих предприятий (по данным опроса 1982 г.)

Тип предприятия	Доход от ЛПХ, руб/год на семью	Размер участка, сотых га	Кол-во скота, усл. голов
Колхоз	1426	20,3	1,98
Совхоз	1100	13,8	1,64
Несельскохозяйственное предприятие	692	10,4	0,96

Т а б л и ц а 63

Распределение ответов о причинах низкой товарности ЛПХ по группам поселкообразующих предприятий (% к числу семей, не продающих продукты своих хозяйств)

Ответ	Колхоз	Совхоз	Несельскохозяйственное предприятие
Продуктов хватает только для себя	79,8	90,1	88,6
Некому продавать	6,5	1,9	1,3
Нет пункта заготовки	4,2	1,2	8,3
Другое	9,5	6,8	1,8

селенных пунктов, сфера занятости работающих членов семьи, а также масштабы и виды помощи, получаемой населением от общественных хозяйств и других организаций. Колхозы и совхозы, которые располагают ресурсами, необходимыми личным хозяйствам (молодняк животных, корма, выпасы, покосы, техника, транспортные средства и т. п.), могут оказать их владельцам более существенную помощь по сравнению с несельскохозяйственными предприятиями. Кроме того, колхозники и работники совхозов из поколения в поколение занимаются сельскохозяйственным трудом, в том числе в личном хозяйстве. Население, проживающее в населенных пунктах, не связанных непосредственно с сельскохозяйственным производством, не имеет возможности вести достаточно развернутое подсобное хозяйство. Поэтому размеры последнего, состав и уровень товарности существенно дифференцированы по типам поселкообразующих предприятий, различны и доли семей, имеющих личные

хозяйства. Так, в Западной Сибири среди работников несельскохозяйственных предприятий держали в своих хозяйствах скот или птицу 70 %, среди работников совхозов — 83, среди колхозников — 92 % семей. Большинство колхозников имеет приусадебные участки, занимается садоводством.

В начале 80-х гг. размеры личных хозяйств колхозников были наибольшими в сравнении с размерами хозяйств других групп населения (табл. 62). Более благоприятно у колхозников и местоположение ЛПХ. Так, среди семей работников совхозов 56 %, несельскохозяйственных предприятий — 65 % имели весь земельный участок при доме, среди колхозников доля таких семей составила 77 %; часть участка при доме и часть за селом имели соответственно 35, 24 и 19 % семей. Доля же колхозников, у которых весь участок находился за селом, была вдвое ниже, чем работников совхозов, и втрое, чем работников других предприятий.

Большой размер личных хозяйств колхозников обусловил и более высокий уровень их товарности. В западно-сибирской деревне доля семей колхозников, реализующих излишки продукции своего хозяйства, составляет 58 %, семей работников совхозов — 56, а несельскохозяйственных предприятий — 39 %. Ведение ЛПХ приносит колхозникам немалые доходы, которые в 1,5—2 раза превышают аналогичные доходы других групп сельского населения. В итоге уже в 1982 г. совокупные душевые доходы колхозников были самыми высокими среди сельского населения. Вместе с тем обследование 1982 г. показало, что уровень товарности ЛПХ невысок (табл. 63).

Содержание личных подсобных хозяйств больших размеров обеспечивается в значительной степени благодаря помощи со стороны общественных хозяйств. В последние годы многое сделано для облегчения труда в личных хозяйствах. Колхозы и совхозы оказывают населению разностороннюю помощь: организуют заготовку и продажу кормов, продажу молодняка животных, обеспечивают техникой и транспортом. Социологический опрос населения в 1982 г. показал, что доля семей, которым сельскохозяйственные предприятия оказывали помощь в ведении ЛПХ, значительна. По отдельным видам она принимала следующие размеры (в % к опрошенным семьям):

Вспахивают участок	90
Выделяют пастбища	79
Предоставляют транспорт для перевозки грузов	74
Выделяют покосы	45
Продают корма	58
Продают молодняк	43
Продают стройматериалы	33

Однако эту проблему нельзя считать решенной. Так, отсутствие или недостаточный объем продажи молодняка животных отметили 57 % сельских семей, кормов — 42, нехватку покосов — 51 %. В результате только 54 % опрошенных семей ответили, что им хватает заготавливаемых кор-

мов на год, хватает с трудом — 20, кормов не хватает — 23 %. Низкая обеспеченность личных хозяйств кормами заставляла их владельцев «растягивать» корма на год, сокращать хозяйство, а в отдельных случаях приводила к хищениям общественных кормов.

В целом же по сравнению с 1977 г. масштабы помощи увеличились. Это осознавалось и самим населением: 65 % опрошенных в 1982 г. жителей считали, что за последние 10—15 лет на селе появилась возможность вести крупное хозяйство. При этом доля лиц, отметивших отсутствие какой-либо помощи со стороны общественных хозяйств, была значительно ниже в колхозах, чем в государственных хозяйствах.

Анализ показал, что планы сельских жителей в отношении своих хозяйств к началу 80-х гг. стали более определенными, причем доля семей, ориентирующихся на расширение хозяйств, возросла с 1977 по 1982 г. с 14 до 23 %. Половина семей намерена оставить свое хозяйство без изменений. Материалы обследований дают следующее распределение мотивов желаемого сокращения ЛПХ (% к итогу):

Тяжело физически (стар, болен, никто не помогает)	53,0
Трудно держать скот из-за отсутствия корма	32,0
Отнимает много времени	7,2
Другое	7,8

Мотивация сокращения ЛПХ тяжестью труда обусловлена несколькими причинами. Прежде всего это отсутствие в достаточном количестве садово-огородного инвентаря и средств малой механизации, облегчающих труд. Опрос сельских жителей в 1982 г. показал, что почти 75 % семей не используют в своем хозяйстве какой-либо техники, только каждая пятая семья применяет бензопилу или циркулярную пилу, 3 % семей используют дизельный насос для полива. Плохое водоснабжение (отсутствие водопровода в жилых домах, недостаточное коли-

чество водоразборных колонок, слабый напор воды) многих сельских поселений превращает подноску воды в один из самых продолжительных и трудоемких процессов в ЛПХ. Значительных затрат времени и труда требует содержание крупного рогатого скота. Сегодня в ЛПХ преобладает тяжелый немеханизированный труд. Тяжесть его ощущают в первую очередь пожилые люди, пенсионеры. Превалирование этого мотива в ответах сельских жителей свидетельствует также об ухудшении демографической ситуации в сибирской деревне (снижение рождаемости, миграция молодежи из села, старение населения). Складывающаяся демографическая ситуация — еще одна причина сокращения ЛПХ.

Требуется улучшить снабжение хозяйств необходимыми средствами производства, малогабаритной техникой, наладить водоснабжение сельских поселений, повысить культуру производства в личных хозяйствах. В этих целях представляется целесообразным, чтобы на местах компетентные органы разработали систему мер, направленных на увеличение и расширение услуг населению по ведению личного подсобного хозяйства.

В сибирской деревне треть семей мотивирует свое намерение сократить ЛПХ недостатком кормов. Решение этой проблемы связано с улучшением организации заготовки кормов, увеличением их производства, совершенствованием системы распределения. Заслуживает внимания опыт хозяйств, в которых организована коллективная заготовка кормов, а их распределение производится на заработанный рубль. Коллективная заготовка кормов значительно сокращает затраты труда и времени на эти цели. Однако не везде удается организовать ее. Названный принцип заготовки и распределения кормов применяется лишь в части хозяйств юга Западной Сибири. Во многих районах для заготовки кор-

мов не хватает техники, приспособленной к особенностям рельефа местности.

Не полностью используются возможности общественных хозяйств в обеспечении личного скота необходимым количеством грубых и сочных кормов. Так, по оценкам СибНИИЭСХа, в районах Сибири и Дальнего Востока примерно треть сенокосных угодий, закрепленных за колхозами и совхозами, остается нескошенной²⁰. Если для нужд населения выделить хотя бы часть этих угодий, проблема обеспечения личного скота грубыми кормами будет решена.

Наконец, третьим по значимости мотивом желаемого сокращения ЛПХ являются большие затраты времени на его ведение. По мере повышения образовательного уровня сельского населения, роста его благосостояния возрастает ценность свободного времени, величина же его находится в обратной зависимости от времени труда в подсобном хозяйстве. В перспективе фактор времени будет еще сильнее влиять на отношение сельских жителей к ведению ЛПХ.

Расчет фактического баланса труда в ЛПХ сельского населения Новосибирской области²¹ показал, что в личном секторе трудится более 0,5 млн чел., причем половину из них составляют работники общественного производства, пятую часть — дети, 16 % — пенсионеры и прочие лица нетрудоспособного возраста и лишь 2,5 % — занятые в личном подсобном и домашнем хозяйстве. Однако вклад каждой из перечисленных групп населения в совокупные затраты труда в исследуемой сфере далеко не соответствует их численности. В целом в индивидуальном

²⁰ Трудовые ресурсы и социальные проблемы села. — Новосибирск, 1983. — С. 86—87.

²¹ Калугина З. И., Антонова Т. П. Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы. — Новосибирск, 1984. — С. 71.

секторе сельскохозяйственного производства области ежегодно затрачивается более 400 млн чел.-ч, что равнозначно фонду рабочего времени более 220 тыс. годовых работников. Это составляет не менее двух третей численности сельского населения области, занятого в общественном производстве. Данные цифры говорят о масштабах занятости сельского населения в подсобном хозяйстве, а также о масштабах трудовых ресурсов, дополнительно вовлекаемых в производство сельскохозяйственной продукции. При этом следует иметь в виду, что большая часть указанных ресурсов по объективным причинам (занятость вне сферы общественного производства, воспитание малолетних детей, частичная утрата трудоспособности т. д.) не может использоваться в общественном производстве.

Ведение ЛПХ требует от средней семьи затраты примерно 1700 ч труда в год, увеличивает общую трудовую нагрузку работников общественного производства, на долю которых приходится примерно половина совокупных затрат труда в личных хозяйствах, на 650—700 ч в год. У пенсионеров и домохозяек затраты труда в личных хозяйствах еще выше: соответственно 1400 и 1100 ч в год. Независимо от вида и сферы занятости женщины затрачивают на ведение ЛПХ больше времени, чем мужчины: работающие — на 5,3 ч, а неработающие — на 4,5 ч в неделю. В целом на их долю приходится примерно 60 % всех затрат труда в личном подсобном хозяйстве.

Увеличение общей трудовой нагрузки приводит к значительному сокращению времени сна и свободного времени. Анализ бюджетов времени населения показал, что в семьях с наиболее крупными хозяйствами величина свободного времени меньше, чем в семьях с малыми хозяйствами, более чем в 2,5 раза. Ведение подсобного хозяйства не позволяет большинству сельских жите-

лей покидать свои места во время очередного отпуска. Очевидно, назрела необходимость создания на селе службы личного подсобного хозяйства, которая за определенную плату брала бы на себя заботу о подсобных хозяйствах во время отпусков работающего населения. Большие затраты времени побуждают отдельные группы населения сокращать размеры своих хозяйств. Поэтому снижение трудоемкости их ведения остается одной из актуальных проблем, от решения которых в значительной степени зависят перспективы развития ЛПХ.

В настоящее время в стране налаживается выпуск мотоблоков и мини-тракторов с полным набором машин и орудий к ним, а также техники для содержания скота. Речь идет о плуге, фрезе, рыхлителе, культиваторе, косилке, сеялке, тележке, доильном агрегате и других механизмах и орудиях. Этот комплекс даст возможность в пять раз снизить трудозатраты на производство сельскохозяйственной продукции. Иными словами, трудоемкость ведения одного подсобного хозяйства будет составлять не 1500—2000 ч в год, а примерно 300—400 ч.

Работники совхозов и несельскохозяйственных предприятий испытывают большую потребность, чем колхозники, в расширении своих хозяйств. Стремление расширить ЛПХ мотивируется плохим снабжением деревни продуктами питания. По мнению 86 % семей, намеренных расширить ЛПХ в перспективе, нынешнее хозяйство не дает нужного количества продуктов; 21 % населения связывает свои планы по расширению хозяйств с увеличением семьи, необходимостью помогать детям и родственникам, 19 % семей — с нехваткой денег, в том числе для покупки ценных вещей, постройки дома и других нужд.

В современных условиях для части сельских жителей ведение ЛПХ экономически вынужденно. Опрос

жителей алтайского села, проведенный ИЭиОПП СО АН СССР в 1985 г., показал, что ценность ЛПХ в глазах сельских жителей заключается прежде всего в возможности получения продуктов питания (на это указали 94 % опрошенных) и в увеличении доходов (31 %). Рекреационные и социальные функции личного хозяйства как бы отодвинуты на задний план. Только 5 % семей объясняют свое намерение увеличить ЛПХ любовью к сельскохозяйственному труду.

По мере развития общественного сельского хозяйства роль экономических функций в ведении ЛПХ будет снижаться, а социальных — возрастать. Это позволит населению уменьшить его размеры, изменить состав и профильность, а в отдельных случаях и отказаться от него совсем. Более четверти (29 %) опрошенного в 1985 г. населения считает, что было бы лучше вообще не иметь своего хозяйства, а необходимые продукты покупать. Остальная часть населения ориентирована на ЛПХ: 64 % намерены вести его в размерах, требуемых только для нужд своей семьи, а 7 % — в более крупных масштабах, даже если в торговой сети будут все нужные продукты.

Один из существенных мотивов расширения ЛПХ — увеличение семьи. Анализ выявил четкую взаимосвязь между размерами семьи и ЛПХ. При одинаковых доходах от общественного хозяйства душевой доход в многодетных семьях значительно ниже, что компенсируется отчасти увеличением хозяйства. Наибольшую потребность в расширении личных хозяйств испытывают брачные пары с детьми. Самые малые подсобные хозяйства ведут одиночки. В перспективе ожидается сокращение размера сельской семьи, и этот фактор будет действовать в направлении сокращения ЛПХ. Семьи, намеренные в перспективе расширить свои хозяйства, в качестве желательных путей их увеличе-

ния отметили следующие (%):

Увеличить земельный участок	20,1
Держать больше скота	79,3
Держать больше птицы	46,6
Другое	2,2

Более половины семей, желающих расширить свои хозяйства, — семьи работников несельскохозяйственных отраслей. У них размер ЛПХ заметно меньше, чем у семей работников сельского хозяйства. Размер участка у последних, по данным 1982 г., составил 0,18 га, а количество скота — 2,48 условной головы, в семьях работников несельскохозяйственных отраслей — соответственно 0,14 и 1,47.

Треть семей, намеренных в перспективе сократить свои хозяйства или отказаться от них совсем, — это в основном семьи пенсионеров, которым физически тяжело вести личное хозяйство. Среди тех, кто на момент обследования не имел своего хозяйства (как правило, молодые семьи), примерно треть собирается его иметь в перспективе. Следовательно, расширение и сокращение части личных подсобных хозяйств — процессы естественные, в основном уравновешивающие друг друга и обусловленные изменением жизненного цикла семьи: ее формированием, становлением, прекращением существования.

Современная аграрная политика направлена на сохранение и расширение объемов производства в ЛПХ, развитие их интеграции с общественным производством, снижение трудоемкости, улучшение условий производства и реализации продукции. В Программе КПСС, принятой XXVII съездом партии, отмечается, что наряду с общественным сельскохозяйственным производством будут и впредь развиваться личные подсобные хозяйства населения. В целях лучшего использования возможностей ЛПХ для пополнения продовольственных ресурсов признано необходимым, чтобы планы колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий разрабатывались с учетом развития как общест-

венного производства, так и личных подсобных хозяйств граждан, проживающих на их территории. Кроме того, колхозам, совхозам и другим предприятиям АПК предложено увеличить реализацию населению зернофуража, грубых и сочных кормов, семян и посадочного материала, молодняка животных и птицы, расширить помощь населению в обработке приусадебных участков, в агрохимическом и ветеринарном обслуживании, всемерно поощрять граждан, активно работающих в общественном производстве и имеющих личные хозяйства.

Решения XXVII съезда КПСС относительно ЛПХ населения нашли отражение в постановлениях партии и правительства о дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе, о мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами, по развитию потребительской кооперации, улучшению работы колхозных рынков и др. Большое значение для развития ЛПХ населения имеет также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества» (1987 г.)²², направленное на стимулирование производства сельскохозяйственной продукции в личном секторе.

Таким образом, был разработан комплекс мер, направленных на развитие личных подсобных хозяйств населения, укрепление их материально-технической базы, улучшение условий ведения и реализации производимой в них продукции, расширение договорных отношений владельцев личных хозяйств с колхозами, совхозами и организациями потребительской кооперации по производству и закупкам излишков продукции животноводства и земледелия.

Уже первые шаги по реализации принятых мер позволили стабилизи-

ровать, а по отдельным видам и увеличить производство сельскохозяйственной продукции в личном секторе. К началу 1988 г. в стране насчитывалось 36,5 млн личных подсобных хозяйств, за которыми было закреплено 7,8 млн га земли. Приусадебные участки имеют 98 % семей колхозников, 79 % семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, и 24 % семей, проживающих в городской местности. В 1988 г. на долю ЛПХ приходилась почти четверть всей валовой продукции сельского хозяйства страны, в том числе картофеля — 59 %, фруктов — 54, овощей — 31, мяса — 28, молока — 27 и яиц — 26 %. О масштабах ЛПХ в семьях колхозников свидетельствуют следующие данные. В 1988 г. в расчете на одно хозяйство колхозника было произведено картофеля 1249 кг, овощей и бахчевых — 628, фруктов — 242, мяса — 158, молока — 1345 л, яиц — 875 шт. Эта часть населения практически за счет приусадебного хозяйства обеспечивает свои потребности в мясе — на 74 %. В хозяйствах работников совхозов производство продуктов питания значительно ниже.

Тем не менее и на сегодняшний день возможности ЛПХ еще не исчерпаны. По состоянию на 1 октября 1988 г. более 40 % опрошенных семей колхозников не имели крупного рогатого скота, 38 % — свиней, 76 % — овец и коз, 23 % — птицы²³. Среди работников совхозов эти цифры еще выше. Наиболее полное использование возможностей личного сектора сельскохозяйственного производства будет способствовать скорейшему решению продовольственной проблемы в стране.

5. Заготовки

сельскохозяйственных продуктов

Система государственных заготовок сельскохозяйственной продукции — важнейшая составная часть экономических отношений между

²² Правда. — 1987. — 25 сент.

²³ Личное подсобное хозяйство населения в 1988 году. — М., 1989. — С. 3—5.

колхозами и государством, городом и деревней. Ей свойственны взаимосвязь с предшествующими этапами развития и объективная обусловленность конкретными обстоятельствами данного времени.

Основы действовавшей в 60—80-е гг. системы заготовок берут начало в 1958 г. После реорганизации МТС, передачи техники колхозам обязательные поставки были отменены и на смену множественности форм заготовок (обязательные поставки, натуроплата, контрактация, закупки) введена единая система закупок. Для этой системы характерны единство цен вместо их множественности в прежней системе заготовок, экономически более обоснованный уровень этих цен, большая дифференциация закупочных цен по природно-климатическим зонам.

Как показала практика, новая система закупок была определенным шагом вперед в создании примерно равных условий хозяйствования колхозов и роста их денежных доходов. Единые заготовительные цены превышали средние реализационные, складывавшиеся от реализации продукции колхозов в порядке обязательных поставок и закупок, особенно по мясу и другим продуктам животноводства. Так, закупочные цены для колхозов Западной Сибири, установленные с 1 августа 1958 г., были выше сложившихся средних реализационных цен по молоку на 25—50 % (в зависимости от сроков закупок), по мясу крупного рогатого скота — в 2—2,2 раза, свинины — на 12—33 %. Цена на зерно с 1958 г. превышала средние цены реализации на 18 %. Закупочные цены на технические культуры стали также значительно выше прежних контрактационных, что сохранило выгодные условия возделывания этих культур²⁴.

В целом новые цены сделали выгодным для колхозов зерновое хо-

зяйство, сохранили преимущества для производства технических культур, но не устранили несоответствия между уровнем закупочных цен и себестоимостью продуктов животноводства, которое оставалось в основном убыточным.

Различия в уровнях цен на сельскохозяйственные продукты не соответствовали различиям в их себестоимости. Например, в колхозах Западной Сибири себестоимость 1 ц мяса крупного рогатого скота была в 28 раз выше себестоимости 1 ц зерна, а цена лишь в 8—9 раз выше. Недостаточной была и дифференциация закупочных цен, тем более что распространялась она не на все продукты. Выделенные зоны оказались слишком обширны. Надбавки за качество были невелики и не стимулировали в должной мере его повышение.

Все это неизбежно порождало неодинаковую рентабельность производства сельскохозяйственных продуктов, определяло выгодные и невыгодные культуры и продукты, а в масштабе всей страны влекло за собой нарушения необходимых пропорций внутри сельского хозяйства, исправлять которые при сложившейся системе цен пытались через централизованное планирование административными методами. Поэтому в рамках сложившейся системы заготовок на протяжении 60-х — первой половины 80-х гг. неуклонно проявляла себя тенденция к приведению в соответствие закупочных цен на сельскохозяйственные продукты с затратами колхозов на их производство. Конкретно это выражалось в периодическом повышении закупочных цен.

Определенные меры были приняты уже в начале 60-х гг. В 1962 г. повышены закупочные цены на скот и птицу на 35 %, на животное масло — в среднем на 10 %. При этом были повышены и розничные цены на мясо, мясные продукты и животное масло. И хотя эти меры не внесли коренных изме-

²⁴ Проблемы истории советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1977. — С. 219—220.

нений в положение дел с соотношением затрат и выручки по продуктам животноводства, они несколько снизили убыточность производства. Для колхозов Сибири это оказалось особенно важно. Дело в том, что денежные доходы от животноводства составляют в них значительную долю всех доходов, а в неурожайные годы, когда резко падают доходы от растениеводства, они становятся преобладающими. Так, в колхозах Западной Сибири денежные доходы от животноводства составили в 1961 г. в среднем 46,2 %, в 1962 г. — 61,7 и в 1963 г. — 78,1 % всех денежных доходов²⁵. Ясно, что доходы от животноводства в этих условиях в значительной мере определяют возможности колхозов в дальнейшем развитии всего общественного производства.

Предприимавшиеся меры, направленные на устранение отдельных недостатков в системе закупочных цен, не могли кардинально решить все проблемы, связанные с ценообразованием и заготовками сельскохозяйственной продукции. Необходим был комплексный подход к развитию сельского хозяйства в целом и всесторонний учет экономических и социальных факторов развития колхозного производства. Важным шагом в этом направлении стал мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. На основе его решений была влучшена система заготовок путем введения твердых, реальных для выполнения планов продажи государству основных продуктов земледелия и животноводства. Вводился новый, более прогрессивный порядок налогообложения. В системе закупочных цен Пленум сохранил и закрепил то лучшее, что в ней было: принципы единства цен, их дифференциации, необходимость экономической обоснованности цен, — и принял меры к ее совершенствованию. В целях создания преимущественных условий для развития зерно-

²⁵ Рассчитано по данным годовых отчетов колхозов за 1961—1963 гг.

Таблица 64

Себестоимость и закупочные цены в колхозах Западной Сибири в 1965 г., руб./ц *

Вид продукции	Себестоимость	Закупочная цена
Зерно	7,4	10,2
Лен-волокно	110,0	230,0
Мясо крупного рогатого скота	87,2	98,7—111,2
Свинина	109,2	118,0—139,0
Баранина	68,5	75,4—84,3
Молоко	14,4	17,0

* Таблица рассчитана по годовым отчетам колхозов.

вого хозяйства были повышены закупочные цены на пшеницу и рожь, за сданную сверх плана продукцию по этим культурам устанавливалась надбавка в размере 50 % основной закупочной цены; выделялись значительные средства для поощрения производства крупных культур — гречихи, проса, риса. Чтобы сделать рентабельным производство продуктов животноводства, были установлены надбавки к действующим закупочным ценам на крупный рогатый скот, свиней и овец в размере от 10 до 100 %. Представление о соотношении новых закупочных цен и себестоимости основных сельскохозяйственных продуктов в колхозах Западной Сибири в 1965 г. дает табл. 64.

Таким образом, закупочные цены, установленные в 1965 г., по всем продуктам колхозов Западной Сибири были выше фактической себестоимости этих продуктов и обеспечивали в тех условиях рентабельность производства. Новые цены оказались еще более дифференцированы с учетом природно-экономических условий производства. Вместо существовавших ранее 8 природно-климатических зон было выделено 15. Различия в уровне цен между крайними зонами составляли по пшенице 94 % вместо 31, по ржи — 117 вместо 18 %²⁶. Местным орга-

²⁶ Экономика сельского хозяйства.— 1966.— № 7.— С. 49.

нам власти ряда областей, краев и автономных республик было предложено право разработать предложения по дополнительной дифференциации закупочных цен на пшеницу и рожь по группам районов внутри этих областей, краев, республик.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и особенно в связи с принятым в апреле 1967 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет»²⁷ стала перестраиваться система отношений совхозов с государством. Повышалась хозяйственная самостоятельность совхозов: устанавливался стабильный план продажи продукции на пятилетие, повышались цены на сдаваемую продукцию примерно до уровня закупочных цен для колхозов. Так, с 1967 по 1977 г. цены совхозов Западной Сибири на проданную государству продукцию увеличились по зерну на 41 %, молоку — на 59, мясу крупного рогатого скота — на 37 % (в целом по продуктам растениеводства — на 41, а продуктам животноводства — на 47 %) и фактически сравнялись с закупочными ценами колхозов²⁸.

Установление твердых планов заготовок сельскохозяйственной продукции, утверждаемых колхозам и совхозам на пять лет, и повышение закупочных цен способствовали укреплению экономики колхозов и совхозов, росту их денежных доходов. Все это привело к значительному возрастанию как объемов производства, так и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Среднегодовые объемы закупок зерна в 1966—1970 гг. в Западной Сибири возросли в сравнении с 1965 г. в колхозах в 3,9 раза, а в совхозах — в 2,2 раза.

²⁷ См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1971 гг.).— М., 1971.— С. 202—214.

²⁸ Проблемы социально-экономического развития западно-сибирской деревни.— Новосибирск, 1981.— С. 61.

Однако заготовки продуктов животноводства увеличивались значительно медленнее: в колхозах Западной Сибири за сравнимые годы заготовки молока возросли лишь на 13 %, а скота и птицы — на 12 %²⁹. Доходы колхозов и совхозов от реализации продуктов животноводства были значительно ниже, чем от продажи зерна и другой продукции растениеводства, хотя затраты их в животноводстве намного превышали затраты в растениеводстве. Это говорило о новом назревающем противоречии между ценой и себестоимостью животноводческой продукции. В валовой продукции колхозов РСФСР удельный вес продуктов животноводства в 1972 г. составил 50 %, на их производство потребовалось 57,6 % всех затрат труда и средств, а чистый доход, полученный от их реализации, составил лишь 7,2 % от всего полученного колхозами чистого дохода. Подобное положение складывалось и в колхозах Сибири, в которых доля животноводческой продукции в валовой продукции превосходила средний показатель по республике. Цены на продукты животноводства не возмещали полностью затрат колхозов на их производство. И это происходило при растущих потребностях общества в продуктах животноводства.

Развитие сельского хозяйства на всем протяжении рассматриваемого периода сопровождалось ростом себестоимости сельскохозяйственной продукции, что вызывало периодическое повышение закупочных цен. Рост себестоимости обусловлен увеличением затрат колхозов на приобретение техники не только в связи с ростом механизации сельского хозяйства, но и в связи с повышением цен на технику, неоправданным возрастанием применения отдельных видов средств производства. С наибольшей силой эта тенденция проявила себя в 70-е гг., несмотря на

²⁹ Рассчитано по данным: Сельское хозяйство СССР.— М., 1971.— С. 531, 550—551, 620.

принимаемые меры в области государственных закупок с целью стимулирования производства.

Негативные последствия вызвало и нарушение в конце 60-х — 70-х гг. принципа стабильности планов государственных закупок сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах. Появилось множество планов, возродилась практика частых и необоснованных их изменений. Утрачивалась мобилизующая роль твердого плана закупок, страдали организация производства и хозяйственная деятельность колхозов, слабо стимулировался дальнейший рост производства.

Июльский (1978 г.) Пленум ЦК КПСС, проанализировав положение в сельском хозяйстве, признал необходимым совершенствование заготовительной политики: вновь повысились закупочные цены на многие продукты животноводства, картофель и овощи, с колхозов и совхозов была списана задолженность по ссудам Госбанка СССР в 7,3 млрд руб. и отсрочены платежи в сумме 4 млрд руб.

Предпринятые попытки привести закупочные цены в соответствие с растущей себестоимостью сельскохозяйственных продуктов оказали кратковременное действие на увеличение производства и государственных закупок. Изменить коренным образом сложившуюся ситуацию в сельском хозяйстве они не могли. Негативные явления в сельском хозяйстве продолжали накапливаться. Застойные процессы, все больше проявлявшиеся в стране начиная со второй половины 70-х гг., в начале 80-х гг. достигли своего апогея. В сельском хозяйстве Сибири в 1981—1982 гг. возобладали регрессивные тенденции: снижение производства на 3,1 % в год при одновременном увеличении финансовых и материальных затрат. На эти годы приходится самый высокий процент убыточности во всей финансово-хозяйственной деятельности колхозов и совхозов Сибири, наибольший па-

деж скота и наименьший приплод молодняка в них, наибольший разрыв в темпах роста фондообеспеченности и фондоотдачи. Это отражает и общую неблагоприятную обстановку в сельском хозяйстве страны. По заключению академика И. И. Лукинова, «к 1983 году рентабельность сельского хозяйства оказалась сведенной к нулю»³⁰.

Сельское хозяйство, как и все народное хозяйство страны, стояло перед необходимостью радикальных перемен. На преодоление застойных явлений в сельском хозяйстве и совершенствование политики заготовок были направлены решения майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. Они положили начало положительным сдвигам в развитии сельскохозяйственного производства в условиях начавшейся перестройки.

На основе решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС была реформирована действующая система заготовок с целью усиления ее стимулирующего воздействия на производство. Общее повышение закупочных цен, которое было проведено, по своим масштабам превосходило увеличение цен за весь период после 1965 г. Оно шло по двум направлениям — по линии общего повышения закупочных цен и по линии введения надбавок к ценам для низкорентабельных и убыточных хозяйств на общую сумму 3,8 млрд руб. При выделении дополнительных средств непосредственно экономически слабым хозяйствам учитывались не только природные условия хозяйствования (что было сделано введением дифференциации цен в 50-е гг.), но и экономические, связанные с обеспеченностью хозяйств средствами производства и рабочей силой. Предполагалось, что это поможет выравниванию условий хозяйствования сельскохозяйственных предприятий. Надбавки к основной закупочной цене в экономически слабых хозяйствах могли составлять 75 %.

³⁰ Коммунист.— 1989.— № 3.— С. 27.

На выравнивание условий хозяйствования было направлено и преимущественное повышение цен на продукцию животноводства, мало-рентабельной или убыточной отрасли производства. На продукцию животноводства было направлено 61,5 % всех ассигнований, выделенных на повышение закупочных цен, и 83,7 % средств, предназначенных на надбавки к ним³¹.

При старой системе заготовок в течение длительного времени надбавки выплачивались за перевыполнение плана. Такой принцип порождал стремление к занижению планов, вел к тому, что надбавки получали более крепкие хозяйства, это усиливало дифференциацию колхозов по финансовому положению. В 1981 г. были установлены надбавки в размере 50 % за превышение среднего уровня закупок, достигнутого в 1976—1980 гг. Следовательно, за критерий был взят средний уровень реализации, сложившийся в десятой пятилетке.

Единые закупочные цены для колхозов и совхозов при разной структуре их финансового обеспечения (в совхозах почти 1/5 часть финансовых ресурсов поступала из бюджета, а в колхозах этого практически не было) ставили колхозы в неравные условия по сравнению с совхозами, особенно это касалось тех хозяйств, которые находились в худших условиях. Следовательно, заготовительные цены не отражали реальных экономических отношений, складывавшихся в сельском хозяйстве. Именно это обстоятельство явилось одной из причин неограниченного кредитования колхозов и невозвращения ими кредитов в срок.

К недостаткам системы надбавок следовало отнести многообразие вариантов их выплаты в различных районах страны, поскольку единые принципы распределения надбавок, критерии учета природно-экономи-

ческих условий разрабатывались не централизованно, а местными органами. В Алтайском крае, например, наряду с низкорентабельными и убыточными хозяйствами надбавки получали колхозы и совхозы с большой задолженностью по кредитам, а также вновь организованные хозяйства. В Омской же области для выплаты надбавок была проведена работа по оценке качества земель, климатических особенностей, обеспечения основными и трудовыми фондами, т. е. принцип выплаты надбавок был более обоснованным. Наряду с введением надбавок на основе рентабельности с колхозов вновь была списана кредитная задолженность (просроченная) и осуществлена ее пролонгация.

Принятые меры в области заготовительной политики повысили заинтересованность хозяйств в развитии производства, улучшили экономические показатели колхозов и совхозов, привели к увеличению валовой продукции и заготовок. Динамику государственных заготовок показывает табл. 65.

Самый высокий темп прироста заготовок зерна наблюдался в восьмой пятилетке, а наибольший среднегодовой объем их приходился на девятую пятилетку. В последующие годы закупки снижались. Это обуславливалось изменениями как валовых намолотов, так и товарности. Так, если в течение первых трех пятилеток колхозы и совхозы продавали государству 42—44 % оприходованного после доработки зерна, то в последующие две — 36—37 %, т. е. на 6—7 пунктов меньше. Объясняется это большим использованием зерна на внутривозрастные нужды, и прежде всего на корм скоту. Только в 1986 г. товарность зерна опять поднялась примерно до первоначального уровня.

Высокими темпами возрастали объемы закупок картофеля, особенно в 1966—1985 гг., при одновременном сокращении производства этого продукта, т. е. за счет повышения то-

³¹ Экономика сельского хозяйства.— 1984.— № 11.— С. 47.

Государственные закупки основных видов продукции в сибирских хозяйствах всех категорий в 1961—1985 гг., тыс. т.*

Вид продукции	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985	
					Кол-во	В % к 1961—1965
Западная Сибирь						
Зерно	3 650	5 554	6 166	5 561	4 687	128,4
Картофель	342	429	557	818	891	260,5
Овощи	125	155	269	381	473	378,4
Мясо и птица в живом весе	569	752	935	915	985	173,1
Молоко	2 555	3 468	3 902	4 114	4 266	167,0
Шерсть, т	13 813	16 482	21 315	23 027	24 700	178,8
Яйцо, млн шт.	412	731	1 637	2 579	3 175	770,6
Восточная Сибирь						
Зерно	1 784	2 142	1 937	1 045	1 822	102,1
Картофель	181	247	289	351	413	228,2
Овощи	81	115	164	196	269	332,1
Мясо и птица в живом весе	299	395	497	510	522	174,6
Молоко	812	1 103	1 306	1 479	1 461	179,9
Шерсть, т	25 337	31 025	37 854	41 955	40 700	160,6
Яйцо, млн шт.	195	368	740	1 275	1 711	877,4

* Таблица рассчитана по данным: Сельское хозяйство СССР.— М., 1971.— С. 54—55, 64—65, 68—69, 74—75, 78—79, 82—83, 86—87; Сельское хозяйство СССР.— М., 1988.— С. 221, 234, 240, 340, 347, 355; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.— М., 1988.— С. 260.

варности. Опережающими по сравнению с ростом производства темпами увеличивались закупки овощей, что также говорит о росте товарности этой отрасли. Аналогичная ситуация складывалась с темпами роста производства и закупок молока и мяса. Темп прироста закупок шерсти в течение восьмой, девятой и десятой пятилеток несколько опережал ее настриг. Самыми высокими темпами, опережающими прирост производства, возрастали закупки яйца.

Все зерно и технические культуры, а также преобладающая часть продуктов животноводства заготавливались в колхозах, совхозах и других производственных сельскохозяйственных предприятиях, причем удельный вес общественного сектора, хотя и с колебаниями по годам, в целом имел тенденцию к повышению. Так, в РСФСР по картофелю в 1960 г. он составлял 68 %, а в 1986 г.— 76, по овощам — соответст-

венно 94 и 97, по скоту и птице — 85 и 98, молоку — 71 и 99, шерсти — 84 и 82 (в 1980 г.— 85 %). В колхозах республики заготавливалось 52 % зерна и примерно 2/3 технических культур, около 1/3 мяса, шерсти, молока — 46 %, картофеля — 30 и овощей — 21 %; совхозы поставляли 48 % зерна, около половины картофеля, 2/3 мяса, почти все яйцо — 98 %³².

В Сибири доля колхозов в заготовках была несколько меньшей (вследствие меньшего удельного веса их в числе хозяйств). Так, по зерну в колхозах Западной Сибири в 1985 г. она составляла 33 %, по мясу — 22—23, молоку — около 30, картофелю — 7, овощам — 2 %; основную продукцию в регионе давали совхозы.

³² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник.— М., 1987.— С. 158.

Государственные закупки в ЛПХ Сибири в 1966—1980 гг., тыс. т

Вид продукции	1966—1970	1971—1975	1976—1980
Западная Сибирь			
Мясо скота и птицы в живом весе	64,3	64,7	20,1
Молоко	40,8	84,1	75,0
Картофель	156	213	374
Овощи	3,9	2,3	1,6
Шерсть	1,6	2,3	2,1
Восточная Сибирь			
Мясо скота и птицы в живом весе	40,4	55,2	27,4
Молоко	1,6	12,8	12,4
Картофель	64	72	144
Овощи	3,4	2,6	1,6
Шерсть	1,3	1,6	1,7

Доля личных хозяйств в государственных закупках была невелика. По мясу, например, она в 1966—1970 гг. составляла 11 %, а в 1976—1980 гг. сократилась до 2 % (табл. 66). Доля ЛПХ в заготовках по мясу и овощам сокращалась, а по молоку и картофелю возрастала, по шерсти была относительно стабильной. Товарная продукция ЛПХ шла главным образом на колхозный рынок.

Медленный и «рваный» темп прироста заготовок, низкие показатели эффективности работы колхозов и совхозов, практика навязывания сверху высоких заданий приводили к тому, что планы заготовок по большинству культур хронически не выполнялись (табл. 67). Особенно неблагоприятно обстояло дело по зерну и техническим культурам. По продуктам животноводства, а также овощам и картофелю планы чаще выполнялись или были близки к выполнению. Что касается выполнения плана закупок, то данные по Сибири существенно не отличались от средних показателей по республике. Так, в 1986—1988 гг. план закупок зерна по РСФСР был выполнен на 73,9 %, в Западной Сибири — на 81,0 %.

На выполнение плана заготовок и размеры их оказывало влияние со-

отношение себестоимости продукции и цен реализации: последние не опережали за ростом первых. Это отразилось на рентабельности производства (табл. 68).

В середине 80-х гг. в колхозах Сибири цены реализации обеспечивали рентабельное производство зерна, картофеля, молока, шерсти, яиц. Например, в результате реализации государству зерна его рентабельность в 1984 г. в колхозах Западной и Восточной Сибири составляла соответственно 81,1 и 38,2 %, картофеля — 35,9 и 26,6, молока — 29,2 и 9,1 %. В 1985 г. по зерну — соответственно 69,3 и 20,3 %, по картофелю — 27,2 и 8,9, по молоку — 24,1 и 4,6 %. Однако нерентабельным продолжало оставаться производство мяса крупного рогатого скота, свинины, птицы. В 1984 г. убыточность в колхозах Западной Сибири составляла по мясу крупного рогатого скота 5,7 %, в 1985 г. — 8,3 %. По производству свинины убыточность была равна 10,3 % в 1984 г. и 16,7 % в 1985 г. Убыточным было производство этих продуктов и в колхозах Восточной Сибири³³. Причины такого положения коренились не только

³³ Колхозы РСФСР в 1984 г. — М., 1985. — С. 98, 100, 110, 112, 118—120, 123, 126; Колхозы РСФСР в 1985 г. — М., 1986. — С. 90, 100, 107, 119, 122.

Выполнение государственных планов закупок в сибирских хозяйствах всех категорий в 1966—1986 гг., %*

Вид продукции	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985	1986
Западная Сибирь					
Зерно	86	79	66	59	85
Мясо скота и птицы в живом весе	—	103	88	97	95
Молоко	—	98	96	99,5	99,9
Яйцо	—	112	105	106	106
Шерсть	—	108	100,8	100,3	99,9
Картофель	85	87	116	108	111
Овощи	74	89,7	97	105	109
Восточная Сибирь					
Зерно	114	75	38	78	78
Мясо скота и птицы в живом весе	—	103	91	93	92
Молоко	—	100,8	97	96	98
Яйцо	—	110	103	105	103
Шерсть	—	102	99,3	95	89
Картофель	107	93	99,2	104	104
Овощи	92	84	78	98	98

в низких по сравнению с себестоимостью закупочных ценах на мясо, но и в больших потерях скота, как и многих видов продукции³⁴, низком качестве сдаваемой продукции.

Рост себестоимости сельскохозяйственной продукции определяется в основном ростом цен на приобретаемые средства производства. В 1965 г. на 1 руб. валовой продукции колхозов страны затрачивалось 39 коп., а в 1987 г. — 84 коп., т. е. себестоимость повысилась в 2,15 раза³⁵. Цены на средства производства и другие виды промышленной продукции для сельского хозяйства поднялись за 1965—1985 гг. в 2—5 раз, а за-

купочные цены на сельхозпродукцию, сдаваемую государству, — примерно в 2 раза. Цена на технику была оторвана от производительности этой техники. Так, у кормоуборочного комбайна КСК-100 по сравнению с заменяемой техникой производительность возросла на 70 %, а цена — почти в 4 раза; производительность косилки самоходной СКП-10 увеличилась на 79 %, а цена — в 4,4 раза и т. д. Значительно вздорожали тарифы на электрическую и тепловую энергию, стройматериалы, корма, минеральные удобрения. Общее необоснованное удорожание основных видов промышленных средств производства и производственно-технических услуг для сельского хозяйства страны за 1984—1986 гг. составило более 18 млрд руб.³⁶ В Кулундинской зоне Алтая за последние пять лет себестоимость 1 ц зерна практически не менялась и составляла 10—12 руб., а цены на технику, оборудование, стройматериалы резко подскочили: в 1988 г. трактор Т-4 стал

³⁴ Потери зерна составляют 20 %, картофеля — 40 %, овощей — 1/3 от того, что производится; потери при уборке и подработке достигают 20 млн т, примерно столько же теряется на стадии хранения и переработки (в совокупности это равно объемам закупок страны за рубежом); мяса теряется примерно 1 млн т. В сельском хозяйстве Сибири потери были примерно на таком же уровне (см.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 66—67).

³⁵ Коммунист. — 1989. — № 3. — С. 27.

³⁶ Сельская жизнь. — 1988. — 6 окт.

Рентабельность (— убыточность) производства в растениеводстве и животноводстве в колхозах и совхозах Сибири за 1970—1985 гг.*

Регион	1970	1975	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Растениеводство								
РСФСР	65,8	37,3	22,0	28,7	28,5	48,2	37,1	35,1
Западная Сибирь	62,8	40,5	41,2	42,2	31,4	32,7	51,2	41,9
Восточная Сибирь	87,4	65,5	41,2	36,2	31,3	37,9	59,6	41,9
Животноводство								
РСФСР	15,2	—0,8	—7,5	—7,3	—7,1	22,0	17,5	12,6
Западная Сибирь	12,7	—4,7	—2,9	0,5	—1,4	24,9	20,9	13,0
Восточная Сибирь	16,3	—7,6	—2,9	—3,2	—4,3	23,1	20,0	8,4

* Таблица рассчитана по данным: Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности колхозов и совхозов РСФСР.— М., 1986.— С. 133—136.

стоить вдвое дороже, К-700 вздорожал на 5600 руб., а комбайн «Нива» — на 3600 руб.³⁷

С тревогой за судьбы деревни говорили об этом народные депутаты в «Обращении к съезду народных депутатов»: «Наверное, ни в одной стране мира нет таких ножиц цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией в ущерб селу, нигде в цивилизованных странах плоды крестьянского труда не ценятся так низко. Причем цены на поставляемые ресурсы из года в год растут, а качество техники снижается»³⁸.

На XXVII съезде КПСС была поставлена задача открыть простор экономическим методам хозяйствования, значительно расширить самостоятельность колхозов и совхозов, повысить их заинтересованность и ответственность за конечные результаты хозяйствования. На основе постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны» система государственных закупок стала совершенствоваться в плане усиления экономического стимулирования колхозного и

совхозного производства. Были установлены стабильные по годам планы закупок. Для хозяйств, перевыполнивших план продажи зерна государству, введена встречная продажа автомобилей, тракторов, отдельных видов сельскохозяйственных машин и других ресурсов, пользующихся повышенным спросом. При невыполнении планов закупок, если оно не вызвано стихийными бедствиями, уменьшается отпуск фуражного зерна или комбикормов из государственных ресурсов.

В целях увеличения государственных ресурсов зерна в 1986—1990 гг. предусмотрена выплата надбавок в размере 100 % за зерно, проданное колхозами и совхозами сверх среднегодового уровня одиннадцатой пятилетки; при условии выполнения государственного плана продажи зерна — в размере 50 % тем хозяйствам, которые превысили этот уровень, но не выполнили план. Предусмотрен дифференцированный подход к стимулированию заготовок наиболее ценных зерновых, зернобобовых, крупяных и технических культур. Для выплаты надбавок учитываются все каналы реализации продукции (заготовительные организации, потребительская кооперация, колхозный рынок).

При распределении надбавок к закупочным ценам для низкорента-

³⁷ Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 6.— С. 10.

³⁸ Известия.— 1989.— 2 июня.

бельных и убыточных хозяйств стали уделять больше внимания нормативам, учитывающим экономическую оценку земли, обеспеченность хозяйств основными производственными фондами, трудовыми ресурсами, фактический уровень совокупной рентабельности хозяйств, сложившейся в 1983—1985 гг., за время применения этих надбавок. Нормативно-ресурсный подход в оценке производственного потенциала позволяет выделить хозяйства, действительно работающие в худших природно-экономических условиях, и хозяйства, у которых экономические показатели низки из-за плохой работы коллективов.

В то же время система надбавок в современных условиях в силу своей чрезвычайной множественности стала терять стимулирующее воздействие на производство и закупки³⁹. В государственных органах СССР и РСФСР разработаны варианты новых закупочных цен, которые, исходя из задачи стимулирования рациональной специализации производства, предусматривают введение единых закупочных цен при сохранении на определенное время понижающихся по годам дотаций для убыточных предприятий. Эти меры, по мнению председателя Государственного комитета СССР по ценам В. К. Сенчагова, «заставят многие хозяйства, районы и области перепрофилировать производство, станут толчком к развитию аренды, индивидуальных форм труда»⁴⁰. Кроме того, за пределами поставок в общесоюзный фонд действует договорная цена, которая может превышать прейскурантную на 20—30%. На одной территории могут действовать различные цены государственной торговли, торговой

сети Агропрома, кооперативной торговли, колхозного рынка.

Итоги 1986—1987 гг. свидетельствуют о закреплении тех позитивных сдвигов, которые наметились в 1983—1985 гг. На основе увеличения производства выросли заготовки основных продуктов сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют приводимые ниже данные о среднегодовых закупках в 1986—1987 гг. в сравнении с 1981—1985 гг. (в %) ⁴¹.

	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Зерно	137,2	106,3
Скот и птица	116,8	116,0
Молоко	109,6	116,7
Шерсть	103,4	98,6
Яйцо	115,2	118,3
Картофель	93,8	109,2
Овощи	116,6	112,5

В середине 80-х гг. в финансово-хозяйственном состоянии колхозов и совхозов произошли существенные положительные сдвиги: повысилась рентабельность производства, резко сократилась доля убыточных хозяйств (табл. 69). В Западной Сибири доля убыточных хозяйств снизилась с 58% в 1980 г. до 2% в 1988 г., в Восточной Сибири — соответственно с 76 до 1, в РСФСР — с 71 до 2%. Решающими факторами в улучшении хозяйственно-финансовой деятельности колхозов и совхозов послужили переход Агропрома РСФСР с января 1988 г. на самофинансирование и значительное увеличение прибыли хозяйств в этом году, достигнутое в основном за счет выплат дифференцированных надбавок к закупочным ценам.

Затянувшиеся на многие годы кризисные явления в финансовом положении многих колхозов и совхозов, низкая рентабельность, особенно производства продуктов животноводства, свидетельствовали о необходимости совершенствования политики заготовок и механизма цен. Об этом говорилось на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС и на

³⁹ В целом по стране на один рубль выручки по прейскурантным закупочным ценам приходится 40 коп. различных надбавок. По отдельным хозяйствам и областям надбавки превышают основные цены (см.: Коммунист.—1989.— № 16.— С. 18).

⁴⁰ Там же.— С. 19.

⁴¹ Рассчитано по данным Агропрома РСФСР за 1987 г.

Финансово-хозяйственные результаты деятельности колхозов и совхозов Сибири в 1980—1988 гг.

Регион	Количество хозяйств						Чистый результат (прибыль, убыток), млн руб.			Уровень рентабельности (–убыточности), %		
	1980		1985		1988		1980	1985	1988	1980	1985	1988
	прибыльных	убыточных	прибыльных	убыточных	прибыльных	убыточных						
Западная Сибирь	916	1256	1860	479	2341	42	–98	1026	2718	–2,2	17,4	38,5
Восточная Сибирь	259	239	736	453	1217	14	–274	355	1454	–13,6	12,7	43,4

первом Съезде народных депутатов СССР (1989 г.). В решениях Пленума отмечалось, что «в целях дальнейшей демократизации порядка формирования планов колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям должно быть предоставлено право самостоятельно, с учетом предложений подрядных и арендных коллективов, определять структуру производства, объемы продажи продукции, другие производственные и экономические показатели, а также распоряжаться по своему усмотрению произведенной продукцией и хозрасчетным доходом»⁴².

Пленум осудил «нажимные методы заготовок», рекомендовал проводить мобилизацию продукции в централизованные фонды путем «договорных обязательств на основе экономической ответственности как производителя продукции, так и ее заготовителей». Госзаказ стал рассматриваться как временная мера, необходимая до тех пор, пока «новый экономический механизм заработает в полную силу». Устанавливались твердые закупочные цены на пятилетие на основные виды сельскохозяйственной продукции с учетом их качества. В то же время признавалось целесообразным определять цены на плодоовощную про-

дукцию и картофель исходя из специфики производства и реализации этой продукции, на договорной основе. Намечалось оздоровить финансовое положение предприятий и организаций агропромышленного комплекса, с тем чтобы добиться в ближайшие два года безубыточности работы всех колхозов, совхозов и других предприятий. В тех же случаях, когда принимаемые меры не обеспечивают рентабельной работы убыточных хозяйств, эти хозяйства могут реорганизовываться и ликвидироваться с передачей земли другим колхозам, совхозам, промышленным предприятиям, кооперативам арендных коллективов и крестьянским хозяйствам⁴³.

Таким образом, в 60–80-е гг. происходило совершенствование государственных заготовок на основе закупок как сложившейся их формы; относительное усиление их влияния на производство через разрешение противоречий, возникающих в ходе осуществления заготовительной политики. В эти годы предпринимались попытки построить отношения государства и сельскохозяйственных предприятий на более прочной эквивалентной основе путем приближения цен к себестоимости сельскохозяйственной продукции. При этом более полное пользование стоимостными рычагами и товарно-денежными отношениями сразу же давало

⁴² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15–16 марта 1989 года.— С. 88–89.

⁴³ Там же.— С. 89–90.

непосредственный экономический эффект, который, однако, постепенно сходил на нет из-за возвращения к внеэкономическим методам хозяйствования.

Накопленный опыт с очевидностью показал, что решить проблему заготовок, т. е. обеспечить создание устойчивого продовольственного фонда, полностью удовлетворяющего потребности страны, возможно только на основе эквивалентных отношений в экономике, прежде всего между аграрным сектором и другими сферами народного хозяйства. Достижение эквивалентности в отношениях государства и сельскохозяйственных предприятий невозможно путем изменения только закупочных цен на продукцию сельского хозяйства. Эквивалентность в обмене предполагает экономически обоснованные цены и на средства производства, и на услуги, предоставляемые сельскому хозяйству. Тенденции роста этих цен, явственно проявившиеся в 60—80-е гг., увеличивали издержки и себестоимость сельскохозяйственной продукции даже вопреки улучшению деятельности колхозов и совхозов. Корень проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства лежит в экономических отношениях, во всей цепочке сопряженных отраслей народного хозяйства, которая лишь заканчивается сельским хозяйством. Начиная с исходного пункта — производства энергоресурсов и машиностроения — и кончая транспортировкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции, в истекшей четверти века воспроизводились условия, затрудняющие колхозам и совхозам возможность использовать повышение закупочных цен для внутреннего накопления и усиления заинтересованности в труде непосредственных производителей (рост цен на средства производства, отставание перерабатывающих мощностей, большие потери при транспортировке, отсутствие развитой инфраструктуры на

селе и др.). Поэтому система заготовок может быть эффективным средством воздействия на общий уровень сельскохозяйственного производства и повышения качества его продукции только на основе всего комплекса мер, направленных на развитие сельского хозяйства.

В 60-х — середине 80-х гг. совершенствование системы заготовок происходило в условиях господства административно-командной системы управления народным хозяйством. Преодоление сил инерции и застоя, переход к экономическим методам хозяйствования создают возможность и необходимость не только совершенствования заготовительной политики Советского государства, но и ее радикального преобразования. Десятки лет сложившаяся система заготовок была средством, при помощи которого государство в централизованном порядке удовлетворяло потребности общества в продуктах сельского хозяйства, что оборачивалось подчас произволом по отношению к колхозам и совхозам. В условиях перестройки хозяйственного механизма нужен иной подход, основанный на расширении экономической самостоятельности колхозов и совхозов. При сохранении в руках государства руководящей роли в определении пропорций народного хозяйства, сосредоточении у него необходимых ресурсов промышленного и сельскохозяйственного производства колхозы и совхозы должны обладать неизмеримо большей экономической свободой в реализации произведенной продукции.

В условиях многообразия форм реализации социалистической собственности (особенно с развитием кооперации, аренды, агрофирм и агрокомбинатов, индивидуальной трудовой деятельности) создается экономическая основа для развития разнообразных товарных форм экономических связей города и деревни. Необходим переход к различным формам заготовок, включающих наряду с государственными закупками у

колхозов и совхозов торговлю на рынке, сдачу продукции по договорам и др. В решении мартовского (1989 г.) Пленума отмечалось, что «придание самостоятельности колхозам и совхозам, крестьянским хозяйствам, широкое развитие зрендных отношений создают возможности в будущем закупать на договорных началах те виды сельскохозяйственной продукции и в тех объемах, которые необходимы для формирования государственного продовольственного фонда»⁴⁴.

Переход к такой форме экономических отношений сложен, осуществляется он постепенно, не без препятствий. На нынешнем, переходном этапе используются различные формы привлечения продукции в централизованные фонды, включая государственный заказ. Однако на практике госзаказ нередко превращается в «госприказ», навязывается сверху «нажимными» методами и охватывает всю товарную продукцию. Подобная практика отмечалась и в Сибири. Председатель совета агропромышленного объединения «Славгородское», председатель колхоза им. К. Маркса Алтайского края Г. А. Беккер говорит: «Госагропром республики доводит госзаказ до края, тот до объединения, а хозяйствам остается по стойке «смирно» выполнять указания свыше? Мы ждали госзаказ процентов на шестьдесят от объема, а в него, как в план, заложили стопроцентный охват сырьевых сельскохозяйственных ресурсов, тем самым были похоронены наши самые радужные надежды на самостоятельность»⁴⁵.

Народные депутаты, представляющие аграрный комплекс России, в своем «Обращении к съезду народных депутатов» отметили: «У колхоза и совхоза практически забирают по госзаказу всю реализованную продукцию. План по-прежнему фор-

мируется от достигнутого уровня, и особенно страдают те, кто лучше использует свои возможности. Мы предлагаем существенно сократить госзаказ и размещать его на строго взаимоприемлемых договорных основах. Установить в принципе единые (по крупным зонам специализации) цены на продукцию для всех хозяйств»⁴⁶.

Первый Съезд народных депутатов в постановлении «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» поддержал Обращение депутатов-аграрников и поручил правительству СССР «незамедлительно приступить к реализации поставленных в нем коренных проблем развития села»⁴⁷. В частности, правительству поручалось провести эксперимент по стимулированию дополнительной поставки хозяйствами высококачественной продукции путем оплаты ее валютой, сэкономленной в результате сокращения импорта зерна и продовольствия.

Эффективность государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов неразрывно связана с личной материальной заинтересованностью трудящихся. В условиях поворота всего народного хозяйства к человеку система государственных заготовок может стать мощнейшим рычагом приведения в действие резервов снижения себестоимости, повышения качества продукции и ее роста, если она обеспечит сочетание личных и общественных интересов. Преодоление отчужденности непосредственного производителя от результатов своего труда, превращение его в реального хозяина земли — условие достижения этого.

6. Роль науки в развитии сельского хозяйства

Важнейшим условием обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства является повышение роли сельскохозяйственной науки. «Наука, — говорится в докла-

⁴⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 89.

⁴⁵ Земля сибирская, дальневосточная. — 1989. — № 6. — С. 9.

⁴⁶ Известия. — 1989. — 2 июня.

⁴⁷ Там же. — 25 июня.

де М. С. Горбачева на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК партии, — должна стать органической составной частью кардинальных преобразований в экономических отношениях и материальной базе аграрного сектора»⁴⁸.

Начиная с 60-х гг., когда с освоением целины и залежи был практически исчерпан запас плодородных земель, дальнейшее развитие сельского хозяйства Сибири стало возможным только на основе интенсификации, т. е. значительного повышения культуры производства, а также вовлечения в сельскохозяйственный оборот малопродуктивных и труднодоступных земель. Для реализации этих задач требовалось поднять сельскохозяйственную науку на качественно новый уровень, всемерно расширять объем исследований, причем главным образом поискового характера, значительно повышать их научно-теоретический, научно-методический и научно-технический уровни, совершенствовать организацию научно-исследовательской работы по сельскому хозяйству в целом. Сеть научно-опытных учреждений Сибири в силу своей малочисленности, несовершенства структуры, слабости научно-производственной базы эти задачи решить не могла.

По развитию учреждений сельскохозяйственной науки Сибирь, как и в целом восточные районы страны, традиционно отставала от центральных районов: сеть их была мала, материально-техническая база слаба, квалифицированные кадры крайне малочисленны. В старейшем и ведущем научном центре Сибири — СибНИИСХозе, во многом определявшем агротехническую политику, в конце 40-х гг. 10 лабораторий возглавлялись научными сотрудниками без ученых степеней, из 56 научных работников 10 не имели высшего образования. В системе ветеринарных научных учреждений Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Ка-

захстана в 1950 г. имелось всего 189 научных сотрудников, из них лишь 3 доктора и 31 кандидат наук⁴⁹.

Хотя во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в связи с повышением внимания к аграрному сектору (ростом капиталовложений, приоритетным развитием сельского хозяйства восточных районов — освоением целинных земель и т. п.) сеть научных учреждений сельскохозяйственного профиля и объемы научных исследований значительно возросли, преодолеть отставание не удалось. В середине 60-х гг. научные исследования проводились пятью НИИ — Сибирским, Алтайским, Красноярским институтами сельского хозяйства, Сибирским институтом животноводства, Сибирским ветеринарным институтом; двумя региональными филиалами институтов экономики и механизации сельского хозяйства, а также 30 опытными станциями. Число научных работников было невелико — около 2 тыс., свыше трех четвертей из них не имели научных степеней, незначительным было число докторов наук (в 1970 г. — около 1,7 %). В Алтайском крае имелось 13 научных учреждений, в Новосибирской области — 10, в Омской области — 6; в них работало соответственно 500, 550 и 680 сотрудников. Доля научных работников в научных учреждениях Сибири сельскохозяйственного профиля составляла около 4 % от всех научных работников страны, а докторов наук — менее 2 %. Кроме того, в 10 сельскохозяйственных вузах насчитывалось около 2 тыс. педагогов, занимающихся научной работой. Распределение научных сотрудников по учреждениям разных типов в 1965 г. было следующим: НИИ — 24 %, сельскохозяйственные опытные станции — 19, вузы — 57 %⁵⁰.

⁴⁹ ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 2130, л. 191—192; ф. 7486, оп. 9, д. 574, л. 133.

⁵⁰ Рассчитано по отчетам НИИ, опытных станций и вузов, хранящимся в ЦГАНХ, краевых и областных государственных архивах.

⁴⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 года. — С. 67.

В этих условиях в конце 50-х — начале 60-х гг. на многочисленных научных совещаниях, конференциях учеными-аграрниками региона был поднят вопрос об организации в Сибири отделения (или филиала) ВАСХНИЛ. Во второй половине 1959 г. данная проблема становится предметом специального рассмотрения на коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Принято решение подготовить для представления в правительстве соответствующее предложение. «Организация Сибирского филиала, — констатировал президиум ВАСХНИЛ, — позволила бы значительно улучшить научно-методическое руководство опытными учреждениями восточных районов страны»⁵¹. Но в связи с усилением субъективистских и административных методов руководства аграрной наукой и практикой в конце 50-х — начале 60-х гг. вопрос об организации в Сибири регионального отделения ВАСХНИЛ не был решен положительно. Созданные в 1956—1959 гг. в ряде союзных республик республиканские академии сельскохозяйственных наук в 1962 г. были ликвидированы. Однако опыт региональных научных центров АН СССР убедительно показал целесообразность подобной организации исследований в области сельского хозяйства, в первую очередь на востоке страны. Сибирское отделение ВАСХНИЛ было создано по постановлению Совета Министров СССР от 14 ноября 1969 г. «О мероприятиях по созданию научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока»⁵². При создании СО

ВАСХНИЛ в его состав были включены реорганизованные и вновь сформированные институты: животноводства; механизации и электрификации; экономики сельского хозяйства; химизации (в 1980 г. реорганизован в Институт земледелия и химизации); Институт кормов; Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства; Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера; Всероссийский научно-исследовательский институт сои. В 1974 г. в состав отделения был включен Институт экспериментальной ветеринарии, а в 1976 г. — Сибирский филиал ВИР (в 1977 г. реорганизован в научно-исследовательский институт растениеводства и селекции). За десятилетие (1965—1977 гг.) число научно-исследовательских учреждений ВАСХНИЛ возросло в Западной Сибири с 4 до 11, а число научных работников в них — в 2 раза.

Расширялась сеть зональных научно-исследовательских институтов: были организованы Кемеровский и Бурятский научно-исследовательские институты сельского хозяйства. В 70-е гг. впервые в стране созданы комплексные институты технологического характера (СибНИПТИЖ, АНИПТИЖ и др.). Их организация по производственно-проблемному принципу позволила нацелить научные исследования на достижение конечного результата, на решение проблемы в целом, а не на проработку лишь отдельных разрозненных задач. Для активизации селекционной работы девять институтов в регионе были утверждены селекционными центрами по растениеводству и один — по животноводству. В целом за 70-е — первую половину 80-х гг. в Сибири и на Дальнем Востоке было создано 24 научно-исследовательских института по сельскому хозяйству.

Создание научных подразделений продолжалось и во второй половине 80-х гг. На январь 1990 г. в состав Сибирского отделения ВАСХНИЛ

⁵¹ ЦГАНХ, ф. 8390, оп. 1, д. 4636, л. 33—34.

⁵² Ленинская аграрная политика КПСС: Сборник важнейших документов (март 1965 — июль 1978). — М., 1978. — С. 257—260.

входило 45 научно-исследовательских учреждений (в том числе 10 региональных отраслевых институтов, 13 зональных, 12 опытных станций, один филиал НИИ), 10 научно-производственных объединений, 8 селекционных центров, 58 опытно-производственных хозяйств — всего свыше 120 организаций. В них работала 41 тыс. чел., в том числе в научных учреждениях — 6,7 тыс. Собственно научный потенциал Сибирского отделения составляют 2,2 тыс. научных сотрудников, в том числе 850 кандидатов наук, 50 докторов наук, 3 академика и 2 члена-корреспондента ВАСХНИЛ⁵³.

Наряду с научными учреждениями аграрного профиля в Сибири научные разработки для сельского хозяйства ведут и многие академические институты Сибирского отделения АН СССР, прежде всего биологического и экономического профилей. В 80-е гг. ученые 42 научных учреждений СО ВАСХНИЛ активно сотрудничали с 17 НИИ СО АН СССР и СО АМН СССР.

Сельскохозяйственные исследования проводятся также в 11 сельскохозяйственных вузах. Масштабы исследовательской деятельности в них также возрастают: в середине 80-х гг. в сельскохозяйственных вузах Сибири и Дальнего Востока действовало 19 специальных научно-исследовательских подразделений, подавляющая их часть — в Новосибирском и Омском сельскохозяйственных институтах.

Однако насыщенность научными силами даже в Западной Сибири, где функционирует новосибирский науч-

ный центр по сельскому хозяйству и сосредоточено 68 % аграрного научного потенциала Сибири, в 2 раза ниже, чем в среднем по стране. Поэтому в дальнейшем следует обеспечивать опережающие темпы развития сельскохозяйственных научных исследований в восточных районах страны. С организацией СО ВАСХНИЛ были созданы условия для более целенаправленной разработки научных проблем, повышения теоретического уровня исследований. Ведущую роль стали играть научно-исследовательские институты, что соответствовало положению в отечественной и мировой науке в целом, тогда как в начале 60-х гг. основным типом научно-исследовательских учреждений в области сельского хозяйства являлись опытные станции.

Научные исследования в области сельского хозяйства направлены прежде всего на повышение продуктивности главного средства производства — земли. Важнейшим направлением сохранения и повышения почвенного плодородия значительной части сельскохозяйственных зон Сибири является борьба с эрозией почв. В Западной Сибири ветровой эрозии подвержено 3 млн га, водной — 2 млн, в Восточной Сибири — 3,2 млн и 1,9 млн га. Большие площади земель, подвергавшихся ветровой эрозии в результате нерациональных приемов освоения, имелись в Омской, Новосибирской областях, в Хакасии и Туве. Необходимо было найти такие методы обработки, которые способствовали бы сохранению высокого плодородия целинных земель, обеспечивали сохранение влаги в почве как главное условие ведения хозяйства в степных районах Сибири и Казахстана, предохранили почву от эродирования. Уже в первые годы после начала освоения целины коллективами казахстанских и сибирских ученых были разработаны мероприятия по рациональному ведению земледелия на новых землях. Выездная сессия четырех отделений ВАСХНИЛ в Целинограде в августе

⁵³ В 1988 г. из СО ВАСХНИЛ ряд институтов передан в Дальневосточное отделение ВАСХНИЛ, образованное в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 7 июля 1988 г. В составе ДВО в 1988 г. имелось 8 научно-исследовательских учреждений и 12 опытно-производственных хозяйств; в них работало 485 научных сотрудников, в том числе 142 кандидата и доктора наук (см.: Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 7.— С. 14).

1958 г. приняла решение осуществить практический переход на рациональную систему земледелия в районах целинных и залежных земель. В первую очередь предполагалось внедрить безотвальную обработку почвы без уничтожения стерни и без оборота пласта в качестве средства борьбы с эрозией, а также чистые пары как наиболее радикальное средство накопления влаги, извращения полей от сорной растительности, болезней и вредителей сельскохозяйственных культур⁵⁴. Рекомендовались в системе противоэрозийных мероприятий и такие приемы, как полосная система земледелия, севообороты со значительным клином многолетних трав. Применение почвозащитных мероприятий в широких масштабах и введение рациональных систем земледелия стали важнейшими задачами науки и практики на длительный период; осуществление их сопровождалось преодолением многих трудностей и ошибочных представлений.

Огромный вред процессу практического внедрения на целине рациональных приемов земледелия нанесло усиление административных методов руководства аграрной отраслью экономики. Насаждение в Сибири так называемой пропашной системы земледелия и провозглашение в результате этого занятых пропашными культурами паров главным средством борьбы с ветровой эрозией привели к дальнейшему распространению этого опасного явления. Были нарушены и другие элементы рациональной системы земледелия на целине. В частности, в 1961 г. в ряде целинных хозяйств по рекомендациям академиков Т. Д. Лысенко и М. А. Ольшанского были проведены посевы зерновых культур в сверхранние сроки. По этой причине только в пяти северных областях Казахстана совхозы и колхозы недобрали 150 млн пудов зерна, к тому

же 77 % площади посевов оказались в сильной степени засоренными сорняками. Потребовалось четыре года, чтобы частично ликвидировать засоренность полей — последнее из этих рекомендаций⁵⁵. В 1968 г. ученые подсчитали, во что нам обошлось нерациональное освоение целинных земель: из распаханых в 1954—1960 гг. в Северном Казахстане и Западной Сибири 35 млн га целинных земель 22 млн были повреждены ветровой эрозией, причем 16 млн га — в сильной степени. О трагедии целины свидетельствует и такой факт: в 1963 г. средний урожай зерновых на целинных землях составил 2,7 ц/га⁵⁶.

Мероприятия по практическому применению рациональных почвозащитных методов ведения хозяйства на целине были разработаны на выездной сессии ВАСХНИЛ в Целинограде в начале 1966 г. Широкое внедрение начиная со второй половины 60-х гг. почвозащитной системы земледелия позволило остановить ветровую эрозию на площади свыше 31 млн га и обеспечить в Сибири и Казахстане ежегодный дополнительный сбор 5—6 млн т зерна. В 1981 г. эта система земледелия применялась в СССР на площади 43,8 млн га⁵⁷. Большой вклад в разработку системы противоэрозийных мероприятий внесли В. А. Юферов, А. И. Шевлягин, С. С. Сдобников, А. Н. Каштанов, Н. И. Фольмер и др.

Однако новые способы обработки почвы далеко не везде применяются комплексно. Из 16,7 млн га пашни в регионе, которые целесообразно обрабатывать по почвозащитной технологии плоскорезами, подвергаются комплексной противоэрозийной об-

⁵⁵ Вестник сельскохозяйственной науки.— 1966.— № 5.— С. 30.

⁵⁶ Сельскохозяйственная практика: Противоречия перестройки.— М., 1989.— С. 376—377.

⁵⁷ Продовольственная программа. Задачи науки: Совместная сессия Общего собрания Академии наук СССР и Общего собрания ВАСХНИЛ 22—23 ноября 1982 г.— М., 1984.— С. 54.

⁵⁴ Сельское хозяйство.— 1958.— 4 сент.

работке только 9 млн га. Из 14,5 млн га пашни, требующей сочетания плужных и плоскорезных обработок, только 5 млн га обрабатываются по рекомендациям науки. Пока не находит широкого применения контуро-мелиоративная система землеустройства и обработки почвы на склоновых землях, разработанная Алтайским научно-исследовательским институтом земледелия и селекции. Одна из причин этого — отсутствие специализированной высокопроизводительной техники.

С учетом почвенно-климатических условий ученые региона придают важное значение комплексной мелиорации земель, получению на мелиорированных площадях высоких сборов высококачественной дешевой продукции. Наибольшую актуальность имеет орошение в самой засушливой зоне края — Кулундинской степи. Научными сельскохозяйственными учреждениями Алтая применительно к зоне, почвам и выращиваемым на поливе культурам рекомендованы и проверены на практике нормы и сроки поливов, дозы и способы внесения удобрений, система обработки почвы. Совершенствование технологии ведения и расширение площадей орошения Кулунды отражаются в динамичном наращивании продуктивности поливных площадей. В 1984 г. валовой сбор кормов с орошаемых угодий возрос здесь в 19 раз по сравнению со среднегодовым показателем девятой пятилетки, а съём продукции с гектара — в 2,3 раза.

Значительный вклад в повышение производительности сельскохозяйственного производства региона внесли агрохимики. Исследовательскую деятельность в этом направлении вели крупные ученые — лауреат Ленинской премии член-корреспондент ВАСХНИЛ К. П. Горшенин, первый председатель президиума СО ВАСХНИЛ академик ВАСХНИЛ И. И. Сиягин и др. В Сибири миллионы гектаров заняты солонцовыми землями. На целинных немелиориро-

ванных солонцах сбор сена составляет лишь 3—5 ц/га. Ученые разработали и внедрили в практику приемы окультуривания солонцов с использованием их под кормовые угодья и пашню, что приносит значительный экономический эффект. К примеру, при коренном улучшении солонцовых земель в совхозах Барабинской низменности, по обобщенным данным СибНИИПТИЖа, урожайность трав возрастает в 3—5 раз. В Сибири также накоплен значительный опыт гипсования солонцов. При внесении средней дозы гипса или фосфогипса (около 10 т/га) обеспечивается повышение урожайности зерновых на пашне примерно на 5 ц/га в течение 7—8 лет. Многолетние травы на подвергнутых агрохимическим и химическим мелиорациям солонцах в богарных условиях дают 15—20 ц/га сена, а с применением орошения — 30—40 ц/га. Орошение в сочетании с внесением туков поднимает урожайность сенокосов на мелиорированных солонцах до 70—80 ц/га.

Сибирские сельскохозяйственные научные учреждения разработали эффективные способы внесения минеральных удобрений под сельскохозяйственные культуры. Однако предстоит большие работы по совершенствованию технологии утилизации и внесения органических удобрений, по использованию торфа и различных видов компостов. В целом усилия ученых-аграрников Сибири по сохранению почвенного плодородия оказались недостаточными. Процесс дегумификации почв в регионе не остановлен.

Интенсификация сельскохозяйственного производства требует разработки новых эффективных средств и методов защиты растений от вредителей. Очищение почв Сибири от засоренности может обеспечить повышение урожайности сельскохозяйственных растений в среднем на 20—25 %. Вредители и болезни снижают урожайность примерно на 20 %. В 60-е гг. в регионе, как и в

стране в целом, широко применялись химические методы защиты растений, что было связано с их универсальностью, простотой и доступностью. Однако это вело к накоплению пестицидов в почве, воде, живых организмах. Кроме того, у вредителей развивалась устойчивость к ядам, вследствие чего приходилось применять пестициды во все больших количествах. Поэтому с начала 70-х гг. по рекомендациям ученых началось внедрение в сельскохозяйственное производство региона биологического метода защиты растений, выгодно отличающегося от химического своей избирательностью и безопасностью для человека и окружающей среды. Биологические методы защиты растений применяются для борьбы с вредителями овощных, ягодных культур. По эффективности эти препараты не уступают химическим. Масштабы их использования расширяются. Так, если в 1970 г. в Сибири и на Дальнем Востоке применялось три вида биологических средств защиты растений в закрытом грунте на площади 17,4 тыс. м², то в 1982 г. количество их увеличилось до 14, до 11,5 млн м² возросли масштабы применения⁵⁸.

Имеются и другие примеры «биологического земледелия» в Сибири, носящие, к сожалению, узлокальный характер. Так, в середине 80-х гг. в Муромцевском районе Омской области учли рекомендации ученых и отказались от пестицидов, при этом урожай превысил средний по области.

В последние годы в регионе стали применяться альтернативные химические методы защиты посевов, в частности система организационно-агротехнических мероприятий. В Кыштымском, Северном, Венгеровском районах Новосибирской области успешно практикуется изменение структуры посевов в соответствии с прогнозируемой численностью вреди-

телей. Высокодостоверные прогнозы составляет Биологический институт СО АН СССР. Однако применение этих достаточно простых и весьма эффективных агротехнических средств, как правило, не находило распространения в широкой производственной практике⁵⁹. В целом вопросы интегрированной защиты растений от вредителей, болезней, сорняков изучаются и внедряются в сельскохозяйственное производство крайне недостаточно.

В интенсификации производства зерна, как и других растениеводческих продуктов, большое место принадлежит сорту и семенам. Научно установлено, а практикой подтверждено, что за счет сорта урожайность можно повысить примерно на 25 %, за счет семян — на 20 %. Потребности интенсификации земледелия потребовали создания принципиально новых сортов: отзывчивых к удобрению и орошению, устойчивых к полеганию, невосприимчивых к болезням. Однако для реализации этой задачи необходимо было прежде всего преодолеть значительные трудности, связанные с монопольным положением в агробиологической науке группы ученых во главе с академиком Т. Д. Лысенко, подвергавших остракизму генетику и придерживавшихся упрощенным, механистическим взглядам на селекцию, принижавших значение теоретических биологических дисциплин для развития сельскохозяйственной науки. По свидетельству селекционеров региона, «насаждение догматических положений не могло не оказать влияния на развитие селекции в Сибири»⁶⁰. В сложившейся обстановке резко снизилась результативность селекционных работ. С особой силой это отразилось на выведении новых сортов зерновых культур, и прежде всего яровой пшеницы. Большинство выведенных селекционерами в кон-

⁵⁹ Сельскохозяйственная практика: Противоречия перестройки.— С. 416.

⁶⁰ Развитие биологической науки в Сибири за 50 лет.— Новосибирск, 1968.— С. 237.

⁵⁸ Роль науки в реализации Продовольственной программы СССР.— Новосибирск, 1985.— С. 155.

це 50-х — начале 60-х гг. сортов впоследствии были сняты с районирования, как недоработанные и не отвечающие условиям интенсивного земледелия. Из них на конец 70-х гг. в районировании остались только Нарымская-246 и Цезиум-31⁶¹.

Нормализации ситуации в селекционных работах способствовало принятие 9 января 1963 г. Центральным Комитетом партии и Советом Министров СССР постановления «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой», в котором была реабилитирована генетика⁶². В октябре 1969 г. Министерство сельского хозяйства СССР и ВАСХНИЛ утвердили «Перспективный план развития селекционных работ по селекции зерновых, зернобобовых и крупяных культур на период до 1980 г.». Для его выполнения в стране были созданы селекционные центры, организация которых означала новый этап в развитии селекции. В частности, Западно-Сибирским селекцентром, созданным при СибНИИСХозе, уже в течение девятой пятилетки в государственное сортоиспытание был передан 21 сорт сельскохозяйственных культур. В 1976 г. сортами зерновых культур, созданными в научно-исследовательских институтах зоны деятельности Западно-Сибирского селекцентра (Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская и Кемеровская области), было занято 4,6 млн га, в том числе сортами селекцентра — 3,8 млн га.

Повышению результативности селекционных работ способствовала совместная деятельность ученых-биологов СО АН СССР и селекционеров СО ВАСХНИЛ. Так, в Сибири в настоящее время широко распространен сорт яровой пшеницы интенсивного типа Новосибирская-67, созданный совместно учеными Института

цитологии и генетики СО АН СССР и Института растениеводства и селекции СО ВАСХНИЛ. За период районирования (с 1974 г. до середины 80-х гг.) за счет возделывания этого сорта получен экономический эффект более чем в 150 млн руб.⁶³

В 80-е гг. в области селекции яровой пшеницы был сделан упор на селекцию сильных сортов. Это связано с тем, что потребность в зерне сильной пшеницы в начале 80-х гг. удовлетворялась в стране приблизительно на 40 %. Созданы и районированы сильные сорта яровой пшеницы Иртышанка-10 (1981 г.), Омская-12 (1984 г.), Омская-17 (середины 80-х гг.) и др. Площадь их посевов в районе составляет около 3 млн га. В результате в Западной Сибири значительно возросли заготовки сильного зерна. В одиннадцатой пятилетке Западная Сибирь оказалась единственным регионом из зон посевов яровой и озимой пшеницы, где были выполнены плановые задания по заготовке сильного зерна. В сравнении с десятой пятилеткой заготовка его увеличилась в 2,4 раза. Наибольших успехов в этом направлении добилась Омская область. Если в девятой пятилетке среднегодовая продажа сильного зерна составляла в области 11 тыс. т, то в десятой и одиннадцатой — соответственно 216 тыс. и 352 тыс. т, что больше, чем было собрано на Украине и в Поволжье, вместе взятых⁶⁴.

Важным фактором развития земледелия в регионе является расширение посевов озимых зерновых культур, сев и уборка которых происходит в относительно менее напряженный период сельскохозяйственных работ, что способствует не только увеличению валовой продукции зерновых, но и сокращению потребности колхозов и совхозов в рабочей силе. Селекционеры Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства, Сибирского на-

⁶¹ Сибирский вестник сельскохозяйственной науки.— 1978.— № 3.— С. 25.

⁶² КПСС в резолюциях...— М., 1986.— Т. 10.— С. 297—305.

⁶³ Роль науки в реализации Продовольственной программы СССР.— С. 113.

⁶⁴ Вестник сельскохозяйственной науки.— 1987.— № 7.— С. 57.

учно-исследовательского института растениеводства и селекции, Института цитологии и генетики СО АН СССР вывели сорта озимой пшеницы Омская озимая, Сибирская нива, Омская-3, Северная заря, Альбидум-12, озимой ржи Тетра короткая и т. д. Наибольший вклад в создание озимых зерновых культур для Сибири внесли селекционеры Е. Г. Мухордов, Р. И. Рутц (СибНИИСХоз).

В передовых хозяйствах Сибири расширяются площади посевов под озимыми культурами, причем их урожай стабильно выше, чем яровой пшеницы (например, в Алтайском крае в 1981—1985 гг. — на 6,9 ц/га). Однако посевы озимых в Сибири расширяются чрезвычайно медленно. В площади посевов зерновых культур яровые занимают 97,5 %, причем из 78 тыс. га озимой пшеницы, посеянных в регионе, 68 тыс. га приходится на Омскую область⁶⁵. По мнению ученых, уровень производства зерна и состояние земледелия в целом в Сибири могли бы быть качественно изменены, если бы в структуре зернового клина более широко использовались озимые сорта. Расчеты показывают, что посевы озимых сортов пшеницы в пределах 10 % площадей, занятых в Западной Сибири, позволят получить дополнительно 500—600 тыс. т зерна.

За годы десятой пятилетки селекционерами Сибири и Дальнего Востока создано 223 сорта сельскохозяйственных растений, в том числе 79 сортов зерновых культур и 28 сортов кормовых. В эти же годы районировано 70 сортов сибирской селекции, которые используются на полях колхозов и совхозов Сибири. С учетом сортов, районированных в одиннадцатой пятилетке, сорта сибирской селекции занимали к середине 80-х гг. почти 12 млн га. За

1986—1988 гг. в государственное сортоиспытание передано 84 сорта сельскохозяйственных культур, 88 новых сортов сибирской селекции районировано. С 1986 г. районированы новые интенсивные сорта яровой пшеницы Новосибирская-81, Омская-17, скороспелый сорт Тулунская-10, с 1987 г. — Тюменская ранняя. От внедренных в производство районированных сортов научно-исследовательских учреждений СО ВАСХНИЛ только в 1988 г. получен экономический эффект более 100 млн руб. В 1989 г. передано на государственное испытание 39 сортов сельскохозяйственных культур, районировано 29 сортов культур. В Институте цитологии и генетики СО АН СССР успешно ведутся работы по геной инженерии, разрабатываются бактериальные гены, способные защитить растения от вредителей.

Вместе с тем селекционные центры региона недостаточно эффективно работают по выведению высокоурожайных скороспелых, устойчивых к неблагоприятным погодным условиям, болезням и вредителям сортов зерновых сельскохозяйственных культур. Не всегда проводится их оценка на пригодность к интенсивным технологиям, вследствие чего на значительных площадях возделываются сорта пшеницы с повышенной степенью полегания и длительным вегетационным периодом. Необходимо решить задачу выведения раннеспелых сортов яровой пшеницы с вегетационным периодом 80—85 дней и потенциальной урожайностью 50—60 ц/га. Запоздалое созревание хлебов нередко вынуждает производителей проводить преждевременное скашивание пшеницы в массовом масштабе. По оценкам ученых, по этой причине часто теряется до четверти урожая.

Среди комплекса факторов, определивших развитие животноводства в рассматриваемый период, важную роль сыграла наука. Учеными региона был выведен ряд ценных пород и

⁶⁵ Управление развитием продовольственной базы Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 64; Земля сибирская, дальневосточная. — 1988. — № 12. — С. 18—19.

породных групп сельскохозяйственных животных, высокопродуктивных и хорошо приспособленных к суровым сибирским условиям: сибирское отродье черно-пестрой породы крупного рогатого скота, сибирская северная и кемеровская породы свиней, алтайская, забайкальская и красноярская породы овец, а также черно-пестрая породная группа свиней и горно-алтайская породная группа овец. Некоторые породы сибирской селекции, например алтайская порода овец, по шерстной продуктивности и плодовитости вышли на одно из первых мест в мире среди тонкорунных пород. В хозяйствах Сибири в пользу увеличения породных животных изменилась структура стада. Выведенное отродье черно-пестрого скота занимает в зоне интенсивного молочного скотоводства около 80 % общего поголовья, а в целом по региону — 50 %. Институтами животноводческого профиля в конце 80-х гг. достигнуты положительные результаты по созданию нового типа черно-пестрого скота с использованием голштинофризских быков-производителей, обеспечивающих продуктивность коров 5,5—6,0 тыс. кг молока жирностью 3,5—3,7 %. СибНИПТИЖем в хозяйствах Новосибирской области отобрано 1426 коров, соответствующих сибирскому типу голштинизированного черно-пестрого скота. Их удой по первой лактации составил 4994 кг, по второй лактации — 5447, по третьей и старше — 5798 кг с жирностью 3,9 %. Созданы сибирская северная и кемеровская породы свиней. Животные этих пород в 190—200-дневном возрасте достигают 100 кг при среднесуточном приросте массы на откорме до 700—740 г и затратах кормов около 4 кормовых единиц на 1 кг прироста. СибНИПТИЖем совместно с ИЦиГ СО АН СССР и Новосибирским сельскохозяйственным институтом создан высокопродуктивный массив мясошерстных кроссбредных овец; поголовье их превысило 300 тыс. голов.

Однако генетический потенциал продуктивности пород животных в Сибири реализуется лишь на 40—50 %. Одной из основных причин этого являются недостатки в структуре кормовой базы, несбалансированность кормов по питательным веществам, и прежде всего по белку. В структуре кормовых рационов в Сибири, как и в стране в целом, содержится в 2—3 раза больше пшеницы, чем в странах развитого животноводства. К примеру, в Томской области доля концентрированных кормов в структуре питания животных составляет 37 %, тогда как в Чехословакии и ГДР — 18 %. Разработанные учеными научно обоснованные структуры рационов, рецептов кормовых смесей, гранул и комбикормов-концентратов для хозяйств региона не могут быть использованы производителями. Научные учреждения СО ВАСХНИЛ с целью обеспечения оптимальных условий для развития и сочетания в регионе животноводческой и растениеводческой отраслей сельского хозяйства рекомендуют отвод на кормовые культуры в структуре пашни в степной зоне не менее 20 % пахотных земель, в лесостепи — 25—30, в таежной и подтаежной зонах — 40 %. Однако эти пропорции не соблюдаются, административным путем насаждается высокий уровень насыщения пашни в Сибири зерновыми культурами.

В условиях перевода животноводства и птицеводства на интенсивный путь развития значительно повышается ответственность ветеринарной науки. Ученые-ветеринары региона обеспечили ликвидацию таких опасных заболеваний, как сибирская язва, рожа, сеп, аликар, инфекционная анемия, энцефаломиелит. Для борьбы с бруцеллезом разработаны методы его специфической диагностики и профилактики. Их осуществление, например, в Алтайском крае позволило полностью оздоровить хозяйства края от бруцеллеза овец и сократить количество неблагоприят-

ных пунктов по бруцеллезу крупного рогатого скота с 1005 в 1963 г. до одного пункта к концу 1986 г. Благодаря применению комплекса противотуберкулезных мероприятий в крае было уменьшено количество неблагополучных пунктов по туберкулезу крупного рогатого скота за эти же годы со 112 до 7⁶⁶. С целью профилактики желудочно-кишечных и легочных болезней животных и борьбы с ними используются система ветеринарно-технологических мероприятий с применением родильно-профилактических блоков и селекционных профилактиков, новые лечебно-профилактические препараты. Указанные мероприятия позволяют улучшить ветеринарную ситуацию в животноводстве. Однако до сих пор в Сибири животноводство терпит значительный урон от бруцеллеза и туберкулеза крупного рогатого скота, массовых желудочно-кишечных и легочных болезней молодняка, болезней конечностей, от других заболеваний. В условиях перевода животноводства и птицеводства на интенсивный путь развития, концентрации поголовья на крупных фермах и комплексах требуются новые подходы к профилактике и защите животных и птицы от болезней.

Суровые природные условия и специфика сельскохозяйственного производства региона предполагают его высокую техническую оснащенность. Научные учреждения региона внесли большой вклад в разработку научно-технических вопросов в области механизации и электрификации сельского хозяйства Сибири. Созданы новые типы жаток, системы машин обработки солонцов, внедрены новые доильные аппараты, разработана и внедрена система диспетчерской службы в полеводстве и животноводстве, разрабатывались вопросы технической диагностики, что позволило повысить качество и на-

дежность работы машин. Большое производственное значение имели разработки сибирских инженеров в области применения кибернетики в сельском хозяйстве. В 1961—1962 гг. в Сибирском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства совместно с Институтом математики СО АН СССР была создана методика расчета потребности и оптимального использования сельскохозяйственной техники для хозяйств с применением ЭВМ. Использование этой методики позволило быстро проработать многочисленные варианты состава машинно-тракторного парка колхозов и совхозов, составлять графики их работы с учетом структуры посевных площадей, технологии возделывания сельскохозяйственных культур, зональных и местных условий при минимальных затратах на механизацию. Внедрение в 1963 г. в хозяйствах Ордынского района Новосибирской области планирования завоза техники по предложенной методике выразилось в экономии 30 % средств на ее приобретение. В последующие годы был произведен расчет оптимального состава машинно-тракторного парка более чем для 200 хозяйств различных районов страны⁶⁷.

Краткость вегетационного и безморозного периода, резкое преобладание в посевной площади ярового клина сделали для Сибири актуальными исследования инженеров Сибирского филиала Института механизации сельского хозяйства и СибНИИСХоза, направленные на определение возможности проведения агротехнических работ тракторами на повышенных скоростях. В процессе производственных испытаний при работе на скоростных тракторах прирост производительности труда на пахоте составил 70 %, колесные скоростные трактора обеспечили повышение производительности

⁶⁶ Земля сибирская, дальневосточная.— 1987.— № 7.— С. 9.

⁶⁷ Сибирский вестник сельскохозяйственной науки.— 1972.— № 6.— С. 91.

сти труда в среднем на 57 %. В апреле 1965 г. Президиум ВАСХНИЛ поручил научно-исследовательским учреждениям страны организовать внедрение нового приема в производство. В 1976 г. за эту работу группа сибирских ученых была удостоена Государственной премии СССР.

С созданием в рамках Сибирского отделения ВАСХНИЛ Института механизации и электрификации сельского хозяйства увеличился масштаб и расширилась проблематика исследований. Были проведены работы по совершенствованию технологии и техники защиты почв Сибири от ветровой эрозии, производству предложен ряд оригинальных способов и машинных разработок для защиты растений от засухи, например посредством накопления снега с помощью комбинированной обработки снежно-стернового покрова, создания кулис по новой технологии с помощью специальных машин, щелчевания почв и т. д. Наряду с этим приоритет получили комплексные предложения для производства: новая система почвообработки с использованием сменных рабочих органов к базовым машинам, автоматизированные системы контроля качества продукции, системы автоматизации вождения тракторов и комбайнов, автоматизированные системы микроклимата и др. В целом в Сибирском отделении ВАСХНИЛ в течение 70—80-х гг. разработано около 60 типов рабочих органов и приспособлений для обработки почвы, химизации, производства кормов и т. д. Только за 1989 г. внедрено в производство 19 научно-технических разработок с расчетным экономическим эффектом более 2 млн руб. На промышленных предприятиях страны серийно выпускается 10 наименований машин, приборов, оборудования, разработанных учеными СО ВАСХНИЛ. Разработаны зональные системы машин для комплексной механизации растениеводства и животноводства, внедрение которых в районах Сибири и Дальнего Востока

позволит повысить производительность труда в полеводстве в 2,1 раза, в животноводстве — на 35—50 %⁶⁸. Однако внедрение их в практику идет медленно. Фондооснащенность сельского хозяйства Сибири все еще отстает и составляет лишь 57 % от уровня РСФСР.

Повышением эффективности агропромышленного комплекса занимаются ученые-экономисты. Только в составе СО ВАСХНИЛ функционируют СибНИИЭСХ и 18 отделов экономики различных научно-исследовательских учреждений. В начале 60-х гг. проведены исследования по упорядочению размеров сельскохозяйственных предприятий и их производственных подразделений различной специализации дифференцированно по зонам. Разработанные предложения использованы в практике сельскохозяйственными органами при рационализации размеров совхозов и частично колхозов. За 1962—1966 гг. в Западной Сибири было проведено разукрупнение 298 зерновых, зерноскотоводческих, молочно-мясных совхозов. На их базе создано 458 совхозов с земельной площадью каждого в пределах рациональных размеров.

В 60—80-е гг. одной из актуальных для аграрной науки задач являлась разработка вопросов рациональной системы ведения хозяйства с учетом природных и экономических условий каждого района. В рамках решения этой задачи экономисты-аграрники региона акцентировали внимание на проблемах специализации и размещения сельскохозяйственного производства. Рекомендовалось развитие сельского хозяйства таежных и подтаежных районов, где выпадает достаточное количество осадков и имеются значительные площади высокоурожайных природных сенокосов и пастбищ, направить по линии молочного животноводства и свиноводства. Колхозы и совхозы

⁶⁸ Управление развитием продовольственной базы в Сибири.— С. 121—122.

северной части лесостепи были ориентированы на развитие молочно-мясного животноводства в сочетании с производством зерна. Южную часть лесостепи Сибири рекомендовалось специализировать на производстве пшеницы, молочном животноводстве и свиноводстве. Степные районы региона должны были иметь четко выраженную зерновую направленность. Однако процесс специализации был затруднен практикой планирования производства без учета особенностей природно-экономических районов, административными методами руководства аграрной отраслью экономики. Между тем расчеты СибНИИЭСХ СО ВАСХНИЛ показывают, что более рациональное размещение и специализация растениеводства и животноводства по зонам позволят существенно увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Только в Западной Сибири за счет этого производства зерна может быть увеличено на 1—1,2 млн т, молока — на 0,5—0,7 млн т, мяса — на 40—50 тыс. т.

В связи с развитием хозрасчетных отношений в сельскохозяйственном производстве приоритетное значение приобрели поиски более эффективных форм организации производства и оплаты труда. Так, в результате экспериментального изучения с середины 60-х гг. новых форм безрядной оплаты труда в 1973—1974 гг. учеными ВНИИЭСХ и СибНИИЭСХ СО ВАСХНИЛ была организована работа по формированию механизированных звеньев с аккордно-премиальной оплатой труда и повременным авансированием в колхозе им. Урицкого Сузунского района Новосибирской области. Во второй половине 70-х гг. сотрудники СибНИИЭСХ успешно внедрили безрядные формы организации и оплаты труда в совхозах «Приобский» и «Сузунский».

Тяготение коллективного подряда к малым организационным формам обусловило развертывание в этом на-

правлении активных научных поисков. В 1983—1984 гг. учеными СО ВАСХНИЛ под руководством академика ВАСХНИЛ Н. В. Краснощекова была разработана модель коллектива интенсивного труда (КИТ) с целью достижения высокой производительности труда и сокращения рабочих в основных отраслях производства. Производственная апробация модели таких хозяйств (получивших позднее название коллективов высокопроизводительного труда) показала, что в них производится валовой продукции в расчете на одного работника в 1,5—3,5 раза больше, чем в обычных коллективах, лучше используются рабочее время и техника, выше производительность труда.

В условиях ориентации на разнообразные формы собственности, организации производства и труда — создание арендных, кооперативных коллективов, агрокомбинатов, агрофирм, акционерных обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств — экономисты-аграрники разрабатывают вопросы теории и практики создания и функционирования этих предприятий. Отработана концепция развития агропромышленного производства на кооперативной основе, продолжаются исследования по разработке системы арендных отношений, разрабатываются оптимальные модели крестьянских (фермерских) хозяйств. СибНИПТИЖ разработаны два проекта семейных молочных ферм на 50 коров с выращиванием ремонтного молодняка и полным оборотом стада.

Экономисты-аграрники региона работают над моделями построения союза кооперативов на уровне хозяйства, района, области. Под руководством д-ра экон. наук В. Д. Смирнова (ИЭиОПН СО АН СССР) в 80-х гг. начата экспериментальная поисковая работа по развитию подрядных отношений и хозрасчета в колхозах «Путь коммунизма» Косихинского района и «Алей» Третьяковского района Алтайского

края. Развитие эксперимента позволило в конце 80-х гг. превратить эти хозяйства в ассоциацию первичных, внутривозрастных самоуправляющихся кооперативов, во владение которым бесплатно и бессрочно переданы средства производства. Новая форма хозяйствования позволила этим предприятиям добиться высоких экономических результатов⁶⁹.

По инициативе ученых СО ВАСХНИЛ с 1 января 1988 г. в совхозе «Крутишинский» Новосибирской области в порядке эксперимента осуществлялся перевод первичных трудовых коллективов на кооперативные методы работы — в совхозе создано 33 первичных кооператива. В Карымском районе Читинской области с 1988 г. под руководством ученых проводится эксперимент по реорганизации совхозов в ассоциацию свободных кооперативов и фермеров в масштабах всего района. На базе шести хозяйств создано 245 кооперативов и 5 предприятий обслуживающих и перерабатывающих отраслей. Каждое производственное звено берет в кредит или покупает в рассрочку средства производства, продукцию продает по закупочной или товарной цене, деньги от ее реализации поступают на кооперативный счет в банке. В результате этой реорганизации ранее отсталые хозяйства на основе хозяйственной самостоятельности и предприимчивости уже добились существенного улучшения экономических показателей: повысилась урожайность зерновых, продуктивность животноводства.

С середины 80-х гг. важнейшим направлением деятельности сельскохозяйственных научных учреждений региона является освоение интенсивных технологий. В их основу легли разработки по системам земледелия, совершенствованию обработки почвы, посеву более приспособленных сортов, рациональному применению

удобрений, средств защиты растений, более совершенных технических средств, рациональных форм организации производства и труда. В 1981—1982 гг. пшеница по интенсивной технологии в Омской области, например, возделывалась на площади 111,7 тыс. га, в 1989 г. — 1,1 млн га. Внедрение интенсивной технологии на площади 1,1 млн га позволило в 1985 г. дополнительно собрать 620 тыс. т зерна. В 1988 г. сорта сибирской селекции выращивались по интенсивным технологиям на площади 3500 тыс. га (79%), в том числе районированные с 1979 г. — на 1780 тыс. га (40,1%). Урожайность пшеницы по интенсивным технологиям в ОПХ региона составила 24,9 ц/га, что выше обычных для ОПХ технологий на 5,7 ц/га. Почти вся прибавка валового производства зерна в 1988 г. к уровню одиннадцатой пятилетки получена за счет интенсивных технологий.

Однако отдача интенсивного гектара в Сибири, составляющая 5 ц/га, меньше, чем в среднем по РСФСР, где она достигает 9 ц/га. Это связано с тем, что исследования по интенсивным технологиям нередко не носят систематического характера и по ряду направлений серьезно отстают от требований интенсификации зернового хозяйства. В ряде сельскохозяйственных НИИ Сибири — Алтайском НИИЗиС, Красноярском НИИСХ, Кемеровском НИИСХ и других — не ведутся комплексные разработки интенсивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур, нет отделов и лабораторий по их изучению.

В конце 80-х гг. учеными Сибирского отделения ВАСХНИЛ совместно с научными институтами Сибирского отделения АН СССР и другими учреждениями разработаны концепция научно-технического прогресса Сибири на 1995—2015 гг.; предварительный вариант прогноза развития АПК Сибири на 1991—2015 гг.; прогноз развития и раз-

⁶⁹ Земля сибирская, дальневосточная. — 1989. — № 12. — С. 13—15.

мещения зернового хозяйства и его ресурсного обеспечения по областям, краям и АССР Сибири и Дальнего Востока на тринадцатую пятилетку и на период до 2005 г.

Таким образом, сельскохозяйственная наука играет важную роль в развитии сельскохозяйственного производства регионов. Однако замедление темпов роста валовой продукции сельского хозяйства, и особенно растениеводства, в значительной мере определялось медленными темпами интенсификации общественного производства, недостаточной разработкой ряда научных проблем, медленным внедрением в практику рекомендаций науки. На недостатки в области селекции сильных, твердых и ценных сортов пшеницы, внедрения интенсивных технологий указано в постановлении ЦК КПСС «О работе Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по выполнению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по увеличению производства высококачественного зерна яровой пшеницы за счет интенсификации ее возделывания»⁷⁰. Требуется дальнейшей разработки комплекс мер, обеспечивающих сохранение и расширение воспроизводство плодородия почв, повышение продуктивности и устойчивости земледелия. Необходимо ускорить разработку и производство высокоэффективных и экологически безопасных средств защиты растений, разработать более эффективные способы использования удобрений, химических мелиорантов и регуляторов роста. Необходимо ускорить и углубить исследования по интенсификации животноводства: совершенствование генетического потенциала стада и улучшение племенной работы; сбалансирование рационов и повышение качества кормов; улучшение технологии содержания животных; осуществление ветеринарно-профилактических мероприятий.

⁷⁰ Правда. — 1986. — 9 февр.

Эффективность научных исследований в решающей степени зависит от сроков и уровня внедрения научных разработок в практику. В 60—80-е гг. шел поиск наиболее рационального механизма внедрения в практику достижений науки. Долгое время эта проблема решалась на основе развития системы опытно-показательных и базовых хозяйств. В 80-е гг. интеграция науки и производства стала осуществляться на основе разветвленной и цельной научно-производственной системы. В нее входят научно-производственные объединения (НПО) — главные организации, объединяющие научно-производственные (НПС) и производственные (ПС) системы. В регионе создано 10 НПО, анализ деятельности которых, произведенный учеными СибНИИЭСХ, показывает, что там, где при их организации не ограничились сменной вывески, достигнуты реальные успехи в комплексной разработке новых идей, их широкой производственной проверке и внедрении в практику через систему базовых и опорных хозяйств. Примером может служить НПО «Колос» Омской области, в котором сложилась дифференцированная система отработки и производственной проверки научных разработок. Такая система организована в 4 ОПХ объединения, 15 базовых хозяйствах области и 60 опорных хозяйствах краев и областей Сибири, Зауралья и Северного Казахстана. Базовые и опорные хозяйства не входят в состав НПО, но являются важным звеном в системе «наука — производство». В НПО «Колос» успешно разрабатываются 12 комплексных программ по ведущим направлениям производства зерна, кормов, мяса, молока, семеноводства люцерны.

В конце 80-х гг. в Сибири функционировало 69 научно-производственных систем: в Алтайском крае — 13, Красноярском — 12, Новосибирской области — 9, Омской — 6 и т. д. Системы в основном узкоспециализированные, занимающиеся

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА

Глава 6

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1. Социально-классовая структура

В основе современного видения социализма лежит гуманизация общественных структур. Интересы и потребности человека вновь становятся важнейшим приоритетом и ценностью развития общества. Такой подход традиционен для марксистско-ленинской теории. Необходимость возрождения этих принципов в ходе обновления социалистического общества определяет отношение к социальной сфере, которая включает в себя «и быт, и сферу услуг, и образование, и здравоохранение, и социальное обеспечение, и сферу досуга, т. е. совокупность всех социальных преобразований, которые направлены на обслуживание потребностей человека»¹.

Особое значение в преобразовании социальной сферы приобретают долгосрочные комплексные социальные программы, в которых находит конкретное выражение современная социальная политика. Эффективность этой политики зависит от того, насколько она адресна и дифференцирована. Научный подход к разви-

тию социальной сферы предполагает углубленный анализ социальной структуры общества, интересов и потребностей социальных групп и слоев, ее составляющих. Для практики управления важно знание реальных социальных процессов, их тенденций и исторической ретроспективы, при этом все более актуальным становится региональный подход к изучению социальной структуры общества. В территориальных различиях проявляются многообразие и противоречивость устройства советского общества.

Из совокупности сложных социальных связей выделяются социально-классовые отношения, тесно связанные с изменениями производительных сил и производственных отношений. Развитие социалистической собственности, разные ее формы и определяют социальный состав советского общества. Его главными элементами на современном этапе остаются рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. В то же время в обществе действует множество формальных и неформальных социальных общностей другого порядка. Сами классы и социальные группы имеют сложное внутреннее строение, существуют и внеклассовые социальные слои (лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, служители культа, де-

¹ Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Правда.— 1989.— 26 нояб.

временных условиях, когда сельскохозяйственные предприятия получили большую экономическую самостоятельность, многие из них не только по-прежнему не заинтересованы в технических новинках, но и стараются урезать средства на развитие науки. Заместитель председателя президиума СО ВАСХНИЛ Ю. А. Новоселов считает: «Главная причина в том, что социалистическая экономика не имеет механизма, который бы стимулировал научно-технический прогресс. И тот, внедряемый повсеместно в стране, хозрасчет лишь усугубит положение. Ибо во всех случаях стимулирует успех сиюминутный, прибыль — сегодня, любой ценой, и никоим образом не заставляет думать о том, что будет завтра... Следовательно, должен быть создан

соответствующий экономический механизм реализации крупных программ научно-технического прогресса под эгидой государства»⁷¹.

Кардинального преодоления предсказуемой «невосприимчивости» предприятий к достижениям научно-технического прогресса можно достигнуть на основе осуществления радикальной экономической реформы, эффективного функционирования и конкурентной состязательности всех форм собственности, развития подлинного хозрасчета, создания системы налогообложения и ценообразования, стимулирующей внедрение наукоемких производств, всемерного развития в научных разработках альтернативных подходов, конкурсных начал как главного противоядия монополизму и ведомственности.

---

⁷¹ Земля сибирская, дальневосточная. — 1990. — № 1. — С. 14—15.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА

Глава 6

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1. Социально-классовая структура

В основе современного видения социализма лежит гуманизация общественных структур. Интересы и потребности человека вновь становятся важнейшим приоритетом и ценностью развития общества. Такой подход традиционен для марксистско-ленинской теории. Необходимость возрождения этих принципов в ходе обновления социалистического общества определяет отношение к социальной сфере, которая включает в себя «и быт, и сферу услуг, и образование, и здравоохранение, и социальное обеспечение, и сферу досуга, т. е. совокупность всех социальных преобразований, которые направлены на обслуживание потребностей человека»¹.

Особое значение в преобразовании социальной сферы приобретают долгосрочные комплексные социальные программы, в которых находит конкретное выражение современная социальная политика. Эффективность этой политики зависит от того, насколько она адресна и дифференцирована. Научный подход к разви-

тию социальной сферы предполагает углубленный анализ социальной структуры общества, интересов и потребностей социальных групп и слоев, ее составляющих. Для практики управления важно знание реальных социальных процессов, их тенденций и исторической ретроспективы, при этом все более актуальным становится региональный подход к изучению социальной структуры общества. В территориальных различиях проявляются многообразие и противоречивость устройства советского общества.

Из совокупности сложных социальных связей выделяются социально-классовые отношения, тесно связанные с изменениями производительных сил и производственных отношений. Развитие социалистической собственности, разные ее формы и определяют социальный состав советского общества. Его главными элементами на современном этапе остаются рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. В то же время в обществе действует множество формальных и неформальных социальных общностей другого порядка. Сами классы и социальные группы имеют сложное внутреннее строение, существуют и внеклассовые социальные слои (лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, служители культа, де-

---

¹ Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Правда.— 1989.— 26 нояб.

классированные элементы и др.). К тому же социальные грани основных групп советского общества подвижны, перемещение трудящихся из одной группы в другую активизируется под воздействием НТР.

Перевод предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование в сочетании с самоуправлением открывает простор развитию многообразных форм интеграции труда, в том числе и в аграрном секторе. Аренда и подряд в соединении с интенсивными технологиями, различные формы кооперации в агропромышленном комплексе становятся основой возникновения новых социальных групп, место и роль которых в социальной структуре общества еще предстоит определить. Постепенно меняется отношение и к традиционным для нашей страны формам ведения сельского хозяйства — колхозной и совхозной, которые далеко не исчерпали своих возможностей, но требуют существенного пересмотра с точки зрения внутренней структуры хозяйств и экономических отношений в них. Суть происходящих перемен — в возрождении хозяйского отношения к земле у тех, кто на ней работает. В связи с этим наполняются новым смыслом привычные понятия «крестьянин» и «крестьянство», распространяясь на всех работников сельского хозяйства.

Однако в историческом исследовании социальной структуры общества принято оперировать устоявшимися понятиями, прежде всего такими, как колхозники — члены колхозов. При этом часть их, занимающуюся преимущественно физическим сельскохозяйственным трудом, относят непосредственно к колхозному крестьянству. К колхозной интеллигенции применим двухмерный подход — как к совладельцу кооперативной собственности и особой социальной группе, выполняющей функции умственного труда. Такой подход во многом определяется состоянием базы исторических и статистических источников, которые фиксировали из-

менения в социально-классовой структуре с традиционных позиций классового членения. Это относится и к центральному источнику — переписям населения, которые все же дают возможность проследить тенденции социально-классового развития сибирской деревни, в частности динамику численности и отраслевого состава рабочих, колхозников, интеллигенции и служащих села.

При сравнении развития социальной структуры региона и республики за 1959—1979 гг. (табл. 1) видно, что в Сибири, как и в РСФСР в целом, быстрыми темпами росла доля работников умственного труда (интеллигенции и служащих-неспециалистов); продолжалось увеличение удельного веса рабочего класса, хотя темпы его роста с 1970 по 1979 г. несколько снизились; доля колхозников среди всего населения неуклонно падала. До 1970 г. различия в соотношении социальных групп увеличивались, затем произошло их нивелирование, пропорции сблизились. Причины этого кроются в сближении уровней социально-экономического развития Сибири и других экономических районов республики. Тем не менее специфика социального состава сибирского населения в течение всего периода была выражена достаточно отчетливо: более высокий удельный вес рабочего класса и меньшая доля колхозников и служащих отразили особенности сложившейся территориальной структуры народного хозяйства — промышленное развитие региона, высокую степень его урбанизации.

Развитие сельского населения в 60—80-е гг. характеризовалось высоким динамизмом социальных процессов и все большим их усложнением. Основные тенденции складывались под воздействием экономики региона и социальной политики партии и государства. Некоторые из них — рост сельского рабочего класса и интеллигенции, численное сокращение колхозного крестьянства, увеличение внутренней дифференциации, повы-

Таблица 1

Распределение всего и занятого населения по общественным группам, % *

Регион	1959 г.***			1970 г.			1979 г.		
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники
Все население (включая неработающих членов семьи)									
РСФСР	55,4	20,2	24,2	61,3	24,3	14,3	63,0	26,9	10,0
Западная Сибирь	62,4	18,1	19,4	68,3	22,3	9,3	68,9	24,9	6,2
Восточная Сибирь **	61,1	19,7	19,0	68,0	23,2	8,4	69,0	25,4	5,6
Занятое население									
РСФСР	54,3	20,5	25,0	61,6	28,4	9,8	62,4	30,7	6,9
Западная Сибирь	60,7	19,3	19,8	66,4	27,1	6,4	66,6	29,0	4,4
Восточная Сибирь **	60,5	20,9	18,4	66,5	27,6	5,8	66,8	29,3	3,9

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.— М., 1973.— Т. V.— С. 16—21, 34—39; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Стат. сборник.— М., 1985.— С. 155—156; расчетные данные переписи населения 1979 г.

** Не включены данные по Якутской АССР.

*** Численность населения за 1959 г. дана в границах 1970 г.

шение образовательного и профессионального уровня всех слоев сельского населения — зародились и получили определенное развитие еще в годы, предшествовавшие рассматриваемому периоду. В новых исторических условиях эти процессы углубились. За 20 лет, прошедшие между переписями населения 1959 и 1979 г., число сельских рабочих (вместе с членами семей) в Сибири увеличилось на 386,0 тыс. чел., служащих на селе стало меньше на 129,3 тыс., колхозников — на 2304, 2 тыс. чел. В результате принципиально изменилось соотношение социальных групп сельского населения. Ниже приведены данные, отражающие численность работающих и иждивенцев, %:

	1959 г.	1979 г.
Рабочие	47,9	68,1
Служащие	13,3	15,5
Колхозники	38,6	16,4
Прочие	0,2	—

Явным стало доминирование рабочего класса, численность и удельный вес колхозников и служащих (включая специалистов) практически сравнялись. В 1979 г. в РСФСР доля рабочих среди сельского населения достигла 56,9 %, служащих — 13,8,

колхозников — 29,2 %². Интенсивное течение социальных процессов в сибирской деревне — ее отличительная особенность на протяжении всего послевоенного периода. Поэтому здесь наиболее выпукло проявилась взаимосвязь двух тенденций развития советского общества — его интеграции и дифференциации.

Характер и глубину социальных сдвигов как в городе, так и в деревне все в большей мере определяет научно-технический прогресс. Его проявлениями отмечены основные особенности современного развития социальной структуры села. С одной стороны, это урбанизация и связанные с ней миграции сельского населения, изменение его численности и демографического состава, что сказало на количественном и качественном составе всех социальных групп села. С другой стороны, это агропромышленная интеграция как новая форма взаимосвязи промышленности и сельского хозяйства, экономики города и деревни. Она повлекла за собой возникновение и рост пограничных групп, сочетающих черты двух классов. Таким об-

² Численность и состав населения СССР...— С. 155.

разом, наметились новые перспективы преодоления существующих межклассовых различий.

Сибирское село в полной мере испытало на себе воздействие урбанизации и вызванных ею миграций сельского населения. Что касается агропромышленных предприятий, то в силу региональной специфики сельского хозяйства они не получили еще достаточного развития и не могут считаться решающим фактором изменения социально-классовой структуры. Создание хозяйственной структуры в соответствии с реальными связями, независимо от территориальных границ, должно прийти на смену административно-территориальной системе управления. Конкретные формы интеграции могут меняться, приспосабливаться к условиям каждого региона, но положительное влияние ее на социальное развитие села очевидно уже сегодня. Объективно способствуя укреплению материально-технической базы, росту и всестороннему развитию основных производственных фондов колхозов и совхозов, углублению связей между ними, агропромышленная интеграция тем самым ускоряет переход сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Территориально-отраслевая интеграция изменяет структуру занятости сельского населения, сближает характер труда рабочих и колхозников. Воздействие научно-технического прогресса, таким образом, сказывается в той или иной степени на развитии всех социальных групп села.

Это можно проследить на примере изменения отраслевой занятости сельского населения в Омской области — типичном сельскохозяйственном районе Западной Сибири (табл. 2). Подавляющее большинство сельских рабочих и колхозников области к 1979 г., как и 20 лет назад, трудилось в отраслях материального производства, хотя за этот период произошло заметное перераспределение в пользу непроизводственной сферы. Особенно заметной становится

эта тенденция при анализе темпов изменения численности работников по отраслям. Занятость рабочих непосредственно на производстве увеличилась на 4,9 %, а в непроизводственных отраслях — на 46,7 %; служащих — соответственно на 11,5 и 28,0 %; число колхозников в материальном производстве уменьшилось более чем в 2,5 раза, в непроизводственных отраслях увеличилось в 1,5 раза. Рост культуры, образования сельских жителей, повышение уровня их социального обеспечения, бытового обслуживания, улучшение жилищных условий сопровождалось увеличением числа работников этих отраслей, причем не только специалистов, но и обслуживающего персонала. Так, численность рабочих в жилищно-коммунальном хозяйстве и службе быта возросла в 2,4 раза, в учреждениях культуры и просвещения — в 2 раза, в здравоохранении — примерно в 1,5 раза. В этих данных отразилась важная тенденция социального развития села. Но в абсолютном выражении численность этих групп работников еще невелика, что и сказывается на реальном положении всего комплекса социальных институтов на селе. Поэтому можно говорить лишь о некоторых положительных сдвигах в направлении развития сферы социального жизнеобеспечения жителей села. В производящих отраслях очевидно перераспределение работников между сельским хозяйством и несельскохозяйственными отраслями. По мере развития производственной и социальной инфраструктуры села растет число работающих на транспорте, в связи, строительстве, торговле и общественном питании.

На примере Омской области видно, что большие изменения претерпела занятость в традиционной и главной сфере труда сельских жителей — сельском хозяйстве. В 1979 г. подавляющее большинство колхозников и большая часть рабочих работали в этой отрасли. Абсолют-

Таблица 2

Распределение занятого сельского населения Омской области по отраслям народного хозяйства и общественным группам в 1959 и 1979 г., % к итогу*

Отрасли народного хозяйства	1959 г.			1979 г.		
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники
Отрасли материального производства	91,5	45,9	99,2	87,8	45,0	98,
В том числе:						
промышленность	12,5	6,1	0,7	10,9	5,0	2,1
сельское и лесное хозяйство	64,5	18,0	97,6	58,2	25,3	94,3
транспорт и связь	4,8	4,6	0,0	5,1	3,8	0,2
строительство	4,3	1,2	0,9	5,4	3,2	0,6
торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт, заготовки	5,3	15,6	0,03	8,0	7,3	1,0
прочие отрасли материального производства	0,1	0,4	—	0,2	0,4	—
Непроизводственные отрасли	7,0	45,5	0,5	12,1	55,0	1,8
В том числе:						
жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	0,9	0,6	0,01	2,0	1,9	0,3
здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	1,9	7,3	0,2	2,7	8,5	0,03
народное образование, культура, искусство, наука и научное обслуживание	3,4	27,8	0,3	6,6	34,6	1,5
кредитование, государственное страхование, управление, партийные и общественные организации	0,8	9,8	—	0,8	10,0	—
Прочие и не распределенные по отраслям	1,5	8,6	0,3	0,1	0,03	—

* Таблица рассчитана по материалам переписей населения 1959 и 1979 гг.

ная численность рабочих за рассматриваемый период почти не изменилась — сокращение составило около полутора процентов, численность же колхозников уменьшилась значительно — более чем на 60 %. Таким образом, социальный состав работников сельского хозяйства кардинально изменился. Колхозники, бывшие ранее основной производительной силой отрасли, в 1979 г. составляли уже менее трети от числа всех работников³. Заметно выросли численность и доля служащих, занятых в сельском хозяйстве (в 1,6 раза), преимущественно специалистов, что свидетельствует о качественном преобразовании трудовых ресурсов села. Главная же роль в производстве продуктов сельского

хозяйства в Сибири теперь принадлежит аграрным рабочим.

Исторически сложилось так, что одним из главных факторов изменения соотношения форм собственности и соответствующих им социальных групп в сельском хозяйстве стало преобразование колхозов в совхозы. Начавшись в середине 50-х гг., процесс продолжался и в течение рассматриваемого периода. Это было теоретически не обоснованной, принесшей на практике дополнительные издержки, вынужденной мерой, поскольку кооперативная форма собственности не могла нормально функционировать в условиях нарушения экономических законов. Убыточность колхозов, слабая социальная защищенность колхозников явились основой для принятия волевых решений в изменении социальной структуры села. Но перевод колхозов в совхозы оказался легко осуществимым, так как ведение кол-

³ Численность работников лесного хозяйства относительно невелика и существенно не меняет тенденций изменения числа работников сельского хозяйства.

хозного хозяйства уже было пронизано методами, присущими централизованному государственному руководству. Изменение социального статуса работников в ходе этого процесса во многом носило формальный характер. Более отдаленным результатом стало еще большее отчуждение работника, получившего гарантированную оплату труда, от средств производства.

Искусственное форсирование роста совхозного производства на фоне массовой миграции сельского и особенно колхозного населения в города создало тяжелую ситуацию с трудовыми ресурсами в сибирской деревне. Перевод колхозов в совхозы обусловил уменьшение наполовину общей численности коллективных хозяйств. С 1960 по 1985 г. число колхозов в Западной Сибири уменьшилось с 2032 до 753, в Восточной Сибири — с 1456 до 407; число совхозов за те же годы выросло соответственно с 519 до 1605 и со 194 до 789. Как темпы сокращения колхозов, так и темпы роста совхозов намного превышали общереспубликанские. В результате среднегодовая численность работавших колхозников в регионе к 1985 г. сократилась до 437,5 тыс. чел. (на 60,5 %) и стала в 2,7 раза меньше среднесписочного числа работников совхозов.

Темпы сокращения численности колхозников падали от пятилетия к пятилетию, около четырех пятых потерь пришлось на 60-е гг., когда осуществлялось массовое преобразование колхозов в совхозы и сельско-городская миграция достигла наибольших размеров. В РСФСР в целом происходил подобный же процесс, но он был более плавным и постепенным, общее число работавших колхозников за 25 лет сократилось примерно на 50 %. Численность работников в сельском хозяйстве республики распределяется достаточно равномерно между работниками совхозов, с одной стороны, колхозниками и работниками межхозяй-

ственных предприятий — с другой. В 1985 г. доля первых составляла 51,9 %, вторых — 48,1 %. В Сибири две трети населения, занятого аграрным трудом, сосредоточилось в совхозах. Удельный вес их в 1985 г. был равен в Западной Сибири 70,8 %, в Восточной Сибири — 68,4 %.

Таким образом, совхозная форма организации сельскохозяйственного производства в Сибири получила наибольшее распространение, что во многом определило социальный облик села. Многоотраслевая структура хозяйства сибирских совхозов способствовала увеличению числа рабочих, занятых индустриальным трудом. Так, в совхозах РСФСР в 1985 г. среди всех работников материального производства сельскохозяйственные рабочие составляли 80,9 %, а в Сибири — 76,2 %⁴. В колхозах Сибири выбор занятых также более обширен, чем в среднем в республике, но меньший по сравнению с совхозами. Это отразилось на разнообразии отраслевых и профессиональных слоев внутри колхозного крестьянства.

Специфика сибирских условий — большие расстояния между хозяйствами, рассредоточенность сельскохозяйственного производства, крупные размеры колхозов и совхозов — сказались на чрезвычайно слабом развитии межхозяйственной кооперации. По переписи 1979 г., число работников межхозяйственных сельскохозяйственных предприятий составляло 0,2 % всех занятых в сельском хозяйстве в Западной Сибири, 0,3 % — в Восточной Сибири и лишь 0,1 % от всего занятого населения. В совхозах сосредоточилось 65—68 % всех работников сельского хозяйства, в колхозах — 27—31 %.

⁴ Колхозы, совхозы и межхозяйственные сельскохозяйственные предприятия РСФСР в 1985 году.— М., 1986.— С. 5—7; Совхозы РСФСР в 1985 году.— М., 1986.— Ч. 1.— С. 8—10.

Распределение занятого сельского населения Западной Сибири по общественным группам*

Общественные группы	1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Все занятое население	2351,2	100	1978,4	100	2080,1	100
В том числе:						
рабочие	1064,8	45,3	1250,2	63,2	1376,1	66,2
служащие	320,2	13,6	357,0	18,0	404,8	19,4
колхозники	960,7	40,9	368,1	18,6	298,4	14,4
прочие	5,5	0,2	3,1	0,2	0,8	0,04

* Таблица рассчитана по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979 гг.

Быстрый рост аграрного отряда рабочего класса и сокращение численности колхозного крестьянства обусловили заметные изменения в социально-классовом составе населения сибирского села. Эти сдвиги наиболее заметны при рассмотрении самодеятельного населения (табл. 3). За двадцатилетие между переписями численность сельских рабочих увеличилась в Западной Сибири на 311,3 тыс. чел. (29,2 %), в Восточной Сибири — на 257,0 тыс. (44,9 %); в целом в регионе в 1979 г. она достигла 2206,0 тыс. чел.

Сельский рабочий класс распределялся неравномерно по областям и краям Сибири. В Красноярском крае, Томской, Кемеровской областях удельный вес сельских рабочих значительно превышал средние цифры по Сибири (см. табл. 6). В таких же сельскохозяйственно ориентированных административных районах, как Омская область, Алтайский край, доля его была меньше средне-статистической, в них преобладали колхозники. В конце 70-х гг. отмечалось выравнивание удельного веса рабочих в социальной структуре города и села: в занятом городском населении Западной Сибири рабочие составляли 66,8 %, Восточной Сибири — 67,2 %. В общественном секторе хозяйства было занято 47,9 % сельских рабочих Западной Сибири, 47,7 % — Восточной Сибири. Мужчины составляли 58,6 % занятых рабочих Западной Сибири и 59,7 % — Восточной Сибири.

Для того чтобы более четко представить экономическую роль рабочего класса в деревне, необходимо рассмотреть его распределение по отраслям производства (табл. 4).

Подавляющая часть рабочих в селах Сибири была сконцентрирована в сфере материального производства, рабочие составляли костяк этих отраслей (более 70 %). Особо важную роль они играли в таких отраслях, как промышленность и строительство: 85—87 % работавших там составляли рабочие. Более 80 % работников транспорта и связи, около 80 % — торговли и общественного питания принадлежали к рабочему классу. Сельское хозяйство в значительной мере развивалось трудом сельских рабочих, при этом их роль возрастала. В 1979 г. уже 64,4 % всех занятых в сельском хозяйстве Западной Сибири, 62,2 % — Восточной Сибири составляли рабочие.

Одной из характерных тенденций развития рабочего класса села явился абсолютный и относительный рост его численности в непродовственных отраслях, и особенно в сфере обслуживания. В 1979 г. уже 78 % работников жилищно-коммунального хозяйства относились к рабочему классу. Примерно половине работавших в здравоохранении, социальном обеспечении составляли представители этой социальной группы. В сфере народного образования и культуры на селе чуть менее поло-

Распределение занятого сельского населения по отраслям народного

Общественные группы	Отрасли материального производства						
	Всего	Промышленность	Сельское и лесное хозяйство	Транспорт и связь	Строительство	Торговля и обществ. питание, мат.-тех. снабжение, быт, заготовки	Проч. отрасли мат. произв.
							Западная
Рабочие	87,7	14,2	50,0	6,9	8,2	8,0	0,4
Служащие	48,1	6,7	24,4	5,2	4,4	7,0	0,4
Колхозники	98,6	2,4	94,6	0,1	0,7	0,8	0,0
							Восточная
Рабочие	85,9	20,7	42,7	7,3	6,6	7,8	0,8
Служащие	44,7	9,7	19,9	5,2	3,2	6,1	0,6
Колхозники	99,6	0,7	98,5	0,1	0,1	0,2	0,02

* Таблицы 4, 6 рассчитаны по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.

** Не включены данные по Якутской АССР.

вины занятых были рабочими. Более половины рабочих, занятых в производственных отраслях, трудились в учреждениях здравоохранения и образования, поскольку именно эти две сферы из числа не связанных с производством получили наибольшее развитие на селе. Однако, судя по темпам роста занятых, в перспективе усилится притягательность такой сферы, как бытовое обслуживание населения.

Структурные изменения в отраслевой занятости рабочих сопровождались обогащением перечня профессий, повышением квалификации и образования — все это явилось основой прогрессивных перемен в социальной структуре деревни. Рост отраслевых групп рабочих, связанных с промышленностью, транспортом, сферой обслуживания, был объективным, обусловленным логикой развития села как социально-территориальной общности, приближением сельского образа жизни к городскому. Темпы же роста численности аграрных рабочих зачастую были неоправданно высокими. В этом процессе отразились не реальные возможности развития колхозно-кооперативной формы собственности, а практика административного решения проблем развития деревни. Сравнение профессионального и квали-

фикационного состава аграриев колхозов и совхозов показывает общность внутренних структур этих социальных групп, примерно одинаковый уровень образования. Наличие многих общих черт у совхозного отряда рабочего класса и колхозного крестьянства — занятие сельскохозяйственным трудом, проживание в деревне, связь с личным подсобным хозяйством, единый уклад жизни — свидетельствует об их однотипности.

По мере технического перевооружения отрасли, повышения производительности труда возникают объективные предпосылки высвобождения рабочей силы из аграрной сферы в другие отрасли народного хозяйства. Это явилось одной из причин уменьшения колхозного населения. Но темпы этого процесса в 60-е гг. в Сибири, как и в целом по республике, нельзя признать естественно обусловленными. Только активная социальная политика, направленная на подъем колхозного производства, выравнивание условий жизни и труда колхозного и совхозного населения, с одной стороны, городского и сельского населения — с другой, может приостановить процесс бурного сокращения, «размывания» крестьянства. Несмотря на неполноту и ограниченность принятых в этом направлении мер,

хозяйства и общественным группам в 1979 г., % к итогу *

Непроизводственные отрасли						
Всего	Жилищно-ком. хоз-во и бытовое обслуживание	Здравоохранение, физкультура и соц. обеспечение	Народное образование, культура, искусство, наука и науч. обслуж.	Кредитование и гос. страх., управл., парт. и обществ. орган.	Проч. и нераспределен. по отраслям	
Сибирь						
12,2	1,6	2,5	7,0	1,1	0,1	
51,9	1,4	8,6	31,0	10,9	0,0	
1,4	0,1	0,1	1,2	—	0,0	
Сибирь **						
14,0	1,6	2,7	8,3	1,4	0,1	
55,2	1,4	7,7	31,8	14,3	0,1	
0,4	0,02	0,03	0,4	—	0,0	

они принесли свои результаты — со второй половины 70-х гг. снизилась миграция сельского, в том числе и колхозного, населения в города. Таким образом, смягчилось действие одного из факторов нестабильности крестьянства. Этого требовала логика развития сельского хозяйства, объективная необходимость всемерного развития и наиболее полного использования как государственной, так и кооперативной собственности. Перелом в ходе процесса произошел в начале 70-х гг. (см. табл. 3). С 1959 по 1970 г. число колхозников в Западной Сибири уменьшилось на 61,7 %, с 1970 по 1979 г. — на 18,9 %. Всего за 20 лет колхозников, занятых в общественном производстве западно-сибирского села, стало меньше на 662,3 тыс. чел. (68,9 %), восточно-сибирского — на 358,7 тыс. чел. (68,4 %). К 1979 г. численность занятого населения колхозов сократилась до 464,4 тыс. чел. При этом число членов колхозов, занимающихся преимущественно физическим трудом, уменьшилось еще более существенно: в Западной Сибири с 1959 по 1970 г. с 926,1 тыс. до 341,3 тыс. чел. (на 63,2 %), к 1979 г. — до 271,3 тыс. чел. (на 20,5 %). Всего в 1979 г. в Сибири насчитывалось 426,1 тыс. представителей колхозного крестьянства

(91,8 % от всего занятого колхозного населения). Возрастание доли работников умственного труда среди членов колхозов явилось прямым следствием индустриализации и урбанизации и, в свою очередь, стало внутренним, структурным фактором сокращения численности крестьян.

При рассмотрении динамики среднегодовой численности работавших в колхозах видно, что с начала 70-х гг. резко изменился характер процесса, упали темпы сокращения; в первой половине 80-х гг. численность колхозников стабилизировалась. Тенденции изменения численности колхозников в Сибири и РСФСР были одинаковы, региональная специфика выразилась в высокой динамичности процесса (табл. 5). В начале периода численность колхозников в Сибири убывала в два раза быстрее, чем в РСФСР, в 70-е гг. темпы сокращения выравнивались, а в 80-е гг. обстановка радикально изменилась — население сибирских колхозов стало более устойчивым, чем в республике в целом.

С большой силой тенденция сокращения колхозного крестьянства проявилась в Томской, Кемеровской, Тюменской областях, Красноярском крае; по переписи 1979 г. в этих областях удельный вес колхозников был наименьшим (табл. 6).

Таблица 5

Темпы сокращения среднегодовой численности работавших колхозников в 1965—1980 гг., % *

Регион	1965 к 1960	1970 к 1965	1975 к 1970	1980 к 1975	1985 к 1980
РСФСР	20,7	14,2	12,9	11,9	5,8
Западная Сибирь	39,1	18,0	14,8	4,7	1,5
Восточная Сибирь	37,1	18,2	11,9	12,9	2,2

* Таблицы 5, 11 рассчитаны по данным годовых отчетов колхозов.

Таблица 6

Распределение сельского населения Сибири по общественным группам в 1979 г., % к итогу *

Край, область	Рабочие		Служащие		Колхозники		Проч. и неуказавшие обществ. группы	
	Все население	В том числе занят.	Все население	В том числе занят.	Все население	В том числе занят.	Все население	В том числе занят.
Алтайский	64,7	62,7	15,1	19,4	20,2	17,9	0,03	0,03
Кемеровская	75,2	72,0	13,0	17,6	11,7	10,3	0,06	0,08
Новосибирская	67,8	66,1	14,2	18,3	18,0	15,6	0,0	0,0
Омская	65,5	63,1	13,7	18,5	20,8	18,4	0,04	0,02
Томская	73,6	71,5	18,5	23,0	7,8	5,5	0,1	0,05
Тюменская	71,4	69,6	16,6	21,1	11,9	9,2	0,08	0,09
Красноярский	73,2	70,7	16,2	20,9	10,6	8,3	0,05	0,04
Иркутская	68,9	67,3	15,3	19,4	15,7	13,2	0,1	0,07
Читинская	53,8	52,7	16,5	21,1	29,6	26,2	0,04	0,07

Существенное уменьшение численности колхозного крестьянства не означает снижения его социально-экономической роли, прежде всего как производителя продуктов питания. Подавляющее большинство колхозников (94,6—98,5 %) в 1979 г. было занято в сельском и лесном хозяйстве. В течение всего рассматриваемого периода в колхозах продолжалось углубление отраслевого и профессионального разделения труда, происходила смена традиционных видов деятельности на новые. Тем не менее к началу 80-х гг. колхозники играли еще очень незначительную роль в развитии промышленности, строительства, транспорта (см. табл. 4).

Развитие колхозного крестьянства как класса шло по пути усложнения его внутренней структуры. Консолидировавшись к концу 50-х гг., оно

приобрело все основные черты своего современного облика. Однако негативные моменты и трудности в развитии села в целом и колхозов в частности: слабость материальной базы, отсутствие эквивалентного обмена между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, нарушение социальной справедливости по отношению к колхозникам и деревне в целом, остаточный принцип в развитии социальной сферы села — нарушили естественный ход эволюции крестьянства, помешали раскрытию его социального потенциала. Колхозы не могли полностью реализовать свои возможности. Жесткое управление колхозами через соответствующие государственные и партийные органы вело к их фактическому огосударствлению, что выразилось в основном в невозможности для них

реально формировать свою производственную структуру в соответствии с хозяйственными условиями и потребностями.

Запрет на ведение подсобных производств и промыслов не только вел к росту миграции колхозного населения, но и тормозил развитие структуры занятости колхозников. Назрела общественная необходимость ликвидации этих нежелательных последствий. Большие надежды в этом плане возлагаются на перестройку экономических отношений на селе, на широкое использование кооперативных начал и хозрасчетных принципов, что должно повлечь за собой психологический перелом у массы сельских тружеников, рост их социального самосознания.

Постепенно меняется архаичная внутренняя структура колхозов и совхозов. Некоторые хозяйства превращаются в союзы кооператоров, арендаторов. Подобные ассоциации хозрасчетных первичных кооперативов, занимающиеся не только производством, но и переработкой продукции, розничной торговлей и общественным питанием, призваны существенно изменить экономическую форму реализации государственного права собственности, что должно сказаться на социальных отношениях внутри села. Разумное сочетание крупного производства с арендным подрядом, восстановление социальной справедливости по отношению к крестьянству качественно изменят его положение в обществе.

Одна из особенностей современного этапа состоит в смещении центра социальной политики в сферу отношений, связанную с неклассовыми аспектами структуры общества. Все больший теоретический и практический интерес вызывает проблема преодоления различий между умственным и физическим трудом. Работники умственного труда образуют важный элемент социальной структуры села. Колхозные и государственные работники умственного труда, требующего высокой квали-

фикации (в большинстве своем дипломированные специалисты), являются представителями сельской интеллигенции. К ней примыкает группа служащих — работников преимущественно умственного труда, не требующего специального образования. По сложившимся в государственной статистике принципам учета группа служащих в переписях населения объединяет интеллигенцию и служащих-неспециалистов государственного сектора экономики и не включает колхозную интеллигенцию. Эта группа работников имеет устойчивую тенденцию к росту (см. табл. 3). В Западной Сибири с 1959 по 1970 г. она увеличилась на 11,5 %, с 1970 по 1979 г. — на 13,4 %. В целом за 20 лет прирост сельских служащих составил в Западной Сибири 26,4 %, в Восточной Сибири — 29,6 %. В 1979 г. в селах Сибири было занято 665,1 тыс. государственных служащих. Их доля в занятом сельском населении наиболее высока в Томской, Тюменской, Читинской областях. Большая часть сельских служащих была занята в производственных отраслях, в основном в просвещении, учреждениях культуры, здравоохранении. Высок и процент работников партийного и государственного аппарата, кредитования и страхования. Примерно пятая часть служащих трудилась в сельском хозяйстве, но среди всех работников отрасли они составляли лишь 9 % (в промышленности 12—13, в транспорте и в связи — 18, в строительстве — 13 %).

Быстро растущей, перспективной общностью являются в колхозах работники умственного труда. В довоенные годы их численность была так мала, что они не выделялись как социальная группа в общей массе колхозного крестьянства. Колхозная интеллигенция сформировалась в основном к концу 50-х гг. На момент переписи населения 1959 г. в колхозах Западной Сибири было занято 37,0 тыс. работников умственного труда, они составляли 3,8 % от

всех занятых колхозников. К 1970 г. их численность уменьшилась до 26,8 тыс. чел. в связи с общим сокращением колхозного населения, но удельный вес возрос до 7,3 %. 70-е гг. характеризовались абсолютным и относительным ростом этой социальной группы, численность колхозников — работников умственного труда достигла в 1979 г. в Западной Сибири 27,1 тыс. чел., в Восточной Сибири — 11,2 тыс. чел., доля их среди самодеятельного колхозного населения выросла соответственно до 9,1 и 6,7 %. Необходимость совершенствования производительных сил колхозов на основе достижений науки и техники, развития их социальной инфраструктуры, изменения всего уклада жизни служит залогом дальнейшего поступательного развития этой социальной группы.

Косвенным показателем принадлежности работников преимущественно умственного труда к собственно интеллигенции и служащим-неспециалистам может служить уровень образования. В 1979 г. большая часть сельских служащих (в Западной Сибири — 64,2 %, в Восточной — 63,0 %) имела высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование. Доля колхозников с таким же уровнем образования среди всех колхозников, занятых умственным трудом, была несколько меньшей — 57,6 % в Западной Сибири и 53,8 % в Восточной Сибири. В составе всего занятого населения села отряду дипломированных квалифицированных работников умственного труда принадлежало в Западной Сибири 13,3 %, в Восточной Сибири — 13,6 %, причем на долю колхозной интеллигенции приходилось 0,8 и 0,5 % специалистов. Удельный вес сельской интеллигенции, в том числе колхозной, был несколько более высоким, так как в эту группу входили и лица, не имеющие специального образования, но наделенные функциями специалистов. Остальные работники умственного труда составляли подгруппу служащих-неспеци-

алистов. В некоторых отраслях — сфере обслуживания, культуре, просвещении — возможен относительный рост их численности. В целом же в ходе интеллектуализации деятельности сельских тружеников происходит «размывание» этой категории работников: одна ее часть переходит в ряды интеллигенции, другая пополняет сельский отряд рабочего класса. Перевод хозяйств на хозрасчет и самокупаемость, внедрение новых методов организации труда способствуют высвобождению работников административного аппарата, а также малоквалифицированных и неквалифицированных работников в сфере производства. Перспективы развития сельской интеллигенции связаны с ростом численности и повышением квалификационного уровня специалистов, прежде всего в сельском хозяйстве.

Опыт 50-х гг. показал правильность линии на приближение специалистов к производству. На нынешнем этапе важно усилить заинтересованность производственно-технической интеллигенции во внедрении новых форм организации труда. Перестройка системы управления снизу доверху кардинально меняет статус специалиста в хозяйстве с руководящего на работающего. Новые производственные отношения требуют реальной отдачи от рекомендаций агрономов, зоотехников, селекционеров. Для этого нужны не только экономическая, профессиональная образованность кадров, но и хорошее знание техники, умение с ней работать. Специалисты должны возглавить подрядные и арендные коллективы. Резкое сокращение управленческого аппарата создает такую возможность.

Необходимость решения острых социальных проблем деревни предполагает значительное развитие сельской непромышленной интеллигенции. Радикально улучшить сферу быта, здоровье сельских жителей, повысить их общую культуру и образование можно при условии

не только численного роста учителей, врачей, библиотекарей, но и привлечения хорошо подготовленных представителей редких для сел профессий — музыкантов, художников, архитекторов и т. д. В этом видятся перспективы выполнения программных задач — преодоления существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Наличие в современной деревне представителей двух социалистических классов, двойственность положения интеллигенции относительно форм собственности, сложность внутренней иерархии основных элементов социальной структуры села, наконец, появление новых, прогрессивных межклассовых слоев под воздействием межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, повышение удельного веса маятниковых мигрантов — все это делает социальный облик деревни более сложным и дифференцированным по сравнению с городом.

2. Социально-профессиональная структура

Профессионализм, соответствие навыков и квалификации человека роду его деятельности являются одним из критериев развитости производительных сил. Сочетание универсализма и специализации, рациональность профессиональной структуры занятости сельского населения, подготовленность работников к выполнению различных трудовых функций — степень решения этих проблем во многом характеризует социальную сферу современного села. Преобразование на основе научно-технического прогресса характера труда, его организации, распределительных отношений ведет к усилению дифференциации трудовой деятельности. Наличие в труде сельских работников элементов индустриального характера становится все более важной чертой социально-профессиональной структуры. В ходе разде-

ления общественного труда от традиционных сельскохозяйственных специальностей отпочковываются все новые их виды. Увеличивающаяся дифференциация трудовой деятельности, в свою очередь, создает предпосылки для усиления интеграции.

Анализ социально-профессиональной структуры работников сельского хозяйства Сибири показал, что принципиальных различий между рабочими совхозов и колхозниками, занятыми в общественном хозяйстве, в течение всего рассматриваемого периода не наблюдалось. Удельный вес представителей разных профессий был практически одинаков, напротив, различия между социально-профессиональными группами оказались более значительными, чем между работниками колхозов и совхозов. Численность отдельных профессиональных групп в большой мере определялась действием хозяйственного механизма, тормозящего или стимулирующего внедрение новых, прогрессивных форм организации труда.

Центральная тенденция в процессе профессионального разделения физического труда состоит в абсолютном и относительном увеличении числа механизаторов и других работников, связанных с техникой. Это важнейшая социально-профессиональная группа крестьянства, наиболее социально активная его часть, характеризующаяся значительным уровнем культуры и образования, политической сознательности. Сюда относятся не только представители традиционных механизаторских профессий — трактористы-машинисты, комбайнеры и шоферы грузовых машин, но и работники механизированного, комплексно-механизированного и частично автоматизированного производства в животноводстве, а также работники ремонтно-транспортных мастерских — слесари, станочники, наладчики, электрики. Об уровне механизации основных видов труда в колхозах и совхозах региона можно судить по данным табл. 7.

Таблица 7

Распределение колхозников и рабочих совхозов по занятости трудом разной степени механизации на 1 августа 1985 г., %*

Регион	Механизи- рованный спо- соб	Работа вруч- ную при ма- шинах и ме- ханизмах	Работа вруч- ную не при машинах и механизмах	Ремонт и на- ладка машин
Колхозники, занятые в основной деятельности				
РСФСР	41,3	3,9	51,4	3,4
Западная Сибирь	47,3	5,9	43,1	3,7
Восточная Сибирь	43,1	3,4	50,1	3,4
Колхозники, занятые в растениеводстве				
РСФСР	42,1	1,5	54,6	1,8
Западная Сибирь	57,9	2,0	38,3	1,8
Восточная Сибирь	59,3	2,4	36,4	1,9
Колхозники, занятые в животноводстве				
РСФСР	28,6	8,4	60,2	2,8
Западная Сибирь	28,4	11,8	56,7	3,1
Восточная Сибирь	18,8	5,1	73,8	2,3
Рабочие совхозов, занятые в основной деятельности				
РСФСР	40,0	5,3	49,2	5,5
Западная Сибирь	45,3	7,2	42,4	5,1
Восточная Сибирь	39,5	5,2	50,3	5,0
Рабочие совхозов, занятые в растениеводстве				
РСФСР	41,8	1,4	54,4	2,4
Западная Сибирь	58,5	2,1	36,4	3,0
Восточная Сибирь	52,1	2,2	42,6	3,1
Рабочие совхозов, занятые в животноводстве				
РСФСР	26,8	12,6	56,3	4,3
Западная Сибирь	26,9	15,8	53,8	3,5
Восточная Сибирь	19,9	9,8	67,4	2,9

* Таблицы 7, 10 рассчитаны по данным годовых отчетов колхозов и совхозов.

К середине 80-х гг. труд колхозников был механизирован в среднем несколько больше, чем рабочих совхозов; в Сибири механизированным способом выполнялась большая часть работ, чем в РСФСР. Однако в целом уровень механизации в растениеводстве достигал лишь двух третей всего объема работ, а в животноводстве — менее одной трети.

Насыщение сельскохозяйственного производства машинами и оборудованием происходило быстрее, чем решение вопросов, связанных с комплектованием, закреплением и рациональным использованием механизаторских кадров. Для работы в колхозах и совхозах РСФСР в 1979 г. бы-

ло подготовлено 735 тыс. трактористов, комбайнеров, шоферов, по численности их в сельском хозяйстве в 1980 г. осталась прежней⁵. В СПТУ Западной Сибири в 1965 г. было обучено 69 тыс. чел., в 1970 г. — 63 тыс., в 1975 г. — 79 тыс., в 1980 г. — 83 тыс. чел.; в СПТУ Восточной Сибири в эти годы — по 34—40 тыс. чел., однако численность этой профессиональной группы в колхозах Сибири не возросла (табл. 8). В условиях расширения машинно-тракторного парка и относительной стабильности площади сельскохозяй-

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. — М., 1981. — С. 173, 227, 289, 375.

Т а б л и ц а

Динамика среднегодовой численности работников массовых сельскохозяйственных профессий в колхозах, тыс. чел.*

Регион	Трактористы-машинисты	Животноводы	Работники, занятые на конно-ручных работах, и прочие работники
1970 г.			
РСФСР	640,7	1414,0	2845,8
Западная Сибирь	48,1	96,8	118,2
Восточная Сибирь	24,7	52,5	61,6
1975 г.			
РСФСР	649,4	1356,2	2138,1
Западная Сибирь	44,8	85,1	84,1
Восточная Сибирь	24,4	47,0	45,6
1983 г.			
РСФСР	636,9	1358,3	1471,3
Западная Сибирь	44,5	91,6	58,1
Восточная Сибирь	23,4	55,2	30,0
1985 г.			
РСФСР	629,5	1347,0	1344,7
Западная Сибирь	44,6	91,5	54,0
Восточная Сибирь	23,1	53,8	28,9
1987 г.			
РСФСР	632,6	1327,8	1213,8
Западная Сибирь	43,8	90,7	46,0
Восточная Сибирь	22,7	53,4	25,2

* Таблица рассчитана по данным статистических сборников «Труд и оплата труда в колхозах» за соответствующие годы.

ственных угодий это приводило к возрастанию удельных нагрузок. Если в 1965 г. в Сибири 100 тракторов обслуживали в среднем 175 механизаторов, то в 1987 г. — 112. К середине 80-х гг. фактическое наличие механизаторов в расчете на 1000 га пашни было ниже нормативного уровня в колхозах и совхозах Западной Сибири на 11,1 %, Восточной Сибири — на 16,7 %. В наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ нехватка механизаторов обнажалась еще отчетливее.

Текущая численность механизаторских кадров в годы одиннадцатой пятилетки в Сибири составляла 7—9 %, что несколько выше, чем в среднем по РСФСР. Уровень обеспеченности этими кадрами в 1985 г. в Западной

Сибири равнялся 95 %, в Восточной Сибири — 90, в РСФСР — 86 %.

Недостаток механизаторских кадров в какой-то мере компенсируется повышением их квалификации. В начале 1970 г. трактористы, имеющие квалификацию III класса, составляли более половины всех трактористов РСФСР, I и II классов — соответственно менее половины. В конце 70-х гг. соотношение изменилось в пользу механизаторов самой высокой квалификации. Так, в 1980 г. в колхозах Западной Сибири удельный вес трактористов-машинистов I класса составлял 30 %, II класса — 29, III класса — 40 %, что значительно выше показателей Российской Федерации. В целом среди механизаторов колхозов и совхозов Западной Сибири в 1981 г. 61 % имели квалифика-

Таблица 9

Темпы роста численности механизаторов и водителей грузовых автомобилей в колхозах, совхозах, межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях, %*

Годы	РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Трактористы-машинисты, трактористы и комбайнеры			
1960—1965	20,2	13,6	13,3
1965—1970	6,5	3,6	0
1970—1975	6,5	1,2	3,8
1975—1980	8,6	2,8	4,4
1980—1987	-4,1	-6,2	1,7
Шоферы			
1960—1965	3,6	3,9	-6,9
1965—1970	25,4	9,9	2,1
1970—1975	13,0	7,1	12,6
1975—1980	17,0	15,0	17,8
1980—1987	14,2	13,9	24,0

* Таблица рассчитана по данным: Груд в РСФСР.— М., 1981.— С. 158—161; годовые отчеты колхозов и совхозов.

цию I и II классов, в 1984 г.— 68, Восточной Сибири — соответственно 54 и 59 %, при этом наивысшие показатели отмечены в Алтайском крае — 69 и 74 %. Все большую роль в отряде механизаторов играют шоферы, численность которых из года в год увеличивается (табл. 9). Работа шофера на селе престижна, недостатка в кадрах нет.

Структура механизаторских кадров изменяется и в колхозах, и в совхозах региона, причем тенденции одинаковы: постепенно сокращаются численность и доля трактористов, комбайнеров, увеличиваются — водителей грузовых автомобилей, машинистов на сельхозмашинах, а также слесарей, ремонтников, электриков (табл. 10).

Теперь, когда в земледелии и животноводстве появляется все больше высокопроизводительных машин, механизатор становится центральной фигурой в колхозном производстве, его роль в интенсификации сельскохозяйственного производства повышается. Особую значимость сегодня приобрели вопросы дальнейшего улучшения подготовки, закрепления

и рационального использования на селе кадров механизаторов.

В сельском хозяйстве в настоящее время используется различная техника почти 900 наименований, поэтому в производстве ощущается потребность в работниках промышленной квалификации, способных полностью овладеть техникой, экономично и эффективно ее эксплуатировать. Вместе с тем сезонный характер труда не дает возможности равномерно загружать такого рода работников в течение всего года. Выходом из положения явились развитие комплексной механизации сельскохозяйственного производства, подготовка механизаторов широкого профиля, совмещающих различные профессии. Решение этой важной социальной проблемы означало формирование работников нового типа, способных выполнять все основные виды сельскохозяйственных работ, умеющих обращаться с различной техникой и применять агроотехнические знания.

Развитие таких видов социалистической собственности, как аренда, семейный подряд, личное хозяйство, закрепляет эту тенденцию. По мере насыщения средствами малой механизации деревня все больше будет нуждаться в работниках-универсалах, способных профессионально, грамотно использовать малогабаритные сельскохозяйственные машины. Параллельно с этим идет процесс дальнейшей специализации и профессионализации труда.

В ходе развития производственной структуры села под влиянием технического прогресса увеличивается число видов трудовой деятельности, а следовательно, и число новых профессий, ранее не известных деревне. Если в 60-х гг. в колхозно-совхозном производстве было примерно 50 профессий, то к 1980 г. насчитывалось более 50 только механизаторских профессий: мастер машинного доения, механизатор-кукурузовод, механизатор-свекловод и т. д., а вообще в сельскохо-

Таблица 10

Профессиональный состав механизаторских кадров колхозов и совхозов Западной Сибири, % ко всем механизаторам

Механизаторские профессии	Колхозы		Совхозы	
	1979 г.	1985 г.	1979 г.	1985 г.
Трактористы-машинисты, трактористы	46,7	45,6	46,5	44,8
Комбайнеры	3,6	1,3	1,4	1,2
Помощники комбайнеров	1,3	0,9	1,0	1,0
Машинисты сельскохозяйственных и других машин	1,4	1,4	1,5	2,1
Водители	19,1	20,5	18,9	20,3
Мастера машинного доения	20,9	20,6	19,8	18,5
Операторы по приготовлению и раздаче кормов, повара кормовых цехов	0,5	0,5	0,5	0,6
Мастера-наладчики	2,3	1,1	1,4	1,3
Электромонтеры, слесари-электрики	1,5	1,7	3,4	2,9
Слесари-ремонтники, прочие слесари	2,7	6,4	5,6	7,3

зяйственном производстве существовало уже более 160 профессий и специальностей.

Большое влияние на дальнейшее углубление профессионального разделения труда оказали электрификация, химизация, мелиорация. Быстрыми темпами росли численность и удельный вес таких профессиональных групп, как электромонтеры, электрогазосварщики, мастера-наладчики оборудования, слесари, механизаторы-мелиораторы и др. В 1980 г. в колхозах Сибири трудилось около 2 тыс. электромонтеров, 3,5 тыс. механиков, техников, электриков, более 1,1 тыс. работников, связанных с мелиоративными мероприятиями. В группу занятых квалифицированным механизированным трудом входят токари, слесари, электрики, шоферы и др. Труд их не связан непосредственно с сельским хозяйством, но от уровня квалификации, компетенции, технологической культуры этих работников зависят эффективность и производительность труда в отрасли. К сожалению, пока социальный статус и социальная престижность этих профессий невелики.

Процесс роста профессионализма в связи с расширением объема квалифицированного сельскохозяйствен-

ного труда в значительной мере затронул животноводство. По мере механизации ферм изменилось содержание производственной деятельности животноводов. Сегодня он должен обладать зоотехническими знаниями, а также умением обращаться с техникой и механизмами, использовать науку и передовой опыт в колхозном производстве. Традиционная профессия «животновод» распалась на ряд специальностей — работники, обслуживающие рогатый скот, молодняк, свиней, овец, птиц и т. д. Этот труд требует определенных знаний и уровня квалификации. Все колхозы Западной Сибири и более 90 % — Восточной Сибири имеют механизированную дойку, поэтому почти все колхозницы-дойки заняты квалифицированным трудом, они являются частью механизаторских кадров. Растет квалификация механизаторских кадров, занятых в животноводстве. По данным годовых отчетов колхозов и совхозов, в 1985 г. в РСФСР 40 % доярок имели звание «Мастер животноводства», в Сибири — 53 %.

В целом численность животноводов за последние годы несколько сократилась (см. табл. 8), однако увеличился их удельный вес среди

работающих. В 1984 г. в колхозах Западной Сибири их доля равнялась 29,8 % от среднегодового числа занятых колхозников, в колхозах Восточной Сибири — 33,6 %, в 1987 г. — соответственно 32,7 и 36,5 %⁶.

Дальнейшей специализации работников сельского хозяйства способствует создание новых технологий как во многих отраслях растениеводства, так и практически во всех отраслях животноводства. Для их расширенного внедрения требуется техническое и ресурсное обеспечение, в том числе рост квалификации работников.

Среди колхозников можно выделить группу лиц, чей труд требует известных навыков, специальной подготовки и знаний, но не механизирован или механизирован частично. Сюда относятся овчары-чабаны, пчеловоды, садоводы, строители и т. д. Эти профессиональные группы имеют тенденцию к относительному росту. К примеру, численность колхозников, занятых капитальным ремонтом зданий и сооружений, в строительных бригадах в Сибири сократилась с 26,8 тыс. чел. в 1984 г. до 24,7 тыс. чел. в 1987 г., а их удельный вес увеличился с 5,7 до 5,8 %.

Об изменениях в профессиональном составе крестьянства говорит и сокращение доли лиц, занятых неквалифицированным трудом (преимущественно ручным). По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., более 71,4 % работников сельского хозяйства РСФСР указали в качестве занятий «сельское хозяйство», т. е. не обозначили свою специальность, в 1970 г. таких лиц было 56 %, а в 1979 г. — менее четверти. Среди колхозников удельный вес этой группы к 1980 г. сократился значительно и составил 20—21 %. Не все ручные технологии на нынешнем этапе поддаются механизации,

иногда при этом снижается качество продукции (например, в льноводстве, картофелеводстве). Из этого следует неизбежность сохранения в течение какого-то периода группы работников, занимающихся преимущественно ручным физическим трудом.

По данным годовых отчетов колхозов Сибири за 1965—1985 гг., численность работников, занятых на конно-ручных работах, сократилась в 2,5 раза. Этот процесс продолжается и сегодня. С 1984 по 1987 г. доля колхозников, занятых на конно-ручных работах в растениеводстве и прочих работах, уменьшилась в Западной Сибири с 18,0 до 16,6 %, в Восточной Сибири — с 17,6 до 17,2 %, хотя численность этой группы все еще велика (см. табл. 8). В целом по республике доля занятых на конно-ручных работах в колхозах была значительно выше, чем в Сибири, — 28,3 % в 1987 г. Такое различие объясняется слабым развитием в регионе садоводства и овощеводства, где отсутствует комплексная механизация и поэтому велики затраты ручного труда.

Основная тяжесть ручного труда падает на плечи женщин. В 1985 г. в Западной Сибири работали вручную 62,7 % колхозниц, в Восточной Сибири — 73,1 %. При этом в животноводстве их доля составляла 50,3 и 65,7 %, а в растениеводстве — соответственно 94,1 и 95,3 %.

Интересы как социального, так и экономического развития требуют серьезных преобразований в характере и содержании труда. Масштабы и темпы сокращения ручного труда предстоит значительно увеличить. На эти цели будут направлены и техническое перевооружение сельского хозяйства, и внедрение принципиально новых технологий.

Заметные изменения в социальной структуре деревни произошли в результате создания межколхозных и государственно-колхозных объединений, развития подсобных предприятий. Эти новые формы кооп-

⁶ Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1984 год. — М., 1985. — С. 119—120; Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1987 год. — М., 1988. — С. 49—50.

Численность колхозников, выполняющих работы индустриального характера в колхозах Сибири

Область, край	Колхозники, занятые индустриальным трудом		Из них							
			бригадиры строительных бригад		заведующие мастерскими и подсобными хозяйствами		работники на постоянных работах на промышл. и подсобных предприятиях		работники на постоянных работах в строительных бригадах и кап. ремонте	
	1965 г.	1980 г.	1965 г.	1980 г.	1965 г.	1980 г.	1965 г.	1980 г.	1965 г.	1980 г.
Алтайский	10 365	13 984	374	388	377	436	5191	6438	4414	6692
Новосибирская	5 717	6 688	184	195	197	192	2410	2729	292	3572
Кемеровская	2 108	3 070	85	89	54	47	721	1256	1326	1678
Омская	4 787	6 776	163	173	107	177	2246	3016	2271	3410
Тюменская	3 499	3 696	94	95	103	103	1561	1542	1681	1966
Томская	2 578	944	39	34	77	30	1229	365	1233	507
Красноярский	4 092	4 119	28	77	200	105	2580	2528	1284	1409
Иркутская	3 389	4 594	22	100	115	100	1956	2373	1296	2011
Читинская	5 641	4 745	44	130	143	147	2267	2303	3187	2165

перации труда в сельском хозяйстве должны привести к возникновению новых профессиональных групп, изменить социально-культурный статус их работников. Но пока растет лишь численность работников, занятых в агропромышленных объединениях, межхозах и подсобных предприятиях. Труженики этой группы, оставаясь членами сельскохозяйственных артелей, рабочими совхозов, тяготеют по характеру труда к идентичным профессиональным группам рабочего класса. В Западной Сибири в 1961 г. колхозников, работавших на предприятиях агропрома, насчитывалось 25,9 тыс., в 1965 г. — 29 тыс., в 1985 г. — 40 тыс., в Восточной Сибири — 7 тыс., 12 тыс. и 15 тыс. соответственно; их удельный вес возрос с 6,8 % в 1965 г. до 13 % в 1985 г. в колхозах Западной Сибири и с 7 до 15 % — в колхозах Восточной Сибири. В колхозах Российской Федерации удельный вес указанной группы в 1965 г. составлял 3 %, в 1980 г. — 6, в 1985 г. — 10 %, т. е. в Сибири численность и удельный вес данной социально-профессиональной группы росли более быстрыми темпами, что диктовалось размахом хозяйственного освоения региона.

Увеличение численности занятых на подсобных и промышленных

предприятиях характерно как для колхозов, так и для совхозов Сибири. Так, если в 1975 г. около 9 % рабочих совхозов были заняты на этих предприятиях, то в 1985 г. — более 11 %. Этот процесс в той или иной мере развивается во всех краях и областях региона (табл. 11).

Развитие производства на селе помогает лучше использовать трудовой потенциал. Промышленные предприятия предоставляют альтернативу тем сельским жителям, которых не удовлетворяет труд в сельском хозяйстве. Создаются условия для преодоления чрезмерно узкого разделения труда, для развития способностей человека, появляется возможность выбирать дело по душе.

Современные жители деревни все большие требования предъявляют к развитию социально-культурной сферы. По мере ее совершенствования в деревне появляются новые профессии, отражающие эти процессы. Растут численность и удельный вес работников, связанных с культурно-бытовым обслуживанием, строительством и т. д. По данным годовых отчетов колхозов можно проследить за ростом численности таких профессиональных групп колхозников, как работники столовых, клубов, детских учреждений, парикмахерских, ателье и т. д. В 1960 г. в культурно-быто-

вых учреждениях работало 4,3 тыс. колхозников, в 1980 г. их численность возросла до 8,4 тыс. чел., т. е., почти в 2 раза. В Восточной Сибири в 1960 г. 3,3 тыс. колхозников работали в сфере культурно-бытового обслуживания на селе, к 1980 г. эта категория сократилась наполовину в связи с реорганизацией колхозов. В 1980 г. в 233 колхозах Алтайского края насчитывалось почти 4 тыс. таких работников, т. е. столько, сколько во всей Западной Сибири в начале 60-х гг., в 51 колхозе Кемеровской области — 310 чел., в 166 колхозах Новосибирской — 1175, в 152 колхозах Омской — 1570, в 20 колхозах Томской — 301, в 90 колхозах Тюменской области — 804, в 113 колхозах Красноярского края — 384, в 84 колхозах Иркутской области — 516, в 122 колхозах Читинской области — 557. Рост абсолютной численности названных профессиональных групп, естественно, приводит к увеличению и их доли среди колхозников, занятых в общественном хозяйстве. В 1987 г. среднегодовая численность работников жилищно-коммунального хозяйства, культурно-бытовых учреждений, торговли и общественного питания, детских учреждений, учебных заведений достигла 13,8 тыс. чел. в Западной Сибири и 2,4 тыс. чел. в Восточной Сибири, что составляло соответственно 5 и 1,6 % от всех работавших колхозников (в РСФСР — 3,7 %) ⁷. Это явление отражает положительные тенденции развития села.

Итогом большой работы по подготовке кадров высшей и средней квалификации был значительный рост производственно-технической интеллигенции среди работников сельского хозяйства. В колхозах, совхозах, межхозяйственных сельскохозяйственных и подсобных предприятиях региона численность дипломированных специалистов возросла с 1965

по 1980 г. в 3,5 раза (в РСФСР — в 3,3 раза): в Западной Сибири — с 21,7 тыс. до 82,5 тыс. чел., в Восточной Сибири — с 11,7 тыс. до 34,5 тыс. чел. К весне 1987 г. во всех категориях хозяйств Сибири насчитывалось 156,6 тыс. руководящих работников и специалистов, причем 71,5 % из них работали в совхозах, 25,8 % — в колхозах, 2,7 % — в межхозяйственных сельхозпредприятиях (в республике соотношение было следующим: 56,4; 40,9; 2,7 %).

Осуществляемая в настоящее время комплексная программа интенсификации и индустриализации сельского хозяйства приводит к изменению и структуры производства, и структуры колхозных кадров специалистов. Наиболее быстрыми темпами росла численность инженеров и техников. По данным годовых отчетов, в колхозах РСФСР с 1965 по 1980 г. число инженеров и техников возросло с 23,9 тыс. до 42,8 тыс., они стали одной из самых многочисленных групп в колхозном производстве, почти равной по численности группе традиционных колхозных специалистов — агрономов и зоотехников, вместе взятых. Количество инженерно-технических работников в колхозах Западной Сибири за это же время возросло с 1411 до 3214 чел., Восточной Сибири — с 1203 до 1625 чел. В колхозах Западной Сибири численность инженерно-технических работников увеличивалась более быстрыми темпами, чем в РСФСР и Восточной Сибири. Она возросла за указанный период более чем в 2,3 раза, в то время как в Восточной Сибири — в 1,4 раза, в РСФСР — в 1,7 раза.

В колхозах и совхозах региона работает большой отряд агрономов, зоотехников, ветврачей. Их роль в жизни села, как и удельный вес в составе населения, не только не уменьшается, но, напротив, возрастает, особенно среди занятых умственным трудом. В период между переписями населения 1959 и 1979 гг. доля ИТР, агрономов и других спе-

⁷ Труд и оплата труда в колхозах РСФСР за 1987 год. — С. 82—89.

диалистов среди всего занятого сельского населения Западной Сибири изменилась незначительно, но по отношению к работникам преимущественно умственного труда заметны определенные сдвиги. Так, доля ИТР среди занятого сельского населения Западной Сибири понизилась ненамного — с 3,3 до 3,2 %; агрономов, зоотехников, ветработников, лесничих — повысилась с 1,5 до 1,6 %. В составе же работников умственного труда удельный вес этих групп специалистов изменился более существенно — он поднялся с 11,7 до 15,4 и с 5,4 до 7,5 % соответственно.

Кроме перечисленных категорий колхозников к группе занятых умственным трудом в колхозах относятся также экономисты, плановики, счетные работники и т. д. Задачи интенсификации производства решаются путем налаживания экономической работы в хозяйствах, совершенствования форм организации труда. Это требует специально подготовленных экономических кадров. К весне 1987 г. в колхозах Сибири трудилось 2111 экономистов всех специальностей и 8358 бухгалтеров (включая главных специалистов).

В начале 60-х гг. в сибирских колхозах, как и в колхозах центральной части страны, не было освобожденных заместителей председателя. В конце 70-х — начале 80-х гг. нормой стало наличие в каждом колхозе одного или нескольких заместителей председателя, отвечающих за различные участки социально-экономической и политико-воспитательной работы. Стали создаваться советы специалистов, расширилось правление колхоза. Но, как показала практика, создание этих структур не привело к реальному улучшению дел; напротив, рост управленческого аппарата отвлекал силы и средства от решения насущных проблем. В современных условиях внедрение нового хозяйственного механизма сопровождается сокращением лишних звеньев в управлении сельским хозяйством.

60—70-е гг. были временем значительного роста колхозной производственной интеллигенции. Но ускоренное развитие сельскохозяйственного производства в условиях научно-технической революции требовало еще более быстрого насыщения производства кадрами специалистов. В 1980 г. укомплектованность руководящими работниками в колхозах Сибири, как и в колхозах РСФСР, находилась на уровне 94 %, при этом укомплектованность агрономами, зоотехниками, ветврачами, инженерами, техниками колхозов Сибири составляла 91 % от потребности; экономистами и бухгалтерами — 96; руководителями среднего звена управления — 95 %. И сегодня ключевыми проблемами остаются работа с кадрами, насыщение производства необходимым количеством специалистов с высоким уровнем специальной и профессиональной подготовки, а также эффективное их использование.

В 60-е и особенно в 70-е гг. заметно повысился образовательный уровень руководителей хозяйств. С 1965 по 1987 г. в Западной Сибири удельный вес председателей колхозов и директоров совхозов, имеющих высшее образование, увеличился с 31 до 90 %, в Восточной Сибири — с 28 до 84 %. По удельному весу председателей, заместителей председателей, главных агрономов, зоотехников с высшим или средним специальным образованием Сибирь в начале 60-х гг. приближалась к Российской Федерации. Удельный вес заведующих фермами, бригадиров производственных бригад и других работников среднего звена управления, имеющих высшее или среднее специальное образование, был более чем на 5—10 % ниже общероссийского; бригадами и фермами руководили большей частью практики.

Сдвиг наметился в конце 70-х гг. За период с 1965 по 1975 г. удельный вес руководителей среднего звена с высшим и средним специальным образованием увеличился в колхозах и совхозах Западной Сибири с 6 до 22 %, к 1980 г. — до 37, к 1987 г. —

до 46 %. Разрыв со среднереспубликанским уровнем образования в начале 80-х гг. в одних профессиональных группах, таких как заведующие подсобными хозяйствами, заведующие гаражами, прорабы, бригадиры строительных бригад, совсем исчез, в других же сократился наполовину. В 1985 г. заведующие ремонтными мастерскими с высшим или средним специальным образованием в колхозах Сибири составляли 57 %, в совхозах — 67 %; среди заведующих автогаражами их было соответственно 70 и 56 %, среди заведующих фермами, бригадиров в животноводстве и растениеводстве — 40 и 44 %, хотя в 1975 г. — только 16 и 20 %. В связи с наметившейся децентрализацией руководства, предоставлением большей экономической самостоятельности отдельным подразделениям, трудовым коллективам роль руководителей среднего звена постоянно возрастает. Их деловая активность, хозяйственная сметка и инициатива во многом зависят от уровня квалификации и профессиональной подготовки. Поэтому задача роста образовательного уровня руководителей сельского хозяйства остается актуальной, при этом стоит задача не только подготовки молодых специалистов, но и повышения квалификации практиков.

Сравнение уровня образования основных групп специалистов производства в сельской местности Сибири позволяет сделать вывод о лучшей обеспеченности колхозов и совхозов кадрами агрономов, зоотехников, экономистов. Доля дипломированных специалистов среди этих работников приближается здесь в настоящее время к 100 %. Несколько ниже образовательный уровень ветеринаров, инженеров и техников. В 1987 г. удельный вес специалистов с высшим и средним образованием среди ветеринарных работников составил 80 % в Западной Сибири, 85 % в Восточной Сибири; среди инженеров и техников — 74 и 75 %, что соответ-

ствует среднереспубликанскому уровню. Колхозы и совхозы в настоящее время практически сравнились по степени обеспеченности специалистами сельского хозяйства. По данным на 1 апреля 1985 г., доля руководителей и специалистов, имеющих высшее или среднее образование, в Западной Сибири в совхозах равна 71 %, в колхозах — 70, в Восточной Сибири — соответственно 69 и 65 %. Тот же показатель в межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях составил 77 и 75 %. Новая форма ведения хозяйства предъявляет более жесткие требования к качественному составу кадров и в то же время предоставляет им лучшие условия жизни и труда.

Рассмотренные направления развития социально-профессиональной структуры деревни свидетельствуют о том, что она отражает реальный уровень развития земледелия и других отраслей народного хозяйства. Процессы торможения, охватившие все сферы социально-экономической жизни страны, сказались и на формировании профессиональной структуры сельских жителей, которая до сих пор не отвечает современным требованиям научно-технической революции в сельском хозяйстве.

Основной путь решения этих проблем — превращение сельского хозяйства в современное интенсивное производство, совершенствование всех форм социалистической собственности. Введение новых технологий, переход на хозрасчет, сокращение административного аппарата, развитие сферы быта и культуры на селе явятся предпосылкой прогрессивных социально-профессиональных перемещений. Этой же цели должна служить и дифференцированная социальная политика на селе. Развитие творческого характера сельскохозяйственного труда будет способствовать более полной реализации возможностей и способностей сельского труженика.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

1. Динамика и структура доходов

Исторический опыт убедительно свидетельствует о необходимости обеспечения тесной взаимосвязи между экономическим и социально-бытовым развитием страны. Рост масштабов и эффективности производства расширяет возможности государства для подъема жизненного уровня народа. Улучшение условий труда и быта способствует раскрытию творческих способностей людей, повышению их производственной активности, сокращению текучести кадров и укреплению трудовой дисциплины, что оказывает существенное воздействие на прогресс экономики. Напротив, нарушение этой объективной взаимосвязи, «остаточный принцип» выделения ресурсов для социально-культурной сферы, недооценка проблем быта и досуга, неравномерные тенденции в распределительных отношениях приводят к снижению заинтересованности трудящихся в результатах труда и другим негативным явлениям.

Проведение активной, научно обоснованной социальной политики имеет огромное значение для восточных районов СССР, которые вносят большой экономический вклад в развитие единого народнохозяйственного комплекса СССР и в то же время по показателям жизненного уровня населения заметно отстают от центральных районов страны. В Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС отмечается, что при освоении Сибири и Дальнего Востока особое внимание «нужно уделить созданию здесь необходимых условий для плодотворного труда и полноценной жизни людей. Сегодня это главный вопрос, и от того, как он будет решаться, зависит выполнение поставленных задач»¹. Следовательно, ус-

коренный рост благосостояния сибиряков является важнейшим социальным фактором, определяющим масштабы и темпы экономического развития региона, его роль в едином народнохозяйственном комплексе страны.

При этом не следует смешивать среднестатистическое и фактическое выравнивание территориальных различий в сфере народного благосостояния. Достижение трудящимися Сибири показателей центральных районов СССР — величины реальных доходов, размеров потребления продуктов питания, одежды, обуви, количества жилплощади, приходящейся на одного члена семьи, и т. д. — еще не означает реального выравнивания материальных и культурно-бытовых условий жизни. Проживание в Сибири требует дополнительных денежных затрат, здесь выше потребности населения в калорийном питании, теплых вещах, просторных жилых помещениях. Поэтому фактическое выравнивание означает не одинаковое потребление жизненных благ, а прежде всего обеспечение равной степени удовлетворения потребностей, которые существенно различаются в разных регионах страны.

Основой социальной справедливости является коренный принцип социализма — от каждого по способности, каждому по труду. Осуществление этого принципа означает, с одной стороны, преодоление уравниловки в заработной плате, ликвидации нетрудовых доходов, а с другой — обеспечение всем гражданам равенства при реализации денежных средств.

Жизненный уровень не сводится к количественной характеристике потребления материальных благ. Это качественная категория, раскрывающая как условия жизни населения, так и саму жизнедеятельность, связанную с удовлетворением потребностей. В данной связи очевидна недо-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. — М., 1986. — С. 37.

статочность так называемого «количественного» подхода к изучению жизненного уровня, при котором основное внимание уделяется обеспеченности трудящихся теми или иными жизненными благами. Например, число врачей и больничных коек в расчете на 10 тыс. жителей не есть та характеристика, по которой можно всесторонне и полно судить об обслуживании. Необходимо проанализировать деятельность учреждений здравоохранения и его социальную эффективность, которую отражают показатели заболеваемости и смертности. Количество магазинов, столовых, ателье, ремонтных мастерских, имеющих в данном регионе, позволяет получить лишь общее представление о сети учреждений сферы быта. В то же время важно определить, в какой мере население пользуется ими, их роль в удовлетворении потребностей людей.

Изменение жизненного уровня трудящихся в 60—80-е гг. представляло собой сложный и противоречивый процесс. Рост экономического потенциала страны значительно расширил материальные ресурсы для решения социальных задач. Вместе с тем нарастание застойных явлений в народном хозяйстве, технократический перекос в инвестиционной политике, нарушение органической связи между мерой труда и мерой потребления оказали тормозящее воздействие на развитие социальной инфраструктуры.

К началу 60-х гг. сохранялись существенные социально-классовые различия в сфере народного благосостояния. Показатели материально-бытовых условий жизни колхозного крестьянства были гораздо ниже, чем у других социальных групп трудящихся. Реальные доходы колхозников в стране в 1960 г. составляли лишь 70 % от реальных доходов семей рабочих и служащих. При этом на единицу труда доход колхозников был еще меньше, так как значительную его часть давало личное подсобное хозяйство. Например, средняя оплата

труда в колхозах СССР в 1960 г. составляла лишь 35 % от среднемесячного заработка в народном хозяйстве страны. Такая значительная диспропорция в оплате труда представителей различных классов была явно неоправданной. Для ее преодоления большое значение имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»², которым в колхозах вводилась гарантированная денежная оплата труда. В результате оплата труда колхозников росла значительно быстрее, чем заработная плата рабочих и служащих в других отраслях народного хозяйства. Если с 1960 по 1985 г. средняя зарплата рабочих и служащих в СССР возросла в 2,3 раза, зарплата в совхозах — в 3,1 раза, то оплата труда колхозников увеличилась за то же время в 5,2 раза (табл. 12). Выравнивание заработков послужило основой для сближения реальных доходов различных классов советского общества. В середине 80-х гг. реальные доходы колхозников составляли уже около 90 % от реальных доходов рабочих и служащих.

Основные тенденции роста доходов и заработков колхозников и рабочих совхозов в Сибири были те же, что и в целом по стране (табл. 13).

Динамику среднемесячной оплаты труда тружеников сибирского села в 70—80-е гг. раскрывает табл. 14. Из нее видно, что в 1986 г. оплата была выше, чем во второй половине 70-х гг., в Западно-Сибирском районе на 42,4 %, а в Восточно-Сибирском — на 41,1 %. Однако ее повышение в Сибири происходило более медленными темпами, чем в среднем по Российской Федерации, где этот рост составил 48,9 %. В данной связи сократилось преимущество в денежной оплате труда, которое имели

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 6.— С. 111.

Рост зарплаты рабочих и служащих и оплаты труда колхозников в 1960—1985 гг., руб.*

Показатели	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1985 в % к 1960
Среднемесячная зарплата в народном хозяйстве СССР	80,6	96,5	122,0	145,8	168,9	190,0	230
В том числе работников совхозов	58,8	74,6	100,9	126,7	149,2	181,9	310
Месячная оплата труда колхозников	28,4	51,5	71,9	91,6	118,5	147,7	520
Отношение оплаты труда колхозников к заработной плате, %:							
всех рабочих и служащих	35	53	59	63	70	78	—
работников совхозов	53	69	71	72	79	81	—

* Майер В. Ф. Уровень жизни населения СССР.— М., 1977.— С. 213; Правда.—1986.—9 марта.

рабочие совхозов и колхозники Сибири. Если в 1976—1980 гг. они зарабатывали в западной части региона больше, чем в среднем по РСФСР, на 18,8 %, то в 1986 г.— на 13,6 %; в восточной части — соответственно на 13,5 и 7,6 %. Эта тенденция имела неблагоприятное значение для трудящихся Сибири, где «стоимость жизни» выше, чем в центральных и южных районах страны.

Среднемесячная оплата труда колхозников росла более быстрыми темпами, чем у работников совхозов. Если в 1965 г. в Западной Сибири у первых она составляла 57 руб., а у вторых — 77 руб., то в 1986 г.— соответственно 210 и 232 руб. Следовательно, оплата труда трудящихся в колхозах за это время увеличилась в 3,7 раза, тогда как в совхозах — в 3 раза. В результате произошло заметное сокращение различий в оплате тружеников государственного и кооперативного секторов сибирского села. Оплата труда колхозников в 1965 г. равнялась 74 % от зарплаты рабочих совхозов, в 1986 г.— свыше 90 %. Однако эта общая тенденция не отрицает существенной дифференциации в уровне зарплаток отдельных категорий трудящихся. Именно здесь проявляются конкретная мера и характер реализации закона распределения по труду, принципа социальной справедливости.

Источником для выявления динамики дифференциации зарплаток сельского населения послужили дан-

ные бюджетных обследований ЦСУ РСФСР, а также специальных социолого-статистических обследований сел Новосибирской области, проведенных в 1972, 1977 и 1982 гг. отделом социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР. В соответствии с этими данными дифференциация зарплаток сельского населения в 70-е — начале 80-х гг. сохранялась на относительно стабильном уровне.

Изменение характера дифференциации зарплаток сельского населения в период проведения социологических обследований характеризуется противоречивыми тенденциями. Начало периода (1972—1977 гг.) отмечено некоторым ростом дифференциации зарплаток населения³. Децильный коэффициент относительной дифференциации в 1972 г. составил 3,1, в 1977 г.— 3,3, в 1982 г.— 2,9. В это время возросла как относительная, так и абсолютная разница в зарплатках высоко- и низкооплачи-

³ Использованы традиционные показатели измерения дифференциации. Они основаны на разделении всей совокупности работников, проранжированных по величине заработка, на десять (децильные) равных групп. Разница от деления уровня зарплаток 10 % наиболее высокооплачиваемых работников на уровень зарплаток 10 % работников с наименьшими заработками дает децильный коэффициент относительной дифференциации. Этот показатель отражает, во сколько раз средний заработок, отделяющий 10 % самых высокооплачиваемых работников, больше заработка, отделяющего 10 % самых низкооплачиваемых работников.

Динамика среднемесячной оплаты труда работников сельского хозяйства за 1965—1985 гг.
(в % к заработной плате рабочих и служащих промышленности)*

Год	СССР		РСФСР		Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	Рабочие и служащие	Колхозники	Рабочие и служащие	Колхозники	Рабочие и служащие	Колхозники	Рабочие и служащие	Колхозники
1965	72	49	72	48	69	51	71	53
1970	76	56	76	58	75	65	69	57
1975	78	57	80	60	81	65	72	58
1980	80	64	82	65	82	70	73	61
1935	87	73	90 **	74 **	84 **	77 **	78 **	67 **

* Таблица рассчитана по данным ЦСУ СССР и РСФСР.
** 1983 г.

Таблица 14

Рост среднемесячной оплаты труда рабочих совхозов и колхозников (без рыболовецких колхозов) в 1976—1986 гг., руб.*

Регион	1976—1980	1981—1985	1985	1986	1986 в % к 1976—1980
РСФСР	133	166	184	198	148,9
Западно-Сибирский район	158	192	212	225	142,4
Алтайский край	155	190	212	224	144,5
Кемеровская обл.	151	191	208	225	149,0
Новосибирская »	157	187	207	222	141,4
Омская »	161	186	206	217	134,8
Томская »	182	222	240	259	142,3
Тюменская »	162	204	226	236	145,7
Восточно-Сибирский район	151	181	197	213	141,1
Красноярский край	157	191	213	227	144,6
Иркутская обл.	155	182	198	213	137,4
Читинская »	153	182	190	211	137,9

* Таблицы 14, 30 рассчитаны по данным ЦСУ РСФСР.

ваемых групп работников, что отражено в росте всех коэффициентов децильной дифференциации. Быстрее всего росли заработки высокооплачиваемых работников, а рост заработков среднеоплачиваемых работников опережал рост заработков низкооплачиваемых. Такой механизм роста заработков и привел в конечном счете к росту их общей дифференциации.

Однако во второй половине анализируемого периода под влиянием процессов выравнивания заработков различных категорий трудящихся произошло некоторое снижение общей дифференциации заработков, что проявилось и в значениях коэффи-

циентов дифференциации. Существенное снижение дифференциации в оплате труда, ее очень слабая привязка к конечным результатам производства привели к нарушению закона распределения по труду. В этой ситуации значительно усилилась необходимость преодоления появившихся тенденций «уровнировки» и «выводиловки» в организации заработной платы в целом и оплаты труда колхозников в частности.

Следствием изменения политики оплаты труда в сельском хозяйстве в ближайшие годы должно быть некоторое увеличение ее дифференциации, необходимое для более последовательного осуществления принци-

Таблица 15

Размер и структура денежных доходов семей колхозников Иркутской области (без натуральных поступлений)*

Источники доходов	Весь доход на семью в 1965 г., руб.	Структура доходов, % к итогу			
		1953 г.	1958 г.	1963 г.	1965 г.
Всего	1420,2	100,0	100,0	100,0	100,0
Работа в колхозе	757,3	19,2	36,9	45,0	53,3
Работа в государственных и кооперативных организациях	93,2	9,6	11,0	6,7	6,6
Продажа скота и птицы	208,7	13,0	14,3	17,4	14,7
Продажа продуктов сельского хозяйства:					
государству	43,9	2,5	3,6	4,1	3,1
на колхозном рынке	163,5	38,1	19,4	16,3	11,5
Пенсии, пособия и другие поступления от государства	114,2	11,3	9,0	6,0	8,0
Прочие поступления	39,4	6,3	5,8	4,5	2,8

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11695, л. 207; оп. 35, д. 7896, л. 122.

Таблица 16

Динамика натуральных поступлений в семьях колхозников Иркутской области (в среднем на одну семью)*

Год	Зерновые (сырые и переработанные), кг		Картофель, кг		Овощи и бахчевые, кг		Мясо и сало, кг		Молоко, л		Яйца, шт	
	от колхоза	от ЛПХ	от колхоза	от ЛПХ	от колхоза	от ЛПХ	от колхоза	от ЛПХ	от колхоза	от ЛПХ	от колхоза	от ЛПХ
1953	1578,6	2,0	0,4	3022,8	23,8	351,9	1,2	116,3	3,7	1056,2	0,1	636,2
1958	1603,7	2,1	9,0	2150,1	24,7	256,6	1,8	193,6	36,9	1338,8	0,2	856,3
1963	2088,2	0,5	0,3	3629,3	—	390,1	0,1	229,6	0,8	1295,3	—	876,9
1965	2251,4	0,3	—	4360,3	5,1	340,2	—	209,8	—	1399,5	—	866,9
1965 в % к 1953	142,6	15,0	—	144,2	21,4	96,7	—	180,4	—	132,5	—	136,3
1965 в % к 1958	140,4	14,3	—	202,8	20,6	132,6	—	108,4	—	104,5	—	101,2

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11695, л. 209, оп. 35, д. 7896, л. 125.

на распределения по труду. Однако при этом повышение заинтересованности сельских тружеников в результативности производства должно обеспечить возможность увеличения уровня оплаты труда всех категорий занятых. Это позволит осуществить увеличение дифференциации заработков в сельском хозяйстве без снижения уровня жизни каких-либо социальных групп населения.

На рубеже 50—60-х гг. в структуре денежных доходов колхозной семьи произошли существенные изменения. О них можно судить

на примере Иркутской области (табл. 15). Наиболее важной тенденцией являлось повышение удельного веса оплаты труда в колхозном производстве в совокупном поступлении денежных средств. Если в начале 50-х гг. он составлял менее пятой части всех денежных доходов, то в 1958 г.— более трети, а в 1965 г.— свыше половины. Вместе с тем резко сократилась доля денежных средств, полученных от реализации на рынке продуктов сельского хозяйства, тогда как в начале 50-х гг. этот источник играл определяющую

роль в формировании денежных доходов. Оставался относительно стабильным удельный вес поступлений от продажи скота и птицы, а также сельскохозяйственной продукции государству. Несколько снизилась доля пенсий, пособий и других выплат из общественных фондов потребления. Это свидетельствует о том, что в сибирском селе они росли более медленными темпами по сравнению с оплатой труда в общественном производстве. Однако при этом необходимо учитывать, что в семейных доходах непосредственно не отражаются затраты государства на образование, медицинское обслуживание, жилищное строительство и т. д. Поэтому роль общественных фондов потребления в повышении уровня жизни трудящихся гораздо выше, чем их доля в поступлении денежных средств в семейный бюджет. Благодаря этим фондам бесплатно или на льготном основании удовлетворяются важнейшие потребности людей.

Таким образом, на рубеже 50—60-х гг. труд в общественном производстве превратился в основной источник денежных доходов колхозного крестьянства. Размер платы за трудовую деятельность в колхозах, государственных и кооперативных организациях в 1965 г. составлял 60 % от общего поступления денежных средств, тогда как в 1958 г. — 48 %, а в 1953 г. — менее 30 %. В совокупности выплаты из кооперативного сектора и от государства стали играть определяющую роль в материальном обеспечении крестьянских семей.

Большое значение для повышения уровня жизни сельского населения наряду с денежными имеют натуральные доходы (табл. 16). Они формируются из поступлений сельскохозяйственной продукции от колхозов и личного подсобного хозяйства. В качестве натуральной оплаты за труд в общественном производстве выдавалось в основном зерно. Незначительная выдача других продуктов, производившаяся в

50-е гг., уже в первой половине 60-х гг. практически прекратилась. ЛПХ давало труженикам села гораздо более широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции, которая использовалась для личного потребления и частично реализовывалась на рынке. В целом отчетливо прослеживается тенденция роста натуральных доходов колхозного крестьянства. При этом данное увеличение было характерно прежде всего для продукции растениеводства и в меньшей мере животноводства, что связано с ограничительными мерами по содержанию скота и птицы в личном подсобном хозяйстве, принятыми в начале 60-х гг. В семьях колхозников Иркутской области в 1965 г. поступления зерновых выросли по сравнению с 1958 г. на 40,2 %, овощей и бахчевых — на 22,8 %, картофеля — в 2 раза, тогда как мяса и сала — на 7,4 %, молока — на 1,7, яиц — на 1,2 %.

Наиболее полным показателем материальной обеспеченности колхозного крестьянства является совокупный доход. Он включает все денежные и натуральные поступления. Его величину и источники формирования в сибирской деревне на рубеже 50—60-х гг. характеризует табл. 17.

В 1962 г. совокупный доход в расчете на одного члена семьи в Западной Сибири был выше, чем в 1953 г., на 70,6 %, а в Восточной Сибири — на 81,8 % (в РСФСР — на 73,9 %). Эти данные свидетельствуют о росте благосостояния тружеников сибирского села. Однако отставание от среднереспубликанского уровня по размерам совокупного душевого дохода продолжало сохраняться. В 1953 г. его величина составляла в Западной Сибири 96,1 % от уровня РСФСР, в 1962 г. — 94,3; в Восточной Сибири — соответственно 93,3 и 97,7 %. Если учесть интенсивность труда, профессиональный состав рабочей силы и комплекс необходимых жизненных условий, то это отставание

Таблица 17

Динамика и структура совокупных доходов семей колхозников *

Регион	Год	Весь доход, руб.		В том числе, % к итогу			
		на одну семью	на одного члена семьи	от колхоза	от ЛПХ (чистая продукция)	от гос. и кооп. организаций	прочие доходы
РСФСР	1953	1033	283	33,4	45,7	18,5	2,4
	1958	1569	448	41,3	42,0	14,7	2,0
	1962	1654	492	42,5	42,6	12,9	2,0
Западная Сибирь	1953	1044	272	39,7	42,9	14,9	2,5
	1958	1882	485	55,6	33,1	9,6	1,7
	1962	1871	464	49,1	40,2	8,9	1,8
Восточная Сибирь	1953	1136	264	39,7	46,5	12,2	1,6
	1958	1579	370	44,5	43,0	11,2	1,3
	1962	2109	480	47,1	44,3	7,7	0,9

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 50—51.

Таблица 18

Динамика и структура доходов трудящихся от колхоза *

Регион	Год	Весь доход на одну семью, руб.	В том числе, % к итогу			
			денежные поступления	стоимость продукции растениеводства	стоимость скота и продукции животноводства	прочие доходы
РСФСР	1953	345	20,9	75,4	2,6	1,1
	1958	648	48,0	48,6	2,0	1,4
	1962	704	67,8	30,7	0,5	1,0
Западная Сибирь	1953	415	23,2	73,8	2,4	0,6
	1958	1047	54,3	44,2	0,5	1,0
	1962	919	67,8	31,7	0,1	0,4
Восточная Сибирь	1953	451	18,0	80,5	1,5	—
	1958	702	44,1	52,8	3,1	—
	1962	993	55,3	44,2	0,5	—

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 53—54.

представляется еще более значительным.

Произошли изменения и в структуре совокупного дохода. Главная тенденция заключалась в повышении удельного веса поступлений за работу в колхозном производстве. В Сибири эта тенденция проявилась в большей мере, чем в РСФСР в целом. В то же время несколько сократилась доля продукции личного подсобного хозяйства, хотя его роль в материальном обеспечении крестьянских семей была весьма высока.

В целом в начале 60-х гг. поступления от колхоза и ЛПХ имели примерно равное значение для формирования совокупного дохода, составляя в нем около 90 %. Доля других выплат от государственных и кооперативных организаций была невелика и постепенно снижалась.

В последующие годы продолжался устойчивый рост совокупных доходов колхозников, причем опережающими темпами увеличивалась оплата тру-

да в общественном производстве. В 1965 г. в Новосибирской области средний совокупный доход одной семьи достиг 2039 руб., или возрос на 18,3 % по сравнению с 1958 г. При этом поступления от колхоза составили 1109 руб. (54,4 %), от ЛПХ — 691 руб. (33,9 %), от государственных и кооперативных организаций — 206 руб. (10,1 %), прочие поступления — 33 руб. (1,6 %) ⁴. В Иркутской области совокупный доход на расчете на одну семью в 1965 г. равнялся 2365 руб., а на одного члена — 563 руб., увеличившись по сравнению с 1958 г. соответственно на 49,8 и 52,3 %. В его структуре удельный вес поступлений от колхоза в 1965 г. составил 52,6 %, от ЛПХ — 38,5, тогда как в 1958 г. — 44,5 и 43,0 % ⁵.

О совокупном доходе крестьянской семьи можно судить по главным источникам его формирования. Табл. 18 раскрывает динамику и структуру поступлений от колхоза. В 1962 г. их величина по сравнению с 1953 г. увеличилась в Сибири более чем в 2 раза и была заметно выше, чем в среднем по РСФСР. Существенные изменения произошли в структуре этих поступлений. Если в начале 50-х гг. наибольший удельный вес имели продукты растениеводства (в стоимостном выражении), то в начале 60-х гг. — денежные выплаты. Поступления продукции животноводства были редки и не оказывали заметного влияния на материальное благосостояние трудящихся.

По-иному выглядели доходы от личного подсобного хозяйства (табл. 19). В 1962 г. по сравнению с 1953 г. они возросли в Западной Сибири на 67,6 %, в Восточной Сибири — на 77,1, тогда как в РСФСР — на 49,2 %. В отличие от поступлений от колхоза в их структуре наибольшее место занимала стоимость продукции животноводства, причем ее удельный вес в регионе был не-

сколько выше, чем в среднем по Российской Федерации. Довольно высока была доля продукции растениеводства, которая составляла около трети в общем объеме поступлений от личного подсобного хозяйства.

Однако общий уровень материальной обеспеченности работников сельского хозяйства был гораздо ниже, чем у тружеников индустрии. В 1965 г. совокупный душевой доход в семьях колхозников Иркутской области составлял 536 руб., тогда как у рабочих промышленности — 830 руб., или на 55 % больше ⁶. Доля малообеспеченных среди колхозников была гораздо выше, чем в составе рабочего класса, о чем можно судить на примере Новосибирской области (табл. 20). В 1965 г. более 60 % тружеников села имели годовой доход на человека менее 600 руб. (50 руб. в месяц), в то время как удельный вес промышленных рабочих с таким уровнем материальной обеспеченности не превышал 17 %. При общей тенденции сокращения малообеспеченных групп, увеличения средне- и высокообеспеченных этот процесс в городской местности происходил гораздо интенсивнее, чем в сельской.

В 70—80-е гг. темпы роста доходов сельского населения заметно возросли. Об этом свидетельствуют данные социологических обследований, проводившихся в 1972, 1977 и 1982 гг. Анализ показывает, что прирост доходов во второй половине рассматриваемого периода опережал аналогичный показатель в первой половине на 11 процентных пунктов. Абсолютный объем увеличения душевых доходов повысился в 1,7 раза.

Одновременно значительно изменилось соотношение различных источников доходов в их общей сумме. Так, в 1972—1977 гг. из 214 руб. прироста душевого дохода 138 руб., т. е. 65 %, приходилось на сумму заработков членов семьи, затем шел

⁴ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7898, л. 133.

⁵ Там же, д. 7896, л. 121.

⁶ Там же, д. 7896, л. 128.

Таблица 19

Динамика и структура доходов колхозников от личного подсобного хозяйства *

Регион	Год	Весь доход на одну семью, руб.	В том числе, % к итогу		
			стоимость продуктов растениеводства	стоимость продуктов животноводства, прироста и приплода скота	прочие доходы
РСФСР	1953	472	32,5	58,7	8,8
	1958	659	36,6	57,8	5,6
	1962	704	33,7	62,9	3,4
Западная Сибирь	1953	448	31,2	59,6	9,2
	1958	623	34,8	61,1	4,1
	1962	751	28,7	67,9	3,4
Восточная Сибирь	1953	528	28,7	59,7	11,6
	1958	679	27,4	64,9	7,7
	1962	935	32,3	62,0	5,7

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 56—57.

Таблица 20

Распределение семей колхозников и рабочих промышленности Новосибирской области по размеру совокупного душевого дохода, % *

Душевой доход в год, руб.	Колхозники		Рабочие	
	1959 г.	1965 г.	1959 г.	1965 г.
До 300	11,9	7,7	0,6	—
301—420	24,2	20,4	8,7	0,5
420,1—600	33,5	33,3	37,7	16,4
600,1—900	21,9	30,6	39,5	53,9
900,1—1200	5,0	6,1	12,3	24,6
1200,1 и выше	3,5	1,9	1,2	4,6

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7898, л. 124, в группировку включены семьи (без одиночек).

прирост за счет общественных фондов потребления (ОФП) и самая незначительная его часть формировалась за счет ЛПХ и прочих источников. Совершенно по-другому это соотношение выглядело во втором рассматриваемом пятилетии: зарработки в общественном производстве по-прежнему обеспечивали большую часть прироста доходов, но их вклад существенно снизился, составив около 50 %: 188 руб. из общего прироста 380 руб. на человека. ЛПХ дало еще 150 руб., т. е.

41 % от всей суммы прироста. Как видно из этих цифр, вклад ЛПХ во второй половине рассматриваемого периода оказался вполне сопоставимым с поступлениями от общественного производства.

Такая динамика поступлений от ЛПХ связана с общей политикой по отношению к данному источнику доходов. До 1977 г. она имела скорее ограничительную, нежели стимулирующую направленность. Поворот к стимулирующей политике начался в конце 70-х гг. Создание

Таблица 21

Изменение структуры доходов сельского населения Новосибирской области, % от совокупного душевого дохода *

Виды доходов	1972 г.	1977 г.	1982 г.
Зарботки	62	63	58
Доходы от ЛПХ	28	24	28
Поступления из ОФП	9	11	13

* Таблицы 21—24, 31, 34, 36—38, 40—43 составлены по данным социологического обследования.

благоприятных условий для ведения ЛПХ и реализации его продукции приводило к постоянному росту доходности от этого источника. Так, в 1977 г. среднее сопоставимое по величине ЛПХ давало доход примерно на 20 % бóльший, чем в 1972 г. Такое повышение достигнуто за счет роста доходности его элементов. Повышение доходности шло и в дальнейшем. Таким образом, около четверти прироста доходов от ЛПХ в 1977—1982 гг. приходится на возрастание доходности элементов ЛПХ, а около трех четвертей — на рост его объемов.

Быстрее всего по сравнению с другими источниками росли поступления из общественных фондов потребления. Их рост в рассматриваемый период был устойчив и очень высок. В итоге в расчете на человека поступления из этого источника за десять лет более чем удвоились. Объясняется это демографическими сдвигами в составе населения и крупными мероприятиями в области социального обеспечения. В течение рассматриваемого периода были повышены пенсии, выравнены условия пенсионного обеспечения для выходящих на пенсию колхозников, рабочих и служащих, введены и расширены выплаты на детей. Одновременно с этим в результате естественной смены поколений постоянно происходил процесс снижения числа пенсионеров, вышедших на пенсию давно и имевших минимальный ее размер (28 руб. в месяц для колхозников и 48 руб. для рабочих и служащих). Среди пенсионеров довольно быстро росла доля вышедших на пенсию в последние 5—7 лет, т. е. тех, чья пенсия была начислена с достаточно высокого заработка и по единым для всех нормативам. Указанные сдвиги в роли различных источников нашли свое отражение в изменении структуры доходов (табл. 21).

Абсолютная величина дохода от ЛПХ на семью за рассматриваемые

десять лет возросла более чем на 400 руб. в год. Стабильно увеличивалась доля доходов из ОФП. В целом на протяжении всего периода роль зарботков была ведущей, ее можно характеризовать как стабильную с незначительным понижением; роль ЛПХ изменялась, а роль ОФП была второстепенной, но устойчиво возрастала. Указанные характеристики относятся ко всему населению и являются усредненными, место и роль выделенных источников в формировании доходов разных социальных групп несколько различаются.

Быстрее всего росли совокупные душевые доходы (СДД) колхозной части населения, причем особое ускорение они получили в 1977—1982 гг. В 1982 г. СДД колхозников были наибольшими за весь рассматриваемый период, превышая СДД работников совхозов на 13 %, а доходы других рабочих и служащих на 20 %. В 1972 г. отмечалось несколько иное соотношение — доходы колхозников были наибольшими, а доходы работников совхозов наименьшими. В первое пятилетие быстрее всего росли доходы работников совхозов, во второе — колхозников (табл. 22). При этом отдельные источники доходов внесли разный вклад в этот процесс (табл. 23).

В 1972 г. колхозники получали преимущество в доходах главным образом за счет ЛПХ, а рабочие и

Таблица 22

Рост совокупных душевых доходов разных социальных групп населения Новосибирской области, руб. в год *

Социальная группа	1972 г.	1977 г.	1982 г.	1977 г. в % к 1972 г.	1982 г. в % к 1977 г.	1982 г. в % к 1972 г.
Колхозники	878	1022	1700	117	166	198
Работники совхозов	827	1039	1475	125	145	192
Прочие занятые	840	1008	1435	120	142	182

* В группировку не включены семьи, состоящие полностью из не работающих.

Таблица 23

Рост отдельных компонентов доходов у различных социальных групп сельского населения Новосибирской области, руб. в год на человека

Социальная группа	Виды доходов	1972 г.	1977 г.	1982 г.	1977 г. в % к 1972 г.	1982 г. в % к 1977 г.	1982 г. в % к 1972 г.
Колхозники	Заработки	520	670	1085	129	161	208
	Доходы от ЛПХ	310	298	540	96	183	174
	Поступления из ОФП	37	48	56	128	203	190
Работники совхозов	Заработки	550	770	970	140	126	176
	Доходы от ЛПХ	234	220	416	94	189	178
	Поступления из ОФП	41	50	70	122	140	170
Прочие занятые	Заработки	623	777	1025	124	132	164
	Доходы от ЛПХ	167	179	315	107	178	185
	Поступления из ОФП	51	58	75	114	150	147

служащие, не занятые в сельском хозяйстве, оказывались на втором месте благодаря высокому заработкам в расчете на человека. К 1977 г. в связи с быстрым ростом заработков при снижении доходов от ЛПХ наивысшие доходы оказались и у работников совхозов, но в целом произошло их сближение, так как колхозники компенсировали отставание в заработках за счет высоких поступлений от ЛПХ.

В эти же годы были приняты меры по улучшению пенсионного обеспечения колхозников. Однако сохранились еще различия в минимальном уровне пенсий. Так, минимальный размер пенсионного пособия колхозника к середине 80-х гг. был на 10 руб. в месяц ниже, чем у работника совхоза.

Изменения в источниках доходов отразились и на их структуре у отдельных социальных групп населе-

ния (табл. 24). Структура доходов рабочих и служащих государственных организаций в 1982 г. после значительного снижения роли ЛПХ в формировании доходов в середине 70-х гг. и некоторого возрастания доли доходов из ОФП как бы вернулась в исходное положение 1972 г. У колхозников общая тенденция движения была та же, однако в 1982 г. доля заработков в доходах все-таки превысила аналогичный показатель 1972 г.

Тенденции, выявленные на основе социологических обследований, подтверждаются данными бюджетной статистики. Их разработка показывает, что совокупный доход на душу сельского населения с 1975 по 1985 г. возрос по Западной Сибири на 51,7 %, а по Восточной Сибири — на 29,3 % (табл. 25). В силу ряда факторов, прежде всего снижения эффективности обществен-

Таблица 24

Изменение структуры доходов сельского населения Новосибирской области, в % от совокупного душевого дохода

Социальная группа	1972 г.			1977 г.			1982 г.		
	Зарплата	Доходы от ЛПХ	Поступл. из ОФП	Зарплата	Доходы от ЛПХ	Поступл. из ОФП	Зарплата	Доходы от ЛПХ	Поступл. из ОФП
Колхозники	59	35	5	65	28	5	62	31	6
Работники совхозов	66	28	5	72	20	6	66	26	7
Прочие занятые	74	20	5	75	17	6	71	21	7

Таблица 25

Динамика совокупного дохода сельского населения Сибири, %*

Регион	Сельские жители		В том числе колхозники	
	1981 г. в % к 1975 г.	1985 г. в % к 1981 г.	1981 г. в % к 1975 г.	1985 г. в % к 1981 г.
Западная Сибирь	124,9	109,2	129,0	113,2
Алтайский край	115,5	109,3	121,1	108,0
Кемеровская обл.	125,9	116,8	144,7	100,7
Новосибирская »	125,9	109,8	119,9	125,5
Омская »	125,2	113,7	113,0	118,7
Томская »	114,8	108,7	—	—
Тюменская »	131,6	98,0	155,5	113,7
Восточная Сибирь	124,5	101,6	139,8	108,7
Красноярский край	124,2	106,2	148,1	104,8
Иркутская обл.	120,7	96,2	129,1	119,5
Читинская »	132,2	105,2	165,4	107,1

* Таблицы 25—27 составлены по материалам бюджетных обследований.

ного производства, в 80-е гг. произошло некоторое сокращение темпов роста совокупного дохода. Если в десятой пятилетке среднегодовой темп его прироста на сельского жителя Западной Сибири составлял 3,7 %, Восточной Сибири — 3,6 %, то в одиннадцатой — соответственно 1,8 и 0,4 %.

Темпы прироста совокупного дохода у колхозников были несколько выше. Так, в десятой пятилетке в Западной Сибири они равнялись 5,8 %, в Восточной Сибири — 7,9 %, в одиннадцатой — соответственно 2,6 и 1,9 %. Сложившиеся темпы роста совокупного дохода в целом по сельскому населению Западной Сибири обеспечили превышение его средне-

республиканского уровня на 12,2 %. Однако темпы прироста совокупного дохода в среднем по республике в одиннадцатой пятилетке были выше, составив 2,1 %, что приводит к nivelированию достигнутого превышения.

Восточная Сибирь характеризуется низкими размерами среднечеловеческого совокупного дохода на сельского жителя. К уровню РСФСР он составляет всего 97 %, а по отношению к Западной Сибири — 86 %. В результате низкого среднегодового прироста совокупного дохода в одиннадцатой пятилетке здесь произошло его абсолютное и относительное отставание от среднереспубликанского уровня. В 1975 г. превы-

Структура совокупных доходов сельского населения Сибири, %

Регион	1975 г.				1981 г.				1985 г.			
	Зарплата	Поступл. из ОФП	Доходы от ЛПХ	Прочие	Зарплата	Поступл. из ОФП	Доходы от ЛПХ	Прочие	Зарплата	Поступл. из ОФП	Доходы от ЛПХ	Прочие
Западная Сибирь	81,2	5,7	10,4	2,7	81,7	5,4	10,1	2,8	80,4	6,1	11,6	1,9
Алтайский край	81,6	5,8	10,3	2,3	70,7	6,0	12,8	10,5	79,0	5,9	12,2	2,9
Кемеровская обл.	79,0	5,4	12,3	3,3	80,2	6,6	10,5	2,7	80,0	5,5	11,9	2,6
Новосибирская »	77,3	5,6	14,6	2,5	76,6	6,3	13,5	3,6	77,3	6,7	14,1	1,9
Омская »	80,5	5,5	10,4	3,6	79,5	5,6	12,0	2,9	78,5	6,1	12,3	3,1
Томская »	82,3	6,6	7,9	3,2	84,9	4,4	6,8	3,9	85,2	6,6	5,6	2,6
Тюменская »	85,6	5,3	6,3	2,8	87,4	4,2	6,1	2,3	82,9	5,8	8,1	3,2
Восточная Сибирь	81,3	6,2	9,2	3,3	83,6	5,2	8,3	2,9	80,7	7,2	8,7	3,4
Красноярский край	81,2	5,8	8,5	4,5	80,7	5,8	9,6	3,9	80,8	6,8	9,0	3,4
Иркутская обл.	82,7	3,9	10,2	3,2	83,2	6,0	9,1	1,7	81,2	6,9	9,5	2,4
Читинская »	80,0	6,7	10,9	2,4	84,2	4,0	8,4	3,4	80,3	7,6	8,9	3,2

шение составляло 5,6 %, в 1985 г. этот показатель оказался ниже на 3 %.

Ведущей формой распределения является оплата труда. На ее долю в совокупном доходе сельского жителя приходилось в 70—80-х гг. примерно 80 % (табл. 26). Наметилась некоторая тенденция к снижению доли заработной платы в совокупном доходе всего сельского населения. У колхозников, напротив, удельный вес поступлений за работу в общественном производстве повысился. Так, в начале 70-х гг. по Западной Сибири он составлял в совокупном доходе 69,4 %, в 1985 г. — 72,0 %, в Восточной Сибири оставался относительно стабильным (табл. 27).

Общественные фонды потребления как источник доходов постоянно росли. В целом в сельской местности Сибири ОФП увеличились с 1975 по 1985 г. в 1,5 раза. Денежные выплаты сельскому населению из общественных фондов в западной и восточной частях региона возросли соответственно на 52 и 29 %. Повысились среднегодовые темпы прироста ОФП на душу сельского населения. В десятой пятилетке по Западной Сибири они составляли

3,1 %, по Восточной Сибири — 0,9, в одиннадцатой — соответственно 4,8 и 8,9 % (в РСФСР — 2,5 и 5,5 %). Однако сельский житель в Западной Сибири получает из общественных фондов потребления на 8,4 % меньше денежных выплат, в Восточной Сибири — на 3,7 % меньше, чем в среднем по РСФСР.

Значительная часть общественных фондов потребления расходуется на пенсионное обеспечение. В 1986 г. в сельской местности Западной Сибири пенсии выплачивались 438 тыс. чел., в Восточной Сибири — 218 тыс. чел., из них пенсионеры, получающие пенсии от колхозов, составляли соответственно 226 тыс. и 106 тыс. чел. Оставался большим удельный вес ветеранов труда, чьи пенсии имели минимальный размер (в Западной Сибири — 66,8 %, в Восточной Сибири — 62 %). Величина пенсии сельского жителя в Западной Сибири была на 6,4, в Восточной Сибири на 1,5 % ниже, чем в среднем по стране, а у колхозников — соответственно на 44,2—41,3 % ниже. Отсюда видна актуальность проведения комплексной реформы пенсионного обеспечения. Первым важным шагом в этом направлении явилось принятие в августе 1989 г.

Структура совокупных доходов колхозников Сибири, %

Регион	1975 г.				1981 г.				1985 г.			
	Оплата по труду	Поступл. из ОПЦ	Доходы от ЛПХ	Прочие	Оплата по труду	Поступл. из ОПЦ	Доходы от ЛПХ	Прочие	Оплата по труду	Поступл. из ОПЦ	Доходы от ЛПХ	Прочие
Западная Сибирь	69,4	6,7	21,0	2,9	72,6	6,1	18,6	2,7	72,0	7,6	17,9	2,5
Алтайский край	71,6	6,4	19,5	2,5	69,7	6,5	18,0	5,8	71,7	8,9	17,6	1,8
Кемеровская обл.	72,7	5,3	20,7	1,3	77,2	4,3	15,7	2,8	72,6	6,4	16,2	4,8
Новосибирская »	65,8	6,4	23,0	4,8	70,2	6,3	21,3	2,2	72,8	7,0	19,2	1,0
Омская »	70,9	7,2	20,3	3,6	70,0	6,6	20,9	2,5	71,1	8,0	19,1	1,8
Томская »	69,7	6,3	20,6	3,4	—	—	—	—	—	—	—	—
Тюменская »	68,5	8,5	21,3	1,7	70,8	6,6	17,1	5,5	72,0	8,2	17,4	2,4
Восточная Сибирь	70,2	7,5	19,9	2,4	72,9	7,0	17,1	3,0	70,2	9,4	18,0	2,4
Красноярский край	70,8	9,2	18,8	1,2	71,8	6,9	18,4	2,9	69,1	9,6	19,1	2,2
Иркутская обл.	66,5	6,4	24,3	2,8	66,9	7,6	21,8	3,7	71,4	7,4	19,6	1,6
Читинская »	71,8	6,9	18,6	2,7	73,2	6,6	16,5	3,7	71,5	9,2	16,6	2,7

Верховным Советом СССР закона «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения», по которому колхозники приравниваются к рабочим и служащим по порядку выплаты пенсий, а минимальные размеры пенсий по старости с 1 октября 1989 г. повышаются для всех трудящихся до 70 руб. в месяц⁷.

Важным источником формирования совокупного дохода в 80-е гг. остается личное подсобное хозяйство. В его структуре у сельского населения в 1985 г. на долю поступлений от ЛПХ приходилось в Западной Сибири 11,6 %, в Восточной Сибири — 8,7 %, а у колхозников — соответственно 17,9 и 18 %. Вместе с тем прослеживается тенденция снижения поступлений от ЛПХ в структуре совокупного дохода при некотором росте их абсолютного размера на одного члена семьи. В 1986 г. в среднем на одного члена семьи колхозника доход от личного подсобного хозяйства по Западной Сибири составлял 348 руб., по Восточной Сибири — 270 руб., в том числе продукции растениеводства — соответственно на 160 и 141 руб., а про-

дукции животноводства — на 386 и 284 руб.

Таким образом, для 60—80-х гг. характерна тенденция увеличения денежных доходов сельского населения. Колхозное население имело при этом несколько более благоприятные условия в сфере распределения. Колхозники быстрее, чем рабочие и служащие, наращивали доходы из всех трех источников, что особенно четко проявилось на примере Западной Сибири, где уже к началу двенадцатой пятилетки заработка колхозников в общественном производстве почти сравнялись с зарплатой в совхозах. В то же время реальные доходы сельского населения (как и всего населения страны) в годы экономического застоя росли медленно, а в некоторые годы снижались, поскольку платежеспособность рубля падала, нарастали элементы инфляции; потребительский рынок, предложение товаров резко отставали от платежеспособного спроса населения, особенно на селе, в результате чего повышался отложенный спрос. На одном полюсе увеличивались денежные сбережения населения, на другом нарастал дефицит многих видов товаров — продовольственных и непродовольственных. В результате формальные показатели доходов

⁷ Известия. — 1989. — 4 авг.

росли, но реальное материальное положение трудящихся села изменялось весьма противоречиво и неоднозначно.

2. Обеспечение предметами потребления

Повышение доходов — важнейшая предпосылка улучшения народного благосостояния, однако само по себе оно еще не означает реального подъема жизненного уровня. Такой подъем достигается только при условиях, благоприятных для реализации денежных средств. В данной связи особое значение имеет удовлетворение платежеспособного спроса населения на товары и услуги.

За 1953—1965 гг. произошли изменения в структуре расходов (табл. 28). Отчетливо прослеживается повышение доли затрат на покупку непродовольственных товаров: одежды, обуви, предметов культурно-бытового назначения, которые имели наибольший удельный вес в общей сумме реализуемых денежных средств. Заметно увеличилась доля расходов на покупку продовольственных товаров промышленной выработки, которые стали занимать большее место в рационе питания. Динамично увеличивались денежные средства, реализуемые на оплату личных услуг. Однако их удельный вес был невысок, что связано с низким уровнем развития бытового и социально-культурного обслуживания в сельской местности. Вместе с тем существенно сократилась доля расходов на приобретение скота и птицы, а также сельскохозяйственных продуктов, не подвергнутых промышленной переработке. Большое значение для жизненного уровня колхозников имело уменьшение различного рода налогов и сборов, особенно отмена обязательных поставок государству продукции личного подсобного хозяйства. Кроме того, ЛПХ оказало значительное влияние на структуру расходов в целом. Это выразилось

в сравнительно невысокой доле денежных средств на покупку продовольствия. В магазинах и предприятиях общественного питания приобретались преимущественно хлеб, крупа макаронные изделия, рыбные консервы, растительные жиры, сахар, печенье и конфеты. В то же время многие ценные продукты поступали из личного подсобного хозяйства. Так, в 1965 г. колхозники Новосибирской области получали из ЛПХ молока 98,0 %, яиц — 97,9, сала — 96,5, мяса — 91,0, картофеля — 95,7, овощей — 91,2 %. Роль госторговли и внутриколхозного рынка в обеспечении трудящихся этими продуктами была малозаметна⁸.

В целом структура реализуемого совокупного дохода (с учетом стоимости используемых натуральных поступлений) колхозников Сибири и всей Российской Федерации не имела существенных различий. В 1963 г. труженники колхозов в западной части сибирского региона затрачивали на питание 59,4 % всех расходов, в восточной — 53,7, а в РСФСР — 55,5 %; на покупку непродовольственных промышленных товаров — соответственно 26,0, 26,6 и 24,9 %, на культурно-бытовые нужды — 3,0, 2,9 и 2,6, на приобретение алкогольных напитков и табачных изделий — 5,9, 4,8 и 5,2, на оплату налогов и сборов — 1,9, 2,1 и 1,9 %⁹.

Рацион питания колхозников Сибири в начале 60-х гг. в сравнении с Центральным районом РСФСР (табл. 29) свидетельствует о том, что тип потребления был преимущественно хлебно-картофельным. Однако в Сибири он выражался в несколько меньшей степени, чем в центральной части Российской Федерации. Отчетливо проявились внутрорегиональные различия в питании. В Западной Си-

⁸ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7898, л. 128.

⁹ Там же, д. 3234, л. 62—64.

Структура денежных расходов колхозников Иркутской области в 1953—1965 гг., % к итогу *

Статьи расхода	Весь расход в среднем на семью в 1965 г., руб.	1953	1958	1963	1965
Все расходы	1321,8	100,0	100,0	100,0	100,0
Хлеб и хлебобулочные изделия	15,7	0,6	0,6	1,3	1,2
Продовольственные товары промышленной выработки	322,5	18,8	24,1	24,8	24,4
Продукты сельского хозяйства	62,6	8,0	5,6	3,7	4,7
Скот и птица	65,9	8,6	4,2	5,2	5,0
Непродовольственные промышленные товары	581,0	39,3	42,4	45,5	43,9
Личные услуги	73,4	3,0	3,5	5,4	5,6
В том числе культурно-просветительные нужды	13,3	0,6	0,8	0,7	1,0
Налоги и сборы	33,1	9,7	5,1	3,0	2,5
В том числе сельскохозяйственный налог	28,4	8,3	4,0	2,4	2,1
Прочие расходы	167,6	12,0	14,5	11,1	12,7

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11 695, л. 213; оп. 35, д. 7896, л. 124.

Т а б л и ц а 29

Потребление колхозниками продуктов питания в 1963 г., кг на члена семьи *

Продукты	Центральный район РСФСР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Мука и хлеб (в пересчете на муку), крупа и макаронные изделия	176,7	166,7	169,0
Картофель	209,7	138,4	169,2
Овощи и бахчевые	55,8	57,6	46,9
Мясо, мясопродукты (в пересчете на мясо) и сало	50,4	50,4	44,2
Рыба и рыбопродукты (в пересчете на рыбу)	8,5	5,0	6,1
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	343,3	233,5	263,7
В том числе:			
молоко цельное, л	263,1	193,8	189,7
масло животное	0,7	0,9	0,7
Яйца, шт.	174,3	214,1	169,1
Масло растительное и другие жиры	2,4	1,7	1,4
Сахар (в том числе израсходованный на кондитерские изделия)	25,3	17,6	17,3

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11 607, л. 26—27.

бири его уровень был заметно выше, чем в Восточной Сибири. Колхозники в Западной Сибири потребляли гораздо больше овощей, мяса, яиц и меньше картофеля. В то же время по размерам потребления молока, рыбы, сахара и растительных жиров сибиряки в целом уступали жителям центральной части страны.

Тем не менее питание тружеников сибирского села в середине 60-х гг. улучшилось в сравнении с предшествующим десятилетием. Так, в 1965 г. в семьях колхозников Новосибирской области в расчете на одного человека потреблялось мяса и мясопродуктов 33,1 кг, тогда как в 1955 г.— 32,1 кг, рыбы и рыбных

изделий — соответственно 7,6 и 6,4 кг, яиц — 184 и 141 шт., овощей, бахчевых и фруктов — 60,9 и 48,2 кг, сахара — 17,8 и 5,1 кг. Уменьшилось потребление хлебобулочных изделий с 181,8 до 162,3 кг, картофеля — с 251,7 до 174,2 кг. Несколько сократилось потребление молока — с 222 до 212 л и животных жиров — с 10,2 до 8,6 кг¹⁰. Следовательно, процесс улучшения питания не имел устойчивого характера.

Возросла калорийность пищи. Если в 1953 г. она составляла на одного члена колхозной семьи в Иркутской области 2640 кал., то в 1958 г. — 2992, а в 1965 г. — 3078 кал. При этом удельный вес калорий животного происхождения повысился незначительно — с 25,8 % в 1958 г. до 26,9 % в 1965 г.

Вместе с тем рацион труженников сибирского села значительно отличался от научно обоснованных норм и заметно уступал в разнообразии потребления продуктов питания городского населения. Так, в среднем за месяц 1963 г. в семьях колхозников Алтайского края на человека потреблялось 13,83 кг муки и хлеба, рабочих совхозов — 12,75, а рабочих промышленных предприятий, расположенных в городах, — 10,61 кг; картофеля — соответственно 10,94, 13,17 и 8,75; овощей, бахчевых, фруктов и ягод — 5,38, 6,17 и 6,96; молока и молочных продуктов — 16,44, 14,51 и 12,89; мяса и мясопродуктов 3,50 3,44 и 5,06, рыбы и рыбопродуктов — 0,38, 0,61 и 1,17; жиров — 0,98, 1,03 и 1,11 кг; яиц — 19, 16 и 7 шт.; сахара и кондитерских изделий — 1,42, 2,78 и 3,18 кг¹¹.

Несмотря на явно недостаточное удовлетворение потребностей населения, уровень потребления в 80-е гг. был выше, чем в предшест-

вующие десятилетия. По данным социологического опроса, почти все сельские семьи в 1982 г. потребляли свежее мясо, молоко и молочные продукты, яйца, овощи. Однако необходимость улучшения снабжения сельского населения продуктами питания продолжает оставаться очень острой. Многие продовольственные товары поступают в сельские магазины в ограниченном количестве, а следовательно, значительной части сельского населения малодоступны. Так, по самооценкам семей, более половины из них не потребляют колбасу, каждая четвертая семья — сливочное масло, фрукты, каждая пятая — рыбу, муку. Особенно отстает потребление этих продуктов в селах, где нет магазинов или имеющиеся учреждения торговли предлагают крайне ограниченный ассортимент продовольственных товаров.

В 70—80-е гг. заметно изменилась структура реализуемого совокупного дохода. Его часть, затрачиваемая на питание, сократилась в семьях колхозников РСФСР с 38,5 % в 1970 г. до 27,3 % в 1986 г. Несколько уменьшилась доля расходов на покупку тканей, одежды и обуви (с 15,6 до 14,2 %). В то же время удельный вес затрат на приобретение мебели, товаров культуры и быта (включая автомобили, мотоциклы и велосипеды) возрос с 5,1 до 7,8 %. Значительно увеличился удельный вес социально-культурных и бытовых услуг, в том числе оказываемых за счет общественных фондов потребления. Он повысился с 13,5 % в 1970 г. до 19,7 % в 1986 г. Более чем вдвое увеличилась доля накоплений (с 5,9 до 13,6 %), что свидетельствует о возрастании неудовлетворенного потребительского спроса. Произошло сокращение с 5,1 до 2,9 % затрат на алкогольные напитки, причем это сокращение отмечается только с середины 80-х гг. в связи с резким уменьшением продажи винно-водочных изделий. Относительно стабильной оставалась доля налогов, сборов и платежей

¹⁰ ГАНО, ф. 11, оп. 2, д. 6500, л. 49; оп. 3, д. 2, л. 75; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7898, л. 125.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11695, л. 124, 220; оп. 35, д. 7896, л. 114.

(1,2 % в 1970 г. и 1,6 % в 1986 г)¹². Эти же основные тенденции были характерны и для расходов колхозников всего сибирского региона.

В 70-е и 80-е гг. расширялась сфера торговли. В начале 1987 г. в расчете на 1000 чел. сельского населения в Западной Сибири приходилось 296 м² торговых площадей магазинов, в Восточной Сибири — 271 м², или несколько больше, чем в РСФСР в целом (259 м²). Только за 1981—1986 гг. этот показатель увеличился в западной части региона на 20,8 %, а в восточной — на 18,3 %.

В 60—80-е гг. в Сибири торговая сеть не только заметно расширилась, но и качественно обновилась. Смешанные магазины, торгующие ограниченным ассортиментом товаров, частично были заменены продовольственными и промтоварными магазинами, расширилась сеть специализированных учреждений торговли (книжных, хозяйственных). В ряде средних и крупных населенных пунктов появилось уже по несколько продовольственных магазинов. Но, несмотря на расширение сети торговли, по-прежнему почти треть мелких сел к середине 80-х гг. не имела даже смешанного магазина, который бы обеспечивал население товарами первой необходимости. Кроме того, значительная часть магазинов не отвечала современным требованиям торгового обслуживания. По данным социолого-статистического обследования, 55 % магазинов были расположены в приспособленных помещениях, 25 % требовали капитального ремонта, а 6 % находились в аварийном состоянии. Только 45 % продовольственных и смешанных магазинов имели холодильные установки. Необеспеченность этим оборудованием сдерживала завоз скоропортящихся продуктов. Отсутствие учреждений торговли, ограниченный выбор предлагаемых продуктов и товаров вынужда-

ют жителей небольших поселений совершать поездки за покупками в города, райцентры и другие населенные пункты. В значительной степени это результат общего дефицита продуктов питания в стране, но вместе с тем сказываются недостатки в распределении товарных ресурсов между государственной и кооперативной торговлей, городской и сельской местностью, а также в размещении предприятий торговли по селам разной людности.

Заметно расширилась сеть предприятий общественного питания. Число мест в них на 1000 чел. в сельской местности Западной Сибири в начале 1981 г. составляло 37, в 1987 г. — 48; Восточной Сибири — 38 и 49, что соответствовало среднереспубликанскому уровню. По обеспеченности торговыми площадями магазинов села превосходили города, а по числу мест в системе общественного питания существенно отставали от них. В начале 1987 г. соотношение между селом и городом по первому показателю в Западной Сибири равнялось 193,5 %, а по второму — 61,5 %, в Восточной Сибири — соответственно 164,2 и 68,1 %¹³.

Развитие торгового обслуживания определило рост товарооборота. За 60—70-е гг. он увеличился в сельской местности в 3 раза. Динамику товарооборота в 80-е гг. раскрывает табл. 30. В 1986 г. его величина в расчете на одного жителя сибирского села превысила 1100 руб., по сравнению с 1980 г. она возросла в западной части региона на 24,2 %, а в восточной — на 21,8 %. Душевой размер товарооборота в сельской местности Сибири был выше, чем по РСФСР в целом. Это связано прежде всего с применением поясного коэффициента цен. По реальному обеспечению товарами народного потребления сибиряки не имели преимуществ. Темпы роста товарооборота в сельской местности были выше, чем в городской. Но его

¹² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. — М., 1987. — С. 291.

¹³ Рассчитано по материалам ЦСУ РСФСР.

Динамика товарооборота в сельской местности Сибири в 80-е гг., руб., в расчете на человека

Регион	Весь розничный товарооборот				В том числе оборот общественного питания			
	1980	1985	1986	1986 в % к 1980	1980	1985	1986	1986 в % к 1980
РСФСР	733	882	908	123,9	32	39	40	125,0
Западная Сибирь	888	1070	1103	124,2	36	42	44	122,2
Алтайский край	813	1052	1059	130,3	29	41	41	141,4
Кемеровская обл.	904	1199	1204	133,2	28	28	28	100,0
Новосибирская »	849	999	1031	121,4	23	27	28	121,7
Омская »	822	989	1057	128,6	31	35	36	116,1
Томская »	1057	1170	1167	110,4	47	59	60	127,7
Тюменская »	1051	1142	1215	115,6	64	69	75	117,2
Восточная Сибирь	920	1103	1121	121,8	33	44	45	136,4
Красноярский край	1032	1233	1254	121,5	36	47	47	130,6
Иркутская обл.	950	1260	1302	137,1	34	54	55	161,8
Читинская »	801	878	855	106,7	27	32	33	122,2

абсолютный размер на человека в деревне оставался гораздо ниже. В 1986 г. товарооборот в расчете на одного жителя западно-сибирского села составлял 81,9 % от аналогичного показателя в городе, в том числе оборот общественного питания — 31,4 %, восточно-сибирского села — соответственно 90,8 и 36,9 %. При этом общий объем товарооборота потребительской кооперации лишь с определенной долей условности характеризует действительный уровень товарного потребления сельского населения. Во-первых, на селе применяются глубинные накладки и автогужевые надбавки к единым государственным розничным ценам. Размер их дифференцирован. Поэтому чем дальше населенный пункт находится от станции железной дороги, порта, пристани (баз снабжения), тем выше их размер. В наиболее отдаленных поселениях накладки и надбавки достигают по отдельным товарным группам 20 % к розничным ценам. Во-вторых, все возрастающую часть товарооборота потребительская кооперация выполняет в городах и рабочих поселках.

С 1970 по 1980 г. удельный вес сельской местности в общем товарообороте потребительской кооперации Новосибирской области снизился с 74,4 до 68,4 %. За этот же период

ее товарооборот в сельской местности увеличился в 1,6 раза, а в городской — в 2,1 раза (в текущих ценах). Одновременно усилились диспропорции в развитии товарооборота по типам сельских поселений. Опережающими темпами товарооборот потребительской кооперации рос в районных и кустовых центрах и практически совсем не развивался в рядовых сельских поселениях. Только за 1970—1980 гг. доля райцентров в товарообороте потребительской кооперации Алтайского края увеличилась с 33,2 до 35,7 %, Новосибирской области — с 26,9 до 31,3, а удельный вес рядовых поселений в этих районах сократился с 29 до 23,5 %. Такая тенденция в территориальном распределении товарооборота является в известной степени результатом изменений в соотношении численности населения по типам поселений, но одновременно она свидетельствует и о крупных недостатках в организации торгового обслуживания жителей небольших населенных пунктов. Вот почему, по данным социологических обследований 1982 г., основная доля не удовлетворенных торговлей приходится на трудящихся небольших периферийных сел (с людностью до 500 чел.). Ведущими мотивами недовольства являются: «ограничен-

ный выбор товаров» (отметили 9—18 % проживающих в малых селах), «отсутствие в продаже многих товаров» (от 25 до 29 %), «трудности приобретения товаров даже при условии их завоза» (от 14 до 19 %).

Подобная картина наблюдалась и в развитии общественного питания на селе. При некотором опережении темпов его роста по сравнению с общим товарооборотом быстрее увеличивается товарооборот в городах, а в сельской местности — на территории совхозов. Очень низкие темпы роста оборота складываются в остальной сельской местности, в частности на территории колхозов. Эта негативная тенденция способствует росту неудовлетворенного платежеспособного спроса сельского населения. При этом денежные сбережения семей колхозников увеличиваются быстрее, чем семей рабочих и служащих. Средний размер вклада у сельского населения в 1984 г. составил 1340 руб., у городского — 1198 руб. К тому же этот процесс развивался на фоне неудовлетворенных запросов сельских жителей в самых необходимых товарах.

Анализ развития товарооборота и размещения торговой сети потребительской кооперации показал, что как материально-технические возможности, так и товарные ресурсы недостаточны для удовлетворения потребности населения в торговом обслуживании. Только 15 % семей колхозников в 1982 г. были удовлетворены продовольственной торговлей и 13 % — непродовольственной.

Обычно сельское население пользуется несколькими источниками получения продовольствия (табл. 31). Важнейшие высококачественные продукты питания колхозное крестьянство по-прежнему получает из личного подсобного хозяйства. По сути, это основной источник, дающий сельскому населению мясо, сало, молоко и молочные продукты, сливочное масло, яйца, овощи и картофель. Другой важный источник — это магазин. В сельском ма-

газине покупают хлеб, муку, колбасу, частично сливочное масло и др. Хотя доля этого источника в общем потреблении велика, она еще далеко не достаточна. В городских учреждениях торговли более трети семей покупают колбасу, каждая пятая — муку, седьмая — сливочное масло, каждая восьмая — фрукты. Сельские жители остро ощущают недостаток многих продуктов и ограниченный выбор их в магазинах.

Роль внутриведенского рынка и продажи продуктов частными лицами особенно важна для покупки мяса, молока и молочных продуктов, фруктов и ягод. Иногда продовольствие приобретается непосредственно по месту работы — в колхозе или совхозе. Как правило, сельские жители используют для приобретения продуктов питания одновременно несколько источников, наиболее часто ЛПХ и сельский магазин.

Роль названных источников меняется под влиянием ряда факторов. Одним из них является снабжение продовольственными товарами сельских магазинов. Если в 1965—1975 гг. оно заметно улучшилось, то в последующее десятилетие поставка продуктов в торговую сеть сократилась, что изменило соотношение источников обеспечения продовольствием сельского населения. Уменьшилась доля семей, покупающих продукты питания в сельских магазинах, особенно такие, как мука, молочные продукты, сливочное масло. Покупательский спрос на эти товары частично переключился на городские магазины, но из-за ограниченности их предложения и в городской торговле, а также с введением в большинстве сибирских городов нормированного распределения сливочного масла и колбасы обеспечение продуктами животноводства сельских жителей еще более сократилось. В этих условиях повысилась роль ЛПХ в обеспечении населения продуктами питания. Особенно возросло значение личного подсобного хозяйства для жителей небольших

Источники приобретения основных продуктов питания сельским населением Западной Сибири (1982 г.), % от числа потребляющих

Источник	Хлеб	Мясо	Мука	Колбаса	Сало	Рыба	Молоко и молочные продукты	Сливочное масло	Яйца	Картофель	Овощи	Фрукты, ягоды
Магазин своего села	94	15	50	57	8	85	11	22	17	0	3	32
Рынок, частные лица	0	13	2	1	8	4	17	5	6	1	1	15
Колхоз, совхоз	1	9	24	2	1	2	3	2	3	0	0	16
Магазин городской и других населенных пунктов	2	4	18	34	2	8	2	15	9	0	1	12
Свое хозяйство	16	80	17	14	81	16	64	60	70	98	97	57
От родственников	0	5	3	3	6	2	7	5	4	2	2	3
Доля семей, потребляющих указанный вид продукта	100	98	89	50	94	86	98	77	99	100	99	84

отдаленных сел, где оно превратилось, по сути дела, в единственный источник поступления свежих высококачественных продуктов питания. Так, в мелких селах получали в 1982 г. мясо из своего хозяйства 89 % семей (в крупных — 70 %), молоко — соответственно 80 и 49, сливочное масло — 72 и 44, яйца — 88 и 57 % семей.

Ценный опыт по использованию возможностей личного подсобного хозяйства для улучшения продовольственного снабжения населения накоплен в Омской области. Здесь практически каждая семья, живущая в сельской местности, занимается выращиванием крупного рогатого скота, свиней, птицы. Трудящимся оказывается всесторонняя помощь молодняком, кормами, предоставляются соответствующие услуги. Индивидуальному сектору ежегодно выделяется более полумиллиона гектаров сенокосных и пастбищных угодий, в счет оплаты труда выдается значительное количество зерна, сена, комбикормов, силоса. Регулярно проводится профилактический осмотр животных, находящихся в личной собственности. В результате производство мяса в личном подворье с 1976 по 1986 г. выросло с 27 тыс. до 60 тыс. т, или в 2,2 раза.

Увеличение сельскохозяйственной продукции ЛПХ существенно влияет на решение продовольственной проблемы. Только в 1986 г. кооператоры Омской области закупили около 21 тыс. т мяса, что превышает плановые задания. Почти половина его поставлена в областной центр. Значительная часть переработана на предприятиях облпотребсоюза, на прилавки коопторга поступило свыше 4 тыс. т колбасных изделий. Рост сельскохозяйственной продукции непосредственно сказывается на уровне рыночных цен. Так, стоимость 1 кг парного мяса на рынках области не превышает 3,5 руб.¹⁴ Однако этот опыт еще не получил широкого распространения в сибирском регионе.

Ухудшение в обеспечении сельского населения продовольствием привело к тому, что для большинства сельских семей ведение ЛПХ стало еще более насущной необходимостью. В то же время в крайне затруднительное положение попали те группы населения, которые не могли содержать животных и птицу в своем хозяйстве: часть пенсионеров, интеллигенции, специалистов, жителей крупных урбанизирован-

¹⁴ Правда.— 1987.— 26 июня, 24 июля.

ных сел. Сложившаяся ситуация представляется этим группам населения несправедливой. В последнее десятилетие усилился отток из села специалистов и работников непродовольственной сферы из-за необеспеченности продуктами питания и необходимости вести личное подсобное хозяйство. Не случайно поэтому каждая седьмая семья на вопрос «Что могло бы существенно улучшить жизнь Вашей семьи?» отметила необходимость улучшения снабжения продуктами. Для решения проблемы питания на селе необходима активизация всех источников поступления продовольствия, чтобы сельские жители сами могли выбирать наиболее приемлемые для них.

Крупной социально-экономической задачей является обеспечение трудящихся непродовольственными товарами. Уже во второй половине 50-х — начале 60-х гг. в ее решении был достигнут заметный прогресс. В 1963 г. в среднем одна колхозная семья в Западной Сибири затратила на покупку одежды, обуви, мебели, предметов домашнего обихода и других промышленных изделий 447 руб., тогда как в 1953 г. — 240 руб., в Восточной Сибири — соответственно 566 и 290 руб. (в РСФСР — 407 и 228 руб)¹⁵.

В 50-е гг. увеличились покупки населением тканей, в 60-е гг. они сократились (табл. 32). В немалой степени это связано с расширением продажи готовых швейных изделий, частично же с тем, что в торговой сети сельской местности уменьшился ассортимент тканей. Например, крайне редко реализовывался ситец, который пользуется большой популярностью у населения. Увеличилось приобретение дорогих и «престижных» шерстяных тканей, однако абсолютные размеры покупок были невелики. Возросли покупки обуви, особенно заметно — ее кожаных видов. Если в начале

50-х гг. на одного человека в семьях колхозников Иркутской области приобреталась лишь одна пара обуви в год, то в середине 60-х гг. — более двух. Но это лишь в минимальной степени обеспечивало потребности жителей села.

Подобные тенденции были характерны для всех районов Сибири. В семьях колхозников Новосибирской области покупки тканей на одного человека уменьшились с 13,69 м в 1958 г. до 8,09 м в 1965 г. При этом приобретение шерстяных тканей возросло с 0,09 до 0,17 м. Обуви в 1965 г. покупалось 2,28 пар, в том числе кожаной — 1,19, тогда как в 1958 г. — соответственно 1,86 и 1,10 пар. Колхозники Алтайского края в 1965 г. приобрели на одного члена семьи 9,81 м тканей, из них 0,40 м шерстяных и 1,33 м шелковых и штапельных; обуви — 2,39 пар, в том числе кожаной — 1,26 пар¹⁶.

Конец 50-х — первая половина 60-х гг. стали начальным этапом внедрения в быт сельского населения предметов культурно-бытового назначения, которые способствовали облегчению домашнего труда и расширению культурного кругозора трудящихся (табл. 33). Именно в это время в семьях колхозников Сибири появились первые телевизоры, магнитофоны и электропроигрыватели, фотоаппараты, стиральные машины и другие товары длительного пользования. Однако обеспеченность ими сельчан была невелика. При этом отставание сельских жителей от горожан по ряду предметов культурно-бытового назначения можно охарактеризовать как многократное. Лишь по обеспеченности велосипедами, мотоциклами и мотороллерами труженики села имели некоторое преимущество.

70—80-е гг. отмечены высокими темпами роста приобретения товаров длительного пользования (ТДП), но при этом следует учитывать

¹⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 3234, л. 65.

¹⁶ Там же, оп. 35, д. 7898, л. 117, 129—130.

Покупки тканей и обуви колхозниками Иркутской области в 1953—1965 гг. (на члена семьи)*

Товар	1953	1958	1962	1965	1965 в % к 1963
Ткани, м	10,50	10,82	9,42	7,21	68,7
В том числе:					
шерстяные	0,10	0,19	0,18	0,32	320,0
шелковые и штапельные	2,26	1,36	2,21	0,99	43,8
Обувь, пар	1,15	1,39	2,03	2,31	200,9
В том числе кожаная	0,52	0,86	1,32	1,50	288,5

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11 695, л. 214; оп. 35, д. 7896, л. 110.

Таблица 33

Наличие предметов культурно-бытового назначения в семьях колхозников и рабочих промышленных предприятий Алтайского края и Иркутской области на 1 июля 1965 г., шт. в расчете на 100 семей*

Товар	Алтайский край			Иркутская область		
	Колхозники	Рабочие	Колхозники в % к рабочим	Колхозники	Рабочие	Колхозники в % к рабочим
Телевизоры	2	59	3,4	4	51	7,8
Радиоприемники и радиолы	39	49	79,6	60	73	82,2
Магнитофоны и электропроигрыватели	2	13	15,4	1	7	14,3
Холодильники	—	18	—	—	5	—
Стиральные машины	6	52	11,5	27	57	47,4
Часы	203	295	68,8	204	272	75,0
В том числе наручные	116	186	62,4	124	167	74,3
Пианино и рояли	—	2	—	—	1	—
Фотоаппараты	4	28	14,3	4	19	21,1
Швейные машины	76	78	97,4	72	75	96,0
Электроутюги	68	104	65,4	75	90	83,3
Велосипеды и мотовелосипеды	54	24	225,0	48	35	137,1
Мотоциклы и моторолеры	11	10	110,0	18	14	128,6

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7981, л. 5—6, 88—89.

низкий начальный уровень. Повышение денежных доходов, урбанизация поселений способствуют этому процессу. По данным социологического обследования, за период с 1972 по 1982 г. обеспеченность сельского населения Сибири товарами длительного пользования значительно возросла: холодильниками более чем в 7 раз, автомобилями — в 6, телевизорами — вдвое. В то же время произошло некоторое снижение

обеспеченности сельских жителей швейными и стиральными машинами, что связано с сокращением их производства в стране (табл. 34).

Наличие товаров длительного пользования значительно дифференцируется по группам населения в зависимости от доходов, социально-профессионального положения работающих членов семьи и места жительства. По данным социологического обследования 1982 г., наибо-

Таблица 34

Рост обеспеченности основными предметами длительного пользования сельского населения Новосибирской области, % от числа опрошенных семей

Товары	1972 г.	1977 г.	1982 г.
Холодильники	10,6	55,8	79,7
Стиральные машины	82,2	86,5	81,5
Швейные машины	72,7	66,4	59,4
Мотоциклы, мото-роллеры	26,3	27,5	27,2
Автомобили	1,7	6,6	10,2
Телевизоры	42,0	72,0	89,1

лее высокая обеспеченность ТДП характерна для семей служащих и смешанных, в которых один из супругов принадлежит к рабочим, а другой — к служащим. Заметно хуже оснащены товарами повседневного спроса и ТДП семьи рабочих и менее всего — пенсионеров. Лишь обеспеченность самыми необходимыми предметами быта (стиральными и швейными машинами, телевизорами) находилась примерно на одном уровне во всех группах населения.

Большая дифференциация в обеспеченности ТДП наблюдалась в различных типах поселений. Близость к городу, возможность покупки и доставки, лучшие жилищные условия, проникновение городских стандартов способствовали приобретению товаров культурно-бытового назначения, повышающих комфортность жилища и облегчающих ведение домашнего хозяйства. Так, в крупных селах с числом жителей свыше 1000 чел. почти в 9 раз больше семей, чем в мелких селах, имели современные мебельные гарнитуры, вдвое больше — ковры и ковровые изделия, на 14—18 % больше — холодильники, телевизоры, магнитофоны. Только средства индивидуального транспорта почти равномерно распределялись по всем типам поселений. Но при этом обеспеченность мотоциклами была больше в мелких поселениях, где мало хоро-

ших дорог, а автомобилями — в крупных селах.

Отчетливо выражена дифференциация материальной обеспеченности по показателю стоимости накопленного имущества. Анализ ответов на вопрос «Сколько лет Ваша семья пользуется вещью и сколько она стоила?» показал, что средняя стоимость накопленного имущества (по выделенным в анкете товарам) в сельских семьях юга Западной Сибири составляла 2017 руб. Наибольшая часть обследованных пользовалась вещами, купленными в течение 2—5 последних лет, что совпадает с периодом 1976—1981 гг. Стоимость купленных за это время товаров составила 1325 руб., или почти вдвое выше, чем за период до 1975 г.

В процессе анализа социальной дифференциации сельских семей выделялись четыре потребительские группы, различавшиеся соотношением дохода и накопленного имущества. Первая (21,5 %) включала семьи, имевшие низкий душевой доход и невысокую стоимость накопленного имущества (семьи разнорабочих, МОП и пенсионеров). Во вторую группу (20 %) вошли семьи с наибольшим денежным доходом и высокой стоимостью имущества (семьи руководящих работников, служащих, смешанные семьи, когда один из супругов принадлежит к служащим, а другой — к рабочим). Третью группу (5,5 %) образовали семьи с относительно низким душевым доходом, но высокой стоимостью имущества (семьи специалистов, служащих-неспециалистов). Наконец, четвертая, наиболее многочисленная, группа (53 %) характеризовалась высоким доходом, но низкой относительно других групп стоимостью накопленного имущества (семьи рабочих, смешанные, в составе которых один из супругов имеет рабочую профессию, а другой — разнорабочий). Каждая из четырех групп семей имела свои

потребительские проблемы, но особого внимания заслуживает последняя, которая и формирует основную часть неудовлетворенного спроса на селе. Значительное превышение уровня денежных доходов над стоимостью имущества в этой группе можно объяснить как менее развитыми потребностями по сравнению со служащими, так и меньшими возможностями для их удовлетворения.

Трудности в приобретении вещей приводят к нереализованному спросу сельских жителей и увеличению денежных накоплений. По нашим оценкам, более половины сельских семей в 1982 г. откладывали деньги на разные цели: треть — на покупку вещей, около половины — на непредвиденный случай, часто рассматриваемый как резерв для приобретения необходимых товаров. Наибольшую потребность испытывают сельские жители в покупке мебели и мебельных гарнитуров (32 % семей), шуб из натурального меха и верхней одежды (34 %), ковров и ковровых изделий (20 %), автомашин (22 %), тяжелых мотоциклов (16 %) и других товаров.

Для приобретения вещей и товаров длительного пользования сельские жители используют различные источники. Основной из них — сельский магазин, но значительная доля покупок производится в других местах: 40 % общего объема покупок непродовольственных товаров семьи колхозников совершают в городских магазинах¹⁷. Основной причиной покупок за пределами пункта проживания является отсутствие товаров в торговой сети. Негативной стороной их приобретения в городе являются значительные и нерациональные затраты времени и средств. Каждая поездка по Новосибирской области занимает в среднем 29 часов, а по от-

дельным отдаленным районам — более 60 часов. Это большие потери как рабочего, так и свободного времени.

Необходимо заметить, что в 80-е гг. получила распространение торговля по заказам в магазинах своего села и по месту работы. Но заявки часто не удовлетворяются, особенно на товары повышенного спроса. Одним из источников приобретения дефицитных товаров является предоставление их в качестве поощрения за хорошие производственные показатели и как стимула при заготовке сельскохозяйственной продукции. Согласно данным обследования, по заказам через предприятия в 1982 г. была куплена почти треть автомашин, в качестве поощрения — 13 %, столько же ковров и ковровых изделий, 5 % мотоциклов. Автомашины, ковры, мотоциклы продавались как стимул за сдачу сельскохозяйственной продукции. Значительная часть дефицитных товаров была приобретена на рынке по спекулятивным ценам, в том числе пятая часть купленных автомашин, треть мотоциклов, пятая часть шуб из натурального меха, шестая часть ковров и ковровых изделий.

В целом сложившаяся ситуация, когда сельские жители не могут реализовать свои доходы на месте, приобретают нужные им товары с большими затратами труда, времени, за переплату у спекулянтов, вызывает высокую неудовлетворенность торговым обслуживанием, приводит к накоплению неудовлетворенного спроса, к снижению материальной заинтересованности в труде. В связи с этим в настоящее время улучшению торгового обслуживания, сбалансированности спроса и предложения, насыщению рынка товарами уделяется первостепенное значение. В докладе правительства на втором Съезде народных депутатов СССР отмечалось: «В течение тринадцатой пятилетки будет последовательно осуществляться линия на сбаланси-

¹⁷ Бернвальд А. Р. Региональные проблемы товарного обращения. — Новосибирск, 1984. — С. 151.

сированность платежеспособного спроса населения и предложения товаров и услуг. Это прежде всего вопрос продовольствия. По расчетам на 1995 год, нам надо иметь его в пределах 205—210 млрд руб. в действующих розничных ценах. Ожидаемый выпуск продовольственной продукции в текущем году — 142 млрд рублей. Судите сами — не хватает одной трети. Значит, люди почувствуют улучшение, если каждый год прирост будет как минимум 5—6 %.

Стабильное наращивание ресурсов продовольствия должно обеспечиваться за счет как увеличения объемов производства в сельском хозяйстве, так и углубления переработки сельскохозяйственного сырья, сокращения потерь и повышения качества продукции.

В тринадцатой пятилетке будет последовательно улучшаться снабжение населения непродовольственными товарами. Для этого выпуск их необходимо увеличить на 60—70 процентов, в том числе товаров легкой промышленности — на 30 процентов. Объем розничного товарооборота должен возрасти в 1,4 раза и составить в 1995 г. 600—620 млрд руб.¹⁸ Эти предложения приняты в качестве целевых установок развития социальной сферы на тринадцатую пятилетку.

3. Жилищные условия

Решение жилищной проблемы представляет собой одну из самых сложных социальных задач. Улучшение жилищных условий — важнейшее направление комплексного преобразования села, сглаживания социальных различий между городом и деревней.

В соответствии с основными принципами жилищной политики решение жилищной проблемы имеет несколько аспектов. Это, во-первых, достижение санитарных нормативов

обеспеченности общей площадью и оснащение жилья санитарно-техническим и инженерным оборудованием. Во-вторых, реализация принципа поквартирного заселения семей, обеспечения жилыми ячейками с числом комнат, отвечающим количественному и половозрастному составу семей. В-третьих, ставится задача повышения комфортности проживания за счет внедрения улучшенных типовых проектов квартир, отвечающих условиям жизни в сельской местности, комплексной застройки сельских поселений, создания условий для удовлетворения важнейших культурно-бытовых потребностей населения. О том, насколько трудна и масштабна поставленная задача, свидетельствует анализ фактического состояния жилищной сферы и характера изменений, произошедших в ней в 60—80-е гг.

В конце 50-х гг. колхозники Сибири проживали в основном в индивидуальных домах, лишенных коммунальных удобств. Далеко не все сельские жители пользовались электроэнергией. В 1959 г. всего 40 % колхозных дворов Российской Федерации были электрифицированы. В Сибири этот показатель несколько превышал среднереспубликанский уровень¹⁹.

Данные выборочных обследований обеспеченности сибирских колхозников жилой площадью в начале 60-х гг. (табл. 35) свидетельствуют о том, что примерно пятая часть из них проживала в стесненных условиях и имела менее 5 м² на человека. Удельный вес среднеобеспеченных семей (от 5 до 11 м²) составлял в Алтайском крае 56 %, в Новосибирской области — 53, в Иркутской — 58 %, тогда как в РСФСР — менее 49 %. В целом обеспеченность жилплощадью жителей сибирского села была ниже, чем в среднем по РСФСР.

¹⁹ Народное хозяйство в 1965 году: Стат. ежегодник. — М.: 1966. — С. 339; История Сибири. — Л., 1969. — Т. 5. — С. 347.

¹⁸ Правда. — 1989. — 14 дек.

Распределение семей колхозников по размеру жилплощади, приходящейся на одного человека (на 1 июля 1963 г.), % *

Регион	Размер жилплощади, м ²								Средний размер жилплощади на 1 члена семьи
	До 3	3,1—5,0	5,1—7,0	7,1—9,0	9,1—11,0	11,1—13,0	13,1—15,0	15,1 и выше	
РСФСР	4,5	16,3	18,9	17,5	12,1	7,6	6,2	16,9	8,2
Новосибирская обл.	4,0	21,2	23,0	18,8	11,4	7,6	4,0	10,0	7,2
Алтайский край	2,4	17,4	22,4	22,8	11,0	7,2	5,6	11,2	7,6
Иркутская обл.	2,0	15,0	23,1	21,3	13,6	8,2	4,4	12,4	7,5

* Таблица составлена по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 32а, д. 11 607, л. 101—102.

Уже в 60-е гг. прослеживается стремление колхозников строить многокомнатные дома, близкие по планировке к городским жилищам, что отвечало выросшим социально-культурным запросам сельских тружеников. Повышение доходности колхозов позволяло им увеличивать отчисления на жилищное строительство. В передовых хозяйствах были построены свои кирпичные заводы, подготовлены кадры строителей. Например, в колхозе «Заветы Ленина» Муромцевского района Омской области до 1961 г. жилищное строительство практически не велось. После того, как это хозяйство возглавил Г. А. Неворотов, впоследствии ставший Героем Социалистического Труда, отношение к решению социальных проблем резко изменилось. В своих «Записках председателя» Г. А. Неворотов рассказывает, что новое правление колхоза решило прежде всего создать собственную материальную базу для строительства хозяйственным способом. На центральной усадьбе был основан кирпичный завод, который стал ежегодно давать 600—700 тыс. шт. кирпича. Это позволило вести жилищное строительство не только колхозу, но и отдельным его членам, которым продавались строительные материалы. Ежегодно 25—30 семей праздновали новоселье. Для молодоженов была по-

строена целая улица длиной более километра из однотипных двухквартирных домов²⁰. Все это помогло закрепить кадры, особенно молодежь.

Большую роль в расширении сельского жилищного строительства сыграло принятое в феврале 1965 г. постановление Совета Министров СССР «О кредитовании строительства жилых домов для колхозников». Согласно постановлению, труженикам села выделялись кредиты в сумме от 700 до 1500 руб. сроком на 7 лет с началом погашения ссуды после окончания строительства²¹. Перед проектными институтами Сибири была поставлена задача разработки типовых проектов для сельского строительства с учетом специфики образа жизни в деревне. В 1966 г. проект жилого дома в двух уровнях, созданный институтом «Красноярскгипросовхозстрой», был одобрен Министерством сельского хозяйства РСФСР и рекомендован для экспериментального строительства.

Больше внимания стало уделяться благоустройству жилья. В 1970 г. почти все колхозные дворы Сибири пользовались электроэнергией (в Западной Сибири — 99 %, в Восточной

²⁰ Неворотов Г. А. Записки председателя колхоза.— Омск, 1982.— С. 34—36.

²¹ Справочник партийного работника.— М., 1966.— Вып. 6.— С. 300.

Оснащенность квартир колхозников коммунальными удобствами (доля семей в %)

Вид благоустройства	1972 г.	1982 г.
Водопровод	6	32
Канализация	3	10
Центральное отопление	4	7
Горячее водоснабжение	3	5
Ванна, душ	3	11
Газ	18	76
Телефон	1	6

Сибири — 96 %). В ряде колхозов началось строительство водопровода и канализации. За 1965—1970 гг. число газифицированных квартир в сельских районах Омской области увеличилось с 10,6 тыс. до 84,2 тыс., т. е. почти в 8 раз. В 1970 г. здесь пользовались газом труженики 65 колхозов.

В 70—80-е гг. позитивные изменения произошли в обеспечении населения общей и жилой площадью, в реализации принципа поквартирного расселения семей, в улучшении благоустроенности жилья. В девятой — одиннадцатой пятилетках в колхозах Сибири было построено около 180 тыс. квартир (домов) общей площадью более 8 млн м². Обеспеченность общей площадью, приходящейся на одного жителя колхозного села, повысилась за этот период в 1,3 раза и составила к середине 80-х гг. 13,4 м². Доля проживающих в стесненных условиях семей, в которых на одного человека приходится менее 7 м² жилой площади, сократилась в 1,2 раза²².

Развитие сельского жилищного строительства в Сибири в 70—80-е гг. характеризовалось в целом положительными тенденциями: происходило наращивание его общих объемов, увеличение размеров возводимой площади в расчете на одного жителя. Если в 1976—1980 гг. за счет средств государства и колхозов в Западной Сибири было сдано в эксплуатацию 7576 тыс. м² жилых домов, то в 1981—1985 гг. — 9903 тыс., а в 1986—1988 гг. — 6321 тыс. м², в Восточной Сибири — соответственно 2595, 3937 и 2913 тыс. м².

В то же время претерпели заметные изменения источники финансирования жилищного строительства. Если в начале 70-х гг. за счет средств населения возводилась почти четвертая часть всего жилья, то

в 80-е гг. — лишь 5 %. Подавляющая часть домов строится в настоящее время за счет колхозов и межколхозных организаций. В связи с этим изменился состав жилого фонда по форме собственности. Доля жилья, принадлежащего населению, сократилась в 2 раза и составила к середине 80-х гг. 40 %. Повысилось качество жилого фонда, его оснащение санитарно-техническим и инженерным оборудованием. Но, несмотря на то что удельный вес семей, проживающих в квартирах с полным и частичным благоустройством, увеличился в несколько раз, он оставался очень низким (табл. 36).

Большая часть семей колхозников живет в отдельных квартирах и домах. По данным социологических обследований 1972 г., в Новосибирской области почти 60 % из них имели однокомнатное жилье. К 1982 г. его доля сократилась в 2 раза. В настоящее время более 40 % семей колхозников живут в квартирах с числом комнат три и более. Снизилась плотность заселения жилого фонда. Количество лиц, проживающих в одной комнате, уменьшилось в среднем с 2,5 чел. в 1972 г. до 1,8 чел. в 1982 г.

Таким образом, произошло улучшение жилищных условий сельского населения. Это подтверждают и изменения в уровне удовлетворенности колхозников жильем. Так, в 1972 г. 34 % опрошенных оценивали свои жилищные условия как хорошие,

²² Рассчитано по материалам сводного отчета ЦСУ РСФСР о жилищном фонде и численности проживающих по АССР, краям и областям.

а в 1982 г.—44 %. Почти вдвое сократилась доля неудовлетворенных жилищными условиями (с 20 до 11 %). Вместе с тем достигнутые темпы роста жилищного строительства в колхозах оказались недостаточными, чтобы ликвидировать сложившееся отставание Сибири от западных районов РСФСР по обеспеченности населения жильем. Этот разрыв практически не сокращается. В начале 70-х гг. размер общей площади на одного члена семьи в колхозах Сибири составлял к уровню РСФСР 89 %, а в 80-е гг.—90 %.

Жилищные условия колхозного крестьянства и трудящихся совхозов во многих отношениях сходны. Это относится к характеру и этажности застройки, к материалам, используемым для возведения жилья, к составу жилфонда по давности постройки и степени износа, посемейному типу заселения домов (квартир), уровню благоустройства. Вместе с тем в условиях проживания колхозников и работников совхозов имеются определенные отличия. Характер застройки в колхозных деревнях в большей степени сохранил черты традиционного крестьянского жилья, соответствующего условиям проживания в сельской местности: 81 % семей колхозников живет в односемейных домах усадебного типа. В совхозах в таких домах проживает лишь 50 % семей. Строительство жилья в колхозах в отличие от совхозов меньше ориентировано на городские стандарты. Здесь не получило распространения возведение многоквартирных домов. Лишь около 6 % колхозников и колхозной интеллигенции проживают в многоквартирных домах, в то время как в совхозах — 21 %.

Распространение многоквартирной застройки на селе породило немало проблем, связанных с негативной реакцией населения, социально-экономическими и психологическими „издержками“ проживания в многоквартирных домах. Недовлетворенность жилищными условиями у про-

живающих в этих зданиях заметно выше, чем у проживающих в домах усадебного типа. Отсутствие в условиях многоквартирной застройки земельного участка рядом с жильем, надворных построек для содержания скота и птицы создает большие трудности в ведении личного подсобного хозяйства, повышает затраты труда и времени, что вынуждает население ограничивать ЛПХ или отказаться от него совсем. В результате снижается валовое производство сельскохозяйственной продукции в личном секторе, сокращаются доходы сельских тружеников. Многоквартирная, в особенности многоэтажная застройка разрывает связь сельского жителя с землей, разрушает в течение веков сложившиеся традиции раннего приобщения к сельскохозяйственному труду. Проживание в многоквартирном доме не обеспечивает сельским жителям того психологического комфорта, который дает отдельный дом. Переселившись в многоквартирное здание, крестьянин утрачивает чувство хозяина, с чем связаны, по-видимому, отсутствие у части сельского населения рачительного отношения к жилью, иждивенческие настроения (нерегулярное и несвоевременное проведение ремонта, стремление переложить заботы о содержании жилища на плечи коммунальных служб).

Причин распространения многоквартирной застройки было несколько. К их числу можно отнести, в частности, просчеты в оценке роли личного подсобного хозяйства в продовольственном балансе страны, перспектив его отмирания. В градостроительной науке, особенно в начале 60-х гг., широко распространилось представление о том, что максимальный комфорт проживания обеспечивает жилище городского типа. Поэтому вместо поиска проектных решений, приемлемых для села, происходило простое заимствование городских стандартов жилища и их внедрение в практику сельско-

го строительства. Общественными науками, в свою очередь, не был проработан с достаточной глубиной вопрос о стирании граней между городом и деревней. Это привело к прямолинейному пониманию данного тезиса и сказалось в практике проектирования застройки сельских населенных пунктов. К тому же строительные организации, определяя, каким быть сельскому жилищу, нередко исходили из соображений экономии сметной стоимости строительства и материальных ресурсов. С этой точки зрения многоквартирные дома представлялись более дешевыми, экономичными и выгодными.

Вопрос о выборе типа жилища для сельской местности оставался дискуссионным на протяжении 60—70-х гг. Обобщение практического опыта, результаты специализированных обследований и опросов сельского населения позволили к концу 70-х гг. выявить преимущества и издержки пройденного этапа, внести определенные коррективы в политику и практику жилищного строительства на селе. На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС было отмечено, что необходимо учитывать не только экономическую, но и социальную эффективность такого строительства в целях предотвращения и ослабления негативных последствий, вызываемых неудовлетворенностью сельского населения жилищными условиями. В связи с этим признано целесообразным осуществлять жилищное строительство в соответствии с условиями жизни на селе и интересами сельского населения, стремиться к обеспечению сельских семей отдельными благоустроенными домами с приусадебными участками и надворными постройками для домашнего скота, птицы и личных транспортных средств.

В сельском жилищном строительстве в Сибири достаточно отчетливо прослеживаются указанные тенденции. Следует, однако, отметить, что

колхозные поселки, хотя и понесли определенные потери из-за внедрения многоквартирной застройки, пострадали от этого в меньшей степени, чем совхозные, и сохранили тем самым более удобные условия жизни. Значительная часть работников совхозов (около 70 %) проживает в обобществленной части жилого фонда, где средние размеры квартир (домов) меньше, чем в индивидуальном секторе, а плотность заселения соответственно выше. Более половины колхозников (60 %), наоборот, проживает в индивидуальном секторе. С различиями в форме собственности связаны неодинаковые экономические условия удовлетворения потребностей в жилье у колхозников и у работающих на государственных сельскохозяйственных предприятиях, поскольку расходы на оплату и содержание жилища у проживающих в государственном жилфонде в 6—10 раз меньше, чем у имеющих собственные дома.

В целом жилищные условия колхозного крестьянства более благоприятны, чем у работающих в совхозах. Об этом свидетельствует оценка жилищных условий, сделанная с помощью комплексного показателя, учитывающего одновременно несколько наиболее важных характеристик жилья: наличие у семьи отдельной квартиры (дома); размер жилой площади на одного члена; соответствие числа комнат в доме (квартире) размеру семьи и ее социально-демографическому составу; степень благоустроенности жилья. В качестве максимальных значений этих показателей были приняты действующие нормативы. Стандартом «наилучших» жилищных условий семьи считалась отдельная полностью благоустроенная квартира (дом) с количеством комнат либо равным, либо на единицу меньшим числа членов семьи (в зависимости от их пола, возраста и родственных отношений) при обеспеченности жилой площадью не менее 9 м² на

Оценка жилищных условий жителями колхозных и совхозных поселков в 1982 г. (доля семей в %)*

Жилищные условия	Колхозы	Совхозы
Хорошие	16	5
Удовлетворительные	49	56
Стесненные	26	28
Неблагоприятные	9	11

одного человека. В зависимости от величины этого многомерного показателя были выделены четыре типа жилищных условий, обозначенные как хорошие, удовлетворительные, стесненные, неблагоприятные. Хорошие жилищные условия характеризуются в этой классификации соответствием действующим нормативам или близостью к ним. Остальные типы различаются нарастающей степенью отклонения от нормативов.

Результаты сопоставления жилищных условий колхозного и совхозного населения, проведенного с помощью комплексного показателя (табл. 37), показывают заметное преобладание семей колхозников, проживающих в хороших жилищных условиях. Однако численность этой группы в общей совокупности обследованных пока еще незначительна. Объективная оценка характера жилищных условий у колхозников как более благоприятных совпадает с их относительно высокой удовлетворенностью жильем (44 % против 32 % у работников совхозов). Средние значения основных показателей жилищных условий, характеризующие приведенные типы, свидетельствуют, что в совокупности семей колхозников (как и вообще в сельском населении) существуют две группы. К первой относятся семьи, имеющие жилье четвертого и третьего типов; для них самой насущной проблемой является расширение жилплощади. Другую группу составляют семьи, обладающие жильем второго и частично первого типов, потребность в жилой площади у них уже удовлетворена, и основным направлением улучшения жилищных условий является повышение степени благоустроенности жилья.

Однако различия в жилищных условиях колхозного крестьянства и работников совхозов малозаметны на фоне того разрыва, который существует в обеспеченности жильем сельского и городского населения.

Оценка, сделанная по той же методике, показывает, что в городах Западной Сибири доля семей, проживающих в хороших жилищных условиях, в 7 раз выше, чем в сельской местности, и более чем в 1,5 раза ниже удельный вес живущих в стесненных и неблагоприятных жилищных условиях. Доля семей, проживающих в благоустроенном жилье, в сельской местности в 9—10 раз меньше, чем в городской. В колхозах, например, 20 % квартир и домов оснащены только электричеством и радиоточками, половина имеет газ. В благоустроенных квартирах, оснащенных всеми видами санитарного и инженерно-технического оборудования, проживает лишь около 8 % семей колхозников.

Таким образом, ликвидация существенных различий в жилищных условиях сельского и городского населения предполагает не просто наращивание жилищного строительства на селе, а значительное повышение доли благоустроенного жилья в общем объеме сельского жилищного строительства. В 80-е гг. удельный вес жилплощади, оснащенной всеми или основными видами благоустройства, составлял в общем объеме ежегодно возводимого жилья примерно 20 %, что позволяло увеличивать благоустроенную часть сельского жилого фонда на 1—1,5 % в год. При таких темпах благоустройства решение проблемы ликвидации различий в качестве жилья между городом и селом маловероятно не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе.

Колхозный жилой, как и весь сельский, фонд характеризует довольно высокая степень физической изношенности. Ежегодно примерно 15 % возводимого в колхозах Сибири жилья идет на покрытие естественной убыли (в городской местности — около 6 %). К тому же жилой фонд распределен неравномерно, что во многом определяется несоответствием числа комнат и жилой площади социально-демографическому составу семей и нормативам заселения. Довольно высокой остается доля семей, имеющих обеспеченность жилой площадью на одного члена ниже общесоюзного санитарного норматива (т. е. менее 9 м²). Они составляют 41 % семей колхозников. Почти 60 % имеют квартиры (дома) с меньшим количеством комнат, чем это требуется в соответствии с составом семей. В условиях переуплотненности жилья, дефицита площади и комнат проживают чаще всего супружеские пары с разнополными детьми и семьи, состоящие из 5 чел. и более.

Определенные различия прослеживаются в жилищных условиях отдельных социальных групп семей (табл. 38). Эта дифференциация сложилась в силу разных причин. Во-первых, в связи с проведением политики закрепления на селе работников умственного труда и приоритетности в предоставлении жилья руководящему составу, квалифицированным специалистам, приезжавшим в колхозы в порядке назначения, перевода, распределения после окончания учебного заведения. Во-вторых, вследствие несоответствия части построенного жилья (многоквартирных благоустроенных домов) потребностям и образу жизни сельского населения и отказа от улучшения жилищных условий за счет переселения в эти дома (соглашалась переезжать туда в первую очередь сельская интеллигенция). С точки зрения социальной справедливости длительное существование таких различий в жилищных

условиях отдельных групп трудящихся вряд ли можно считать оправданным.

Материалы социологических обследований обнаруживают также взаимосвязь различных сторон деятельности сельского населения с жилищными условиями. Так, проживание в домах разного типа (усадебных, многоквартирных) создает неодинаковые условия для ведения личного подсобного хозяйства и влияет тем самым на размеры доходов семей. С этой точки зрения колхозники проживают в целом в более благоприятных условиях, чем жители совхозных поселков. Размеры жилища и некоторые другие его характеристики в известной мере определяют объем домашнего имущества и его ассортимент (в первую очередь вещей длительного пользования), т. е. являются одним из факторов материального потребления.

Характер жилища накладывает отпечаток на культурную деятельность, влияет на проведение досуга. Хотя разнообразие досуговой деятельности и ее содержание гораздо больше связаны с культурными традициями, личностными ориентациями, определенными стадиями жизненного цикла, чем с материально-бытовыми условиями жизни, все же ограниченная структура досуга чаще всего свойственна людям, проживающим в худших жилищных условиях. Так, среди опрошенных в ходе социологического обследования 1982 г. самая высокая доля лиц со слабо развитым досугом (35 %) приходилась на группу семей с неблагоприятными жилищными условиями. Большое влияние на досуг оказывает степень благоустроенности жилья, поскольку от его оснащения инженерно-техническим и санитарным оборудованием зависят в какой-то мере объем и структура вне рабочего времени, в том числе свободного. Поэтому благоустроенность жилья — это не только комфорт, но и экономия времени для более со-

Жилищные условия различных социальных групп колхозников (1982 г., доля семей в %)

Социальные группы	Жилищные условия			
	хорошие	удовлетворительные	стесненные	неблагоприятные
Семьи, работающие члены которых являются руководителями, специалистами или служащими	38	53	9	—
Семьи, работающие члены которых являются рядовыми колхозниками	14	49	26	11
Смешанные семьи	15	45	31	9

держательного и разнообразного проведения досуга. Обеспеченность жильем играет роль одного из регуляторов распределения трудовых ресурсов, закрепления кадров, а через текучесть, миграцию населения она влияет на эффективность общественного производства. Данные социологических обследований об уровне удовлетворенности трудом, о планах перемены места работы показывают, что чем лучше жилищные условия колхозников, тем выше вероятность их позитивного отношения к работе в целом и к отдельным ее сторонам (условиям, режиму и т. д.). Так, среди колхозников Новосибирской области и Алтайского края, имеющих хорошие жилищные условия, довольны своей работой 78 %, а среди проживающих в неблагоприятных жилищных условиях — 57 %; не довольны — соответственно 4 и 15 %. Аналогичная картина наблюдается и при анализе потенциальной текучести. Конкретные планы или просто желание сменить работу чаще обнаруживают живущие в тесном неблагоустроенном жилье.

Намерения переменить место жительства также связаны с объективными характеристиками жилья и степенью удовлетворенности жилищными условиями. Меньше всего потенциальных мигрантов среди проживающих в хороших жилищных условиях. Следовательно, чем лучше жилищные условия, тем

меньше вероятность возникновения установок и ориентаций на перемену места жительства (6 % потенциальных мигрантов среди колхозников с хорошими жилищными условиями и 24 % — с плохими).

Неудовлетворенность жилищными условиями — главная причина возникновения планов переезда из сельской местности, что свидетельствует о важности жилищного вопроса не только в повышении уровня жизни колхозного населения, но и в решении проблем социально-экономического развития села в целом. В этой связи особое значение приобретает укрепление сельской строительной базы — расширение мощностей сельского домостроения, ускорение индустриализации сельского жилищного строительства, создание предприятий и цехов по производству санитарно-технического оборудования, отделочных материалов, систем автономного (поквартирного) тепло-, водоснабжения и канализации. Важно расширить подготовку квалифицированных кадров сельских строителей. Для повышения социальной эффективности жилищного строительства необходимо проведение предплановых расчетов социально-демографической структуры населения и использование результатов этих расчетов в планировании. Удовлетворение потребностей сельского населения в жилье предполагает также увеличение в общем объеме строительства доли

домов усадебного типа с приквартирными участками и надворными постройками, более всего соответствующих условиям и образу жизни сельского населения. Неотложной проблемой улучшения жилищных условий сельского населения является существенное повышение благоустроенности жилья. В условиях колхозного села достижение этой цели наиболее реально посредством широкого распространения поквартирных систем благоустройства, использования их в строительстве нового жилья и при модернизации имеющегося жилого фонда.

4. Бытовое обслуживание

Развитие бытового обслуживания призвано в общественно организованной форме удовлетворять материальные потребности людей, облегчать домашний труд, способствовать более рациональному использованию свободного времени.

К началу 60-х гг. бытовое обслуживание в стране представляло собой слабо развитую отрасль народного хозяйства. При этом существовал резкий разрыв в оказании услуг городским и сельским жителям. В целом по РСФСР в 1960 г. их предоставлялось в расчете на одного человека на сумму 5,29 руб., в том числе 8,89 руб. в городской и 1,03 руб. в сельской местности. В Западной Сибири в 1960 г. объем услуг на одного городского жителя составил 7,46 руб., на одного сельского жителя — 1,41 руб., в Восточной Сибири — соответственно 6,61 и 1,20 руб.

Бытовое обслуживание в сельской местности долгое время не удовлетворяло запросы жителей села даже в традиционных видах бытовых услуг: ремонте и пошиве обуви, одежды, парикмахерских и др. Население вынуждено было выезжать в районные центры и близлежащие города, чтобы получить самые необходимые услуги. В Иркутской области, по данным на 1 июля

1965 г., имелась 151 мастерская по ремонту металлоизделий, бытовой техники и приборов, из них 140 в городах и только 11 — в сельских поселениях. Ограниченная сеть учреждений бытового обслуживания, недостатки в их деятельности вынуждали трудящихся обращаться к услугам частных лиц. По данным бюджетных обследований, колхозники Иркутской области в 1965 г. уплатили им 56 % всех денежных средств, израсходованных на изготовление и ремонт одежды, обуви, предметов домашнего обихода и культуртоваров²³.

Заметный сдвиг в бытовом обслуживании сибирского села произошел во второй половине 60-х гг. Объем услуг, оказанных сельскому населению Сибири, увеличился с 32,7 млн руб. в 1966 г. до 65,5 млн руб. в 1970 г., или в два раза. Повысилось внимание местных партийных и советских органов к вопросам организации и деятельности учреждений службы быта. Так, партийно-хозяйственный актив Тюменцевского района Алтайского края принял решение укрепить материальную базу службы быта, активнее внедрять прогрессивные формы обслуживания, улучшать качество оказываемых услуг. В результате принятых мер сеть бытовых предприятий расширилась. В 1970 г. в райцентре действовал Дом быта, на центральных усадьбах хозяйств — 42 бытовые мастерские и 4 комбината. Во многих колхозах и совхозах были открыты пункты приема заказов, в шести селах при магазинах организованы столы раскроя. Три выездные бригады обслуживали свыше 30 отдаленных населенных пунктов. Всего населению оказывалось 130 видов бытовых услуг²⁴.

В 70—80-е гг. развивается сеть сельских домов бытовых услуг

²³ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 35, д. 7998, л. 31; д. 7981, л. 93.

²⁴ ПААК, ф. 1, оп. 119, д. 127, л. 176.

(ДБУ) и комплексных приемных пунктов (КПП) на центральных усадьбах колхозов и совхозов. Объем реализации бытовых услуг в расчете на одного сельского жителя РСФСР вырос с 7,7 руб. в 1970 г. до 14,2 руб. в 1975 г., в Западной Сибири — с 8,9 до 16,6 руб., в Восточной Сибири — с 7,6 до 14,4 руб. Населению большинства сельских районов РСФСР оказывалось за этот период не менее 200 видов бытовых услуг.

Характерно, что потребление бытовых услуг в сельской местности возрастало быстрее, чем в городе. Если объем реализации бытовых услуг в целом по РСФСР за 1960—1980 гг. увеличился в 5,8 раза, то по сельской местности — в 22,3 раза, по Западной Сибири — соответственно в 6,6 и 17,8 раза, по Восточной Сибири — в 6,6 и 18,8 раза.

Сократился разрыв в уровне обслуживания городского и сельского населения. В 1980 г. сельский житель в Сибири получил услуг в среднем меньше, чем городской, на 47 %, а в 1985 г. — на 38 %. За счет открытия комплексных приемных пунктов число колхозов и совхозов, в которых трудящиеся обслуживаются только выездными бригадами, сократилось на 21 %, а совсем не имеющих на месте предприятий службы быта — на 30 %. В 1982 г. на одного сельского жителя оказывалось услуг на сумму 26 руб.²⁵

Существенно выросла доля семей, пользующихся услугами предприятий службы быта. Так, по данным социологического опроса, только за 1972—1982 гг. в Новосибирской области в 3,5 раза больше семей стали обращаться в химчистку, в 2,7 раза — в учреждения по ремонту бытовых приборов и радиоаппаратуры, в 1,3 раза увеличился удельный вес семей, которые ремонтировали обувь в мастерских и ши-

ли одежду в ателье. Бытовое обслуживание охватывало все больше сел и деревень. В 1982 г. каждый третий населенный пункт в Новосибирской области имел комплексный приемный пункт или Дом быта, каждый второй — передвижное бытовое обслуживание, тогда как в 1972 г. услуги оказывались только в одном из 12 сельских поселений. Заметно возросла для сельского населения возможность получать бытовые услуги по месту жительства. В целом по югу Западной Сибири в 1982 г. в предприятия бытового обслуживания обращалось 60 % сельских семей, в том числе половина из них пользовалась одной-двумя услугами, 21 % — тремя-четырьмя и 8 % — пятью-шестью. Структура обслуживания сельского населения приблизилась к городской, но имеет свои специфические особенности (табл. 39). В селе оказывается больше транспортных услуг, услуг по ремонту и строительству жилья, переработке сельскохозяйственной продукции, по ремонту и изготовлению мебели. Но остаются неоправданно низкими объемы услуг по ремонту бытовых приборов и машин, хотя обеспеченность последними городских и сельских жителей почти одинакова, а также по ремонту и пошиву обуви. Меньше используются прокат, химчистка и прачечные.

Дальнейшее развитие бытового обслуживания в сельской местности и более широкое внедрение бытовых услуг в повседневную жизнь колхозного крестьянства связаны с решением нескольких проблем. Первая — недостаточное обеспечение населения бытовым обслуживанием; 69 % поселений, в которых проживала треть сельских жителей, не имели в 1982 г. предприятий службы быта. Особенно велик спрос на услуги, которые не могут быть выполнены самим сельским населением и требуют специальной подготовки (например, ремонт сложной бытовой техники, радиоаппаратуры,

²⁵ **Бытовое** обслуживание населения РСФСР. — М., 1984. — С. 188—189.

Душевой объем бытовых услуг в городской и сельской местности Новосибирской области в 1982 г.*

Виды услуг	Объем бытовых услуг на 1 чел., руб.—коп.		Село в % к городу
	село	город	
Весь объем услуг	23—91	34—29	70
Ремонт и пошив обуви	0—89	2—04	44
Ремонт и пошив швейных изделий	5—21	7—94	66
Ремонт и изготовление трикотажных изделий	2—06	1—31	157
Ремонт бытовых приборов и машин	1—38	4—75	29
Ремонт и изготовление мебели	1—79	1—20	149
Химическая чистка и крашение	0—36	1—12	32
Стирка в прачечной	0—11	1—50	7
Ремонт и строительство жилищ (квартир)	2—62	0—91	288
Прокат	0—15	0—87	17
Транспортные услуги	2—17	1—47	148
Переработка сельскохозяйственной продукции	2—80	0—87	322

* Бытовое обслуживание населения РСФСР: Стат. сборник.— М., 1984.— С. 187, 189, 193, 197, 203, 205.

часов). Вторая проблема — низкий уровень пользования предприятиями службы быта даже при наличии их по месту жительства. Развитие бытового обслуживания в селах в 70—80-е гг. показывает, что рост обеспеченности почти всеми видами услуг был более интенсивным, чем увеличение их потребления. Специфические сельские потребности плохо изучены и не включаются в план бытового обслуживания, формируемый по городскому подобию. Ограниченный спрос на бытовые услуги связан также с их невысоким качеством и длительными сроками выполнения заказов, с отсутствием потребности в некоторых видах обслуживания (химчистка, стирка белья), не соответствующих сложившимся традициям образа жизни сельских жителей. По данным социологического опроса, только половина сельских семей, пользующихся теми или иными услугами, отметила качество обслуживания как хорошее. Другая же половина оценила его как среднее или плохое. Среди семей, не пользующихся предприятиями службы быта, причину «не устраивают качество, сроки выполнения работы» назвали по от-

дельным видам услуг около 15 % семей.

За последнее десятилетие сложилась парадоксальная ситуация: существенно возросла потребность в услугах, но при этом снизилось пользование ими. Возник обоюдный страх потребителей и работников сферы услуг. Первые стали реже прибегать к обслуживанию, помня «цену» его, исходя из своего прежнего опыта. Вторые, понимая, что полностью удовлетворить требования заказчика не имеют возможности (нередко по объективным причинам — отсутствие запчастей, несовершенная технология, плохое оборудование, несоответствие оплаты затратам труда и т. д.), неохотно идут на контакт с ним.

Третья проблема — отсутствие заинтересованности у предприятий службы быта в более полном и качественном обслуживании населения. В службе быта функционирует большое количество убыточных предприятий, и их доля не снижается: в 1970 г. убыточными были 22 % всех предприятий, в 1982 г. — 29 %. Собственные доходы отрасли не покрывают расходов. Государство, например, в 1975—1980 гг. вы-

нуждено было выделить на эти цели около 500 млн руб. Анализ показал, что убыточность подразделений службы быта связана в основном с несовершенством сложившейся системы управления и организации бытового обслуживания, планирования и экономического стимулирования, а также с низким уровнем материально-технического обеспечения в отрасли. Необходимы решение указанных проблем и поиск новых форм обслуживания, которые смогли бы заинтересовать работников обслуживания в наиболее полном и качественном удовлетворении бытовых потребностей населения.

Заслуживает рассмотрения и другая категория населения, которая на вопрос «Почему не пользовались услугами предприятий бытового обслуживания?» ответила: «Не было необходимости». Доля этой категории составляет около 70 % среди семей, не пользующихся учреждениями службы быта. В действительности же значительная часть из них являются потенциальными потребителями услуг, прежде всего потому, что обеспеченность предметами длительного пользования довольно высока и потребность в уходе за ними, в их ремонте у большинства семей возникает неизбежно. Кроме того, в число отметивших отсутствие потребности в тех или иных услугах вошли те, кто обращался в учреждения обслуживания раньше, чем год назад. (Наше обследование охватывало только семьи, которые пользовались бытовым обслуживанием в течение последнего года.) Существует и другой контингент населения, который не испытывает потребности в общественном обслуживании, удовлетворяя ее самостоятельно в домашних условиях. Как правило, это касается услуг, для выполнения которых не требуется профессиональной подготовки, но затрачивается много времени. Это, например, стирка белья, химчистка одежды, переработка сельхозпродуктов, ремонт и строительст-

во дома, пошив и ремонт одежды. Отсутствие потребности в этих видах обслуживания связано с деревенскими традициями, со сложившимся укладом сельской жизни. Расширение форм общественного обслуживания населения, повышение его информированности о возможностях сферы услуг, их роли в облегчении домашнего труда и сокращении затрат времени на него способствуют повышению спроса на бытовые услуги.

По данным обследования, проведенного в 1986—1987 гг., доля прибегавших к бытовым услугам заметно изменилась. Возрос удельный вес пользующихся услугами химчистки (с 24 % в 1976 г. до 54 % в 1986 г.), мастерских по ремонту и пошиву обуви (соответственно с 23 до 48 %), ремонту бытовой техники (с 26 до 78 %). Вместе с тем спрос на услуги остается неудовлетворенным, в результате увеличивается доля лиц, которые сами шьют себе одежду в домашних условиях (с 44 % в 1976 г. до 65 % в 1986 г.), только своими силами ремонтируют жилье (с 67 % в 1976 г. до 95 % в 1986 г.). По-прежнему белье стирается только в домашних условиях; остаются неразвитыми и другие услуги, облегчающие домашний труд. Для сравнения отметим, что в Прибалтийских республиках, в частности в Латвийской ССР, услуги, облегчающие и сокращающие домашний труд, составляют значительную величину. Например, в 1982 г. по стирке белья в расчете на одного сельского жителя объем услуг достиг 5 р. 90 к., что составило 16,7 % в общем объеме реализации услуг (этот показатель в Новосибирской области составлял менее 1 %), а по переработке сельхозпродукции — 4 р. 58 к. (по Новосибирской области — 2 р. 69 к.).

Социально-экономический эксперимент, проводившийся на предприятиях бытового обслуживания в ряде областей РСФСР в 1984 г. и направленный на совершенствование хо-

зяйственного механизма в отрасли и повышение материальной заинтересованности предприятий в более полном и качественном обслуживании, вскрыл ряд недостатков, сдерживающих развитие этой отрасли. Важнейшими из них являются несогласованность во взаимодействии различных служб управления между собой; отсутствие заинтересованности промышленных предприятий в предоставлении материалов, оборудования, запчастей для выполнения заказов населения; недостаточная разработка положения о применении договорных форм оплаты труда; низкое качество услуг; практическое отсутствие услуг «на дому», поскольку дорожные расходы значительно превышают их стоимость; ограничение прав предприятий бытового обслуживания в использовании прибыли на производственное строительство, реконструкцию, техническое перевооружение, социально-культурное и социально-бытовое строительство.

Дальнейшему развитию бытового обслуживания должно способствовать совершенствование системы управления, укрепление хозяйственных отношений в отрасли. К основным направлениям развития могут быть отнесены следующие. Во-первых, упрощение структуры управления бытовым обслуживанием, приближение хозяйственного управления к производству, исключение из управления звеньев, затрудняющих связь производителя и потребителя; привлечение к ремонту бытовой техники заводов-изготовителей, создание пунктов обслуживания в районных центрах, такой организации обслуживания на местах, которая бы позволила практически в каждой деревне делать заказ на любую услугу. Во-вторых, предоставление полной хозяйственной самостоятельности низовым производственным единицам; отказ от директивного планирования показателей объема и ассортимента услуг; переход на нормативное планирование: норма-

тив отчислений от прибыли в вышестоящие организации, норматив образования фонда поощрения. Большинство показателей плана предприятия должны разрабатывать сами, опираясь на принятые нормы, с одной стороны, и изучение спроса потребителей на разные виды услуг — с другой.

Важнейшими средствами реализации указанных направлений могут служить отказ от монополии государственных предприятий обслуживания, сочетание различных организационных форм обслуживания: арендного подряда, кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности.

Новые формы хозяйствования создают предпосылки для саморазвития, саморегулирования многовариантной экономики услуг. Кооперативы и государственные предприятия смогут развиваться на основе учета потребностей населения. Утрачивается необходимость контроля сверху. Сами потребители, а не инструкторы должны регулировать развитие платного обслуживания населения. Обостренный интерес к поиску новых видов услуг и заказчиков будет способствовать проникновению обслуживания на не освоенные традиционной сферой услуг территории, что очень важно для сельской местности, особенно для отдаленных сел.

Опыт развития сферы услуг в развитых европейских странах путем сочетания различных организационных ее форм, основанных на разных видах собственности, свидетельствует о постоянном расширении предлагаемых услуг, повышении уровня их потребления, улучшении качества и культуры обслуживания. Основными сдерживающими факторами развития новых форм обслуживания в нашей стране, и в селе в частности, являются в настоящее время не столько пассивность работников сферы обслуживания, сколько их неуверенность в конечных результатах труда, не-

определенность основных условий перехода на новые методы работы, отсутствие нормативов отчисления от прибыли. Не решив этих проблем, трудно обеспечить дальнейшее развитие бытового обслуживания населения всей страны, и сельского населения в частности, выполнить поставленную на втором Съезде народных депутатов задачу — увеличить в тринадцатой пятилетке объем платных услуг населению в 1,6—1,7 раза.

5. Развитие здравоохранения

В СССР обеспечение права граждан на охрану здоровья стало государственным делом, населению предоставляется бесплатная медицинская помощь. Однако качество этой помощи отстает от потребностей населения в услугах здравоохранения.

Охрана здоровья населения Сибири представляет собой важную социальную задачу. В 60—80-е годы ее решение в сибирском селе осуществлялось на основе негибкой системы оказания лечебно-профилактической помощи в специфических условиях сельского расселения, на фоне традиционного, уходящего корнями в прошлые века отношения крестьян к своему здоровью.

К началу 60-х гг. в Сибири имела довольно широкая и разветвленная сеть медицинских учреждений. В 1959 г. в регионе в расчете на 10 тыс. жителей приходилось 16 врачей и 84 больничные койки (в РСФСР — соответственно 19 и 79)²⁶. Следовательно, по первому показателю Сибирь была близка к среднереспубликанскому уровню, а по второму даже превзошла его. Однако фактические различия были гораздо значительнее, чем это показывают среднестатистические данные. Существенное влияние на организацию медицинского обслужи-

вания в Сибири оказывали огромная территория, низкая плотность населения, бездорожье, суровые климатические условия. Крайне неравномерно распределялись в регионе медицинские кадры. Большинство их было сосредоточено в городской местности. В Омской области в 1960 г. в городах и рабочих поселках на 10 тыс. жителей приходилось 44 врача и 84 чел. среднего медицинского персонала, тогда как в районах, селах и деревнях — соответственно 5 и 31 чел.²⁷. Особенно неблагоприятной была охрана здоровья колхозников, не были решены вопросы, связанные с медицинской и профессиональной реабилитацией больных и инвалидов, выплатой пособий и пенсий.

Большое значение для совершенствования народного здравоохранения имело принятое в январе 1960 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР»²⁸, которое в качестве стратегического направления определило выравнивание различий в оказании лечебной помощи труженикам города и села. В начале 60-х гг. произошли изменения в организационной структуре сельского здравоохранения: главное место в ней заняли районные больницы. На них возлагалась задача руководства всеми лечебно-профилактическими учреждениями в районе.

В Сибири широко развернулось инициативное строительство объектов здравоохранения. За 1959—1965 гг. колхозы Алтайского края построили больницы на 875 коек, Омской области — на 624, Читинской — на 575. Однако в последующие годы это строительство сокра-

²⁷ Народное хозяйство Омской области: Стат. сборник.— Омск, 1969.— С. 249.

²⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.— М., 1968.— Т. 4.— С. 634—645.

²⁶ Рассчитано по данным: Здравоохранение в СССР: Стат. сборник.— М., 1960.— С. 108—110, 162—164.

тилось. Повысилась оснащенность медицинских учреждений оборудованием. В 1959—1965 гг. в сельских участковых больницах число рентгенкабинетов увеличилось в 2,2 раза, физиотерапевтических — в 1,7, клинико-диагностических лабораторий — в 1,5 раза. В Омской области в 1961 г. с участием руководства колхозов и совхозов, представителей общественности был составлен перспективный план укрупнения и реконструкции медицинских учреждений. Его реализация позволила построить и реконструировать больницы на 3622 койки. В 1965 г. 80 % из них имели диагностические лаборатории, 46,3 % — рентгенкабинеты²⁹.

Во второй половине 60-х — 70-е гг. произошло дальнейшее укрепление сети лечебных учреждений в Сибири. Коечный фонд сельских районных больниц с 1965 по 1977 г. увеличился на 33 %, а среднее число коек в одной больнице — с 77 до 115, или на 49,4 %. Укрупнение лечебных учреждений расширило их возможности для госпитализации больных. За этот период количество стационарно лечившихся в районных больницах повысилось на 10 %, а их доля среди всех госпитализированных больных в сельской местности составила 42 %, в том числе в Алтайском крае — 50, в Омской области — 48, в Новосибирской — 47 %.

Расширилась сеть сельских амбулаторий и поликлиник. В 1965 г. на территории Сибири и Дальнего Востока их было лишь 57, а в начале 1978 г. — 163. Улучшилась укомплектованность сельских медицинских учреждений врачами. Если в 1965 г. не имело ни одного врача 30 % участковых больниц, то к концу 1977 г. — 18 %³⁰. Все это позво-

лило поднять уровень профилактической работы сельских медицинских учреждений, посещаемость врачами больных на дому. В Алтайском крае, например, число посещений на одного жителя в год увеличилось с 1,9 в 1965 г. до 4,3 в 1977 г., в Новосибирской области — с 2 до 3,9, в Красноярском крае — с 2,4 до 3,8.

В 80-е гг. обеспеченность сельского населения Сибири медицинскими кадрами превысила среднереспубликанский уровень. С 1975 по 1985 г. число врачей на 10 тыс. чел. в сельской местности западной части региона увеличилось на 44 %, восточной — на 58 %, среднего медицинского персонала — на 9 и 18 %. Однако существенного сокращения различий в обеспеченности медицинскими работниками горожан и сельских жителей не произошло. В середине 80-х гг. в городской местности Сибири на 10 тыс. чел. врачей приходилось в 4 раза больше, чем в сельской, а среднего медперсонала — в 2 раза больше. Многие лечебно-профилактические учреждения не были полностью укомплектованы кадрами.

Замедлилось развитие амбулаторно-поликлинической сети. С 1975 по 1985 г. она увеличилась в Западной Сибири на 11 %, а в Восточной Сибири — только на 3 %. Значительная часть этих учреждений размещалась в непригодно оборудованных, недостаточно оборудованных помещениях. К тому же далеко не все сельские труженики обеспечивались медицинской помощью по месту жительства. Паспортизация населенных пунктов, проведенная в 1983—1986 гг. в шести районах Новосибирской области, показала, что более 30 % сел и деревень (в основном мелких) не имели медицинских учреждений, 66,7 % сельских жителей получали медицинское обслуживание на центральных усадьбах сельскохозяйственных предприятий, а 33,3 % — в участковых больницах других населенных пунктов.

²⁹ Трофимов В. В. Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. — М., 1967. — С. 155.

³⁰ Чикин С. Я., Сергеев А. В., Акулов К. И. Здравоохранение в Сибири и на Дальнем Востоке. — М., 1979. — С. 47.

В целом сельское население Сибири посещало врачей почти в два раза реже, чем городское. Такие различия объясняются относительно слабым развитием материальной базы поликлинических учреждений села, их недостаточной обеспеченностью медицинскими кадрами, а также нормативами оказания амбулаторно-поликлинической помощи городскому и сельскому населению. Эти нормативы, составляющие на одного жителя в год 12,5 врачебного посещения для города и 8,3 — для села, становятся ограничивающим фактором развития амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности.

Организационные формы медицинского обслуживания сельского населения, основанные на единых принципах оказания медицинской помощи, имеют свои особенности, связанные с дисперсностью сельского расселения, характером сельскохозяйственного труда, сезонностью сельскохозяйственного производства. К этим особенностям следует прежде всего отнести этапность медицинской помощи. До недавнего времени помощь оказывалась последовательно на трех этапах: сельский участок, включающий фельдшерско-акушерский пункт и участковую больницу; номерная или районная больница вместе с другими районными медицинскими и аптечными учреждениями; организации здравоохранения областного уровня. Сущность этапности обслуживания заключается в том, что обратившиеся в медицинские учреждения получают на вышестоящем этапе медицинскую помощь, которая им не была обеспечена ранее.

Сегодня сельские участковые больницы, в которых фактически отсутствуют условия, необходимые для оказания лечебной помощи на современном уровне, утратили свое значение как самостоятельное звено в медицинском обслуживании сельского населения. Все чаще традиционная трехэтапность уступает место

двухэтапной помощи: районная больница — областные и городские медицинские учреждения. За 1975—1985 гг. число участковых больниц сократилось на четверть. Эта тенденция соответствует общему направлению развития здравоохранения на селе — свертыванию мало-мощных участковых больниц и укрупнению районных лечебных учреждений. Но в условиях Сибири с ее низкой плотностью населения, большими радиусами территории сельских районов, неудовлетворительным состоянием транспортных коммуникаций форсированная реализация такой меры оказалась явно преждевременной (табл. 40).

Сельский участок пока несет большую нагрузку по оказанию медицинской помощи населению. Во всей совокупности обращений в различные медицинские учреждения на фельдшерско-акушерские пункты и участковые больницы приходилась почти такая же доля, что и на районные больницы: 41,6 и 43,9 % соответственно. Обращения в областную больницу составили 9 % и в другие медицинские учреждения — 5,5 %.

Затрудненная территориальная доступность районных больниц для большинства сельских жителей (около 75 %) ограничивает их возможности в получении медицинской помощи. О ее характере можно судить по оценке уровня медицинского обслуживания по месту проживания, включающей: вид имеющегося, который определяет его функции; количество работников, от которых зависит специализация медицинской помощи; уровень квалификации медицинского персонала, определяющий качество медицинского обслуживания. Сочетание различных значений описанных характеристик позволило выделить четыре типа сельских поселений, различающихся по организации здравоохранения: крайне низким уровнем характеризуются села, в которых нет

Т а б л и ц а 40

Распределение сельских жителей по удаленности места проживания от районной больницы, %

Год	Районная больница			
	по месту проживания	на расстоянии, км		
		2—10	11—25	свыше 25
1967	8,5	6,8	28,4	56,3
1972	9,9	6,9	29,4	53,8
1977	11,3	7,9	34,8	46,0
1982	9,9	8,9	37,6	43,8

медицинских учреждений и помощь населению оказывается либо вне места проживания, либо приезжающими по вызову медицинскими работниками; низкий уровень присутствия селам, в которых имеются фельдшерско-акушерские пункты со средним медицинским персоналом и населению оказывается недифференцированная помощь, т. е. все процедуры выявления заболевания, диагностирования, терапии и реабилитации осуществляются медицинскими работниками, не имеющими должной квалификации и специализации; средний уровень отмечен в селах, на территории которых расположены участковые больницы с одним или двумя врачами и населению оказывается неспециализированная помощь; высокий уровень характерен для сел, где имеются участковые или районные больницы и жителям оказывается специализированная медицинская помощь группой медицинских работников с должным разделением занятий (табл. 41). Данные таблицы показывают, что лишь чуть более трети сельского населения Сибири имеет возможность получать по месту жительства медицинскую помощь в районных больницах, которая сравнима по качеству с медицинским обслуживанием в городах.

Ограниченные возможности получения высококвалифицированной медицинской помощи оборачиваются для большинства сельских жителей необходимостью обращаться в населенные пункты с медицинскими

учреждениями более высокого уровня. В случае же трудной их доступности снижается активность сельского населения в удовлетворении потребностей в услугах здравоохранения. Необходимо обращения в другие населенные пункты более выражена у жителей сел первых трех уровней. Из 100 таких обращений в медучреждения 76 приходится на проживающих в селах с крайне низким и низким уровнем обслуживания, 15 — со средним и 9 — с высоким. Среди 100 посетителей медучреждений по месту жительства 57 совершают жители сел первых двух типов, 19 — третьего и 24 — четвертого. Сравнение обращаемости по месту жительства и в другие населенные пункты показывает, что в селах с крайне низким и низким уровнем медицинского обслуживания число обращений в другие населенные пункты преобладает над числом обращений по месту жительства, в то время как в селах с более развитым здравоохранением ситуация обратная. Из всех, кто в 1980—1982 гг. совсем не обращался за медицинской помощью, 70 % составляют жители сел с крайне низким и низким уровнем обслуживания, хотя именно в этих поселениях сосредоточена наибольшая доля людей, оценивших свое здоровье как плохое. В целом доля лиц, совсем не обращавшихся за медицинской помощью в эти годы, составила 30,5 % всей обследованной совокупности сельских жителей. Из них был выделен контингент лиц, необращение которых связано не с хорошим самочувствием, а с другими причинами. К этим причинам можно отнести совокупность факторов.

Первое место по удельному весу среди мотивов необращения занимают такие, которые условно можно назвать «культурными», т. е. лежащими в глубокой традиции сельских жителей «перемогать» болезни, терпеть болезненные состояния во имя первоочередных хозяйствен-

Динамика распределения населенных пунктов и численности населения, проживающего в них, по уровню медицинского обслуживания, %

Год	Уровень медицинского обслуживания							
	крайне низкий		низкий		средний		высокий	
	Населенный пункт	Население	Населенный пункт	Население	Населенный пункт	Население	Населенный пункт	Население
1972	33,8	17,3	53,5	47,3	9,5	20,7	3,2	14,7
1977	29,3	9,5	58,5	47,8	8,8	20,1	3,4	22,6
1982	26,7	5,5	53,3	38,5	13,3	21,6	6,7	34,4

ных задач, купировать их самодеятельными способами (38,5 %). Мотивы этой группы оформлены ответами типа «не считаю свою болезнь серьезной», «лечусь сам». Вторая по значимости группа мотивов обусловлена трудной территориальной доступностью медицинских учреждений — на эту причину указало 15 % респондентов. К этой же группе можно отнести мотив, связанный с большими временными затратами на поездки в медучреждения (8 % опрошенных). Третья группа мотивов не обращения (13,5 %) связана с недостаточно высоким качеством медицинского обслуживания на селе. Как правило, мотивация такого рода вызвана прежними обращениями сельских жителей, когда некомпенсированное или недостаточно компенсированное болезненное состояние, невнимательное, а порой и грубое отношение медицинского персонала закрепило у респондентов недоверие к медицине и стало тем самым поводом для отказа от обращений в лечебные учреждения. Четвертая группа мотивов (11,5 %) обусловлена спецификой сельского образа жизни и сельскохозяйственного труда — сезонностью сельскохозяйственных работ; наличием подсобного хозяйства; менее строгим, чем в городе, режимом труда в общественном производстве; неформальным характером отношений между руководителями и подчиненными, позволяющим в случае болезни «договориться» и отключить-

ся от трудовой деятельности на некоторое время без обращения в медучреждение за освобождением от работы. Наконец в пятую группу мотивов (13,5 %) вошли прочие причины.

На фоне объективных данных об отставании качества медицинской помощи сельскому населению по сравнению с городским в условиях трудной территориальной доступности, неравноценности медицинской помощи, предоставляемой в поселениях с разным уровнем медицинского обслуживания, удовлетворенность жителей села, казалось бы, должна быть достаточно низкой. Однако около 80 % всех, кто пользовался услугами сельского здравоохранения, выражают удовлетворенность им. Чем же можно объяснить этот факт?

На протяжении очень длительного времени сельское население Сибири было лишено какой бы то ни было организованной медицинской помощи. Медицинский контроль за состоянием здоровья имел случайный и нерегулярный характер, и лишь в советский период, особенно с освоением целинных земель, медицинское обслуживание сельского населения Сибири приобрело организованные и массовые формы. Такой характер развития медицинского обслуживания отразился в несформированности потребностей сельского населения в услугах здравоохранения. Поэтому предоставление сельским жителям возможности

пользоваться этими услугами во все расширяющемся объеме высоко расценивается ими даже на том уровне, какой они имеют в периферийных поселках. Кроме того, высказывая в ходе опроса мнение об удовлетворенности медобслуживанием, сельские жители зачастую выражают свое отношение не собственно к здравоохранению, а к тому, кто его персонализирует в данном селе, — врачу, фельдшеру, медсестре и т. п. Работники сельских медучреждений активно включены в систему характерных для села неформальных отношений и оцениваются не как функционеры здравоохранения, а как «хорошие» или «плохие» люди. В большинстве своем они, по мнению сельских жителей, оказываются «хорошими людьми», добросовестно исполняющими свои обязанности.

Можно предположить, что, по мере того как предложение услуг здравоохранения будет расти и расширяться, отношение сельских жителей к медобслуживанию станет более требовательным и число неудовлетворенных им увеличится. Тем не менее треть обследованных высказала ряд претензий к работе медицинских учреждений и к качеству оказываемой помощи.

Основные претензии к медобслуживанию связаны с отсутствием врачей-специалистов (27 % ответов). Далее в убывающем порядке следуют невнимательное и грубое отношение медицинского персонала (21,5 %), трудности в приобретении лекарств и медикаментов (14 %), неправильные, по мнению респондентов, диагностика и лечение (13 %), плохие санитарно-гигиенические условия в медицинских учреждениях (13 %). Отмечаются также недостаток среднего медицинского персонала, отсутствие или нехватка лечебной и диагностической аппаратуры, плохой уход за больными в стационарах, преждевременная выписка на работу, неверное освидетельствование и пере-

освидетельствование трудоспособности.

Важный фактор, ограничивающий пользование сельских жителей услугами здравоохранения, — несоответствие организации медицинской помощи специфике трудовой и бытовой деятельности сельского населения. Как часть единой государственной системы здравоохранения, организация медицинской помощи на селе потенциально рассчитана на обслуживание населения с урбанизированным образом жизни, который позволяет в случае болезни заниматься только лечением. Однако значительные контингенты сельских жителей не имеют возможности пользоваться положением больных, обязанных лечиться и тем самым освобожденных от всех других видов деятельности. Все это способствует «накоплению» болезней у населения, особенно проживающего в периферийных селах, ведет к ухудшению общего состояния здоровья.

В историко-социологических исследованиях проблем здравоохранения важна субъективная оценка здоровья сельскими жителями, ибо в этом случае «индивид имеет в виду весь комплекс своего физического, психического и даже социального состояния. Этими свойствами субъективная оценка отличается от медицинской, которая в первую очередь учитывает физическое состояние организма»³¹. По субъективным оценкам здоровья колхозное крестьянство представляет собой более благополучную группу, чем жители совхозных поселков. Но и среди колхозников более четверти опрошенных оценили свое здоровье как плохое (табл. 42). Структура факторов, по мнению колхозников, вредно влияющих на здоровье, по большинству позиций практически

³¹ Корхова И. В. Здоровье населения как одна из важнейших характеристик народного благосостояния // Проблемы демографической политики в социалистическом обществе. — М., 1982. — С. 40—41.

Таблица 42

Самооценки здоровья жителей совхозных и колхозных поселков (1982 г.), %

Самооценки здоровья	Колхозные поселки	Совхозные поселки	Все сельское население
Хорошее	41,9	32,5	36,7
Среднее	32,7	46,7	40,0
Плохое	25,4	20,8	23,3

совпадает с аналогичной структурой у рабочих и служащих совхозов (табл. 43). У жителей как колхозных, так и совхозных поселков наибольший удельный вес среди действующих факторов приходится на условия труда; лишения прошлых лет жизни, последствия войны; малое количество времени для восстановления сил, связанное с трудовой нагрузкой по ведению личного подсобного хозяйства; плохие отношения в семье, ощущаемые как следствие усилившейся в 70-е гг. алкоголизации населения.

Анализ структуры факторов состояния здоровья свидетельствует о том, что первоочередной задачей сельских учреждений здравоохранения является усиление контроля за условиями труда в колхозах и совхозах. Следует также улучшать профессиональный отбор на рабочие места в сельском хозяйстве, установить постоянное медицинское наблюдение за отдельными профессиональными группами.

Таблица 43

Структура факторов, влияющих на состояние здоровья у жителей колхозных и совхозных поселков юга Западной Сибири (1982 г.), %

Факторы, вредно влияющие на состояние здоровья	Колхозы	Совхозы
Условия труда	34,2	32,1
Малое количество времени для восстановления сил	15,4	13,3
Плохое питание	2,0	1,8
Плохое жилье	2,4	2,3
Ухудшение отношений в семье	11,2	13,7
Возраст	6,0	8,9
Лишения прошлых лет, последствия войны	35,7	37,9
Недостатки медицинской помощи	2,5	6,5
Вредные привычки	1,6	2,3

Исторический опыт показывает, что преодолению различий в медицинском обслуживании жителей города и села способствуют выравнивание нормативов медицинской помощи, повышение качества, укрепление материально-технической базы сельского здравоохранения, приближение специализированных форм лечения к колхозникам и работникам совхозов. Особенно важно усиление контроля за всей системой жизнеобеспечения сельского населения со стороны сельских медицинских служб. Однако эти задачи должны решаться на фоне общего подъема качества услуг здравоохранения в стране.

Глава 8

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРЕВНИ

1. Сельская школа

В формировании образовательного потенциала сельского населения особая роль принадлежит общеобразовательной школе. На селе функции школы более широки и разнообразны, чем в городе. Школа здесь — не только источник знаний, но и форма приобщения подрастающего

поколения к труду, очаг духовной жизни и культуры. Велико влияние сельской школы на закрепление молодежи на селе, на решение его демографических проблем.

К концу 50-х гг. в деревне функционировали школы трех основных типов: начальные, неполные средние и средние. Эта система отражала три важнейших этапа становления

и развития народного образования, на каждом из которых последовательно осуществлялись программы полного охвата детей и подростков сначала начальным, затем семи-, восьмилетним и наконец средним образованием. В 1959 г. в Сибири насчитывалось 17,8 тыс. сельских школ, что составляло около 10 % сельских школ страны. Основная доля — 72,2 % — приходилась на начальные школы, 21,9 % — на семи-, восьмилетние, 5,9 % — на средние.

Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 г., нацеливал на усиление подготовки школьников к общественно полезному труду. На основании этого закона в стране вводилось общее обязательное восьмилетнее образование¹. В первый же год реформы началось преобразование семилетних школ в восьмилетние (оно было завершено к 1 сентября 1962 г.), укрупнение школ за счет ликвидации мелких начальных, а также строительство средних школ. Расширить работу по укреплению учебно-материальной базы школ на селе позволила реализация постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школ» (1960 г.)². В соответствии с ним колхозам выдавали ссуды Сельхозбанка на строительство школ, интернатов, учебных мастерских, предоставляли строительные материалы.

Для решения задач, поставленных Законом о школе, были увеличены государственные ассигнования, привлечены средства из местного бюджета, отчисления колхозов, совхозов и промышленных предприятий. Только за 1959—1961 гг. в Новосибирской области было построено инициативным способом 135 школ

на 13,5 тыс. ученических мест, 59 пришкольных интернатов на 2,5 тыс. мест, введены 102 учебные мастерские, 67 теплиц. В Омской области за это время на средства колхозов, совхозов и промышленных предприятий были возведены 121 школа на 10,5 тыс. мест, 17 школ-интернатов на 600 мест, 20 мастерских, 26 теплиц. В Красноярском крае на колхозные ассигнования построены 52 школы на 7,5 тыс. мест. На Алтае на средства колхозов открыто 313 школ на 44 тыс. мест, на государственные средства — 279 школ на 95,7 тыс. мест³. В Восточной Сибири за 1959—1965 гг. колхозами было построено более 700 пришкольных интернатов, в которых жили и учились дети из отдаленных населенных пунктов.

Во второй половине 60-х гг. развитие сельской школы продолжалось. Колхозы Сибири за 1966—1970 гг. ввели в строй школ на 105,6 тыс. мест. Происходила реорганизация начальных и восьмилетних школ в средние, в результате чего количество последних в регионе увеличилось за эти годы в 1,4 раза. Однако к началу 70-х гг. материальная база сельских школ оставалась слабой, на что указало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» (1973 г.)⁴. В соответствии с этим постановлением была поставлена задача создания, как правило, в каждом совхозе и крупном колхозе средней школы. В Новосибирской области с 1966 по 1977 г. в сельской местности было построено школ примерно на 100 тыс. мест. В селах Омской области за 1971—1985 гг. введено 325 школ на 102 тыс. мест. Колхозы

³ Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти.— Барнаул, 1967.— С. 98; ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 72, д. 7183 г. л. 213, 221.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— 9-е изд.— М., 1986.— Т. 12.— С. 362—369.

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917—1973 гг.: Сб. док.— М., 1974.— С. 53—60.

² Там же.— С. 528—530.

Изменение сети сельских дневных общеобразовательных школ Сибири *

Учебный год	Начальные		Неполные средние		Средние	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1959/60	12861	72,2	3892	21,9	1047	5,9
1970/71	6967	54,8	3797	29,8	1958	15,4
1980/81	3867	41,9	2677	29,0	2683	29,1
1986/87	3759	40,6	2315	25,0	3183	34,4

* В таблицу включены сведения по девяти областям и краям, а также двум республикам Сибири (Бурятия и Тува). Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 72, д. 7344, 7345; ЦАМП РСФСР, ф. 2306, оп. 76, д. 3302; ТАМБ РСФСР, материалы ПФО.

области за эти годы возвели 112 школ на 29 тыс. мест. В 70-е гг. в Сибири ежегодно вводилось в действие сельских школ на 35 тыс. мест. За 1966—1980 гг. колхозы РСФСР построили 42 % всех сельских школ, в 1981—1983 гг. — 26 %⁵. Заменялись аварийные и ветхие здания школ; сокращалось число учащихся, занимающихся во вторую смену. В 80-е гг. большинство школ перешло на одну смену, тогда как в начале 60-х гг. они работали в две и даже в три смены. Строительство новых школ велось в основном на центральных усадьбах колхозов и совхозов. Удельный вес средних школ в структуре общеобразовательных школ увеличился с 5,9 % в 1959/60 уч. г. до 34,4 % в 1986/87 уч. г. (табл. 44). К середине 80-х гг. более половины колхозов и практически все совхозы Омской области имели средние школы.

Реорганизация и строительство общеобразовательных школ в 60—80-е гг. изменили структуру сельских школ Сибири. Объективной основой процесса укрупнения сельских школ явилось не только осуществление среднего всеобуча, но и сокращение числа мелких сел, их присоединение к более крупным. В 1970—1979 гг. в Западной Сибири число мелких сел (до 100 чел.) сокращалось в два раза быстрее, чем в среднем по РСФСР⁶. Укрупнение сельских школ шло параллельно с уменьшением контингента школьников, что привело к падению средней наполняемости школ всех типов. При этом процесс измельчения школы в Сибири протекал гораздо быстрее, чем по РСФСР. Исследование, проведенное на территории зерноживотноводческой зоны Сибири (Алтайский край, юг Красноярского края, Новосибирская, Кемеровская

и Омская области), показало, что если еще в начале девятой пятилетки наполняемость школ всех типов была в среднем выше, чем по республике в целом, то в конце ее положение стало прямо противоположным. В общей численности начальных школ возрос удельный вес однокомплектных с числом учащихся менее 20 чел. (с 49,6 до 75,3 % в РСФСР и с 32,4 до 79,8 % в обследованных районах Сибири). В дальнейшем измельчение школы продолжалось, и к началу 1987/88 уч. г. сельские начальные школы Сибири с числом учащихся до 20 чел. составили от 80,6 % в Иркутской области до 89,3 % в Новосибирской. Неполные средние школы насчитывали преимущественно до 100, средние — до 280 учащихся.

Мелкие, распыленные школы гораздо труднее, чем крупные, обеспечить квалифицированными педагогическими кадрами, кабинетами, спортивными залами и т. п. Поэтому они, как правило, находятся в наиболее неблагоприятных условиях: ютятся в приспособленных и ветхих помещениях, хуже других оборудованы. В результате выпускники малокомплектных школ в целом отстают по уровню знаний и общего

⁵ Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Советская деревня: Труд, быт, досуг. — М., 1986. — С. 189.

⁶ Проблемы социально-экономического развития западно-сибирской деревни. — Новосибирск, 1981. — С. 271.

развития от своих сверстников, получивших образование в крупных сельских школах. Объективная логика педагогических и экономических требований, казалось бы, диктует необходимость быстрее укрупнения сельской школы. Вместе с тем такое укрупнение приходит в противоречие с принципом наименьшей удаленности школ от места жительства детей. Система интернатов, полуинтернатов связана с отрывом детей от семей и с большими дополнительными затратами. Организация ежедневного подвоза детей современными транспортными средствами в условиях Сибири не всегда возможна и недостаточно надежна. И самое главное, ликвидация мелких школ влечет за собой самоликвидацию многих мелких, но важных с точки зрения сельскохозяйственного производства поселков, усиливает отток населения из сельской местности. Так, закрытие Рождественской школы в Сузунском районе Новосибирской области обернулось тем, что 47 механизаторов покинули село. Таким образом, школа на селе выполняет функцию своеобразного системообразующего фактора: есть школа — приложится и все остальное, нет ее — нет и сельского поселения со всеми вытекающими из этого экономическими последствиями. Школа на селе — гарантия дееспособности хозяйства, притока новых рабочих рук и свежих сил.

Разрешение этого противоречия следует искать с учетом в каждом конкретном случае состояния и перспектив социально-экономического развития районов, их географических, демографических и национальных особенностей, пожеланий местного населения. Там, где производственно-экономическая и социальная необходимость обуславливает целесообразность сосредоточения сельского населения в крупных населенных пунктах, создание школы может быть фактором, ускоряющим концентрацию производства и населения. Целесообразно обучать всех

или по крайней мере подавляющее большинство детей в средних школах с первого класса. Однако в ряде случаев следует оставлять малые школы как эффективное средство стабилизации сельского населения и развития сельскохозяйственного производства. И хотя обучение в начальных классах малокомплектных школ стоит в 2—5 раз дороже, чем в таких же классах восьмилетних и средних школ, затраты на малые школы окупают себя, если посмотреть на эту проблему с народнохозяйственных позиций. Урон, который наносится обществу от того, что потомственные хлеборобы покидают деревню, навсегда порывая с укладом жизни, сформировавшим не одно поколение труженников, намного выше той «экономии», которую дает укрупнение школ. Кроме того, в отдаленных пунктах Сибири (животноводческих хозяйствах, леспромпхозах) сохранение малокомплектных школ является производственной необходимостью.

Наконец, многие деятели педагогической науки видят в малых школах большие возможности для личностного подхода в обучении и воспитании, отхода от привычных шаблонов в силу небольшого числа учащихся, наличия тесных контактов между детьми разного возраста, личных связей учеников с учителем. Несмотря на все трудности и проблемы, считают ученые, малокомплектная школа могла бы в принципе идти в авангарде перестройки народного образования, ибо в ней возможен эксперимент с применением педагогики будущего, индивидуального темпа обучения и т. п.

В 60—70-е гг. политика ликвидации так называемых неперспективных деревень нанесла серьезный ущерб и школам: многие из них закрывались под благовидным предлогом их укрупнения и рационального размещения. В результате к концу 80-х гг. многие села не имели своей школы. Так, в Иркутской области, где насчитывалось более

2 тыс. сел, ее не было в каждом третьем из 1,5 тыс. обследованных⁷. В большинстве этих сел не организован подвоз детей к школе.

Строительство школ осуществлялось с большими трудностями: отпущенные на эти цели средства не всегда полностью осваивались из-за нехватки производственных мощностей, строительных материалов. Строительство новых школ в 70—80-е гг. замедлилось, планы его часто не выполнялись. Так, по данным текущего архива Министерства просвещения РСФСР, в 1987 г. план по вводу ученических мест в Красноярском крае был выполнен только на 74,5 %, в Новосибирской области — на 83,7 %. В 80-е гг. сложности усугубились и вследствие общих экономических трудностей в стране, приведших, в частности, к значительному удорожанию стоимости строительства школ. На протяжении десятилетий не сокращалось количество аварийных и требующих капитального ремонта школьных зданий. По состоянию на середину 1989 г., на Алтае 253 здания подлежали сносу, а 294 — капитальному ремонту. Только 51,1 % школ края размещались в типовых зданиях, остальные — в приспособленных. Центральное отопление имели 82 % школ, водопровод — 56, канализацию — 28, горячее водоснабжение — 8 %.

В начале 70-х гг. в селах Сибири только половина учащихся, проживавших на расстоянии 3 км и более от школ, была охвачена интернатами. Положение существенно не улучшилось и к середине 80-х гг. В Алтайском и Красноярском краях, Читинской, Новосибирской и Омской областях потребность в интернатах удовлетворялась лишь наполовину, в Тюменской, Томской и Иркутской — всего на треть.

Слабой остается материально-техническая оснащенность сельских школ. К середине 80-х гг. треть неполных средних школ Омской и Чи-

тинской областей, Алтайского и Красноярского краев не имела кабинетов по физике, химии, биологии. Мало в чем изменился подход планирующих органов к сельской школе с тех времен, когда ее материальная база состояла из глобуса, печек и конюшен с хомутами. Техническое качество школьного оборудования крайне низкое, зачастую оно находится на уровне 50-х гг. За 60—80-е гг. разрыв в уровне материального обеспечения школ разных типов не только не был преодолен, но и не обнаружил устойчивой тенденции к сокращению. Поэтому давно назрела необходимость пересмотреть проблему материально-технического обеспечения сельских школ. В этом отношении характерно свидетельство заведующего Манским районом Красноярского края: «Если бы уровень материально-учебной базы отвечал современным требованиям, то и школа сегодня была бы иной. И учитель — тоже. Пока же страна находится на 25-м месте в мире по состоянию этой самой базы. Наш район сегодня по лимитам крайонополучает всего-то навсего 600 кг краски! Более солидное доказательство нашей бедности: стоимость компьютерного класса — 400 тыс. рублей, а у нас по так называемой двенадцатой статье идет на весь район меньше ста тысяч»⁸. Таким образом, остаточное отношение к земле, к деревне переносилось и на сельскую школу, экономическая необеспеченность которой в сочетании с бесхозяйственностью привела ее к материальному обнищанию.

В рассматриваемый период государственная политика в области образования была направлена на осуществление первоначально всеобщего восьмилетнего⁹, а потом и средне-

⁸ Красноярский рабочий. — 1988. — 4 мая.

⁹ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» // Справочник партийного работника. — М., 1967. — Вып. 7. — С. 278—287.

⁷ Правда. — 1988. — 10 сент.

го образования¹⁰. Это способствовало увеличению контингента учащихся старших классов. Кроме того, на изменение численности и структуры контингента повлияли и демографические процессы. Резко возросла численность учащихся в начале 60-х гг. Общее число учащихся сельских школ в Сибири за 1959—1965 гг. увеличилось на 31 %, в РСФСР — на 37 %. Это было обусловлено тем, что относительно малочисленное поколение, родившееся в годы войны, к началу 60-х гг. закончило обучение. В школу приходило поколение послевоенных лет, когда в стране отмечался высокий уровень рождаемости. Увеличение общей численности школьников происходило за счет начальных классов. С середины 60-х гг. началось постепенное сокращение численности учащихся сельских школ; с 1970 г. сокращение контингента учащихся наблюдалось не только в сельских школах, но и в городских и было характерно в целом для РСФСР. За 1970—1980 гг. численность учащихся сократилась в сельских школах Западной Сибири на 43,3 %, Восточной Сибири — на 35,2, РСФСР — на 40,3 %. В 80-е гг. этот показатель в целом стабилизировался (табл. 45).

Основным демографическим фактором, повлиявшим на сокращение количества школьников, явилось падение рождаемости в 60-е гг. во всех экономических районах. Самыми высокими в РСФСР темпами снижения рождаемости характеризовалась Западная Сибирь. Уменьшению численности сельских учащихся Сибири способствовала также миграция сельского населения. Наибольшие темпы уменьшения численности сельских учащихся Сибири в 70-е гг. отмечены в тех областях, где наблюдалось максимальное сокращение населения.

¹⁰ Материалы XXIII съезда КПСС.— М., 1966.— С. 194; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1972 г.) «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» // КПСС в резолюциях...— Т. 12.— С. 225—232.

К середине 70-х гг. почти вся молодежь соответствующего возраста заканчивала восемь классов. Так, в 1976 г. в РСФСР удельный вес учащихся, своевременно закончивших восьмилетнюю школу, от числа обучавшихся в первом классе восемь лет назад составлял 95,7 %, а в 1987 г.— 98,0, в Западной Сибири — 98,1, в Восточной Сибири — 98,0, в том числе в сельской местности в целом по Сибири — 96,9 %. В 1987 г. среднюю общеобразовательную школу окончили из поступивших в нее в 1977 г. в селах Западной Сибири 98,7 %, Восточной Сибири — 98,2 % (РСФСР — 98,5 %).

Важной формой повышения общеобразовательного уровня труженников села являлись вечерние и заочные школы. В 1958/59 уч. г. в Сибири в школах сельской молодежи и самостоятельных классах при общеобразовательных школах обучалось 19 тыс. чел., работавших на селе, из них более 51 % — в 8—10-х классах. В 1965/66 уч. г. вечерней формой обучения было охвачено уже 32,6 тыс. сельских труженников, а включая заочные формы обучения, — около 96 тыс. чел.¹¹ В последующие годы роль вечерней и заочной школ изменилась. Осуществление восьмилетнего всеобщего, введение всеобщего среднего образования привели к сокращению в них учащихся 5—8-х классов — вечерняя и заочная школы стали преимущественно школами старшеклассников.

В 70—80-е гг. абсолютное большинство выпускников 8-х классов продолжало учебу в различных учебных заведениях, дающих среднее образование. В Сибири в середине 70-х гг. примерно 12 % выпускников 8-х классов получили среднее образование в ПТУ, в начале 80-х гг. каждый второй квалифицированный колхозник был выпускником ПТУ. В 1985 г. в целом по стране, по данным текущего архива

¹¹ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 72, д. 7344—7345; оп. 76, д. 930—931.

Динамика численности учащихся сельских школ Сибири, тыс. чел.*

Регион	1959 г.	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1987 г.
Западная Сибирь	902,7	1233,5	1095,4	620,6	636,3
Восточная Сибирь	460,8	735,7	651,0	421,8	433,6
РСФСР	7971	10 885	10 217	6108	5376

* Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 72, д. 7344, 7345; ЦАМН РСФСР, ф. 2306, оп. 76, л. 3302; ГАМН РСФСР, материалы ПФО.

Министерства просвещения СССР, выпускники 8-х классов распределялись следующим образом: 57,2 % перешло в 9-е классы дневных общеобразовательных школ, 12,8% — в специальные средние учебные заведения, 5 % — в вечерние и заочные школы.

Переход к восьмилетнему, а затем к среднему всеобучу повысил потребность сельских школ в квалифицированных учительских кадрах. В 60-е гг. сельские школы Сибири испытывали дефицит педагогов с высшим специальным образованием по всем учебным дисциплинам. Этот дефицит был ослаблен в последующие полтора десятилетия в результате значительного расширения контингента студентов педагогических вузов Сибири, особенно за счет выходцев из сельской местности. Если в 1969 г. в педвузах Западной Сибири обучалось 50,3 % студентов из села, то в 1975 г. — уже 59; в педучилищах — соответственно 66,2 и 67,8 % учащихся из села. В середине 80-х гг. Омский педагогический институт принимал на первый курс 60 % жителей сельской местности, в том числе 27 % по внеконурсному набору. В 70—80-е гг. недоставало учителей по таким учебным дисциплинам, как трудовое обучение, художественное и физическое воспитание, а также учителей начальных классов. По главному показателю квалификации сельских учителей — уровню образования — Сибирь отставала от среднесоюзных показателей: доля сельских учителей на-

чальных классов, имеющих высшее образование, составляла в 1980 г. в среднем по Сибири 8,7 %, а по стране — 26,5 %.

Однако в целом за 1959—1985 гг. произошло значительное повышение уровня образования сельских учителей. В 1959 г. в Сибири количество учителей с высшим образованием в селе было почти в два раза меньше, чем в городе (17 и 30,8 % соответственно). В 1980 г. оно составляло в селе уже 59,7 %, в городе — 68,2 %. В эти годы темпы роста числа учителей с высшим педагогическим образованием в селе были выше, чем в городе.

Заметны различия между областями Сибири по уровню образования преподавателей. Например, в 1980 г. наибольший удельный вес учителей-предметников с высшим образованием приходился на сельские школы Тюменской области (90,8 %), наименьший — Новосибирской (64 %) и Омской (70,5 %) областей. Во второй половине 80-х гг. образовательный уровень учителей 4—10-х классов гуманитарных и естественно-математических предметов городских и сельских школ почти сравнялся. В 1987/88 уч. г. в РСФСР удельный вес учителей с высшим образованием составлял 99 % в городе и 96 % на селе; в Сибири этот разрыв был меньше в Читинской, Тюменской областях, но значительно больше в Новосибирской области (соответственно 99,6 и 91,5 %).

Изменялась возрастная структура сельского учительства Сибири. Уве-

личивалась доля «кадровых» учителей (педагогический стаж свыше 25 лет), их удельный вес за 60—70-е гг. вырос в 3 раза, составив к началу 80-х гг. свыше 15 %. Заметно снизилась доля молодых учителей (педагогический стаж до 5 лет), они составляли к началу 80-х гг. четверть всех учителей. Группа молодых сельских учителей всегда была наиболее мобильной — не успеет молодой учитель приобрести необходимый опыт, он либо уходит из села, либо меняет профессию. В 70-е гг. самой профессионально неустойчивой группой стали учителя начальных классов. Отток педагогической молодежи из села был связан, в частности, с трудностями создания семьи. Социологические обследования сельских учителей показали, что среди городских учителей лишь 24 % не имели своих семей, а среди сельских — около 40 %¹². В 1988 г. из сельских школ Новосибирской области выбыло 455 учителей.

Текущая педагогических кадров в сельских школах Сибири была обусловлена причинами, связанными прежде всего с неудовлетворительными условиями быта молодых педагогов. В 1968 г. площадь менее 9 м² на одного члена семьи имели 81,1 % обследованных сельских учителей Новосибирской области. К 1978 г. это число сократилось до 56,5 %. К началу 1989 г. 618 сельских учителей области нуждались в улучшении жилья, из них 148 проживали на частных квартирах, 122 — в общежитиях и школьных интернатах. Заработная плата работников народного образования составляла в середине 80-х гг. около 80 % средней зарплаты рабочих и служащих народного хозяйства¹³.

Сельская школа Сибири недосчитывалась учителей многих дисциплин.

¹² Борисова Л. Г. Сельская школа: Проблемы и перспективы.— М., 1978.— С. 41.

¹³ Рассчитано по данным: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник.— М., 1987.— С. 431.

Поэтому часть общеобразовательных предметов или не изучалась деревенскими школьниками вовсе, или изучалась на примитивном уровне. Ежегодная нехватка учителей вынуждала замещать вакансии по многим предметам студентами педагогических институтов, а то и вчерашними десятиклассниками. Все это не могло не сказаться на качестве обучения и воспитания учащихся сельских школ, которое ниже, чем в городских школах. Анализ контрольных работ, проведенных Министерством просвещения РСФСР в 1974 и 1977 гг. в городских и сельских школах одних и тех же областей, в том числе сибирских, показал, что отставание сельской школы довольно устойчиво. В 1974 г. не справились с контрольными работами министерства по русскому языку 28 % учащихся 3—8-х классов сельских и 15 % — городских школ, по математике — соответственно 48 и 24 %. В этом же году в вузы страны поступило всего 9 % выпускников сельских школ. Как показали экзаменационные сочинения, в городе в 1977 г. десятиклассников, недостаточно доказательно раскрывших тему сочинения, было 28,5 %, а на селе — 40,3 %.

Низким оставался уровень знаний и в 80-е гг. Примерно каждый пятый восьмиклассник не мог сдать вступительные экзамены в техникум и каждый четвертый выпускник средней школы — в вуз. Оценок, полученных в школе, не подтверждали более 50 % учащихся, а среди первокурсников профтехучилищ 70—80 % не справлялись с простыми заданиями по общеобразовательным предметам за курс восьмилетней школы. На качестве знаний сказывается и консерватизм самих учителей, стремление к стандартизации школьной жизни, боязнь лишних хлопот на путях поиска новых подходов к процессам воспитания и обучения.

В конце 50-х гг. был пересмотрен подход к организации трудового обучения: в общеобразовательной шко-

ле вводилась профессиональная подготовка. В ходе осуществления реформы в сельских школах стали готовить механизаторов, электромонтеров, птицеводов, строителей и т. д. В Алтайском крае проводились семинары руководителей школ, колхозов, совхозов, велось производственное обучение учителей на базе местных СПТУ. В Новосибирской области органы сельского хозяйства и народного образования разработали программы обучения сельскохозяйственным профессиям. В Красноярском крае была сделана попытка обучать ребят профессиям непосредственно в мастерских, на фермах колхозов и совхозов. В 1966 г. свидетельство о получении профессии было вручено 19,5 тыс. выпускников 10—11-х классов сельских школ Сибири, что составило 61 % всего выпуска.

Наиболее распространенной формой приобщения школьников к сельскохозяйственному производству оказались ученические производственные бригады, первые из которых были созданы в областях и краях Сибири еще в конце 50-х гг. За каждой бригадой закреплялся земельный участок, на котором школьники выполняли весь комплекс работ, начиная с подготовки посева и кончая уборкой урожая. На Алтае за 1960—1965 гг. число производственных бригад увеличилось со 100 до 527, в Красноярском крае — с 250 до 367. В начале 1966/67 уч. г. в селах Сибири насчитывалось 450 школ с профессиональной подготовкой, где опытническую работу вели свыше 200 тыс. учащихся, а около 183 тыс. школьников работали в ученических производственных бригадах.

Однако к середине 60-х гг. наряду с положительным опытом в работе ученических производственных бригад выявились и негативные стороны. Невысокий уровень механизации работ по выращиванию трудоемких пропашных культур, к которым привлекались школьники, снижал педагогическую и экономиче-

скую эффективность деятельности ученических бригад. Редкие школы имели стационарные полевые станы для размещения учащихся в летнее время. Школьники подчинялись непосредственно бригадирам полеводческих бригад, которые не имели соответствующего образования и практических навыков для работы с учащимися, относились к школьникам как ко взрослым работникам, не учитывая их возрастных особенностей. Такое отношение приводило нередко к физическим перегрузкам учащихся. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (1966 г.) отмечалось, что распространившаяся практика отвлечения учащихся в учебное время на сельскохозяйственные и другие работы, непосредственно не связанные с учебным процессом, ведет к перегрузке школьников и наносит серьезный ущерб качеству обучения и здоровью детей. Вместо обязательной профессиональной подготовки учащихся в средних школах рекомендовалось проводить профессиональное обучение при наличии к тому условий и за счет времени, выделяемого по учебному плану на трудовую подготовку школьников, а также в порядке кружковой и других форм внеклассных занятий.

Во второй половине 60-х гг. темпы роста ученических производственных бригад замедлились. Основное внимание в сельских школах стали уделять обучению старшеклассников механизаторским специальностям. Совет Министров РСФСР в 1969 г. принял постановление «Об организации обучения учащихся сельских средних общеобразовательных школ работе на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах», которое нацеливало на расширение подготовки механизаторов в школах¹⁴. В 1972 г. в

¹⁴ СП РСФСР.— 1969.— № 16.— Ст. 88.

Сибири насчитывалось свыше 1085 школ с производственным обучением, где 64,4 тыс. старшеклассников овладевали механизаторскими профессиями, а 14 % выпускников сельских школ, аттестованных по механизаторским специальностям, пришли работать в сельское хозяйство. В середине 70-х гг. изучение техники вошло в обязательную программу полного среднего образования для сельской молодежи. В 1975 г. всеми формами технической подготовки в Алтайском крае, Омской, Томской и Тюменской областях было охвачено 150 тыс. юношей и девушек. Кроме того, с середины 60-х гг. стали создаваться школьные лесничества как новая форма трудового обучения. Для охраны и ухода за лесом за учащимися закреплялись большие лесные массивы. По итогам Всероссийского смотра ученических производственных бригад и школьных лесничеств, состоявшегося в 1969 г., 18 бригад и 12 лесничеств Сибири были отмечены в числе лучших.

В 70-е гг. работа старшеклассников во время летних каникул в производственных ученических бригадах продолжалась. В сельских школах получили распространение комплексные бригады, которые проводили циклы работ в различных отраслях сельского хозяйства. Уже к 1974 г. 96 % сельских школьников Алтая 8—10-х классов стали членами ученических бригад и школьных лесничеств. В 1975 г. здесь функционировало 519 бригад, 120 лесничеств, а также 525 лагерей труда и отдыха. Практически все сельские школы имели свои трудовые подразделения.

Во второй половине 70-х гг. в условиях завершения перехода ко всеобщему среднему образованию произошла определенная активизация трудового обучения, постепенно вводились, прежде всего в сельских школах, элементы начальной профессиональной подготовки. Там, где работа по профориентации велась

систематически, в органическом единстве с механизацией сельскохозяйственного производства и общим подъемом культуры и быта села, успешно решалась и проблема кадров, менялось само отношение молодежи к работе в деревне. Интересен в этом отношении опыт, накопленный в Омской области. В Полтавском районе совместными действиями руководства совхоза «Еремеевский» и средней школы был создан учебный комплекс по трудовому и производственному обучению, ведущие специалисты хозяйства закреплены за школьным курсом производственного обучения, созданы школьные мастерские. За 20 лет школа подготовила 538 механизаторов, 157 шоферов, 387 мастеров машинного доения. Многие выпускники школы, прошедшие через ученическую производственную бригаду, стали квалифицированными механизаторами, прекрасными специалистами и организаторами. В такой бригаде началась трудовая биография Героя Социалистического Труда А. Г. Кривко, главного агронома совхоза В. И. Сырещикова, главного экономиста В. С. Кузько и др. Выпускники школы в середине 80-х гг. составляли почти 40 % работающих в совхозе. Так совхоз полностью обеспечил себя кадрами. Более 30 % выпускников школ работали в своих хозяйствах в других районах области. 50 сельских школ области имели комплексы по трудовому обучению, 302 ученические бригады объединяли около 40 тыс. чел. Каждая четвертая средняя сельская школа имела комплекс по трудовому обучению. В середине 80-х гг. в области школьниками ежегодно производилось продукции более чем на миллион рублей¹⁵. Это был общественно полезный труд с ясно видимыми конечными результатами.

Передовые хозяйства Сибири в

¹⁵ Манякин С. И. Сибирь далекая и близкая.— М., 1985.— С. 212—227; Земля сибирская, дальневосточная.— 1988.— № 9.— С. 4.

80-е гг. взяли курс на создание системы «детский сад — школа — хозяйство». Она успешно функционирует в совхозах «Екатеринославский» Омской области, Большегуринский Красноярского края и др. Многие хозяйства имеют условия для общественно полезного труда — в них созданы кабинеты профориентации, межшкольные учебно-производственные комбинаты и др.

Однако далеко не везде материально-техническая база отвечает современным требованиям производственного обучения. К тому же опыт передовиков народного образования не стал еще достоянием большинства школ и хозяйств, а физический производительный труд на современной политехнической основе не занял соответствующего места в деятельности всех общеобразовательных школ. Результативность трудового обучения и воспитания оказалась невысокой. Именно этим объясняется повышенная ориентация старшеклассников сельских школ Сибири на умственный труд, на вуз, на жизнь и работу в городах. Так, среди выпускников сельских школ Новосибирской области, которые опрашивались в конце 60-х — начале 80-х гг., выражали желание избрать профессии, связанные с сельским хозяйством, в среднем немногим более 5 %.

К началу 80-х гг. произошли существенные изменения в развитии сельской школы: школы укрупнились, увеличился процент квалифицированных учительских кадров на селе, укрепилась в известной мере учебно-материальная база школ. Однако повышение качества школьного образования осуществлялось в эти годы, как и раньше, путем увеличения объемов педагогического и учебного труда. Общеобразовательная школа двигалась в основном по «экстенсивному» пути. Поэтому назрела настоятельная и объективная необходимость резко повысить эффективность школьного образования. На решение этой задачи была на-

правлена реформа школы 1984 г.

Принятое 12 апреля 1984 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда»¹⁶ предусматривало включение учащихся в систематический посильный для них общественно полезный труд. Предполагалось, что к окончанию средней школы учащиеся должны овладеть определенной профессией. Трудовое воспитание в сельской школе рассматривалось как средство удовлетворения потребности села в трудовых ресурсах.

Благодаря реформе произошли определенные позитивные изменения в содержании и методах образования, в трудовом воспитании школьников. Однако кардинальных перемен реформа не дала. На страницах печати указывалось на то, что реформа «буксует», увязла в многочисленных проблемах. Неудовлетворительный ход проведения реформы отметил XXVII съезд КПСС.

Анализ трудностей и тормозящих факторов, с которыми столкнулась реформа, был дан на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, где обсуждался вопрос «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению»¹⁷. Пленум подчеркнул, что эволюционный характер реформы вошел в противоречие с революционной сутью перестройки общества. Рожденная до апреля 1985 г., реформа представляла собой попытку перемены прежними методами только в одной сфере социальной жизни — в сфере образования, которая, как считалось, нуждалась лишь в некотором усовершенствовании. Отсутствии экономических рычагов повышения качества педагогического

¹⁶ Справочник партийного работника.— М., 1985.— Вып. 25.— С. 384—389.

¹⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 года.— М., 1988.— С. 11—14.

труда в конечном итоге привело к пробуксовке школьной реформы, неудачи которой во многом связаны с тем, что ее пытались осуществить сверху. Реформа подтолкнула школу к развертыванию массовой профессиональной подготовки старшеклассников по простейшим специальностям. Во многих сельских школах работа по профессиональной ориентации сводилась к обучению одной-двум профессиям. В массовых масштабах, например, шла подготовка к работе на тракторе. Итогом такого утилитарного подхода явились тысячи получивших удостоверение трактористов и лишь сотни оставшихся работать в своих хозяйствах.

Важнейшим условием оздоровления всей обстановки в системе просвещения является устранение разрыва между провозглашенным всеобщим обязательным средним образованием и фактическим уровнем подготовки большинства учащихся. В своем стремлении добиться всеобщего среднего образования школа резко снизила требования к учащимся, к их общему образовательному уровню. Поэтому в современных условиях первоочередная задача состоит в повышении качества знаний. С этой задачей тесно связан вопрос об организации и отладке системы профессиональной ориентации. Неудача многолетних попыток средней школы профессионально подготовить своих выпускников выявила, что в силу специфики ей это просто не под силу. Расходы государства на профессиональное обучение школьников в большинстве случаев себя не оправдали. Без соответствия интересам учащихся труд превращался в тяжелую и неприятную обязанность. Учитывая, что большинство школ не имеют ни базы, ни кадров, ни времени для обучения молодежи сложным, перспективным профессиям, февральский Пленум счет целесообразным снять со школы обязанность массовой профессиональной подготовки учащихся и дать ей возможность сконцентрироваться на

обеспечении высокого качества общего образования и трудового воспитания молодежи. В целях укрепления трудового начала в школе предусматривается развитие сети учебно-производственных комбинатов, школьных мастерских, ученических бригад и участков на производстве. Школа должна стать важным звеном разветвленной государственной службы профессиональной ориентации молодежи. Обучение рабочим профессиям признано целесообразным осуществлять по желанию учащихся и родителей и по мере создания необходимых условий.

Работники народного образования с удовлетворением встретили материалы февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, которые, по свидетельству директора Пановской средней школы Крутинского района Омской области, «нам ничего не навязывают, не регламентируют, не указывают, а дают общее направление»¹⁸. Устранение разрыва между состоянием образования и запросами жизни на новом этапе перестройки — решающее условие оздоровления всей обстановки в системе просвещения. Путь к цели — предоставление права на творчество, на эксперимент, интенсификация учебно-воспитательного процесса. В докладе первого секретаря Новосибирского обкома партии на пленуме областного и городского комитетов КПСС говорилось: «Поощрять поиск, поддерживать начинания, развивать творчество и реализовывать находки, направленные на интенсификацию учебного процесса, развитие индивидуальных способностей учащихся, — ключевое направление продвижения вперед школьного дела»¹⁹.

Все большее внимание общественности привлекает к себе сельская школа. В декабре 1988 г. в редакции газеты «Советская Россия» был проведен «круглый стол» о путях развития сельской школы, участниками которого, в частности, были и сибир-

¹⁸ Омская правда.— 1988.— 26 апр.

¹⁹ Советская Сибирь.— 1988.— 7 апр.

ряки. На Всесоюзном съезде работников народного образования, который работал в декабре 1988 г., отмечалось, что школа — важнейший фактор жизни и развития села, сохранения народных традиций, народной культуры. Чтобы поднять село, решить кадровые проблемы, надо прежде всего позаботиться о сельской школе, ее материально-техническом обеспечении, направить в село квалифицированного учителя, создать ему условия для жизни. В резолюции съезда отмечалось, что задачи преодоления отставания сельской школы решаются крайне медленно. В начале 1989 г. коллегия Госкомитета по народному образованию СССР обсудила вопрос «О первоочередных мерах по укреплению сельской школы», наметила первоочередные и долгосрочные мероприятия в этом направлении и постановила разработать комплексную общественно-государственную программу «Сельская школа»²⁰. Сельская школа должна функционировать в каждом населенном пункте и развиваться как духовный центр, объединяющий усилия, материальные и финансовые ресурсы народного образования, учреждений культуры, профсоюзов, спортивных организаций.

2. Изменение образовательного уровня сельского населения

Развитие сельской школы стало главной предпосылкой, определившей значительное повышение образовательного уровня населения. К концу 50-х гг. общая грамотность сельского населения почти достигла уровня грамотности горожан. Однако по уровню образования сельское население все еще существенно отставало от городского. Динамика образовательного уровня городского и сельского населения показана в табл. 46.

К началу 70-х гг. произошло заметное сокращение удельного веса

²⁰ Учительская газета. — 1989. — 16 февр.

лиц, не имевших начального образования, а также увеличение доли лиц со средним (полным и неполным) образованием. Но, несмотря на значительное сокращение численности лиц без начального образования, их доля в сибирской деревне продолжала оставаться довольно большой (31 % в Западной Сибири и 28 % в Восточной Сибири). Абсолютный рост группы лиц с начальным образованием объясняется демографическими факторами: к 70-м гг. на селе значительно увеличился удельный вес детей 8—12 лет. В целом группа лиц с начальным образованием стала в 1970 г. самой многочисленной и составляла в сибирской деревне 40 %.

Динамичным был в 60-е гг. и рост образования занятого населения (табл. 47). Резко сократилась группа лиц, имевших образование ниже начального, удельный вес всех групп с образованием выше начального возрос. В начале 60-х гг. занятое население сибирского села лишь незначительно отставало от населения СССР и РСФСР по уровню общего образования, в то же время опережало его по уровню специального. В конце 60-х гг. произошел резкий скачок в уровне образования молодежи. Так, лишь десятая часть молодых работающих сельчан (до 30 лет) в начале 70-х гг. имела образование ниже неполного среднего. Об этом свидетельствуют, в частности, данные социологических опросов, проведенных в Новосибирской области, %²¹:

Уровень образования	1967 г.	1972 г.
Высшее и незаконченное высшее	3,3	3,5
Среднее специальное	8,5	18,2
Среднее общее	8,6	12,0
Неполное среднее	46,5	55,3
Начальное	29,0	10,0
Ниже начального	4,1	1,0

Полное среднее образование и выше в 1967 г. имел только каждый пятый работающий в возрасте до

²¹ Проблемы социально-экономического развития западно-сибирской деревни. — С. 113.

Динамика уровня образования населения *

Уровень образования	Число лиц с образованием на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше							
	Городское население				Сельское население			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1970 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1970 г.
СССР								
Высшее и полное среднее **	217	329	484	147	72	122	248	203
Неполное среднее	252	263	239	91	184	210	244	116
Начальное	298	250	198	79	321	354	337	95
РСФСР								
Высшее и полное среднее **	208	311	466	150	74	110	218	198
Неполное среднее	250	274	254	93	174	210	258	123
Начальное	312	257	197	77	339	365	334	92
Западная Сибирь								
Высшее и полное среднее **	166	264	431	163	62	97	226	233
Неполное среднее	245	278	265	95	153	195	265	136
Начальное	324	279	207	74	361	397	329	83
Восточная Сибирь								
Высшее и полное среднее **	168	270	Нет свед.	—	74	115	246	234
Неполное среднее	252	285	»	—	160	206	272	132
Начальное	332	284	»	—	356	397	331	83

* Таблица составлена по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. — М., 1972. — Т. 3: Уровень образования населения СССР. — С. 206—207, 255—256, 263—264; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М., 1984. — С. 26—27, 42—44. Данные по Сибири за 1979 г. — расчетные.

** Включая незаконченное высшее и среднее специальное образование.

30 лет, в 1972 г. — каждый третий. К началу 60-х гг. уровень образования колхозников, занятых в общественном производстве, в Сибири был в 2 раза ниже уровня образования рабочих города: в Западной Сибири у мужчин — в 1,8 раза, у женщин — в 2,1 раза; в Восточной Сибири — соответственно в 2,1 и 2,4 раза. Основной источник таких различий — это различия между городским и сельским населением. Однако и в самом селе сельскохозяйственные рабочие были заметно более образованными, чем колхозники. Так, по доле имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование они превосходили последних в Западной Сибири в 1,4 раза и в Восточной Сибири — в 1,7 раза. В Западной Сибири трудились в общественном производстве, не имея образования в объеме

неполной средней школы, 826 колхозников и 847 колхозниц, в Восточной Сибири — соответственно 843 и 866 чел. из каждой тысячи работающих на селе. И хотя к началу 70-х гг. удельный вес колхозников Сибири с высшим и средним (полным и неполным) образованием увеличился, возрос и разрыв между ними и рабочими по этому показателю: в числе рабочих высшее и среднее (включая неполное) образование имела приблизительно половина, а в числе колхозников — только треть, причем колхозные кадры сибирских сел были менее образованны, чем в других регионах республики. К тому же оставалась значительная дифференциация по этому показателю и между административными районами сибирского края: от 293 до 325 колхозников на каждую тысячу в Западной Си-

Динамика уровня образования занятого населения *

Уровень образования	Число лиц с образованием на 1000 чел. занятых							
	Городское население				Сельское население			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1970 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1970 г.
СССР								
Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	167	237	327	138,0	59	95	151	158,9
Среднее общее	94	192	291	151,6	36	106	248	234,0
Неполное среднее	303	319	245	76,8	221	298	294	98,7
Начальное	307	192	117	60,9	352	338	253	74,8
РСФСР								
Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	163	231	321	139,0	65	101	160	158,4
Среднее общее	84	170	266	156,5	32	80	182	227,5
Неполное среднее	304	336	268	79,8	216	305	324	106,2
Начальное	326	206	125	60,7	383	363	279	76,8
Западная Сибирь								
Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	138	202	299	148,0	66	97	167	172,2
Среднее общее	67	145	244	168,3	26	66	175	265,1
Неполное среднее	302	347	290	83,6	192	279	318	114,0
Начальное	354	237	144	60,7	419	395	279	70,6
Восточная Сибирь								
Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	138	201	299	148,8	76	112	169	150,9
Среднее общее	69	148	250	168,9	30	75	174	232,0
Неполное среднее	299	347	292	84,1	194	280	325	116,1
Начальное	357	236	137	58,0	406	376	274	72,9

* Таблица составлена по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.— Т. 3.— С. 408—409, 457—458, 465; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.— С. 47—48. Данные по Сибири за 1979 г.— расчетные.

бири и от 268 до 333 — в Восточной Сибири (по РСФСР в целом — 360 чел.)²². Увеличение разрыва в уровне образования колхозников и рабочих было следствием роста различий по этому показателю между городскими и сельскими работниками в целом, поскольку различия между рабочими совхозов и колхозниками к началу 70-х гг. стали уже незначительными. Одной из причин этого было массовое преобразование

колхозов в совхозы, начавшееся с конца 50-х гг.

За 70-е гг. на селе значительно увеличилась доля лиц с высшим и полным средним образованием, при этом рост здесь шел более быстрыми темпами, чем в городе (см. табл. 46). По абсолютному значению этого показателя Сибирь отставала лишь от союзного уровня, в то же время значительно опережая как СССР, так и РСФСР по темпу его роста. Однако образовательная структура занятого сельского населения Сибири в этот период в отличие от конца 50-х гг. стала менее

²² Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года.— М., 1972.— Т. V.— С. 86—115.

благоприятной, чем в селах республики и страны в целом (табл. 47).

В 70-е гг. удалось существенно сблизить уровень образования городского и сельского населения. По переписи 1979 г., из каждой тысячи человек, занятых в народном хозяйстве страны, имели высшее и среднее (полное и неполное) образование на селе — 693, в городе — 863 чел. За 20 лет (1959—1979 гг.) на селе численность работников с высшим и средним образованием (в расчете на 1 тыс. занятого населения) увеличилась в 2,2 раза²³. В регионе на 1 тыс. занятых в народном хозяйстве приходилось меньше работников с высшим и средним (полным и неполным) образованием, чем в целом по стране (в селах Западной Сибири — 660 чел., Восточной Сибири — 668, в городах — соответственно 833 и 841 чел.). При этом разница в уровне образования городского и сельского населения была одинаковой в Сибири и СССР.

Данные социологических обследований, проведенных в селах Новосибирской области, позволяют судить об уровне образования сельского населения. Они показывают резкое повышение удельного веса образованных и снижение малообразованных в общей численности работающего населения и тем не менее свидетельствуют о том, что в начале 80-х гг. доля лиц с полным средним образованием и выше составляла чуть более трети сельских работников Новосибирской области. За период с середины 60-х до начала 80-х гг. существенно вырос уровень общего образования колхозников, среди которых доля имевших образование не ниже неполного среднего увеличилась в 2,4 раза (с 27 до 65 %). Сократился разрыв по этому показателю между колхозниками, рабочими и служащими совхозов (табл. 48).

Образовательный уровень людей повышается на протяжении всей их жизни. За три пятилетних периода (с 1967 по 1982 г.), когда проводились обследования, в образовании молодого поколения конца 60-х гг. произошел существенный скачок: повысили свою общеобразовательную и профессиональную подготовку 32 % колхозников и 25 % сельских рабочих и служащих²⁴. Большую роль здесь сыграли переход к обязательному среднему образованию и введение ряда льгот для сельской молодежи при поступлении в учебные заведения, обеспечение ее стипендиями во время учебы за счет колхозов и пр. Так, если в 1972 г. полное среднее образование и выше имела только треть работающих в возрасте до 30 лет, в 1977 г. — половина, то в 1982 г. — две трети. Результаты были бы еще более впечатляющими, если бы не миграционный отток из села в город наиболее образованных кадров.

Важную роль в повышении уровня образования работников села играет система вечернего и заочного обучения. На базе материалов социологических обследований западносибирского села можно проследить за тем, как изменилось отношение работников к совмещению работы с обучением (табл. 49). За 15-летний период доля обучающихся без отрыва от производства среди работников в возрасте 16—45 лет возросла с 3,4 до 5,5 %, причем в 1977 г. достигла 6,2 %. Доля планирующих повысить свое образование также была наиболее высокой в 1977 г. (24 %). Этот год вошел в период широкого развертывания массового среднего всеобуча. Так, с 1971 по 1975 г. число вечерних (сменных) школ по Новосибирской области возросло в городах и поселках городского типа с 89 до 109, в селах — с 15 до 47, соответственно этому чис-

²³ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М., 1980. — С. 21.

²⁴ Сравнивалась группа 16—25-летних работников в 1967 г. с группой 31—40-летних в 1982 г., т. е. с тем же поколением по прошествии 15 лет.

Образование работающего сельского населения, % *

Уровень образования	Колхозники			Рабочие и служащие			В том числе работающие в растениеводстве и животноводстве			
	1967 г.	1982 г.	1982 г. в % к 1967 г.	1967 г.	1982 г.	1982 г. в % к 1967 г.	колхозники		рабочие и служащие	
							1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.
	Высшее и незаконченное высшее	1	4	400	3	8	267	0,5	2	1
Среднее специальное	3	7	233	8	17	213	2	5	4	10
Полное среднее	2	21	1050	4	20	500	1,5	16	2	16
Неполное среднее	21	33	157	28	33	118	20	34	24	37
Начальное	43	25	58	39	17	44	44	28	45	24
Ниже начального	30	10	33	18	5	28	32	15	24	10

* Таблицы 48—52, 56—59 составлены по данным социологического обследования.

Таблица 49

Доля учащихся и планирующих учиться в различных учебных заведениях среди сельских работников 16—45 лет, %

Год	Работники	Вечерняя (сменная) школа	Профессиональные курсы	ПТУ	Среднее специальное учебное заведение	Вуз	Другое *	Хочу учиться, но не знаю где	Всего
1972	Учащиеся	0,3	0,2	0,1	1,3	1,3	0,2	0,0	3,4
	Намеренные обучаться	2,1	2,8	1,1	6,3	4,7	1,0	0,0	18,0
1977	Учащиеся	2,5	0,4	0,1	1,7	1,5	0,0	0,0	6,2
	Намеренные обучаться	4,3	3,9	0,8	8,7	5,5	0,6	0,2	24,0
1982	Учащиеся	1,7	0,2	0,1	1,4	2,0	0,1	0,0	5,5
	Намеренные обучаться	1,8	1,7	0,9	7,8	5,3	1,6	0,1	19,2

* В «другое» входят система повышения квалификации, университеты марксизма-ленинизма и культуры и крайне редко — аспирантура.

ленность учащихся в городской местности выросла с 30,3 тыс. до 48,2 тыс., а в сельской местности — с 15,2 тыс. до 17,2 тыс. Обследования зафиксировали этот процесс: доля обучающихся в вечерней (сменной) школе увеличилась за 5 лет в 8 раз (с 0,3 до 2,5 %), а намеренных в ней обучаться — в 2 раза (с 2,1 до 4,3 %).

Данные об отношении работников в возрасте 16—35 лет к совмещению работы с обучением содержатся также в материалах двух социологических обследований образа жизни и

бюджетов времени сельского населения Новосибирской области, проведенных в 1976 и 1986 гг. Полученные данные свидетельствуют о том, что с ростом уровня образования у работников села возрастает стремление к получению высокого профессионального образования, причем рядовые работники отдают предпочтение техникумам, а руководители и специалисты — вузам. Менее предпочтительными для получения профессии становятся курсы профессионального обучения, никак не меняется роль ПТУ ни в планах, ни в

реальной деятельности сельского населения. В намерениях руководителей и специалистов устойчиво большую роль играет обучение в системе повышения квалификации и народных университетах. Закономерным в связи с распространением полного среднего образования выглядит снижение намерений относительно обучения в вечерней (сменной) школе.

Значительные перспективы имеет на селе развитие среднего специального образования — доля планирующих получить такое образование более чем в 5 раз превосходит долю обучающихся без отрыва от производства в средних специальных учебных заведениях.

Материалы социологических исследований 1976 и 1986 гг. свидетельствуют о ряде происшедших изменений. Более активными в отношении совмещения работы с обучением стали лица со средним специальным образованием. Так, доля обучающихся в вузах увеличилась среди них за 10-летний период с 7 до 10,4 %. Возросли намерения получить полное среднее образование у работников, закончивших неполную среднюю школу: суммарная доля обучающихся и намеренных обучаться в вечерних (сменных) школах, средних ПТУ и техникумах увеличилась за этот период с 14 до 19 %. Среди руководителей и специалистов села устойчивой остается ориентация на получение высшего и среднего специального образования. Возросло стремление получить высшее образование у рядовых сельских служащих. Вместе с тем за это время произошли и другие, менее благоприятные изменения, в частности снизилась доля заочно обучающихся в техникумах в целом в 4 раза. Значительно меньше стало заочников средних специальных учебных заведений среди рядовых рабочих и колхозников. Доля их сократилась у имеющих как среднее общее, так и неполное среднее образование; вместе с тем намерения этих категорий работников в отноше-

нии получения среднего специального образования не изменились. Число рядовых рабочих и колхозников, намеренных получить высшее образование, оставалось очень низким.

Статистические данные позволяют проследить, как изменялся образовательный уровень сельской работающей молодежи (до 30 лет) Новосибирской области в колхозах и совхозах. В 1975 г. не имели полного среднего образования в совхозах 72,2 % молодых людей, в колхозах — 74,5 %, причем из них обучались в вечерних (сменных) школах и средних специальных учебных заведениях соответственно 17,7 и 15,6 %. К 1980 г. доля молодежи без полного среднего образования упала в совхозах до 54,7 % и в колхозах до 56,1 %, а доля обучающихся выросла соответственно до 25,7 и 23 %. При этом отмечалось большое различие между юношами и девушками. В совхозах среди юношей обучались 30 % не имеющих полного среднего образования, а среди девушек — только 19 %, аналогично в колхозах среди юношей учились 26,5 %, а среди девушек — только 16,9 %. В 1987 г. уровень образования работающей молодежи села свидетельствовал о практическом отсутствии различий между колхозниками и работниками государственных хозяйств. Так, среди колхозников до 30 лет имели высшее (в том числе незаконченное) и среднее специальное образование 13,8 %, среднее общее — 58,3, неполное среднее — 26,2, начальное образование и ниже — 1,7 % (соответствующие данные по совхозам составляют 14,2, 57,6, 26,2 и 2 %). Вместе с тем приведенные показатели свидетельствуют о том, что задача дать сельской молодежи всеобщее среднее образование продолжает оставаться актуальной, хотя среди не имеющих полного среднего образования в возрасте до 30 лет обучались в 1987 г. в учебных заведениях, дающих такое образование, уже 30,6 % (как в совхозах, так и в колхозах),

Сравнивая по данным за 1987 г. уровень образования работающей сельской молодежи и молодежи, занятой в промышленности Новосибирской области, нельзя не отметить значительных различий в уровне как специального, так и общего образования. Среди молодых людей, работающих на промышленных предприятиях, имеют высшее (в том числе незаконченное) и среднее специальное образование 27,3 %, среднее общее — 60,0, неполное среднее образование — и ниже — 12,7 %. При этом доля обучающихся в школах рабочей молодежи и средних специальных учебных заведениях значительно выше, чем на селе: 47,7 %. Таким образом, отставание сельского населения от городского по уровню образования существенно среди молодого поколения. В этой ситуации неоправданным выглядит сокращение в селах Новосибирской области с 1984 по 1987 г. числа вечерних (сменных) общеобразовательных школ с 43 до 15, а числа учащихся в них с 17,3 тыс. до 2,4 тыс. Сельская вечерняя школа продолжает оставаться наиболее доступным учебным заведением для работающей молодежи, не имеющей полного среднего образования.

Несмотря на значительные перемены в уровне образования сельского населения, острой проблемой остается высокая доля практиков, т. е. лиц без среднего специального и высшего образования, среди руководителей и специалистов хозяйств. Так, в 1985 г. среди занимающих должности руководителей и специалистов в сельском хозяйстве РСФСР на долю практиков приходилось 22,4 % (из них лица до 40 лет составляли 34,6 %) и обучающихся в вузах и техникумах — 8,1 %. В сибирской деревне доля практиков в сельском хозяйстве превышала среднереспубликанский уровень на 2,2 % в западных районах и на 3,6 % — в восточных районах. В Новосибирской области она была еще выше и составляла в колхозах 35 %, в сов-

хозах — 36 %, причем на долю обучающихся в вузах и техникумах среди практиков приходилось соответственно 10 и 9 %. Вместе с тем динамика этих показателей за 1975—1985 гг. была весьма значительной: доля практиков сократилась в совхозах области в 1,6 раза, в колхозах — в 1,7 раза, а доля обучающихся увеличилась соответственно на 1,3 и 3,8 %. В современных условиях в связи с развитием демократических начал в жизни общества, в частности выборности руководителей всех ступеней, доля практиков среди них может возрасти. Этим в немалой степени объясняется тот факт, что в Новосибирской области с 1985 по 1987 г. доля практиков среди руководителей и специалистов выросла в совхозах на 2 %, а в колхозах — на 3 %.

По данным социологического обследования 1986 г., из сельских руководителей и специалистов заочно обучаются в вузах и техникумах 9,4 % и еще 15,8 % намерены получить высшее или среднее специальное образование. При этом наибольшая ориентация на получение высшего образования отмечается у руководителей и специалистов, уже имеющих среднее специальное образование. Это относится и ко всем сельским труженикам: из тех, кто имеет среднее специальное образование, 10,5 % обучаются заочно в вузах и еще 13 % намерены поступить в них в ближайшие 2—3 года. Для села на современном этапе эта тенденция прогрессивна: сглаживаются большие различия в качестве среднего образования, получаемого на селе и в городе. О том, что такие различия существуют, свидетельствуют данные о поступлении в вузы сельских и городских выпускников общеобразовательных школ. В 1985 г. по Новосибирской области среди сельских выпускников 10-х классов дневных общеобразовательных школ поступили учиться на дневные отделения вузов 17,4 %, техникумов — 23, ПТУ — 25,4 %, тогда как среди городских выпускников поступили в ву-

зы 48 %, техникумы — 16,6 и ПТУ — 10,1 %.

В целом резервы повышения уровня образования работников села далеко не исчерпаны. Удельный вес обучающихся без отрыва от производства среди рядовых сельских работников почти в пять раз меньше, чем тех, кто намерен повышать свое образование, а среди руководителей и специалистов — в два раза меньше. Особенно большие резервы имеет развитие заочных форм обучения в техникумах. Так, открытие в одном из сельских районов Новосибирской области учебно-консультационного пункта сельскохозяйственного техникума привело к росту числа заочников в 10—15 раз.

Наряду с определенным числом сельских тружеников, обучающихся и намеренных обучаться, на селе сохраняется большая доля лиц, не ориентированных на повышение своего образования. В трех обследованиях — 1977, 1982 и 1986 гг. — этой группе работников был задан вопрос «Почему Вы не собираетесь повысить свое образование?». Распределение ответов представлено в табл. 50. Сопоставление данных обследований (для 1986 г. косвенное из-за специфики выборки) показало, что структура мотивов нежелания повышать образование претерпела у колхозников существенные изменения: с 1982 г. лидирующим стал ответ «нет необходимости», который дали 45 % опрошенных (против 15 % в 1977 г.). Структура мотивов у мужчин отразила этот процесс еще ярче: названный ответ дали 54 % мужчин (против 18 % в 1977 г.), такой же ответ дали 32 % женщин (против 12 % в 1977 г.). За 5 лет увеличился удельный вес ответа «нет необходимости» среди молодежи.

Немалую роль в этом процессе сыграл рост уровня образования, однако не он явился определяющим, поскольку и в группах лиц с одинаковым уровнем образования удельный вес данного мотива вырос за 5 лет более чем в два раза. Особенно существ-

ственным этот рост был у лиц, не имевших высшего и среднего специального образования. Такая ситуация сложилась в значительной мере под действием экономических факторов: усиления разрыва между оплатой труда и квалификацией работника, снижения как материальных, так и моральных стимулов новаторства и изобретательства, крайне ограниченных возможностей для проявления самостоятельности и инициативы на рабочем месте, а также других факторов. Так, в 1982 г. 13 % работников, считавших, что им не хватает образования для выполнения работы, тем не менее ответили, что повышать его им нет необходимости. У женщин по-прежнему одним из главных мотивов нежелания повышать свое образование, на который сослалась треть колхозниц, оставалась домашняя и семейная нагрузка. В числе трех самых распространенных как у мужчин, так и у женщин был ответ «не позволяет возраст», хотя удельный вес этого мотива за 5 лет снизился.

Одной из важных причин, значительно снижающих намерения сельских тружеников повышать свое образование, является высокая трудовая нагрузка по ведению личного подсобного и домашнего хозяйства. Материалы бюджетов времени сельских работников, полученные в обследовании 1986—1987 гг., показывают возрастание этой нагрузки по сравнению с 1975—1976 гг.: среднегодовые недельные затраты времени на домашний труд, труд в личном подсобном хозяйстве, уход за детьми и занятия с ними возросли за этот период суммарно с 15,1 до 20,4 ч у мужчин и с 37,4 до 41 ч у женщин. Эти же обследования показывают уменьшение свободного времени сельских работников, затрачиваемого на повышение своего образования, с 0,5 до 0,2 ч в среднегодовую неделю у мужчин и с 0,6 до 0,2 ч у женщин. Вместе с тем сельские работники довольно остро ощущают недостаток своего образования, и в пер-

Распределение ответов на вопрос «Почему Вы не собираетесь повысить свое образование?» у колхозников 16—45 лет, % *

Мотив	1977 г.			1982 г.			1986 г.**		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Не направляют на учебу	0	2,4	1,0	0,3	0,4	0,3	3,1	4,5	4,0
Трудно из-за хозяйства	4,1	0	2,4	3,6	5,2	4,3	6,2	17,3	13,5
Семья, дети	11,2	28,6	18,4	10,0	33,8	19,8	20,0	50,4	40,5
Перегружен работой	4,1	4,6	4,3	6,5	0	3,8	9,2	3,8	5,5
Плохое здоровье	3,1	2,2	2,7	2,0	11,1	5,8	0,0	6,8	4,5
Не позволяет возраст	36,7	41,7	38,8	17,0	31,4	23,0	6,2	4,5	5,0
Нет необходимости	17,8	11,6	15,2	53,7	31,6	44,6	63,1	36,1	45,0
Другое	28,8	14,6	22,9	17,9	10,7	14,9	7,7	3,8	5,5

* Вопрос допускал одновременно несколько ответов; проценты даны к числу респондентов.

** Данные представлены по всем сельским работникам в возрасте от 16 до 35 лет.

вую очередь для выполнения работы: на это указали 31,6 % из них, в том числе среди молодого поколения (до 35 лет) — 37,7 %. Кроме того, недостаток образования ощущается ими при воспитании детей (на что указали 17 % опрошенных), в ведении личного подсобного и домашнего хозяйства (3 %), в общественной работе (7 %), на досуге (4,5 %) и при общении (4 %). В целом половина всех сельских тружеников чувствует недостаточность своего образования в той или иной сфере деятельности.

Оценить проблемы, связанные с недостаточным уровнем образования сельских тружеников, позволяют материалы обследования роли человеческого фактора в ускорении социально-экономического развития страны, проведенного в селах Алтайского края в 1988 г. Обследуемым рядовым работникам предлагалась проективная ситуация, когда переход на новую технику и технологию потребует от них переподготовки или смены профессии. Данные таковы, что 62 % опрошенных не согласились бы в этой ситуации обучаться новой профессии, а 41 % не согласились бы даже дополнительно обучаться по своей профессии. Доля таких ответов зависит главным образом от возраста и уровня образования. Но даже среди работников в возрасте до 30 лет не согласны на повышение квалификации или обу-

чение новой профессии соответственно 25,5 и 45 %, среди лиц от 41 до 50 лет эти доли составляют соответственно 56 и 77 %. Большим тормозом в повышении профессионального образования и квалификации может стать для сельских тружеников недостаток их общего образования. Так, среди лиц с образованием 7—9 классов не согласны дополнительно обучаться по своей профессии 43 %, новой профессии — 66 %, тогда как уже наличие полного среднего образования снижает эти доли соответственно до 24 и 45 %, образование ниже семи классов, напротив, увеличивает их до 64 и 86 %. Опросы в сельских трудовых коллективах, перешедших на бригадный и арендный подряд, проведенные в рамках данного обследования, показывают также, что новые формы организации труда объективно требуют от работников глубоких профессиональных и хороших экономических знаний. Без этих знаний невозможен переход на интенсивные технологии в сельском хозяйстве.

Характеризуя динамику и уровень образования сельского населения, следует отметить положительные изменения, отражающие важные социальные сдвиги, происшедшие на селе. Значительно увеличился уровень образования работников, устойчиво их стремление к повышению образования. Активнее стала привлекаться

к обучению молодежь без полного среднего образования, а также практики среди руководителей и специалистов сельского хозяйства. При этом произошло опережение социальных ориентаций на продолжение образования по сравнению с возможностями их реализации. Значительным препятствием в повышении образования сельских тружеников, формировании у них соответствующей потребности стало противоречие между социальной ценностью высокого образования и отсутствием экономических стимулов к высококвалифицированному труду.

Наиболее реальным средством повышения уровня образования для сельских рабочих и колхозников по-прежнему остается вечерняя школа, хотя наибольший интерес они проявляют к получению среднего специального образования. Заочным обучением в вузе, ставшим нередким явлением среди руководителей и специалистов со средним специальным образованием, практически не охвачены рядовые сельские труженики.

Есмотра на значительные положительные сдвиги, уровень общего и профессионального образования сельских тружеников, в том числе и молодежи, остается невысоким. Уже сегодня он отстает от требований научно-технического прогресса, что в скором будущем может стать тормозом при внедрении в сельское хозяйство новой техники, технологии, новых форм организации труда. В этой ситуации темпы распространения на селе обучения без отрыва от производства явно недостаточны. Одной из ближайших мер, способных дать ощутимые результаты, может стать широкое развитие в сельской местности сети техникумов, их филиалов и учебно-консультационных пунктов. Кроме того, общим условием, без выполнения которого трудно ожидать роста тяги к повышению образования у сельских работников (особенно у женщин), является снижение их общей трудовой нагрузки.

Главный путь решения этой проблемы сегодня — развитие сельской инфраструктуры.

3. Развитие сферы культурного обслуживания села

На XXII съезде КПСС была поставлена задача постепенно поднять уровень культуры деревни до уровня города, обеспечить быстрое развитие культурной жизни во вновь осваиваемых районах. Для ее решения предусматривалось дальнейшее увеличение сети библиотек, лекционных и читальных залов, театров, домов культуры, клубов, кинотеатров, завершение радиофикации страны, строительство телевизионных центров, охватывающих все промышленные и сельскохозяйственные районы. Намечалось увеличение свободного времени по мере сокращения времени на материальное производство. При этом предполагалось увеличить возможности для развития умственных и физических способностей человека, а для этого организовать досуг так, чтобы он в большей степени посвящался общественной деятельности, культурному общению, повышению образования и расширению кругозора, техническому и художественному творчеству, чтобы физкультура и спорт прочно вошли в повседневный быт людей²⁵.

Необходимость принятия неотложных мер по дальнейшему развитию сети культурно-просветительных учреждений в селах Сибири диктовалась тем, что значительная часть населенных пунктов все еще не имела очагов культуры. В 1959 г. в селах Сибири насчитывалось 10 664 клубных учреждения, 7918 массовых библиотек с книжным фондом 27,6 млн экз. и 8233 киноустановки²⁶. Этого было явно недостаточно — в Сибири на каждый из 3173 сельских Советов приходилось от 3 до 7 населенных пунктов. Например,

²⁵ См.: КПСС в резолюциях...— М., 1986.— Т. 10.— С. 169—170, 177.

²⁶ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 501, оп. 1, д. 2554, 2560.

в Западной Сибири в это время одно клубное учреждение и одна киноустановка обслуживали в среднем три населенных пункта, а сельская массовая библиотека — четыре.

Слабой была и материальная база сельских культпросветучреждений. В 1959 г. лишь 6 % клубов Министерства культуры РСФСР имели зрительные залы вместимостью более 200 мест. Более чем половина сельских клубов не располагала комнатами для кружковой работы. Неудовлетворительным было оборудование клубов, не хватало музыкальных инструментов, магнитофонов, телевизоров. В Омской области, например, имели радиоточки или радиоприемники только 66 % сельских клубов, стационарные киноустановки — 61, комплекты духовых инструментов — 8, пианино или рояли — 4 %²⁷. Многие учреждения культуры Сибири размещались в ветхих зданиях, требовавших ремонта или замены, в библиотеках было мало книг, не хватало площадей.

Для укрепления материальной базы сельских культпросветучреждений использовались не только государственные ассигнования, но и средства колхозов, инициатива сельской общественности. Колхозы Западной Сибири в 1959 г. расходовали на культурно-бытовые объекты 3,4 % всех капиталовложений, колхозы Восточной Сибири — 3,6 %, т. е. в Сибири эти расходы соответствовали среднереспубликанскому уровню (3,6 %) ²⁸. В 1959—1961 гг. произошла замена значительной части непригодных зданий клубов и библиотек. Новые здания имели более вместительные зрительные залы, комнаты для кружковой работы, лучше оборудовались. За эти годы в сельских клубных учреждениях Министерства культуры РСФСР число радиоприемников и радиоточек увеличилось в 1,6 раза, стационарных ки-

ноустановок — в 1,4, пианино и роялей — в 1,2 раза.

В последующие годы трудности в развитии сельского хозяйства сузили размах культурного строительства на селе. Уменьшились государственные ассигнования, а также средства, выделяемые колхозами на нужды культурного строительства. Это крайне неблагоприятно сказалось на развитии сети учреждений культуры. В 1962 г. на средства колхозов в РСФСР было построено клубных учреждений на 220,3 тыс. мест в зрительных залах, тогда как в 1959 г. — на 430,5 тыс. В Омской области в 1964 г. было сдано в эксплуатацию в три раза меньше клубных учреждений, чем в 1958 г. Все это привело к тому, что к середине 60-х гг. значительная часть сельских населенных пунктов осталась без учреждений культуры. Например, в Омской области более чем в половине сел не было библиотек, в Алтайском и Красноярском краях четверть сел не имели ни клубов, ни библиотек²⁹. В целом по Сибири в первой половине 60-х гг. в результате ликвидации ветхих и малопригодных клубных зданий, укрупнения мелких библиотек существенного количественного роста сельских культпросветучреждений не произошло. С 8,2 тыс. до 14,0 тыс. возросло число сельских киноустановок; они стали в большинстве своем стационарными, кинопередвижки обслуживали в основном отдаленные населенные пункты.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, а также XXIII съезд партии (1966 г.) поставили задачу расширения и укрепления сети учреждений культуры на селе. В Директивах съезда по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы предлагалось: «Осуществить значительные работы по строительству на селе... клубов, библиотек, кинотеатров... шире внедрять радио и телеви-

²⁷ ГАОО, ф. 2111, оп. 1, д. 130, л. 4.

²⁸ Некоторые показатели работы учреждений культуры на селе в 1959 г.: Стат. сборник. — М., 1960. — С. 22—23.

²⁹ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 36, д. 3596, л. 145—173.

дение. Исходя из местных условий различных районов, разработать конкретные мероприятия по устранению различий в культурно-бытовых условиях жизни деревни и города и приступить к широкой реализации этой программы»³⁰.

В годы восьмой и девятой пятилеток сеть массовых библиотек и клубов в селах Сибири расширилась. В Омской области за 1971—1975 гг. было построено клубов и домов культуры на 24,2 тыс. мест, т. е. в 1,3 раза больше, чем в 1966—1970 гг.³¹ Большую работу по укреплению материальной базы учреждений культуры выполняли колхозы. В Омской области широкое культурное строительство развернулось в колхозах «Заря коммунизма», где председателем был И. Я. Эннс, ныне Герой Социалистического труда, им. XXII съезда КПСС, им. Романенко и др. На Алтае примером в этом отношении стал колхоз «Россия» Змеиногорского района. В целом по Сибири ассигнования колхозов на строительство клубов увеличились в 1980 г. по сравнению с 1965 г. более чем в 2 раза, на содержание этих учреждений — в 2,5 раза³².

Среднереспубликанские нормативы обеспеченности культурно-бытовыми учреждениями должны быть откорректированы применительно к Сибири, так как территория региона заселена неравномерно и села отделены друг от друга большими расстояниями. Вследствие этого культурные потребности удовлетворяются в основном в рамках своего села, что требует более высоких региональных нормативов обеспеченности учреждениями культуры. К тому же суровые природно-климатические условия

предъявляют более жесткие требования к качеству помещений, в которых протекает культурно-спортивная деятельность населения в холодные периоды года. В связи со всем этим темпы прироста библиотек и клубных учреждений оказались для Сибири крайне низкими. С 1965 по 1985 г. число клубов в селах Западной Сибири увеличилось с 6414 до 7027; в трех областях Восточной Сибири несколько сократилось — с 3565 до 3529. Аналогичные изменения произошли в сельской библиотечной сети: в Западной Сибири в 1965 г. насчитывалось 3995 библиотек, в 1985 г. — 4317, в Восточной Сибири — соответственно 2439 и 2322 библиотеки. Отсутствие положительной динамики в численности клубов и библиотек в Восточной Сибири объясняется сокращением общего количества населенных пунктов и выбытием учреждений культуры в ликвидируемых селах.

В результате медленного развития сети учреждений культуры в РСФСР к середине 80-х гг. большинство краев и областей Сибири по уровню обеспеченности библиотеками и клубами (на 10 тыс. сельского населения) превосходило Российскую Федерацию. В 1985 г. по обеспеченности библиотеками заметно отставали от уровня РСФСР только Алтайский край и Новосибирская область, а клубами — Алтайский край и Читинская область. Конечно, из-за дисперсности расселения Сибирь не имела реальных преимуществ в отношении сети культурных учреждений.

Для культурного строительства на селе в 60-х — начале 80-х гг. характерны изменения не только в сети, но и в структуре культурпросветучреждений. К середине 60-х гг. завершается процесс реорганизации изб-читален в клубы и начинает складываться новый тип клубного учреждения — сельский Дом культуры, расположенный в центре сельсовета или хозяйства. В Алтайском крае, например, в 1965 г. не было ни одного сельского Дома культуры, а к началу

³⁰ КПСС в резолюциях... — М., 1986. — Т. 11. — С. 56.

³¹ Народное хозяйство Омской области за 1971—1975 гг.: Стат. сборник. — Омск, 1977. — С. 75.

³² Дремова Л. И. Культурное развитие современной сибирской деревни. — Новосибирск, 1986. — С. 50.

1971 г. их насчитывалось 272, 1981 г.— 769, 1985 г.— 824. В целом в Сибири к началу 1986 г. действовало 4378 сельских домов культуры, что составило 46,7 % общего количества клубных учреждений Сибири системы Министерства культуры. Однако массовый перевод сельских клубов в ранг сельских домов культуры, как правило, не сопровождался заметным укреплением материальной базы и улучшением их деятельности.

До начала 70-х гг. сеть киноустановок в Сибири постоянно росла (в 1966 г. их насчитывалось в селах 14 003, в 1971 г.— 14 133), а затем начался обратный процесс (с 12 817 в 1976 г. их число сократилось до 11 652 в 1986 г.)³³. Это было связано с ликвидацией клубных учреждений в мелких населенных пунктах, с развитием телевидения и передвижных форм обслуживания. К середине 80-х гг. сложилась система культурно-просветительных учреждений, включающая стационарные и передвижные, причем последние играли все возрастающую роль. Так, в конце 1965 г. в Сибири насчитывалось 108 самостоятельных автоклубов, к концу 1986 г. их стало уже 783. По данным сплошного обследования, на начало 1988 г. в Сибири было 508 автоклубов и 287 передвижных киноустановок.

Распространение устойчивого многоканального телевидения и рост обеспеченности населения телевизорами способствовали постепенному уменьшению посещений кино сельскими жителями, начавшемуся в 1973—1974 гг. Если в 1970 г. каждый сельский житель посетил кино в среднем 33 раза, то в 1982 г.— 22, что оказалось ниже уровня 1965 г. Вместе с тем жители сибирской деревни значительно чаще ходили в кино, чем жители других районов РСФСР. Это во многом объясняется

тем, что сельская местность Сибири отставала от республики по уровню телефикации. Так, в 1970 г. в Западной Сибири прием телевидения был устойчивым в 50 % населенных пунктов, в РСФСР — в 70 %³⁴.

Таким образом, в целом сетевые показатели развития сферы культуры свидетельствовали о позитивных изменениях, однако разнообразие и качество оказываемых услуг не удовлетворяли потребности сельских жителей. Особенно это касается небольших поселений сельскохозяйственного профиля людностью до 200 чел. Данные выборочного обследования, проведенного в Новосибирской области, свидетельствуют о том, что в большинстве малых сел нет библиотек; в четверти из них, где проживало около 10 % населения области, на начало 1984 г. отсутствовали учреждения культуры (табл. 51). В селах людностью более 500 чел., где концентрировались две трети населения, культурное обслуживание развито сравнительно хорошо.

Для оценки различий в уровне культурного обслуживания поселений была использована типология, комплексно характеризующая набор услуг, предоставляемых учреждениями культуры в селах. К селам с развитой сферой культурного обслуживания отнесены те, в которых помимо традиционных услуг (радиовещание, телевидение, кино, лекции, доклады, концерты самодеятельных коллективов) хорошо налажена работа клуба или Дома культуры, в том числе различных кружков и секций, имеется стационарная библиотека, систематически проводятся концерты и спектакли профессиональных артистов, а также села, в которых отсутствует только один из этих видов обслуживания. Селами со среднеразвитой сферой культурного обслуживания названы имеющие одно хорошо развитое звено культурного обслужи-

³³ Подсчитано по данным ежегодника «Народное хозяйство РСФСР» за соответствующие годы.

³⁴ Проблемы социально-экономического развития западно-сибирской деревни.— С. 187—188.

Распределение сел Новосибирской области в зависимости от уровня культурного обслуживания (на начало 1984 г.), % к итогу

Сфера культурного обслуживания	Людность поселений, чел.				В среднем по области
	до 200	201—500	501—1000	свыше 1000	
Развитая	—	20	86	82	36
Среднеразвитая	16	47	14	18	25
Слаборазвитая	58	33	—	—	30
Отсутствие учреждений культуры	26	—	—	—	9

живания, т. е. в них есть либо клубное учреждение с налаженной работой, либо стационарная библиотека и кинообслуживание. В селах со слаборазвитой сферой культурного обслуживания регулярно предоставляются только традиционные услуги — кинообслуживание, радио- и телевидение, эпизодически проводятся вечера отдыха, танцы. В селах, где нет учреждений культуры, обслуживание по месту жительства ведется с помощью радио и телевидения, а также передвижных библиотек и киноустановок.

Дифференциация поселений по уровню развития сферы культуры усилилась в период с 1967 по 1977 г. в процессе сселения сельских жителей на центральные усадьбы колхозов и совхозов, что привело к росту доли поселений, в которых отсутствовали учреждения культуры. Динамику этих процессов показывают приведенные ниже данные о дифференциации поселений (в % к итогу):

1967 г. 1977 г. 1984 г

Развитая сфера культурного обслуживания	29	33	36
Среднеразвитая	20	24	25
Слаборазвитая	42	22	30
Отсутствие учреждений культуры	9	21	9

За 1977—1984 гг. доля сел, не имевших учреждений культуры, заметно сократилась прежде всего за счет ликвидации мелких поселений. В целом характер изменений можно оценить как позитивный: доля сел с развитым и среднеразвитым куль-

турным обслуживанием увеличилась. Вместе с тем, судя по оценкам населения, за последние 10—15 лет улучшение сферы культурного обслуживания происходило в основном в селах людностью более 500 чел., тогда как в малых поселениях (менее 200 чел.) большинство жителей не отметило положительных сдвигов.

Сплошное обследование обеспеченности сельских населенных пунктов учреждениями обслуживания, проведенное Госкомстатом РСФСР, показало, что на начало 1988 г. в Сибири в 18 % сел отсутствовали какие-либо формы культурных услуг. Стационарные клубные учреждения и киноустановки имелись в 73 % сел, библиотеки — в 55, передвижные киноустановки и автоклубы обслуживали около 6, библиотеки и библиотечные пункты — дополнительно 15 % сел. Существенных различий между Западной и Восточной Сибирью по обеспеченности этими учреждениями нет, кроме того, что в Западной Сибири большая доля населения пользуется передвижными формами обслуживания.

Хотя большинство жителей прибегает к услугам клубных учреждений, качество их работы оценивают как хорошее менее половины из них (табл. 52). В мелких поселениях ниже и посещаемость клуба, и оценки работы. В небольших поселениях услугами библиотек пользуется лишь пятая часть жителей, во многих из них библиотек нет. В селах с числом жителей более 500 чел. библиотеки

Пользование услугами и оценка качества работы учреждений сельской сферы досуга на юге Западной Сибири (1982 г.)

Показатели	Все население			В том числе колхозное		
	Библиотечка	Дом культуры	Стадион, спортзал, спортплощадка	Библиотечка	Дом культуры	Стадион, спортзал, спортплощадка
Доля населения, имеющего учреждение обслуживания в своем селе, % к числу ответивших	92	94	51	92	95	53
Доля населения, пользующегося услугами учреждения обслуживания, % к имеющему соответствующее учреждение	52	78	16	49	81	17
Доля населения, оценившего работу учреждения обслуживания как хорошую, % от пользующихся его услугами	70	46	44	69	50	47
Доля населения, оценившего работу учреждения обслуживания как плохую, % от пользующихся его услугами	7	20	19	7	19	16

посещает каждый второй и недовольных обслуживанием практически нет.

В последние два десятилетия большое значение приобрели комфортность условий в культурно-просветительных учреждениях, а также разнообразие предоставляемых ими услуг. В Сибири увеличилась доля клубных учреждений, имеющих специальные помещения для культурно-массовой работы. Например, в Новосибирской области к концу 70-х гг. 99 % домов культуры и 78 % сельских клубов располагали такими помещениями. Заметно повысилась их оснащенность необходимым оборудованием, мебелью, музыкальными инструментами, современными техническими средствами пропаганды.

Значительно вырос книжный фонд сельских библиотек: по данным Министерства культуры РСФСР, в 1965 г. он составлял по Западной Сибири 24,6 млн экз., в 1975 г. — 35,1 млн, в 1985 г. — 43,8 млн, в Восточной Сибири — соответственно 12,3 млн, 16,9 млн и 22,5 млн экз. Пополнение книгами и журналами сельских библиотек Сибири происходило более интенсивно, чем в ряде других районов РСФСР, благодаря

чему к середине 70-х гг. отставание региона по числу книг, приходящихся на одну библиотеку и на душу населения, было преодолено. К началу 80-х гг. сельские жители Сибири были обеспечены библиотечными книгами и журналами даже лучше, чем в целом жители РСФСР (в 1983 г. в Западной Сибири приходилось в среднем 10,2 экз. на одного жителя, в Восточной Сибири — 10,1, в РСФСР — 9,8 экз.). Сократилась доля мелких (до 6 тыс. экз.) библиотек, возрос удельный вес средних (6—10 тыс. экз.) и крупных (свыше 10 тыс. экз.). Их включение в централизованные библиотечные системы упростило получение интересующей литературы. Поэтому сельские жители удовлетворены работой библиотек в большей степени, чем другими видами культурного обслуживания. При этом практически нет различий между культурным обслуживанием крестьянства и остального сельского населения.

Однако по росту книжных фондов сельские массовые библиотеки Сибири отставали от городских: с 1965 по 1985 г. среднее число книг и журналов в сельской библиотеке уве-

личилось с 5,9 тыс. до 9,6 тыс., а в городской — с 18,0 тыс. до 30,6 тыс. Отсутствие нужных книг порождало неудовлетворенность значительной части сельских жителей (28 % от числа посещающих библиотеки в Алтайском крае и Новосибирской области). О необходимости дальнейшего наращивания фондов сельских библиотек свидетельствует и недостаточная обеспеченность литературой сельских семей: в 1982 г. 41 % из них не имели книг, 35 % не выписывали журналов и 16 % не выписывали газет.

Наличие и размер домашней библиотеки во многом зависят от социально-профессионального статуса работника и уровня его образования. По данным социологических обследований, проведенных в Омской, Читинской областях и Красноярском крае, к концу 70-х гг. личные библиотеки имели 45 % квалифицированных и 40 % неквалифицированных работников физического труда, 80 % работников умственного труда и лишь четверть сельских механизаторов³⁵.

Обеспеченность семей литературой в 1977—1982 гг. определялась в основном подпиской на периодическую печать. В 1977 г. наиболее типичная семья в селах юга Западной Сибири подписывалась на одну газету и один журнал, через пять лет — на две газеты и два журнала.

Повышение обеспеченности сельского населения предметами культурного обихода создавало определенную культурную среду. Рост духовных запросов приводил к тому, что в личном бюджете сельских тружеников увеличивалась доля расходов на культурные нужды. Об этом свидетельствует и увеличение объема продажи сельскому населению товаров культурного назначения (радиотоваров, музыкальных инструментов, печатной продукции). Например, в Омской области за 1967—1979 гг. этот показатель вырос почти по всем

видам товаров в два раза. Деревня все больше сближалась с городом по наличию основных предметов домашнего культурного обихода (табл. 53).

В этих условиях сегодня особенно негативно оценивается медленное развитие общественной сферы культурного обслуживания. Наиболее острыми проблемами остаются состояние материально-технической базы культуры села и кадровая проблема.

Прежде всего большинство учреждений культуры нуждается в пополнении и качественном обновлении оборудования и инвентаря; кроме того, значительная часть зданий, в которых они расположены, требует ремонта. Доля клубов, нуждающихся в капитальном ремонте, составляла в одиннадцатой пятилетке в Сибири около 19 % (по РСФСР — 16,8 %). На начало 1985 г. в Сибири 280 клубных зданий находились в аварийном состоянии и 1,8 тыс. требовали капитального ремонта. И хотя строительство и ремонт учреждений культуры обходились в регионе намного дороже, чем в центральной части России, выделяемые на это средства осваивались не полностью. Так, за 1981—1985 гг. средства на строительство учреждений культуры Алтая были освоены менее чем на 50 %, ибо сроки строительства превышали нормативные в 2—3 раза. В 1986 г. из 57 строившихся здесь объектов культуры 39 были долго строями³⁶. За годы одиннадцатой пятилетки в селах Новосибирской области ввод в действие клубных учреждений сократился на 5 %, а план их строительства выполнен на 63 %. Замедление ввода новых объектов привело к тому, что за 1980—1983 гг. число мест в зрительных и лекционных залах клубных учреждений на селе на тысячу жителей в Восточной Сибири сократилось на 28 % при росте всего на 3 % в Западной Сибири.

³⁵ Великий П. П. Духовная жизнь советского села.— М., 1982.— С. 101.

³⁶ Советская культура.— 1985.— 27 апр.; 1986.— 10 июля; Культурно-просветительная работа.— 1987.— № 12.— С. 27.

Сравнительная характеристика оснащенности домашнего быта предметами культурного обихода, % к числу опрошенных семей по каждому массиву *

Предмет	Омское село		Омск	
	1969 г.	1979 г.	1969 г.	1979 г.
Радиоточка	54,4	74,0	68,8	78,2
Радиоприемник	58,5	59,9	59,5	58,2
Проигрыватель или радиоло	30,9	32,0	32,3	35,2
Магнитофон	5,7	29,4	19,0	53,0
Телевизор	27,5	91,9	74,7	95,3
Музыкальный инструмент	9,8	15,4	16,2	22,3
Фонотека	15,7	20,9	12,2	29,6

* Великий П. П. Духовная жизнь советского села.— С. 103.

Подобное положение вещей во многом объяснялось низким уровнем обеспеченности села основными непродуцированными фондами, ограниченными размерами финансирования сельских учреждений культуры. В денежном выражении расходы на культурно-просветительскую работу увеличивались (по государственному бюджету РСФСР они выросли с 230 млн руб. в 1965 г. до 880 млн руб. в 1985 г.), а в процентном — от расходов на социально-культурные мероприятия и науку — изменялись незначительно, составляя в эти годы незначительную долю — от 1,4 до 2,0 %³⁷.

XXVII съезд партии вскрыл причины, породившие застойные явления в развитии культуры. Одна из них состоит в том, что на протяжении многих лет «допускалась недооценка назревших проблем материальной базы социально-культурной сферы страны. В результате сложился по существу остаточный принцип выделения ресурсов для ее развития». На съезде было подвергнуто критике отношение к строительству учреждений культуры как к делу второстепенному³⁸.

Однако наследие подхода к культуре по остаточному принципу сразу преодолеть оказалось невозможно. Объекты культуры не стали еще приоритетными среди многочисленных сельскихстроек, сроки их строительства и ввода в действие часто переносятся. Колхозы и совхозы оказались не подготовленными к массовому строительству объектов культуры. За 1987 г. на строительстве колхозных клубов и домов культуры было выполнено 78 % намеченных работ. В 1988 г. по сравнению с 1987 г. ввод сельских клубных учреждений сократился на 21 %. В селах Новосибирской области в 1986 г. клубов и домов культуры построено на 2360 мест, или 91 % к плану и 74 % по отношению к 1985 г. Аналогичная ситуация складывалась и в других районах Сибири.

Срыв программы культурного строительства клубных учреждений объяснялся нехваткой необходимых мощностей у подрядных организаций, плохим материально-техническим обеспечением строительных работ, самовольным занижением местных органами плановых заданий по строительству этих объектов. Так, в январе 1987 г. решением Новосибирского облисполкома на пятилетку было утверждено строительство 92 клубов. В декабре того же года сессия областного Совета это строительство сократила на 9,2 тыс. мест, или почти на 30 клубов. Состояние су-

³⁷ Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник.— М., 1977.— С. 352; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник.— М., 1987.— С. 448.

³⁸ Материалы XXVII съезда КПСС.— М., 1986.— С. 44, 261.

ществующей сети клубов области неудовлетворительное: треть из них размещена в приспособленных помещениях, 21 % зданий требует капитального ремонта³⁹.

Дополнительные трудности возникли в связи с внедрением хозрасчета и переходом на самофинансирование. В условиях всеобщей заинтересованности в прибылях приоритеты опять остаются за экономикой, а возможности предприятий отчислять средства на развитие материальной базы социальной сферы сокращаются. Таким образом, в формировании социальной сферы складывается неблагоприятная ситуация, при которой экономические рычаги ее развития не созданы, а внеэкономические явно ослабли.

Другой центральной проблемой является кадровая: недостаток работников культуры в сельской местности и низкий уровень их квалификации. В середине 60-х гг. более половины клубных работников Западной Сибири не имели даже среднего образования. Во второй половине 60-х — начале 80-х гг. были приняты меры для улучшения подготовки кадров работников культуры: открыты новые институты культуры и культпросветучилища, их филиалы и учебно-консультационные пункты, клубные отделения на базе музыкальных училищ; созданы факультеты общественных профессий в медицинских, сельскохозяйственных и педагогических институтах; введен целевой внеконкурсный прием в институты культуры молодежи из сельской местности; расширена подготовка сельских культпросветработников без отрыва от производства, а также за счет совхозов и колхозов. В середине 80-х гг. основной контингент специалистов высшей квалификации для Сибири готовили три вуза: Восточно-Сибирский, Алтайский и Кемеровский. В каждой области и

крае работало одно или два культпросветучилища. Расширилось представительство села в учебных заведениях культуры: в 1983 г. среди абитуриентов, зачисленных в институты культуры страны, выходцы из села составили более 40 %, а в культпросветучилища — около 90 %.

Все эти меры привели к изменению количественного и качественного состава сельских культпросветработников. За 1970—1985 гг. в Сибири число работников клубных учреждений на селе увеличилось с 12,2 тыс. почти до 16 тыс. чел., или на 31,4 % (в Западной Сибири — на 36 %, в Восточной Сибири — на 23 %). Количество библиотечных работников за этот период возросло в селах Сибири с 6,9 тыс. до 9,2 тыс. чел., или на 31,6 %, — примерно в равной мере в Западной и Восточной Сибири. Росла доля специалистов в общем количестве сельских культпросветработников, что видно на примере клубных работников Сибири (табл. 54). Несколько выше, чем у культпросветработников, был образовательный уровень сельских библиотекарей: по данным Министерства культуры РСФСР, в 1980 г. 10,4 % из них имели высшее образование (в том числе 5,9 % — высшее библиотечное), 89 % — среднее (46 % — среднее специальное).

Тем не менее при наличии сложившейся сети вузов, средних специальных учебных заведений остается острой нехватка специалистов высшей и средней квалификации. Особенно неблагоприятно положение с клубными работниками, среди которых свыше половины не имеют специального образования. Не удалось преодолеть неравномерность насыщения кадрами отдельных территорий обширного сибирского региона. Дефицит квалифицированных кадров во многом определяется их низкой закрепляемостью на селе и высокой текучестью, составляющей по Сибири в среднем в год около 30 %. Это, в свою очередь, обусловлено сложным характером и трудными усло-

³⁹ Советская культура.— 1988.— 9 авг.; Партийный вестник (издание Новосибирского обкома КПСС).— 1989.— № 4.— С. 18.

Изменение образовательного уровня клубных работников Сибири,
%*

Образование	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Западная Сибирь			
Высшее	0,9	2,9	6,2
Среднее специальное	21,3	29,9	32,5
Восточная Сибирь			
Высшее	0,8	3,1	5,9
Среднее специальное	20,1	23,6	29,9

* Таблица рассчитана по данным годовых отчетов учреждений культуры.

виями профессиональной деятельности, сравнительно невысокой зарплатой, жилищно-бытовой неустроенностью и низким престижем профессии культпросветработника.

В 70-е гг. началось создание клубных и библиотечных систем, культурных и культурно-спортивных комплексов. Этот процесс был вызван потребностью в равномерном развитии сети учреждений культуры, а также недостаточно высоким уровнем их материально-технической базы и кадров. Основная идея централизации заключалась в упорядочении руководства работой клубов, библиотек, кинотеатров и других учреждений культуры, расположенных на территории сельсовета, хозяйства или группы хозяйств. Если до централизации учреждения культуры, принадлежавшие разным ведомствам, работали каждое по своему плану и согласно своим весьма скромным возможностям, то комплекс принимал под свою «крышу» разноместных носителей культуры, объединял их усилия в воспитательной, культурно-просветительной, массово-политической деятельности. Устранялись дублирование и параллелизм в работе. Появилась возможность более разумно использовать имеющиеся средства, штаты, материальную базу. Там, где эту возможность по-настоящему использовали, значительно повышалась эффективность

организации свободного времени населения: возрастало качество культурного обслуживания и число культурных услуг. Оценивая итоги работы одного из первых в Омской области Звездинского культурно-спортивного комплекса, объединившего сельские клубы, библиотеки, киноустановки, красные уголки, музыкальную школу и спортивные учреждения, С. И. Манякин, в частности, отмечал, что «до создания комплекса проводилось ежегодно 88 тематических вечеров. Сейчас около 200. В сельских клубах почти в три раза больше стало концертов. Непременно возросла активность людей, их тяга к культуре»⁴⁰.

К 1985 г. в Сибири было создано около 1,5 тыс. централизованных клубных систем, объединивших примерно 4 тыс. сельских клубов и домов культуры, в централизованную библиотечную сеть включены 6,3 тыс. сельских библиотек из имеющихся 6,6 тыс. Не всегда объединение приносило улучшение результатов работы, однако в целом оно себя оправдывало. Именно культурно-спортивные комплексы служили доказательством того, что только общими усилиями можно добиться полноценной организации досуга. Не случай-

⁴⁰ Манякин С. И. Сибирь далекая и близкая. — С. 239.

но в постановлении Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г. «О программе социального развития села» было признано целесообразным их создание⁴¹.

Таким образом, в 60—80-е гг. состояние сети культурного обслуживания на селе улучшалось, но крайне медленными темпами. Укрепилась материальная база сельских учреждений культуры, начали создаваться клубные и библиотечные системы, культурные комплексы. Нарастали темпы оснащения домашнего быта предметами культурного обихода. Все это способствовало сокращению разрыва Сибири и других районов страны в возможности удовлетворения традиционных культурных запросов сельских жителей. К середине 80-х гг. их обеспеченность культпросветучреждениями достигла среднероссийского уровня, а по ряду показателей и превзошла его. Радио- и телефикация сельской местности, распространение печати позволили сблизить город и село по уровню потребления информации. Однако в развитии культуры сибирского села много нерешенных проблем. Прежде всего это слабый учет потребностей населения. Развитие материальной базы, изменение форм работы, подготовка специалистов для этой сферы осуществлялись независимо от менявшихся интересов, потребностей различных групп сельского населения. Поэтому сельские жители стали острее ощущать «дефицит» культурного обслуживания села. Наряду с признанием заметных достижений в повышении материального благосостояния, получении образования и снижении тяжести труда в сельском хозяйстве две трети (64 %) респондентов в 1986 г. считали, что на селе за 1976—1986 гг. не увеличились возможности лучше и разнообразнее проводить свободное время. Ситуация особенно обострилась в середине 80-х гг.; еще в 1982 г. такое мнение высказала только треть опрошенных.

Эффективность культурного обслуживания на селе может быть повышена только тогда, когда оно будет правильно соотносено с характером расселения, с изменением социальной структуры населения, ориентировано на активную деятельность сельских жителей в области культуры, на учет природного фактора. Не случайно XXVII съезд КПСС поставил в качестве важнейших задач преодоление региональных различий в уровне культурного обслуживания населения, приоритетное развитие социально-культурной сферы, призванной способствовать ускоренному развитию экономики Сибири.

4. Основные направления культурно-просветительной работы

Процесс освоения духовных богатств происходит неравномерно в городе и деревне. Специфика его осуществления на селе обусловлена удаленностью от крупных культурных центров, большой территориальной разобщенностью населенных пунктов, особенностями развития всей социальной инфраструктуры села и жизненным укладом сельчан. Значение объектов социальной инфраструктуры культурно-воспитательного характера (клуба, библиотеки, киноустановки) на селе более велико, чем в городе с его развитой культурной средой. На базе клуба как опорного центра партийных организаций, профсоюза, комсомола в идейно-воспитательной работе, организации досуга людей, развитию их творческих способностей действуют общество «Знание», научно-технические, оборонные и спортивные общества, народные театры и университеты, лектории и музеи.

Важное место среди форм клубной работы занимала лекционная пропаганда, осуществлявшаяся через лектории и кинолектории. Так, в Новосибирской области в 1959 г. в клубных учреждениях было открыто 300 лекториев, а к середине 60-х гг. насчитывалось уже 700 лекториев и

⁴¹ Правда.— 1989.— 13 апр.

750 кинолекториев. В них читались отдельные лекции и целые тематические циклы лекций. В Томской области в связи с 50-летием Октябрьской революции было организовано 43 лектория по истории революционного движения в Сибири.

Значительную часть лекций на селе читали члены общества «Знание». За 1959—1970 гг. общее число членов этого общества в Сибири увеличилось в 2,8 раза, в том числе в сельской местности — почти в 2 раза, составив в 1970 г. 98,4 тыс. чел. (или 53 % от их общей численности). По данным социологических обследований, проведенных в Красноярском крае в конце 70-х гг., среди сельских жителей, участвовавших в каком-либо виде творческой деятельности, лекционной пропагандой занималось 10,4 %. К началу 1986 г. в Сибири насчитывалось более 206,2 тыс. лекторов общества «Знание», объединенных в 10 720 первичных организаций, из которых более 3,1 тыс. функционировало в колхозах и совхозах⁴². В 1959 г. лекторами краевых и областных отделений общества в Сибири среди населения было прочитано 582 тыс. лекций, в 1965 г. — 1318 тыс., в 1970 г. — 1529 тыс. В 60—70-е гг. для сельских тружеников читалось от трети до половины всех лекций. В 1985 г. из 1372 тыс. лекций 23 % состоялось в колхозах и совхозах.

Важной формой распространения научных знаний стали народные университеты, зарождение которых относится к концу 50-х гг. В 1961 г. по стране в целом в сельской местности действовало 1,5 тыс. народных университетов, в 1964 г. — 2,9 тыс., в 1969 г. — 4,5 тыс., в 1980 г. — почти 13 тыс., в которых занималось 2,3 млн чел. В Сибири сеть народных университетов наиболее быстро развивалась в Алтайском крае: в 1959 г. их насчитывалось 26, в том

числе на селе — 17, в 1966 г. — соответственно 157 и 137, в 1973 г. — 310 и 160, в 1980 г. — 520 и 310. В целом по Сибири количество народных университетов увеличилось с 1468 в 1973 г. до 2675 в 1980 г., в том числе на селе — с 441 до 782. К началу 80-х гг. в Западной Сибири треть народных университетов и треть их слушателей приходились на сельскую местность, в Восточной Сибири эта доля была несколько ниже. Вслед за университетами культуры стали возникать университеты здоровья и педагогики, научного атеизма, сельскохозяйственных, правовых знаний и др.

Ведущее место в тематике читаемых на селе лекций занимали общественно-политические вопросы. В 1959 г. удельный вес таких лекций по западно-сибирским селам составил примерно 69 %. В 1970 г. две трети лекций в селах Сибири имели общественно-политическую тематику, каждая 12-я лекция читалась по сельскому хозяйству, 11-я — по науке и технике, 7-я — по естествознанию. Наибольшей популярностью пользовались лекции по международной тематике.

Значительно активизировалась деятельность первичных организаций общества «Знание» и большинства лекторов в середине 80-х гг. В 1985 г. члены общества «Знание» прочитали в Сибири 106,2 тыс. лекций по сельскохозяйственной тематике (в 1959 г. — 35,6 тыс., в 1970 г. — 67,8 тыс.). XXVII съездом партии и последующими пленумами ЦК КПСС ставилась задача разработки лекций по вопросам, связанным с перестройкой, новым мышлением, хозяйственной реформой, демократизацией политической жизни. Среди тружеников села усилилась пропаганда сущности хозрасчета в сельскохозяйственном производстве, преимуществ и перспектив арендного подряда, перевода хозяйств на самокупаемость и самофинансирование.

Более медленными темпами по сравнению с лекциями по общест-

⁴² Показатели лекционной деятельности общества «Знание» РСФСР. — М., 1986. — С. 3.

венно-политической и сельскохозяйственной тематике росло число лекций по естествознанию и атеизму. В ряде районов Сибири в отдельные годы происходило даже сокращение выступлений на эту тему. В определенной степени это объяснялось теми общественно-политическими и культурными изменениями, которые происходили в жизни трудящихся страны и способствовали отходу их от религии.

По данным социологического исследования, во второй половине 60-х гг. в составе колхозного крестьянства Омской области неверующие составляли 54 %, твердо верующие — 25,8, в составе рабочих совхозов — соответственно 59,2 и 20,5, среди служащих и интеллигенции колхозов — 87,9 и 3,0, совхозов — 93,1 и 2,5 %. В целом по Сибири на конец 60-х — середину 70-х гг. верующих было примерно 20 %. Большинство составляли лица преклонного возраста, не занятые в общественном производстве и общественной деятельностью, в основном женщины. Исследование культуры, традиций, быта и верований сельского населения четырех районов Омской области, проведенное в 1973—1975 гг. опорным пунктом Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и отделом пропаганды и агитации Омского обкома КПСС, показало, что религиозная вера утратила глубину и прочность у представителей всех вероисповеданий. В качестве одного из главных мотивов посещения верующими молитвенных собраний выдвигается верность традиции. Так высказались среди опрошенных баптистов 27 %, лютеран — 47, меннонитов — 56, мусульман — 64, православных — 72 %⁴³.

В настоящее время по стране в целом верующие на селе составляют от 15 до 20 %. Как и прежде, основ-

⁴³ Шильдяшов И. М. Религия в Сибири и атеистическое воспитание. — Новосибирск, 1982. — С. 71; Вопросы научного атеизма. — М., 1978. — Вып. 22. — С. 67—75.

ная масса их — люди старше сорока лет, большинство из которых женщины. Однако в различных регионах страны состояние религиозности неодинаковое. По данным выборочного социологического исследования, проведенного в 1988 г. на Алтае, убежденных атеистов среди населения оказалось только 25 %, неверующих — 45—50, безразлично относящихся к религии — 25, колеблющихся — 15 и верующих — около 5 %⁴⁴.

На протяжении многих лет укреплялась предвзятость в отношении к верующим, ко всему тому, что связано с церковью. Такие уродливые явления, как попрание свободы совести и произвол в годы культа личности, волюнтаризма и застоя, нанесли огромный урон всему, что связано с делом свободы совести, в том числе и атеизму. Теоретические корни извращений ленинских принципов свободы совести в начале 60-х гг. лежат в утопической доктрине построения основ коммунизма к 80-му году. Появилось стремление подтолкнуть, ускорить процессы духовного созревания общества, в кратчайшие сроки покончить с религией, ибо при коммунизме не должно быть ни церкви, ни верующих. Однако жизнь, как известно, пошла по другому сценарию, поэтому стали нажимать на пропаганду, утверждая, что корни религии подорваны, а факторы, способствующие сохранению религиозных пережитков, все еще остаются. Осуществлялось административно-силовое давление на верующих, результатом чего явилось массовое и необоснованное закрытие церковей и молитвенных домов, снятие с регистрации религиозных объединений, игнорирование законных прав верующих и их религиозных чувств.

В условиях начавшегося в середине 80-х гг. процесса демократизации общественной жизни стал постепенно происходить отказ от такого наследия прошлого, когда регистрация

⁴⁴ Диалог (журнал идеологического отдела Алтайского крайкома КПСС). — 1989. — № 7. — С. 51.

каждого нового религиозного общества воспринималась как шаг назад, идеологическое поражение, уступка верующим. Началось снятие всех административных затворов, силовых и нажимных методов в отношении местных органов власти к религиозным организациям. Это привело в последние годы к росту зарегистрированных религиозных объединений, многие из которых сложились давно и действовали раньше, но, чтобы не омрачать статистической картины атеистического благополучия, не брались в расчет. Происходит процесс легализации скрытой религиозности. Только после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС в стране зарегистрировано более 1000 религиозных объединений, а всего их насчитывается свыше 15 тыс., представляющих более 40 конфессий. В начале 1989 г. в Новосибирской области было 58 религиозных объединений; здесь продолжается регистрация новых православных и других религиозных общин. На Алтае в последние годы зарегистрированы объединения православных верующих в Тальменке и Коробейникове Усть-Пристанского района, лютеран — в Михайловском и Славгородском районах и другие, а всего в крае действуют 88 религиозных объединений⁴⁵. Таким образом, расширяются возможности религиозных организаций, служителей культа в пропаганде своей идеологии, морали, наблюдается интенсификация внутрицерковной жизни и миссионерской деятельности. Усиливается интерес к истории и современному состоянию религии.

Сегодня делаются первые шаги к обновлению атеистической пропаганды, которая постепенно очищается от упрощенных схем, догматических представлений, эмоциональной воинственности. Больше организуется дискуссий, расширяется тематика атеистических лекций и диспутов. На Алтае, например, стали популярными объединения и клубы по ин-

тересам, тематические и устные журналы, читательские конференции в районах края. Здесь ежегодно проводятся семинары идеологического актива по проблемам атеистической работы. Но предстоит не только организовать подготовку пропагандистов, хорошо знающих историю, философию религии, умеющих отстаивать свои взгляды, убеждать людей, но и создавать теорию атеизма, трезво анализирующую современную ситуацию, глубоко вскрывающую причины существования религиозных представлений в обществе, показывающую реальную роль в нем религии и церкви, теорию, созвучную происшедшим переменам. Пересмотру концепции государственной политики в отношении религии, церкви и верующих будет способствовать Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», введенный в действие постановлением Верховного Совета СССР 9 октября 1990 г.

Современный этап культурного строительства на селе характеризуется совершенствованием старых, проверенных временем форм работы и рождением новых, отвечающих возросшим культурным запросам сельских жителей. Одним из новых явлений на селе в конце 50-х гг. стали музеи на общественных началах. Движение по созданию сельских мемориальных музеев не было массовым, но начало ему положено во всех областях и краях Сибири. Создавались музеи истории развития колхозов и совхозов, краеведческие, историко-революционные и т. п. В сборе экспонатов, имеющих историческую ценность, показывающих старый и новый быт деревни, деятельность партийных, комсомольских и пионерских организаций, борьбу сибирских партизан в годы гражданской войны, активное участие принимали сельские жители.

В Западной Сибири движение за создание общественных музеев особенно широко развернулось в Алтайском крае. Именно здесь в 1957 г.

⁴⁵ Религия в СССР.— 1989.— № 6.— С. 9; Диалог.— 1989.— № 7.— С. 51—52.

в с. Родино Родинского района возник первый в РСФСР народный краеведческий музей. К 1962 г. на Алтае существовало уже 47 сельских музеев. С 1964 г. в с. Лебяжем Павловского района начал действовать первый сельский музей В. И. Ленина, организованный школьниками с помощью ветеранов революции, работников ИМЛ при ЦК КПСС, музеев, обладателей частных коллекций из разных городов и сел СССР и зарубежных стран. Ленинские музеи, комнаты и уголки стали появляться в колхозах к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Музеи на общественных началах через биографии людей (И. Я. Шумакова, бывшего председателя колхоза «Россия» Шипуновского района Алтайского края; Н. М. Бадулина, председателя колхоза «Память Кирова» Третьяковского района) рассказывали о колхозной жизни. Интересный материал был собран по истории развития населенных пунктов к знаменательным датам: к 200-летию села Ребриха, 230-летию сел Завьялово и Романово и др. Огромной популярностью пользуется музей космонавтики им. Г. Титова в с. Полковниково. В начале 80-х гг. шести общественным музеям Алтая (Шипуновскому, Родинскому, Сорокинскому, Новоалтайскому, Заринскому и Завьяловскому) было присвоено звание «народный».

В 1966 г. в РСФСР было учтено 300 общественных музеев, в 1980 г.— 12 тыс. Многие из них, созданные в 60-е гг., продолжали действовать и в 80-е. К таким можно отнести сельский музей Сузунского района Новосибирской области, где к 1986 г. насчитывалось более 3 тыс. экспонатов (старинная крестьянская утварь, фотографии, географические карты и др.), Солоновский краеведческий музей Волчихинского района Алтайского края, краеведческий музей в с. Олонки Иркутской области и др.⁴⁶

⁴⁶ Советская Сибирь.— 1986.— 24 янв.; Алтайская правда.— 1982.— 1 нояб.; Наука и религия.— 1988.— № 10.— С. 26.

Таким образом, в условиях ограниченной музейной деятельности в сельской местности общественные музеи восполняли пробелы в сети этих учреждений.

Большую роль в идеологическом воспитании сельских тружеников, их самообразовании играли сельские библиотеки. Деятельность многих из них не сводилась лишь к выдаче книг, они занимались пропагандой литературы по различным отраслям знания. Пропаганда общественно-политической литературы, ленинского теоретического наследия занимала ведущее место в деятельности библиотек. Участвуя в разъяснении и пропаганде партийных решений, библиотечные работники организовывали книжные выставки, выставки-просмотры, «дни информации» с обзорами литературы, проводили беседы по материалам текущей периодики в красных уголках ферм и бригад.

В середине 60-х гг. от четверти до трети всех проводимых библиотеками мероприятий посвящались сельскому хозяйству. Это очные и заочные (через печать) читательские конференции, беседы на сельскохозяйственные темы, выставки, обсуждение новинок сельскохозяйственной литературы и др. Внедрение передового опыта в производство зачастую осуществлялось именно благодаря активной деятельности библиотек. Начавшаяся в 70-е гг. централизация библиотечного обслуживания способствовала как в целом улучшению работы с читателями, так и совершенствованию пропаганды сельскохозяйственных знаний. В практику центральных библиотечных систем стали входить организация экономических конференций, индивидуальное информирование специалистов сельского хозяйства.

В 70—80-е гг. начала складываться интегрированная система, включающая усилия органов научно-технической информации, библиотек, средств массовой информации по пропаганде и внедрению в производство достижений науки, техники и

передового опыта. Опыт такой организации имеется в Омской, Новосибирской и других областях. В Омской области, например, на базе центральных районных библиотек действуют советы научно-технической информации и пропаганды сельскохозяйственной книги, в сельских библиотеках — бюро научно-технической информации, при которых работают реферанты — специалисты сельского хозяйства, отбирающие литературу о новых достижениях сельскохозяйственной науки и практики, информирующие о ней работников колхозов, совхозов, агропромышленных комплексов. Возросла роль сельских библиотек в рамках культурно-спортивных комплексов, заметно расширилась сфера их влияния, возросли возможности для организации и проведения крупных мероприятий.

Сельские библиотеки все более активно содействуют созданию в колхозах и совхозах добровольных обществ книголюбов. Совместно с ними устанавливают деловые связи с творческими организациями краевых и областных центров, организуют встречи сельских тружеников с писателями, ведут работу по приближению книги к сельскому трудовому коллективу. Так, в библиотеке совхоза «Суминский» Чулымского района Новосибирской области с помощью книголюбов была организована книжная выставка «Жатва-85». В начале 1986 г. Чулымская районная организация общества книголюбов провела день сибирской поэзии и прозы с участием писателей. В 1980 г. в селах Омской области насчитывалось 46 клубов книголюбов.

С 1965 по 1985 г. число читателей всех сельских библиотек системы Министерства культуры РСФСР выросло в Сибири с 2 млн до 3,5 млн чел. Возрастал по большинству районов Сибири и такой показатель, как процент охвата населения библиотечным обслуживанием. Уже в 70-е гг. он был выше по селу, чем

по городу. Это во многом объясняется тем, что библиотеки в селах являются подчас единственным источником получения нужной книги. По данным Министерства культуры РСФСР, доля читателей сельских библиотек в составе населения Красноярского края увеличилась с 67,8 % в 1978 г. до 69,1 % в 1983 г. (читателей городских библиотек — с 44,8 до 47,4 %), несколько превысив показатель по РСФСР (67,3 %). В остальных районах Сибири он был ниже республиканского уровня, причем наиболее низкие показатели имели Тюменская (49,7 %), Томская (55,4 %) и Иркутская (57,0 %) области.

Книговыдача росла как абсолютно, так и относительно. В 1975 г. по всем сельским библиотекам Сибири она составила 62,9 млн книг, в 1980 г. — 77,3 млн, в 1985 г. — 79,3 млн. В 1965 г. число выданных книг и журналов в среднем на одного сельского жителя региона составило 17 экз., в 1975 г. — 22 экз., оставаясь примерно таким же и в середине 80-х гг. Однако в ряде областей этот показатель был заметно выше: в Иркутской, Кемеровской и Томской — 24, в Читинской — 26 экз.

Изучение читательских интересов показало, что сельские жители отдадут предпочтение художественной литературе — классической и современной, активно читают литературу приключенческого и фантастического жанров, книги военно-патриотической и исторической тематики. Меньший интерес проявляют сельские читатели к научно-популярной, общественно-политической и специальной литературе. В целом же библиотека постепенно утрачивает завоеванные ранее позиции. Сейчас уже не она формирует художественные вкусы населения. Книжный фонд ее используется недостаточно. То обстоятельство, что каждая книга во многих сельских библиотеках Сибири востребовалась читателями чуть больше одного раза в год, сви-

детельствует, с одной стороны, о недостатках пропаганды литературы, а с другой — об отсутствии зачастую нужных книг и необходимости обновления книжного фонда.

В деятельности сельских культпросветучреждений особое внимание обращалось на пропаганду передовых методов труда, внедрение опыта лучших механизаторов, обеспечение социалистического соревнования. В 60-е гг. получили распространение такие формы работы, как вечера-встречи с передовиками производства, чествование трудовых династий, торжественное присвоение званий «Почетный колхозник», «Почетный гражданин села», посвящение в земледельцы, а также другие массовые праздники труда («Праздник урожая», «Праздник первой борозды», Дни Алтая и др.). В 70—80-е гг. в практику обслуживания сельских тружеников стали внедряться ежемесячные дни культуры, в которых участвовали школы, клубы, библиотеки, работники службы быта и торговли. В отдельных хозяйствах на период сельскохозяйственных работ создавались пресс-группы из работников общественных организаций и учреждений культуры. Их цель — оперативно освещать в печати ход сельскохозяйственных работ, заботиться о людях труда. Применяя различные формы морального поощрения, работники учреждений культуры нередко сами становились членами механизированных отрядов или культурно-бытовых звеньев, бригад, работающих на единый наряд. Такое культурно-бытовое звено, состоявшее из работников клуба и библиотеки, входило в период полевых работ 1985 г. в одну из бригад колхоза им. Ульянова Кемеровской области. В колхозе им. Чапаева Алейского района Алтайского края культпросветработники способствовали внедрению безрядной системы организации труда, используя для этого устные журналы и тематические вечера, программы агитбригад и кинофильмы, беседы и обзоры ли-

тературы⁴⁷. Эти новые начинания в деятельности культпросветработников побуждали их экономически мыслить, жить заботами трудового коллектива, критически осмысливать факты потерь рабочего времени, не полностью убранный урожай, нерадивого отношения к технике, стремиться поставить на службу неиспользованные резервы.

Однако в деятельности культурно-просветительных учреждений по трудовому воспитанию имелись существенные недостатки: отсутствовала система воспитательных мер, морального стимулирования, распространения передового опыта. Во многих хозяйствах она подменялась разовыми мероприятиями, преобладала устаревшая наглядная агитация, редко обновлялись Доски почета. О низкой эффективности трудового воспитания свидетельствовала слабость трудовой, исполнительской и технологической дисциплины, организации труда и соцсоревнования. Кроме того, забота об улучшении торгового, бытового, медицинского и культурного обслуживания селян проявлялась, как правило, в связи с подготовкой и проведением посевных и уборочных кампаний — развитие социальной сферы села рассматривалось не как цель, а как средство развития экономики.

Важной задачей учреждений культуры на селе является эстетическое воспитание трудящихся. Эту задачу сельским культпросветработникам помогали решать кинотеатры, университеты культуры, музыкальные школы, а в 80-е гг. — музыкальные и литературно-музыкальные гостиные. Сельским жителям предлагались встречи с писателями, поэтами, деятелями искусств, диспуты, тематические вечера, лекции по литературе и искусству, вечера кинозрителя. Важным средством приобщения к искусству было самодеятельное худо-

---

⁴⁷ Культурно-просветительная работа.— 1985.— № 6.— С. 2—3; 1986.— № 11.— С. 2—3.

жественное творчество; успех массовых клубных акций во многом зависел от участия в них самодеятельных художественных коллективов.

Период 60—70-х гг. отмечен ростом массовости, вовлечением в художественное творчество все большего количества участников. За 1959—1965 гг. в Западной Сибири число участников сельской художественной самодеятельности при клубных учреждениях Министерства культуры РСФСР увеличилось со 130 тыс. до 142 тыс. чел. За 1970—1980 гг. число кружков художественной самодеятельности и их участников в сельских клубных учреждениях Сибири удвоилось. К 1980 г. сельская художественная самодеятельность объединила около 450 тыс. любителей искусства. По данным Министерства культуры РСФСР, число спектаклей и концертов сельской художественной самодеятельности в клубах Сибири увеличилось с 59,9 тыс. в 1960 г. до 170 тыс. в 1983 г., на них присутствовало соответственно 7364 тыс. и 18 333 тыс. чел. Существенно дополняли концертную деятельность выступления агитбригад, пользующиеся большой популярностью у сельских тружеников.

Многие творческие коллективы переросли узкие рамки кружков, появились более сложные виды самодеятельности: симфонические и джазовые оркестры, хоровые капеллы, художественные ансамбли, фольклорные коллективы, академические хоры и народные ансамбли песни и танца. Наиболее высокую организационно-творческую форму любительского искусства представляют народные самодеятельные коллективы, по исполнителскому мастерству и богатству репертуара нередко не уступающие профессиональным. Многие из них существуют уже не один десяток лет. Так, например, до сих пор активно выступают в селах Новосибирской области народный ансамбль песни и танца «Сибирские зори» Ордынского района, получивший это

звание еще в 1962 г., Колыванский народный ансамбль песни и танца, образованный в конце 40-х гг., фольклорная группа с. Балман Куйбышевского района, которой в 1985 г. исполнилось 20 лет (ее ветераны — Н. Г. Носова, М. М. Ловцова, М. И. Носоненко, М. А. Коцелап). К середине 1986 г. звание «народный» носили 17 ансамблей песни и танца сельских районов области⁴⁸.

Закономерным результатом развития художественной самодеятельности явилось создание народных театров. В 1959 г. этого почетного звания были удостоены Усть-Пристанский драматический коллектив Алтайского края, Колпашевский Томской области, Карасукский Новосибирской области и др. Народные театры работали, как правило, в районных домах культуры, и доля колхозников среди самодеятельных артистов составляла около 10 %.

В 1961—1962 гг. прошел I Всероссийский смотр народных театров, в котором участвовало 119 сельских самодеятельных коллективов. Лауреатом смотра стал Усольский народный театр Иркутской области. В 1964—1965 гг. состоялся II Всероссийский смотр народных театров, в нем участвовало уже 207 самодеятельных коллективов РСФСР. На этот раз звания лауреата смотра был удостоен Называевский народный театр Омской области. В 70—80-е гг. в Сибири проводились праздники самодеятельного искусства «Театральная весна». В регионе сложилось немало стабильно работающих народных театров. В Омской области к таким коллективам можно отнести театры в пос. Черлак, в с. Щербакуль, Тарский и Исилькульский народные театры. К середине 80-х гг. в области насчитывалось более 50 народных коллективов, из них 23 театральных⁴⁹.

⁴⁸ Советская Сибирь.— 1985.— 12 июня, 20 дек.; 1986.— 30 мая, 25 июня.

⁴⁹ Земля сибирская, дальневосточная.— 1985.— № 10.— С. 48.

Концертную, просветительную и воспитательную деятельность самодеятельных коллективов активизировали фестивали, смотры и другие праздники народного искусства. В 1964—1965 гг. состоялся Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, который способствовал выявлению талантливых певцов, художников, композиторов, артистов из народа, обогащению и расширению репертуара участников художественной самодеятельности, повышению их исполнительского мастерства. С середины 70-х гг. стали проводиться раз в пять лет Всесоюзные фестивали художественного творчества. Вместе с тем в областях и краях Сибири проходило большое число местных смотров самодеятельности, примером чему может служить Новосибирская область, где с начала 70-х гг. стали традиционными фольклорные праздники и фестивали, популяризовавшие народное творчество.

Однако в 70-е гг. наметились и в начале 80-х гг. углубились негативные тенденции, обнажились серьезные проблемы в развитии художественной самодеятельности. Упала престижность многих традиционных жанров. Вокально-инструментальный жанр стал опережать другие формы самодеятельности, оставив, в частности, далеко позади духовые оркестры и оркестры народных инструментов, хоровое пение. Хоровая самодеятельность уже на протяжении 15 лет имеет устойчивую тенденцию к сокращению. В Омской области только за 1983 г. число хоровых коллективов сократилось на 16, в Тюменской распалось 14 хоров. В середине 80-х гг. в Новосибирской области оркестрами народных инструментов располагал даже не каждый район. В 1985 г. более 5 тыс. клубов страны системы Министерства культуры (в РСФСР — 3,5 тыс.) не имели ни одного кружка; в 52 % клубов не было хоров, причем академические существовали лишь в 4 % клубов, в 89 % клубов

отсутствовали оркестры народных инструментов, в 88 % — духовые оркестры; вместе с тем эстрадные оркестры и ВИА имели в стране 35 % клубов, в РСФСР — 52 %. В 1987 г. народные оркестры и ансамбли составляли лишь 2,4 % самодеятельных коллективов РСФСР⁵⁰.

Отрицательную роль в развитии жанра исполнительства на народных инструментах сыграли свертывание производства музыкальных инструментов, сокращение издания популярной литературы для народных оркестров, закрытие соответствующих классов в детских музыкальных школах. В связи с уменьшением численности сельского населения сужается среда обитания народно-хоровой самодеятельности, ослабление традиции народно-хорового пения в быту ведет к тому, что и в клубах народных хоров становится все меньше.

Сложные и неоднозначные процессы переживает театральная самодеятельность. Сокращается количество сельских театральных кружков и их участников. В 1983 г. только в Омской области число коллективов уменьшилось на 13 %. Прекращают свое существование прежде всего мелкие кружки, ибо при возросшем уровне духовных потребностей и возможностей их удовлетворения (кино, телевидение) идея драмкружка, возглавляемого недостаточно компетентным руководителем, не находит отклика у зрителей и участников. Среди народных театров также немало таких, чья деятельность не вызывает активного интереса у зрителя. Систематически работающие на селе театры, где есть постоянные режиссеры, не составляют большинства среди всех народных театров.

Обострился дефицит притока свежих сил в творческие коллективы. Число их снизилось, упало количество участников. Сократилась кон-

⁵⁰ Культурно-просветительная работа.— 1985.— № 12.— С. 20; 1986.— № 1.— С. 2; № 7.— С. 10; 1987.— № 10.— С. 15.

цертная деятельность самодеятельных артистов: по данным Министерства культуры РСФСР, число данных ими спектаклей и концертов в сельских клубных учреждениях Сибири уменьшилось со 170 тыс. в 1983 г. до 162,8 тыс. в 1986 г. (в РСФСР — с 1187,6 тыс. до 1131,0 тыс.), количество зрителей — с 18,3 млн до 16,3 млн чел. (в РСФСР — с 128,8 млн до 121,6 млн чел.).

Вопросам развития народного творчества было посвящено всесоюзное совещание, состоявшееся 4—5 апреля 1988 г. в Москве. На нем отмечалось, что застойные и другие негативные явления в развитии общества стрипцательно отразились и на содержании духовной жизни советских людей, развитии народного творчества. Во многом утрачиваются главные достоинства народного творчества — массовость, самобытный характер, высокий патриотизм и интернационализм. Развитие народного творчества сдерживается сложившимися формами руководства художественной самодеятельностью, значительным отставанием материально-технической базы и недостатками в кадровом обеспечении.

Долгое время художественную самодеятельность приучали к кампанейщине. Это привело к тому, что большая часть кружков действовала эпизодически, от смотра к смотру, ограничивался выбор репертуара, порой предъявлялись ослабленные требования к художественному качеству — лишь бы соответствовать высокой теме. Поэтому не случайно в современных условиях обострились противоречия между демократическим характером самодеятельности и бюрократическими методами ее организации.

Вне поля деятельности сельских учреждений культуры обычно оставалось техническое творчество. Стереотипное мышление, согласно которому клуб — это гармоника, песня, лихой танец, пока еще повсеместно сильно. В результате слабо развивались такие направления любитель-

ских занятий, как фото- и кинодело. Редкостью на селе были кружки, развивающие научно-техническое творчество: радиотехнические, любителей-связистов и др. Между тем статистика свидетельствует, что сегодня 70—80 % сельских жителей хотят заниматься не художественной, а технической самодеятельностью⁵¹. Многие из них занимаются техническим творчеством у себя дома, мастерят радиоприемники, модернизируют передвижные средства (мотоциклы, мотороллеры). Однако эта деятельность в клубах не организована. Только в последнее время стали возникать объединения по интересам, ориентированные на сочетание индивидуальных особенностей с коллективным творчеством (клубы любителей документального кино, женские клубы «Хозяюшка», «Клубы интересных встреч» и др.).

Жизнь села развивается не изолированно, а в тесной связи с культурной жизнью города. Более того, зависимость социального развития деревни от города возрастает. Под влиянием процесса урбанизации значительно усиливаются связи городов с непроизводственной сферой деревни. В результате увеличения подвижности населения сельские жители все активнее включаются в культурную жизнь городов — посещают театры, концертные залы, музеи и кинотеатры. По данным социологического обследования, проведенного в 1973—1975 гг. в Омской области, 21 % опрошенных сельских жителей специально выезжали в Омск для посещения театров, 13 % — для знакомства с музеями.

Воздействие города на село происходило и благодаря разносторонним формам культурно-шефской деятельности. В 1971 г. была создана Центральная комиссия по культурно-шефской работе на селе; аналогичные комиссии, возглавляемые, как правило, ведущими деятелями культуры и искусства, появились в краях

⁵¹ Там же. — 1987. — № 9. — С. 15.

и областях. В 60—80-е гг. наряду с традиционными формами культурно-шефской работы, сложившимися в предшествующий период, развивались новые: открывались филиалы театров, филармоний, народные музеи, картинные галереи; деятели искусства брали индивидуальное шефство над сельскими коллективами художественной самодеятельности; проводились сельские и районные фестивали искусств; осуществлялись поездки сельских тружеников в городские театры, музеи, концертные залы; улучшалась организация дел — получали распространение договоры о содружестве, долгосрочные планы культурно-шефских мероприятий.

Повысилась роль театра в жизни села. Расширилась география выездов профессиональных театров на село, увеличилось число спектаклей. В 60—70-е гг. общее количество театральных постановок увеличивалось почти исключительно за счет числа спектаклей, показанных на селе, и темпы роста сельской театральной аудитории были выше, чем общее увеличение числа зрителей. С 1965 по 1973 г. доля сельских спектаклей в РСФСР возросла с 21,2 до 32,2 %; за это время количество зрителей в театрах республики увеличилось на 11 %, а посетителей сельских спектаклей — на 67 %. В 70-е гг. в селах Алтайского края силами профессиональных коллективов ежегодно давалось не менее 2,5 тыс. спектаклей и концертов, обслуживалось около 700 тыс. зрителей. В годы одиннадцатой пятилетки омские театры и коллективы филармонии ежегодно давали на селе более 1,2 тыс. концертов и спектаклей⁵². Для приближения сельских тружеников к театральному искусству в городах Сибири стали организовываться специальные «театральные»

поезда — «Театрал», «Турист», «Поезд искусств» и др.

Получили распространение в сельской местности концерты музыкальных коллективов — симфонических оркестров, оркестров народных инструментов, народных и академических хоров. В эту пропагандистскую и просветительную работу все активнее включались представители Сибирской организации Союза композиторов. Так, по ее инициативе с 1983 г. в Кыштовском районе Новосибирской области стали проводиться ежегодные Дни музыки. Большую роль в пропаганде музыкального искусства играли коллективы филармоний, их концерты составляли основную часть деятельности всех творческих коллективов на селе. Так, из 4650 концертов и спектаклей, состоявшихся в 1974—1975 гг. в селах Новосибирской области, 3028 дала местная филармония⁵³.

Расширяли творческие связи с селом и писательские организации. В практику стали входить творческие отчеты сибирских писателей и поэтов перед тружениками села, выезды литераторов в колхозы и совхозы Сибири. Активное участие писатели-сибиряки принимали в читательских конференциях, книжных базарах, а также в традиционных Днях литературы и литературных праздниках, проводившихся в разных районах Сибири. В Читинской области — это праздник книги «Забайкальская осень», в Тюменской области — Дни советской литературы, в Омской области — литературный праздник «Омская зима», в Красноярском крае — декады красноярской литературы, в Иркутской области — литературные чтения им. В. Ф. Раевского в с. Олонки.

Пропаганда изобразительного искусства на селе осуществлялась путем организации выставок из музейных собраний, работ местных художников, проведения лекций, бесед,

⁵² Земля сибирская, дальневосточная. — 1986. — № 4. — С. 53; Социологические исследования театральной культуры села. — Свердловск, 1978. — С. 10, 12.

⁵³ ЦА ВЦСПС, ф. 441, оп. 1, д. 3665, л. 128.

встреч с художниками. Мастерам изобразительного искусства принадлежит инициатива создания в сельских районах картинных галерей. Этот новый для села тип учреждения культуры начал складываться в конце 50-х гг. и получил впоследствии распространение во всех областях и краях Сибири. Поддержка и помощь Союза художников РСФСР, органов культуры явилась условием дальнейшего развития народных галерей. Так, одна из первых в Томской области картинных галерей, открывшаяся в с. Подгорном, в 1970 г. насчитывала уже 200 полотен, их подарили сельчанам томские, омские, киевские, ленинградские и московские художники. Большое количество живописных и графических произведений подарил жителям Новосибирской области и Алтайского края заслуженный деятель искусств И. В. Титков. Он был одним из инициаторов создания в 1970 г. Краснозерской картинной галереи, занимающей ныне одно из ведущих мест в стране. Свои сельские филиалы открыли художественные музеи и картинные галереи Сибири. Несколько филиалов было создано в Иркутской области. Один из них — в с. Ингино — открыт в 1983 г., здесь постоянно действуют лектории «Советское изобразительное искусство», «Мастера русского искусства» и др.

Появились и стали традиционными на сельской земле большие праздники профессионального искусства, фестивали. В 1966 г. в Томской области было положено начало ежегодному фестивалю культуры и искусств «Северное сияние», который включает выступления различных гастрольных коллективов, концертных бригад, артистов театров и кино. Традиционными стали также фестивали искусств «Тюменский меридиан», «Зори Кузбасса», «Новосибирская осень», «Ангарские зори» (Иркутская область), «Алтайская осень», «Золотое лето Алтая», «Союз искусства и труда» и «Золотая осень» (Омская область), «Композиторы

России — труженикам Томской области», «Сибирские композиторы — труженикам Новосибирской области» и др. В начале 1986 г. в Новосибирской области состоялся фестиваль театрального и музыкального искусства, посвященный XXVII съезду партии.

Примеров действенного содружества творческой интеллигенции с сельскими труженниками немало. Между тем в развитии культурно-шефской деятельности на селе, особенно в 70-х — первой половине 80-х гг., обнаружились существенные недостатки. Зачастую она активизировалась лишь в период подготовки и проведения праздников, фестивалей, смотров, приобретая, таким образом, эпизодический характер. Кроме того, творческие организации, как правило, не охватывали отдаленные районы и села, жители которых реже посещали город с его культурно-зрелищными учреждениями и больше нуждались в культурном шефстве. Возникли большие диспропорции в обслуживании профессиональным искусством различных территорий Сибири. В начале 80-х гг. жителям сел РСФСР было показано в относительном исчислении примерно такое же число театральных спектаклей, как и городским жителям (соответственно 11 и 12 спектаклей на 10 тыс. населения). Однако большинство районов Сибири еще не достигло таких показателей. Показатель посещаемости театров сельскими жителями Сибири в 1983 г. был ниже, чем в РСФСР (исключение составили Красноярский край и Кемеровская область), и во многих районах имел в начале 80-х гг. тенденцию к снижению. В результате диспропорции в театральном обслуживании населения отдельных территорий Сибири в 80-е гг. не уменьшились, а в ряде случаев увеличились.

Эта негативная тенденция продолжалась и во второй половине 80-х гг. На пленуме Новосибирского обкома КПСС в феврале 1989 г. от-

мечалось: «Только за четыре последних года количество спектаклей на селе сократилось в два раза. Охладели к сельскому труженику композиторы, художники, писатели. Такой работой мы не воспитаем потребность и интерес к миру прекрасного, не утолим духовный голод наших людей»⁵⁴. О снижении удельного веса спектаклей, концертов, представлений, творческих вечеров и других мероприятий, проводимых профессиональными театрами в селах страны, свидетельствуют и данные государственной статистики. Если с 1970 по 1975 г. произошел некоторый рост их доли в общем числе мероприятий (с 28 до 31 %), то в последующие годы она заметно падает: в 1980 г.— до 29 %, в 1985 г.— до 27, в 1986 г.— до 26, в 1987 г.— до 25 %⁵⁵.

Проблема повышения художественной культуры села лежит в плоскости создания глубоко продуманной системы эстетического воспитания, которая бы охватывала все категории населения и учитывала социально-профессиональные, возрастные и иные особенности. Результатом отсутствия такой системы является, в частности, то обстоятельство, что сегодня более двух третей населения страны не посещает театральные спектакли и цирковые представления, более половины находится вне сферы деятельности концертных организаций, 88 % не бывает в музеях и на выставках. Таким образом, на деле оказалось, что искусство поистине общенародным достоянием не стало, более того, произошел разрыв между его достижениями, с одной стороны, и низкой степенью приобщенности к культуре трудящихся масс — с другой.

Конечно, прошедшие десятилетия не были только временем потерь. Развитие культуры остановить нельзя. В 60—80-е гг. в сфере духовной деятельности на селе произошли важные изменения, нашедшие свое

отражение в некотором совершенствовании и обновлении основных направлений и форм культурно-просветительной работы. Многие из них приходятся на конец 50-х—60-е гг.— период, названный в истории нашей страны «оттепелью». Этот период характеризовался подъемом общественной жизни, переоценкой многих ценностей, качественными переменами в культурной жизни. «Оттепель» сменилась годами застоя, когда в управление культурой все более внедрялись регламентация и показуха, кампанейщина и администрирование, парадность и официоз. А для клубного работника все большее значение приобретал отчет о мероприятиях, набор которых все чаще предлагался сверху. Для самовыражения оставалась лишь художественная самодеятельность, развитие которой шло противоречиво.

Социологические исследования духовных потребностей в сфере досуга свидетельствуют о довольно значительной степени неудовлетворенности работой культурно-массовых учреждений. Имеются серьезные диспропорции в возможностях потребления культурных благ сельскими и городскими жителями, людьми, принадлежащими к различным социальным группам. Более того, разница между наиболее и наименее культурными слоями населения не сокращается, а увеличивается. При этом меньше всего удовлетворены сферой культуры молодежь, специалисты, служащие, т. е. люди с более высоким образованием. Культурная самодеятельность населения, прежде всего молодежи, реализуется нередко вне клубных учреждений, которые все чаще оцениваются многими людьми как консервативные, медленно реагирующие на современные тенденции и требования к духовной жизни. Даже лучшие дворцы культуры могут предоставить посетителям 20—30 видов организованного досуга, а сельские клубы — 5—10, тогда как наиболее распространенных видов досуга около 200.

⁵⁴ Советская Сибирь.— 1989.— 23 февр.

⁵⁵ Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник.— М., 1988.— С. 511.

Снижается посещаемость клубных учреждений. В 1986 г. клубы Омской области и Красноярского края заполнялись только на 40 %, а в целом по республике — на 30 %⁵⁶. Это не случайно, поскольку показатели посещаемости в 80-е гг. стабильно снижались. Запустение учреждений культуры не только не преодолено, но оно усилилось, свидетельствуя об отчуждении от этих учреждений, падении интереса к ним.

Сегодня нельзя рассчитывать на полноценность культурно-просветительной работы, на эффективность организации досуга трудящихся, предлагая им роль лишь потребителей готовых форм и жанров, изобретенных культпросветработниками. Практика культурно-просветительной деятельности, когда «сверху спускают» единую для всех программу мероприятий, пытаясь насаждать ее с помощью административных мер, изжила себя. Поэтому важно изменить саму суть отношения сельского населения к клубам, которые должны быть не только учреждениями для трудящихся, но и самостоятельными объединениями самих трудящихся, центрами неформального общения, формирования общественного мнения и развития демократии. Необходимо также в целом изменить концепцию деятельности клубных учреждений, которые по-прежнему во главу угла ставят так называемое «культурное обслуживание» людей, а не включение их в активную культурную деятельность. На Всесоюзном совещании по народному творчеству в апреле 1988 г. отмечалось, что на селе «все больше ощущается потребность не только в помещениях для просмотра фильмов, концертов, каковыми чаще являются клубы, многие дома культуры, но и в местах для семейного отдыха, живого общения людей, занятий художественным и техническим творчеством. То есть наступает время многофункциональ-

ных центров досуга, где наряду со зрительными залами были бы гостиные и детские комнаты, кафе, действовали различные любительские объединения»⁵⁷.

В конце 80-х гг. администрирование в сфере культуры превратилось в анахронизм, противоречащий самой природе этой сферы. Между тем требования, предъявляемые временем к системе культпросветработы, оказались не по силам большинству сельских учреждений культуры. По содержанию и уровню своей деятельности они отстали от средств массовой информации.

Необходимы законодательные решения, направленные на развитие культуры и искусства, исключаящие административно-бюрократические методы организации культурного процесса. Нужна новая стратегия развития отрасли, которая увязала бы между собой экономические, управленческие, социальные и творческие ее аспекты. К проблемам, от решения которых зависит дальнейшее совершенствование культурно-просветительной деятельности на селе, относятся повышение качественного уровня услуг, предоставляемых клубами и библиотеками населению, расширение контингента постоянных посетителей этих учреждений и работа с различными категориями населения, организация в условиях клуба форм семейного досуга и использование домашних любительских увлечений людей, создание условий для функционирования и развития любительских объединений и клубов по интересам, взаимосвязь и координация деятельности клубных учреждений с другими институтами, работающими в сфере свободного времени.

5. Использование свободного времени

Уровень потребления культурных благ в немалой степени зависит от величины свободного времени. Сво-

⁵⁶ Советская культура.— 1986.— 21 авг.;
Культурно-просветительная работа.—
1986.— № 1.— С. 2.

⁵⁷ Советская Россия.— 1988.— 7 апр.

бодное время — огромное богатство человека. По определению В. И. Ленина, оно должно использоваться каждым трудящимся «для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина»⁵⁸. Свободное время составляет значительную часть всего бюджета времени человека. Однако у разных социальных групп структура деятельности и величина свободного времени различны. У крестьянства своеобразные формы его проведения связаны как с традициями, так и с особенностями режима работы в сельскохозяйственном производстве, с культурно-бытовым обслуживанием села, сохраняющимся еще невысоким уровнем образования жителей села.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства, рост производительности труда, социальное развитие деревни привели в середине 60-х гг. к сокращению трудовой нагрузки сельского населения (в общественном, личном подсобном и домашнем хозяйстве), увеличению его свободного времени. Росту свободного времени способствовали проведенные в 1967—1972 гг. такие социальные меры, как перевод рабочих и служащих на пятидневную рабочую неделю, увеличение продолжительности отпусков, снижение возрастной границы, дающей право членам колхозов на пенсию по старости (для мужчин — с 65 до 60, для женщин — с 60 до 55 лет). Общество осуществляло меры, обеспечивающие увеличение свободного времени сельских жителей: улучшало жилищные условия, бытовое обслуживание, расширяло сеть учреждений торговли и общественного питания; колхозы и совхозы организовывали помощь в проведении трудоемких операций в личном подсобном хозяйстве.

Вместе с тем свободное время сельских работников увеличивалось значительно медленнее, чем городских. Изменилась структура свободного

времени крестьян: увеличилась доля развлечений, существенно возросли затраты времени на чтение, став у мужчин почти такими же, как у горожан; а доля любительских, физкультурно-спортивных занятий, общественной работы уменьшилась; у сельчан в отличие от горожан осталась большая доля бездеятельного отдыха.

В 60-е гг. свободное время сельских жителей возрастало за счет уменьшения затрат труда в личном подсобном хозяйстве (особенно у женщин) и снижения сезонных колебаний труда в общественном производстве. Сезонность труда в сельском хозяйстве имеет негативные социальные последствия: неполная занятость части работников зимой, уменьшение величины их свободного времени в период пика работ в общественном и личном подсобном хозяйстве, невозможность получения и использования трудовых отпусков в наиболее благоприятный для отдыха летний период. При этом если в 30-е гг. сезонность сельскохозяйственного труда была связана главным образом с продолжительностью рабочего дня в общественном хозяйстве, то с 60-х гг. большое значение приобрели сезонные колебания затрат труда в личном подсобном хозяйстве.

В 60-х — середине 70-х гг. в процессе урбанизации деревни величина свободного времени в расчете на одного сельского жителя продолжала расти, менялась его структура: повысилась доля времени, расходуемого на потребление информации, в том числе на просмотр телепередач, больше времени стало затрачиваться на воспитание детей и меньше — на бездеятельный отдых. Тем не менее у сельских жителей оставалась высокой трудовой нагрузка, в середине 70-х гг. они имели на 8—10 ч в неделю меньше свободного времени, чем горожане (табл. 55). При ответе на вопрос «Что мешает Вам проводить досуг так, как хотелось бы?» сельские работники Новосибирской области на первое место поставили большую занятость в домашнем и

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 299.

Величина и структура свободного времени городского и сельского населения в возрасте 15—70 лет (выборочные обследования)*

Вид деятельности	г. Рубцовск, 1980 г.	Села Новосибирской области, 1975—1976 гг.		
		в среднем	неурбанизи- рованные слабо развитые	урбанизован- ные развитые
Учеба, общественная работа, любительские и физкультурно-спортивные занятия, воспитание детей, %	27	22	20	34
Чтение, слушание радио, просмотр телепередач, зрелища, %	50	35	32	38
Прочие виды отдыха и развлечения, %	23	43	48	38
Свободное время, ч в среднегодовую неделю	38,5	29,3	23,5	32,0

* Обследования проведены ИЭиОПН СО АН СССР под руководством В. А. Артемова (Артемов В. А., Балыкова Н. А., Калугина З. И. *Время населения города: Планирование и использование.* — Новосибирск, 1982; *Рабочее и внерабочее время сельского населения.* — Новосибирск, 1979).

личном подсобном хозяйстве, на второе — недостатки культурного обслуживания и на третье — неудобство режима труда, нерегулярность предоставления выходных дней и усталость после работы.

Наибольшим фондом свободного времени располагали жители урбанизированных сел с развитым культурно-бытовым обслуживанием (см. табл. 55). Удельный вес населения, проживающего в крупных (людностью более 1000 чел.) урбанизированных поселениях увеличивался, что способствовало росту фонда свободного времени и рационализации его использования.

Рост культурно-образовательного уровня сельского населения способствовал сокращению различий в структуре деятельности на досуге между колхозным крестьянством и другими группами работников села. По данным обследования бюджетов времени сельского населения Новосибирской области, использование свободного времени средним работником и колхозником мало различалось (табл. 56). В фонде свободного времени снизился удельный вес ежедневного досуга и увеличилась доля отдыха в выходные и праздничные

дни, в период отпуска, что характерно и для других развитых стран.

Результаты социологического обследования, проведенного в 1982 г., подтвердили, что по развитости досуга нет различий между колхозниками и работниками совхозов, однако у работников сельского хозяйства менее развит досуг по сравнению с занятыми в других отраслях (табл. 57).

Распределение населения по типам досуга получено на основе анкетных данных о видах и частоте занятий, осуществляемых в свободное время. С учетом преимущественной направленности видов деятельности на традиционные и урбанистические формы проведения свободного времени⁵⁹ были выделены три типа досуга. Слаборазвитый досуг характеризовался проведением свободного времени преимущественно перед телевизором, в семейном кругу или в общении с друзьями, любительским трудом в саду, огороде, шитьем и бездеятельным отдыхом. Среднеразвитый досуг предполагал более широкий круг за-

⁵⁹ Методику построения см.: Тапилина В. С. Типология досуга жителей села // Сибирская деревня в условиях урбанизации. — Новосибирск, 1976. — С. 101—115.

Использование свободного времени сельскими жителями Новосибирской области в 1975—1976 гг., ч в среднегодовую неделю

Вид деятельности	Работники общественного производства		Домохозяйки	Пенсионеры	Учащиеся
	В среднем	Колхозники			
Занятия с детьми	1,2	1,0	4,4	1,7	0,6
Учеба *, общественная работа, творческие и любительские занятия	1,1	1,2	0,9	0,1	1,0
Отдых на природе, физкультурно-спортивные занятия	1,6	2,8	1,7	1,6	5,9
Просмотр кинофильмов, концертов и других зрелищ	1,3	1,6	1,7	0,4	8,3
Чтение	2,7	2,9	2,3	2,6	6,4
Просмотр телепередач, слушание радио	5,9	5,9	5,1	6,1	5,9
Прием и посещение гостей	5,1	3,0	5,7	5,0	5,4
Прочий отдых и развлечения	4,6	5,5	4,9	16,9	9,5
Итого свободное время . . .	23,5	23,9	26,7	34,4	43,0

* Исключены затраты времени на учебу учащихся, которые составляют 39,6 ч в среднегодовую неделю и являются элементом их трудовой нагрузки.

Т а б л и ц а 57

Распределение сельских работников по типам досуга (1982 г.), % к итогу

Тип досуга	Колхозники	Работники совхозов	Работники не-сельскохозяйственных отраслей
Слаборазвитый	46	45	29
Среднеразвитый	38	37	40
Развитый	16	18	31

нятий по сравнению со слаборазвитым. При этом, как правило, была интенсивно развита какая-нибудь одна группа потребностей на фоне слабого развития других. Для этого типа досуга характерны не только просмотр телепередач, общение с друзьями, любительский труд, но и либо регулярное чтение художественной литературы, посещение различных клубных мероприятий, либо повышение уровня образования, либо активные занятия спортом. Сельские жители с развитым досугом регулярно читали художественную литературу, посещали кино, концерты или другие клубные мероприятия, участвовали в непрофессиональном твор-

честве, значительно больше, чем другие жители, уделяли внимания активному физическому отдыху, спорту.

За период с 1977 по 1982 г. в Новосибирской области повысилась доля сельского населения с развитым типом досуга, а также вырос удельный вес удовлетворенных досугом. При этом на увеличении доли сельских жителей области с развитым типом досуга (с 22 до 32 %) в большей степени сказался рост культурно-образовательного уровня населения, чем развитие сферы досуга. Одна из причин этого — ограниченное влияние учреждений культуры на досуг сельского населения: их деятельность организует менее 10 % свободного

Изменение использования свободного времени сельскими работниками Новосибирской области, часов в рабочую неделю

Вид деятельности	Мужчины		Женщины	
	1975— 1976 гг.	1986— 1987 гг.	1975— 1976 гг.	1986— 1987 гг.
Занятия с детьми	0,8	1,6	1,2	1,3
Учеба и повышение квалификации	0,4	0,2	0,6	0,2
Общественная работа	0,8	0,2	0,4	0,3
Любительские и физкультурно-спортивные занятия, отдых на природе	2,8	4,0	1,0	0,6
Чтение, посещение кино, концертов, слушание радио	4,5	3,0	3,4	2,2
Просмотр телепередач	6,2	10,2	4,6	5,6
Посещение знакомых, прием гостей	4,7	3,0	4,2	3,0
Бездеятельный отдых	2,8	1,6	1,7	1,2
Прочие занятия	3,6	1,4	1,8	1,2
Итого свободное время . . .	26,6	25,2	18,9	15,6

времени жителей деревни Западной Сибири, что, например, в два раза меньше, чем в Латвийской ССР.

Не удалось преодолеть отставания в использовании досуга в деревне по сравнению с городом, где лучше условия его проведения и больше свободного времени. По сравнению с горожанами меньшая доля сельских жителей имеет развитый досуг (33 и 23 %) и существенно большая — слабо развитый (14 и 38 %) ⁶⁰. Среди жителей сел в два с лишним раза больше не удовлетворенных проведением своего свободного времени.

Вместе с тем в конце 70-х и особенно в 80-е гг. проводилась активная политика по развитию личных подсобных хозяйств, что способствовало росту занятости работающего населения в этой сфере. А вследствие этого повысилась общая трудовая нагрузка и сократилось свободное время у сельских жителей (табл. 58). Особенно существенно уменьшились возможности для разнообразного отдыха работниц сельского хозяйства: их свободное время сократилось в летнюю рабочую неделю с 13,3 ч в 1976 г. до 9,5 ч в 1987 г. При этом в досуговой деятельности уменьшилась

доля времени на занятия преимущественно развивающей направленности. И если у мужчин сокращение продолжительности свободного времени летом компенсировалось в зимний период, то у женщин оно сократилось и зимой.

В последнее десятилетие изменилась структура свободного времени: увеличилась доля потребления информации (за счет просмотра телепередач), занятий с детьми; у мужчин, кроме того, возросла и доля любительских занятий, а также отдыха на природе. Увеличился удельный вес сельских жителей, занятых воспитанием детей, играми с ними, заметно чаще взрослые стали помогать детям в выполнении домашних заданий.

Увеличение времени просмотра телепередач обусловлено расширением зоны устойчивого приема второй программы телевидения, увеличением потока проблемной информации о перестройке в обществе, стагнацией в деятельности учреждений культурного обслуживания, возможностью совмещать просмотр телепередач с другими занятиями и т. д. В просмотр телепередач включались практически все сельские жители, тогда как 10 лет назад смотрели телевизор три четверти из них. Наряду с этим у селян уменьшилась ориентация на

⁶⁰ Выборочное обследование городского населения Западной Сибири проведено ИнЭОПП СО АН СССР в 1984 г.

повышение образования и общественную работу. Сельское население ориентировано на увеличение затрат времени на любительские и физкультурно-спортивные занятия, отдых на природе, занятия с детьми, однако этому препятствуют недостаток свободного времени, а также слабость организационной и материальной базы досуга.

Превалирование домашних форм культурной деятельности (чтение, просмотр телепередач и пр.) над внесемейными характерно для большинства групп колхозников. При этом доля пассивного отдыха остается значительной независимо от степени социально-экономического развития деревни, она несколько снижается лишь в урбанизированных селах, где трудовая нагрузка минимальна, и в неурбанизированных селах со слабо развитой экономической структурой, где минимален фонд свободного времени.

Исследования бюджетов времени позволили установить, что значительную часть свободного времени сельские жители проводят с членами семьи. Это, с одной стороны, показатель прочности семейных отношений и фактор укрепления и развития семьи. С другой стороны, семейное времяпрепровождение означает сокращение сферы социального общения личности. Можно сказать, что сложился определенный стереотип домашнего проведения свободного времени, развлекательный по своей направленности. Однако наряду с такого рода домашним проведением времени намечается и другое, творческое по своей сути. Выделяется ряд направлений, по которым семья стимулирует духовный рост личности. Это, во-первых, посещение семей кино, концертов, спектаклей. Во-вторых, обращение к книге, журналу в целях поиска необходимой информации. В-третьих, проведение семейных вечеров активного культурного отдыха — форма взаимного культурного обогащения взрослых и детей в процессе их общения. На та-

ких вечерах члены семьи читают стихи, исполняют музыкальные произведения, просматривают диафильмы и пр. Организует их сравнительно небольшая часть сельских семей, преимущественно семьи работников умственного и квалифицированного физического труда. Эта же часть семей чаще ходит в кино, на концерты, спектакли. Важной задачей является более широкое распространение среди селян новых культурных традиций, обеспечивающих и общение, и активную любительскую деятельность как взрослых, так и детей.

В отдельных районах Сибири уже начали складываться новые культурные традиции, нашедшие свое выражение в проведении праздников «нашей улицы», «нашего дома», «нашего двора». Это соответствует процессу демократизации общества, поскольку в подобных праздниках принимают участие все жители «общественного дома», творя свой досуг, исходя из своих потребностей и возможностей. Так, в 80-е гг. во всех хозяйствах Каменского района Алтайского края стало традиционным проведение праздников сельских улиц, сопровождающихся концертами художественной самодеятельности, конкурсами семейных ансамблей и спортивных команд, чествованием трудовых династий. Демонстрировалось все то, что люди могут сделать собственными руками: это и самодельные инструменты, и мини-машины для обработки приусадебных участков, и вышивка, и вязание, и кулинарное искусство. Подготовка к торжеству превращалась в массовый поход за красоту и культуру быта: в порядок приводились дома, палисадники, школы, клубы, производственные помещения, дороги. Во время праздника подводились итоги смотра приусадебных участков и жилых домов, а семьям-победителям вручались удостоверения и таблички «Дом образцового порядка». Подобные праздники воспринимаются сельскими жителями как момент жизни «на ми-

ру», новое открытие знакомой улицы, ее людей, истории домов⁶¹.

Большую роль в сближении образа жизни городского и сельского населения и совершенствовании структуры свободного времени приобретают поездки селян в города (на учебу, в гости к родственникам, в кино, театр, цирк и т. д.). Частота таких поездок возросла: например, в города Новосибирской области не реже нескольких раз в месяц в 1972 г. ездили 16 % сельских жителей, в 1976 г. — 29, а в 1986 г. — 26 %. Наиболее часты поездки в город с социальными и культурно-бытовыми целями из поселений с развитой экономической структурой. Жители урбанизированных сел используют в два раза более богатый набор учреждений по сравнению с жителями неурбанизированных сел. Привлекательность города как центра культурного обслуживания в глазах сельского населения заметно повысилась. Доля респондентов, отметивших в числе привлекательных сторон городской жизни высокий культурный уровень и хорошие условия для проведения свободного времени, увеличилась с 29 % в 1972 г. до 33 % в 1977 г. и до 45 % в 1987 г., а доля ответивших, что им не нравится в деревенской жизни плохая работа учреждений культуры или вообще отсутствие мест отдыха, возросла с 10 % в 1972 г. до 11 % в 1977 г. и 15 % в 1987 г.

Однако, несмотря на увеличение доли населения, включенного в функционально разнообразные виды деятельности во время досуга, у большей части населения досуг развит слабо, в его структуре сократился удельный вес активных, социально значимых занятий. Эти причины, а также многолетняя традиция потребления алкоголя во время праздников на фоне неразвитости культурного обслуживания подчас приводили к таким отрицательным последствиям, как ут-

рата нравственности, культурных традиций, различного рода правонарушения, пьянство. Потребление алкогольных напитков во время отдыха и общения сельских жителей имело негативные последствия как для личности, так и для общества в целом. По мнению сельских жителей, в начале 80-х гг. в деревне стали выпивать больше, чем 10—15 лет назад: на это указали 86 % населения алтайского села и 77 % — новосибирского. В ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» (1985 г.) за короткое время удалось заметно сократить продажу и потребление спиртного, в том числе в сельской местности Сибири. Дальнейшая работа, направленная против пьянства, включает меры по существенному улучшению организации свободного времени. Необходимо интенсивнее использовать учреждения культуры в вечернее время, выходные и праздничные дни с тем, чтобы свободное время трудящихся было заполнено занятиями, удовлетворяющими личные интересы и способствующими развитию личности.

Увеличение различий в условиях отдыха между мелкими и крупными поселениями, слабое развитие в малых селах других элементов социально-бытовой инфраструктуры привели к тому, что различие в использовании свободного времени, наблюдаемое в 1975—1976 гг., не только сократилось, но, наоборот, увеличилось. В малых селах произошло обеднение структуры свободного времени и уменьшение его величины (табл. 59).

Значительная дифференциация в развитости досуга населения разных сел, недостаточное влияние учреждений культуры на досуг и увеличение значимости для сельского населения города как места проведения свободного времени свидетельствовали об отставании темпов развития сферы культурного обслуживания от быстро растущих социально-культурных потребностей селян. Это проявилось и в снижении доли удовлетворенных

⁶¹ Культурно-просветительная работа. — 1986. — № 4. — С. 27—28; 1987. — № 11. — С. 44.

**Свободное время сельских работников в поселениях разного типа *
(Новосибирская область, 1986—1987 гг.), ч за среднегодовую неделю**

Вид деятельности	Неурбанизированные слаборазвитые посе- ления		Урбанизированные развитые поселения	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Занятия с детьми	0,2	0,8	1,9	1,6
Учеба	0,5	0	0,1	0,4
Общественная работа	0,3	0,4	0,2	0,5
Посещение кино, концертов	0,8	0,1	0,4	0,7
Чтение художественной литературы	1,4	0,4	2,7	2,4
Просмотр телепередач	9,6	4,7	12,7	7,6
Посещение знакомых, прием гостей	2,3	3,6	4,2	4,0
Любительские и физкультурно-спор- тивные занятия, отдых на природе	0,6	0,3	6,5	0,6
Бездеятельный отдых	3,2	1,2	1,2	1,0
Прочие занятия	0,9	2,2	1,6	1,7
Итого свободное время . . .	19,8	13,7	31,5	20,5

* Средняя численность населения в неурбанизированных слаборазвитых селах в 1986 г. составляла 183 чел., в урбанизированных развитых — 2245 чел. Подробнее о характеристиках типов поселений см.: Развитие сельских поселений.— М., 1977.

досугом: в Новосибирской области с 58 % в 1982 г. до 47 % в 1986 г., в Алтайском крае с 55 % в 1982 г. до 41 % в 1988 г. Особенно большое значение развитость этой сферы имела для молодежи и наиболее квалифицированных работников, которые связывают проведение своего свободного времени с деятельностью учреждений культуры. Наиболее ориентированные на отъезд из села молодые люди в возрасте до 25 лет в качестве причины чаще ссылались на состояние сферы культурного обслуживания, чем на низкую оплату труда. Среди причин отъезда состояние сферы культуры ставилось ими на третье место после неудовлетворенности жилищными условиями и отсутствием подходящей работы.

По-прежнему остро стоит вопрос о содержании свободного времени, его социальной насыщенности. Нельзя сказать, что созданные условия и имеющееся свободное время повсеместно используются эффективно и рационально, с наибольшей пользой для развития личности. При отсутствии организационной и материальной базы для современных форм проведения досуга у части молодежи, не имеющей прочных установок на по-

вышение образования, культурное и физическое саморазвитие, образуется избыточное свободное время. Например, треть молодых людей в возрасте до 30 лет, опрошенных в 1986 г., не знала, чем занять часть свободного времени, в том числе 8 % постоянно имели излишек свободного времени. Избыточность времени для досуга ощущают в основном несемейные люди с неразвитыми духовными потребностями. Эта избыточность может стать основой асоциального поведения, наносящего ущерб развитию общества. «Ныне,— отмечает И. Бестужев-Лада,— свободного времени стало намного больше: для несемейных чуть ли не втрое. А что с ним делать — многие понятия не имеют. И начинается так называемое «ничего неделание». Огромное социальное благо, каким является свободное время, при низкой культуре досуга обращается в столь же огромное социальное зло»⁶².

В перспективе деятельность учреждений культуры должна не только учитывать увеличение свободного времени в еженедельном цикле, но и

⁶² Неделя.— 1987.— № 45.— С. 7.

направляются на создание возможностей лучшего использования отпуска. Важно ускоренно развивать организованные формы семейного отдыха с выездом из населенного пункта (на природу, в пансионаты, на базы отдыха), насыщая при этом отдых творческой любительской и физкультурно-спортивной деятельностью.

По данным выборочных обследований, в Новосибирской области в динамике увеличивается фактическое отпускное время в расчете на работника за счет лучшего использования установленных отпусков. Доля сельских работников, не использовавших отпуск, сократилась с 36 % в 1966 г. до 30 % в 1975 г. и 15 % в 1986 г. Уменьшилась доля работников, которым отпуск не предоставлялся в связи с производственной необходимостью. В 1975 г. среди неиспользовавших отпуск таких была примерно половина (47 %), в 1986 г. — примерно четверть (23 %). Увеличилась доля тех, кто не использовал отпуск по личным мотивам.

Фактическая продолжительность очередного отпуска заметно увеличилась в 1986 г. по сравнению с 1975 г.: у мужчин — с 15,0 до 22,5 дней, а у женщин — с 16,1 до 20,1 дня. Однако доля уезжающих в отпуск почти не изменилась (32 % в 1976 г. и 34 % в 1986 г.). Две трети работающего населения провели отпуск в своем селе. При этом половина из них хотела бы уехать, но этому препятствовало ведение личного подсобного хозяйства, особенно содержание скота, а также другие неотложные хозяйственные и домашние дела (эти причины указали 52 % желающих уехать в отпуск). Поэтому наименее удовлетворены проведением отпуска женщины в возрасте 25—49 лет, которые сильнее связаны с домашним и личным подсобным хозяйством, в то же время у них максимальная общая трудовая нагрузка, что требует полноценного отдыха как в недельном, так и в годовом циклах. По мнению женщин, даже во время очередного отпуска отдых

не является наиболее распространенным занятием, много сил требовали дела по хозяйству (в том числе сенокос, заготовка кормов), а также ремонт или строительство жилья, других построек.

Улучшение использования свободного времени сельских тружеников тесно связано с уменьшением общей трудовой нагрузки, прежде всего женщин, а также с совершенствованием деятельности учреждений культуры, ростом уровня образования, развитием духовных потребностей, дальнейшим повышением доходов сельского населения. Не случайно на XXVII съезде партии была поставлена задача «создать по существу новую отрасль — современную, высоко развитую сферу услуг, охватывающую быт, отдых, туризм, досуг людей»⁶³.

Необходимым условием интенсивного развития сферы культуры и досуга в перспективе является перестройка двух ее элементов. Во-первых, коренное изменение художественного воспитания детей и, во-вторых, активизация деятельности населения на досуге с помощью развития любительского движения, эффективного использования созидательного потенциала добровольных любительских клубов и объединений. Необходимо при этом учитывать и региональные особенности Сибири (суровые природно-климатические условия, большие расстояния между поселениями, структуру населения в районах нового освоения и др.). Для районов Сибири, где еще слаба собственная база для отдыха, туризма, важно не только ее опережающее развитие, но и повышение досуговой мобильности населения с целью отдыха и восстановления работоспособности. Этому будут способствовать увеличение продолжительности отпусков, рост денежных доходов и совершенствование транспортного и экскурсионного обслуживания.

⁶³ Материалы XXVII съезда КПСС.— С. 263.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Важнейший показатель социального развития классов и социальных слоев — их участие в общественно-политической жизни страны. Чем активнее и сознательнее это участие, тем более осознаются ими как свои собственные, так и общегосударственные интересы, тем шире влияние класса или социальной группы на решение вопросов государственной и общественной жизни. Именно во все более полном осуществлении самоуправления народа заключается одна из главных целей социализма. В 60—80-е гг. общественно-политическая деятельность сельских жителей Сибири протекала преимущественно в рамках традиционных политических, государственных и общественных организаций, и в первую очередь в рамках Коммунистической партии, профессиональных союзов, комсомола, Советов народных депутатов (до 1977 г. — Советов депутатов трудящихся), колхозов (в той мере, в которой они являются самоуправляющимися организациями).

1. Партийные организации

Центральное место в политической системе советского государства на всех этапах его развития принадлежало Коммунистической партии Советского Союза. Свою авангардную роль в советском обществе, т. е. действие на деле его социальному и экономическому прогрессу, КПСС всегда должна была доказывать своей практической деятельностью. Уровень руководства партийных организаций сложными и крайне противоречивыми процессами в стране в целом и на селе в частности зависел от многих факторов, важнейшими из которых являлись качественный состав партии, степень внутривнутрипартийной демократии, соотношение между политическими и административ-

но-приказными методами управления.

Способствовать повышению деятельности партийного руководства были призваны и структурные изменения в КПСС, которые на селе происходили вслед за структурными изменениями в сельском хозяйстве. Общее число первичных сельских партийных организаций с конца 50-х до конца 80-х гг. изменилось незначительно. Однако в их структуре произошли существенные сдвиги: в соответствии с уменьшением количества колхозов выросло число совхозных и сократилось число колхозных парт-организаций. Так, в Алтайском крае за 1961—1981 гг. количество совхозных парт-организаций возросло со 192 до 419, а колхозных снизилось с 532 до 233. Аналогичной была ситуация и в других областях и краях региона. Почти в 5 раз сократилось число колхозных парт-организаций за 1961—1977 гг. в Красноярском крае¹. В конце 70-х — начале 80-х гг. с прекращением «совхозизации» сельского хозяйства сокращение числа первичных партийных организаций в колхозах прекратилось. О структуре и численности сельских партийных организаций Западной Сибири в конце 70-х гг. свидетельствуют данные табл. 60.

На развитие первичных партийных организаций деревни оказали

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных особо случаев, данные о составе и численности сельских партийных организаций извлечены из статистических сборников: *Алтайская* краевая организация КПСС в цифрах. 1920—1980. — Барнаул, 1983; *Новосибирская* организация КПСС в цифрах. 1920—1980. — Новосибирск, 1981; *Омская* областная партийная организация в цифрах. 1920—1983 гг. — Омск, 1984; *Красноярская* краевая партийная организация в цифрах. — Красноярск, 1977; *Партийные организации Западной Сибири* в цифрах. — Новосибирск, 1987.

**Сельские партийные организации Западной Сибири
(на начало года)***

Численность и структура	1976 г.			1981 г.		
	Всего	В колхозах	В совхозах	Всего	В колхозах	В совхозах
Количество первичных парторганизаций	2 190	768	1 422	2 231	738	1 493
В том числе имеющих парткомы	1 477	426	1 051	1 563	448	1 115
Число цеховых парторганизаций	8 303	1847	6 456	8 508	1896	6 612
В том числе имеющих право первичных	8 266	1834	6 432	8 422	1889	6 533
Число партийных групп	5 579	1687	3 892	5 276	1489	3 787
Число цеховых и партгрупп	13 882	3534	10 348	13 784	3385	10 399
Всего коммунистов, тыс. чел.	148,8	40,3	108,5	161,7	42,4	119,3
Средняя численность парторганизаций, чел.	67,9	52,5	76,3	72,5	57,5	79,9

* Социально-экономическое развитие сибирской деревни (1965—1985 гг.).— Новосибирск, 1987.— С. 38.

влияние организационные меры, принятые в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 26 января 1959 г.: в колхозах, насчитывавших не менее 50, а в совхозах — не менее 100 коммунистов, создавались парткомы с предоставлением парторганизациям бригад, ферм и отделений прав первичных партийных организаций². К началу 60-х гг. ушли в прошлое такие формы организации коммунистов в колхозах, как коммунисты-одиночки, кандидатские группы, партийно-комсомольские группы. В 1960 г. в Сибири, по примерным подсчетам, около 16 % сельских парторганизаций насчитывали более 50 коммунистов. В них выделялись цеховые парторганизации, образовывались партгруппы на основных участках сельскохозяйственного производства. К середине 70-х гг. организации с числом коммунистов более 50 составляли уже почти половину общего числа сибирских колхозных парторганизаций, что позволило создать в них парткомы. В 1981 г. в Западной Сибири на одну совхозную парторганизацию приходилось в

среднем 80 коммунистов, на колхозную — 58.

Соответственно развитию первичных партийных организаций происходили изменения и в численности коммунистов на селе. В Красноярском крае за 1961—1977 гг. число коммунистов в совхозах выросло вдвое (с 8,8 тыс. до 17,5 тыс.), а в колхозах сократилось в 2,6 раза (с 11,1 тыс. до 4,2 тыс.). Организаторская работа партийных организаций была направлена на увеличение числа коммунистов, занятых в производственной сфере. В 1961 г. в сельском хозяйстве Алтайского края работало 39 тыс. коммунистов, в 1981 г. — 44,6 тыс. В Омской области число занятых в сельском хозяйстве коммунистов увеличилось за 1961—1983 гг. с 22,8 тыс. до 29,4 тыс. Несмотря на миграционный отток сельского населения, в том числе и коммунистов, в город, общая численность членов партии, работающих в деревне, несколько увеличилась. Однако в составе краевых и областных партийных организаций число коммунистов-крестьян почти везде сократилось. В абсолютных числах это уменьшение было незначительным (в Красноярском крае с 15,9 тыс. в 1961 г. до 13,8 тыс. в 1977 г.). В то же время

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— 9-е изд.— М., 1986.— Т. 9.— С. 295.

доля коммунистов-колхозников в социальном составе региональных партийных организаций сократилась более существенно: по Красноярскому краю с 17,5 до 9,2 %, Алтайскому — с 24,7 до 15,2, Новосибирской области — с 15,8 до 9,2 %.

Систематическое пополнение новыми членами, улучшение качественного состава партийных организаций — основные условия их укрепления. Важную роль в регулировании роста рядов партии сыграли постановления ЦК КПСС по этому вопросу, принятые в 60—70-е гг. («О серьезных недостатках в работе Харьковской областной партийной организации по приему в партию и воспитанию молодых коммунистов» (июль 1965 г.), «О работе партийных организаций Киргизии по приему в партию и воспитанию кандидатов в члены КПСС» (сентябрь 1976 г.) и др.)³. В мае 1967 г. было принято постановление ЦК КПСС «О работе Омского обкома КПСС»⁴, в котором партийные органы области критиковались за слабую работу по регулированию социального состава областной парторганизации. В области усилилось внимание к приему передовых рабочих и колхозников в КПСС. За пять месяцев 1967 г. в партию было принято 2537 чел. (в 2 раза больше, чем за это же время в 1966 г.), при этом рабочие и колхозники в числе принятых составили 75,9 %⁵. Всего с 1965 по 1983 г. в Омской области кандидатами в члены КПСС были приняты 6,5 тыс. колхозников, в Новосибирской области за 1965—1980 гг. 3,7 тыс. колхозников.

Пополнение сельских парторганизаций шло преимущественно за счет работников ведущих профессий (механизаторов, животноводов), специа-

листов сельского хозяйства. Об изменениях в социальном составе колхозных парторганизаций можно судить по данным табл. 61.

Как видно из таблицы, за более чем двадцатилетний период в Омской области среди коммунистов-колхозников уменьшилось число коммунистов, работающих в полеводстве, в животноводстве оно осталось примерно на том же уровне, число специалистов увеличилось более чем в 3 раза. В целом по Западной Сибири за 1976—1981 гг. в колхозных парторганизациях удельный вес специалистов и руководителей хозяйств вырос с 13,2 до 15,4 %, механизаторов — снизился с 34,9 до 32,7, животноводов — с 18,7 до 17 %. Аналогичные процессы проходили и в совхозных парторганизациях. Изменений же в общей численности коммунистов механизаторов и животноводов практически в эти годы не произошло.

Оценивая рост численности сельских коммунистов в целом как положительный факт, необходимо иметь в виду, что в 70-х — начале 80-х гг. далеко не всем партийным организациям удавалось поддерживать на должном уровне требования к принимаемым в партию. Регулирование социального состава партии сводилось зачастую к механически-статистическому подходу к приему, своего рода «разверткам». На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева отмечалось: «Мы в какой-то мере отступили от правила: главное — не количество новых членов, а качество партийных рядов. А это отразилось на боеспособности партийных организаций»⁶. Несоответствие между ростом численности членов партии и слабостью партийного влияния на многих участках сельскохозяйственного производства, снижение престижа звания члена партии свидетель-

³ КПСС в резолюциях... — М., 1986. — Т. 10. — С. 435—438; М., 1987. — Т. 13. — С. 132—136.

⁴ Там же. — М., 1986. — Т. 11. — С. 168—176.

⁵ Очерки истории Омской областной организации КПСС. — Омск, 1987. — С. 299.

⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. — М., 1987. — С. 14.

Состав коммунистов-колхозников в Новосибирской и Омской партийных организациях по роду занятий, % к итогу *

Коммунисты	Новосибирская парторганизация			Омская парторганизация			
	1961 г.	1970 г.	1980 г.	1961 г.	1970 г.	1980 г.	1983 г.
Всего, чел.	8787	6764	6080	10 403	8241 ¹	8329	8755
Председатели колхозов и специалисты сельского хозяйства	7,8	10,1	14,9	6,1	8,3	13,1	15,6
Полеводы, овощеводы	19,8	13,5	6,7	16,4	11,6	5,7	4,7
Животноводы	22,9	19,2	14,8	34,1	27,2	24,7	24,5
Механизаторы	26,2	34,6	32,1	28,3	37,1	34,1	31,1
Остальные колхозники	23,3	22,6	31,5	15,1	15,8	22,4	24,1

* Подсчитано по данным: Новосибирская организация...— С. 59—60; Омская областная партийная организация...— С. 50—51.

ствовали о неблагополучии в практике приема в КПСС новых членов. За 1971—1986 гг. в партию было принято более 9 млн чел., а исключено за это время 1,1 млн чел. За два года после XXVII съезда из рядов КПСС исключено и выбыло 327 тыс. чел., что в 1,8 раза больше, чем за два предыдущих года. Аналогичные процессы идут и в сибирских парторганизациях. В отчетном докладе Красноярской партконференции отмечалось, что за 1987—1988 гг. в крае исключено и выбыло из рядов КПСС более 6 тыс. чел. За 1988—1989 гг. из Новосибирской организации исключено и выбыло около 3,6 тыс. чел. (на 6,1 % больше, чем за два предыдущих года). В 1988 г. добровольно сдали партийные документы 336 членов и кандидатов партии, за 9 мес 1989 г.— 1454 чел. Значительно сократился прием новых членов партии. В 1988 г. в области прием в кандидаты партии уменьшился в сравнении с 1987 г. на 32,8 %, в члены партии — на 19,5 %. За 9 мес 1989 г. кандидатов принято на 29,1 % меньше, чем в 1988 г., а членов партии — на 22,1 %. Многие партийные организации вообще не вели приема новых членов. Существенно снизился прием рабочих совхозов и колхозников — за 9 мес 1989 г. более чем в 2 раза. Это привело к снижению в составе областной орга-

низации доли колхозников на начало 1989 г. до 3,6 %⁷.

Данные отдела партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС свидетельствуют о сокращении приема в партию за 1988 г. практически во всех парторганизациях; в Сибири особенно сильное уменьшение произошло в Красноярском крае. Значительно меньшей по сравнению с 1987 г. стала доля рабочих в новом партийном пополнении (в Иркутской области — на 15—22 %, Алтайском крае, Кемеровской, Томской, Тюменской областях — на 10—14 %). В Новосибирской области рабочих и колхозников было менее половины среди принятых кандидатами в члены КПСС. Существенно снизилось среди принятых число комсомольцев (в Новосибирской парторганизации примерно на 20 %). Многие первичные парторганизации, отметил Отдел ЦК КПСС, неправильно восприняли намеченные ЦК установки по демократизации приема в партию, устранению цифровых, формальных подходов в этом деле и практически перестали заниматься политической и организаторской работой по формированию партийных рядов⁸.

⁷ Политическое образование.— 1988.— № 15.— С. 46; Правда.— 1989.— 14 февр.; Партийный вестник.— 1989.— № 21.— С. 4—5.

⁸ Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 1.— С. 132—134.

Первичным партийным организациям отводилась важная роль в осуществлении выдвинутых КПСС задач по развитию производственной и социальной сфер села. На собраниях сельских первичных парторганизаций рассматривались вопросы об отчетно-выборных собраниях колхозников (содержание отчета, кандидатуры в выборные органы), о подготовке и ходе очередных хозяйственных кампаний, работе комсомольских и профсоюзных организаций, укреплении дисциплины, партийной учебе и массово-политической работе, обсуждались и конкретизировались решения вышестоящих партийных органов, другие актуальные вопросы сельской жизни.

Подготовка партийных собраний улучшилась после XXIII съезда КПСС — строже стали соблюдаться уставные сроки проведения собраний, в практику парторганизаций вошла проверка исполнения решений собраний и информирование коммунистов о результатах реализации критических замечаний и внесенных на собраниях предложений. Улучшению подготовки партийных собраний на Алтае способствовало постановление бюро крайкома партии «О практике подготовки и проведения партийных собраний в Егорьевской районной партийной организации» (1970 г.), обсуждение этих вопросов на пленумах Каменского, Октябрьского, Майминского, Панкрушихинского, Кытмановского и других райкомов КПСС. Если в 1966 г. в Мамонтовском районе лишь 18 % первичных организаций проводили партсобрания в сроки, установленные Уставом КПСС, то в 1970 г. — уже 97 %⁹. По данным шести райкомов партии Красноярского края, имевших наибольшее количество коммунистов-колхозников, в 1975 г. на партсобраниях присутствовало от 90 до 93 % коммунистов. На собраниях выступили более тысячи колхозни-

ков, что составило 17,6 % от участвовавших в прениях. В большинстве парторганизаций этих районов обсуждались отчеты коммунистов о выполнении Устава КПСС, заслушивалась информация о выполнении решений¹⁰.

Особое внимание уделялось отчетно-выборным собраниям, их подготовке, активности коммунистов, рассмотрению критических замечаний и предложений. В 14 районах Читинской области в октябре 1980 г. отчетно-выборные собрания прошли в 104 партийных организациях колхозов. На них присутствовало 98,5 % коммунистов, состоявших на учете, выступил в прениях 21 %, в том числе 403 коммуниста из рядовых колхозников (50 % всех выступавших). В колхозных парторганизациях 13 районов Тюменской области в 1980 г. на отчетно-выборных собраниях выступили 563 колхозника (64,8 % выступивших)¹¹.

С конца 60-х гг. партийные организации колхозов и совхозов стали уделять большое внимание разработке планов социального и экономического развития трудовых коллективов. Первый опыт в этом направлении был обобщен Отделом пропаганды ЦК КПСС в 1970 г. Сделан вывод о необходимости разработки планов социального развития во всех колхозах и совхозах. Данные планы разрабатывались в Алтайском крае, Новосибирской области. В Красноярском крае разработка и принятие перспективных и комплексных планов экономического и социального развития хозяйств сочетались с системой планирования в партийных организациях.

Первичные партийные организации, парткомы руководили расстановкой членов и кандидатов в члены КПСС на решающих участках производства. Важной организационно-

¹⁰ ПАКК, ф. 26, оп. 64, д. 251, л. 1—79.

¹¹ ПАЧО, ф. 3, оп. 42, д. 152, л. 1—108; ПАТюмо, ф. 124, оп. 222, д. 126, л. 18—191.

⁹ Очерки истории Алтайской организации КПСС. — Барнаул, 1985. — С. 431.

политической формой партийного влияния стали временные партийные группы, создаваемые на период важных сельскохозяйственных кампаний (сев, уборка урожая, зимовка скота). Во время уборки урожая в 1973 г. на Алтае работало около 200 партийных групп. В 1976 г. в кормопроизводстве были заняты 1179 партийных и 767 партийно-комсомольских групп. Практика их создания была распространена и в других районах Сибири. В 1979 г. в Красноярском крае работали 335 партгруппы в полеводстве и 189 — в животноводстве¹².

Повышение роли коммунистов в жизни парторганизаций давало положительные результаты. Алтайский крайком КПСС высоко оценил деятельность парторганизации ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Страна Советов» Рубцовского района. Выросшая с 20 коммунистов в начале 50-х гг. до 106 в середине 70-х, партийная организация колхоза оказывала значительное влияние на производственную деятельность, подбор и расстановку кадров. В партийной организации колхоза были воспитаны заслуженные работники сельского хозяйства, Герои Социалистического Труда И. М. Василенко, Н. Н. Буханько, А. А. Беккер, Ф. Я. Вовченко, кавалер ордена Ленина Ф. В. Митусова и др.

Однако успешно работали далеко не все партийные организации. Большинство из них сосредоточивали свое внимание преимущественно на хозяйственных вопросах. Повестка дня партсобраний в таких организациях посвящалась очередной сельскохозяйственной кампании и повторялась из года в год, при этом заметных улучшений в проведении этих кампаний не наблюдалось. Еще более привязанными к текущим хозяйственным вопросам были заседания

парткомов. Позитивные и серьезные решения собраний зачастую не находили соответствующего организационного подкрепления, намеченные меры проводились в жизнь медленно, непоследовательно. Проверка исполнения во многих парторганизациях была формальной. Невелик был и спрос за невыполнение постановления партийного собрания и партийного комитета. Так, на трех заседаниях парткома колхоза «Дружба» Нововаршавского района Омской области, проведенных в мае 1971 г., июле 1973 г. и в ноябре 1975 г., констатировалось неудовлетворительное состояние дел по подбору и расстановке кадров специалистов, особенно в сфере животноводства, отмечалось, что цеховая партийная организация не практикует заслушивание отчетов о воспитательной работе на фермах, об отсутствии контроля за дисциплиной труда. Но далее констатации дело не шло. Секретари партийного комитета ежегодно менялись, а положение дел оставалось прежним.

Демократизм в деятельности большинства первичных парторганизаций оказался выхолощен. Собрания были заорганизованы. Коммунистам на них не хватало самокритики, недостатки и упущения представлялись ими как единичные явления и, наоборот, достижения нередко переоценивались. Кандидатуры членов парткомов, партбюро, секретарей цеховых парторганизаций готовились заранее, согласовывались с администрацией, коммунистам оставалось лишь проголосовать за них. Менее всего рядовые члены партии могли влиять на выборы секретаря парткома, который, по существу, назначался райкомом. Отсюда и готовность секретаря парткома скорее выполнить указание райкома, нежели прислушаться к мнению рядовых членов парторганизации. Очень часто вопросы расстановки кадров внутри хозяйства решались келейно, только его руководителем и секретарем парткома. Так, в начале 1977 г. корреспондент газеты

¹² *Очерки истории Алтайской организации КПСС.*— С. 457, 464; *Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895—1980.*— Красноярск, 1982.— С. 465.

«Кузбасс», просмотрев протоколы заседаний парткома совхоза «Приметкинский» Мариинского района, не нашел записей об обсуждении деловых качеств работников при выдвижении на должности бригадиров и управляющих и обратился за разъяснением к секретарю парткома. На что тот ответил: «Мы никогда кадровые вопросы не обсуждаем коллегиально, а просто советуемся вдвоем с директором»¹³.

Работа сельских парторганизаций во многом определялась тем, каков был уровень руководства и стиль работы районных комитетов партии. В 1962 г. райкомы были преобразованы в парткомы при производственных колхозно-совхозных управлениях, каждое из которых охватывало территорию бывших двух-трех районов. На основании решений октябрьского и ноябрьского (1964 г.) пленумов ЦК КПСС районные комитеты партии были восстановлены и вновь обрели функции фактических хозяев района. В соответствии с провозглашенным принципом коллективности руководства считалось необходимым привлекать к работе всех членов райкомов. ЦК КПСС в постановлениях «О работе Омского обкома КПСС» (май 1967 г.) и «О работе Добрянского райкома партии Липецкой области» (сентябрь 1968 г.) обязывал обкомы и райкомы партии активизировать деятельность членов партийных комитетов, широко привлекать их к выработке и проведению в жизнь партийных решений¹⁴. Соответствующие положения содержали постановления областных и краевых комитетов партии Сибири. Усиливали внимание к этому вопросу райкомы партии, в некоторых из них сложилась коллегиальность принятия решений.

Важнейшим направлением организационной работы районных комитетов являются подбор и расстановка

кадров руководителей и специалистов. Заслуживает внимания система работы с кадрами, сложившаяся в Омской области в конце 60-х — начале 70-х гг. Областной комитет партии ориентировал на то, чтобы райкомы внимательно присматривались к людям инициативным, идейно убежденным, требовательным к себе и другим. Из этой категории формировался резерв руководящих кадров. Работниками партийного аппарата, как правило, избирались коммунисты, проявившие себя хорошими организаторами производства, умелыми воспитателями коллективов. Много работал с руководящими кадрами Большереченский райком партии. Для Большеречья были характерны их высокая квалификация и стабильность. Из 12 директоров совхозов 11 имели высшее образование. Стабильными были и кадры управляющих отделениями, бригадиров животноводства. Райком не опекал их по мелочам, предоставлял им широкую самостоятельность в работе, сочетая доверие с высокой требовательностью¹⁵.

Однако в большинстве районных комитетов при работе с кадрами преобладал формально-номенклатурный подход. Человек, попавший в номенклатуру и не справившийся со своими служебными обязанностями, чаще всего не выводился из нее, а пересаживался на равное или чуть более низкое начальственное место. Руководители не только совхозов, но и колхозов назначались сверху, и, как правило, решающим был голос первого секретаря райкома. Роль первого секретаря в сельском районе вообще была очень велика, и далеко не каждый из них отказывался от авторитарных методов управления. Бюро райкома практически никогда не противостояло первому секретарю, так как в него «избирались» высшие должностные лица района и один-два рядовых труженика, проявляв-

¹³ Кузбасс.— 1977.— 12 марта.

¹⁴ Справочник партийного работника.— М., 1968.— Вып. 8.— С. 294; М., 1969.— Вып. 9.— С. 359.

¹⁵ Манякин С. И. Сибирь далекая и близкая.— М., 1985.— С. 67—68.

шие на заседаниях мало активности. Заседания пленумов райкомов были еще более заорганизованными, чем собрания первичных парторганизаций, на них лежала печать отрезанности, выступали, как правило, штатные ораторы.

Анализ работы районных комитетов партии показывает, что большинство из них все более сосредоточивали в своих руках хозяйственно-управленческие функции, постоянно вмещивались в работу общественных организаций. Имели место далеко не единичные факты рассматривания районными комитетами партии второстепенных вопросов, принятия непродуманных решений, состоящих из общих фраз. Мелочность опеки райкомов над хозяйствами доходила до принятия чисто технологических постановлений. Так, в 1966 г. бюро Чистоозерного РК КПСС Новосибирской области приняло постановление «О раздое коров в хозяйствах района», напоминавшее детальную технологическую инструкцию. Аппараты райкомов, маскируя свою несостоятельность как политических руководителей, использовали взыскания как главный метод воздействия на подчиненных и стимулирования выполнения решений. В конце 60-х гг. в Ирбейском РК КПСС Красноярского края, Могогуйском Читинской области и многих других чем напряженнее была хозяйственная кампания, тем больше было взысканий¹⁶. Такие методы не стимулировали, а, напротив, угнетали активность коммунистов. В партии в целом и в сельских парторганизациях в частности сформировался особый тип внутрипартийных отношений, из которых ушли товарищество, дискуссии, инициатива и утвердились бюрократические нормы. Первичные парторганизации перестали быть основой партии, поскольку оказались безвла-

стными. В партии утвердилась власть меньшинства — партаппарата.

Важной задачей сельских партийных организаций было идейно-политическое воспитание тружеников деревни, и прежде всего коммунистов. Оно осуществлялось путем развития массово-политической работы и партийного просвещения. Наиболее распространенной формой массово-политической работы была политическая беседа в производственном коллективе или по месту жительства. Такие беседы вели агитаторы и пропагандисты. На предвыборные кампании агитаторы закреплялись по десятидворкам. В период весеннего сева, уборочной создавались «полевые» агитпункты. С середины 60-х гг. в агитационно-пропагандистской работе стало выделяться одно из основных ее направлений — политическая информация. После XXIII съезда КПСС, выдвинувшего задачу усиления информации населения о политической, экономической, культурной жизни страны и международном положении, быстро возросло число политинформаторов. В 1965 г. в сельских районах Омской области насчитывалось 1450 политинформаторов, к 1968 г. — 5,5 тыс. В первой половине 70-х гг. политическое информирование в Красноярском крае вели 26 тыс. информаторов, среди них 14 тыс. коммунистов. Агитационной работой в крае занимались 44 тыс. агитаторов¹⁷. Идеологическое обеспечение сельскохозяйственных кампаний создавалось идеологическими звеньями, пресс-группами при парткомах колхозов и совхозов, специальными выпусками средств наглядной агитации.

Социальные изменения на селе, рост численности коммунистов в колхозах и совхозах обусловили качественные изменения в составе агитаторов и политинформаторов. В значительной своей части это были коммунисты. Повышался уровень их образования, квалификации. Если в нача-

¹⁶ ПАНУ, ф. 4, оп. 33, д. 2921, л. 70—71; Красноярский рабочий.— 1967.— 22, 25 нояб.; ПАЧО, ф. 3, оп. 18, д. 48, л. 86.

¹⁷ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС.— С. 548.

ле 60-х гг. часть агитаторов (порядка одной десятой) имела лишь начальное образование, то в середине 60-х гг. агитаторов с начальным образованием уже не было. В 1976 г. в 14 сельских районах Красноярского края из 4,3 тыс. агитаторов коммунисты составляли 37 %, комсомольцы — 32, имели высшее образование 21, среднее — 46 %. Учителя и работники учреждений культуры составляли в их числе 27 %, специалисты сельского хозяйства — 24, рядовые колхозники — 10 %. В Алтайском крае число агитаторов с высшим и незаконченным высшим образованием выросло за 70-е гг. с 16,1 до 24,9 %, а политинформаторов — с 37,2 до 57 %. В 1981 г. членами КПСС были на Алтае 43,2 % агитаторов и 66,7 % политинформаторов¹⁸.

Обучение агитаторов и пропагандистов велось в системе партийного и политического просвещения. Его наиболее распространенными формами на селе в первой половине 60-х гг. были политшколы, кружки по истории партии, экономические школы и кружки. С середины 60-х гг. стала внедряться трехзвенная система политучебы: двухгодичные политшколы (начальное звено), школы основ марксизма-ленинизма (среднее звено) и методологические семинары, университеты марксизма-ленинизма, школы партийного актива (высшее звено). Действующая структура лучше учитывала различия в уровне подготовки коммунистов, четче отделялась от форм массовой пропаганды. В середине 60-х гг. подавляющая часть слушателей обучалась в начальном звене, однако уже в начале 70-х гг. возросло количество слушателей, охваченных средним и высшим звеньями политической учебы.

Больше внимания стало уделяться экономическому образованию. Одной из его форм в 70-х — начале 80-х гг. стали «школы коммунистического труда», которые посещали работники массовых сельскохозяйственных про-

фессий. Руководители среднего звена занимались в школах основ экономики и управления сельскохозяйственным производством. Экономическая подготовка сельских труженников усилилась в связи с массовым внедрением коллективного подряда. В Алтайском крае в 1983/84 уч. г. вопросы коллективного подряда и хозрасчета изучались в 272 (15 %) «школах коммунистического труда» предприятий агропромышленного комплекса, в 1984/85 уч. г. — в 1301 (64 %). В Омской области в 1984/85 уч. г. курс «Коллективный подряд на селе» изучался в 379 (27,3 %) сельских «школах коммунистического труда». Специалисты и руководители хозяйств обучались передовым экономическим методам хозяйствования в школах конкретной экономики и университетах сельскохозяйственных знаний. Все это позволило накопить положительный опыт.

Однако партийная учеба во многих парторганизациях не достигала поставленных целей. Тиражирование передового опыта, не подкрепленное состоянием дел в хозяйствах, рождало формализм. Многие занятия срывались из-за плохой их организации. Пропагандисты слабо использовали местный опыт, обходя нерешенные вопросы, замалчивая недостатки, отчего занятия часто проходили скучно и неинтересно. Низкий уровень политзанятий в ряде школ и семинаров обуславливался слабой теоретической подготовкой пропагандистов.

Существенные недостатки в массово-политической, организационно-партийной, кадровой работе районных комитетов, первичных партийных организаций были следствием общих деформаций социализма, господства в стране командно-административных, аппаратных методов управления. На совещании в ЦК КПСС в июле 1989 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил: «В течение длительного периода партия была встроена в административно-командную систему управления обществом, жила по ее за-

¹⁸ Очерки истории Алтайской организации КПСС. — С. 498.

конам. И не просто встроена, а, по сути дела, возвышалась над всем, контролировала все процессы государственной, хозяйственной, идеологической жизни, подменяя и подминавая всех и вся, давая непререкаемые установки и команды государственным и хозяйственным органам, общественным организациям... Утрачивалось главное в работе партии — ее роль как политического авангарда общества, ее живая связь с массами. Партийные комитеты и партийные работники, полагаясь на силу решений и указаний, вместе с тем разучились вести диалог с людьми, завоевывать их доверие, увлекать за собой силой убеждения и аргументов»¹⁹.

Весной 1985 г. КПСС выступила инициатором перестройки всех сфер жизни советского общества. Одной из важнейших сторон обновления социализма в стране является перестройка в партии. В ее основе лежит переход к политическим методам управления. Это означает в первую очередь отказ от подмены партийными комитетами государственных и хозяйственных органов, исключение принятия партийных решений, содержащих прямые указания в их адрес. Главным методом партийного руководства хозяйственными сферами должно стать убеждение, исключаящее какое бы то ни было администрирование и силовой нажим. Постоянное воздействие партии на деятельность сельскохозяйственных предприятий может и должно осуществляться прежде всего через работающих там коммунистов.

Основным методом работы партийных комитетов в сфере подбора и расстановки кадров становится организация их подготовки и переподготовки, воспитания с учетом возможной рекомендации на руководящие посты в соответствии с демократическими процедурами.

Курс на перестройку КПСС был одобрен рядовыми коммунистами, активизировал работу первичных пар-

тийных организаций на селе. В 1986 г. на отчетно-выборных собраниях алтайских парторганизаций было внесено более 16 тыс. критических замечаний и предложений. В Омской области в ходе обсуждения предсъездовских документов высказано критических замечаний и внесено предложений 27 тыс. Они показали, что новизна выдвигаемых планов требует и новых подходов к их выполнению, иного мышления и кругозора, а кое-где и новых исполнительцев. Новым импульсом общественно-политической активности сельских тружеников явилось обсуждение тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции, в котором вместе с коммунистами активно участвовали и беспартийные. Только на Алтае в ходе обсуждения тезисов ЦК КПСС было внесено предложений и сделано критических замечаний более 10 тыс. Почти половина поступивших предложений касалась вопросов улучшения внутривнутрипартийной работы как одного из главных условий повышения социальной активности трудящихся²⁰.

За время с 1985 г. изменились стиль и методы работы многих сельских партийных организаций, их парткомов. В Ордынском районе Новосибирской области РК КПСС провел смотр повышения боевитости первичных партийных организаций. Смотр проходил с марта 1987 по июль 1988 г., в два этапа. В нем приняли участие все первичные партийные организации района. На первом этапе смотровые комиссии на местах, состоявшие из наиболее авторитетных коммунистов, провели собеседования с коммунистами о выполнении ими уставных требований, на партсобраниях были заслушаны отчеты коммунистов-руководителей, а на цеховых собраниях — отчеты руководителей среднего звена, специалистов, дана оценка деловых и личностных качеств ряда руководителей в резуль-

²⁰ XIX Всесоюзная конференция КПСС: Стеногр. отчет. — М., 1988. — Т. 1. — С. 145, 148.

¹⁹ Правда. — 1989. — 20 июля.

тате опроса членов трудовых коллективов. Задачи второго этапа смотра заключались в реализации замечаний и предложений, высказанных при собеседованиях и отчетах, устранении выявленных недостатков. Подобные смотры проходили также в Кыштовском, Доволенском районах области. Смотры помогли выявить недостатки в работе парторганизаций и пути их преодоления. Заметно повысилась активность ряда первичных партийных организаций, которые переходят от массового «охвата» к индивидуальной работе с членами коллектива. Больше внимания организаторской работе стал уделять Ордынский райком КПСС. Две трети рабочего времени работники аппарата — от инструктора до первого секретаря — проводят в первичных организациях. При этом свою задачу они видят не только в указании на недостатки, но и в их устранении. Активизация организационно-партийной работы сказалась и на экономических результатах. В районе возросло валовое производство молока и мяса, снизилась себестоимость этой продукции. С января 1986 г. Ордынский район стал участником Всероссийского экономического эксперимента. В его ходе партийные комитеты содействовали формированию у тружеников, и в первую очередь у руководителей, нового мышления, сосредоточивали внимание на совершенствовании механизма хозяйствования.

В одну из действенных форм массово-политической работы превращается изучение общественного мнения. Система такого изучения создана в Баганском районе Новосибирской области. В 1986—1988 гг. здесь был проведен ряд массовых анкетирований, анализируются вопросы, заданные через «Службу общественного мнения» (ежедневный автоматический прием и запись вопросов по телефону), а также в ходе проведения единых политдней. С целью активизации общественного мнения печатаются рубрики в районной газете, проходят «дни райкома» в пер-

вичных партийных организациях. Анкетирование различных категорий населения района (животноводов, механизаторов, представителей интеллигенции) позволило проанализировать состояние индивидуальной работы, выявить слабые участки работы партийных организаций²¹.

У коммунистов, у всех сельских тружеников возрос интерес к актуальным вопросам внутренней и внешней политики КПСС. В принятом ЦК КПСС постановлении «Об организации политического и экономического образования трудящихся в 1986/87 учебном году» (1986 г.) отмечается: «Важно организовать учебу так, чтобы она велась живо, предметно, в полной мере учитывала характер трудовой и общественной деятельности слушателей, уровень их образованности, социального опыта»²². Партийным организациям предоставлены широкие права в выборе форм учебы, проведении эксперимента. В связи с начавшимся в 1987—1988 г. изменением системы политического и экономического образования происходит дальнейшее углубление экономического и профессионального обучения. Предусматривается переход от периодического к непрерывному производственно-экономическому обучению.

Положительный опыт перестройки учебы накоплен в Искитимском, Баганском, Ордынском районах Новосибирской области. Новым содержанием наполняется система экономического образования в селах Искитимского района. Активное внедрение хозрасчета и подряда заставило парторганизации перестроить учебный процесс. Комплектование школ производится по структурно-производственному принципу (ферма, бригада, звено). За основу взяты хозрасчетные подразделения. В районе создано 200 таких школ, они по-

²¹ Новосибирский агитатор.— 1988.— № 7.— С. 3—4.

²² Партийная жизнь.— 1986.— № 17.— С. 9.

лучили название «школы внедрения хозрасчета и сельхозподряда». В районе удалось добиться органического соединения политической и экономической учебы, обеспечить более тесную связь теории с практическими задачами. Пропагандистами в школах стали главные специалисты хозяйств, каждый по своему профилю. Председатели колхозов и директора совхозов являются пропагандистами экономических семинаров. Подобных семинаров в районе 28 — по количеству хозяйств. Из 228 пропагандистов 132 — члены КПСС, 187 имеют высшее образование.

Поиск новых форм в системе политической учебы шел в Красноярском крае. В Абаканском районе родилась инициатива демократических выборов пропагандистов системы политического просвещения. Но сделаны лишь первые шаги в перестройке политического просвещения, к возрождению у коммунистов интереса к учебе. По результатам беседований и социологических опросов, проведенных среди слушателей и пропагандистов в ряде районов Красноярского края в 1988 г., от 60 до 80 % опрошенных, отметив положительные сдвиги, припили тем не менее к выводу, что пока больше говорится о перестройке в системе учебы²³. Происходящие положительные изменения в численности и качественном составе основных групп идеологического актива на селе обусловили постепенный переход от эпизодических мероприятий в хозяйствах (встреч лекторов, политинформаторов с коллективами) к систематическим, к созданию новых форм массовой пропаганды, к занятиям по определенной программе. В лекционной пропаганде на селе получили развитие лектории, народные университеты, чтение лекций по циклам, объединенным общей темой. Партийные организации широко применяют такие формы идеологической работы,

как единый политдень, встречи с делегатами съездов партии, выступления партийных работников, агитпоезда и др. Не отвергая накопленного опыта, партийные организации обновляют арсенал средств идеологической работы, в ней все более настоятельно требуется всесторонне учитывать общественное мнение. В связи с этим изменилось проведение единых политдней. Раньше они, скорее, носили характер обзорных лекций районных руководителей в трудовых коллективах. Сейчас руководители не только информируют, но и обсуждают с сельскими жителями проблемы их труда, быта; в таких встречах, как правило, принимают участие представители всех служб района. Ведется учет критических замечаний и предложений, высказанных в ходе встреч. В политической учебе начал осуществляться принцип дифференцированного подхода к комплектованию школ и семинаров, отказ от монологов пропагандиста. Большее распространение получают диспуты, дискуссии, «круглые столы» и др.

Однако в целом перестройка в сельских партийных организациях Сибири идет недопустимо медленно. Коренных изменений во внутривнутрипартийных отношениях, утверждения в них непосредственной демократии, т. е. власти партийных масс, не произошло. С большим трудом преодолевается приверженность большинства партийных комитетов командно-аппаратным методам взаимоотношений с первичными парторганизациями, номенклатурному подходу к подборке и расстановке кадров. Многие райкомы не перенесли повседневную организаторскую и идеологическую деятельность в первичные парторганизации. Недостаточное внимание уделяется цеховым парторганизациям, партгруппам. Медленно изживается и командный стиль взаимоотношений парткомов, их аппарата с общественными организациями. Здесь сказывается выработанная за многие годы у значи-

²³ Красноярский рабочий. — 1988. — 18 сент.

тельной части кадров привычка «все держать в кулаке», быть во всех вопросах высшей инстанцией, действовать, не считаясь с мнением общест­венности. Продолжается под­мена партаппаратом советских и хо­зяйственных руководителей. Этому есть две причины. Первая — спрос за все — за урожай, надол, корма и т. д. — по-прежнему идет с райко­мов. Вторая — неподготовленность партийных кадров к работе в новых условиях, отсутствие умения дей­ствовать именно политическими мето­дами. Так, в Алтайском крае дли­тельное время работала комиссия ЦК КПСС, изучая организаторскую роль краевой парторганизации по внедрению в сельскохозяйственное производство хозяйственного расче­та и прогрессивных форм органи­зации труда. Основываясь на резуль­татах работы комиссии, ЦК КПСС дал неудовлетворительную оценку проделанной работе.

В крае проходят многочисленные семинары, конференции, но от всей «кипучей» деятельности, связанной с освоением новых методов хозяйст­вования, согласно выводам комис­сии, отдают формализмом. Мало вни­мания уделяется человеческому фактору, в крае закрепилась прак­тика частой сменяемости руководи­телей и специалистов хозяйств. Ре­шения, принимаемые крайкомом, райкомами, не доходят до первич­ных парторганизаций, не претворя­ются ими на практике. О качестве партийного руководства на Алтае говорят данные обследования, про­веденного учеными Академии об­щественных наук при ЦК КПСС: более половины трудящихся края не знали, что и как делают пар­тийные организации в плане пере­стройки²⁴.

XXV красноярская краевая пар­тийная конференция (декабрь 1988 г.) констатировала, что «недо­статки и просчеты в кадровой поли­

тике устраняются медленно: не из­жит формализм, недостает активно­го поиска компетентных, думающих людей, которыми богат наш край»²⁵. Народный депутат СССР, первый секретарь Русско-Полянского рай­кома КПСС Омской области И. А. Назаров в ответ на вопрос корреспондента о роли коммунистов, всей районной партийной органи­зации в перестройке заявил: «Это са­мый сложный участок работы, и опыта, наработок больших в этом плане пока еще у меня нет. Не каждый коммунист у нас сегодня является инициативным во всех пе­рестроечных процессах, и райком партии еще слабо работает, чтобы каждый коммунист отвечал всем сегодняшним требованиям. У нас сегодня есть члены КПСС, которые не выполняют обязательств своих, есть еще среди них и нарушители трудовой и производственной дис­циплины. Многие сегодняшние про­счеты, изъяны — это прежде всего просчеты парторганизаций. Как их избежать, как сделать, чтобы каж­дый коммунист подставил свое пле­чо под ту ношу, которую сегодня несет партия наша? Над эти мы и работаем»²⁶.

Не произошло пока кардинально­го поворота в организации политич­еской и экономической учебы. В информации Идеологического и Социально-экономического отделов ЦК КПСС отмечается, что в се­ организации «имеются серьезные не­достатки и упущения. По-прежнему сохраняется недооценка теоретич­еской подготовки партийного актива и хозяйственных кадров... велико упование на эмпирические знания, интуицию и предшествующий опыт»²⁷.

Затягивание коренной перестрой­ки партии в условиях радикализа­ции общественного сознания к кон­

²⁵ Коммунист.— 1989.— № 2.— С. 56.

²⁶ Земля сибирская, дальневосточная.— 1989.— № 6.— С. 5.

²⁷ Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 3.— С. 66.

²⁴ Правда.— 1987.— 27 апр.; Советская Россия.— 1988.— 28 янв.

цу 80-х гг. привело к падению авторитета партии и кризисным явлениям во многих партийных организациях. Отчетливо выявилась оторванность аппарата от первичных организаций. Усилился выход из партии. Возросло недовольство создавшимся в КПСС положением рядовых коммунистов. В ряде организаций (в Тюменской области и др.) партийные массы отказали в доверии своим формальным лидерам. Давление снизу ускорило принятие более радикальных решений по реформированию партии. В начале 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции СССР. КПСС официально заявила, что она «становится политической организацией, которая в своей практической деятельности, ...будет отстаивать право на политическое лидерство в свободном соревновании с другими общественно-политическими силами»²⁸. XXVIII съезд КПСС принял новый Устав и программное заявление «К гуманным, демократическому социализму», в которых была намечена программа демократизации внутрипартийных отношений. Однако радикальная реформа партии явно запоздала. Кризисные явления в КПСС не были преодолены.

2. Профсоюзные и комсомольские организации

К началу 60-х гг. в колхозах появились новые общественные организации — профсоюзные группы. Членами этих профгрупп стали механизаторы и специалисты, перешедшие в колхозы в связи с реорганизацией МТС. На один колхоз в среднем по стране приходилось около 20 членов профсоюза, что составляло приблизительно 3 % к общему числу колхозников. Создание профгрупп в колхозах привлекло внимание профсоюзных органов к производственным и социальным задачам сельхозартелей. Возможности же практического решения социальных

вопросов ограничивались пока еще низким уровнем доходов многих колхозов, культуры управления, а порой и произволом председателей правлений. Эти ограничения, накладывая отпечаток на работу профсоюзных организаций в колхозах начала 60-х гг., привели к ухудшению социального положения механизаторов и специалистов сельского хозяйства, прибывших из МТС. Многие из них уходили из колхозов.

Профсоюзные группы в колхозах не были наделены правом приема в члены профсоюза механизаторов-колхозников и других членов колхозов. В них могли, кроме бывших работников МТС, входить только лица, работающие в колхозе по найму, которых было немного. Количество членов профсоюза в колхозах постепенно уменьшалось, сократившись к 1964 г. в Новосибирской области в 3,5 раза, Томской — в 4,8, Омской — в 6 раз. Всего в колхозах Сибири осталось к этому времени 27 тыс. членов профсоюза, в том числе на Алтае — 14 тыс., в Красноярском крае — 1,8 тыс., в Томской области — 0,4 тыс. В среднем на один колхоз приходилось на Алтае 36, в других районах 9—10 членов профсоюза²⁹.

В 1964 г. колхозные профгруппы были преобразованы в профсоюзные организации. Им было предоставлено право приема в члены профсоюза всех механизаторов, специалистов, председателей. Количество членов профсоюза в сибирских колхозах сразу же резко возросло (с 27 тыс. чел. на 1 января 1964 г. до 111,3 тыс. чел. на 1 января 1965 г.). Профсоюзные организации, рост численности которых продолжился и впоследствии, стали наиболее массовыми среди общественных

²⁹ Количественные параметры по сельским профорганизациям, кроме особо оговоренных случаев, рассчитаны по сводным статистическим отчетам обкомов и крайкомов профсоюза работников сельского хозяйства.

²⁸ Правда.— 1990.— 15 июля.

организаций в колхозах. На XV съезде профсоюзов (март 1972 г.) отмечалось, что первичные профорганизации имелись во всех колхозах страны и объединяли около 3 млн труженников колхозного производства³⁰. На 1 июля 1972 г. в колхозах Западной Сибири трудились 90 265 председателей, специалистов и механизаторов, из них членами профсоюза были 87 718 чел. (97,2 %), в Восточной Сибири — соответственно 38 907 и 37 017 чел. (95,1 %).

В сентябре 1976 г. XI пленум ВЦСПС, руководствуясь указаниями XXV съезда КПСС и многочисленными просьбами колхозников, принял постановление, разрешающее всем колхозникам вступать в профсоюзы³¹. В 1977 г. профсоюз рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок был переименован в профсоюз работников сельского хозяйства. О динамике численности членов профсоюза в колхозах Сибири в 1964—1979 гг. свидетельствуют данные табл. 62.

Расширение социальной базы сельских профсоюзов явилось важным событием в общественно-политической жизни села. В первом полугодии 1980 г. 249,4 тыс. колхозников Западной Сибири (91,9 % общего числа работавших колхозников) и 112,5 тыс. колхозников Восточной Сибири (92,2 %) были членами профсоюзных организаций. Общее число членов профсоюза работников сельского хозяйства возросло в Сибири за 1972—1982 гг. более чем на 28 % и составило в Алтайском крае 418,9 тыс. чел., в Красноярском — 244 тыс., Иркутской области — 151,9 тыс., Кемеровской — 114,2 тыс., Новосибирской — 242,3 тыс., Омской — 256,9 тыс., Томской — 62,8 тыс., Тюменской — 160,1 тыс., Читинской — 121,6 тыс. К середине 80-х гг. практически все

колхозники стали членами профсоюза (в Западной Сибири — 98,1 %, Восточной Сибири — 96,8, РСФСР — 98,5 %). На 1 января 1986 г. в 1079 профкомитетах были объединены 404,3 тыс. колхозников Сибири. Всего на сельскохозяйственных предприятиях и в организациях региона насчитывалось 7584 профсоюзных комитета и бюро (1766,5 тыс. членов профсоюза). Бурный рост числа членов профсоюза в начале 80-х гг. связан с созданием в 1982 г. АПК и объединением в единый профсоюз работников сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей.

Создание профорганизаций привело к значительному расширению актива общественников среди колхозников. В профсоюзный актив вошли члены профкомов, ревизионных комиссий, профгруппорги, члены страховых и культмассовых комиссий, общественные инспекторы по технике безопасности. Профкомы имели от трех до пяти постоянных комиссий, каждая из которых в своей работе опиралась на активистов. В профсоюзной организации колхоза им. Калинина Тарского района Омской области, насчитывавшей в 1966 г. 125 членов, выборный актив состоял из 24 колхозников, 40 имели постоянные поручения. В колхозе им. Ленина Карасукского района Новосибирской области было 106 членов профсоюза. Актив профорганизации включал 5 членов профкома, 15 членов пяти комиссий, 25 членов женсовета, 9 членов товарищеского суда, санитарные посты на фермах.

Профсоюзы, возникшие в СССР как массовые организации трудящихся с целью отстаивания их профессиональных прав и интересов, к 60-м гг. приобрели массу самых разнообразных функций. На первое место среди них вышла производственно-экономическая функция, понимаемая как всемерное развитие трудовой активности работников социалистических предприятий. Помимо этого профсоюзы занимались

³⁰ Материалы XV съезда профессиональных союзов СССР. — М., 1972. — С. 80.

³¹ Справочник партийного работника. — М., 1977. — Вып. 17. — С. 418.

Изменение численности членов профсоюза в колхозах Сибири (на 1 января)*

Край, область	1964 г.	1965 г.	1967 г.	1970 г.	1977 г.	1979 г.
Алтайский	14 145	30 745	38 283	42 058	77 478	85 957
Красноярский	1 804	15 106	16 694	15 694	13 848	29 634
Иркутская	2 705	8 901	11 614	11 955	17 010	31 834
Кемеровская	413	4 580	5 468	5 340	9 429	16 931
Новосибирская	2 310	13 999	16 661	17 214	22 871	47 234
Омская	1 174	15 315	17 939	18 802	22 184	47 240
Томская	560	5 621	6 503	5 575	4 631	6 662
Тюменская	3 614	8 606	10 067	11 176	12 880	27 019
Читинская	881	8 452	12 835	14 192	18 271	43 320
В с е г о по Сибири. . .	26 976	111 325	136 064	142 015	170 111	335 831

* Таблица составлена на основе данных статистических отчетов крайкомов и обкомов профсоюза, хранящихся в ЦГАОР, ЦА ВЦСПС, и материалов орготдела Республиканского комитета профсоюза работников сельского хозяйства.

контролем за соблюдением трудового законодательства и норм охраны труда, социальным страхованием, содействием улучшению жилищных и бытовых условий, распределением жилой площади, руководством культурными учреждениями, туристско-экскурсионным и санаторно-курортным обслуживанием, другими оздоровительными мероприятиями.

Первичные профсоюзные организации сельскохозяйственных предприятий осуществляли все перечисленные выше направления работы в значительной мере в рамках выполнения коллективных договоров (в колхозах — соглашений по социальным вопросам и охране труда) между трудовыми коллективами и администрацией. В коллективных договорах должны были фиксироваться взаимные обязательства и совместные мероприятия, направленные на выполнение государственного, встречного плана и социалистических обязательств, развитие и совершенствование социалистического соревнования, внедрение достижений науки и техники, передового опыта, научной организации труда, повышение квалификации, экономических знаний и общеобразовательного уровня работающих, укрепление социалистической дисциплины труда, привлечение рабо-

чих и служащих к управлению производством, воспитание, обучение и организацию труда молодежи.

Система коллективных договоров постоянно расширялась и совершенствовалась. В 1977 г. были внесены изменения в Положение о порядке их заключения: расширены разделы, касающиеся вопросов социального развития коллективов, более четко определены средства контроля за выполнением взаимных обязательств администрации и трудящихся. Заключение соглашений и договоров, итоги проверки их выполнения должны были обсуждаться на общих собраниях. К разработке проектов привлекались профсоюзный актив, члены научно-технических обществ (НТО), постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС) и др.росло количество коллективов, строивших свою работу на основе договоров. В 1981 г. на сельскохозяйственных предприятиях Западной Сибири было заключено 174,5 тыс. колдоговоров, Восточной Сибири — 47,8 тыс.; в 1985 г. — соответственно 301,2 тыс. и 142,5 тыс.

Однако в системе функционирования коллективных договоров имелись существенные недостатки. Так, пленум Новосибирского обкома профсоюза 13 декабря 1982 г. отме-

чал, что многие коллективные договоры не выполняются, ход их выполнения на собраниях не обсуждается, «некоторые руководители и профсоюзные работники после принятия колдоговора в него не заглядывают»³². Кроме того, взаимные обязательства, зафиксированные в коллективных договорах, в большинстве случаев носили формальный или непринципиальный характер, их достижение не требовало сколько-нибудь значительных усилий.

Одной из форм вовлечения трудящихся в управление производством были призваны стать постоянно действующие производственные совещания. В их задачи входило рассмотрение и принятие к исполнению предложений, направленных на повышение производительности труда, экономии сырья, материалов и топливно-энергетических ресурсов, улучшение качества продукции и снижение затрат. Членами ПДПС являлись рабочие, служащие, представители администрации, партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов, советов НТО и Общества изобретателей и рационализаторов, избираемые открытым голосованием на общих собраниях работников предприятия, организации и их структурных подразделений. Количество ПДПС постоянно росло. В начале 60-х гг. на сельскохозяйственных предприятиях Сибири их насчитывалось около тысячи, во второй половине десятилетия — свыше 1,6 тыс. Постановлением Президиума ВЦСПС (ноябрь 1969 г.) предписывалось организовать ПДПС на всех предприятиях сельского хозяйства с числом работающих 100 чел. и более. В 1978 г. в сельском хозяйстве региона действовало уже почти 2,4 тыс. ПДПС, в их работе принимало участие 101,8 тыс. сельских тружеников (в том числе 61 тыс. рабочих). В 1985 г. число совещаний увеличилось до 3,1 тыс.,

а число членов — до 113,6 тыс. чел.

За первую половину 1966 г. на ПДПС сельхозпредприятий Сибири было выдвинуто свыше 6 тыс. предложений. В 1981 г., согласно отчетам райкомов профсоюза работников сельского хозяйства Сибири, было реализовано 19,3 тыс. предложений ПДПС, экономический эффект составил 6667,7 тыс. руб. В 1985 г. на заседаниях ПДПС региона обсуждалось 20,5 тыс. предложений (реализовано, согласно отчетности, 15,8 тыс.).

На профсоюзных конференциях, совещаниях профактива приводились примеры положительной работы отдельных ПДПС. Так, еще в 1961 г. в Бердском совхозе Новосибирской области мероприятием, разработанным совещанием, позволили повысить производительность труда на фермах, в результате чего высвободились 15 доярок и 16 подсобных рабочих. Однако зачастую найти позитивные примеры было не просто. В отчетном докладе на VI Новосибирской областной конференции профсоюза в марте 1963 г. говорилось: «Очень трудно назвать хорошо работающие ПДПС»³³. Некоторые совещания из года в год числились на бумаге, но заседаний не проводили. Сведения же о количестве предложений, выдвинутых подобными ПДПС, брались с потолка. Одни приписки, в свою очередь, порождали другие. В связи с этим приведенные выше показатели эффективности ПДПС представляются несомненно завышенными.

Многие производственные совещания работали формально, собирались крайне нерегулярно, обсуждали лишь отдельные, иногда частные проблемы деятельности предприятий, не контролировали и не могли контролировать ход выполнения принимаемых решений. Не располагали они и реальными средствами воздействия на администрацию. Число членов ПДПС было невели-

³² ОАНО, ф. 1599, оп. 1, д. 1093, л. 16.

³³ ЦГАОР, ф. 7689, оп. 20, д. 2920, л. 23.

ко. В 1984 г. в Сибири в среднем на одно совещание приходилось 37 чел. (в Кемеровской области — 28, в Иркутской — 22). За ПДПС часто выдавалось узкое совещание при директоре совхоза. Все это объяснялось тем, что само существование совещаний противоречило директивному методу руководства предприятиями — администрация не слагала ответственность за результаты хозяйственной деятельности не перед трудовыми коллективами, а перед вышестоящим в системе отраслевой иерархии руководством. Поэтому-то производственные совещания рассматривались как вещь ненужная и бесперспективная.

В рамках осуществления своей производственно-экономической функции профсоюзы непосредственно руководили развитием различных видов социалистического соревнования³⁴. Большое внимание уделялось сельскими профорганизациями вовлечению в соревнование как можно большего числа участников, выработке условий соцсоревнования и социобязательств, распространению передового опыта, отработке различных форм морального поощрения. Однако именно в сфере организации соревнования формальный подход к делу расцвел особенно пышно. Социалистическое соревнование в 60-х — первой половине 80-х гг. было лишено состязательности и стало одной из форм псевдоактивности, служащей прикрытием бездействия общественных организаций и хозяйственников. И профсоюзы в данном случае выполняли функции основных организаторов того «бумажного двигателя», в который на деле превратилось социалистическое соревнование. Что же касается непосредственно сельскохозяйственного производства, то профсоюзы в его организации участия практически не принимали, хотя регулярно включали наиболее позитивные его результаты в свои отчеты.

Помимо производственно-экономической функции профсоюзы осуществляют защиту профессиональных прав и интересов трудящихся. Данная функция в деятельности профорганизаций в 60-х — первой половине 80-х гг. находилась как бы на втором плане. И, возможно, в связи с этим ее выполнение было лишено в значительной степени той показухи и трескотни, которая сплошь и рядом сопровождала принятие социалистических обязательств, организацию социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду и т. п.

Перед профсоюзным активом постоянно стояли задачи по созданию безопасных условий труда, соблюдению правил и норм техники безопасности всеми членами трудовых коллективов. При обсуждении коллективных договоров в 1981 г. труженики сельского хозяйства Сибири внесли 24,5 тыс. предложений, связанных с охраной труда, были выполнены 21,4 тыс. предложений; в 1985 г. реализовано через договоры 46 тыс. предложений. В Новосибирской области за 1980 г. 5,8 тыс. рабочих мест были приведены в соответствие с существующими требованиями и нормами. За 1982—1984 гг. было осуществлено более 2 тыс. крупных организационно-технических мероприятий на сумму более 80 млн руб., что позволило улучшить условия труда 10 тыс. рабочих, служащих, колхозников. Следствием положительных сдвигов в условиях труда явилось снижение его физической тяжести. Если в 1967 г., согласно опросам социологов ИЭиОПП СО АН СССР, считала свою работу тяжелой половина работников, то через 15 лет — менее одной трети (37 % среди колхозников и 27 % среди работников совхозов)³⁵.

³⁵ Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск, 1987. — С. 124—125.

³⁴ Подробно об этом см. в главе 4.

Но все же условия труда в сельском хозяйстве улучшались слишком медленно, их изменения значительно отставали от современных стандартов. Проблема физической тяжести труда оставалась острой для доярок, телятниц, скотников, сельских строителей, разнорабочих. Физическая тяжесть труда, недостаточный уровень его механизации для работников указанных профессий сочетались с неблагоприятными санитарно-гигиеническими условиями на рабочем месте (холод, жара, сквозняки, грязь, повышенная влажность и т. п.). Изменение условий труда тормозил пресловутый «остаточный принцип». В ноябре 1973 г. на заседании Всероссийского совета колхозов отмечалось, что в ряде областей, в том числе в Новосибирской, выделялось мало средств на мероприятия по технике безопасности и охране труда в колхозах. Не лучше была ситуация и в других краях и областях региона. Но и те незначительные средства, которые предназначались для этих целей, чаще всего в полном объеме не осваивались³⁶.

Значительных размеров в сельскохозяйственном производстве достигали травматизм, общая заболеваемость. В Новосибирской области в 1980 г. в связи с болезнью на работу не выходило ежедневно 6,9 тыс. трудящихся отрасли. Уровень производственного травматизма на сельскохозяйственных предприятиях превышал среднеобластные показатели в 2 раза, а в Усть-Тарском, Убинском и Кургатском районах — в 4 раза. Потери рабочего времени, травматизм во многом были связаны с тем, что профкомы недостаточно внимания уделяли вопросам охраны труда, не привлекали к этой работе широкий профактив. Недостаточным на селе был охват работающих профосмотрами. Заключительные акты комиссий по

проведению профосмотров не доходили до многих хозяйств, а их руководители и профорганизаторы не проявляли должной требовательности к медицинским работникам, в результате чего работа по проведению медосмотров шла впустую.

В 70-х — начале 80-х гг. стал более упорядоченным режим труда и отдыха многих работников сельского хозяйства. Однако этот позитивный процесс очень мало коснулся работников животноводства, особенно доярок. В силу нехватки рабочей силы они ежедневно, практически без выходных и ежегодных отпусков, начинали свой трудовой день в 5—6 ч утра и заканчивали в 8—10 ч вечера. В 1979 г., например, в Омской области животноводкам была выплачена компенсация за 2,8 тыс. неиспользованных выходных дней. Несмотря на это, большинство профсоюзных организаторов делали вид, что не замечают этих и иных нарушений трудового законодательства, не защищали интересы трудящихся и даже не пытались привлечь к ответственности лиц, виновных в грубых нарушениях прав работников сельского хозяйства.

Добиться стабильного развития всех отраслей агропромышленного комплекса невозможно без ускоренного решения назревших социальных проблем. Передовые хозяйства, как правило, лучше обеспечены комплексом социально-бытовых услуг. Существенная роль в достижении этого принадлежит их профсоюзным организациям. Так, профсоюзный комитет государственного племенного завода «Элита» Емельяновского района Красноярского края на протяжении ряда лет проводил целенаправленную работу по улучшению производственных и социально-бытовых условий жизни животноводов. Эти вопросы решались в соответствии с комплексным планом экономического и социального развития коллектива. Основные мероприятия плана ежегодно

³⁶ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 7875, л. 12, 20, 215.

включались в коллективный договор и социалистические обязательства. Профкомитет и его комиссии регулярно следили за ходом выполнения планов и обязательств. В соответствии с планом социального развития в одиннадцатой пятилетке за счет средств хозяйства было построено и сдано в эксплуатацию 2800 м² жилой площади, улучшены жилищные условия 79 семей рабочих и специалистов. На центральной усадьбе построены и оформлены современными интерьерами столовая, детский комбинат, Дом культуры, музыкальная школа. На базе спортзала средней школы в вечернее время работают спортивные секции, группа здоровья. В 1985 г. племзавод капитально отремонтировал освободившееся помещение, закупил необходимое оборудование и решил вопрос об открытии врачебной амбулатории. В бытовом корпусе свинофермы оборудованы две медицинские комнаты. Создание медицинской базы позволило обеспечить диспансеризацию всех работников животноводческого комплекса, проводить плановые мероприятия по предупреждению заболеваемости.

Профсоюзный комитет совместно с администрацией провел большую работу по улучшению условий труда. На фермах внедрены технологическая специализация, двухциклическая организация труда. Труд животноводов организован по скользящему графику. С начала 70-х гг. племзавод работает на пятидневной рабочей неделе с двумя выходными днями. Совершенствуя внутрихозяйственный расчет, коллектив с 1979 г. перешел на чековую систему взаиморасчетов между цехами. Улучшение производственных, культурно-бытовых условий для тружеников совхоза, социальное переустройство села способствовали закреплению кадров, созданию стабильных трудовых коллективов. В хозяйстве работают более десяти семейных династий.

Можно привести и другие примеры позитивной работы профсоюзных организаций. Однако в 60-х — первой половине 80-х гг. они были скорее исключением, нежели правилом. Вопросы, связанные с решением жилищной проблемы, созданием коммунальной службы на селе, расширением бытового обслуживания, дорожным строительством, здравоохранением, решались недопустимо медленно. Абсолютное большинство профсоюзных комитетов не заняло активной позиции в борьбе с технократическими и бюрократическими извращениями со стороны хозяйственного аппарата. Этому способствовали многообразие функций профсоюзов, размытость границ их ответственности, навязанные им обязанности участвовать везде и во всем. Профсоюзы, провозглашенные на словах школой самоуправления, выросли в административно-командную систему, отдалились от своей защитной функции, превратившись на деле в школу послушания.

Перестройка в работе сельских профорганизаций Сибири наметилась после XVIII съезда советских профсоюзов, на котором впервые была дана критическая оценка их предшествующего опыта. Прежде всего произошли некоторые изменения в стиле и методах работы вышестоящих профсоюзных комитетов. Меньше стало заседаний и совещаний. Сокращена и упорядочена отчетность. Организационная работа стала постепенно перемещаться в первичные профорганизации. В практику вошли выездные совещания профсоюзных органов. В Омской области, например, в 1988 г. президиум облсовпрофа рассмотрел вопрос о работе хозяйственных руководителей и профкомитетов по внедрению хозрасчета, прогрессивных форм организации труда в Крутинском районе. Совещание секретариата облсовпрофа, проанализировавшего состояние условий труда и быта членов колхоза и рабочих сов-

хозов, прошло в Москаленском районе. В ходе отчетно-выборной кампании 1988 г. широкое распространение получило выдвижение альтернативных кандидатур на руководящие посты. Более строгим стал и спрос рядовых членов профсоюза со своих руководителей. В 1988 г. неудовлетворительной на предприятиях АПК Новосибирской области была признана работа 20 профгруппиров, в то время как в 1979 г. во всех отраслевых профсоюзах СССР таких профгруппиров было всего 46.

Областные и краевые организации профсоюза работников АПК региона стали более активно содействовать внедрению в сельскохозяйственное производство подрядных и арендных отношений. Определенный вклад внесли профкомитеты в организацию экономической учебы работников, переходящих на коллективный и арендный подряд, оказание им юридической помощи.

Организационно-технические меры по дальнейшему улучшению условий труда и быта крестьян подкрепляются более значительными материальными средствами. Профсоюзы включились в работу по внедрению систем управления охраной труда, что предполагает переход от решения отдельных задач к комплексу нормативных, организационных, технических, санитарно-гигиенических мероприятий, направленных на поддержание рабочих мест, производственной и технологической дисциплины на уровне, исключая несчастные случаи и профессиональные заболевания. Одними из основных инструментов улучшения условий труда служат аттестация и рационализация рабочих мест. На уровне краев, областей, сельских районов разрабатываются и начинают осуществляться комплексные программы «Здоровье». Более комплексный характер стали носить проверки соблюдения трудового законодательства, которые охватывают вопросы выполнения трудового договора, соблюдения зако-

нодательства о режиме рабочего времени и времени отдыха, заработной платы, дисциплины и материальной ответственности. Результаты проверок выносятся на совместные заседания администрации и профкомов.

В Новосибирской области на предприятиях и в организациях отрасли в 1986 г. на выполнение комплексных планов улучшения условий, охраны труда и санитарно-оздоровительных мероприятий было израсходовано 1748,7 тыс. руб. Это дало возможность условия труда 5539 работающих, в том числе 2015 женщин, привести в соответствие с требуемыми нормами. С вредных и физически тяжелых работ высвобождено 2630 чел., 1156 женщин выведено из ночных смен. В 1986—1988 гг. на животноводческих фермах области открыто 214 магазинов, 557 пунктов общественного питания, 121 медпункт, 56 бань и саун, 299 душевых, 79 пунктов бытового обслуживания. Построено 128 домов животноводов. В области аттестовано 11,5 тыс. рабочих мест, из них 9 тыс. признаны соответствующими современным требованиям, 2,3 тыс. мест намечено рационализировать и 200 вообще ликвидировать. Техническая инспекция обкома союза в 1988 г. выдала 435 предписаний, приостановила работу 605 единиц оборудования из-за несоответствия правилам охраны труда. За нарушения законодательства о труде привлечено к административной ответственности 254 должностных лица, 20 руководителей освобождены от работы, 21 привлечен к уголовной ответственности.

Вместе с тем глубоких, устойчивых изменений в деятельности профсоюзных организаций и профкомитетов работников АПК Сибири не произошло. Над рядовыми членами профсоюзов все еще высится пирамида из платного аппарата в несколько этажей. Совершенствование существующей структуры проф-

органов носит косметический характер. Дело сводится пока к сокращению штатов. В деятельности районных, областных, краевых комитетов продолжает преобладать административно-бюрократический стиль: практическая помощь низовым звеньям подменяется мелочной опекой. Слабо обобщается и распространяется передовой опыт профсоюзной работы в новых условиях хозяйствования. Многие первичные профорганизации далеко не в полной мере используют предоставленные им права по защите законных интересов трудящихся, участию в управлении производством, решению социальных проблем, укреплению дисциплины труда. Они медленно освобождаются от наслоений формализма, инертности. Неистребимой осталась и привычка подчиняться командам сверху, готовность довольствоваться полумерами, в очередной раз «входить в положение» администрации.

На многих предприятиях не произошло еще кардинального поворота к обеспечению гарантий безопасности, улучшению условий труда и производственного быта. По-прежнему остается высоким уровень производственного травматизма, превышающий в сельском хозяйстве среднестатистический уровень. Осваиваются далеко не все средства, направляемые в эту сферу. В Северном районе Новосибирской области освоение средств, выделенных на охрану труда, составило в 1986 г. 70 %. В колхозе «VII съезд Советов» этого же района освоено 20 % средств, тогда как уровень производственного травматизма в 4,4 раза превышает среднеобластные показатели. Не изменилась в положительную сторону практика заключения коллективных договоров. Трудящиеся слабо привлекаются к их разработке. Более того, количество предложений, внесенных ими, снижается. Проекты колдоговоров выносятся на рассмотрение общего собрания без предварительного об-

суждения в коллективах подразделений. Все еще есть случаи включения в них обязательств, противоречащих трудовому законодательству. Не во всех коллективных договорах определяются сроки и ответственные за выполнение конкретных мероприятий.

Слабое использование потенциала профсоюзов в перестройке во многом связано с отсутствием законодательства, определяющего их полномочия во взаимоотношениях с государственными и хозяйственными органами. Действующее положение о правах профкома, по существу, и определяет феномен «карманности» профсоюзов — они бесправны и не защищены в конфликтных ситуациях.

Таким образом, профсоюзные организации работников сельского хозяйства Сибири, как и все советские профсоюзы, к концу 80-х гг. оказались лишь на подходе к подлинной перестройке. Состоявшийся в сентябре 1989 г. VI пленум ВЦСПС откровенно признал, что в условиях идущих в стране преобразований, ускоренных изменений в сознании трудящихся масс возник серьезный кризис доверия к профсоюзам, как и к большинству других традиционных общественно-политических структур. В этой связи ВЦСПС поставил перед всеми профсоюзными организациями задачу вырвать профсоюзы из командно-административной системы, вернуть их деятельности изначальный смысл. На первый план должна выйти защита профессиональных прав и интересов человека труда. Что касается производственно-экономического направления работы профсоюзов, то оно должно быть прямо связано с их защитной функцией. Необходимо оказывать всемерную поддержку прогрессивным формам организации труда, защищать их от бюрократического противодействия со стороны хозяйственного и партийного аппарата. От того, смогут ли нынешние профсою-

зы осуществить крутой поворот в своей работе, восстановить подорванное доверие, зависит их будущее.

Второй после профсоюзов по массовости общественной организацией на селе является комсомол, объединяющий в своих рядах значительную часть молодежи от 14 до 28 лет. К началу 60-х гг. комсомольские организации действовали во всех колхозах и совхозах страны. При этом на долю колхозов приходилось 78,2 % комсомольцев, совхозов и других предприятий — 21,8 %. В Сибири удельный вес комсомольцев-колхозников в общем числе членов ВЛКСМ, занятых в сельском хозяйстве, в это время составлял 62,4 %. В 3467 колхозных комсомольских организациях региона состояло 156,2 тыс. комсомольцев-колхозников³⁷.

В 60-е гг. в связи с массовым преобразованием колхозов в совхозы произошло резкое уменьшение числа комсомольцев-колхозников. В последующие годы процесс сокращения продолжался: в целом по стране за 1960—1982 гг. удельный вес комсомольцев-колхозников упал с 78,2 до 44,3 %, комсомольцев-рабочих совхозов — возрос с 21,8 до 55,7 %³⁸. В Сибири происходили те же изменения. На Алтае число колхозников — членов ВЛКСМ с 1961 по 1968 г. уменьшилось в 3,4 раза (с 31,3 тыс. до 9,3 тыс. чел.), а удельный вес их в общей численности комсомольской организации края упал с 16,7 до 4,4 %. Одновременно росло число совхозных комсомольских организаций и комсомольцев в них. С конца 60-х гг. большая часть комсомольцев, заня-

тых в сельском хозяйстве, трудилась в совхозах, меньшая (около одной трети) — в колхозах.

Вместе с тем в начале 60-х гг. в связи с резко возросшей миграцией молодежи из деревни общее число комсомольцев, занятых в сельском хозяйстве, несколько уменьшилось. Данная тенденция была преодолена уже в конце 60-х гг., и с начала 70-х гг. начался рост численности сельского комсомола. В результате работы по закреплению молодежи на селе несколько увеличился ее удельный вес в деревне. К середине 70-х гг. среди работников сельского хозяйства страны доля молодых людей составляла около 25 %. Возросла комсомольская прослойка среди всей молодежи комсомольского возраста: в 1959 г. она равнялась 34 %, в 1972 г. — 60 %. Число комсомольцев, занятых в сельском хозяйстве, за 1970—1982 гг. возросло с 2,6 млн до 4,6 млн чел., т. е. в 1,8 раза. За 1982—1987 гг. сельский комсомол увеличился на 911 тыс. чел.³⁹. Происходил рост комсомольских организаций и в Сибири. На Алтае за 1968—1973 гг. число комсомольцев-колхозников увеличилось с 9,3 тыс. до 12,3 тыс. чел. За 70-е гг. численность комсомольских организаций колхозов и совхозов края возросла более чем на 19 тыс. чел. В целом по Сибири за 1969—1975 гг. число комсомольцев-колхозников увеличилось с 36,7 тыс. до 49,5 тыс. чел., или на 35 %, и продолжало расти, превысив за 1976—1986 гг. уровень середины 70-х гг. на 40—45 %.

Рост численности комсомольцев-колхозников, обусловленный высоким уровнем приема в организацию в конце 60-х — 70-х гг., привел к укрупнению комсомольских организаций в колхозах. По примерным подсчетам, в среднем каждая организация Сибири состояла в 1968 г. из 36 комсомольцев, в 1976 г. — из

³⁷ Здесь и далее данные о численности и составе комсомольских организаций Сибири рассчитаны по годовым статотчетам обкомов и крайкомов ВЛКСМ.

³⁸ Зеленин И. Е. Некоторые проблемы общественно-политической жизни советской деревни (60-е — первая половина 80-х годов) // История СССР. — 1987. — № 6. — С. 12.

³⁹ Там же. — С. 11—12; Комсомольская правда. — 1987. — 16 апр.

59, в 1986 г.— из 83—84. В крупных организациях создавались цеховые организации и комсомольские группы. В среднем на одну первичную комсомольскую организацию колхоза в целом по региону приходились в 1967 г. одна-две цеховые, в 1975 г.— более двух, в 1985 г.— две-три.

В 60—70-е гг. рост не сопровождался улучшением качественного состава организации. Выполняя «контрольные задания» по приему в комсомол, многие комитеты неизбежно снижали требовательность к вступающим. Эта тенденция была подвергнута критике на XX съезде ВЛКСМ (1987 г.). Съезд решительно осудил искусственное форсирование роста рядов комсомола, потребовал осуществлять прием в ВЛКСМ на строго добровольных началах, при индивидуальном подходе к вступающему, после тщательной подготовки и проверки его на конкретных делах. Право решения вопроса о приеме в комсомол передано первичным организациям, что должно повысить их ответственность за качественный состав рядов ВЛКСМ.

Основная сфера деятельности сельского комсомола — это закрепление молодежи в сельском хозяйстве, укрепление кадрами решающих участков производства, развитие передовых форм организации и оплаты труда в колхозах и совхозах. Сельские комсомольцы выступали инициаторами многих интересных дел и починов. В начале 60-х гг. в ответ на призыв «Молодежь — за руль трактора!» около 9 тыс. юношей и девушек Новосибирской области освоили специальности сельских механизаторов. Большую роль в развитии движения по овладению профессией механизатора сыграло соревнование за призы имени П. Н. Ангиной и В. М. Бахолдиной. В результате к середине 70-х гг. в колхозах Алтая насчитывалось 2,5 тыс. девушек-механизаторов. На III съезде колхоз-

ников (ноябрь 1969 г.) прозвучал призыв к комсомолу развернуть движение молодежи за овладение сельскими техническими профессиями. Был выдвинут лозунг «Живешь на селе — знай технику!». По инициативе комсомольских организаций повсеместно стали создаваться курсы и кружки механизаторского всеобуча. К концу девятой пятилетки всеми формами технической подготовки на Алтае было охвачено более 62 тыс. юношей и девушек. К концу одиннадцатой пятилетки удельный вес высококлассных специалистов среди молодых механизаторов, животноводов, строителей возрос и составил соответственно 57, 55 и 52 %, что превысило среднесоюзные показатели (52, 31 и 39 %).

Значительный вклад внесли комсомольские организации Сибири в развитие животноводства. Важную роль в воспитании молодых животноводов сыграло направление молодежи на животноводческие фермы по комсомольским путевкам. К середине 70-х гг. в животноводство Западной Сибири влилось свыше 35 тыс. молодых людей. Молодежь в возрасте до 30 лет составила одну треть всех работников этой отрасли. Комсомольцы участвовали в механизации животноводческих ферм, что способствовало улучшению условий труда, повышению его производительности. За 1971—1979 гг. число молодежи, работающей в общественном животноводстве Омской области, увеличилось с 10 тыс. до 15 тыс. чел., в 2 раза возросло количество занятых в отрасли комсомольцев. В области действовал клуб животноводов «Молодая смена». В феврале 1984 г. пленум Омского обкома ВЛКСМ, обсудивший вопрос о задачах комсомольских организаций области по дальнейшему развитию движения «Животноводство — ударное дело комсомола», подвел итоги 20-летнего шефства молодых над этой отраслью. На фермах, животноводческих комплексах дейст-

вовало 280 комсомольско-молодежных коллективов, 346 ученических производственных бригад со звеньями животноводов. С участием молодежи построено 620 животноводческих объектов⁴⁰. Приток молодежи в животноводство по комсомольским путевкам продолжался и в 80-е гг. В 1980 г. комсомольские организации Читинской области направили в отрасль свыше тысячи человек, комсомольские организации Иркутской области в 1984—1985 гг. — 670 чел. В Новосибирской области в 1988 г. совместное решение бюро обкома ВЛКСМ, коллегии областного агропромышленного комитета, обкома профсоюза работников Агропрома, коллегии облоно предусмотрено ежегодное направление в животноводство 400 юношей и девушек. Привлечение юношей и девушек в сельскохозяйственное производство методом общественных призывов — мера вынужденная, а значит, и временная. Она не гарантирует стабильных результатов, не может решить проблему кадров для села. Тем не менее общественные призывы остаются пока одной из распространенных форм привлечения молодежи к работе в аграрном секторе.

Много усилий затрачивали комсомольские организации на развитие различных форм соревнования. Это и борьба за призы Героев Социалистического Труда, знатных хлеборобов и животноводов, за право получения именной сельхозтехники, и конкурсы профессионального мастерства. Так, в 1967 г. состоялся краевой конкурс молодых пахарей Алтая, лучшим среди которых стал А. Снимщиков из совхоза «Свет Октября» Тюменцевского района. Тракторист с Алтая занял третье место на Всесоюзном конкурсе. В соревновании за звание лучшей молодой доярки края участвовали 3 тыс. девушек. В 1968 г. в Соснов-

ском совхозе состоялся первый, ставший затем традиционным, Омский областной конкурс пахарей. Тысячи юношей и девушек Сибири и в последующие годы участвовали в конкурсах по машинному доению коров, а также в конкурсах стригалей, пахарей и т. д.

В 80-е гг. получило распространение шефство комсомола над отстающими хозяйствами. В Новосибирской области это движение началось с 1984 г., когда пленум обкома комсомола принял решение о комплексном шефстве районных комсомольских организаций над 30 низкорентабельными хозяйствами. При этом комсомольские организации ориентировались главным образом на укрепление хозяйств кадрами, участие в строительстве жилья и объектов соцкультбыта, реконструкцию и ремонт животноводческих помещений, благоустройство ферм, внедрение передовых форм организации труда и технологий.

Одной из наиболее рациональных форм организации труда сельской молодежи стали комсомольско-молодежные коллективы (КМК). Они начали создаваться в 60-е гг., как правило, в период весенне-полевых работ, уборки урожая. В Западной Сибири на уборке урожая 1970 г. действовало свыше 4 тыс. КМК. На Алтае в 1979 г. на животноводческих фермах трудилось 282 таких коллектива и на полях — 782 молодежных механизированных звена. В первой половине 80-х гг. в земледелии и животноводстве края работало в среднем ежегодно свыше 380 постоянных КМК. В 1987 г. в Омской области в КМК трудилась пятая часть комсомольцев, занятых в земледелии.

Все большее количество КМК переходило на метод бригадного подряда. Именно в таких коллективах достигалась наивысшая производительность труда, ликвидировались простои техники и потери рабочего времени. К середине 80-х гг. на Алтае по методу бригадного подряда

⁴⁰ Это наша с тобой биография. Омский комсомол. — Омск, 1988. — С. 304.

работало свыше 550 КМК, в том числе 440 — в земледелии. Для распространения передового опыта в 1981 г. на базе лучших КМК были открыты районные и краевые школы, в которых свыше тысячи молодых тружеников изучали экономическую сущность и преимущества бригадного подряда, методику его внедрения. К середине 80-х гг. школы передового опыта были созданы почти во всех сельских районах края и охватывали более 3,6 тыс. обучавшихся⁴¹.

Однако в движении за создание КМК, как и во многих других движениях и починах, проявился формализм: во главу угла ставился высокий процент охвата КМК, бригадным подрядом, а действительные результаты поисков и внедрения прогрессивных форм организации и оплаты труда были невысокими. В 1988 г. в Омской области из 572 КМК, работавших в сельском хозяйстве, лишь каждый восьмой перешел на прогрессивные формы организации труда, в Новосибирской области действовали только 42 КМК интенсивной технологии. Кроме того, провозглашение многих бригад и звеньев работающими на принципах коллективного и арендного подряда было формальным.

Закреплению кадров в сельском хозяйстве содействовала работа комсомола по повышению профессионального мастерства и технического всеобучу молодежи, улучшению системы сельского профтехобразования, профориентации в школах. В годы девятой пятилетки по инициативе комсомола на Алтае впервые была организована переподготовка механизаторов с отрывом от производства. Это позволило значительно увеличить количество специалистов первого и второго классов. Комитеты комсомола добивались выделения молодым механизаторам

новой техники, организовывали рейды-проверки по их трудоустройству и предоставлению им льгот, предусмотренных законодательством, закрепляли за ними лучших шифов-наставников. В результате целенаправленной работы общая численность комсомольцев, занятых в сельскохозяйственном производстве Алтая, увеличилась с 35,1 тыс. в 1972 г. до 43,5 тыс. в 1975 г. Число их среди механизаторов и животноводов возросло соответственно на 20 и 28 %.

В 80-е гг. укреплялась связь комсомольских организаций базовых предприятий, общеобразовательных школ и профтехучилищ, расширялось содружество комсомольских групп молодежных трудовых коллективов с классами подшефных школ и училищ. С помощью комсомольцев и молодежи базовых предприятий оборудовались учебные мастерские, кабинеты механизации сельского хозяйства, уголки и кабинеты профориентации. В результате за 1981—1985 гг. число выпускников школ, связавших свою судьбу с сельским хозяйством, на Алтае выросло в 1,6 раза, две трети окончивших сельские школы получили квалификационные удостоверения тракториста-машиниста, оператора машинного доения, строителя и др.⁴² Кроме того, комитеты комсомола уделяли большое внимание улучшению условий и режима труда, отдыха молодежи.

Принимаемые меры позволили добиться в ряде районов Сибири сокращения текучести кадров. Примером может служить Омская область. В октябре 1981 г. бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «Об участии комсомольских организаций Омской области в работе по закреплению молодежи в сельскохозяйственном производстве», а пленум обкома ВЛКСМ разработал специальный комплекс задач для его практического воплощения. В де-

⁴¹ Очерки истории Алтайской организации ВЛКСМ.— Барнаул, 1988.— С. 219—220.

⁴² Очерки истории Алтайской организации ВЛКСМ.— С. 198, 248.

кабре 1982 г. в Омске прошел Всесоюзный семинар по проблемам закрепления молодежи в сельскохозяйственном производстве, участником которого был и ЦК ВЛКСМ. В результате проведенной работы в 80-е гг. около половины выпускников сельских школ оставались в хозяйствах, поступали в учебные заведения сельскохозяйственного профиля. За 1983—1984 гг. количество комсомольцев, занятых в сельскохозяйственном производстве области, выросло на 18 %. К середине 80-х гг. отряд молодых трактористов, комбайнеров, животноводов превысил 19,5 тыс. чел., 505 комсомольцев являлись управляющими отделениями, бригадами полевых и тракторных бригад, заведующими животноводческими фермами⁴³. Примерно каждый третий механизатор, каждый четвертый животновод, почти 40 % специалистов — молодые люди в возрасте до 30 лет.

Несмотря на большую работу, проводившуюся комсомолом, многие сложные проблемы не были решены. Миграция молодежи из деревни продолжалась, что обуславливалось серьезными социальными проблемами — неудовлетворенностью условиями труда и состоянием сельской инфраструктуры. Размеры оттока молодежи из сферы сельскохозяйственного производства практически таковы же, в каких ведется подготовка на селе кадров. Высокой остается текучесть кадров механизаторов и животноводов. Ежегодно третья часть механизаторов — выпускников профтехучилищ не возвращается в хозяйства, а треть из числа прибывших увольняется, не проработав по специальности и года. Молодые перспективные специалисты уезжают главным образом отсюда, где и так ощущается острая нехватка рабочей силы. Сегодня требуется юридическое и материальное

подкрепление общественного призыва молодежи в сельское хозяйство, которое обеспечивало бы в законодательном порядке молодым труженикам определенные льготы. Этим, в частности, обусловлено принятие в 1988 г. постановления ЦК ВЛКСМ, Госагропрома и ЦК профсоюза работников АПК «О мерах по дальнейшему привлечению комсомольцев и молодежи в общественное животноводство»⁴⁴. Оно предусматривает направление молодежи туда, где создаются условия и есть заинтересованность в поступлении и закреплении молодых кадров. Не случайно во многих хозяйствах Сибири готовятся к встрече добровольцев, откликнувшихся на предложение переехать на жительство в деревню: реконструируют фермы, ремонтируют общежития, строят бани, организуют общественное питание, торговлю, медицинское обслуживание. Во многих комитетах комсомола создаются штабы по распределению прибывающей молодежи.

На комсомоле всегда лежала забота о духовном развитии сельской молодежи, организации ее досуга. Комсомольские организации Сибири накопили большой опыт по привлечению юношей и девушек к занятиям художественным творчеством, проведению молодежных тематических вечеров, диспутов, читательских и зрительских конференций, спортивных соревнований. Повсеместно составлялись совместные планы комсомольской и клубной работы, оказывалась помощь сельским учреждениям культуры в благоустройстве и оформлении клубов и библиотек, подготовке кадров культурпросветработников, улучшении их быта. В Омской области традиционным стало участие комсомольцев и молодежи в походе за культуру села. На Алтае в 70-е гг. широкое распространение получило движение «За высокую культуру городов и сел родного Алтая».

⁴³ Это наша с тобой биография.— С. 306, 311; Омская область за 50 лет. (Цифры и факты).— Омск, 1985.— С. 44.

⁴⁴ Земля сибирская, дальневосточная.— 1988.— № 9.— С. 5.

В 80-е гг., участвуя в организации досуга, многие комитеты ВЛКСМ сумели наладить эффективный механизм реализации молодежной инициативы. Появились многочисленные клубы, любительские объединения по интересам и другие молодежные самостоятельные формирования досуговой направленности. В 1988 г. в 10 районах Новосибирской области сформировались молодежные центры, под эгидой которых действуют, как правило на основе хозрасчета и самоокупаемости, такие объединения. Центры молодежной инициативы помогают малым селам в получении культурных благ: посланцы из центра приезжают в деревни с концертами, спектаклями, показывают видеофильмы, ремонтируют телевизоры, фотографируют и т. п.

Проблемы повышения культурно-технического уровня и трудового воспитания сельской молодежи всегда были неразрывно связаны с идейно-политическим воспитанием. Его важное звено — сеть комсомольского политического просвещения. Начиная с 60-х гг. в комсомоле функционировала разнообразная по формам и ступенчатая система обучения: кружки, семинары, лектории по различным проблемам политического образования. Широкое распространение получили кружки текущей политики, семинары «Беседы о партии» и «Молодежь и общественный прогресс», политические клубы «Прометей», «Глобус», «Радуга». Создавалась возможность выбора форм учебы в соответствии с интересами, возрастом, профессией. Больше внимания стало уделяться укреплению состава пропагандистов опытными, умеющими работать с молодежью кадрами. В Красноярском крае среди пропагандистов комсомольского политпросвещения в 1966/67 уч. г. коммунисты составляли 32 %, в 1974/75 уч. г. — 85, имевшие высшее и незаконченное высшее образование — соответственно 55 и 83 %.

Рост сети кружков и улучшение состава комсомольских пропаганди-

стов в 70-е гг. обеспечили системе комсомольской политучебы большую организованность, однако не привели к принципиальным изменениям ее сущности — догматизм и стереотипы по-прежнему довели в идеологии. Многие занятия страдали отсутствием настоящей заинтересованности слушателей, не были связаны с практическими делами, слабо влияли на политическую культуру молодежи. Даже удачно, казалось бы, найденная идея Ленинского зачета к концу 70-х гг. была дискредитирована формой ее реализации в рамках сдачи экзамена.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки перестройки системы комсомольской политучебы особенно усилились в 80-е гг. В работу комсомольских политшкол стали внедряться общественно-политическая практика слушателей, активные формы занятий. В середине 80-х гг. почти половина юношей и девушек сел Алтайского края занималась в школах комсомольского политпросвещения «Основы экономических знаний», их численность за 1981—1985 гг. возросла на 10 %. В Новосибирской области различными формами политической учебы было охвачено свыше 90 % работающей молодежи. Во многих районах области удалось найти формы сочетания политического образования с производственной деятельностью в КМК. Однако добиться повсеместного повышения общего уровня комсомольской политучебы не удалось, занятия часто проходили в отрыве от производственных дел, посещаемость их была невысокой. Зачастую занятия в школах существовали лишь в отчетах. В условиях активизации общественной жизни в конце 80-х гг. начался принципиальный поворот во всей системе идеологической работы, включая комсомольскую учебу: создаются политические клубы, проводятся политконкурсы, «круглые столы», дискуссии, политбой, нередко проходящие в форме деловых игр.

Таким образом, в жизни комсомола в рассматриваемый период происходили сложные и противоречивые процессы. С одной стороны, много усилий затрачивалось на совершенствование традиционных движений, шли поиски новых форм комсомольской работы; с другой стороны, в молодежном движении десятилетиями накапливались серьезные проблемы. Воспитательная функция комсомола в значительной степени была заменена мобилизационной. Многочисленные призывы и почины комсомольских организаций служили средством закрытия брешей, образовавшихся в результате функционирования командно-административной системы. Действуя зачастую «лозунговыми методами», увлекаясь кампаниями, парадностью и шумихой, комсомол слабо заботился о трудовых и бытовых условиях молодежи, ее досуге. Энтузиазм отдельных комсомольцев и первичных комсомольских организаций в производственной и духовной сферах гасился бюрократическим стилем работы руководства. Спонтанные молодежные инициативы и почины или не встречали поддержки сверху, или, наоборот, ставились в жесткие рамки обязательной массовости, отчетности, заорганизованности, при этом нередко извращалась их суть. Низкой была активность рядовых комсомольцев, многие лишь числились в рядах ВЛКСМ. В результате за инициативами и починами зачастую не следовали конкретные дела, в среду сельской молодежи проникали иждивенчество, аполитичность, инертность, немалая ее часть потеряла духовно-нравственные ориентиры.

Стал очевидным отрыв комсомольского аппарата от первичных организаций, от насущных интересов комсомольской массы. Все чаще в резолюциях комсомольских собраний появляются слова о недоверии ЦК ВЛКСМ. Кризис «верхов» породил кризис в первичных организациях. Во многих колхозах и совхозах Си-

бири нарушались уставные сроки проведения комсомольских собраний, отмечалась запущенность в учете членов ВЛКСМ, для собраний были характерны однообразие повесток дня, выступления «штатных» ораторов. Образовалось много слабо или вовсе не работающих организаций, снизилась внутрисюзовая дисциплина, а в молодежной среде появилось немало негативных явлений.

Все это особенно рельефно обнажилось в связи с расширением демократии и гласности, переосмыслением исторического опыта с позиций современности и задач перестройки. Падение авторитета комсомола в жизни молодежи становилось все более очевидным, что определило общий критический настрой и дискуссии вокруг проблем ВЛКСМ. Первую попытку осмыслить причины негативных и застойных явлений в комсомоле предпринял XX съезд ВЛКСМ, наметивший пути его перестройки. Съезд обсудил вопросы участия комсомола в осуществлении аграрной политики, продовольственной программы. Он выделил такие направления деятельности комсомольских организаций, как перевод КМК на коллективный подряд, работу по интенсивным технологиям, направление молодежи в животноводство, внедрение в эту отрасль двухсменного режима работы, повышение уровня механизации производства, участие в подъеме экономики отстающих хозяйств, в приоритетном социальном переустройстве села.

Серьезные недостатки в работе с молодежью в последние десятилетия отметила XIX Всесоюзная конференция КПСС. На ней было обращено внимание на принципы и основы взаимоотношений комсомола с партийными организациями. Сохранявшееся долгие годы противоречие в осуществлении партийного руководства комсомолом проявлялось в том, что на словах провозглашалась самостоятельность политической молодежной организации, а на

деле проявлялись излишняя опека, а то и недоверие к комсомолу. Политическое руководство подменялось директивным. Не случайно Всесоюзная партийная конференция высказалась за сильную целостную государственную молодежную политику, за полное восстановление ленинских традиций партийного руководства комсомолом. Для партийных комитетов, первичных парторганизаций это означает уважение и соблюдение организационной самостоятельности комсомола, его права без подсказок решать все вопросы внутрисоюзной жизни, отстаивать интересы молодежи в партийных, советских и хозяйственных органах.

В ноябре 1988 г. пленум ЦК ВЛКСМ принял постановление «О дальнейшей демократизации жизни комсомола». В соответствии с ним в начале 1989 г. развернулась общекосмопольская дискуссия о ходе перестройки в комсомоле, центром которой стали космопольские собрания, политклубы, семинары, активы, молодежные средства массовой информации. В дискуссиях определялись основные направления работы комсомола, вносились предложения по оздоровлению его жизни. Широко обсуждался в космопольских организациях проект платформы ВЛКСМ на выборах в народные депутаты СССР «С чем пойдем на выборы»⁴⁵. В этом проекте, а также в принятом на его основе пленумом ЦК ВЛКСМ в марте 1989 г. наказе народным депутатам, избранным от комсомола, нашли отражение основные принципы государственной молодежной политики, вопросы демократизации, воспитания и образования, социально-экономические проблемы. При обсуждении социально-экономического раздела платформы ВЛКСМ было предложено более детально остановиться на проблемах развития села и кооперации. В этой связи в наказе бы-

ло зафиксировано, что депутатам необходимо выступать за «ускоренное комплексное развитие села, создание условий для распространения арендного подряда, кооперации, личных хозяйств; развитие разнообразных организационно-хозяйственных форм сельскохозяйственного производства на основе государственной собственности на землю, передачу ее в вечное пользование колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям, в длительную аренду крестьянам с правом передачи по наследству; усиление контроля государства и ответственности землепользователей за состояние земли»⁴⁶.

Однако перестройка в комсомоле, процесс избавления от всего, что мешает комсомолу работать по-новому, идет сложно и противоречиво. Об этом, например, свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного в июне 1989 г. бригадой Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ в 10 районах Новосибирской области⁴⁷. Ответы содержат острые и непредвзятые оценки состояния комсомола и хода его перестройки. Каждый второй из числа опрошенных отметил, что в его первичной космопольской организации изменения к лучшему не произошло; 45 % опрошенных сделали вывод, что усилия по перестройке работы в комсомоле не дают ожидаемого эффекта, а кризисные явления нарастают; 42 % признали отсутствие у комсомола авторитета. Более того, при ответах на вопросы предлагалось убрать из Устава ВЛКСМ пункт о необходимом членстве в партии для секретарей райкомов, горкомов, обкомов и ЦК ВЛКСМ, что, по мнению отвечающих, ущемляет самостоятельность комсомола. Комсомол должен быть полностью самостоятельным, равноправным партнером во взаимоотношениях с партией и государ-

⁴⁵ Комсомольская правда.— 1988.— 21 нояб.; 1989.— 20 янв.

⁴⁶ Там же.— 1989.— 21 марта.

⁴⁷ Советская Сибирь.— 1989.— 11 июля.

ством — так считают 62 % опрошенных. По данным общесоюзных социологических исследований, перестройку в деятельности своих комсомольских организаций в той или иной мере ощущают только 22 % членов ВЛКСМ.

XX съезд комсомола, анализируя ситуацию в комсомоле, назвал ее «предкризисной». А уже через два года, на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ (июль 1989 г.), положение в комсомоле было обозначено как кризисное. Оно характеризуется очень острым проявлением накопившихся проблем, противоречий, очевидным разрывом между традиционными представлениями о сущности, целях, устройстве комсомола и очень быстро меняющейся ситуацией в обществе и среди молодежи. Положение в комсомоле, как было отмечено в резолюции пленума, «усугубляется отсутствием четко сформулированных целей и приоритетов комсомола, увлечением внутрисоюзными вопросами в ущерб общеполитическим, социально-экономическим и культурным задачам»⁴⁸.

Начатая XX съездом ВЛКСМ демократизация, по существу, так и не дошла до «первичек». Многие комсомольские организации потеряли способность активно участвовать в жизни своих трудовых коллективов, отстаивать права своих членов. Следующий, IX пленум ЦК ВЛКСМ (октябрь 1989 г.) отметил, что ситуация в комсомоле к лучшему не изменилась. Продолжаются те же процессы снижения эффективности влияния комсомола на молодежь.

Симптоматичным явлением стал отток молодежи из ВЛКСМ. Появились случаи коллективных выходов из комсомола, самороспуска первичных организаций. Резко сократился прием в комсомол: за 1983—1988 гг. количество вступающих в сельские комсомольские организации в целом по стране сократилось почти в 5 раз. На IX пленуме ЦК ВЛКСМ отмеча-

лось, что за последние пять лет численность комсомола сократилась на четверть, или на 10 млн чел., в том числе за последние 12 месяцев — на 4 млн чел.⁴⁹ В Иркутской комсомольской организации пять лет назад было 300 тыс. комсомольцев, к ноябрю 1989 г. их стало на 80 тыс. меньше. За 1987—1989 гг. число вышедших из комсомола в Новосибирской области составило почти 93 тыс. чел., 837 первичных организаций прекратили прием новых членов за неимением желающих⁵⁰.

Таким образом, сложные и противоречивые процессы в комсомоле и молодежной среде со всей очевидностью свидетельствуют о необходимости кардинальных изменений. Многого надо поменять в целях и содержании деятельности комсомола для приобретения им облика самостоятельной и самоуправляемой политической организации, имеющей право на свою позицию, самостоятельное представительство в органах власти, защиту и реализацию общественных программ, направленных на улучшение жизни молодежи, обеспечение ей конституционных гарантий. Комсомолу предстоит глубоко переосмыслить свое место в молодежном движении и в целом в обществе в условиях революционных перемен.

3. Участие крестьянства в деятельности Советов и самостоятельных организаций

Советы, согласно Конституции, составляют политическую основу страны. Участие крестьянства в государственной деятельности проявлялось в различных формах. Это выборы депутатов в представительные органы государства — Советы депутатов трудящихся (с 1977 г. — Со-

⁴⁹ Аргументы и факты. — 1990. — № 3. — 20—26 янв.; Комсомольская правда. — 1989. — 31 окт.

⁵⁰ Комсомольская правда. — 1989. — 21 нояб.; Советская Сибирь. — 1990. — 1 февр.

⁴⁸ Комсомольская правда. — 1989. — 3 авг.

ты народных депутатов), работа в них в качестве полномочных членов и актива, обсуждение различных государственных законопроектов, внесение в них своих предложений, замечаний.

Необходимым условием творческой, созидательной работы государственных органов является политико-правовая основа — сочетание идей, представлений о месте и роли Советов в политической системе на каждом этапе и законодательных актов, регулирующих их деятельность. В. И. Ленин, полагая, что каждая следующая ступень в развитии социалистического общества должна сопровождаться реформированием советской системы, отмечал: «Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее»⁵¹. Основным направлением укрепления и развития Советской власти является расширение и углубление демократических основ в работе государственных органов. С утверждением административно-командной системы управления с характерной для нее максимальной концентрацией власти в руках аппарата управления Советам всех уровней отводилась роль института одобрения и поддержки государственной политики. Вспомогательная роль Советов не требовала развития политико-правовой основы их деятельности. Положение о сельских Советах, утвержденное постановлением ВЦИК 1 января 1931 г., действовало до сентября 1957 г.

На основе решений XX съезда КПСС была сделана попытка демократизации советской государственности. 22 января 1957 г. ЦК партии принял постановление «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами»⁵², повлекшее за собой ряд законодательных актов: разра-

ботку новых положений о сельском Совете, о выборах в местные органы власти, об отзыве депутатов.

К числу позитивных последствий курса XX съезда партии относится предпринятая во второй половине 60-х — начале 70-х гг. попытка крупномасштабного развития политической и правовой основы деятельности Советов. Истоки, побудительные причины обращения к этой проблеме — в общей неудовлетворенности существующим статусом Советов, неопределенности их положения в политической системе. В письме председателя одного из сельских Советов Новосибирской области в редакцию газеты «Сельская жизнь» задачи сельсовета, его реальная компетенция сведены к фразе: «Родился человек — запиши, умер — вычеркни»⁵³. Принятые на рубеже 60—70-х гг. документы партийных и государственных органов (среди них наиболее важное значение имело постановление ЦК КПСС от 8 марта 1967 г. «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся»)⁵⁴ декларировали необходимость признания местных Советов высшими органами государственной власти на своей территории, расширяли и впервые в законодательной практике фиксировали полномочия Советов всех ступеней, определяли конкретные меры по расширению экономической основы работы Советов и укреплению их материально-финансовой базы, закрепляли в качестве магистрального направления организационно-массовой работы местных органов власти принцип развития демократических начал, законодательно утверждали политико-правовой статус депутатов.

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 591, оп. 1, д. 49, л. 251.

⁵⁴ КПСС в резолюциях...— Т. 11.— С. 161—165. Всего на рубеже 60—70-х гг. принято 9 постановлений ЦК КПСС и 16 решений высших законодательных и исполнительных органов государственной власти СССР и РСФСР по местным Советам.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 206.

⁵² КПСС в резолюциях...— Т. 9.— С. 156—166.

Практическое осуществление принятых решений натолкнулось на непреодолимые барьеры. «Вся обстановка механизма торможения, — отмечает М. С. Горбачев, — экономическая, политическая, идеологическая — всей своей массой противилась активизации роли Советов»⁵⁵. Не произошло существенного расширения полномочий местных Советов, а организационно-правовой механизм их реализации отсутствовал. Принятые документы не обеспечивали экономической самостоятельности Советов. В выступлении на Всероссийском совещании председателей исполкомов сельских и поселковых Советов (1969 г.) председатель исполкома Победимского сельского Совета Толчихинского района Алтайского края Н. П. Опалайко, признавая своевременность принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1968 г. «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся»⁵⁶, вместе с тем подчеркнул, что в Указе не содержится конкретный механизм финансовых отношений между сельским Советом и администрацией предприятий и организаций, расположенных на его территории.

Серьезным препятствием в работе местных органов государственной власти была практика подмены их хозяйственными и партийными органами. Повсеместно партийные органы Сибири использовали прямое декретирование, широко вмешивались в исполнительно-распорядительную деятельность Советов. Например, в одном из решений бюро Алтайского краевого комитета КПСС о работе Октябрьского сельского Совета Кулундинского района из двенадцати пунктов, адресованных сельскому Совету и его исполкому, одиннадцат-

цать — обязывающие, требующие, поручающие⁵⁷.

Работе Советов препятствовала их слабая материально-финансовая база. Так, в Восточной Сибири в 60-е гг. только три сельских Совета имели в своем распоряжении автомашины, всего 110 (8,4 % от общего числа) — мотоциклы, из которых одна треть являлась личной собственностью председателей, 44 % пользовались лошадьми, а около половины (47,6 %) вообще не имели транспортных средств. В 1965 г. в Кемеровской области у 36 из 185 сельских Советов не было собственных помещений, они арендовали комнаты в принадлежавших колхозам зданиях, помещения 27 Советов находились в аварийном состоянии и не эксплуатировались, 66 зданий требовали срочного капитального ремонта.

Сельские и поселковые Советы не располагали постоянными, существенными источниками дохода, поэтому их бюджеты ежегодно подкреплялись солидными дотациями. После принятия в конце 60-х — начале 70-х гг. решений правительства⁵⁸ ситуация изменилась в лучшую сторону. К середине 70-х гг. несколько упрочилось материальное положение местных органов власти. Например, в Омской области в 1967—1970 гг. на строительство и ремонт зданий Советов было израсходовано 1,6 млн руб., что обеспечило ввод 97 новых и капитальный ремонт 35 зданий. В это же время в Алтайском крае было построено 115, а в Кемеров-

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 103, д. 6, л. 191—194.

⁵⁸ См.: О мерах по укреплению материально-финансовой базы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР, 4 апреля 1968 г. // СП РСФСР.— 1968.— № 7—8.— Ст. 35; О мерах по укреплению материально-финансовой базы исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся: Постановление Совета Министров РСФСР, 29 апреля 1971 г. // СП РСФСР.— 1971.— № 9.— Ст. 74.

⁵⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— М., 1987.— С. 111—112.

⁵⁶ Ведомости Верховного Совета СССР.— 1968.— № 16.— Ст. 131.

ской области — 103 новых здания. Бюджеты всех местных Советов с 1971 г. стали бездотационными в результате замены суммы дотаций частью налога с оборота, переданной из областного в районные и местные бюджеты. В условиях острого дефицита средств на социально-культурное развитие Советы при поддержке партийных органов прибегали к методам внеэкономического принуждения колхозов и совхозов. Избрать другой путь, создать реально действующий правовой и экономический механизм деятельности Советов, не изменяя экономических и политических основ существующей модели управления, было невозможно. Разрыв между содержанием провозглашенной политики и формами ее реализации негативно влиял на активность трудящихся, в том числе и колхозного крестьянства, в делах государства.

Участие крестьянства в Советах определяли три основных фактора: демографический, социальный и политический. Демографическая ситуация в регионе характеризовалась значительным сокращением численности сельского населения при определенной стабилизации общей численности жителей. Процесс преобразования колхозов в совхозы и перевода бывших колхозников в статус рабочего класса определял сущность фактора социального. Доля колхозников среди занятого населения в 1970 г. по Западной Сибири сократилась до 6,4 % против 19,8 % в 1959 г., а по Восточной Сибири стала еще ниже. Уменьшилась и доля колхозников в составе сельских Советов региона. Так, в 1965 г. она составляла 24,2 %, а в 1975 г. — 17,8 %. Несмотря на снижение численности депутатов-колхозников и их доли в составе местных Советов, с учетом сокращения общего числа колхозов представительство их в Советах увеличилось. В 1961 г. в Новосибирской области каждый колхоз был представлен в Советах в среднем десятью депутатами, а в 1967 г. —

пятнадцатью. Аналогичное положение сложилось и в других краях и областях Сибири. Утвердившееся в конце 60-х гг. представительство колхозников в Советах сохранялось и в последующие годы. В Советах Сибири постоянно работало примерно 20 тыс. депутатов-колхозников (табл. 63).

Достаточно полно колхозники были представлены и в исполнительных комитетах Советов. Так, в 1969 г. 3147 колхозников были избраны членами исполкомов сельских, районных, областных и краевых Советов (18 % от общего числа членов исполкомов). В некоторых краях и областях эта доля была выше средней: в Алтайском крае — 20,9 %, в Новосибирской области — 21,6, в Читинской — 27,7 %. В 1977 г. членами исполкомов в Советах Сибири было избрано 2713 колхозников (15,7 % от общего числа членов исполкомов), в 1985 г. — 2894 колхозника (15,5 %). Наибольшим было представительство колхозного крестьянства в исполкомах сельских Советов (табл. 64). Изменялся состав депутатов колхозников: несколько сократилось число депутатов председателей и заместителей председателей колхозов, постоянно возрастала численность депутатов специалистов сельского хозяйства, высокой оставалась и доля депутатов механизаторов (табл. 65).

Лучшие представители колхозного крестьянства Сибири в 60—80-е гг. регулярно избирались депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР. Так в состав Совета Союза Верховного Совета СССР в 1962—1984 гг. от краев и областей Сибири избиралось от 62 до 59 депутатов, в их числе 10—11 колхозников. В Верховный Совет РСФСР от краев и областей Сибири в 1963—1985 гг. избиралось около 130 депутатов, в том числе 18—19 колхозников⁵⁹.

⁵⁹ Подсчитано по стенограммам сессий Верховных Советов СССР и РСФСР за соответствующие годы.

Численность колхозников депутатов Советов Сибири *

Край, область	1969 г.			1977 г.			1985 г.		
	Всего депутатов	В том числе колхозников	%	Всего депутатов	В том числе колхозников	%	Всего депутатов	В том числе колхозников	%
Алтайский	29 295	5 366	18,3	28 978	4 382	15,1	30 397	4 601	15,2
Красноярский	28 523	3 382	11,9	28 572	2 198	7,7	30 056	2 454	8,2
Иркутская	18 265	1 954	10,7	19 227	1 566	8,1	20 334	1 697	8,3
Кемеровская	16 952	797	4,7	16 348	759	4,6	17 120	851	5,0
Новосибирская	17 704	2 745	15,5	18 349	2 455	13,4	19 131	2 481	13,0
Омская	15 730	2 873	18,2	15 239	2 619	17,2	15 915	2 765	17,4
Томская	8 837	1 121	12,7	9 131	435	4,7	9 376	420	4,5
Тюменская	16 199	2 375	14,7	18 202	1 920	10,5	20 247	1 895	9,3
Читинская	13 573	3 111	22,9	14 650	2 792	19,0	15 393	2 694	17,5
Итого . . .	165 078	23 724	14,4	168 696	19 126	11,4	177 969	19 858	11,2

* Таблица составлена по данным: Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР. 1969 г. — М., 1969; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР. 1977. — М., 1977; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР. 1985. — М., 1985.

Процедуры обсуждения, выдвижения и утверждения кандидатур депутатов Советов и членов их исполкомов носили во многом формальный характер. В недрах аппарата рождались «модели» будущих Советов, составлялись «разнарядки» по выдвижению кандидатов в депутаты. Избирательная практика фактически отстраняла от участия в подборе кандидатов в депутаты рядовых избирателей. Механизм выборов носил ярко выраженный вспомогательный характер. Из служебной роли выборов вытекали основные недостатки избирательной процедуры: отсутствие состязательности при голосовании, монополярная форма организации выборов (одномандатный округ с одним кандидатом), противоречие между производственным принципом выдвижения кандидатов и территориальным принципом голосования, несовершенство правового механизма, регулирующего выборы. По целевому назначению избирательная практика была ориентирована не столько на выявление и избрание авторитетных, инициативных представителей трудящихся, сколько на обеспечение реализации построенной бюрократическими методами «моде-

ли» Советов. Все это объективно вело к ослаблению контактов депутатов с избирателями, понижению ответственности выборных лиц перед теми, кто их послал в Совет, создавало серьезные препятствия на пути превращения Советов в полноправные органы власти.

Организационными формами реализации депутатских полномочий являются сессии Советов, работа народных избранников в составе различных депутатских формирований (постоянные комиссии, депутатские группы, посты), выполнение наказов избирателей, непосредственная деятельность депутата в избирательном округе. Советской организации органически присуща система отчетности всех депутатов и исполнительно-распорядительных органов перед избирателями. Однако попытка соединить административную модель социального управления с демократической природой Советов predeterminedила противоречивый характер их организационно-массовой работы. Бюрократические принципы управления выхолащивали демократическое содержание советской работы. Одним из печальных последствий недооценки места и роли Со-

Т а б л и ц а 64

Участие колхозников в исполкомах Советов Западной Сибири, % от числа членов исполкомов *

Советы	1968 г.	1971 г.	1975 г.
Районные	5,07	4,1	5,5
Сельские	20,45	20,7	24,6
Поселковые	0,4	0,7	0,7

* Таблица рассчитана по отчетным данным исполкомов Советов.

Т а б л и ц а 65

Социально-профессиональный состав депутатов колхозников Сибири *

Депутаты	1969 г.	1977 г.	1985 г.
Всего	23 724	19 126	19 858
В том числе:			
председатели и заместители председателей колхозов	2 272	1 978	1 851
специалисты	2 544	3 506	4 567
механизаторы	5 008	3 293	3 586

* Таблица рассчитана по тем же источникам, что и табл. 63.

ветов было нарушение конституционных норм работы органов власти. Перечисление этих нарушений Советами Западной Сибири достаточно красноречиво. Так, в 1965 г. не соблюдены определенные законом сроки выборов депутатов вместо выбывших в 228 округах по выборам в районные Советы, в 1374 округах по выборам в сельские органы власти; 23,2 % депутатов районных и 18,5 % депутатов сельских Советов ни разу в течение года не отчитались перед избирателями; один районный и 17 сельских Советов не провели установленного законом количества сессий; 11 председателей, 2 заместителя председателей и 32 секретаря сельских Советов выполняли свои обязанности, не являясь депутатами ⁶⁰.

⁶⁰ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, количественные данные о

Авторитет Советов и исполкомов во многих местах был крайне низок. Заседания исполнительных комитетов районных Советов иногда игнорировали даже секретари районных комитетов партии, хозяйственные руководители, в том числе председатели колхозов, избравшиеся их членами. «Алтайская правда» сообщила в 1966 г. о многих фактах нарушения хозяйственными руководителями прав Советов и депутатов. Председатель колхоза, расположенного на территории Новоиколаевского сельского Совета Рубцовского района Алтайского края, отменил своим решением намеченное исполкомом заседание сельского Совета; руководители колхозов, расположенных на территории Курского сельского Совета Кулундинского района, воспрепятствовали рассмотрению на сессии Совета вопроса о готовности колхозных ферм к зиме; указанием дирекции совхоза «Победа» депутатам Воздвиженского сельского Совета не выплачивалась заработная плата в период их участия в сессиях. Сложившаяся практика вопиюще противоречила декларированным политическим лозунгам о месте Советов в обществе.

Необходимость исправления положения становилась все яснее, это подчеркивалось в принятых в то время решениях партии и правительства. Они привели к некоторым сдвигам в работе Советов. В конце 60-х — начале 70-х гг. в практике работы Советов сократились случаи нарушения конституционных сроков созыва сессий, более разнообразным стал круг обсуждаемых на них вопросов, был установлен перечень вопросов, решение которых составляет исключительную компетенцию сессий. Например, все районные и сельские Советы Кемеровской области в 1967 г. обсудили на сессиях народнохозяйственные планы и бюджеты, мероприятия по выполнению

работе местных Советов Сибири извлечены из годовых отчетов их исполнительных комитетов.

постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», проблемы народного образования, меры по выполнению наказов избирателей, отчеты исполкомов. Сессии районных Советов рассмотрели 97, а сельских — 1574 вопроса. В 1975 г. местные Советы Западной Сибири провели 13 442 сессии, на которых выступили 62 % общего количества депутатов. В 1968 г. на сессиях местных Советов Читинской области был рассмотрен 8151 вопрос. В то же время активность депутатов в подготовке сессий, их работе оставалась крайне низкой. Например, в 1969 г. явка депутатов Куйбышевского районного Совета Новосибирской области составила 73,3 %, только 11,8 % депутатов выступили на сессиях, в 1970 г. эти показатели были равны соответственно 80,3 и 13,7, в 1971 г. — 78,4 и 16,4 %. За 1975 г. депутаты 2636 местных Советов Западной Сибири внесли только 2817 запросов. Омский облисполком отмечал, что решения сессий местных Советов часто не ставятся на контроль, не запрашивается информация исполнителей, к контролю не привлекаются депутаты и постоянные комиссии, решения носят зачастую декларативный характер. В других областях Сибири отмечены факты, когда решения сессий просто переписывались из протоколов прошлых лет, сессии проводились без кворума.

Много усилий затратили партийные и советские органы для активизации работы постоянных комиссий.росло количество комиссий и число участвующих в их работе депутатов. В сельских и районных Советах Западной Сибири количество комиссий увеличилось с 11,3 тыс. в 1965 г. до 15,2 тыс. в 1975 г., а число депутатов в них — соответственно с 56,4 тыс. до 85,2 тыс. В 1985 г. в сельсоветах Красноярского края и Новосибирской области имелось 4,4 тыс. постоянных комиссий (4,6 в среднем на Совет); на

сессиях Советов ими было сделано 7,6 тыс. докладов и содокладов, подготовлено 26,3 тыс. вопросов для рассмотрения на сессиях и заседаниях исполкомов; 2,1 тыс. комиссий отчитывались о своей работе на сессиях.

В 1965 г. к работе постоянных комиссий Советов Западной Сибири было привлечено около 100 тыс. активистов, в 1974 г. — уже 152,4 тыс. В 1965 г. эти постоянные комиссии сделали 15 094 содоклада на сессиях и исполкомах, в 1975 г. — 18 320. В 1986 г. в Читинской области действовало 2525 постоянных комиссий, в составе которых работало 11 923 депутата (78,4 % их общего числа). Динамика количественного роста очевидна и подтверждается статистикой местных и центральных советских органов. Однако изучение практической работы этих депутатских формирований, участия в их работе крестьянства свидетельствует о росте не реальной, а «охватной» демократии.

Многие недостатки работы постоянных комиссий сельских Советов Сибири зафиксированы в документах партийных и советских органов того времени. В них отмечалось, что руководителями постоянных комиссий Советов утверждались зачастую не рядовые депутаты, а члены исполкомов, руководители колхозов, совхозов, тогда как главной задачей постоянных комиссий был контроль за их работой. В Каргатском районе Новосибирской области в 1967 г. руководителями постоянных комиссий в трех сельских Советах были избраны члены исполкомов, 36 из 40 председателей комиссий занимали руководящие должности в колхозах и совхозах.

Крупными недостатками были формализм и шаблон в работе комиссий. В Маслянинском районе планы работ комиссий составлялись в райисполкоме под копирку и рассылались в сельские Советы. В ходе проверки работы постоянных комиссий Пеньковского и Мамонтовского

сельских Советов этого района выяснилось, что депутаты не ведают о своем членстве в той или иной комиссии. Не была организована учеба председателей комиссий, большинство депутатов не знали прав и обязанностей этих органов.

В условиях ослабления демократических начал в работе Советов явно видны проявления бюрократических методов управления. Одно из таких проявлений — увеличение количества директив, принимаемых Советами на разных уровнях. Так, в 1968 г. в Томский облисполком поступил 681 документ вышестоящих органов, по ним исполком принял 113 решений и 57 распоряжений. За период с 29 мая 1974 г. по 7 июня 1977 г. этот же исполком получил 1935 документов. В свою очередь, исполкомы областных и краевых Советов Сибири тоже включались в этот процесс. Так, Тюменский облисполком в 1965 г. принял 1018 решений, разослав их в 30 034 адреса. Набирая темпы, бумажный «девятый вал» обрушивался на сельские Советы. Кожевниковский райисполком в 1968 г. получил из Томского облисполкома 242 решения, обязательных для исполнения, принял сам и разослал сельским Советам 423 документа, в 1969 г. — соответственно 258 и 384, в 1970 г. — 278 и 405, в 1971 г. — 286 и 440.

Самыми серьезными недостатками организационно-массовой работы местных Советов были пассивность большей части депутатов, их неведение в изменение роли Советов. В свою очередь, у широких масс трудящихся было воспитано равнодушие к работе своего депутата. Это равнодушие особенно ярко проявилось в реализации права отзыва. Казалось бы, в ситуации, когда и партийные, и советские органы неоднократно фиксировали недостаточную активность депутатов в отстаивании интересов избирателей, должно проявиться и недовольство избирателей своими избранниками. Однако в 60—70-е гг. факты воз-

буждения избирателями ходатайств об отзыве депутатов из-за невыполнения ими своих функций были крайне редки. Например, в 1966—1970 гг. из состава местных Советов Западной Сибири отозвано всего 168 депутатов: 137 — в связи с привлечением к уголовной ответственности, 20 — за пьянство и аморальное поведение, 6 — с обтекаемой формулировкой «как скомпрометировавшие звание депутата», только 5 (2,9 %) — как не справившиеся со своими обязанностями.

Исполкомы районных и сельских Советов в своей практической деятельности опирались на самодеятельные общественные организации населения, численность которых выросла в начале 60-х гг., особенно после образования в 1959 г. добровольных народных дружин и товарищеских судов, в 1960—1962 гг. — женсоветов, общественных советов при культурно-просветительных учреждениях и т. д. В тот период действие общественных организаций было разрозненным. Например, в Новосибирской области в 1965 г. работало 3716 товарищеских судов, в том числе в колхозах — 209, в совхозах — 719, при сельских Советах — 255⁶¹. В конце 60-х гг. функции создания самодеятельных общественных организаций, руководства ими и контроля за их работой были поручены местным Советам. Общественные организации должны были не только решать собственные задачи, но и оказывать помощь сельским Советам, соответствующим отделам исполкомов, постоянным комиссиям. Статистика самодеятельных организаций выглядит достаточно внушительно (табл. 66).

Сравнительно широкое распространение получили также советы по социальному обеспечению, санитарные дружины, комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом и другие самодеятельные объединения. В Красноярском крае в 1969 г. на-

⁶¹ ГАНО, ф. 1020, оп. 1, д. 1189, л. 34.

Динамика численности самостоятельных общественных организаций населения и их актива в сельских районах Новосибирской области *

Организации	1961 г.		1974 г.		1986 г.	
	Организации	Актив	Организации	Актив	Организации	Актив
Уличные комитеты	590	2 161	1055	4 018	1332	5 658
Родительские комитеты	979	3 780	1715	10 529	1410	9 470
Женские советы	617	3 576	714	5 458	739	5 758
Советы клубов и библиотек	551	2 614	938	5 794	626	3 889
Добровольные народные дружины	786	23 013	976	13 688	1041	21 740
Товарищеские суды	761	2 279	1403	6 216	1131	5 911
Лавочные и столовые комиссии	1126	3 562	1566	6 162	1036	4 528
Всего . . .	5410	40 985	8367	51 865	7315	56 954

* Таблица рассчитана по данным Новосибирского облисполкома за соответствующие годы.

считывалось 48,3 тыс. самостоятельных организаций с числом членов более чем 450 тыс. При Советах Кемеровской области в 1970 г. работало 26,2 тыс. организаций, насчитывавших 330,5 тыс. членов, а в 1974 г. — соответственно 40,4 тыс. и 433,2 тыс. В Томской области в 1974 г. сельские Советы руководили работой 4,9 тыс. организаций, в них состояло 30,4 тыс. чел., а районные — работой 56 организаций, в которых было 2452 члена. Кроме того, при исполкомах сельских Советов функционировало 308 общественных комиссий, объединявших 3182 активиста, при исполкомах районных Советов — соответственно 76 и 643. «Охватная», экстенсивная демократия проявила себя в этой сфере очень ярко.

Очень часто при проверке работы самостоятельных организаций трудящихся выявлялись факты раздувания их численности в отчетах, отсутствия практической работы. Так, собрание коммунистов колхоза «Заветы Ильича» Пospelихинского района Алтайского края, обсуждая отчет председателя сельского Совета А. С. Бурдакиной о работе общественных организаций, отметило, что за 1973 г. ни разу не собирались совет пенсионеров, административ-

ная комиссия, женсовет. Добровольная народная дружина работала лишь по праздникам, на торжественных мероприятиях. Плана работы не оказалось ни у одной организации, кроме родительского комитета. Подобные недостатки отмечались в работе самостоятельных организаций Красулинского сельского Совета Новокузнецкого района Кемеровской области, на территории которого расположен колхоз «Вперед»⁶².

Рядом с инертными, безынициативными общественными организациями и Советами находились и успешно действующие органы. Во многих случаях успех этих подразделений достигался деятельностью отдельных энтузиастов, хотя и не имел под собой солидной базы. В конце 1967 г. Читинский облисполком рассмотрел и одобрил работу Новоберезовского сельского Совета Шилкинского района, председателем которого с 1964 г. работал А. М. Новиков, в прошлом колхозный механизатор. Проблемы, затрагивающие жизнь каждого из четырех населенных пунктов, расположенных на территории Совета, рассматривались

⁶² ПААК, ф. 7879, оп. 1, д. 17, л. 51—52; ПАКО, ф. 834, оп. 1, д. 3, л. 39—40; д. 8; л. 21, 29.

с активным участием его депутатов, постоянных комиссий, депутатских групп, депутатских постов на наиболее ответственных участках производства. В каждом селе регулярно проходили собрания граждан, на которых обсуждались злободневные вопросы, выслушивались замечания и предложения, давались ответы⁶³.

На Всероссийском совещании председателей сельских и поселковых Советов в Москве 24 ноября 1970 г. был отмечен положительный опыт работы Победимского сельского Совета Алтайского края. Он заключался в том, что в 1965 г. на сессии Совета был разработан и утвержден пятилетний план, предусматривавший проведение целого комплекса мер по повышению урожайности полей, посадке лесополос и парков, строительству прудов и водоемов на территории сельсовета. На выполнение этого плана депутаты подняли все население. Благодаря трудовому участию жителей сады и парки заняли в сельсовете 86 га, создано 240 га прудов, на 300 га заложены лесные полосы. Все это позволило увеличить урожайность зерновых на 3—4 ц/га и даже при неблагоприятных погодных условиях выращивать сравнительно неплохие урожаи⁶⁴.

Вторая половина 50-х гг. отмечена участием колхозников во всенародных обсуждениях законопроектов и важнейших партийных документов, в различных всесоюзных, региональных и местных совещаниях, слетах, съездах по конкретным проблемам развития страны, региона, административной единицы. Наиболее широко проходило обсуждение проекта Конституции СССР в 1977 г., а затем и проекта Конституции РСФСР. Выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, председатель исполкома Краснояр-

ского краевого Совета Н. Ф. Татарчук отмечал, что в крае состоялось около 28 тыс. собраний и митингов по обсуждению проекта новой Конституции СССР, на них выступило более 100 тыс. чел., «практически все взрослое население края участвовало в обсуждении Основного Закона страны»⁶⁵.

На внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР от трудящихся Новосибирской области выступил директор совхоза «Красноярский» В. М. Сергеев. Он подчеркнул, что только в Новосибирской области проект новой Конституции РСФСР обсуждали 700 тыс. чел., из которых 30 тыс. выступили с предложениями. Все замечания рабочих и колхозников были проникнуты поистине государственной заботой о том, что надо делать для укрепления благосостояния страны.

Колхозники активно работали в качестве народных заседателей в народных судах, принимали участие в деятельности органов народного контроля. Так, по СССР в июне 1982 г. в избирательных комиссиях по выборам народных судей состояло 6195 колхозников (13 % от общего числа), а в июне 1987 г. — 5927 колхозников (12,4 %). В 1982 г. народными заседателями было избрано 61377 колхозников (8,3 % от общего числа), а в 1987 г. — 64 032 колхозника (7,5 %)⁶⁶.

После создания в 1962 г. органов партийно-государственного контроля тысячи колхозников Сибири были избраны в состав групп содействия и активно участвовали в их деятельности. Так, в Алтайском крае органы партгосконтроля в 1962—1963 гг. вскрыли много фактов небрежного отношения к технике, разукрупнения комбайнов, тракторов и

⁶³ Вопросы совершенствования деятельности сельских и поселковых Советов.— Чита, 1968.— С. 16—18, 21—22.

⁶⁴ Сельские и поселковые Советы РСФСР на современном этапе: Сборник материалов.— М., 1973.— С. 28, 84—88.

⁶⁵ Внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв). 4—7 октября 1977 г.: Стеногр. отчет.— М., 1977.— С. 216.

⁶⁶ Ведомости Верховного Совета СССР.— 1982.— № 26.— С. 435—436; 1987.— № 26.— С. 505—506.

иных сельхозмашин. В колхозе «Знамя Октября» контролеры заставили восстановить разукomплектованный трактор за счет виновных. Колхозные контролеры обратили внимание краевого комитета партгосконтроля на то, что некоторые отделения «Сельхозтехники» (Алейское, Шелаболихинское, Мамонтовское) получают с хозяйств лишние средства за ремонт техники. Колхозам и совхозам было возвращено около 80 тыс. руб.⁶⁷ Подобные примеры отмечались и в других хозяйствах края.

В 1965 г. органы партийно-государственного контроля были преобразованы в органы народного контроля и в каждом колхозе созданы группы народного контроля. В 1980 г. это нашло отражение и в Примерном уставе колхоза. Колхозники также входили в группы народного контроля при сельских Советах, в посты народного контроля, создававшиеся на отдельных объектах.

В соответствии с Законом о народном контроле в СССР, принятом в 1979 г., народный контроль сочетает государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. Это одна из форм социалистической демократии, действенное средство вовлечения народных масс, в том числе колхозников, в управление государственными и общественными делами. Работа органов народного контроля усилилась после XXVII съезда партии. В Новосибирской области за 10 месяцев 1986 г. по сигналам трудящихся привлечено к ответственности 164 должностных лица, а на 51 чел. произведены денежные начеты. Только за время уборки урожая 1986 г. группами и постами народного контроля колхозов и совхозов проведено более 2,5 тыс. проверок и рейдов. На заседаниях правлений колхозов по материалам народных

контролеров рассмотрено 149 вопросов⁶⁸.

Таким образом, за четверть века работы местные Советы и самодеятельные организации накопили как положительный, так и негативный опыт. Несмотря на многочисленные постановления ЦК КПСС об усилении их роли, указы Президиума Верховного Совета СССР и даже законы, полностью реализовать свои возможности в социальной политике органы народовластия не смогли. Сложившиеся к середине 80-х гг. объективные возможности (рост благосостояния, образовательного и культурного уровня масс, опыт демократических формирований) все более приходили в противоречие с распространенными административно-нажимными методами руководства, не позволявшими использовать богатый потенциал, заложенный в Советах и в других массовых демократических организациях.

В этой обстановке партией на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС был поднят вопрос о перестройке всех сторон экономической и общественной жизни советского общества. В основе кардинальной политической реформы в СССР лежит идея возрождения полномочия Советов всех уровней, в том числе и местных.

Постепенная активизация деятельности местных Советов началась уже в 1986—1987 гг. Начало перестройки их работы можно проследить на примере Читинской области, где значительно оживилась работа сельских и поселковых Советов, их постоянных комиссий, расширился актив, конкретнее стала связь депутатов с тружениками села. В 1986 г. в области действовало 2525 постоянных комиссий местных Советов, в состав которых было избрано 11,9 тыс. депутатов (78,9 % от их общего количества). Кроме того, в комиссиях работало около 12 тыс. активистов.

⁶⁷ Под контроль масс.— Барнаул, 1964.— С. 5—6.

⁶⁸ Новосибирский агитатор.— 1987.— № 4.— С. 9—10.

Резко возросло число депутатских запросов на сессиях Советов: с 214 в 1982 г. до 520 в 1986 г. Большинство запросов депутатов было вызвано нарушением жилищного, трудового, земельного и водного законодательства, низким уровнем государственной дисциплины на отдельных предприятиях. Благодаря запросам и вмешательству местных Советов ликвидированы многие недостатки в работе различных предприятий и организаций.

В своей деятельности Советы области широко использовали и такую форму работы, как сельские сходы и собрания граждан. Всего за 1986 г. в области проведено 3987 сельских сходов и собраний, в которых участвовало более 270 тыс. чел. На сходах и собраниях рассматривались многие вопросы, волнующие жителей; выступило 4452 чел., внесено более 4,5 тыс. предложений, из них уже в 1986 г. реализовано 2913 (64,4 %). Часть предложений и замечаний граждан рассматривалась на заседаниях исполкомов местных Советов.

Действительнее стало участие местных Советов в решении вопросов социально-экономического развития подведомственных им территорий, рационального использования природных ресурсов и охраны природы, обеспечения социалистической законности и охраны общественного порядка. В 1986 г. на сессиях местных Советов области рассмотрено около 570 вопросов о соблюдении социалистической законности. На сессии Забайкальского районного Совета народных депутатов проанализировано соблюдение законности по сохранности социалистической собственности в районе. Депутаты Карымского районного Совета обсудили на сессии вопрос о ходе выполнения законодательства по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. После этих сессий депутатами районных Советов совместно с депутатами сельских Советов проведена значительная работа,

направленная на устранение выявленных нарушений.

Аналогичная работа развернулась и в других регионах Сибири. Особое внимание Советы стали уделять социальной сфере села, и прежде всего строительству жилья. Так, исполком Краснозерского районного Совета Новосибирской области выступил с инициативой — решить полностью жилищную проблему на селе к 1990—1995 гг. Жители района одобрили на сходах граждан девиз, выдвинутый депутатами местных Советов: «Деревню строим всей деревней». И уже в 1987 г. в районе было построено 362 квартиры (в 2 раза больше, чем в 1986 г.). Бюро Новосибирского обкома КПСС одобрило инициативу, проведен семинар на базе передовых хозяйств района, выпущены листовки об опыте передовиков. Положительный опыт улучшения социальной сферы села накоплен также во многих районах Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской области и в других регионах.

Однако вопросы улучшения труда и быта сельских тружеников не везде еще стали главными в деятельности Советов. В сельской местности Новосибирской области обеспеченность детскими садами-яслями в 1986 г. составляла лишь 61 %, а объектами торговли — 72 %, отставало жилищное строительство, особенно индивидуальное. В 1985 г. в области за счет индивидуального строительства было введено всего 219 жилых домов — по поддому на каждый Совет. В ряде районов области пущена на самотек работа по обеспечению сохранности жилья, по его эксплуатации и своевременному ремонту, лишь в 150 совхозах и 65 колхозах созданы коммунальные службы, да и то половине из них не предоставлены производственные помещения, не выделены транспорт, постоянные рабочие, строительные материалы.

В январе 1988 г. в решении Совета Министров по отчету Новосибир-

ского облисполкома отмечалось, что Советы области медленно перестраивают работу в свете решений XXVII съезда партии по комплексному социально-экономическому развитию. Эта критическая оценка подтверждалась и мнением депутатов областного Совета, зафиксированным в анкетах депутатов сессии в марте 1988 г.⁶⁹

Впрочем, о каком реальном вкладе низовых Советов в решение социально-экономических проблем села можно говорить, если все поселковые и сельские Советы, вместе взятые, располагают 0,8 % всесоюзного бюджета. А все местные Советы в целом — 15 %. Ясно, что нищие Советы не могут быть хозяевами своих территорий. Только обладание и распоряжение своим, формируемым снизу, а не навязываемым сверху бюджетом может сделать Совет действенным и influentialным органом народовластия.

Важнейшим сдвигом в работе Советов в условиях перестройки стало укрепление их связей с трудящимися, с рабочими и крестьянами. Почти повсеместно в Сибири с широким участием депутатов, постоянных комиссий и трудовых коллективов разработаны комплексные планы социально-экономического развития территорий. Осуществляется комплекс мер по перестройке организационной работы Советов. Прочно входит в практику Советов широкая предварительная информация жителей о предстоящих сессиях, их повестке дня, а в отдельных случаях и о выносимых на сессию проектах решений. Это делается через районную печать, специально выпускаемые листовки, местное радио, встречи депутатов с избирателями. В ряде районов Алтайского края, Омской области и других зарекомендовали себя как эффективный способ предварительные обсуждения проектов решений Советов, выносимых на очередную сессию, на собраниях трудовых коллективов и по месту житель-

ства граждан. В отдельных Советах практиковалась такая же система подготовки и к заседаниям исполкомов Советов. Вошли в практику регулярные отчеты исполкомов, отделов, управлений перед трудовыми коллективами и на собраниях граждан по месту жительства, дни открытого письма, выездные заседания.

Новая обстановка потребовала новых подходов к подбору кадров, повышению профессионального уровня работников советских учреждений. В 1987 г. впервые проведена аттестация советских работников. В Новосибирской области ее прошли свыше 1 тыс. чел. В ходе выборов в местные Советы в июне 1987 г. при выдвижении кандидатов в депутаты на собраниях трудовых коллективов и сходах граждан обсуждались, как правило, несколько кандидатов. В некоторых районах (например, Черепановском) в порядке эксперимента были проведены выборы по многомандатным избирательным округам. Существенно обновлялся как депутатский корпус, так и состав исполнительных комитетов Советов. В Новосибирской области к марту 1988 г. последний изменился на 70 %⁷⁰.

Выборность многих руководящих работников Советов, особенно сельских и поселковых, их частая сменяемость, приток к руководству большого числа новых, молодых работников выдвигают задачу квалифицированного их обучения. Ранее существовавшая система краткосрочных курсов и семинаров, где преобладало изучение отдельных узких проблем, не давала возможности приобрести целостную систему знаний. После XXVII съезда партии Алтайский крайисполком обратился с просьбой в Совет Министров РСФСР о создании краевых курсов повышения квалификации советских работников. Курсы начали работать в октябре 1986 г. К началу 1988 г. прошло 12 потоков слушателей, бо-

⁶⁹ Советская Сибирь.— 1988.— 27 марта.

⁷⁰ Там же.

лее 600 чел., прежде всего это председатели исполкомов сельских и поселковых Советов, секретари райисполкомов⁷¹. По опыту алтайцев в 1987 г. открыты краевые курсы в Красноярске и некоторых областных центрах Сибири. Несомненно, повышение квалификации работников Советов способствует совершенствованию советской работы, а следовательно, повышению политической активности населения.

Однако анализ работы Советов в 1986—1988 гг. показывает, что при происходивших в их деятельности изменениях, использовании новых форм, активизации депутатов решительных сдвигов все-таки не произошло. Старые административно-командные методы в основном сохранялись, хотя и в несколько видоизмененных формах. Советский аппарат, а не выборные органы продолжал оставаться главной действующей силой. Опыт первых лет перестройки поставил в повестку дня необходимость глубокой реформы советской политической системы, всех ее основных институтов, в том числе и Советов народных депутатов.

Вопрос о демократизации советского общества и реформе политической системы стал одним из главных вопросов, обсуждавшихся на XIX Всесоюзной партийной конференции. При этом говорилось о восстановлении в полном объеме полномочий Советов как полновластных органов народного представительства, о разграничении функции партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли Коммунистической партии как политического авангарда общества и роли Советского государства как организации и орудия власти народа. Конференция высказалась за необходимость внесения соответствующих изменений в Конституцию СССР, организацию выборов и проведение Съездов народных депутатов.

Местные Советы Сибири, жители сибирского села решительно поддерживали намеченную реформу политической системы. Активно прошла кампания по выборам народных депутатов СССР в 1989 г. Представители сибирского крестьянства были избраны как от территориальных и национально-территориальных избирательных округов, так и от целого ряда общественных организаций — КПСС, профсоюзов, комсомола, женских советов и др. Среди них председатель колхоза им. Крупской Топчихинского района Алтайского края И. М. Аксенов, руководитель арендного коллектива совхоза «Орловский» Татарского района Новосибирской области И. И. Самоличенко и др.

По данным мандатной комиссии первого Съезда народных депутатов, в составе съезда было 425 народных депутатов — труженников сельского хозяйства. Большинство депутатов-аграрников (417 чел.) создали на съезде свою группу и огласили на заседании 31 мая 1989 г. «Обращение к Съезду народных депутатов СССР». В обращении отмечалось, что «крестьянин, который повсюду в мире является уважаемой, престижной фигурой, у нас до сих пор — человек низшей категории по пенсиям, по снабжению, по условиям жизни. Деревня продолжает пустеть, скудеют земли, миллиардные вложения не дают отдачи»⁷².

Депутаты-аграрии в этом документе предложили программу перестройки аграрного сектора страны, перестройки отношения к крестьянству. Основная работа по конкретному претворению в жизнь намеченных съездом планов была возложена на сформированный им Верховный Совет СССР, постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти СССР. Из 542 членов Верховного Совета СССР в обеих палатах от АССР, краев и

⁷¹ Советы народных депутатов.— 1988.— № 2.— С. 76—81.

⁷² Известия.— 1989.— 2 июня.

областей Сибири представительствуют 45 депутатов, в том числе 9 аграриев. Верховный Совет СССР сформировал в числе других Комитет по аграрным вопросам и продовольствию, председателем которого был избран депутат от Ачинского территориального избирательного округа Красноярского края, директор совхоза «Назаровский» А. Ф. Вепрев⁷³.

При активном участии депутатов-аграриев разработаны проекты законов о земле, о собственности, о местном самоуправлении и местном хозяйстве, в которых, в частности, намечается действительная самостоятельность местных Советов: обеспечение им независимой материальной базы и самых широких прав для решения всех вопросов местного значения, подчинение исполнительных органов решениям выборных, представительных, повышение роли и значения депутатов, сессий Советов, их постоянных комиссий.

Под знаком претворения этой широкой программы самостоятельности Советов, самоуправления и регионального хозрасчета проходила и избирательная кампания 1990 г. по выборам народных депутатов РСФСР, АССР и местных Советов.

4. Организация колхозного самоуправления

Колхозы были задуманы как добровольные кооперативные объединения крестьян, обладающих самостоятельностью в решении производственных и социальных вопросов. Однако становление колхозного строя в нашей стране проходило в условиях господства командно-мобилизационной системы. Следствием авторитарности методов управления жизнью общества и неэквивалентности обмена между государством и коллективными хозяйствами стало волевое навязывание колхозам структуры про-

изводства и сроков проведения сельскохозяйственных работ. Колхозные массы оказались оторванными от реального руководства производством. Их участие в управлении было сведено к решению некоторых вопросов внутреннего распорядка функционирования сельскохозяйственных артелей. После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС демократические основы жизни коллективных хозяйств несколько расширились. Вслед за совершенствованием организации труда изменилась и система внутриколхозного управления. Возникли его новые органы — собрания уполномоченных, бригадные собрания и советы бригад.

Высшим органом управления в большинстве колхозов на рубеже 50—60-х гг. по-прежнему оставалось общее собрание. В его компетенцию входили утверждение Устава, выборы председателя, правления и ревизионной комиссии, распределение доходов, прием и исключение из колхоза, утверждение штатов административного и обслуживающего персонала, оперативное планирование. В тех хозяйствах, в которых созыв общих собраний был затруднен или вообще невозможен по каким-либо техническим причинам (отсутствие соответствующего помещения, территориальная разбросанность колхоза), вопросы их компетенции частично или полностью передавались собранию уполномоченных.

В связи с увеличением размеров постоянных производственных бригад, которые оставались основной формой организации труда в колхозах, возникли такие органы, как бригадные собрания и советы бригад. Они имели совещательные функции. На собраниях и советах бригад рассматривались вопросы производственно-финансовой деятельности бригад, расстановки сил, техники перед началом хозяйственных кампаний, разбирались факты небрежного отношения к колхозному добру, недостойного поведения отдельных колхозников. Право

⁷³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.— 1989.— № 1.— Ст. 12; № 5.— Ст. 118.

утверждения решений оставалось за бригадами. В сельхозартели «Страна Советов» Рубцовского района Алтайского края советы бригад были созданы в 1959 г., в колхозах Алейского, Алтайского, Благовещенского, Знаменского и других районов края — в 1960—1962 гг. К 1964 г. они работали во всех комплексных бригадах Сузунского района, многих колхозах Барабинского, Краснозерского районов Новосибирской области, в колхозах Тюменской и Иркутской областей. Повсеместная организация советов бригад на основе нового Примерного устава колхоза относится к 1969 — началу 1970-х гг.

Базой для становления реального самоуправления колхозов должно было стать постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства»⁷⁴, которое передавало в компетенцию общего собрания колхозников определение размеров посевных площадей по культурам и количества скота по видам исходя из заданий по сдаче государству продукции и обеспечению в ней хозяйств и колхозников. Однако на практике это постановление реализовано не было. Огромные задачи, выдвинутые перед сельским хозяйством в конце 50-х — начале 60х гг., были экономически необоснованными. Их невыполнение вызывало волевое давление центральных руководящих органов на местные, которые, также не владея экономическими методами управления, резко усилили вмешательство в дела сельскохозяйственных предприятий. Хозяйствам беспочвенно навязывались неприемлемые для местных климатических условий системы земледелия и агротехнические приемы. В условиях некомпетентности в делах сельского хозяйства абсолютного большинства партийных и советских лидеров всех уровней даже обоснованные рекомен-

дации агрономической науки доводились до абсурда. Руководящие органы пренебрежительно относились к предложениям, разработанным в хозяйствах, заставляли их руководителей пересматривать планы без учета реальных возможностей и экономической целесообразности. Отсутствие твердых планов заготовок на ряд лет также служило поводом для постоянного вмешательства в дела колхозников.

Более благоприятные условия для расширения колхозной демократии были созданы мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС. Пленум осудил административный нажим на колхозы и установил новый порядок планирования, в основе которого лежал твердый план закупок на ряд лет. Таким образом, колхозы получали возможность для определения на длительный срок структуры посевов, поголовья скота, объемов капитального строительства. Данные решения активизировали участие колхозных масс в оперативном планировании. Нередко планирование начиналось с бригад и производственных участков, в хозяйствах создавались группы планирования по отраслям, бюро и советы экономического анализа.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС признал необходимым приступить к выработке нового Примерного устава сельскохозяйственной артели. Для подготовки его проекта ЦК КПСС в январе 1966 г. образовал комиссию, в состав которой от сибирских колхозников вошли председатель колхоза «Родина» Алтайского края Ф. М. Гринько, председатель колхоза «Сибирь» Новосибирской области В. Г. Демиденко и тракторист колхоза «Путь к коммунизму» Тюкалинского района Омской области В. П. Пожидаев.

В 1969 г. после опубликования в печати проекта нового Примерного устава колхоза (сельхозартели) развернулось его обсуждение на собраниях колхозников и в печати. Уже к началу сентября в Омской области

⁷⁴ КПСС в резолюциях... — М., 1985. — Т. 8. — С. 492—498.

проект был обсужден во всех колхозах на 46 общих и 498 бригадных собраниях, на которых присутствовало 70,9 тыс. колхозников, выступило 4,4 тыс. чел. В Новосибирской области в обсуждении проекта Устава, проходившем в бригадах и на фермах, предприятиях «Сельхозтехника», собраниях ученых, приняло участие около 60 тыс. чел. Затем прошли районные и областные (краевые) собрания представителей колхозов.

В новом Примерном уставе колхоза, принятом III Всесоюзным съездом колхозников, провозглашалось расширение самостоятельности и инициативы хозяйств. В компетенцию общего собрания вошло определение размеров отчислений на пополнение основных и оборотных фондов. На основе плана госзакупок колхозы должны были сами составлять и утверждать планы своей хозяйственной деятельности. В то же время в новом Примерном уставе не фиксировался принцип твердого плана на ряд лет. Как основание для составления колхозного плана рассматривались и договоры на сверхплановую продажу государству сельскохозяйственной продукции. Эти положения являлись по существу юридическим основанием для навязывания завышенных планов и их ежегодных корректировок.

В новом Уставе была закреплена практика и определена правомочность бригадных собраний и советов. Этим органам были оставлены совещательные функции, однако передано право избирать (с последующим утверждением правления) бригадира. С течением времени советы бригад в некоторых колхозах переросли из совещательных органов в управленческие. В «Примерном положении о совете бригады (производственного подразделения) колхоза», одобренном Союзным советом колхозов в декабре 1973 г., было зафиксировано, что совет бригады является выборным коллегиальным орга-

ном внутриколхозного управления⁷⁵. Во многих колхозах бригадные формы самоуправления функционировали регулярно. Об этом говорят сведения по 95 колхозам 18 районов (из 22 районов, имевших колхозы) Красноярского края. За 1976 г., например, в 341 бригаде этих колхозов было проведено 841 собрание, т. е. по 2—3 собрания в каждой. В 269 бригадах 69 колхозов, где имелись советы бригад, проведено 855 заседаний этих советов, или каждый совет в среднем трижды в год собирался для решения насущных вопросов бригадной жизни. Накануне отчетно-выборной кампании 1981 г. в Новосибирской области собрания по итогам года прошли в 502 из 513 подразделений⁷⁶. Советы коллективов появились практически во всех более или менее крупных подразделениях колхозов: на фермах, в мастерских, гаражах. В отличие от советов бригад они имели лишь совещательный характер.

В соответствии с решениями III Всесоюзного съезда колхозников были образованы принципиально новые органы — советы колхозов районов, областей, краев, автономных и союзных республик, Союзный совет колхозов. Советы создавались в целях коллективного обсуждения наиболее важных вопросов жизни и деятельности хозяйств, обобщения опыта организации производства, а также отстаивания интересов колхозного сектора экономики на районном, областном и других уровнях. Решения советов колхозов имели рекомендательный характер.

Районные и областные советы колхозов были образованы в декабре 1969 — феврале 1970 г. в ходе обсуждения итогов III Всесоюзного съез-

⁷⁵ Экономика сельского хозяйства.— 1974.— № 3.— С. 107.

⁷⁶ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, количественные данные о развитии колхозного самоуправления рассчитаны по сводным годовым отчетам колхозов.

да колхозников на собраниях представителей колхозов. В Тюменской области на таких собраниях в районах присутствовало 3160 делегатов, выступило 124 чел. В состав районных советов было избрано 276 чел., в их числе 116 председателей колхозов, 44 специалиста и руководителя среднего звена, 37 передовиков колхозного производства, 66 работников партийных, советских и хозяйственных органов. Столь же представительными были областные (краевые) собрания и избранные ими советы. Около трех четвертей их состава принадлежало членам колхозов. Одиннадцать представителей колхозов Сибири вошли в состав Всероссийского совета колхозов, избранного в феврале 1970 г., четверо были избраны членами Союзного совета колхозов.

Более содержательной во второй половине 60-х гг. стала и работа традиционных органов колхозного самоуправления — общих собраний и правлений. Улучшилась ревизионная работа. В 1967 г. ревизионные комиссии сибирских колхозов провели 2921 самостоятельную и 781 совместную с райсельхозуправлениями ревизию. Наибольшее количество самостоятельных ревизий было проведено в колхозах Алтайского края и Читинской области: соответственно по 2,5 и 2,6 ревизии в среднем на колхоз. Кроме общих годовых ревизий ревкомиссии проводили проверку начисления оплаты труда, дополнительной оплаты, премий, условий хранения техники, расходования кормов и т. п.

Процессы демократизации колхозной жизни благотворно сказывались на росте творческой активности крестьянства. Возрастала производительность труда в сельском хозяйстве. Сибирские колхозники давали стране все больше зерна, молока, мяса, шерсти, других продуктов. Однако далеко не изжитые командно-административные методы управления аграрным производством стали вновь нарастать уже в конце 60-х — начале 70-х гг. Основная причина

этого — неспособность и нежелание высших эшелонов власти последовательно и радикально перестраивать хозяйственный механизм. Более того, наблюдался постепенный откат от принципов плановой самостоятельности колхозов, провозглашенных мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС. Вновь усилилось вмешательство партийных, советских и сельскохозяйственных органов во внутриколхозные дела. Возрождалась практика множественности планов, их частых корректировок. Вновь хозяйствам навязывалась структура посевных площадей, давались задания по поголовью скота и его продуктивности, диктовались даже технологические решения, наблюдались случаи необоснованной замены руководителей и специалистов.

К утрате хозяйственной самостоятельности многих колхозов вела их финансовая зависимость. Убыточные хозяйства могли функционировать и гарантировать своим членам оплату труда только за счет перманентного и безвозвратного кредитования. В этих условиях финансовая помощь со стороны районной администрации была реальным инструментом воздействия на колхоз. Напротив, прибыль в руках хозяйственно крепких колхозов служила инструментом более успешного отстаивания своих уставных прав. Известные в масштабах области (края) или даже в масштабах всей страны руководители и специалисты этих хозяйств, имея выход на более высокие эшелоны власти, могли с успехом противостоять административному зуду своих непосредственных начальников.

Постоянно нарушалась самостоятельность колхозов и в рамках проведения политики межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. На ее основе претензии к руководству колхозами помимо райкомов и райисполкомов предъявляли и многие другие хозяйственные органы. Сами же колхозы, по существу, не имели права голоса в межхозяйственных и межколхозных организациях и не получали отчисле-

ний от их прибылей. Районные организации рассматривали колхозную кассу как свою собственную. В нарушение Устава осуществлялись выборы к колхозов на строительство различных объектов в райцентрах, устройство выставок, праздников и другие цели.

Советы колхозов, первоочередной задачей которых провозглашался контроль за соблюдением колхозного Устава, не стали реальным гарантом его соблюдения со стороны партийных, советских и хозяйственных органов. С 1970 по 1974 г. Омский областной совет колхозов ни разу не поставил вопроса о соблюдении Примерного устава. В 1973 г. из 19 районных Советов только семь рассмотрели этот вопрос. Советы колхозов вообще работали крайне нерегулярно⁷⁷. Так, Новосибирский областной совет колхозов в 1972 г. провел лишь одно заседание.

С начала 70-х гг. уменьшилось количество общих собраний и собраний уполномоченных. По Западной Сибири их число начиная с 1972 г. не поднималось в среднем на колхоз выше 3,7 в год, а в Восточной Сибири с 1972 по 1981 г. колебалось от 2,4 до 2,9. В то же время по Уставу следовало созывать не меньше четырех собраний в год. И если отдельные колхозы по мере необходимости собирали и большее количество собраний, то многие другие ограничивались одним-двумя. В 1973 г. в Омской области подобное положение сложилось в трети хозяйств⁷⁸. При этом во многих колхозах единственное за год собрание проводилось в рамках отчетно-выборной кампании, которую планировали и строго контролировали районные, областные и краевые органы управления.

Часто общие собрания необоснованно заменялись собраниями упол-

номоченных. Доля последних в общем количестве общих собраний и собраний уполномоченных по Сибири возросла с 33,4 % в 1966 г. до 39,1 % в 1972 г. и 54,6 % в 1979 г. При выборах уполномоченных устанавливались низкие нормы представительства и длительные сроки полномочий. В колхозе «Памяти Ильича» Маслянинского района Новосибирской области в 1971 г. из 316 членов колхоза уполномоченных было избрано только 60, со сроком полномочий на три года. Такая практика приводила к тому, что значительная часть колхозников отстранялась от участия в обсуждении и решении важнейших вопросов колхозной жизни.

Снизилась активность колхозников на самих собраниях. Если в начале 60-х гг., согласно отчетам правлений и ревизионных комиссий, колхозники задавали докладчикам от 10 до 20 вопросов и более, то в 70-е гг. вопросы задавались редко, выступали преимущественно специалисты и руководители среднего звена. Многие собрания проходили без подготовки, на низком организационном уровне, не содержали критических замечаний, доклады председателей колхозов не были самокритичными.

Негативные тенденции наблюдались и в ревизионной работе. Количество самостоятельно проведенных ревизий уменьшилось с 2—1,8 за год в среднем на колхоз в середине 60-х гг. до 1,7—1,4 в конце 70-х — начале 80-х г. В то же время выросла доля ревизий, проводившихся по инициативе и при участии райсельхозуправлений. В 1965 г. доля таких ревизий по Сибири составляла 21,4 % от общего числа, в 1974 г. — 27,1, в 1980 г. — 40,5, в 1982 г. — 43,9 %. Данная тенденция — еще одно подтверждение нарастания командно-административных методов управления колхозами⁷⁹.

⁷⁷ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 8870, л. 48, 52; д. 7877, л. 25 об.; ГАНУ, ф. 1406, оп. 1, д. 5706, л. 21.

⁷⁸ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 8870, л. 49.

⁷⁹ ЦГА РСФСР, ф. 616, оп. 3, д. 8870, л. 49.

Ревизионно-контрольная работа в колхозах была поставлена слабо, поверхностные ревизии своевременно не вскрывали серьезных недостатков в хозяйственно-финансовой деятельности, фактов растрат общественных средств и хищений колхозного имущества. Акты и предложения ревизионных комиссий не всегда рассматривались на заседаниях правлений и общих собраниях, по ним не принимались необходимые меры. Не обеспечивалась в полной мере и периодичность проведения заседаний правлений. Постоянно нарушался их кворум, искусственно сужался состав. Многие решения правлений носили декларативный характер. В них не содержался конкретный план действий, не указывались ответственные лица, сроки, необходимые средства, ресурсы и т. п. Часто на правлениях обсуждался не план подготовки к сельскохозяйственной кампании, а ее ход, вернее, причины срыва.

Большинство вопросов колхозной жизни, которые, согласно Уставу, находились в компетенции общих собраний и правлений колхозов, на практике решали сами председатели. В ряде хозяйств исключение из колхоза и прием в него входили в компетенцию исключительно председателя, который не всегда представлял свои распоряжения на утверждение общего собрания. Единично он накладывал дисциплинарные взыскания, производил удержания из зарплаты. Районные сельхозуправления, райкомы партии работали не с общими собраниями и правлениями — высшими органами колхозов, а адресовали свои требования только председателям. Да и последние отвечали за свою работу в первую очередь перед районным начальством. И это было естественно, так как председатели фактически назначались сверху, а не избирались колхозниками.

Несмотря на узурпирование председателем колхоза многих вопросов компетенции общего собрания, сфе-

ра его самостоятельности была и остается чрезмерно суженной. Председатель колхоза зависит от множества организаций — партийных, государственных, хозяйственных. Выполнение его функций по оперативному руководству хозяйством нередко берут на себя работники вышестоящих органов управления. Это очень сильно снижает ответственность председателя колхоза, порождает стремление не только согласовывать с вышестоящим руководством даже мелкие решения, но и перекладывать на него свои прямые обязанности. Подмена нижестоящих групп вышестоящими характерна и для внутриколхозных отношений. Руководители хозяйств берут на себя работу главных специалистов, те — работу руководителей среднего звена и т. д.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС практика администрирования была осуждена. Переход сельского хозяйства на подлинный хозяйственный расчет, самоокупаемость и самофинансирование благотворно сказывается на развитии колхозной демократии. Особенно серьезные сдвиги в связи с массовым внедрением подрядных и арендных отношений произошли на уровне внутриколхозного самоуправления. В 1986 г. все районные и областные (краевые) Советы колхозов возглавили председатели колхозов. В частности, председателем Красноярского краевого совета стал Б. К. Толасов, председатель передового колхоза «Красный хлебороб» Иланского района. Новосибирский областной совет возглавил председатель колхоза им. Куйбышева Сузунского района Н. Ф. Шишкин. С 1987 г. выборы председателей в ряде колхозов стали проводиться тайным голосованием (ранее — только открытым), на конкурсной основе. В Новосибирской области в этом году в четырех колхозах было выдвинуто по два кандидата.

Исходя из новых политических и экономических условий, партийно-

государственное руководство признало необходимым разработать новые нормативные акты, регулирующие взаимоотношения государственных органов с колхозами и развивающие уровень внутриколхозной демократии. Для всенародного обсуждения были опубликованы проекты нового Примерного устава колхоза и Закона о кооперации. Одновременно с этим началась подготовка к созыву очередного съезда колхозников. Колхозные собрания, на которых были избраны представители на районные собрания, прошли в октябре 1987 г. В октябре — ноябре состоялись районные собрания представителей, а в ноябре 1987 — январе 1988 г. — областные и краевые конференции колхозников, избравшие делегатов на съезд колхозников. IV съезд состоялся 23—25 марта 1988 г. в Москве, на нем присутствовало 113 делегатов от сибирских колхозов.

Основным лейтмотивом всех выступлений на съезде было требование возвращения колхозам подлинно кооперативных основ, предоставление им самостоятельности. Председатель колхоза «Заря Алтая» Завьяловского района Алтайского края А. Я. Эрнст, механизатор колхоза им. Мичурина Одесского района Омской области Г. М. Бутченко и другие делегаты особо подчеркивали необходимость решительного ограждения колхозов от неправомерного вмешательства в их деятельность. А. Я. Эрнст в своем выступлении поставил вопрос о нецелесообразности сохранения такого органа, как РАПО⁸⁰. Съезд колхозников одобрил проект Закона СССР «О кооперации в СССР» и принял за основу новый Примерный устав колхоза, поручив Союзному совету колхозов окончательно утвердить его с учетом состоявшегося обсуждения, а также положений Закона о кооперации после принятия его Верховным Советом СССР.

⁸⁰ Четвертый всесоюзный съезд колхозников: Стеногр. отчет. — М., 1988. — С. 179.

Одобренный съездом Закон о кооперации имеет важное значение для дальнейшего развития колхозной демократии, так как впервые в законодательной практике СССР в полном объеме регулирует взаимоотношения между колхозами и другими хозяйственными и общественными организациями страны. Использование колхозами прав, предусмотренных законом, расширяет сферу их деятельности. Полностью снимаются ограничения на подсобную деятельность. Теперь колхозы могут передавать в аренду как другим предприятиям, так и отдельным гражданам часть закрепленных за ними фондов земли, создавать разнообразные кооперативы, заниматься внешнеэкономической деятельностью. Вместе с тем предусматривается возможность ликвидации плохо работающих колхозов, лишения их права на землю.

В новом Примерном уставе колхоза исключительной компетенцией коллективных хозяйств провозглашаются разработка и утверждение годовых и пятилетних планов экономического и социального развития. В качестве отправной базы планирования предлагаются хозяйственные договоры на поставку сельхозпродукции государству. Колхоз получает право решать вопросы хозрасчетных отношений и условий стимулирования, участия в агропромышленных объединениях, определения размеров ЛПХ. По своему усмотрению он может применять семейную, личную или коллективную формы подрядных и арендных отношений. Особый упор в Уставе делается на совершенствовании самоуправления в коллективах производственных подразделений, работающих на подряде и аренде. Их собрания также получают широкие права в планировании и выполнении хозрасчетных заданий. На основе новых нормативных актов происходит перестройка сельскохозяйственных предприятий на кооперативных началах. Структурные подразделения хозяйств превращаются в производственные коопера-

тивы, а колхозы — в союзы кооперативов, возглавляемые советами кооператоров, состоящими из председателей первичных кооперативов. Именно при такой организации самоуправления происходит реальная передача всей власти крестьянству.

Однако демократизация колхозной жизни не проходит гладко. С волевыми методами расстались не все органы управления, многие из них необоснованно вмешиваются в деятельность хозяйств, как и раньше, навязывают им структуру посевов, технологию. Колхозам не позволяют самим распоряжаться сверхплановой продукцией, улучшать местное снабжение. Остаются нерешенными многие вопросы взаимоотношений с обслуживающими, перерабатывающими предприятиями. Да и многие руководители колхозов предпочитают работать по указке «свыше». Те же, кто активно добивается для себя полной самостоятельности, сочетают это с изрядной толикой авторитарных методов управления своими коллективами. Противоречивость «председательской» демократии проявилась, в частности, в решениях Новосибирской областной конференции колхозников, состоявшейся в декабре 1987 г. Из 373 делегатов на нее было избрано 169 председателей колхозов, которые настояли на включении в решение, принятое по итогам обсуждения проекта Примерного устава колхоза, требования расширить права правлений в ущерб правам общих собраний.

Как и ранее, не соблюдаются многие уставные требования. В 1986 г. в Новосибирской области в 26 хозяйствах прошло по два или даже по одному собранию вместо четырех по Уставу. Это грубейшее нарушение Устава колхоза, пренебрежение со стороны правлений и лично председателей к мнению колхозников. Не изжиты серьезные недостатки в работе ревизионных комиссий. Слабо работают и редко собираются районные советы колхозов. Принижена роль правлений, советов

бригад и ферм. Велика доля решений, принимаемых председателями единолично, без согласования с правлениями.

Значительная часть вопросов, связанных с деятельностью подрядных коллективов, решается не их членами или бригадами, а руководителями и специалистами хозяйств. Очень низка роль коллективных решений, принимаемых на общих собраниях бригад. Согласно данным социологов ИЭиОПП СО АН СССР, по таким вопросам, как распределение людей и техники по работам, поощрение и наказание членов бригады, соблюдение технологии производства, коллективное принятие решений отметили лишь 15 % опрошенных работников подрядных коллективов. Низок уровень коллективных решений по вопросам, которые этого более всего требуют: в распределении коллективного заработка (отметили 3 % работников), приеме и увольнении работников (4 %). Специалисты и руководители хозяйств принимают большинство решений, касающихся определения производственных заданий на год (55 % опрошенных), распределения новой техники между членами бригады и изменения квалификации и разряда (52 %), размера ежемесячного аванса (58 %), приема и увольнения работников (48 %). Велика роль бригадиров в распределении коллективного заработка (68 %). Таким образом, на практике принципы самоуправления подрядных и арендных коллективов повсеместно нарушаются⁸¹.

Основой для развития колхозного самоуправления и обретения коллективными хозяйствами подлинно кооперативных основ может стать только переход советской экономики на рыночные отношения и превращение всех сельскохозяйственных предприятий, а также крестьянских хозяйств в полностью независимых товаропроизводителей.

⁸¹ Социально-экономическое развитие сибирского села.— С. 255.

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ

Глава 10

НАСЕЛЕНИЕ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ¹

1. Демографическое развитие

Население пяти национальных автономий Сибири — Бурятской АССР, Тувинской АССР, Якутской АССР, Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, — по переписи 1979 г., составляло 2677 тыс. чел., из них 1148,9 тыс. чел. проживало в сельской местности — 16,2 % сельского населения Сибири (табл. 1). Национальный состав этих автономий пестрый. Среди всего населения автономий около четверти составляли коренные народы — алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы, якуты.

Коренные народы Сибири расселяются компактными группами в своих автономиях: в Бурятской АССР, Агинском и Усть-Ордынском Бурятских автономных округах² в

1979 г. проживало более 81 % всех бурят — граждан СССР, в Тувинской АССР — 97,6 % тувинцев, в Якутской АССР — 95,7 % якутов, в Горно-Алтайской автономной области — 83,6 % алтайцев, в Хакасской автономной области — 80,9 % хакасов.

В 1959—1979 гг. уровень концентрации народов Сибири в автономиях изменялся незначительно. Он был стабильным у алтайцев, тувинцев и якутов. Удельный вес бурят в республике увеличился за счет миграции из Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, а часть хакасов (около 5 %) выехала за пределы своей автономии. Удельный вес коренных народов среди всего населения Сибири невелик (около 5 %), но в границах национальных автономий значительно повышается (35 %). В 1959—1979 гг. происходило изменение удельного веса коренного населения в своих автономиях — в интенсивно осваиваемых районах он снижался, в неосваиваемых повышался. Устойчиво нарастал в своих автономиях удельный вес алтайцев и тувинцев за счет оттока интонационального населения, бурят — в основном за счет миграции их в республику из округов. Практически неизменным оставался удельный вес хакасов в Хакасской автономной об-

¹ В главах 10—12 рассматриваются процессы в автономных республиках и областях, где проживают алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы и якуты; в главе 13 — в национальных округах, где живут народности Севера.

² На территории Усть-Ордынского и Агинского Бурятских автономных округов в 1979 г. проживало соответственно 133 тыс. и 69 тыс. чел., из них бурят было 45,5 тыс. и 35,9 тыс. чел. Социально-демографическое развитие населения этих округов имеет много общего с развитием населения других национальных автономий Сибири и специально в этой главе не рассматривается.

Динамика сельского населения за 1959—1987 гг. (на начало года)*

Регион	Все население, тыс. чел.				Доля во всем населении, %			
	1959	1970	1979	1987	1959	1970	1979	1987
РСФСР	55923,2	49098,0	42177,0	38449,0	48	38	31	37
Сибирь	8857,4	7820,1	7069,1	6809,0	49	39	32	28
В том числе в автономиях:								
всего	1394,4	1534,1	1534,1	1555,0	60	52	42	32
Горно-Алтайская АО	127,4	128,5	123,9	127,0	81	76	72	71
Хакасская »	189,2	179,7	159,0	150,0	46	40	32	27
Бурятская АССР	396,8	449,6	388,2	383,0	59	55	43	37
Тувинская »	121,8	143,9	153,2	157,0	71	62	58	54
Якутская »	247,9	289,6	324,6	315,0	51	44	39	31

* Таблицы 1, 3, 4 рассчитаны по данным: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. сборник.— М., 1987.— С. 14, 256—258.

ласти, и заметно снизился удельный вес якутов в Якутской АССР за счет притока инонационального населения (табл. 2).

Прирост всего населения автономий Сибири был выше (за исключением Горного Алтая), чем по РСФСР, но уровень его был разным. Наиболее существенный и устойчивый прирост численности населения отмечен в Якутии, наименьший — в Горном Алтае (табл. 3).

Все население национальных автономий увеличивалось, сельское же население уменьшалось как абсолютно, так и по удельному весу. При этом если в 1959—1970 гг. среднегодовое абсолютное уменьшение сельского населения наблюдалось только в Хакасии — на 0,45 %, то в 1970—1979 гг. этот процесс был отмечен уже в трех автономиях — в Хакасии, Бурятии и Горном Алтае. В 1979—1987 гг. прирост сельского населения наблюдался в Туве, хотя темпы его снизились и в Горном Алтае. Резко изменилась ситуация у сельского населения Якутии, где прирост в период 1970—1979 гг. сменился его сокращением в период 1979—1987 гг. (табл. 4).

Все это изменило соотношение численности городского и сельского населения автономий Сибири. Доля сельского населения в структуре всего населения автономий сократилась,

но оставалась выше, чем в РСФСР. Только в Хакасии и Якутии в 1987 г. доля сельского населения стала ниже, чем в РСФСР, соответственно на 10 и 6 %.

Коренное население, проживающее в своих автономиях, остается преимущественно сельским. В сельской местности национальных автономий в 1970 г. проживало алтайцев 92,3 %, хакасов — 82,4, бурят — 76,5, тувинцев — 84,1 и якутов — 80,5 %. Удельный вес коренного населения в сельской местности автономий был выше, чем инонационального населения. Инонациональное население вселялось преимущественно в города и рабочие поселки автономий Сибири. Все это обеспечило более высокие, чем по РСФСР, среднегодовые темпы роста численности городского населения автономий Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода. Увеличение этого показателя происходило в основном за счет миграции населения. В целом отмечается интенсивная миграция в регионах преимущественного проживания народов Сибири. Особенно велик этот показатель в Якутии, Туве и Бурятии, где миграция играет решающую роль в росте городского населения. В 1959—1987 гг. наблюдается уменьшение миграционного потока (все более заметным становится отток населения

Таблица 2

Расселение коренных народов в пределах своих автономий, %*

Народ	Доля в пределах своей автономии от общей численности в СССР			Удельный вес от населения автономии		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
	Алтайцы в Горно-Алтайской АО	84,0	83,7	83,6	24,2	27,8
Буряты в Бурятской АССР	53,7	56,8	58,6	20,2	22,0	23,0
Буряты в Агинском Бурятском авт. округе	9,2	10,5	10,2	47,6	50,4	52,0
Буряты в Усть-Ордынском Бурятском авт. округе	17,7	15,4	12,9	33,7	33,0	34,4
Тувинцы в Тувинской АССР	97,9	97,1	97,5	57,0	58,6	60,5
Хакасы в Хакаской АО	85,7	82,1	80,9	11,8	12,2	11,5
Якуты в Якутской АССР	96,9	96,5	95,7	46,4	43,0	36,8

* Таблица составлена по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР.— М., 1963.— С. 330, 332, 334; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.— М., 1973.— Т. IV.— С. 62, 67, 10—11, 87, 128, 132, 145, 150; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.— М., 1985.— С. 72—73, 76, 80, 82, 84, 86.

Таблица 3

Рост численности всего населения национальных автономий в 1959—1970 гг., %

Регион	1970 в % к 1959	1979 в % к 1970	1979 в % к 1959	1987 в % к 1979	Рост в среднем за год, %		
					1959—1970	1970—1979	1979—1987
					РСФСР	110,7	105,7
Сибирь	111,0	108,5	120,5	112,3	1,0	0,94	1,53
Горно-Алтайская АО	107,1	102,1	109,3	104,7	0,65	0,23	0,59
Хакасская АО	108,5	112,2	121,7	111,0	0,77	1,36	1,38
Бурятская АССР	120,6	110,9	133,8	114,4	1,87	1,21	1,8
Тувинская АССР	134,3	115,4	155,0	108,2	3,12	1,71	1,03
Якутская АССР	136,3	126,3	175,4	123,2	3,3	2,92	2,9

Таблица 4

Изменение численности сельского населения в 1959—1987 гг., %

Регион	1970 в % к 1959	1979 в % к 1970	1979 в % к 1959	1987 в % к 1979	Рост в среднем за год, %		
					1959—1970	1970—1979	1979—1987
					РСФСР	87,8	85,9
Сибирь	88,3	90,4	79,8	96,3	-1,1	-1,1	-0,46
Горно-Алтайская АО	100,9	96,4	97,3	102,5	0,08	-0,4	0,3
Хакасская АО	95,0	88,5	84,0	94,3	-0,45	-1,28	-0,7
Бурятская АССР	113,3	86,4	97,8	98,7	1,2	-1,5	-0,16
Тувинская АССР	118,2	106,5	125,8	102,5	1,65	0,7	0,3
Якутская АССР	116,8	112,1	130,9	97,0	1,53	1,3	-0,38

из районов Восточной Сибири) и вследствие этого отмечается общая для всех автономий тенденция снижения показателя среднегодового роста численности городского населения. В Якутии по-прежнему самые высокие среди рассматриваемых

районов миграционный поток и темпы роста численности городского населения.

Коренные народы, проживающие на территории национальных автономий, обладают сравнительно низкой миграционной подвижностью.

хотя она имела тенденцию к возрастанию. У всех народов Сибири миграционная подвижность в рамках рассматриваемой структуры расселения в целом увеличилась в 1970—1979 гг. по сравнению с 1959—1970 гг. в 2,5 раза. Увеличение произошло в основном за счет выезда за пределы РСФСР и в другие национальные автономии Сибири. Наибольшая миграционная подвижность отмечена у хакасов в 1959—1970 гг. и у бурят в 1970—1979 гг., наименьшая — у алтайцев в 1970—1979 гг.

В условиях недостаточной индустриализации сельскохозяйственного производства, при его экстенсивном развитии сохраняется потребность в рабочей силе, особенно в механизаторских кадрах и кадрах для животноводства. Между тем именно механизаторам широкого профиля свойственна повышенная миграционная подвижность, отток в города, поскольку им легче, чем животноводам, устраиваться на промышленных предприятиях, в строительных организациях. Все это создает дефицит рабочих кадров села.

Мотивы потенциальной миграции выявлены социологическим обследованием сельского населения Бурятии, проведенным Бурятским филиалом СО АН СССР в 1982 г. Большинство респондентов указало за недостаточность обеспечения транспортом межселенного внутрирайонного назначения, на низкий уровень благоустройства, культурного и медицинского обслуживания в колхозах и совхозах. Поэтому повышение качества социального обслуживания населения сельской местности должно стать первоочередной задачей развития отраслей обслуживания и сдерживающим фактором миграции.

В числе выбывших из села в городскую местность доминирует трудоспособное население, имеющее большое значение в демографическом воспроизводстве населения. Молодые люди в возрасте 17—29 лет составляют примерно 64 % от обще-

го состава мигрантов, причем преобладают женщины. Известно, что люди в этом возрасте уезжают из села на учебу в высших и средних специальных заведениях, на службу в армию, и лишь некоторая их часть возвращается в деревню. Большая мобильность молодых женщин объясняется нежеланием их трудиться в сельскохозяйственном производстве, где еще преобладает тяжелый физический труд. Опрос женщин — жительниц села показал, что среди них больше, чем среди мужчин, намеревающихся выехать в города с целью устройства личной жизни, на учебу, на работу, в особенности в сферу обслуживания, торговлю.

Демографические процессы в автономиях Сибири имеют много общего с тенденциями развития всего населения Сибири и РСФСР, но есть и специфика, обусловленная особенностями заселения автономий и традициями воспроизводства коренного населения. Вселение в автономии инонационального населения, как правило молодого, иммиграция его в пожилом возрасте, традиционные ориентации коренного населения на многодетную семью — все эти обстоятельства обеспечивали в автономиях более высокие, чем в РСФСР, темпы прироста населения.

Демографическая ситуация в этих регионах характеризуется прежде всего более высоким, чем в среднем по РСФСР, уровнем рождаемости и естественного прироста. Однако до 1970 г. естественный прирост и уровень рождаемости в автономиях имели тенденцию к снижению, что совпадало с общереспубликанской тенденцией. С 1960 по 1970 г. общий коэффициент рождаемости снизился в Бурятии с 31,8 до 18,1 ‰, в Туве — с 38,9 до 28,2, в Якутии с 33,8 до 20,7 ‰, по РСФСР также произошло сокращение рождаемости с 23,2 ‰ в 1960 г. до 14,6 ‰ в 1970 г. С 1970 по 1986 г. уровень рождаемости повысился в Бурятии с 18,1 до 23,1 ‰, в Туве — с 28,2 до 31,3, в Якутии — с 20,8 до 23,3, а по РСФСР — с

14,6 до 17,2‰³. Таким образом, уровень рождаемости в автономиях Сибири в 1986 г. оставался более высоким, чем по РСФСР.

В сельской местности национальных автономий уровень рождаемости был заметно выше, чем в городской (25,0‰ против 19,2‰), но темпы его снижения здесь были выше, чем в городе. С 1960 по 1970 г. уровень рождаемости в Бурятии снизился на селе на 49%, в городе на 30,4, в Туве — соответственно на 27,5 и 22,2, в Якутии — на 38,2 и 36,2 и в РСФСР — на 45,6 и 27,0%.

Естественный прирост за период с 1960 по 1970 г. снизился в Бурятии на 57,6%, в Туве — на 34,3, в Якутии — на 51,8%. По РСФСР естественный прирост упал на 62,7%. Но, снизившись, естественный прирост в национальных автономиях остался в 1970 г. более высоким, чем в среднем по РСФСР. Снижение естественного прироста в автономиях Сибири происходило из-за снижения уровня рождаемости.

Смертность в национальных автономиях в 1960—1970 гг. изменилась незначительно. Отмечено повышение смертности в Бурятии на 0,4%, понижение в Якутии и Туве соответственно на 0,4 и 0,3%. При этом в сельской местности уровень смертности везде понижался, в то время как в городской повышался. По РСФСР с 1960 по 1970 г. как в городской, так и в сельской местности произошло повышение уровня смертности.

В период с 1970 по 1986 г. уровень смертности по РСФСР также повысился — на 1,7%, в то время как в Туве и Якутии понизился соответственно на 0,2 и 2,2%. В Бурятии за этот период смертность повысилась на 0,6%. Естественный прирост населения автономий Сибири в период 1970—1986 гг. был заметно выше, чем в РСФСР. В Бурятии в 1986 г. он составил 14‰ против

6,8‰ в РСФСР (превышение в 2,17 раза); в Туве был в этом году в 3,4 раза выше, чем в РСФСР, в Якутии — в 2 раза выше.

Естественное и миграционное движение населения заметно влияют на изменение возрастной структуры. В свою очередь, возрастная структура сама обуславливает определенные демографические процессы. В национальных автономиях отмечена небольшая доля лиц старшего поколения при большом удельном весе детей и молодежи. В РСФСР население в возрасте до 19 лет в 1970 г. составляло 36%, в Бурятии — 45,1, Якутии — 44,6, Хакасии — 41,4, Туве 49,3, Горном Алтае — 45,6%; в возрасте 50 лет и старше в РСФСР — 21,2%, Бурятии — 15,7, Якутии — 11,4, Хакасии — 17,3, Туве — 10,6, Горном Алтае — 16,6%.

Основная тенденция изменения в возрастной структуре — уменьшение доли лиц младших возрастов и увеличение доли лиц старших возрастов. В национальных автономиях эти изменения происходили менее интенсивно, чем в других регионах Сибири и РСФСР. В РСФСР доля лиц младших возрастов с 1959 до 1979 г. уменьшилась на 6,6, в Восточной Сибири — на 6,9, а в Бурятии, например, на 5,4 процентного пункта. При этом в Бурятии доля лиц старших возрастов увеличилась соответственно на 6,6, 5,0 и 0,9 процентного пункта (табл. 5). Анализ динамики возрастной структуры сельского населения показал, что более прогрессивная структура, отличающаяся высокой долей лиц младших возрастов, сохраняется в периферийных сельских районах, менее подверженных урбанизации, со сравнительно высокой долей коренного населения и высоким уровнем рождаемости.

Возрастная структура населения отражается на экономико-демографическом потенциале населения (отношение численности трудоспособного населения к численности нетрудоспособного). Он тем выше, чем выше доля во всем населении его трудоспо-

³ Население СССР. 1987: Стат. сборник. — М., 1988. — С. 150—153.

Т а б л и ц а 5

Изменение возрастной структуры сельского населения Бурятии в 1959—1987 гг., %*

Возрастная группа, лет	1959	1970	1979	1987
До 15 лет	39,3	41,4	33,9	34,8
16—54 (59)	49,4	47,6	53,8	50,3
55 (60) и старше	11,3	11,2	12,2	14,9

* Таблица рассчитана по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 гг.; за 1987 г.— данные текущей статистики.

собной части. Население в трудоспособном возрасте в 1970 г. в РСФСР составляло 56,7 %, Бурятии — 53,5, Туве — 51,7, Якутии — 55,6, Горном Алтае — 50,7, Хакасии — 54,8 %. Более низкая доля населения в трудоспособном возрасте во всех национальных автономиях по сравнению с РСФСР объясняется более высоким уровнем рождаемости у коренных национальностей и более высоким удельным весом детей. В то же время доля лиц в возрасте 60 лет и старше за 1959—1970 гг. уменьшилась в Якутии с 6,4 до 5,3 %, в Туве — с 5,1 до 4,7, а в Бурятии увеличилась с 7,8 до 8,9 %, в Хакасии — с 7,3 до 9,3, в Горном Алтае — с 7,8 до 8,9 %. По РСФСР этот показатель увеличился с 8,9 до 11,9 %. В автономиях экономико-демографический потенциал снижался начиная с 60-х гг. вплоть до рубежа 70-80-х гг., когда проявилась тенденция его постепенного роста. Так, коэффициент экономико-демографического потенциала сельского населения в Бурятии в 1959 г. составлял 1,02, в 1970 г. — только 0,88, а в 1979 г. он опять поднялся до 1,17 и к 1983 г. достиг уже 1,20.

Структура населения национальных автономий Сибири по соотношению полов отличается от средних показателей по Российской Федерации. Если в РСФСР мужчины в 1970 г. составляли 45,6 %, то в национальных автономиях, кроме Горного Алтая, этот показатель был выше. Наиболее высок он в Якутии,

где доля мужчин в населении составляла 50 %. Объясняется это в основном приездом в национальные автономии из других регионов страны мужчин с целью поступления на работу.

Перепись населения 1979 г. выявила тенденцию улучшения демографической структуры сельского населения. Однако проблема трудовых ресурсов на селе еще сохраняется: во всех национальных автономиях доля лиц в трудоспособном возрасте ниже среднереспубликанского показателя вследствие более высокого удельного веса детей. Сельское население в Бурятии, Горном Алтае, Хакасии находится в преддверии старения, в Туве и Якутии — молодое.

В числе основных характеристик населения — численность и структура семей. Перемены, происходившие в последние годы по стране в целом: омоложение брака и увеличение числа разводов, рост количества неполных, простых семей, — оказали значительное влияние на изменения в демографических процессах всего населения, и сельского в частности. Существенное влияние на воспроизводство сельского населения оказал переход на внутрисемейное регулирование рождаемости. Все это в той или иной степени коснулось населения национальных автономий. Кроме общих причин на процессы оказывали влияние традиционные взгляды на семейно-брачные отношения, в частности на число детей в семьях. Рост численности населения в автономиях сопровождался ростом числа семей и уменьшением средней величины семьи.

Во всех автономиях без исключения в 1959—1979 гг. произошло увеличение числа семей на 1000 чел. населения (табл. 6). Однако прямой зависимости от прироста населения не наблюдалось. В отдельных автономиях, например в Туве, население выросло на 55,2 %, а семей на каждую тысячу только на 3,5 %, в Бурятии — соответственно на 33,7 и 9,9 %, в Якутии — на 72,3 и 12,8,

Таблица 6

Изменение числа семей в городском и сельском населении национальных автономий Сибири *

Регион	Доля сельских семей в общем числе семей, %		Прирост числа семей за 1959—1979 гг., %		Число семей на 1000 чел. населения				Прирост числа семей на 1000 чел. населения за 1959—1979 гг., %	
					Город		Село			
	1959 г.	1979 г.	Город	Село	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.	Город	Село
РСФСР	47	30	69,1	—17,0	245	268	240	265	9,4	10,4
Бурятская АССР	58	42	103,2	6,4	230	252	221	240	9,6	8,6
Тувинская »	69	53	138,9	24,8	235	249	212	210	6,0	—0,5
Якутская »	49	35	149,9	36,8	226	263	211	221	16,4	4,7
Хакасская АО	45	32	66,2	—5,8	245	265	240	269	8,2	12,1
Горно-Алтайская »	82	73	74,4	2,4	230	249	243	256	8,3	5,3

* Таблица составлена по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР.— С. 14, 28, 438, 446, 448; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.— С. 10, 228, 230.

в Хакасии — на 21,7 и 9,6, в Горном Алтае — на 9,6 и 5,4 %. Численность населения РСФСР за годы, прошедшие между переписями 1959 и 1979 гг. увеличилась на 17,1 %, а число семей, приходящееся на каждую тысячу человек населения, выросло на 10 %. Во всех автономиях, кроме Якутии, прирост числа семей на 1000 чел. населения в это время был ниже, чем в среднем по всей территории РСФСР.

В сельской местности прирост числа семей шел менее интенсивно, чем в городской. Миграция из села в город, проходившая активно в период 1959—1979 гг., затронула не только молодых членов сельской семьи, как, например, в Туве, но и молодые семьи. В Хакасии число семей за 1959—1979 гг. в сельской местности уменьшилось на 5,8 %. Миграция из села в город, заметно уменьшив численность населения села, увеличила число семей на 1000 чел. населения на 12,1 %. В Туве при положительном приросте численности сельского населения наблюдалось снижение числа семей на 1000 чел. населения (на 0,5 %). В то же время произошло увеличение средней величины семьи с 4,3 до 4,6 чел. при уменьшении числа одиночек и числа членов семьи, живущих отдельно от семьи.

В период 1959—1979 гг. в авто-

номиях народов Сибири наблюдалась присущая населению РСФСР тенденция снижения средней величины семьи. Количество членов семьи в среднем в автономиях во все годы было выше, чем в РСФСР, и только в Хакасии к 1979 г. оно сравнялось со средним по РСФСР (3,3 чел.). Наибольший средний размер семьи сохраняется в сельских районах Тувы с преимущественно тувинским населением. Здесь самые большие различия сельской и городской семьи (4,6 чел. против 3,5 чел.). Самая маленькая сельская семья в Хакасии соответствует уровню РСФСР (3,4 чел.). Если выделить в структуре семей небольшие (2—3 чел.), средние (4—5 чел.) и большие (6 чел. и более) семьи, то станет очевидным нарастание удельного веса небольших и снижение доли больших за весь период между тремя переписями населения. Структура семьи по этому показателю изменяется интенсивнее на селе. В 1959—1970 гг., как правило, увеличивалась доля семей, состоящих из 6 чел. и более, а в 1970—1979 гг. заметно поднялся удельный вес маленьких семей, состоящих из 2—3 чел. (табл. 7). И только в сельской местности Якутии наряду с ориентацией на малую семью на 3,8 % увеличилась доля семей из 4—5 чел.

Структура семьи в автономиях Сибири *

Регион	Удельный вес семей, состоящих из:										Среднее количество человек в семье				
	2-3 чел.			4-5 чел.			6 чел. и более				1959 г.	1970 г.	1979 г.		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.			
Городское население															
РСФСР	56,4	57,6	64,4	35,2	37,4	32,4	8,4	5,1	3,2	3,5	3,4	3,2			
Бурятская АССР	47,5	49,3	57,8	38,5	42,3	36,9	14,0	8,4	5,3	3,8	3,6	3,4			
Тувинская АССР	51,3	50,8	57,2	38,0	40,2	35,2	10,7	9,0	7,5	3,7	3,7	3,5			
Якутская АССР	54,8	56,1	60,7	34,3	36,6	35,1	10,9	7,3	14,2	3,6	3,5	3,3			
Хакасская АО	51,8	54,2	64,0	38,2	39,6	32,9	10,0	6,2	3,1	3,6	3,5	3,2			
Горно-Алтайская АО	53,4	54,9	63,4	37,0	37,7	32,8	9,6	7,4	3,8	3,6	3,5	3,2			
Сельское население															
РСФСР	49,7	49,1	60,5	34,6	36,2	31,0	15,7	14,7	8,5	3,8	3,8	3,4			
Бурятская АССР	42,0	39,5	49,8	36,4	37,9	35,9	21,6	22,6	14,3	4,2	4,3	3,8			
Тувинская АССР	40,5	33,4	36,8	36,1	34,9	34,2	23,4	31,7	29,0	4,3	4,7	4,6			
Якутская АССР	47,1	37,3	44,6	33,0	30,3	34,1	19,9	32,4	21,3	4,0	4,7	4,2			
Хакасская АО	46,3	45,4	58,3	38,1	38,5	33,0	15,6	16,1	8,7	3,9	3,9	3,4			
Горно-Алтайская АО	50,3	47,2	55,3	36,1	33,6	31,9	13,6	19,2	12,8	3,7	4,0	3,7			

* Таблица рассчитана по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — С. 438—439, 446—449; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. — М., 1974. — Т. VII. — С. 274—279, 306—307, 326—327, 334—335, 338—339, 344—345; Численность и состав населения СССР по данным переписи населения 1979 г. — С. 228—231.

На характеристики семьи оказывают большое влияние процессы, происходящие как на селе, так и в городе: подвижность населения, перемещение его из села в город, снижение уровня рождаемости, изменение возраста вступления в брак. Тем не менее сельская семья в меньшей степени подвержена структурным изменениям, придерживается традиционных семейно-бытовых отношений и до сих пор характеризуется большим числом детей, чем городская.

Подводя итоги рассмотрения демографических процессов в сельской местности автономий Сибири, можно выделить четко проявившиеся закономерности, как общие для РСФСР и Сибири в целом, так и специфические для автономий. К первым относятся относительное сокращение численности населения, ослабление миграционного оттока из села, изменение уровня рождаемости и смертности, а следовательно, естественного движения населения, «постарение» населения, увеличение числа семей на 1 тыс. чел. и снижение средней величины семьи. Ко вторым — абсолютный и замедляющийся рост сельского населения, более высокий уровень рождаемости и естественного прироста, более прогрессивная возрастная структура населения, более низкая доля лиц трудоспособных возрастов, большая величина семей.

2. Социально-профессиональная структура

Своеобразие социальной структуры населения национальных автономий Сибири во многом обусловлено особенностями разделения общественного труда в рамках единого социально-экономического механизма страны на основе объективных условий политики промышленно-экономического освоения региона и технико-технологического обновления сельскохозяйственных отраслей, учета этнического своеобразия исторически сложившихся традиционных

навыков в труде и образе жизни коренного населения. Это своеобразие не отменяет того общего, что объединяет развитие социальной структуры населения автономий Сибири и населения страны в целом. Общие базисные основы — социальные, экономические, политические и идеологические — определяют основные тенденции развития социальной структуры населения автономий Сибири как характерные для всего населения страны. Это проявляется в характере изменений социально-классовой структуры, социально-отраслевой, социально-профессиональной. В некоторых автономиях по ряду показателей темпы изменений в 60—80-е гг. были заметно выше, чем по СССР и РСФСР, что и определило уровень сближения структурных характеристик.

На социально-классовую структуру населения автономий воздействовал целый ряд факторов: изменение форм собственности, миграция в национальные регионы инационального населения, урбанизация в пределах автономии, мобильность населения, сопровождаемая переходом из одной социально-классовой группы в другую.

Наиболее существенным фактором изменения социально-классовой структуры явился перевод значительной части колхозов в совхозы. В Хакасии, Туве и Якутии в 70-е гг. практически был завершён переход от колхозно-кооперативной собственности к единой государственной в системе сельскохозяйственного производства. Это повлекло за собой переход массы колхозников в отряд сельскохозяйственных рабочих. Впоследствии подобные преобразования были признаны нецелесообразными.

Миграция в автономии Сибири инационального населения также влияла на изменение соотношения групп в социально-классовой структуре. В Якутии, Хакасии, Бурятии шло пополнение мигрантами в основном рабочего класса и интеллигенции городов и рабочих поселков,

в Горном Алтае, Туве наблюдалась, особенно в 70-е гг., реэмиграция инационального населения. Это по-разному влияло на характер изменения социально-классовой структуры.

Сравнительный анализ социально-классового состава населения автономий Сибири и РСФСР позволяет сделать заключение о практическом выравнивании показателей к началу 70-х гг. К этому времени происходят интенсивные структурные сдвиги в Туве, которая имела в 1959 г. самый низкий удельный вес рабочего класса. Перевод колхозов в совхозы в 60-е гг. сблизил показатели социально-классовой структуры Тувы и РСФСР. В этот период резко снизилась доля колхозников в населении Якутии и Хакасии.

Процесс снижения доли колхозного крестьянства в автономиях Сибири продолжался и в 70-е гг., причем более высокими темпами, чем по РСФСР. К началу 80-х гг. удельный вес колхозного крестьянства в среднем по автономиям Сибири был почти в 2 раза ниже, чем в РСФСР. И только в Горном Алтае он был несколько выше (табл. 8).

Идентичные изменения произошли и в социально-классовой структуре коренного населения автономий. Перевод колхозов в совхозы затронул прежде всего коренное население, расселяющееся преимущественно в сельской местности и занимающееся сельским хозяйством. Изменение социально-классовой структуры коренного населения и определило характер изменений по автономиям в целом. В социально-классовой структуре алтайцев колхозники к началу 80-х гг. составляли 27 % (в структуре всего населения автономии — 12,7), бурят — 17 (8,9), тувинцев — 1 (0,8 %). Но у тувинцев удельный вес рабочего класса к этому времени вырос до 83 %.

Социально-классовые структуры коренных народов и всего населения автономий становятся по сути однотипными. Так, к началу 80-х гг.

удельный вес рабочего класса в социально-классовой структуре алтайцев составлял 58,5 %, а по всему населению — 65,7, интеллигенции — соответственно 15,2 и 21,6, колхозного крестьянства — 26,3 и 12,7 %. Схожая картина наблюдалась и в Бурятии: рабочий класс составлял там 54 и 66,1 %, служащие — 29 и 25, колхозники — 17 и 89 %. Усиление однотипности социально-классовой структуры коренных народов и всего населения автономий происходило, как правило, за счет повышения удельного веса аграрного отряда рабочего класса, который был представлен в основном коренным населением.

Таким образом, колхозное крестьянство является наименьшей по численности и удельному весу общественной группой не только среди населения автономий Сибири, но и среди коренного населения. Тенденция резкого уменьшения доли этой группы, проявлявшаяся в 60—70-е гг., затухает в 80-е гг., и происходит стабилизация удельного веса колхозного крестьянства в социально-классовой структуре как всего населения автономий Сибири, так и коренных народов.

Отраслевая структура занятого населения автономий Сибири изменилась в рассматриваемый период в основном в связи с характером промышленно-экономического освоения региона, определившим объем и структуру новых рабочих мест. Значительный прирост новых рабочих мест наблюдался в Якутии, Хакасии, меньший — в Туве и Горном Алтае. Наблюдалась тенденция сокращения доли сельского населения в связи с активизацией процесса урбанизации и включением в него коренного населения. В Хакасии, например, к началу 80-х гг. не только снизилась доля сельского населения, но и произошло абсолютное его уменьшение.

Этот процесс развивался параллельно с уменьшением удельного веса сельскохозяйственной отрасли в структуре производства и был при-

Социально-классовый состав населения автономных республик и областей Сибири, %*

Регион	1959 г.			1970 г.			1979 г.		
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники	Рабочие	Служащие	Колхозники
РСФСР	55,4	20,2	24,2	61,3	24,3	14,3	63,0	26,9	10,0
Бурятия	52,6	18,9	28,4	63,0	22,8	14,1	66,1	25,0	8,9
Тува	37,1	16,7	45,9	63,2	20,7	15,9	76,7	22,5	0,8
Якутия	45,7	25,6	28,4	64,9	30,1	4,9	68,9	30,4	0,7
Горный Алтай	60,1	17,7	22,1	64,6	20,0	15,4	65,7	21,6	12,7
Хакасия	74,3	16,8	8,8	77,3	19,7	2,9	77,0	21,8	1,2
В среднем по автономиям Сибири	53,5	21,1	25,2	66,5	23,9	9,6	70,0	25,7	4,3

* Таблицы 8, 9, 10 рассчитаны по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979 гг.

сущ всем автономиям Сибири. Меньшие темпы снижения удельного веса отрасли в 70—80-е гг. наблюдались в Якутии. Здесь к середине 80-х гг. отмечен и самый низкий удельный вес сельскохозяйственной отрасли — 11,5 %⁴. В Бурятии в 60—70-е гг. численность работников сельского хозяйства сократилась на 9,5 %, в Хакасии — с 22,5 % на начало 60-х гг. до 13,8 %, в Горном Алтае за этот период произошло снижение с 30,3 до 26,0 %. В Туве в 60-е гг. общая численность работников сельского хозяйства сократилась на 1200 чел., удельный вес этой группы упал до одной трети, но в 70-е гг. наблюдался рост общей численности на 3,3 тыс. чел.⁵

Удельный вес занятых в сельскохозяйственной отрасли возрастает в структуре сельского работающего населения. К началу 70-х гг. в сельском хозяйстве Бурятии, Горного Алтая трудилось более 42 % занятого сельского населения автономий. Удельный вес этой группы в структуре занятого коренного населения во всех без исключения автономиях увеличивается. В Горном Алтае, на-

пример, удельный вес работающих в сельскохозяйственной отрасли алтайцев составил в 1979 г. 67,8 %, а русских — был вдвое меньше (табл. 9). Доля алтайцев в сельскохозяйственной отрасли в 1,5 раза выше, чем в других отраслях на селе. Таким образом, разделение труда на основе традиционного хозяйствования коренного и инонационального населения определяет различия их отраслевых структур во всех национальных автономиях Сибири.

В рассматриваемый период социально-профессиональная структура населения автономий Сибири изменилась из-за неравномерного прироста нового пополнения и перехода из одной социально-профессиональной группы в другую. Прирост занятых в общественном производстве имел тенденцию к нарастанию, даже в автономиях, которые теряли инонациональное население. В Горном Алтае в условиях реэмиграции русского населения прирост в общественное производство составил в 60-е гг. 1,0 %, а в 70-е — 1,8 %. При этом прирост в общественное производство в Туве и Горном Алтае шел в основном за счет коренного населения. На селе активно развивался процесс замещения инонационального населения, освоения новых профессиональных ролей коренным населением.

⁴ Якутия за 70 лет.— Якутск, 1987.— С. 86.

⁵ Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма.— Новосибирск, 1980.— С. 165; Очерки социального развития Тувинской АССР.— Новосибирск, 1983.— С. 95.

Т а б л и ц а 9

Занятость алтайцев и русских в отраслях народного хозяйства в сельской местности Горного Алтая в 1979 г., % к итогу

Отрасль	Все население	В том числе	
		алтайцы	русские
Промышленность	11,7	4,4	16,6
Сельское хозяйство	41,9	67,8	30,4
Лесное хозяйство	1,6	1,0	2,0
Транспорт	2,2	0,8	3,3
Связь	2,1	1,2	2,7
Строительство	5,6	2,4	7,3
Торговля и общественное питание	7,4	4,2	9,4
Материально-техническое снабжение	0,2	0,1	0,3
Заготовки	0,3	0,2	0,3
Прочие отрасли материального производства	0,2	0,1	0,2
Жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание	1,7	0,5	2,2
Здравоохранение и социальное обеспечение, физкультура	4,0	3,2	4,6
Народное образование	8,7	9,0	8,8
Культура, искусство	2,1	2,2	2,1
Наука	3,0	0,6	4,5
Кредит и госстрах	0,6	0,2	0,8
Управление	3,0	1,7	3,7
Партийные и общественные организации	0,5	0,3	0,7
Не распределенные по отраслям	0,2	0,1	0,1

Уровень профессиональной дифференциации на начало рассматриваемого периода в национальных автономиях Сибири был ниже, чем в РСФСР. Основные изменения в профессиональной специализации работников сельского хозяйства связаны с механизацией и механизацией технологических процессов в отрасли и расширением рабочих мест новых отраслей промышленного производства на селе. Прежде всего нарастал объем транспортных перевозок, механизировались некоторые процессы в традиционной отрасли — животноводстве — и расширяющемся кормопроизводстве. Перемещения внутри отрасли дополнялись профессиональными перемещениями межотраслевого характера — из сельского хозяйства в отрасли непродовольственной сферы, а также в промышленность, строительство и т. д. В 60—80-е гг. наблюдалась тенденция к сокращению социально-профессиональной группы преимущественно физического труда и нараста-

нию удельного веса группы преимущественно умственного труда. Заметные изменения произошли в самой группе преимущественно физического труда. В среднем по автономиям группа работников физического труда, работающих при машинах и механизмах, увеличилась в 1,5 раза, у коренного населения еще больше: у тувинцев — в 3 раза, якутов и алтайцев — в 2 раза. Высокие темпы изменений наблюдались и в группе специалистов высокой квалификации: инженерно-технических работников, агрономов, педагогов, врачей, руководящих работников. Среди коренного населения в этой группе по-прежнему преобладали врачи и педагоги, хотя заметно росла и группа специалистов сельского хозяйства.

Особенно интенсивно у коренного населения в 70—80-е гг. росла группа служащих: бухгалтеров, юристов, связистов, культработников и т. д. В целом группы служащих и специалистов, составляющие более широкое объединение — работников преимуще-

Таблица 10

Соотношение занятых физическим и умственным трудом в населении национальных автономий Сибири, %

Год	Занятые преимущественно	
	физическим трудом	умственным трудом
РСФСР		
1959	81,1	18,1
1970	71,7	28,3
1979	68,8	31,2
Бурятская АССР		
1959	82,3	17,7
1970	73,7	26,3
1979	72,1	27,9
Горно-Алтайская АО		
1959	79,5	20,5
1970	75,2	24,8
1979	72,1	27,9
Тувинская АССР		
1959	79,0	21,0
1970	73,8	26,2
1979	72,1	27,9
Хакасская АО		
1959	78,4	13,6
1970	75,1	24,9
1979	70,1	29,9
Якутская АССР		
1959	76,7	23,3
1970	66,2	33,8
1979	63,9	36,1

ственно умственного труда, росли в среднем в 3 раза быстрее, чем группы занятых физическим трудом. Это заметно изменило соотношение групп умственного и физического труда в национальных автономиях Сибири и сделало их практически сопоставимыми с показателями по РСФСР (табл. 10).

Вызывает тревогу группа работников преимущественно физического труда. Стартовый уровень ее был так мал, что, хотя в ее структуре высокими темпами растет численность механизаторов, уровень достигнутого не позволяет сделать оптимистическое заключение. Более половины сельских жителей корен-

ной национальности заняты ручным физическим трудом. В 1979 г. удельный вес этой группы у якутов составлял 56,7%, у бурят — 54,4, хакасов — 62,6, алтайцев — 67,1, тувинцев — 67,9%.

До сих пор у коренных национальностей среди всех сельскохозяйственных профессий преобладает профессия чабана. Чабан и сегодня занят тяжелым физическим трудом не только в профессиональной, но и в жизнеобеспечивающей технологии. В группе занятых преимущественно умственным трудом сохраняются ориентации на традиционные для интеллигенции профессии — медика, педагога, воспитателя дошкольных учреждений. Более половины работников умственного труда заняты сегодня в сфере нематериального производства. Все это заметно отличает структуру интеллигенции коренного населения от структуры интеллигенции инонационального населения, в которой преобладают специалисты сферы материального производства. Основная причина медленного нарастания производственно-экономического потенциала села — отсутствие необходимого количества рабочих мест высокой квалификации, особенно в традиционных отраслях хозяйствования. Традиционное животноводство в рассматриваемый период продолжало оставаться сырьевым придатком: углубленная переработка исходной животноводческой продукции непосредственно на местах на необходимом технологическом уровне не производится. В ряде автономий (Тува, Горный Алтай) в 80-е гг. нарастали сложности с трудоустройством сельской молодежи и в то же время сохранялась, а в ряде мест и возрастала отчужденность молодых людей от занятий традиционным трудом, особенно отгонным животноводством.

Итак, сравнительный анализ изменений в социальной структуре сибирских национальных автономий позволил выявить, во-первых, общие направления процесса: сокращение

численности колхозного крестьянства, уменьшение доли занятых физическим трудом и увеличение удельного веса группы специалистов высокой квалификации, особенно в сельском хозяйстве; во-вторых, этнически особенное: более высокие темпы структурных сдвигов, позволившие сблизить социальный состав коренного и русского населения; отно-

сительно медленный рост абсолютной численности промышленных рабочих коренной национальности, замедленный рост на селе рабочих мест, требующих высокой квалификации, сохранение значительного числа занятых ручным трудом, односторонность развития слоя интеллигенции из числа коренных народов автономий.

Глава 11

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ДИНАМИКА И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В силу неодинаковых природно-климатических условий развитие сельского хозяйства в различных регионах страны имеет свои особенности. Это наглядно проявляется в отраслевой структуре производства. Для сельского хозяйства автономных районов Сибири характерна ярко выраженная животноводческая специализация. В 70-х — первой половине 80-х гг. удельный вес продукции животноводства в общем валовом сельскохозяйственном производстве составлял в Бурятии 75 %, в Туве — 80, в Якутии — 86 %, тогда как в стране в целом — только 54 %. Производство животноводческой продукции преобладает и в остальных автономных образованиях региона — Горном Алтае, Хакасии, Агинском и Усть-Ордынском Бурятских автономных округах. Ведущее положение животноводства в сибирских автономиях обусловлено особенностями структуры сельскохозяйственных угодий, в составе которых большую часть занимают степные, горно-степные и тундровые пастбища, естественные сенокосы (от 92 % в Якутии до 58 % в Хакасии).

Природно-климатические условия, исторически сложившиеся традиции ведения хозяйства и опыт коренного населения Сибири определяют и территориальную специализацию животноводства. Мясо-шерстное овцеводство — основная отрасль животноводства в Бурятии, Туве, Горном

Алтае, Хакасии, Агинском Бурятском автономном округе, мясомолочное скотоводство — в Бурятии, Якутии, Усть-Ордынском Бурятском автономном округе; в Туве и Хакасии это вторая по значению отрасль. Оленеводство развито на севере Бурятии и в Якутии.

Дополнительной отраслью животноводства в автономных районах является табунное мясное коневодство. Удельный вес конины в общем производстве мяса в Якутии составляет 15—18 %. В Бурятии, Горном Алтае, Туве разводят также яков, верблюдов. В Горном Алтае значительно развито пушковое козоводство. Этой автономной области традиционно принадлежит приоритет в производстве маральих и оленьих пантов — исходного сырья для получения высокоэффективного биопрепарата пантокрин. Здесь в настоящее время производится свыше 60 % пуха и пантовой продукции, получаемых в РСФСР¹.

Наряду с традиционными видами животноводства (разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, оленей, которым издавна за-

¹ Гриценко М. П., Лазуткин А. Д., Секачев Ю. В. Интенсификация сельского хозяйства Горно-Алтайской автономной области // Сельское хозяйство аграрно-промышленного комплекса Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 39.

нимались коренные жители Сибири) в животноводческий комплекс входят и новые для сибирских автономий отрасли — свиноводство, птицеводство и клеточное звероводство. Последние, как правило, развиваются в специализированных хозяйствах: свиноводческих комплексах, птицефабриках, крупных зверофермах. Они отличаются сравнительно высокой интенсивностью производства, не так жестко зависят от погоды и ориентированы на удовлетворение потребности в продовольствии населения крупных промышленных центров.

Напротив, традиционным отраслям животноводства в значительной степени присущи экстенсивный характер производства, преобладание ручного труда, большая раздробленность производственных участков, производственное кочевание части населения, занятого в отрасли. Природно-хозяйственные факторы обуславливают также прерывистость и сезонность трудового процесса, неравномерную загруженность рабочей силы и техники в течение годового цикла. Себестоимость производства животноводческой продукции в традиционных отраслях сравнительно невелика. Например, производство оленьины в 4—5 раз дешевле, чем говядины, ниже и затраты на производство баранины.

Земледелие в автономных районах Сибири представлено преимущественно картофелеводством, овощеводством открытого и закрытого грунта, зерновым хозяйством, полевым и лугопастбищным кормопроизводством. В целом растениеводство здесь занимает более скромное, чем животноводство, место, что объясняется неблагоприятными природно-климатическими условиями, ограниченностью фонда пахотно-пригодных земель. Незначительная глубина снежного покрова в горно-степных районах отрицательно влияет на состояние озимых посевов. Многолетняя мерзлота, поздние весенние и ранние осенние заморозки сокращают вегетационный период, недостаток

влаги или заболоченность почв, сильные и частые ветры вызывают водную и ветровую эрозию почв. Все это обуславливает более низкий уровень естественного плодородия сельскохозяйственных угодий в автономных районах Сибири по сравнению с другими сельскохозяйственными зонами.

Для ведения сельскохозяйственного производства в национальных районах Сибири необходимы значительно большие затраты, чем в европейской части страны. Так, в условиях Якутии коэффициент удорожания сметной стоимости строительства по сравнению с центральными районами составляет 3,5—4,0, формирования основного стада продуктивного и рабочего скота — 2,0. Внедрение комплексной механизации во все отрасли сельского хозяйства и выполнение всех полевых работ в лучшие агротехнические сроки требуют доведения энерговооруженности труда до 40 л. с. на одного работающего². Для работы в горных условиях нужны специальные тракторы и сельскохозяйственные машины. Использование же в предгорьях Алтая техники, предназначенной для работы на равнинной местности, на 30—35 % менее эффективно, при этом расходуется больше горючего. Производство новой техники, сменный характер ее эксплуатации, проведение специальных агротехнических мероприятий (выведение морозостойких сортов, глубокая вспышка и др.) — все это требует дополнительных капиталовложений, повышенной фондо- и энерговооруженности труда по сравнению как с основными сельскохозяйственными районами Сибири, так и со страной в целом.

Особенности отраслевой структуры сельского хозяйства национальных районов Сибири предполагают соче-

² Головных Ф. И. Современное состояние и основные направления развития сельского хозяйства в Якутской АССР // Эффективность размещения и специализации сельского хозяйства Якутии. — Якутск, 1977. — С. 35—36.

тание в сфере аграрного производства сельхозпредприятий различных размеров, основанных на разнообразных формах собственности — государственной, кооперативной, индивидуальной трудовой. Несмотря на это, ставка в сибирских автономиях, как и во всем регионе, была сделана преимущественно на крупную совхозную форму ведения сельского хозяйства. В 60-е гг. продолжился начатый в предыдущий период процесс укрупнения колхозов и их преобразования в совхозы. В 1965 г. количество сельхозартелей сократилось по сравнению с 1960 г. в Бурятии со 139 до 81, в Якутии — со 163 до 67, в Туве — с 63 до 36. Число совхозов за тот же период возросло в Бурятии с 19 до 40, в Якутии — с 4 до 28 и в Туве — с 7 до 14. Процесс преобразования колхозов и их укрупнения носил в основном необоснованный, кампанейский характер. Многие совхозы, созданные на базе колхозов, как и укрупненные сельскохозяйственные артели, оказались громоздкими, трудноуправляемыми и на длительное время нерентабельными хозяйствами. Процесс «совхозизации» продолжался и в последующие годы. В Бурятии к концу 70-х гг. оставался 61 колхоз. Более последовательно наступление на колхозно-кооперативную собственность происходило в Хакасии, Якутии и Туве, где в 1970, 1975 и 1977 гг. последние колхозы были преобразованы в совхозы. Тем самым несколькими волевыми решениями колхозное крестьянство в этих районах было «ликвидировано как класс». Да и в Бурятии, Горном Алтае, Агинском и Усть-Ордынском Бурятских автономных округах, где колхозы сохранились, сами колхозники мало чем отличались от рабочих совхозов и являлись, по существу, не совладельцами своих хозяйств, а наемными рабочими. Столь вольный подход к производственным отношениям в деревне не мог не сказаться уже в ближайшее время на уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Отраслевые и структурные особенности сельского хозяйства сибирских автономий влияли на динамику развития аграрного производства, которое в 60-е — 80-е гг. развивалось неравномерно и крайне противоречиво.

В 50-е гг. в национальных районах Сибири произошло существенное увеличение производства сельскохозяйственной продукции. В Бурятии за 1954—1958 гг. производство молока возросло в 2,4 раза, шерсти — в 2,3, мяса — в 1,5 раза. В Якутии за это время производство мяса увеличилось в 1,9 раз, молока — более чем в 2 раза. В Хакасии в 1951—1958 гг. производство мяса возросло в 2,2 раза, молока — в 2,7, шерсти — в 2,3 и яиц — в 7,2 раза³. Увеличение производства достигалось преимущественно за счет экстенсивных факторов: расширения посевных площадей и роста поголовья скота.

Достигнутые в 50-е гг. высокие темпы роста валовой сельскохозяйственной продукции предполагалось сохранить и в годы семилетки (1959—1965). В Якутии к концу 1965 г. планировалось увеличить производство мяса (в убойном весе) в 2 раза, молока — в 2,1 раза против 1958 г., вдвое увеличить производство овощей и картофеля. В Бурятии планировался рост производства зерна в 1,7 раза, мяса — в 2,2, молока — в 1,4, шерсти — в 2,5 раза. В полтора-два раза и больше предполагалось расширить сельскохозяйственное производство в других национальных автономиях. Прирост валовой продукции намечался в размере не менее 8 % в год.

Столь грандиозным планам не суждено было сбыться. Темпы прироста сельхозпродукции в конце 50-х — начале 60-х гг. оказались ни-

³ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, количественные параметры аграрного производства рассчитаны по статистическим сборникам Госкомстата СССР, Госкомстата РСФСР, статистических управлений краев, автономных республик и автономных областей Сибири.

же плановых. Повышению урожайности препятствовали многие факторы: применение агрохимических приемов, навязываемых сверху, без учета местных условий, несоблюдение рационального соотношения культур в севооборотах, уменьшение доли чистых паров. В Туве, например, удельный вес чистых паров в площади пашни сократился с 25—30 % в 1956—1958 гг. до 16—19 % в 1962—1964 гг., что привело к сильной засоренности полей и другим отрицательным последствиям. При освоении новых земель игнорировались особенности местных почв, подверженных водной и ветровой эрозии. В Хакасии в годы подъема целины было распаханно 425 тыс. га земли. В результате систематического выноса мелкозема и резкого снижения плодородия почвы почти 154 тыс. га пашни стали непригодными для возделывания сельскохозяйственных культур. Третью часть из вновь вспаханных земель пришлось вывести из оборота, причем 54 тыс. га считаются безвозвратно потерянными⁴.

Отрицательные последствия освоения целины сказались и на развитии кормовой базы. В результате массовой распахивки сократились площади сенокосов, что вызвало уменьшение объемов заготовки грубых кормов. Шаблонное планирование структуры посевных площадей обусловило вытеснение зернофуражных культур, одно- и многолетних трав. Низкий уровень кормопроизводства не создавал возможностей для увеличения продуктивности скота путем перехода к интенсивному откорму. Укрепление кормовой базы сдерживалось и слабым развитием материально-технической базы — недостаточными капиталовложениями в эту отрасль.

Тем не менее последствия волюнтаристического руководства сельским хозяйством в ряде сибирских авто-

номий сказались в гораздо меньших размерах, чем в целом по региону. Темпы роста сельскохозяйственной продукции в большинстве из них, хотя и не дотягивали до амбициозных плановых показателей, были все же относительно велики. Валовое производство увеличилось в 1961—1965 гг. в среднем в Бурятии на 4,2 %, Туве — на 5,6 % в год. Доля продукции растениеводства в общем валовом сельскохозяйственном продукте этих республик была невелика, и неурожайные годы, усугубленные агротехническими «новациями», сказались на общей ситуации здесь в отличие от Алтайского края, Омской, Новосибирской областей не так сильно. Плюс к этому продолжалась распахивка новых земель: площадь посева в 1965 г. была больше, чем в 1960 г., в Туве на 29 %, а в Бурятии на 23,5 %. При этом посевы яровой пшеницы за этот период увеличились соответственно на 74 и 77 %. В Туве за пятилетие поголовье крупного рогатого скота возросло на 20 %, овец и коз — на 4 %. В Бурятии 5%-ное уменьшение поголовья овец и коз перекрывалось 13 %-ным увеличением поголовья крупного рогатого скота. Таким образом, рост производства сельскохозяйственной продукции в указанных республиках по-прежнему происходил за счет экстенсивных факторов.

В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившего переход от преимущественно экстенсивных способов ведения сельского хозяйства к интенсивным, был предпринят ряд мер, направленных на ускорение развития аграрного производства. В 1965 г. повысились государственные закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты, были установлены надбавки к действующим ценам, введено материальное стимулирование сверхплановой сдачи важнейших видов сельскохозяйственной продукции. В частности, закупочные цены на мясо крупного рогатого скота были повышены

⁴ Экономика Тувинской АССР.— Кызыл, 1973.— С. 52; Красноярский рабочий.— 1983.— 6 янв.

на 25—30 %, а на мясо овец и коз для хозяйства высокогорных районов — вдвое. Провозглашен принцип твердого плана государственных заготовок сельхозпродукции на ряд лет. Начиная с 1968 г. сдаваемая совхозами продукция стала оплачиваться с надбавками, установленными для колхозов, сокращено число показателей плана совхозов, утверждаемых сверху.

За годы восьмой пятилетки значительно повысилась оплата труда рабочих совхозов и колхозников, совершенствовалась ее система. Вводился новый порядок распределения колхозных доходов, согласно которому устанавливался гарантированный фонд оплаты труда колхозников исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. В растениеводстве была предусмотрена возможность применения аккордно-премиальной формы оплаты труда за полученную продукцию. Расширялась система премирования и дополнительной оплаты труда за повышение продуктивности, более полное сохранение скота во время проведения зимовки и в другие периоды напряженных работ в животноводстве.

Выросли капитальные вложения в сельское хозяйство автономных районов Сибири. За 1966—1970 гг. в сельское хозяйство Бурятии было вложено 161,5 млн руб., Якутии — 171,7 млн руб., соответственно в 2,1 и 2,2 раза больше, чем в предыдущем пятилетии. Стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения увеличилась в 1970 г. по сравнению с 1965 г. в Горном Алтае на 33 %, в Якутии на 39 %. Крупные капиталовложения позволили укрепить материально-техническую базу колхозов и совхозов, поднять уровень энерговооруженности труда. Значительно увеличились поставки современной сельскохозяйственной техники, тракторов, зерноуборочных комбайнов. Количество автомобилей в колхозах и совхозах Якутии в

1970 г. составляло 1611 против 942 в 1965 г., в Туве — 2310 против 1708. Тяговая мощность тракторов в Бурятии выросла в 1,5 раза.

В соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» и «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии»⁵ были проведены крупномасштабные работы по повышению плодородия почв, агротехнические мелиоративные и гидротехнические противоэрозионные мероприятия.

Более широкое использование в годы восьмой пятилетки экономических стимулов в сочетании с увеличением капитальных вложений создало условия для поступательного развития аграрного производства. Среднегодовая валовая продукция увеличилась в этот период по сравнению с 1961—1965 гг. в Туве на 24 %, Бурятии — на 22, Хакасии — на 19 (прирост валовой продукции растениеводства составил по автономной области 58 %), в Горном Алтае — на 12, Якутии — на 10 % (табл. 11). Возросли производство и государственные закупки продуктов растениеводства и животноводства. Так, среднегодовое производство мяса в убойном весе выросло в 1966—1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием в Бурятии с 38,2 тыс. до 48,0 тыс. т (прирост 26 %), в Туве — с 15,5 тыс. до 18,6 тыс. т (прирост 20 %), валовые сборы зерновых увеличились в Бурятии и Горном Алтае соответственно на 12 и 22 %.

Увеличение земледельческой продукции было получено преимущественно за счет роста урожайности. Так, в Бурятии прирост посевных площадей составил в 1966—1970 гг. всего 0,8 %, а в Горном Алтае пло-

⁵ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1971 гг.). — М., 1971. — С. 141—163, 191—201.

Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1973 г. в период с 1961 по 1985 г. (в среднем за пятилетку), млн руб.*

Регион	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985
РСФСР	41600,0	50000,0	54500,0	57200,0	59820,0
Бурятская АССР	249,6	305,6	336,8	322,3	359,6
Горно-Алтайская АО	85,3	95,3	106,8	109,8	113,1
Тувинская АССР	87,4	108,4	111,2	100,9	107,2
Хакасская АО	183,5	217,7	242,8	220,0	208,9
Якутская АССР	135,8	149,6	173,7	185,8	212,6

* Таблицы 11—16 рассчитаны по статистическим сборникам Госкомстата СССР, Госкомстата РСФСР, статистических управлений краев, автономных республик и автономных областей Сибири.

щадь посева уменьшилась на 1 %, в то же время урожайность зерновых повысилась в Бурятии с 8,4 ц/га в 1961—1965 гг. до 9,1 ц/га в 1966—1970 гг., в Горном Алтае за этот период — с 5,8 до 8,2 ц/га. В животноводстве прирост продукции осуществлялся как за счет интенсивных, так и за счет экстенсивных факторов. В Агинском Бурятском автономном округе количество коров в колхозах и совхозах в 1970 г. было на 13 % меньше, чем в 1965 г., тем не менее молока надоено на 9,5 % больше. В Усть-Ордынском Бурятском автономном округе уменьшение молочного стада составило 0,8 %, а прирост производства достиг 3 %. Увеличение надоев молока в указанных округах было получено за счет повышения продуктивности скота. В Бурятии и Туве, Горном Алтае и Хакасии повышение продуктивности мясного и молочного стада сопровождалось увеличением его поголовья: крупного рогатого скота — соответственно на 5, 18, 1 и 7 %, овец и коз — на 16, 23, 9 и 25 %.

Но в целом переход к интенсификации отрасли находился на самой начальной стадии. Механизация работ на животноводческих фермах только лишь разворачивалась. Доильными аппаратами в 1970 г. обслуживалось в Якутии 13 %, в Бурятии — 12 % общего поголовья коров. В Горном Алтае на фермах, оборудованных доильными установками,

находилось 24 % совхозного и всего 1 % колхозного молочного стада. Продуктивность скота хотя и выросла, но была все же очень низкой, значительно уступая как общесоюзным, так и среднерегionalным показателям. Так, среднегодовой надой на одну фуражную корову составлял в 1970 г. в Бурятии 1674 кг, в Туве — 1567, в Якутии — 1478 кг, т. е. соответственно на 24, 33 и 41 % меньше, чем в среднем по Восточной Сибири. Повышенные культуры земледелия повлекло за собой увеличение урожайности. Однако определяющими все же оставались погодные условия. В неурожайные годы зерновых собирали в 2—3 раза меньше, чем в урожайные. В неблагоприятные по погодным условиям годы происходили замедление или даже резкий спад производства сельскохозяйственной продукции. Так, в Туве валовая продукция сельского хозяйства в 1968 г. уменьшилась по сравнению с 1967 г. на 17 %. В Бурятии кризисным стал 1969 г., когда падение производства составило также 17 % (табл. 12). Однако в годы восьмой пятилетки вслед за падением следовал существенный подъем, в ходе которого уровень производства не только восстанавливался, но и возрастал по сравнению с кризисным годом.

В 70-е гг. в сельское хозяйство национальных районов Сибири по-прежнему вкладывались значительные средства. Капитальные вложе-

Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства в национальных районах Восточной Сибири в 1961—1988 гг., % к предыдущему году

Год	Валовая продукция сельского хозяйства			В том числе					
	Бурятия	Тува	Якутия	продукция животноводства			продукция растениеводства		
				Бурятия	Тува	Якутия	Бурятия	Тува	Якутия
1961	98	123	100	99	108	99	95	101	104
1962	108	106	103	102	111	107	123	101	90
1963	104	86	93	102	108	97	107	58	78
1964	108	104	99	101	95	99	123	127	97
1965	103	104	109	115	110	107	84	92	117
1966	108	131	96	102	118	94	122	150	106
1967	106	99	—	108	102	—	102	—	—
1968	101	83	—	99	102	—	107	45	—
1969	83	117	—	97	102	—	56	186	—
1970	123	102	—	107	100	—	178	108	—
1971	101	96	104	105	105	112	94	77	80
1972	99	114	108	105	101	114	85	154	83
1973	101	97	111	97	106	109	111	80	123
1974	102	89	101	107	99	97	90	62	119
1975	108	90	100	98	92	100	135	79	99
1976	89	114	99	93	103	100	81	183	92
1977	103	83	103	112	88	105	81	68	92
1978	106	104	102	107	111	102	103	74	101
1979	94	107	94	98	100	97	77	148	78
1980	87	95	105	88	89	102	83	120	124
1981	113	99	105	109	112	105	136	55	97
1982	114	106	100	104	97	99	156	170	104
1983	105	106	100	102	105	98	111	108	107
1984	96	105	104	98	100	106	91	123	91
1985	95	104	101	91	104	102	107	106	98
1986	113	109	100	112	107	99	115	114	99
1987	99	94	103	109	104	102	79	68	102
1988	110	100	106	105	99	103	123	105	122

ния по трем автономным республикам составили в 1971—1980 гг. почти 2,3 млрд руб. Развернулось строительство крупных животноводческих комплексов, возросло оснащение совхозов и колхозов более совершенной техникой, увеличились поставки минеральных удобрений. В результате фондовооруженность труда в сельском хозяйстве выросла в 1976—1980 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. в Бурятии в 2,7, в Туве — в 2,7, в Якутии — в 3,1 раза, а среднегодовая энерговооруженность труда — соответственно в 2,1, 2,0 и 2,6 раза (табл. 13, 14). Однако развитие материально-технической базы отрасли не соответствовало динамике роста сельскохозяйственного производства. В годы девятой пяти-

летки среднегодовые темпы прироста валовой продукции аграрного производства в сравнении с предыдущей пятилеткой составили в Хакасии 2,3 %, в Горном Алтае — 2,4 %, в Бурятии — 2, в Туве — 0,5 %. Лишь в Якутии темпы увеличения сельскохозяйственной продукции выросли с 2 до 3,2 %. В 1976—1980 гг. среднегодовые темпы прироста продукции в Якутии снизились до 1,4 %, в Горном Алтае — до 0,6 %. Среднегодовой уровень валовой продукции в Бурятии, Туве и Хакасии в годы десятой пятилетки по сравнению с девятой даже снизился: соответственно на 5,9 и 9 %.

Таким образом, стагнация аграрного производства во второй половине 70-х гг. распространилась на

Фондовооруженность труда в сельском хозяйстве в 1961—1985 гг. (в среднем за пятилетку) руб. на одного среднесписочного работника

Регион	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985
РСФСР	1587	2612	4621	8 200	12 205
Бурятская АССР	3418	3365	5492	9 000	12 240
Горно-Алтайская АО	2622 *	3463 *	4948 *	7 126 *	11 875 *
Тувинская АССР	2078	3021	5394	8 104	11 171
Якутская АССР	3156 *	3648 *	8463 *	11 300 *	12 717

* Данные на конец пятилетки.

Таблица 14

Энерговооруженность труда в сельском хозяйстве в 1961—1985 гг. (в среднем за пятилетку), л. с. на одного работающего

Регион	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985
РСФСР	7,9	11,4	18,1	29,5	38,5
Бурятская АССР	9,3	13,6	19,7	27,9	34,5
Тувинская АССР	—	12,2 *	16,2	24,2	25,4
Якутская АССР	5,1	8,1	13,0	20,7 **	24,3 ***

* В 1970 г.
 ** В 1980 г.
 *** В 1984 г.

Якутию и Горный Алтай. Застойными явлениями было поражено сельское хозяйство Агинского и Усть-Ордынского Бурятских национальных округов. А для Бурятии, Тувы и Хакасии в этот период стали характерны регрессивные явления. Регресс в сельском хозяйстве Тувы начался в 1973 г. Падение производства продолжалось три года и составило в 1975 г. 24 % от уровня 1972 г. Вслед за 14 %-ным подъемом в 1976 г. вновь последовал 17 %-ный спад (см. табл. 12). В Бурятии периодами резкого спада стали 1976 и 1979—1980 гг.: соответственно 11 и 19 % от уровня 1975 г. В Якутии, несмотря на продолжающийся медленный рост валовой продукции сельского хозяйства, в 1978—1980 гг. производительность труда уменьшилась на 11,5 %. В отличие от восьмой пятилетки спады стали более продолжительными, а следовавшие за ними подъемы не восстанавливали достигнутого пре-

де уровня. Наиболее подверженным кризисным явлением было растениеводство. Животноводство оказалось относительно более устойчивым благодаря его новым отраслям (свиноводству, птицеводству), в меньшей степени зависящим от климатических условий и состояния кормовой базы. В Якутии поголовье птицы в 1980 г. превышало уровень 1970 г. в 3,8 раза, а поголовье свиней — в 2,6 раза. Отсюда и несколько большая поступательность развития сельского хозяйства республики. Развивалось в Якутии и овощеводство закрытого грунта. В Бурятии и Туве прирост производства в указанных отраслях был меньшим: поголовье свиней увеличилось соответственно в 1,3 и 1,5 раза, птицы — в 1,7 и 1,3 раза.

Значительно ухудшились в 70-х гг. качественные показатели развития сельского хозяйства. Существенно снизилась фондоотдача. Если в годы

Фондоотдача в сельском хозяйстве в 1961—1985 гг. (в среднем за пятилетку), руб.

Регион	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985
РСФСР	1,97	1,64	1,09	0,63	0,46
Бурятская АССР	1,00	1,21	0,77	0,47	0,38
Тувинская АССР	1,38	1,26	0,69	0,37	0,27

восьмой пятилетки отдача каждого рубля стоимости основных производственных фондов составляла в Бурятии 1 р. 21 к., а в Туве — 1 р. 26 к., то в 1976—1980 гг. — соответственно 47 и 37 коп. (табл. 15). Себестоимость привеса крупного рогатого скота в Туве с 1970 по 1980 г. выросла с 1240 до 2830, овец — с 473 до 1840 руб. за тонну, себестоимость молока — с 247 до 433, шерсти — с 3862 до 8624 руб. за тонну. Во второй половине 70-х гг. во всех сибирских автономиях снизилась продуктивность крупного рогатого скота, овец, уменьшалась урожайность зерновых. Средний уровень рентабельности аграрного производства, который в годы восьмой пятилетки приобрел положительные значения (в 1970 г. он составлял в Бурятии 18,5 %, в Туве 28,7 %), в 1971—1975 гг. понизился в Бурятии до -3,1 %, в Туве до -6,4 %, а в 1976—1980 гг. — соответственно до -33,1 и -35,1 %. В Якутии уровень рентабельности совхозов по всей их финансово-хозяйственной деятельности составлял в 1970 г. 10,2 %. В последующем этот показатель стал отрицательным: в 1975 г. — 12,8, в 1980 г. — 21,3 %. Естественно, что вслед за падением рентабельности сельскохозяйственного производства увеличивалось число убыточных хозяйств. Если в 1970 г. их удельный вес от общего числа колхозов и совхозов составлял в Бурятии 25 %, в Туве — 20, то в 1980 г. — соответственно 96 и 89 %.

Причин низкой эффективности сельского хозяйства в национальных районах Сибири много. Прежде всего значительно снизились темпы

прироста капиталовложений во второй половине 70-х гг. Кроме того, все в большей степени они «съедались» удорожанием машин, строительства, капитального ремонта.

Техника, поставляемая в колхозы и совхозы сибирских автономий, не отвечала местным почвенным и климатическим условиям. Бесхозяйственность вела к сокращению амортизационного срока ее службы. Централизованные поставки, без строгого учета потребности, часто приводили к затовариванию, снижению коэффициента использования. А плохо поставленная организация ремонта и особенно обеспечения запасными частями повсеместно способствовала разукomплектованию техники. Так, проведенный осенью 1978 г. рейд проверки состояния техники обнаружил на территории колхоза «Победа» Еравнинского района Бурятской АССР 12 разукomплектованных комбайнов, несколько тракторов, в том числе совсем еще новые К-700, тракторных тележек к ним и немало другой техники. Зато ответственных за эту бесхозяйственность обнаружено не было. Почти весь сельскохозяйственный инвентарь зимой и летом находился под открытым небом. Самоходные комбайны, молотилки, сеялки и другая техника зимовали под снегом. Естественно, срок службы инвентаря сокращался в три-четыре раза, резко снижались производительность и качество работы перезимованшей таким образом техники. Эффективность использования машинно-тракторного парка была низкой. В Якутии в 1982 г. простой тракторов по организационным и техническим причинам пре-

высили 16 % отработанного времени, а в некоторых районах 24—29 %⁶.

Низкой оставалась эффективность мелиорированных земель. В 1982 г. в Хакасии из 45,2 тыс. га орошаемых земель с современной инженерной сетью около 8 тыс. га не были обеспечены водой. На многих участках урожайность оказалась значительно ниже проектной и составила всего 19 ц корм. ед. с 1 га⁷. Излишнее увлечение гидротехнической мелиорацией, не приводя к сколько-нибудь существенному увеличению урожайности, замедляло совершенствование агротехники так называемого сухого земледелия, внедрение интенсивных технологий. В начале 80-х гг. в Хакасии на 1 га пашни вносилось менее 2 т органических удобрений вместо необходимых 5—10 т, что отрицательно сказывалось не только на урожайности, но и на состоянии почвы, так как жидкая органика играет важную роль при восстановлении ее структуры. В Бурятии в этот же период в расчете на 1 га вносилось лишь 30 кг минеральных удобрений в действующем веществе, что было намного меньше оптимального количества.

Недостатки в развитии растениеводства сказывались на состоянии кормовой базы животноводства, которая отставала от темпов роста поголовья скота. Расход кормов на одну условную голову крупного рогатого скота во второй половине 70-х гг. составлял в Хакасии 23 ц корм. ед., в Бурятии 19—21, в Туве — 17—22 ц корм. ед., в то время как для достижения высокой продуктивности необходимо было иметь 35—40 ц корм. ед. Низкий уровень кормовой базы приводил к большим потерям от падежа. Громоздкие животноводческие комплексы, сооружением которых увлекались в 70-е гг. под флагом концентрации производства, были зачастую малоэффективны из-за отсутствия устойчивой кормовой

базы, низкой породности животных (комплексы рассчитаны на высокопродуктивных животных, приспособленных к промышленной технологии производства), дефицита квалифицированных кадров. Вследствие неудовлетворительной организации выращивания, откорма и содержания скота допускалась сдача мелковесных и неупитанных животных, на молочных комплексах продуктивность коров была нередко ниже, чем на обычных фермах, а себестоимость продукции выше. В 1980 г. удельный вес чистопородного скота в Туве составлял по крупному рогатому скоту в целом 5,9 %, по коровам — 3,7, по овцам — 12,7 %. Уровень механизации животноводства, хотя и значительно вырос за 70-е гг., все же оставался низким и уступал аналогичным показателям как в целом по стране, так и по региону. В 1980 г. на фермах с комплексной механизацией обслуживалось в Бурятии 10 %, в Туве — 5, в Якутии — 4 % поголовья крупного рогатого скота на откорме. На молочно-товарных фермах эти показатели составляли соответственно 21, 26 и 7 %. В целом по Восточной Сибири на фермах с комплексной механизацией находилось 30 % крупного рогатого скота на откорме и 44 % молочного стада (по РСФСР — соответственно 41 и 59 %).

Однако дело было не только и не столько в уровне механизации. Главная причина застойных и регрессивных явлений заключалась в отчуждении работников сельского хозяйства от собственности, в потере ими чувства хозяина, совладельца. Отсюда бесхозяйственность, низкий уровень трудовой и технологической дисциплины, которые действовали на аграрное производство особенно деструктивно.

В 80-е гг. динамика развития сельского хозяйства в национальных районах Сибири приобрела положительную направленность. Капитальные вложения в сельское хозяйство Бурятии, Тувы и Якутии за 1981—1985 гг. составили 1,9 млрд руб.,

⁶ Правда Бурятии.— 1978.— 15 нояб.

⁷ Советская Хакасия.— 1983.— 29 янв.

т. е. увеличились на 22,3 % по сравнению с 1976—1980 гг. Стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения в Туве повысилась на 43 %, в Якутии — на 38, в Бурятии — на 31 %. Падение валового производства сменилось его медленным ростом. Среднегодовой уровень валовой продукции в годы одиннадцатой пятилетки по сравнению с десятой вырос в Якутии на 14 %, в Бурятии и Хакасии — на 12, в Туве — на 6, в Горном Алтае — на 3 %. Прирост валовой сельскохозяйственной продукции в 1986—1988 г. по сравнению с 1981—1985 гг. составил в Бурятии 14 %, в Туве — 15, в Хакасии — 16, в Якутии — 6 %. Увеличились в 80-е гг. и государственные заготовки продукции растениеводства и животноводства. По трем автономным республикам в 1981—1988 гг. закупки скота и птицы в среднегодовом исчислении увеличились по сравнению с 1976—1980 гг. на 10,2 %, молока — на 14,5, яиц — на 54,5 %, а закупки зерна — в 2,5 раза (табл. 16). Преодолению регрессивных явлений в аграрном производстве сибирских автономий способствовал в первую очередь ряд мер по экономическому укреплению колхозов и совхозов. Существенно повысились государственные закупочные цены. Вследствие этого значительно уменьшилось количество убыточных предприятий. Если в 1980 г. число прибыльных колхозов и совхозов составляло в Бурятии 7 из 159, в Туве — 7 из 66, в Якутии — 11 из 88, то в 1985 г. убыточных хозяйств в указанных республиках насчитывалось соответственно 41, 12 и 27, а в 1988 г. с прибылью закончили все сельскохозяйственные предприятия.

Все более широко стали использоваться интенсивные методы ведения земледелия. Внедрялись его зональные системы, пересматривалась в сторону увеличения чистых паров структура посевов. В Хакасии посевы яровой пшеницы, возделываемой по интенсивной технологии, в 1986 г.

составляли уже две трети ее площади. Это обеспечило прибавку в 46 тыс. т зерна. Повысился в автономной области и уровень использования удобрений: в 1987 г. по сравнению с 1980 г. внесение на 1 га посева минеральных веществ было увеличено на 26,7 %, а органических — на 135,7 %. Интенсификация растениеводства и относительно благоприятные погодные условия привели к увеличению сборов зерновых и кормовых культур, картофеля, овошей. Рост производства животноводческой продукции был достигнут благодаря стабильному поступательному развитию свиноводства и птицеводства. Так, поголовье свиней по трем автономным республикам, двум автономным областям, Агинскому и Усть-Ордынскому Бурятским автономным округам в 1985 г. было большим, чем в 1980 г., на 19 %, поголовье же крупного рогатого скота за этот период увеличилось всего на 5,8 %, а поголовье овец и коз даже сократилось. Среднегодовое производство яиц по Бурятии, Туве и Якутии, вместе взятым, в 1981—1985 гг. выросло по сравнению с предыдущим пятилетием на 34,7 %, а в 1986—1988 гг. — еще на 30,1 %.

Улучшению положения в сельском хозяйстве содействовало и более активное развитие хозрасчетных отношений. С 1983 г. началось массовое внедрение коллективного, а с 1988 г. — арендного подряда. В 1985 г. за подрядными подразделениями в Бурятии было закреплено 67 % пашни, в Туве — 53, в 1987 г. — соответственно 90 и 76 %. В 1987 г. на подряде работало в Бурятии 73 % работников растениеводства и 67 % работников животноводства, в Туве — соответственно 66 и 42 %. В аграрном секторе Хакасии к 1989 г. функционировало 27 производственных кооперативов, 12 коллективов интенсивных технологий, 208 арендных бригад и звеньев; в каждом втором хозяйстве применены внутривладельческие расчетные цены. Коллективным и арендным подрядом были

Т а б л и ц а 16

Государственные закупки сельскохозяйственной продукции в период с 1971 по 1988 г. (в среднем за год)

АССР	1971—1975	1976—1980	1981—1985	1986—1988
Зерно, тыс. т.				
Бурятская	82,8	16,1	73,4	65,0
Тувинская	58,5	22,2	15,8	43,7
Якутская	1,3	0,5	0,7	0,3
Скот и птица (в живом весе), тыс. т				
Бурятская	63,9	61,7	63,0	78,9
Тувинская	27,5	23,5	24,8	27,9
Якутская	48,5	48,6	50,9	55,3
Молоко, тыс. т				
Бурятская	124,3	135,0	128,6	162,5
Тувинская	24,9	25,8	29,2	35,4
Якутская	114,4	133,7	159,7	171,9
Яйца, млн шт.				
Бурятская	84,5	122,6	151,6	208,5
Тувинская	—	10,9	25,3	43,3
Якутская	17,0	51,5	77,5	86,6

охвачены 98 % пашни автономной области, 3/4 поголовья крупного рогатого скота. Согласно официальным данным, полностью на основе подрядных отношений работали овцеводство, свиноводство и птицеводство. Вместе с тем процессу развития подряда и аренды в национальных районах Сибири были свойственны те же недостатки, что и в целом по региону и стране: кампанейщина, формальный подход к делу, несоответствие официальных данных реальному положению дел.

Следствием внедрения хозрасчетных отношений в сельское хозяйство стало повышение производительности и уменьшение затрат труда. Так, прямые затраты труда на производство 1 ц привеса крупного рогатого скота в 1986—1987 гг. были меньше, чем в 1981—1985 гг., в Бурятии на 24,5 %, в Туве — на 22,6, на производство 1 ц молока — соответственно на 19,1 и 14,0 %.

В целях совершенствования структуры управления и развития хозрасчетных отношений в конце 80-х гг. в национальных районах Сибири были созданы агропромкомбинаты «Ха-

касия», «Горный Алтай», «Север».

В агрокомбинат «Север» вошли 35 совхозов 15 северных районов Якутии, пять рыбзаводов, колхоз «Арктика», межхозяйственный трест «Североагропромстрой», сувенирная фабрика «Сардана» и некоторые другие предприятия. Создание агрокомбината, на долю которого приходится 52 % среднереспубликанской добычи пушнины и 30 % производства мяса, позволило в двух районах упразднить РАПО, а в 11 — управления сельского хозяйства. Весь аппарат управления комбинатом насчитывает 65 чел.

Значительно большее внимание, чем в предыдущий период, в 80-е годы стало уделяться развитию личного подсобного хозяйства. Так, в Туве за 1981—1985 гг. поголовье крупного рогатого скота в ЛПХ увеличилось на 48 %, свиней — на 38, овец и коз — на 26, лошадей — на 53 %. Если в 1987 г. на 100 семей колхозников в Бурятии приходилось 170 голов молодняка крупного рогатого скота и 339 голов свиней, то в 1988 г. уже соответственно 185 и 365. С 1989 г. в Якутии стала ак-

тивно развиваться кооперация личных подсобных хозяйств с общественным производством на договорных началах. По инициативе общественности создано 25 таких кооперативов. Кооперативам выделяются сенокосные угодья, пашня. За ними закрепляется техника.

Однако радикальных перемен в аграрном производстве сибирских автономий в 80-е годы не произошло. Темпы прироста сельхозпродукции оставались низкими. В 1981—1985 гг. по трем автономным республикам в расчете на год они составляли 2,4 %, увеличившись в 1986—1988 гг. до 3,8 %. Причем если растениеводство благодаря более благоприятным, чем во второй половине 70-х гг., погодным условиям развивалось относительно динамично (среднегодовые темпы роста по Бурятии, Туве и Якутии в 1981—1985 гг. — 6,7 %, в 1986—1988 гг. — 5 %), то животноводство практического «топталось» на месте (среднегодовые темпы роста по тем же автономиям соответственно 1,4 и 3,3 %). Уровень валовой продукции сельского хозяйства 1972 г. в Туве был достигнут лишь в 1986 г. В Бурятии размеры животноводческой продукции 1978 г. были превзойдены также в 1986 г. В 1981—1985 гг. в Туве и Усть-Ордынском Бурятском автономном округе было произведено меньше мяса, в Бурятии меньше молока, в Бурятии и Туве меньше шерсти, чем в 1976—1980 гг. Сокращение производства шерсти продолжилось и в 1986—1988 гг.

Существенно не улучшились и многие качественные показатели развития сельского хозяйства национальных районов. Произошло дальнейшее снижение фондоотдачи (см. табл. 15). Себестоимость производства молока и мяса увеличилась в одиннадцатой пятилетке в Туве и Бурятии на 32 %. Рост себестоимости продолжился и в конце 80-х гг. В этой связи рентабельность, хотя и приобрела положительные значения, оставалась низкой (по Буря-

тии, Туве и Якутии в среднем за 1981—1985 гг. соответственно +3,7, +5,9 и +2,3). Невысокой оставалась и продуктивность животных. В 1988 г. от одной коровы в год в среднем получали в Бурятии 2242 кг, в Туве — 1778, в Якутии — 1795 кг.

Таким образом, за последние тридцать лет сельское хозяйство национальных районов Сибири прошло в своем развитии ряд этапов. Относительно быстрое поступательное развитие в 60-х — начале 70-х гг. достигалось вначале (1960—1965 гг.) преимущественно за счет экстенсивных факторов, а затем (в 1966—начале 1970-х гг.) за счет резкого увеличения капиталовложений и более широкого использования экономических стимулов. Время с середины 1970-х до 1980 г. включительно определяется ярко выраженными стагнационными и регрессивными явлениями. С начала 80-х гг. начинается медленное преодоление неблагоприятных тенденций в развитии сельского хозяйства. Некоторое несовпадение временных границ отдельных этапов развития сельского хозяйства сибирских автономий и региона в целом связано с его структурными и отраслевыми особенностями (и прежде всего относительно большим удельным весом животноводства), специфическими природно-климатическими условиями.

Достигнутый к концу 80-х гг. уровень развития аграрного производства национальных районов Сибири далеко не отвечает их потребностям в продовольственном обеспечении. Удастся ли в последующие годы достичь ускорения развития сельского хозяйства, зависит от радикальности изменений всей сферы аграрного производства, но прежде всего производственных отношений. Сельскохозяйственный потенциал сибирских автономий может быть раскрыт лишь на путях преодоления отчужденности тружеников села от средств и результатов труда, их включения в отношения собственности.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1. Материальное благосостояние

Основные тенденции развития сферы материального благосостояния национальных районов Сибири совпадали с общесоюзными, но их проявление осложнялось природно-географическими, социально-экономическими, национально-этническими и другими особенностями и имело характерную специфику.

Наиболее полным показателем материального благосостояния населения выступает совокупный доход. Для сельского жителя его возрастанию как долговременной тенденции способствует увеличение оплаты труда в общественном хозяйстве, повышение доходов от личного подсобного хозяйства и введение ряда выплат и льгот из общественных фондов потребления. В целом с середины 60-х и до 80-х гг. совокупный душевой доход сельского населения всех автономий Сибири повысился примерно в 2—3 раза. Однако его рост был неравномерным. Повышение доходов во второй половине 50-х гг. в связи с изменениями в социальной политике сменилось замедлением их роста и даже сокращением в ряде районов в первой половине 60-х гг. После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК партии и последовавших за ним мероприятий, о которых говорилось ранее, повсеместно начался подъем материального уровня жизни населения, который с 80-х гг. значительно замедлился (табл. 17).

С 1975 по 1985 г. совокупный доход сельской семьи в Бурятии увеличился на 18 % (колхозников — на 28 %), в Туве — на 26 %. В 70—80-е гг. доход сельского жителя Тувы отставал от средних показателей по РСФСР на 7—9 %, в Бурятии находился примерно на среднереспубликанском уровне, а в Якутии значительно превышал его.

Уровень дохода сельского жителя этих регионов был ниже, чем городского, приблизительно на 12—14 %¹. Вместе с тем в 80-е гг. материальное положение осложнялось инфляционными процессами, а также хроническим, все обостряющимся дефицитом потребительских товаров.

Среди факторов, от которых зависели увеличение доходов и благосостояние людей, решающую роль играла оплата их труда в общественном хозяйстве. За 20 лет среднемесячная оплата работников сельскохозяйственного производства национальных районов выросла примерно в 2,5—3 раза и составляла в 1986 г. в Туве 162 руб., в Бурятии и Хакасии — около 200, в Якутии в 1985 г. — 312 руб. (Высокая оплата труда в Якутии объяснялась распространением на всех занятых в сельском хозяйстве, ставших со второй половины рассматриваемого периода работниками совхозов, положения о дополнительных начислениях к окладу и тарифной ставке районных коэффициентов и северных надбавок). С повсеместным введением в колхозах гарантированной денежной оплаты оплата труда колхозников резко возросла. Так, в Бурятии с 1965 по 1987 г. она увеличилась с 64 до 212 руб. (в РСФСР — с 50 до 246,8 руб.)². Доля оплаты по труду в совокупном доходе семьи сельского жителя колебалась от 80 до 86 %,

¹ Рассчитано по данным бюджетных обследований.

² Труд и оплата труда в колхозах за 1987 год. — М., 1988. — С. 60, 62, 96—97; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.). — Якутск, 1986. — С. 87; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.): Стат. сборник. — Улан-Удэ, 1986. — С. 6—7; Советская Тува в цифрах: Стат. сборник. — Кызыл, 1984. — С. 113; расчетные данные — по материалам Агропрома РСФСР.

Таблица 17

Динамика совокупного душевого дохода сельского жителя и колхозника с 1975 по 1985 г., % *

Регион	Сельский житель		Колхозник	
	1981 к 1975	1985 к 1981	1981 к 1975	1985 к 1981
Бурятия	146,8	98,8	144,3	103,3
Тува **	120,7	106,9	—	—

* Таблицы 17—19 составлены по материалам бюджетных обследований.

** Для Тувы данные по колхозникам не приводятся в связи с преобразованием в республике к этому времени всех колхозов в совхозы.

а семьи колхозника — от 70 до 80 % (табл. 18).

Повышалась также доля общественных фондов потребления (ОФП) в доходах всего сельского населения, в том числе колхозников. Выплаты из ОФП распределялись главным образом наименее обеспеченным группам населения, что повышало их социальную защищенность. Заметной статьёй дохода стали пенсии и пособия. В 70—80-е гг. государством был осуществлен ряд мер, направленных на повышение размера пенсий. С 1975 по 1985 г. средний размер месячной пенсии членам колхозов возрос в автономиях с 27 до 40 руб. По данным на 1988 г., в целом по стране средний размер пенсии у колхозников составил 54 руб., а минимальный — 40, у рабочих и служащих — соответственно 86 и 56 руб. Хотя пенсии колхозникам повышались, они значительно отставали от пенсий рабочих и служащих. В условиях экономических трудностей, дефицита, падения стоимости рубля пенсионеры оказались наименее защищенной группой населения. Разрыв между уровнем жизни пенсионеров и работающего населения возрастал. С введением в действие закона «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения» материальное положение пенсионеров улучшилось (минимальный размер пенсии по возрасту был уве-

личен до 70 руб.), устанавливались единые условия и нормы пенсионного обеспечения рабочих, служащих и членов колхозов. Работа в колхозе давала такое же право на пенсию, как и работа в государственном секторе³.

Материальное благосостояние сельских жителей зависело не только от их трудового вклада в общественное производство и поступлений от ОФП, но и от состояния личных подсобных хозяйств. В структуре совокупного дохода сельского жителя на долю поступлений от ЛПХ приходилось в 1975 г. в Бурятии 9,6 %, в Туве — 4,9, в 1985 г. — соответственно 6,9 и 9,1 %. У колхозников удельный вес ЛПХ в совокупном доходе был значительно выше. В Бурятии в 1975 г. он составлял 19,5 %, в 1985 г. — 16,5 %.

Из-за суровых природно-климатических условий ЛПХ жителей автономий ориентировались в основном на содержание скота и птицы, выращивание картофеля и овощей было делом нелегким и не нашло широкого распространения. Численность скота в ЛПХ национальных районов значительно превышала средние данные по РСФСР, а размер участка, занятого огородом и садом, был меньше. Так, в ЛПХ колхозников Бурятии на 100 семей в 1984 г. приходилось 175 голов крупного рогатого скота, свиней — 165, овец и коз — 204, в РСФСР — соответственно 115, 95 и 183. С середины 80-х гг. в ЛПХ сельского населения автономий Сибири отмечается некоторый рост поголовья скота. В 1988 г. в ЛПХ колхозников Бурятии на 100 семей насчитывалось 284 головы крупного рогатого скота, 365 свиней и 239 коз и овец.

С повышением совокупного дохода возрастала покупательная способность населения, увеличивался и объем товарооборота. За 1960—1987 гг. объем товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание,

³ Известия. — 1989. — 4 авг.

Структура совокупного дохода сельского населения и колхозников, %

Группа населения	1975 г.				1981 г.				1985 г.			
	Зарплата*	Выплаты из ОФП	Доход от ЛПХ	Прочие доходы	Зарплата*	Выплаты из ОФП	Доход от ЛПХ	Прочие доходы	Зарплата*	Выплаты из ОФП	Доход от ЛПХ	Прочие доходы
Бурятия												
Все сельское население	79,0	6,9	9,6	4,5	85,6	4,5	7,3	2,6	80,5	8,9	6,9	3,7
В том числе колхозники	71,5	7,8	19,5	1,2	79,9	7,1	11,1	1,9	68,5	12,6	16,5	2,4
Тува												
Все сельское население	86,2	4,8	4,9	4,1	85,2	5,8	6,0	3,0	80,5	6,1	9,1	4,3
В том числе колхозники	70,5	7,5	14,4	7,6	—	—	—	—	—	—	—	—

* Для колхозников — оплата по труду.

увеличился в Горном Алтае в 4 раза, в Бурятии — в 4,6, в Туве — в 5,3, в Хакасии — в 4,3, в Якутии — в 5,7 раза (в РСФСР — в 4 раза). Однако доля товарооборота торговли в сельской местности в общем его объеме снизилась за двадцать лет (1965—1985 гг.) в Бурятии с 45 до 33 %, в Туве — с 42 до 39 и в Якутии — с 32 до 24 %⁴. Кроме того, торговля развивалась преимущественно в крупных центрах. Сельские районы обслуживались, как правило, системой потребкооперации, которая находилась в значительно худших материально-технических условиях и имела низкий норматив фондов по сравнению с торговыми организациями городских поселений. Относительно слабое развитие торговой сети на селе, неудовлетворенность платежеспособного спроса в условиях общего роста доходов способствовали

увеличению денежных сбережений: с 1970 по 1985 г. число вкладов в сельской местности Бурятии увеличилось в 1,5 раза, а их сумма возросла в 3 раза, в Якутии отмечен рост соответственно в 3 и 4 раза.

На фоне сложившихся трудностей со снабжением продуктами питания (особенно в 70—80-е гг.) сельские жители практически были лишены возможности покупать их по государственной розничной цене. А ставшие остродефицитными мясо и масло из-за крайне низких нормативов выделения селу фондов почти не продавались в сельской сети розничной торговли, если не считать отпуск их по строгим спискам 2—3 раза в году. Примерно с 1986 г. в магазинах потребкооперации стали появляться мясопродукты по расценкам, превышающим государственные розничные цены в 2—3 раза. В 1989 г. в рассматриваемых районах Сибири, как и в целом по стране, ситуация на потребительском рынке еще более осложнилась. Поставка продуктов питания населению осталась на уровне 1987 г. Особенно напряженное положение сохранялось с мясными и

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: Стат. ежегодник.— М., 1988.— С. 389—392; Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке...— С. 118; Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке: Стат. сборник.— Кызыл, 1981.— С. 158; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке...— С. 94.

молочными продуктами⁵. Поскольку не все сельчане имели личные подсобные хозяйства, такое положение создавало серьезную социальную проблему.

Характерные черты потребления отражает рассчитанная на 1980 г. по материалам социального обследования сельских семей центральной зоны Якутии примерная структура годовых расходов⁶.

Статья расходов	%
Продукты питания	21,5
Одежда, обувь, белье, ткани	19,0
Мебель, хозяйственные и культурно-бытовые товары, транспортные средства	7,0
Винно-водочные, табачные изделия	10,7
Оплата жилищно-бытовых, транспортных и культурных услуг	7,6
Расходы, не связанные с потреблением (налоги, взносы, страховые платежи и др.)	11,4
Накопление	5,1
Расходы, связанные с содержанием жилищ, личного подсобного хозяйства и др.	17,7

Тенденции в расходах сельских жителей автономий в основном совпадали с отмеченными у сельского населения РСФСР — расходы на питание сокращались, на приобретение промышленных товаров, особенно длительного пользования, увеличивались. Традиционно размеры потребления населением автономий многих продуктов были существенно ниже среднереспубликанских. В 1980 г. Якутия отставала от РСФСР по потреблению на одного человека рыбы и рыбопродуктов на 44 %, картофеля — на 87, овощей — на 35, яиц — на 30, мяса и мясопродуктов — на 4 %, а Тува — соответственно на 61, 76, 50, 60 и 16 %⁷.

Удельный вес реализованных непродовольственных товаров поднялся

в Якутии с 34 % в 1965 г. до 48 % в 1985 г. В Горном Алтае с 1965 по 1980 г. только через потребкооперацию продажа населению телевизоров увеличилась в 17,7 раза, радиоприемников и радиол — в 1,6, холодильников — в 13,8, стиральных машин — в 3,0, часов — в 1,9, швейных машин — в 1,7, легковых автомобилей — в 25,7, мотоциклов и мотороллеров — в 1,7, велосипедов и мопедов — в 1,7, пианино — в 2,5 раза. В результате расширения продажи промышленных товаров и распространения на селе городских стандартов потребления обеспеченность сельских жителей многими предметами длительного пользования приблизилась к средним показателям РСФСР, а по некоторым — стиральные и швейные машины, мотоциклы, пылесосы, мотороллеры, велосипеды, фотоаппараты — даже превысила их (табл. 19). Однако потребности населения в этих и других товарах (бытовой технике, радиотелеаппаратуре, строительных материалах, предметах гардероба) удовлетворялись все в меньшей степени, так как названные товары практически отсутствовали в свободной продаже. По данным за 1989 г., из 275 видов товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения в свободной продаже было лишь 10 %. Список дефицита увеличивался и включал в себя уже почти все: от обуви до ниток.

В 60—80-е гг. в системе расселения сельских жителей национальных районов Сибири в связи с созданием многоотраслевых совхозов, колхозов и опытно-показательных хозяйств осуществлялись укрупнение поселений, планомерная их застройка и благоустройство. Строительство стали вести по типовым проектам специализированные сельские строительные организации. Выделялись жилые зоны и центральные усадьбы, где сосредоточивались общественные и культурные учреждения. Широкое развитие общественного животноводства, особенно мясомолочного, а также овцеводства с применением отгонно-пастбищной системы содержания

⁵ Аргунов И. А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР.— Якутск, 1988.— С. 193.

⁶ Там же.— С. 189.

⁷ Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке...— С. 166; Народное хозяйство в РСФСР в 1980 г.: Стат. ежегодник.— М., 1981.— С. 246; Аргунов И. А. Социальная сфера...— С. 193.

Обеспеченность сельского населения, в том числе колхозников, предметами длительного пользования в 1975 г., штук, в расчете на 100 семей

Предметы	РСФСР		Бурятская АССР		Тувинская АССР		Якутская АССР
	Семьи, проживающие в сельской местности	Семьи колхозников	Семьи, проживающие в сельской местности	Семьи колхозников	Семьи, проживающие в сельской местности	Семьи колхозников	Семьи, проживающие в сельской местности
Телевизоры	78	67	50	60	37	1	28
Магнитофоны	10	3	6	3	6	2	25
Холодильники	51	25	42	36	49	10	55
Стиральные машины	81	67	85	88	72	44	86
Пылесосы	13	3	13	10	11	15	38
Швейные машины	64	66	72	89	68	63	75
Автомобили	5	3	6	1	3	2	6
Мотоциклы, мотороллеры	23	18	36	29	25	10	24
Мопеды, велосипеды	27	39	22	27	12	8	36
Фотоаппараты	12	5	12	9	14	4	26

скота способствовало сохранению в отдаленных районах Горного Алтая, Тувы и Северной Якутии малых поселений — зон размещения гуртов, ферм и кормовых баз.

Сельское жилищное строительство велось сравнительно высокими темпами. Так, в Бурятии за 1966—1970 гг. было введено в действие 612 тыс. м², за 1971—1975 гг. — 642 тыс., за 1976—1980 гг. — 645 тыс., за 1981—1985 гг. — 846 тыс. м², в том числе колхозами и межколхозными организациями с 1966 по 1985 г. было построено 14 % жилья, а населением за свой счет и с помощью государственного кредита — 10 %. В сельской местности национальных районов в конце 60-х — 70-х гг. произошло сокращение индивидуального строительства. В 80-е гг. его объемы снова увеличились благодаря росту денежных доходов населения, предоставлению ему государственных кредитов, оказанию помощи со стороны совхозов, колхозов, предприятий и организаций. Так, в Бурятии строительство жилых домов за счет граждан и государственных кредитов в 1980 г. составило 6,3 тыс. м², в 1981 г. — 10,0 тыс., в 1983 г. — 13,1 тыс., в 1985 г. — 10,4 тыс. м²;

в Якутии — соответственно 1,9 тыс., 2,1 тыс., 2,2 тыс. и 2,3 тыс. м². Тем не менее в структуре сельского жилищного фонда доля общественного жилья была высока и составляла, по данным на 1987 г., в Туве 79,0 %, в Бурятии и Якутии — по 71,0 %.

В 80-е гг. обеспеченность сельского населения жилой площадью возросла: в 1980 г. на одного сельского жителя в Бурятии приходилось 11,1 м² общей площади, в 1987 г. — 14,3, в Туве — соответственно 8,0 и 10,3, в Якутии — 9,7 и 14,5 м²; в 1985 г. средняя обеспеченность сельского жителя Хакасии жилой площадью составляла 13,7 м², тогда как в 1964 г. — только 6 м² общей площади⁸. По обеспеченности жилой площадью на одного человека жители сел сравнялись с горожанами, но на селе значительно отставала благоустроенность жилья. В суровых природных условиях особенно необходимы центральное отопление, канали-

⁸ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке...—С. 108; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке...—С. 112; Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР.—М., 1988.—С. 157, 160.

зация, водопровод. Между тем, например, в сельской местности Бурятии во второй половине 80-х гг. доля благоустроенного жилого фонда составляла всего 15 %. В Якутии уровень благоустройства жилищной инфраструктуры сел был в 3—5 раз ниже, чем городов и рабочих поселков. Из 716 сельских населенных пунктов только пять имели водопровод, два — канализацию, три были подключены к газовой сети. Системой центрального отопления было охвачено немногим более трети обобщественного жилого фонда. Все жильцы индивидуальных построек, составлявшие две трети от всего сельского населения республики, пользовались печным отоплением. Многие постройки на селе — больницы, школы, жилые дома, клубы — относились к довоенному времени.

Жилищная проблема в национальных районах, несмотря на сдвиги, по-прежнему оставалась острой. Низкая обеспеченность населения жильем отрицательно сказывалась на привлечении и закреплении квалифицированных кадров и молодежи на селе. Так, если площадь, приходившаяся на одного сельского жителя в 1987 г. в целом по РСФСР, принять за 100 %, то в Туве она равнялась 58,5, в Якутии — 82,4, в Бурятии — 81,2 %. По обеспеченности жильем сельского населения Бурятия стояла на 59-м месте в РСФСР (из 70 сельских территорий), Якутия — на 58-м, Тува на 70-м⁹. Такая ситуация сложилась прежде всего потому, что в процессе формирования новой социальной сферы сельские районы национальных автономий Сибири не располагали на старте ни материально-техническими возможностями, ни соответствующими кадрами. К 80-м гг. индустриально-техническая база сельского строительства все еще находилась на стадии формирования, во многих районах отсутствовали надежные источники энерго- и теплоснабжения жилищного фонда, не бы-

ли разработаны и внедрены в практику массового строительства модели благоустроенных сельских жилищных комплексов, усадеб, многоквартирных жилых домов. Нарращивание жилого фонда в сельских районах шло преимущественно за счет прироста не имеющих никаких элементов современного благоустройства частных деревянных жилищ.

При решении жилищной проблемы на селе необходимо не только ускорить темпы строительства и коммунального обустройства, но и существенно повысить их качество, обеспечить жилища теплом на базе электроэнергетики, наладить серийное производство водонагревательных установок, работающих на электричестве. Селу нужны универсальные экономичные водоочистные и водонапорные сооружения, компактные водопроводные системы. Село целесообразно застраивать преимущественно домами усадебного типа с хорошей внутренней планировкой, водопроводом, канализацией, с удобно расположенными подсобными помещениями и приусадебными участками.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции для национальных районов Сибири разработаны комплексные программы «Жилье-2000 г.», реализация которых позволит обеспечить каждую сельскую семью отдельной благоустроенной квартирой или домом. Постоянное наращивание темпов жилищного строительства выступает важнейшей задачей и в «Программе социального развития села», принятой СМ СССР 5 апреля 1989 г.¹⁰, где говорится о необходимости довести в 2000 г. обеспеченность жильем одного сельского жителя в среднем по стране до 21 м² общей площади и повысить комфортность жилищного фонда.

Важным показателем уровня жизни выступает состояние дорог. Сельские местности национальных районов Сибири страдали от бездорожья в весенне-осеннюю распутицу, и толь-

⁹ Показатели социального развития...— С. 157.

¹⁰ Правда.— 1989.— 13 апр.

ко зимой устанавливалась устойчивая связь между населенными пунктами. Лишь с 80-х гг. в значительных масштабах стало осуществляться строительство внутрихозяйственных дорог в колхозах и совхозах. В 1985 г. в Бурятии было построено 27 км дорог, в Туве — 35 и в Якутии — 103 км. Однако планы дорожного строительства выполнялись в лучшем случае на 20—25 %.

Рассматриваемые годы характеризовались изменениями и в бытовом обслуживании сельского населения национальных районов Сибири. По существу, в 60—80-е гг. здесь только начинала создаваться сеть бытовых учреждений. До этого бытовыми услугами сельскому населению занимались в основном предприятия промышленной и отчасти потребительской кооперации. Они ограничивались преимущественно пошивом и частичным ремонтом одежды и обуви, доставкой топлива, изготовлением некоторого хозяйственного инвентаря.

В конце 60-х — начале 70-х гг. в сельской местности возникли бытовые комбинаты, выполнявшие такие услуги, как химчистка, крашение и стирка одежды, прокат бытовой техники, ремонт обуви, индивидуальный пошив одежды. Появились услуги, отражавшие специфику сельского образа жизни: ремонт и строительство жилья, переработка сельскохозяйственной продукции, транспортные услуги. Для культурно-бытового обслуживания тружеников, проживающих и работающих вдали от центральных усадеб колхозов и совхозов, стали использоваться передвижные приемные пункты, принимающие заказы на полевых станах и фермах, а также комплексные приемные пункты, осуществляющие обслуживание по кольцевому маршруту. С 1971 по 1980 г. число оказываемых сельским жителям Тувы бытовых услуг возросло на 78 видов и составило к 1981 г. 350. За 1966—1975 гг. в Бурятии было построено свыше 40 предприятий бытового обслуживания, в том числе 26 комбинатов быта в сельской мест-

ности, 3 предприятия химчистки и крашения одежды; открыто 84 комплексных приемных пункта. Объем бытовых услуг, предоставляемых сельскому населению, увеличился более чем в 10 раз. В 1985 г. в сельской местности Бурятии работали 365 ателье и мастерских, 298 приемных пунктов, ими было выполнено бытовых услуг на 9 тыс. руб., в том числе ремонт и пошив одежды — на 1,8 тыс. руб., ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовых машин, транспортных средств — на 485 руб., ремонт и изготовление мебели — на 1 тыс. руб. Несмотря на происходившие изменения, республика по объему бытовых услуг на одного жителя на протяжении многих лет занимала среди областей РСФСР 68-е место.

Быстрый рост спроса на бытовые услуги потребовал создания новых предприятий, оснащения их современными техническими средствами, внедрения прогрессивных форм обслуживания. С 1980 по 1985 г. число предприятий бытового обслуживания в автономных республиках и областях с 3,1 тыс. возросло до 3,4 тыс., а объем реализованных ими услуг увеличился с 77,3 млн до 105,9 млн руб.¹¹

С середины 1984 г. в системе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР начался экономический эксперимент по расширению хозяйственной самостоятельности и усилению заинтересованности производственных предприятий в более полном удовлетворении потребностей населения в бытовых услугах. В начале 1986 г. на новые условия хозяйствования перешли все предприятия этого министерства, что положительно сказалось на организации бытового обслуживания жителей села. В ходе эксперимента большое внимание уделялось совершенствованию форм бытового обслуживания сельского населения. С 1965 по 1987 г.

¹¹ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник.— М., 1986.— С. 300, 302—303.

объем бытовых услуг на одного жителя сельской местности в Бурятии возрос с 3,3 до 28,9 руб., в Туве — с 1,5 до 19,8, в Якутии — 1,5 до 53,1 руб., причем за 1986—1987 гг. этот показатель в Бурятии и Туве увеличился на 5,5 руб., в Якутии — на 9,0 руб.¹²

Однако уровень развития бытового обслуживания в сельской местности еще не отвечал потребностям населения. Сельскому жителю национальных районов Сибири, за исключением Якутии, предоставлялось значительно меньше услуг, чем горожанину, и еще меньше, чем жителю деревни РСФСР, которому в 1987 г. было оказано бытовых услуг на сумму 44,3 руб. В небольших селах набор предлагаемых бытовых услуг был ограниченным, качество — низким, сроки выполнения заказов — длительными. Система службы быта, созданная в сельской местности, по существу, не могла обеспечить стабильную, качественную работу всех своих звеньев. Несмотря на рост в последние годы предприятий бытового обслуживания, их было явно недостаточно.

Дальнейшее развитие сферы обслуживания требует кардинального расширения соответствующей инфраструктуры — строительства магазинов, предприятий общественного питания, бытового обслуживания. Повышение качества и культуры обслуживания, расширение приема заказов на все необходимые виды бытовых услуг непосредственно в колхозах и совхозах, реализация новых видов потребительских услуг, направленных на облегчение домашнего труда, увеличение свободного времени жителя деревни, — таковы задачи в этой области в настоящее время.

В области здравоохранения решались те же задачи, которые стояли перед здравоохранением страны в целом и сибирского села в частности: улучшение медицинского обслуживания, все больший охват сельского населения различными формами меди-

цинской помощи, приближение сельского населения к городскому по объему и качеству медицинского обслуживания. Решение этих задач в сельской местности национальных районов еще в большей степени, чем в целом по Сибири, осложнялось суровыми климатическими условиями, низкой плотностью населения и удаленностью поселений от районных больниц, неудовлетворительным состоянием дорожно-транспортной сети и бытовавшими среди все еще многочисленной группы сельского населения национальными традициями «перемогать» болезни, терпеть болезненное состояние или лечиться самостоятельно.

По данным 1984 г., в сельской местности национальных районов Сибири функционировали 32 центральные районные больницы, из них в Бурятии — 10, в Туве — 9 и в Якутии — 13. Но они, как правило, располагались в крупных сельских районных центрах, а отдаленные сельские поселения (которых в автономиях Сибири большинство) имели в лучшем случае фельдшерско-акушерские пункты со средним медицинским персоналом, причем количество их в результате политики, направленной на свертывание маломощных участковых больниц и фельдшерских пунктов с целью укрупнения районных лечебных учреждений, с 1975 по 1985 г. сократилось в Якутии с 434 до 352, в Бурятии — с 450 до 433, а в Туве осталось на прежнем уровне. Курс на укрупнение и специализацию районного звена здравоохранения создавал условия для повышения качества обслуживания сельского населения в районных центрах. Одновременно сокращение периферийной сети в условиях отсутствия надежной транспортной и телефонной связи привело к ослаблению медицинской помощи на местах. Жители мелких и отдаленных сел лишились возможности покупать необходимые лекарства и получать какую-либо помощь, не выезжая в районный центр.

¹² Показатели социального развития... — С. 130.

В распределении медицинских кадров для национальных районов Сибири наблюдалась неравномерность: на селе работала только шестая часть врачей и четвертая часть среднего медицинского персонала.

Сельские больницы на 25—30 коек имели нередко одного-двух врачей. Большая часть амбулаторного приема, наблюдений, прививок, патронажной работы ложилась на плечи сельских фельдшеров. А последним не предусматривался даже транспорт. Помощь, которую сельская медицина получала раньше от хозяйств, с переходом последних на хозяйственный расчет становилась проблематичной.

Организация охраны здоровья сельского населения нуждалась в серьезном улучшении. Слаба была материальная база сельского здравоохранения. Так, только в Бурятии из 185 медицинских учреждений 20 % не имели центрального отопления, около половины не были оборудованы водопроводом и канализацией. Недоставало квалифицированных медицинских кадров. Для многих сельских жителей доступ к медицинской помощи был ограничен из-за разбросанности сельских поселений, отсутствия хороших дорог, необеспеченности сел регулярным транспортом, а медицинских учреждений — лекарственными препаратами, машинами скорой и неотложной помощи, радио и телефонной связью. Безотлагательного решения требуют вопросы, связанные с повышением окладов фельдшерам, устройством быта медицинских работников, созданием для них таких условий, которые бы способствовали их постоянному приобщению к современному уровню медицинской науки. Самым же острым по-прежнему остается вопрос об оказании помощи сельскому жителю — сегодня для этого в большинстве сел нет ни кадров, ни лекарств, ни транспорта.

Таким образом, в целом отставание сельского населения национальных районов Сибири по основным показателям жизненного уровня в 80-е гг. все еще оставалось существенным.

Принимавшиеся программы социального обустройства села зачастую были недостаточно обеспечены финансовыми и материальными ресурсами. Средства на социальные нужды села выделялись по остаточному принципу, большая их часть шла на сооружение производственных объектов. Конкретные запросы сельского населения учитывались слабо, да и контроль за их выполнением практически не осуществлялся. Проблемы решались с большим опозданием, крайне непоследовательно, половинчато и поэтому не давали нужных результатов. Пренебрежение ко всему комплексу соцкультбыта на селе привело к ослаблению социальной защищенности многих слоев населения.

На первом и втором Съездах народных депутатов в ряде выступлений подчеркивалось, что по уровню социальной обустроенности автономные республики и области Сибири, особенно сельские местности, где проживает в основном коренное население, находятся в неблагоприятном положении и занимают одно из последних мест в стране¹³.

Необходимо ускоренное социальное переустройство сел и деревень, нужны реальные, тщательно продуманные программы их обновления на уровне района, области, края и республики, которые бы осуществлялись под контролем Советов народных депутатов.

2. Культурное развитие

Одной из основных характеристик культурного развития населения является его образовательный уровень. В 60—80-е гг. в сельской школе национальных районов Сибири, как и по всей стране, шли поиски рациональной системы обучения и воспитания молодежи. К концу 60-х — началу 70-х гг. в сельских школах этих регионов был завершен переход на восьмилетнее обязательное обучение и начался переход к десятилетнему всеобучу.

¹³ Правда. — 1989. — 4 июня; Известия. — 1989. — 16, 17 дек.

Развитие народного образования сопровождалось укреплением материально-технической базы школ, реорганизацией их сети, улучшением учебно-воспитательного процесса и решением кадровой проблемы. За счет различных источников финансирования, в том числе средств колхозов и совхозов, строились новые здания для школ, учебные мастерские, спортивные залы, оборудовались кабинеты. В Бурятии с 1966 по 1985 г. построено и введено в действие в сельской местности 215 школ на 67,8 тыс. ученических мест, в том числе по инициативе и на средства колхозов 63 школы на 10,7 тыс. мест. В Туве за 1961—1983 гг. возведены 102 сельские школы на 17,1 тыс. мест. В 80-е гг. в республике 75 % всех новых школ было построено на селе¹⁴. В 1986/87 уч. г. из общего количества школ сельские составляли в Бурятии 78 %, в Туве — 82, в Якутии — 71 %.

Однако школьное строительство развивалось неравномерно: во второй половине 70-х — начале 80-х гг. оно в большинстве районов сократилось и лишь с началом осуществления в 1984 г. школьной реформы вновь возросло. Остаточный принцип финансирования, недостаточное внимание со стороны местных советских и партийных органов приводило к тому, что планы школьного строительства систематически не выполнялись. Так, в Хакасии в 1986—1987 гг. не была освоена четверть капиталовложений в школьное строительство. В 1987 г. в Бурятии план по вводу школ за счет государственных капиталовложений был выполнен на 63,9 % а в Туве — всего на 31,1 %. На пленуме (май 1988 г.) Тувинского обкома КПСС отмечалось, что «если наши строители будут продолжать работать такими темпами, как сегодня, и ввод осуществлять на уровне

1987 г., нам потребуется еще 26 лет для ликвидации сменности занятий, замены аварийных зданий и создания условий для обучения шестилетних детей»¹⁵. В то же время большинству хозяйств по-настоящему заботиться о сельских школах мешали и мешают бедность, отсутствие стабильных доходов, а то и хронические долги государству. В результате еще существуют на селе школы-баракы, школы-развалюхи. Так, в Якутии, по данным на 1989 г., 40 % школ требуют капитального ремонта, 20 % находятся в аварийном состоянии, а водопровод и канализацию имеют лишь немногие из них. Недалеко от знаменитых на всю страну богатейших алмазных и золотоносных карьеров ютятся в почерневших деревянных зданиях школы, отапливаемые печами. Всю долгую и беспощадную в этих краях зиму их вынуждены обслуживать сами учителя и ученики.

Несмотря на развернувшееся строительство, общее число сельских школ с 1965 по 1987 г. сократилась в Бурятии на 14 %, в Туве — на 13, а в Якутии — на 4 % (в РСФСР — почти в 2 раза). Сеть же городских школ постоянно возрастала. Уменьшение числа сельских школ произошло вследствие их укрупнения в связи с осуществлением восьмилетнего и среднего всеобщего, а также усиливающимися процессами урбанизации и сдвигами в сельском расселении: сокращением числа мелких сел, их объединением и присоединением к более крупным (например, в Бурятии число сельских населенных пунктов сократилось с 2,4 тыс. в 1959 г. до 764 — в 1970 г., в Якутии — с 4,4 тыс. в 1959 г. до 726 в 1979 г.)¹⁶.

В результате закрытия мелких и малокомплектных школ уменьшилось число начальных и увеличилось — средних. В Горном Алтае с 1958 по 1971 г. сеть средних школ воз-

¹⁴ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке...— С. 111; Советская Тува в цифрах.— С. 119; Молодежь Тувы: Социальный портрет.— Новосибирск, 1988.— С. 37.

¹⁵ Тугинская правда.— 1988.— 18 мая.

¹⁶ Народное хозяйство Бурятской АССР в девятой пятилетке: Стат. сборник.— Улан-Уда, 1976.— С. 7; Аргунов А. И. Социальная сфера...— С. 167; Учительская газета.— 1989.— 30 мая.

росла в 2 раза, а начальных — сократилась на столько же. В Бурятии с 1965/66 по 1980/81 уч. г. число начальных школ уменьшилось с 286 до 156 (в 1,8 раза), а средних — возросло с 83 до 169 (в 2 раза).

Вместе с тем особенности в размещении и занятости сельского населения автономных республик и областей: разбросанность населенных пунктов при недостаточном развитии наземных путей сообщения и транспортных средств, занятость преимущественно в различных отраслях животноводства — требуют сохранения малокомплектных школ. По данным Госкомстата РСФСР, в 1980/81 уч. г. в сельских районах Бурятии, Тувы и Якутии насчитывалось соответственно 153, 15 и 88 начальных малокомплектных школ, 84, 34 и 188 восьмилетних, 168, 74 и 150 средних, а в 1983/84 уч. г. число средних малокомплектных школ даже увеличилось соответственно до 178, 84 и 160.

В начале 80-х гг. свыше 90 % сельских начальных школ (в том числе почти все национальные) были малокомплектными. Большинство из них располагалось в приспособленных помещениях, поскольку проекты для такого типа учебных заведений не разработаны, да и средства, отпускаемые на строительство, незначительны. Эти школы хуже других оборудованы для учебно-воспитательной работы. Шаблонный подход к финансированию, основанный не на принципе оптимальной организации педагогического процесса, а на учете лишь числа обучаемых, не дает возможности приобрести не только компьютеры, но и хорошие книги.

Учительские кадры, как правило, не задерживаются в таких школах. И не только потому, что им трудно работать из-за слабой профессиональной подготовленности — в педагогических вузах пока мало учитываются особенности труда педагога в классах с небольшой наполняемостью, а методика, рассчитанная на большой класс, здесь не срабатывает, — но и по причине профессионального оди-

ночества, материальных трудностей, неустроенного быта. Директор такой школы часто выступает и как зауч, библиотекарь, пионервожатый. Он также обеспечивает материально-техническое оснащение школы, следит за электро- и теплооборудованием.

Выпускники малокомплектных школ зачастую имеют очень слабую общеобразовательную подготовку, отстает у них и общее развитие, несмотря на то что учитель имеет благоприятную возможность осуществлять на практике индивидуальное обучение.

По-видимому, проблемы малокомплектной школы могут быть успешно решены только в том случае, если школа станет органической частью сельского народнохозяйственного комплекса, который будет выделять часть средств для обеспечения учебно-воспитательного процесса и дополнительной оплаты труда учителей. При неполной учебной нагрузке учителя-предметника его труд может быть использован во внешкольной работе с детьми, в клубной работе. Такой подход снял бы вопрос о необходимости многопрофильной подготовки учителя к работе на селе.

Сокращение количества школ отразилось и на динамике численности учащихся: в Бурятии с 1970/71 по 1983/84 уч. г. произошло сокращение их со 116,4 тыс. до 72,7 тыс., в Якутии — соответственно с 82,6 тыс. до 67,5 тыс. В 1984—1987 гг. наблюдался медленный рост числа учеников. В Туве этот процесс был несколько иным: здесь количество учащихся с 1965/66 по 1986/87 уч. г. возросло с 29,6 тыс. до 43,2 тыс.

Основная масса выпускников восьмых классов продолжала учебу в девятых классах. В 1980 г. в сельской местности было принято в девятые классы в Бурятии 63,7 % выпускников-восьмиклассников, в Туве — 79,5, в Якутии — 79,3 %. Доля начавших обучение десять лет назад и окончивших среднюю школу, составила в Бурятии — 57,1 %, в Ту-

ве — 44,7, в Якутии — 65,3, в целом по РСФСР — 52,7 %.

Огромные территории с низкой плотностью населения, значительная удаленность населенных пунктов друг от друга, недостаточно развитая транспортная сеть — все это определило существование в сибирских автономиях школ-интернатов. В таких школах обучаются дети, проживающие на расстоянии 3—5 км от школы, дети из многодетных семей, а также те, чьи родители ведут кочевой образ жизни. Число школ-интернатов, сравнительно невелико: в 1970/71 уч. г. в сельской местности Бурятии насчитывалось восемь школ-интернатов с 2,1 тыс. учащихся, в 1985/86 уч. г. — пять с 1,4 тыс. учащихся; в Туве — соответственно по годам две с 409 учащимися и три с 623 учащимися; в Якутии за эти годы численность школ и учащихся практически не изменилась (в 1985/86 уч. г. было восемь школ с 2,5 тыс. учащихся). Интернаты являются не только средством обеспечения всеобщего среднего образования, но и важнейшей формой общественного воспитания, большой помощью родителям, занятым в таких отраслях сельского хозяйства, как отгонное животноводство, промысловое рыболовство, охота. Вместе с тем, находясь в интернатах почти безвыездно в течение года, дети полностью отрываются от родителей, от семейного воспитания, что отрицательно влияет на их духовное развитие, и в первую очередь на знание родного языка, традиций и быта своего народа. Опыт показал, что интернаты не только благо, но и зло. Отрыв детей от родителей способствует их духовному обнищанию, не вырабатывает у них навыков работы по дому, порождает иждивенческие настроения. Такие качества не позволяют сформировать из ребенка хозяина своей земли. Опасность этого ориентирует представителей народного образования на закрытие интернатов. Но сегодня, вероятно, нет веских причин полностью отвергать

интернаты, как и принимать их в качестве единственно правильного решения проблем сельской школы.

Широко распространены в сельской местности школы с группами продленного дня: в 1970/71 уч. г. они составляли в Бурятии 41 % от всех сельских школ, в Туве — 1,5, в Якутии — 38,2, в 1983/84 уч. г. — соответственно 56, 80,3 и 80 %. Численность учащихся в них с 1970/71 по 1986/87 уч. г. увеличилась в Бурятии с 13,6 тыс. до 32,2 тыс., в Туве — с 0,1 тыс. до 11,8 тыс., в Якутии — с 6,3 тыс. до 34,3 тыс. По сравнению со школами-интернатами школы продленного дня имеют возможность лучше сочетать общественное воспитание с семейным.

Сельская молодежь получает общее среднее образование не только в средних общеобразовательных школах, но и в школах сельской молодежи (ШСМ). В 1965/66 уч. г. в вечерних и заочных ШСМ обучалось в Бурятии 9,3 тыс. чел., в Туве — 1,3 тыс., в Якутии — 2,2 тыс. чел., а в 1980/81 уч. г. — соответственно 8,1 тыс., 1,7 тыс. и 6,0 тыс. чел.¹⁷ При этом доля старшеклассников в составе учащихся на протяжении 60—80-х гг. продолжала оставаться высокой.

Среди сельской молодежи возросла популярность средних профессионально-технических училищ, дающих возможность одновременно с профессией получить и среднее образование. В 1980 г. доля выпускников сельских профессионально-технических училищ составила в Бурятии 42,3 %, в Якутии — 51,5 %, в Туве — 45,8 %. Однако, как правило, большинство выпускников этих училищ не возвращаются на село, да и в сельское хозяйство. Окончив училищ

---

¹⁷ Народное хозяйство Бурятской АССР в десятой пятилетке (1976—1980 гг.): Стат. сборник.— Улан-Удэ, 1980.— С. 155; Народное хозяйство Тувинской АССР в десятой пятилетке...— С. 191; Народное хозяйство Якутской АССР в одиннадцатой пятилетке...— С. 121.

ще, юноши уходят в армию, потом — на стройки, в промышленность. Жизнь убеждает: следует отказаться от чрезмерной концентрации подготовки сельскохозяйственных рабочих и специалистов в городах и райцентрах. Это надо делать около дома, не отрывая ребят раньше времени от отчих мест, от семьи.

В течение рассматриваемого периода укреплялся в количественном и качественном отношении педагогический корпус сельской школы. Количество учителей с 1970/71 по 1986/87 уч. г. возросло в Туве с 2,2 тыс. до 3,2 тыс.; в Якутии — с 5,9 тыс. до 7,4 тыс.; в Бурятии практически оставалось без существенных изменений, составив соответственно 6,2 тыс. и 5,7 тыс. Росла квалификация преподавателей. Если в 1970/71 уч. г. учителя с высшим образованием в сельских школах Бурятии, Тувы и Якутии составляли 43,3, 45,4 и 45,5 %, то в 1986/87 уч. г. в Бурятии и Якутии — уже 74,4 %, а в Туве — 66,2 %. По образовательному уровню сельские педагоги отставали от городских на 2—4 %.

По-прежнему оставался острым вопрос о стабилизации состава педагогических кадров. Перед школами стояла задача полного и качественного укомплектования их в первую очередь преподавателями родного и русского языков. Актуальной была и проблема ликвидации почти хронического недостатка учителей литературы, иностранных языков, математики и физики, физического воспитания, рисования, музыки и пения. Для решения этих проблем осуществлялось целевое направление сельской молодежи на учебу в педагогические вузы, техникумы и училища; при поступлении для них устанавливался более низкий проходной балл. В 1980 г. доля принятых в вузы сельчан в Туве составила 76,7 %, в Якутии — 45,9, в Бурятии (в 1979 г.) — 59,4, в Горном Алтае — 76,3, в Хакасии — 65,0 %, в техникумы — в Туве

63,9 %, в Якутии — 63,3, в Бурятии (в 1979 г.) — 65,6 %¹⁸.

Пополнение школ квалифицированными кадрами способствовало некоторому улучшению учебно-воспитательного процесса: повысилась успеваемость учащихся, уменьшилось количество второгодников. Доля учащихся дневных общеобразовательных школ, оставленных на второй год, была незначительна: в 1980 г. в Бурятии она составила 0,4 %, в Туве — 0,8, в Якутии — 0,7 %.

Качество учебно-воспитательной работы во многом зависело от состояния материальной базы школ. Колхозы и совхозы совместно с предприятиями-шефами немало делали для обеспечения школ мастерскими, учебным оборудованием и техническими средствами обучения. Совхозы Алексеевского района Якутской АССР за счет собственных средств построили в середине 80-х гг. 6 пристроек под школьные мастерские на 150 мест, 7 стационарных баз летнего трудового отдыха, оборудовали 20 учебных мастерских, выделили 14 тракторов, 2 автомашины¹⁹.

К началу 80-х гг. почти все сельские восьмилетние и средние школы имели мастерские: в Бурятии — 248 школ из 252, в Туве — 104 из 108, в Якутии — 314 из 338. Увеличивалось количество школ, занимающихся по кабинетной системе. В Туве, например, за годы десятой пятилетки сеть таких школ возросла в 2 раза, а в Бурятии перешли на кабинетную систему обучения почти 95,0 % сельских школ.

В 60—80-е гг. трудовая подготовка и профессиональная ориентация школьников осуществлялась за счет шефствующих предприятий, колхозов и совхозов. В некоторых национальных районах удалось добиться тесного сотрудничества школ и базовых предприятий. Примером может служить опыт совместной работы

¹⁸ Подсчитано по данным: ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 76, д. 3359, л. 35, 76; д. 3306, л. 58—59, 75.

¹⁹ Социалистическая Якутия. — 1988. — 7 апр.

Сарыг-Сепской школы и совхоза «Ленинский путь» Тувинской АССР. На базе этого хозяйства был создан кабинет профориентации, на молочной ферме «Мерген» — кабинет животноводства. Ученической производственной бригаде, объединившей 160 комсомольцев и пионеров, переданы 50 га земли, автомашина, трактор, сенокосилка. За 11 лет в бригаде отработало свыше 1,5 тыс. учащихся. Из них 18 стали победителями всесоюзных слетов юных пахарей, доярков, 33 — республиканских и районных слетов и конкурсов по профессиям. За пять лет 220 выпускников этой школы вместе с аттестатом о среднем образовании получили удостоверения сельских механизаторов. Более половины из них остались работать в различных отраслях сельского хозяйства республики²⁰.

В 1983/84 уч. г. сельских школ с трудовым обучением насчитывалось в Бурятии 41,8 %, в Туве — 66,1, в Якутии — 36,7 %. Трудовое обучение непосредственно на предприятиях промышленности проходили в Бурятии 2,9 % сельских учеников, в сельском хозяйстве — 40,0, на транспорте и связи — 2,9, в строительстве — 1,1 %; в Туве — соответственно 7,8, 64,5, 18,6 и 5,6 %, в Якутии — 6,6, 80,2, 7,4, и 1,0 %. В Хакасии в 1984/85 уч. г. работало 60 профориентационных кабинетов, 75 кабинетов автодела, сельхозмашин и основ животноводства, 40 ученических производственных бригад и 27 школьных лесничеств, 4 межшкольных учебно-производственных комбината²¹. Учащиеся ежегодно работали в производственных бригадах, помогали колхозам и совхозам в уборке урожая, трудились на пришкольных участках, занимались опытнической работой. Так, в Бурятии стоимость валовой продукции, произведенной ученическими производственными бригадами только за

лето 1987 г., составила около 9 млн руб.²² В 1980 г. в сельское хозяйство Тувы пошли работать 64 % выпускников сельских средних школ, в 1982 г. — уже 69, а в 1985 г. — 72 %.

Школьная реформа побудила школу к поиску новых форм и методов трудового воспитания, рассчитанных на включение всех учащихся в систематический, посильный для здоровья и возраста общественно-полезный труд. Производственное обучение стало осуществляться через учебно-производственные комбинаты (УПК), межшкольные учебно-производственные мастерские (МУПМ), учебные цеха и участки и было сориентировано на потребности данного региона. В 1987/88 уч. г. в Бурятии насчитывалось 34 УПК и МУПМ, 550 учебных цехов и участков; в Туве — соответственно 95 и 84; в Якутии — 122 и 353.

Однако в трудовом воспитании, обучении и профессиональной ориентации школьников имелись сложности. Значительная часть учебно-производственных бригад (УПБ) не имела своего земельного надела и закрепленной техники. Многие руководители хозяйств вместо обеспечения круглогодичной деятельности УПБ ограничивались созданием лагерей труда и отдыха в летний период, которые во многих случаях превращались только в лагеря отдыха. Между базовыми предприятиями, совхозами и школами по-настоящему не были отлажены взаимоотношения сотрудничества. Школьные мастерские нуждались в лучшем оснащении их станками и инструментами, а ученические бригады — в более четкой организации труда. Кроме того, большая разбросанность учащихся по различным базовым предприятиям не позволяла контролировать постановку и качество трудового обучения.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что школы дают лишь начальное профессиональное

²⁰ Молодежь Тувы... — С. 50.

²¹ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. — Красноярск, 1987. — С. 320.

²² Правда Бурятии. — 1988. — 18 мая.

обучение по элементарным профессиям. А современное сельскохозяйственное производство требует знания основ электроники, автоматике, электротехники. Ограниченные возможности школы и УПК в профессиональной подготовке учащихся, непригодность современных производств к созданию на них условий для работы детей, объективная сложность современных профессий и необходимость участия школьников в общественно полезном труде заставляют искать принципиально новые решения вопросов, связанных с проблемой трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся. Воспитание трудом должно включать учебный труд в школьных мастерских, обслуживание школы (мелкий ремонт здания, мебели и несложного оборудования, уборку помещений), работу на пришкольном участке, поддержание порядка на школьном дворе. Профессиональное обучение целесообразно проводить в старших классах, и только тогда, когда школа имеет необходимую учебно-материальную базу, полностью соответствующую производственным условиям предполагаемой профессии. Следует также учитывать желание самих школьников специализироваться в той или иной профессии.

Современные требования к общеобразовательной школе, в том числе сельской, многообразны. В ней еще присутствуют формализм и унификация — основные принципы административно-бюрократической системы, проявляющиеся в валовых показателях и процентомании, в подготовке только грамотных исполнителей, в наличии однообразных учебных программ и учебников, в жесткой бюрократической системе управления.

В процессе реформы школы 1984 г. в национальных районах усилилось внимание к вопросу национально-русского двуязычия. Сложность этой проблемы усугубляется внешней миграцией и многонациональным со-

ставом населения. Необходимость двуязычия определяется многими факторами: сферой труда, быта, языковой средой и т. п. Выбор языка общения различных групп и слоев населения находится в непосредственной зависимости от возраста, образовательного уровня и социально-профессионального статуса.

По степени владения русским и родным языками коренные жители национальных районов Сибири распределяются приблизительно на такие группы: старшее поколение (свыше 42—45 лет) владеет чаще всего только родным языком; среднее (от 20 до 45 лет), как правило, двуязычно, но основным языком общения признает родной, русский язык является для него как бы вспомогательным; младшее поколение (от 10 до 20 лет) также двуязычно; дети до 10 лет, как правило, одноязычны, владеют либо русским (в городах и рабочих поселках), либо родным (в сельской местности) языком. Такая языковая неоднородность усложняет учебно-воспитательный процесс в школах, переход учащихся из одной школы в другую, укрупнение школ.

В автономиях школы различаются по языку обучения. В Бурятии преобладают национальные школы с обучением на родном языке (в середине 70-х гг. они составляли 87 %). В связи с возможностью выбора языка обучения появились национальные школы с обучением на русском языке и преподаванием родного языка как учебного предмета. При них функционируют подготовительные классы, позволяющие уменьшать физиологическую нагрузку на учащихся начальных классов. В районах, где население двуязычно (одна часть говорит на русском языке, а другая — на родном), распространены смешанные по языку обучения школы, в которых имеются параллельные русские и национальные классы. Такие школы в середине 70-х гг. в Бурятии состав-

ляли около 9 % всех школ, в Туве — 13, в Якутии — 18%²³.

Сегодня проблема национальных языков стала одной из острейших. В 60—70-е гг. при официальном провозглашении расцвета национальных языков фактически роль многих из них снижалась, а их функции ограничивались рамками семейно-бытовой жизни, увеличивалось расхождение между устной, разговорной, и литературной формами языка, возрастало число людей, не владеющих родной речью. Дело осложнялось и недостатками в преподавании родных языков в национальных школах, составляющих на селе большинство. Часть учащихся слабо знает свой родной язык, что объясняется прежде всего отсутствием речевой среды в школах, интернатах, молодых семьях, несовершенством и нехваткой школьных учебников и детской художественной литературы на родных языках, слабой методической подготовкой учителей, недостаточной оснащенностью школ техническими средствами обучения.

Еще хуже обстоит дело с изучением русскими национальных языков. Во многих республиках не найти учебников языка коренной национальности как иностранного для русских и представителей других народностей, нет курсов изучения языков, разговорников, словарей, справочников.

Конкретная языковая ситуация в автономных республиках и областях Сибири неодинакова, но в школах сохраняется сложившееся в течение десятилетий положение: единственным предметом, от которого можно отказаться, остается родной язык. Это приводило к тому, что национальное осознание было слабо и постепенно угасало. Так случилось у бурят, эвенков и якутов в русском окружении. Аналогичная ситуация наблюдалась у хакасов. Заметно

упал престиж родного языка и среди тувинцев. В школах уроки тувинского языка считались как бы второстепенными, среди части населения укоренилось мнение, что знание родного языка не обязательно и даже не престижно. В лучшем случае родной язык использовался на бытовом уровне.

В 60—80-е гг. в Бурятии среди молодого поколения значительно уменьшилось число лиц, владеющих родным языком. Положение усугубилось еще и тем, что с середины 70-х гг. обучение в бурятских школах республики с первого класса было переведено на русский язык. Кроме того, во многих школах постепенно сворачивалось преподавание бурятского языка как предмета. В результате в республике значительно сузились функции бурятского языка, заметно стала снижаться его социальная престижность²⁴.

Для исправления сложившегося положения обком КПСС дважды (в 1981 и 1983 гг.) принимал постановления об улучшении преподавания бурятского и русского языков в школах республики. В 1986 г. было принято постановление обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР о восстановлении преподавания в начальных классах бурятских школ на родном языке и об изучении родного языка учащимися-бурятами в начальных, восьмилетних и средних школах, работающих по программам русских школ. В соответствии с этим постановлением бурятские школы стали переходить на родной язык обучения в первом — третьем классах. Но старое дает о себе знать и сегодня. Школа без согласия родителей не вправе вводить изучение родного языка. А они в большинстве своем уже отвыкли от национального, сомневаются в необходимости родного языка. В 1988/89 уч. г. только 124 сельские бурятские школы перешли на обу-

²³ Данилов Д. А. Социально-педагогические основы организации школьной системы в автономных республиках Сибири. — Якутск, 1976. — С. 179, 181.

²⁴ Политический собеседник (журнал Бурятского обкома КПСС). — 1989. — № 8. — С. 27.

чение на родном языке. Во всех школах действовали факультативы «Искусство и литература Бурятии», проводились уроки бурятского языка и литературы по радио и телевидению, в республиканской газете «Правда Бурятии» стала регулярной рубрика «Поговорим по-бурятски». В Хакасии в 1988—1989 гг. изучение хакасского языка велось в 73 школах, вводилось оно и в детских садах с однородным составом детей. В Якутии же все еще не преодолено упрощенное отношение к изучению родного языка²⁵.

Вместе с тем актуальна проблема изучения и русского языка, поскольку исторически сложилось так, что он выступает в нашей стране языком межнационального общения. Между тем от 1/4 до 3/4 лиц разных национальностей слабо владеют или совсем не владеют русским языком. Для молодежи русский язык очень важен прежде всего в плане дальнейшей профессиональной подготовки. Многие выпускники школ из-за слабого знания русского языка испытывают затруднения при продолжении учебы в учебных заведениях, на производстве, при прохождении воинской службы. Одной из основных причин такого положения является неудовлетворительная постановка обучения детей русскому языку в начальных классах, где, собственно, и закладывается основа для дальнейшего усвоения русского языка. Так, в 1983 г. на вступительных экзаменах в вузы страны по внеконкурсным местам неудовлетворительные оценки по русскому языку «письменно» получили 45,7 %, «устно» — 47,5 % абитуриентов из Тувинской АССР. Особенно низкий уровень знаний по русскому языку и литературе показали выпускники школ Монгун-Тайгинского, Тес-Хем-

ского, Бай-Тайгинского, Эрзинского районов²⁶.

В результате сложившейся ситуации на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС было рекомендовано «активно развивать национально-русское двуязычие, коренным образом улучшить изучение и преподавание языков народов СССР, русского языка, добровольно принятого советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширять в школах практику совместного обучения на русском и родном языках. Поощрять изучение местного национального языка молодежью других национальностей. В вопросе о языке обучения недопустимы никакие привилегии или ограничения, администрирование»²⁷. В выступлении депутата Ч. Айтматова на первом Съезде народных депутатов СССР (май — июнь 1989 г.) подчеркивалась важность задачи «гармонизации языков, главным образом на основе концепции двуязычия с преимуществом в режиме наибольшего благоприятствования для языков коренных народов, наделенных государственным правом»²⁸.

Решение вопросов развития, взаимодействия и взаимообогащения языков не может быть однозначным и абсолютно одинаковым для всех регионов страны. В платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» отмечается, что компетенцией самих республик является вопрос о целесообразности признания государственным языка национальности, давшей название союзной или автономной республике. При этом, подчеркнуто в документе, должны неукоснительно сохраняться равноправие языков и свободный выбор языка обучения. Интересам всех народов отвечало бы и официальное закрепление русского языка в качестве общегосудар-

²⁵ Правда Бурятии.— 1986.— 5 авг.; 1989 — 1 окт.; Советская Хакасия.— 1988.— 18 мая; 1989.— 11 янв.; Диалог (журнал идеологического отдела Якутского обкома КПСС).— 1989.— № 3/4.— С. 13.

²⁶ Молодежь Тувы...— С. 142.

²⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 года.— М., 1988.— С. 72.

²⁸ Известия.— 1989.— 4 июня.

ственного, используемого на территории всей страны и функционирующего на равноправной основе с государственными языками республик. Эти принципы окончательно закреплены в принятом законе СССР «О языках народов СССР», где отмечено, что республики вправе определять правовой статус языков, в том числе устанавливать их в качестве государственных. С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач средством межнационального общения признается русский язык²⁹.

Развитие народного образования привело к сдвигам в образовательном уровне сельского населения автономий Сибири. С 1970 по 1979 г. число лиц со средним образованием в Бурятии в 2,3 раза, в Горном Алтае, Туве и Хакасии — в 2,5, в Якутии — в 2,1 раза, а имеющих начальное образование — значительно уменьшилось. При этом в сельской местности национальных районов Сибири в расчете на 1000 чел. было больше лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, чем в целом по СССР (табл. 20). Это свидетельствовало о возрастании социального слоя интеллигенции — врачей, учителей, специалистов сельскохозяйственного производства, создающих и поддерживающих духовную атмосферу своих больших и малых сел. Среди последних была высока доля лиц, имеющих высшее образование. По данным на 1987 г., она составила среди председателей колхозов и директоров совхозов в Бурятии 87 %, в Горном Алтае — 83, в Туве — 75, Хакасии — 90 и Якутии — 94 %; среди руководителей среднего звена — соответственно 51, 40, 59, 54 и 78 %.

Изменился образовательный уровень коренного населения Сибири. В течение 70-х гг. доля лиц, имеющих общее среднее и неполное среднее образование, в составе занятого

сельского населения возросла у алтайцев, тувинцев и хакасов в 1,6 раза, у бурятов и якутов — соответственно в 1,4 и 1,5 раза, а доля лиц с начальным образованием сократилась. Среди коренного населения самое высокое число лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием на 1000 чел. имели буряты (239 чел.) и якуты (238 чел.) (табл. 21).

Рост образованности сельского населения расширяет его возможности в приобщении к духовной культуре. Значительная роль в этом процессе принадлежит средствам массовой информации — печати, радио, телевидению.

С 1960 г. до середины 80-х гг. в автономиях Сибири число республиканских, областных и районных газет возросло с 88 до 120, а тираж их поднялся с 346 тыс. до 840 тыс. экз. (табл. 22).

В каждой автономной республике и области газеты издаются на языке коренного населения и русском языке. В 1985 г. на алтайском и хакасском языках выходило по одной газете, на тувинском — 5, бурятском — 15, якутском — 28. Разовый тираж этих газет в общей сложности составлял 224 тыс. экз.

Кроме газет выпускаются журналы и другие продолжающиеся издания. В середине 80-х гг. в автономных республиках и областях подобных изданий насчитывалось 12, годовой тираж их достигал более 1 млн экз.; по два наименования в автономных республиках и по одному в областях публиковались на языках коренных жителей³⁰. Практически каждая сельская семья выписывала 4—5 наименований газет и журналов (включая общесоюзные издания).

Важным источником информации о международных событиях, делах внутри страны, республики, области,

³⁰ Печать в СССР в 1985 г.: Стат. сборник. — М., 1986. — С. 108—109, 118—119, 211, 236; Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. — С. 315.

²⁹ Там же. — 1990. — 5 мая.

Таблица 20

Уровень образования занятого в народном хозяйстве сельского населения автономных республик и областей Сибири (в расчете на 1000 чел.)*

Регион	1970 г.				1979 г.			
	Высшее, неполное высшее, среднее спец.	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное	Высшее, неполное высшее, среднее спец.	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное
Бурятская АССР	138	86	289	322	193	207	313	230
Тувинская »	107	89	243	317	159	228	281	251
Якутская »	105	79	311	370	161	169	337	284
Горно-Алтайская АО	119	78	282	352	198	186	308	249
Хакасская »	103	66	281	377	168	164	317	290
В целом по СССР	95	106	298	338	151	248	294	253

* Таблицы 20, 21 рассчитаны по материалам переписей населения 1970, 1979 гг.

Таблица 21

Уровень образования занятого сельского коренного населения национальных районов Сибири (в расчете на 1000 чел.)

Народ	1970 г.						1979 г.					
	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее спец.	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее спец.	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное
Буряты	57	14	80	119	269	289	99	15	125	277	253	184
Тувинцы	24	12	53	90	222	319	34	10	94	240	269	261
Якуты	40	12	99	118	217	267	69	12	157	295	213	167
Алтайцы	25	6	62	67	224	373	49	9	117	194	291	262
Хакасы	30	7	60	65	236	361	52	8	99	181	298	285

Таблица 22

Выпуск и тираж газет в автономных республиках и областях Сибири *

Регион	1960 г.		Середина 80-х гг.	
	Число газет	Тираж, тыс.	Число газет	Тираж, тыс.
Бурятия	25	103	41	256
Горный Алтай	2	9	4	34
Тува	3	65	8	69
Хакасия	11	34	16	120
Якутия	47	136	53	366

* Таблица рассчитана по данным периодической печати.

родного села служит для сельского жителя радио. В 60-е гг. радиофикация большинства сел в автономиях была завершена. Как показало социальное обследование 1974 г. 12 совхозов Бурятии, от 68 до 90 % рабочих и служащих слушали радио постоянно: наибольший показатель

отмечен у специалистов и механизаторов, наименьший (около двух третей) — у животноводов, что связано со спецификой работы последних. В то же время характерно прослушивание не всех подряд радиопередач, а выборочное — слушатели предпочитают программы, соответствующую

щие их интересам. В середине 80-х гг., по данным центральных статистических органов, на каждые 100 семей рабочих и служащих приходилось в Якутии 48 радиоприемных устройств, в Туве — 53, в Бурятии — 63 (у колхозников — 61)³¹.

С 60-х гг. в национальных районах получило развитие телевидение. Начали функционировать телецентры в Улан-Удэ, Кызыле, Якутске, Горно-Алтайске, Абакане. Позже были построены ретрансляционные станции. С вводом в строй телевизионных систем «Орбита» и «Экран» наряду с местной информацией сельские жители автономий стали принимать передачи Центрального телевидения. Местные студии телевидения ведут передачи на двух языках — национальном и русском. Почти каждая городская и сельская семья имеет телевизор. В 1984 г. на 100 семей рабочих и служащих приходилось телевизоров в Туве — 90, в Якутии — 100, в Бурятии — 96 (у колхозников — 94). По данным социологического обследования, проведенного в ряде сельских районов Якутии, в структуре использования свободного времени просмотр телепередач занимает 66,1 %³². Если в 60-е гг. по объему получаемой населением информации на первом месте находилось радио, на втором — газета, на третьем — телевидение, то в 80-е гг. первое место принадлежало телевидению, второе — газете, третье — радио. Сегодня телевидение является для сельского жителя самым массовым каналом, источником приобщения к культуре.

Дальнейшее развитие получила киносеть. С 1960 по 1986 г. число киноустановок в сельской местности Бурятии увеличилось с 539 до 677, Тувы — со 176 до 191, Якутии —

с 450 до 618, Горного Алтая — со 176 до 231 (в Хакасии в 1986 г. функционировало 280 киноустановок). В некоторых районных центрах, на центральных усадьбах совхозов и колхозов и в крупных сельских населенных пунктах были построены новые кинотеатры с широким экраном. Вместе с тем единовременное обследование свидетельствует, что на начало 1988 г. 58 % сельских населенных пунктов страны, в которых проживает каждый пятый сельский житель, лишены кинообслуживания. В 70—80-е гг. в связи с телефикацией число посещений киносеансов как городскими, так и сельскими жителями сократилось, однако сельчане продолжают значительно чаще бывать в кино, чем горожане. В Бурятии житель города и рабочего поселка в среднем посетил в 1960 г. 27 киносеансов, в 1972 г. — 25, в 1985 г. — 15; житель села — соответственно 24, 37 и 25 киносеансов³³. Сельская киносеть убыточна. Один киносеанс на селе должен давать более 100 руб., а сбор с него составляет в среднем только 3 руб. Организаторы кинодела в нашей стране видят выход в увеличении дотаций, а в будущем — в переводе сельской киносети на видеотехнику.

Однако средства массовой информации не в состоянии ликвидировать в деревне дефицит культуры. Духовное развитие осуществляется в большой степени через деятельность профессиональных работников и функционирование на селе учреждений культуры: клубов, домов культуры, библиотек, музеев. Эти учреждения выступают опорными пунктами в культурно-массовой работе среди тружеников деревни.

За 1965—1985 гг. сеть клубных учреждений выросла в сельских районах Бурятии с 547 до 653, Горного Алтая — с 191 до 247, Тувы — с 147 до 167, Хакасии — с 189 до 244, Якутии — с 549 до 585. Этот

³¹ Культурное развитие советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1980. — С. 368; Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР. — М., 1986. — С. 112, 116.

³² Аргунов А. И. Социалистическая судьба якутского народа. — Якутск, 1985. — С. 183.

³³ Народное хозяйство Бурятской АССР в одиннадцатой пятилетке... — С. 137.

рост произошел в условиях укрупнения населенных пунктов, а следовательно, ликвидации части клубов. В 1987 г. в расчете на 1000 чел. населения в клубных учреждениях сельской местности Бурятии приходилось 218 мест, Тувы — 163, Якутии — 229 (в целом по РСФСР — 261 место).

В системе культурно-просветительных учреждений происходили и качественные изменения: небольшие сельские, колхозные клубы заменялись домами культуры, учреждениями нового типа, предназначенными для сельской местности и располагающими более квалифицированными кадрами и современным оборудованием. Если в середине 60-х гг. в автономиях Сибири не было домов культуры, то в 70-е гг. они появились почти в каждом крупном сельском поселке. Бурятия же по числу домов культуры в общем количестве культпросветучреждений на селе вышла на одно из первых мест в стране.

Получили также распространение специфические формы культурно-бытового обслуживания животноводов, проживающих на отдаленных стоянках и занятых в отгонном животноводстве: культбазы и передвижные учреждения культуры — автоклубы, агитационно-культурные и агитационно-художественные бригады, культпросветпередвижки. В зимнее время центрами культурно-массовой работы среди животноводов становились дома животноводов. Однако многим учреждениям культуры не хватало оборудования, инвентаря, мало выделялось средств на культурно-массовую работу. Сельские клубы в большинстве своем размещались в непригодных помещениях, построенных в довоенные годы, в неприспособленных зданиях бывших церквей, в помещениях канцелярий колхозов и совхозов.

Возросла роль библиотек в культурном развитии сельского населения. С 1960 по 1986 г. количество сельских библиотек увеличилось в

сибирских автономиях с 870 до 1005, а книжный фонд возрос в 1,9 раза. В 1986 г. в селах Бурятии функционировало 449 библиотек, в которых находилось 3,4 млн экз. книг, в Туве — соответственно 135 и 1,6 млн, в Якутии — 418 и 3,4 млн, в Горном Алтае — 142 и 1,2 млн, в Хакасии — 163 и 1,6 млн.

В сельской местности национальных районов Сибири библиотек было больше, чем в городской. Это объясняется тем, что из-за большой территориальной разбросанности сельских поселений каждое из них нуждалось в библиотеке. Но в большинстве из них не было читальных залов, многие размещались в неприспособленных помещениях, в основном в пристройках к клубам, а иногда и на квартирах. Книжно-журнальный фонд был меньше, чем в городских библиотеках. Так, в Якутии, по данным на 1984 г., он составлял на селе 2865 тыс., в городе — 3713 тыс. экз.

В фондах сельских массовых библиотек на одного человека приходилось в среднем в Бурятии и Горном Алтае по 9 книг, в Туве — 10, в Якутии и Хакасии — по 11. Обследования, проведенные в бурятских селах в середине 70-х гг., показали, что постоянно читали художественную литературу 71—84 % работников умственного труда высшей и средней квалификации, а среди животноводов и других работников, занятых ручным трудом, — лишь 32—35 %. Библиотеки слабо удовлетворяли спрос на политическую, производственную и научно-техническую литературу, ощущался острый недостаток изданий на родных языках. Некоторая часть населения совсем не пользовалась библиотеками, основная причина этого — плохо поставленная пропаганда работы учреждений культуры, особенно библиотек.

На культурное развитие тружеников деревни возрастающее влияние оказывают музеи, музейные комнаты, исторические памятники, число

которых заметно возросло. С 1960 по 1985 г. количество государственных музеев и их филиалов в Бурятии увеличилось с 3 до 12, в Якутии — с 7 до 21. Многие музеи работают на общественных началах. В Хакасии в 1986 г. наряду с областным краеведческим музеем действовало 25 общественных музеев. В Бурятии в начале 80-х гг. насчитывалось 39 общественных и 120 школьных музеев. Кроме того, в республике открыто более 20 общественных музеев в колхозах, совхозах, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. С 1965 по 1987 г. число посетителей государственных музеев в расчете на 1000 жителей в Бурятии возросло с 73 до 486, в Туве — с 252 до 327, в Якутии — уменьшилось с 301 до 296³⁴.

С 70-х гг. в организации культурно-массовой работы отмечен переход на создание культурных и культурно-спортивных комплексов. Целью такого перехода были максимальное использование материально-технических, финансовых и кадровых возможностей расположенных на одной территории учреждений культуры, просвещения, воспитания, спорта и организация их работы по единому комплексному плану. В середине 80-х гг. в Бурятии действовало 92 культурно-спортивных комплекса. В условиях большой разбросанности и распыленности многих населенных пунктов создание подобных объединений расширяло возможности распространения культуры, улучшения координацию и совершенствование методического руководства культурным обслуживанием.

Однако обследование, проводившееся в 1988 г., показало, что 42 % сельских населенных пунктов не имели никаких учреждений культуры — ни библиотеки, ни клуба, ни киноустановки, ни даже передвижных форм культурного обслужива-

ния в виде автоклуба или кинопередвижки.

В рассматриваемый период улучшался кадровый состав работников культурных учреждений. В селах автономных республик в 1970 г. трудилось 3,9 тыс. работников домов культуры, клубов, библиотек, музеев, в 1979 г. — 4,4 тыс. В их составе возросла доля лиц со специальным образованием. В Бурятии в 1965 г. она составляла среди клубных работников 15,2 %, среди библиотечных — 45,2 %; в 1982 г. эти показатели равнялись соответственно 49,5 и 76,4 %³⁵. Но квалифицированных работников все еще не хватало, особенно для клубов. Нередко в учреждениях культуры на селе работали люди без соответствующей подготовки, знаний. Среди работников культуры наблюдалась большая текучесть, связанная с низкой зарплатой, отсутствием нормальных жилищно-бытовых условий. Сегодня работники клубов, библиотек и музеев являются самой социально незащищенной частью работников культуры. Заработная плата сельских культпросветработников составляет 97 руб., библиотекарей — 90 руб. в месяц.

Деятельность сельских учреждений культуры национальных районов Сибири в рассматриваемый период имела свою специфику, обусловленную территориальными и климатическими особенностями и уровнем культурной подготовленности населения. Учреждения культуры обслуживали, как правило, малонаселенные пункты, разбросанные на большой территории. Если, например, в РСФСР в 70-е гг. одна массовая библиотека функционировала на территории 281 км², то в Якутии — на территории 5425 км². В своей работе учреждения культуры использовали такие формы, как лекции, тематические вечера, диспу-

³⁴ Показатели социального развития автономных республик, краев и областей РСФСР. — М., 1988. — С. 214.

³⁵ Осинский И. И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. — М., 1985. — С. 134.

ты, читательские конференции, вечера вопросов и ответов, чествование передовиков производства, выступления агитационно-художественных бригад.

Массовые мероприятия проводились в связи с юбилейными датами — годовщинами Великого Октября, образования автономий и ленинскими днями. Так, в Хакасии в канун празднования 100-летия со дня рождения Ленина было создано 113 ленинских лекториев, чтения вели 235 квалифицированных лекторов. В ленинских комнатах, уголках клубных учреждений и библиотек оформлялись специальные стенды, в кинотеатрах области действовало 27 ленинских лекториев и кинофестивалей, организовывались экскурсии в музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина».

В Бурятии в 1977 г. клубами и домами культуры было проведено 92 тыс. мероприятий, обслужено 7,8 млн зрителей. В среднем каждым клубом организовано за год более ста мероприятий. По итогам соцсоревнования на лучшее культурное обслуживание населения клубными учреждениями республики наибольших успехов добился Северо-Байкальский район. Клубами и домами культуры района проведено около 4 тыс. различных мероприятий, в которых приняло участие 398 тыс. чел. В течение года в каждом клубе района состоялось более 200 мероприятий.

В эти годы рождались новые формы культурной работы: университеты культуры, телевизионные конкурсы и фестивали, праздники урожая и первой борозды, посвящение в механизаторы, хлебробы, земледельцы, дни культуры колхозов и совхозов, праздники улиц и др. Широкою популярностью, особенно среди молодежи Хакасии, получили клубы интернациональной дружбы, действующие при школах и клубных учреждениях. Деятельность таких клубов положительно влияла на формирование интернационалистского созна-

ния населения. Всего в Хакасии насчитывалось 56 таких клубов³⁶.

Клубные учреждения способствовали приобщению жителей деревни к созданию культурных ценностей. Количество непрофессиональных коллективов художественного творчества и их участников постоянно росло. В Туве с 1963 по 1983 г. число коллективов художественной самодеятельности при клубах и домах культуры увеличилось с 321 до 960; в Бурятии число участвующих в художественном творчестве возросло за этот период более чем в 2 раза и достигло в 1983 г. 90 тыс. чел. В Хакасии в 1987 г. при клубных учреждениях работало 1700 коллективов художественной самодеятельности с охватом более 50 тыс. чел³⁷. Однако клубная художественная самодеятельность переживает трудные времена: не хватает профессиональных руководителей кружков, режиссеров, снижается количество концертов и зрителей на них.

Наряду с традиционными коллективами художественной самодеятельности (драматические, хоровые, танцевальные, музыкальные кружки) на селе получали развитие новые объединения любителей самодеятельного творчества — народные театры, хоровые капеллы, ансамбли песни и танца, оркестры народных инструментов, студии изобразительного искусства. Так, в Бурятии в 1960 г. было 5 народных театров, хоров, ансамблей, в 1973 г. их стало 34, а в 1988 г. — 58. Широкой известностью в республике и за ее пределами пользовались Барагханский народный театр, Забайкальский фольклорный семейский народный хор, народный ансамбль «Ярууна» Баргузинского района. В Туве в 1983 г. насчитывалось 97 любитель-

³⁶ Великий Октябрь и социалистическое строительство в Хакасии. — Абакан, 1988. — С. 50.

³⁷ Осинский И. И. Возрастание роли интеллигенции в совершенствовании социализма. — М., 1986. — С. 203; Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. — С. 317.

ских объединений и клубов по интересам, 46 народных университетов, 138 агитбригад, 126 драматических и 156 хореографических коллективов, 18 народных театров и ТЮЗов, 66 вокально-инструментальных ансамблей³⁸.

В Бурятии периодически проводились смотры национального самодеятельного искусства: исполнителей народных песен, танцев, чтецов, исполнителей на бурятских народных инструментах. В Хакасии традиционными стали слеты народных певцов. Такие выступления обычно дополнялись выставками национального прикладного искусства. В 1980 г. был возрожден хакасский весенний праздник Тун пайрам. Впервые он прошел в Аскизском районе, теперь же ежегодно проводится еще в пяти районах области. Этот старый народный праздник обогатился новым содержанием — здесь подводятся итоги весеннего сева и чествуются победители — и стал поистине интернациональным, так как в нем принимают участие представители всех народов, живущих в области, а также гости из братских республик. В то же время стали привычными новые советские обычаи и ритуалы: торжественная регистрация брака, новорожденных, проводы в армию и т. п.

Однако нередко клубные учреждения большую часть времени были на замке, большинство из них страдало не от избытка мероприятий, а от их отсутствия. Некоторые культпросветработники в погоне за количеством проводимых мероприятий не заботились о их качестве, в культурной работе преобладали стереотипы, сверху насаждались пышные, дорогостоящие, а в итоге формально-показушные мероприятия: различные фестивали, дни культуры, праздники улиц и т. д. Царившая долгие годы установка «просвещать» привела к утрате реального содержания культурной политики. В ус-

ловиях административно-командной системы культура функционировала как одна из ординарных отраслей народного хозяйства, по отношению к которой продолжал действовать остаточный принцип, превалировала политика диктата центра, насаждения единообразия культурной жизни без учета самобытных традиций народов нашей страны.

В рассматриваемый период в сельской местности национальных районов Сибири не было преодолено существенное отставание работы культурно-просветительных учреждений. На финансирование сельской культуры отпускались мизерные средства. Многие учреждения находились в непригодных, плохо оборудованных и технически слабо оснащенных помещениях. В них изначально не закладывались возможности для организации досуга людей, их неформального общения, свободного отдыха.

В целом в культурной жизни села национальных районов Сибири накопились те же проблемы, что и во всей социально-культурной сфере. Требуются значительные усилия работников культуры, партийных и советских органов, чтобы преодолеть остаточный принцип выделения средств на культуру, изменить кадровую ситуацию, развивать активные и массовые формы организации культурного отдыха людей, усилить как интеграционные процессы, так и самостоятельность народов в сфере культурного развития. Необходимо во главу угла поставить не так называемое культурное обслуживание людей, а включение их в активную культурную деятельность.

В условиях отдаленности автономных республик и областей Сибири сельское население значительно отставало от городского по степени освоения культурных ценностей и процесс приближения села к культурному стандарту города шел медленными темпами.

В выступлениях министра культуры СССР на сессии Верховного Со-

³⁸ Очерки социального развития Тувинской АССР. — Новосибирск, 1983. — С. 189.

вета СССР подчеркивалось, что нужна государственная культурная политика, в которой бы проблемы села, стимулирование сельского работника культуры, развитие ремесел, связанных с традиционной культурой, телефикация получили приоритетное развитие³⁹.

3. Общественно-политические организации

Развитие общественно-политической жизни в национальных районах Сибири в 60—80-е гг. характеризовалось в большей степени унификацией форм политической организации, чем их своеобразием. Социально-экономические структуры, культура испытывали возрастающее негативное воздействие жесткого централизма и ведомственности. В практике социального управления все заметнее игнорировались местные интересы. Принципы демократического централизма модифицировались в принципы централизма бюрократического. Это проявлялось в наличии жестких разрядок по регулированию членского состава КПСС, в размытости функций различных общественных организаций, в формальном функционировании институтов социалистической демократии и т. д.

В системе общественных организаций советского общества ключевое место занимала Коммунистическая партия. В 60-х — первой половине 80-х гг. шел неуклонный рост численности ее членов, в том числе в аграрных отраслях народного хозяйства. За 1960—1981 гг. численность сельских коммунистов в национальных районах Сибири увеличилась с 23,0 тыс. до 32,2 тыс. чел., или на 28 % (табл. 23). Рост числа сельских коммунистов продолжался и в дальнейшем: на 1 января 1986 г. в Хакасской автономной области в сельском хозяйстве работало на 437 коммунистов больше, чем на

1 января 1981 г., в Горно-Алтайской автономной области — на 425 чел., в Агинском Бурятском автономном округе — на 66 чел., в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — на 154 чел. больше.

Ряды партии в сельской местности пополнялись представителями рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. По мере строительства в деревне предприятий промышленности, торговли, быта, быстрого увеличения числа совхозов среди сельских коммунистов росла прослойка рабочих, а также сельской интеллигенции. В Якутии, например, число специалистов-коммунистов в сельском хозяйстве с 220 в 1961 г. возросло до 640 в 1978 г. Быстро увеличивалась прослойка коммунистов среди ведущих профессий сельскохозяйственного производства — механизаторов и животноводов. Численность коммунистов-механизаторов за 1960—1980 гг. возросла в Бурятии с 789 до 2371 чел., в Якутии — с 2239 до 2673 чел.

Рост числа коммунистов в сельской местности сопровождался увеличением в их среде представителей коренных национальностей: в Якутии с 8,8 тыс. чел. в 1960 г. до 15,2 тыс. чел. в 1977 г., в Горном Алтае за этот период — с 1,6 тыс. до 2,9 тыс. чел., в Хакасии — с 1,3 тыс. чел. в 1966 г. до 1,9 тыс. чел. в 1976 г.⁴⁰ Расширялась сеть первичных организационных структур партии в деревне. Этот процесс явственно обозначился с середины 60-х гг., когда произошло возвращение к территориально-производственному принципу в организационно-партийном строительстве (ноябрь 1964 г.) и после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС наметился подъем аграрного сектора экономики. В 1965 г. в Хакасии в 40 хозяйствах были созданы партийные

⁴⁰ Якутская областная организация КПСС в цифрах. 1919—1977 гг.— Якутск, 1979.— С. 38, 40; Рабочий класс Сибири. 1961—1980 гг.— Новосибирск, 1986.— С. 273—274; ПАВО, ф. 7, оп. 2, д. 68, л. 1.

³⁹ Советская культура.— 1989.— 23 нояб.

Рост численности сельских коммунистов в национальных районах Сибири (на 1 января), чел.*

Регион	1960 г.	1971 г.	1981 г.
Бурятская АССР	7 385	9 388	10 049
Тувинская »	2 806	3 421	3 792
Якутская »	3 854	4 565	6 492
Горно-Алтайская АО	2 338	3 193	3 352
Хакасская »	2 835	3 709	3 273
Агинский Бурятский автономный округ	998	1 316	1 421
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	2 838	3 536	3 819
Всего . . .	23 054	29 128	32 198

* Таблица составлена по материалам местных партийных комитетов.

комитеты, работали 228 цеховых партийных организаций и 92 партийные группы. В Горном Алтае к концу 1965 г. количество партийных и партийно-комсомольских групп в колхозах и на фермах по сравнению с 1962 г. возросло в 5 раз и составило 172⁴¹. В крупных организациях создавались парткомы сельскохозяйственных предприятий. Их число в Бурятии увеличилось с 65 в 1960 г. до 96 в 1980 г., в Якутии — соответственно с 36 до 80.

Целям мобилизации коммунистов на выполнение народнохозяйственных задач соответствовали не только практика регулирования социального состава КПСС, но и распределение коммунистов по различным сферам деятельности. В 1966 г. в материальном производстве Якутии было занято 66,7 % коммунистов, в том числе 21,8 — в сельском хозяйстве, в Хакасии — соответственно 73,0 и 27,0 %. Более 70 % коммунистов Хакасии, состоявших на учете в колхозах и совхозах, работали в полевых бригадах, на фермах и других производственных участках. Ориентация на укрепление коммунистами различных отраслей мате-

риального производства сохранялась и в последующие годы. Так, в сфере материального производства в 1983 г. в Горном Алтае было сосредоточено 55,3 % членов и кандидатов в члены партии, из них 31,3 % — в сельском хозяйстве; в Бурятии в 1985 г. — около 70 % коммунистов республики, в том числе в сельском хозяйстве — 24 %⁴².

Разнообразными, но односторонними были формы взаимодействия партийного аппарата с первичными партийными организациями и рядовыми коммунистами. Жесткие организационные связи по вертикали позволяли вышестоящим партийным комитетам не только руководить внутривнутрипартийной жизнью, но и проводить через коммунистов важные хозяйственные и политические решения. Однако централизм в управлении не базировался на демократических принципах, отсутствовали горизонтальные связи между первичными партийными организациями. Это усиливало бесконтрольность и всевластие партийного аппарата, ограничивало роль рядовых коммунистов в принятии решений, несмотря на то что они были широко

⁴¹ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС.— С. 230; Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС.— Горно-Алтайск, 1971.— С. 239.

⁴² Материалы делегату XXXIII конференции Горно-Алтайской областной КПСС.— Горно-Алтайск, 1983.— С. 13; Бурятия от съезда к съезду.— Улан-Удэ, 1986.— С. 29.

представлены в выборных органах. Так, в 1975 г. в Якутии членами и кандидатами в члены районных комитетов партии и членами ревизионных комиссий были избраны 532 рабочих, директора совхозов, колхозника, специалиста сельского хозяйства. Сельские коммунисты избирались делегатами высшего органа КПСС — партийного съезда. В работе XXII (1961 г.)—XXVI (1981 г.) съездов КПСС участвовало 19 делегатов от Горно-Алтайской областной партийной организации, из них около половины — посланцы сельских коммунистов: чабан из Эликманарского района А. А. Илаков, доярка совхоза «Кайтанакский» Усть-Коксинского района Л. Г. Дидеева, чабан колхоза «Путь Ленина» Усть-Канского района Я. М. Качкышев, председатель Шибалинского райисполкома В. П. Липокурова, чабаны колхоза имени XXI партсъезда Усть-Канского района Д. Тоедов, совхоза «Улаганский» — А. И. Азарова, совхоза «Советский Алтай» Улуганского района — М. С. Тонтушева, колхоза имени 50-летия СССР Кош-Агачского района — С. А. Масканов. Делегатами XXVII съезда партии от партийных организаций автономных республик Сибири являлись директор совхоза С. М. Филиппов, механизатор Г. Н. Иванова, старший чабан Г. М. Бимбаев (Бурятия), директор совхоза Д.-Б. Б. Чопуй (Тува), дояр П. П. Шарин, руководитель совхоза П. П. Федорова (Якутия). Делегатами съездов были труженики села всех автономий Сибири.

Партийным аппаратом из коммунистов — тружеников деревни подбирались и руководящие кадры: директора совхозов, председатели колхозов, секретари партийных комитетов, руководители предприятий и т. д. После ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС до конца 1965 г. в Туве на руководящую партийную и советскую работу в качестве секретарей, заведующих отделами райкомов КПСС, председателей райисполкомов были выдвинуты 74 ком-

муниста, в Горном Алтае с 1965 по 1967 г. — около 400 коммунистов. Важным критерием в практике подбора и расстановки руководящих кадров управления служил образовательный уровень. Местные партийные комитеты при формировании кадрового корпуса отдавали предпочтение специалистам сельского хозяйства с высшим образованием. Уже в конце 60-х гг. в Бурятии из 242 директоров совхозов и председателей колхозов, секретарей парткомов 169 чел. имели высшее или среднее специальное образование. Выдвижение на руководящую работу коммунистов, особенно из числа специалистов, продолжалось и в последующие годы. В результате в колхозах и совхозах на руководящих должностях заметно увеличилась доля коммунистов с высшим и средним специальным образованием: уже со второй половины 60-х гг. ими были полностью замещены должности директоров совхозов, председателей колхозов, специалистов.

Вместе с тем отсутствие демократизма в таком ключевом звене партийной работы, как подбор и расстановка руководящих кадров, стало одним из серьезных источников нарастания бюрократических тенденций во внутривнутрипартийной жизни, что в условиях осуществления партией руководящей роли негативно сказывалось на жизнедеятельности всех общественных и государственных структур. От людей, выдвигавшихся на руководящие должности, все в меньшей степени требовались компетентность и профессионализм и все в большей — лояльность и преданность вышестоящим звеньям управления. Нередки были случаи, когда лица, злоупотребляющие служебным положением и нарушающие нормы партийной жизни, выводились из-под ответственности и перемещались на новые руководящие должности. При выдвижении работников не всегда глубоко изучались и всесторонне взвешивались их деловые и моральные качества, что ча-

сто приводило к ошибочным решениям, быстрой сменяемости кадров.

В Бурятии за одиннадцатую пятилетку из 185 директоров совхозов и председателей колхозов сменилось 173, в том числе 43 чел. были уволены как не справившиеся с работой или морально скомпрометировавшие себя. На конференции Тувинской областной партийной организации (январь 1986 г.) отмечалось, что за последние два года были освобождены от занимаемых должностей и привлечены к партийной ответственности 65 руководителей-коммунистов. За эти годы в республике сменилось 67 % секретарей партийных организаций, 42 % директоров совхозов, 58 % председателей исполкомов сельских и поселковых Советов народных депутатов.

В годы застоя были свернуты процессы развития внутрипартийной демократии. Партийный аппарат, по существу, был поставлен над коллегияльными, демократическими органами — съездами, конференциями, пленумами. Партийные органы подменяли и дублировали государственные и хозяйственные, брали на себя не свойственные им функции, что еще в большей степени вело к концентрации всей полноты власти в узком слое управленческой элиты.

Оздоровлению обстановки в партийных организациях, подъему активности коммунистов, повышению их роли среди труженников деревни способствовали решения апрельского (1985 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС, XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции. Под углом зрения решений этих форумов был сделан практический анализ деятельности партийных органов национальных районов, вскрыты серьезные недостатки в подборе, расстановке и воспитании кадров, намечены и осуществляются коренные изменения в работе партийных организаций. В 1987 г., например, в Бурятской АССР сменилась третья часть первых секретарей

райкомов КПСС⁴³. Seriously повышены требования к вступающим в ряды КПСС, а также к коммунистам в обеспечении их авангардной роли в процессе перестройки. В утверждении демократического стиля в деятельности партийных организаций важную роль играют перевыборные кампании партийных секретарей на альтернативной основе. Например, в Бурятии в 1988 г. более 40 % секретарей партийных организаций и партгрупп избраны из двух и более кандидатур. В Аскизском районе Хакасской автономной области все секретари парткомов избирались из нескольких кандидатур. При выдвижении кадров, как правило, учитывается мнение партийных организаций, трудовых коллективов, общественности. Повысилась значимость характеристик руководящего состава. Широкое распространение получили отчеты коммунистов на заседаниях партийных комитетов и партийных собраниях.

В процессе перестройки возросла активность коммунистов и беспартийных. В Бурятии в обсуждении тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции приняли участие более 470 тыс. чел. На собраниях было обнародовано около 16 тыс. замечаний, дополнений и предложений, которые легли в основу наказов делегатам конференции. Произошло некоторое омоложение аппарата партийных комитетов: за последние годы средний возраст секретарей райкомов и горкомов КПСС в Бурятии, Туве и Хакасии снизился до 42 лет⁴⁴.

На начальном этапе перестройки заметно повысилась трудовая и общественно-политическая активность партийных масс. Многие коммунисты возглавили производственные

⁴³ Правда Бурятии.— 1986.— 30 нояб.; 1988.— 19 мая.

⁴⁴ Правда Бурятии.— 1986.— 30 нояб.; 1988.— 24 дек.; Тувинская правда. 1986.— 11 янв.; Советская Хакасия.— 1989.— 26 февр.

коллективы, перешедшие на прогрессивные формы ведения хозяйства. В совхозе имени В. И. Ленина Мегино-Кандаласского района Якутии арендный коллектив из 10 чел. возглавляет коммунист Н. Г. Старостин, а ферму из 5 чел. — коммунист О. П. Сергеева. Эти подразделения добились высоких производственных показателей, в несколько раз превышающих среднесовхозные⁴⁵.

Вместе с тем в национальных автономиях Сибири, как и в стране в целом, процесс перестройки и демократизации в деятельности партии заметно отставал от динамики общественно-политической жизни. Перестроечные процессы в большей степени затронули низшие звенья партийных комитетов и в меньшей — коснулись районного и областного звеньев. Зачастую под новой вывеской скрывались старые формы работы, что скептически воспринималось рядовыми коммунистами и частью сотрудников партийного аппарата. Анкетные опросы, проведенные среди членов Тувинского обкома партии в начале 1988 г., показали, что 25 % опрошенных оценивают свою работу в выборных органах как недостаточную, а 16 % — как неудовлетворительную. Критически оценивалось состояние внутрипартийной жизни и в других автономиях. На пленуме Бурятского обкома КПСС (январь 1988 г.) было принято решение, в котором отмечалось, что партийные организации республики и их выборные органы все еще не избавились от облегченных, а нередко и искаженных понятий о существе партийной работы, от безответственности, приверженности к парадной шумихе и заорганизованности, формализму и бюрократии. Анкетный опрос 163 партийных работников районного и низового звеньев, проведенный в 1989 г. по инициативе Якутского обкома КПСС, показал, что 58 % опрошенных оце-

нили темпы перестройки как слишком медленные, 85 % указали на отсутствие эффективного механизма решения общественных проблем⁴⁶.

Сохранение аппаратного стиля управления отрицательно сказывалось на состоянии первичных партийных организаций. С 1986 г. резко замедлились темпы роста партийных рядов в национальных автономиях Сибири, а в ряде районов произошло их сокращение. Так, в Горно-Алтайской областной парторганизации за 1986—1989 гг. число коммунистов уменьшилось на 137 чел., причем основная часть выбывших приходилась на механизаторов и животноводов, а также женщин и молодежь. Все это свидетельствовало о наличии серьезных проблем и противоречий во внутрипартийной жизни и необходимости принятия принципиальных решений по их устранению.

В докладе М. С. Горбачева на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось, что «партия сможет выполнить миссию политического авангарда, если сама радикально перестроится, овладеет искусством политической работы в современных условиях, сумеет успешно взаимодействовать со всеми перестроечными силами»⁴⁷.

Особенностью политической структуры национальных районов Сибири являлось наличие у коренных народов региона национально-государственных образований: у бурят, тувинцев и якутов — автономных республик; у алтайцев и хакасов — автономных областей. Большие группы бурят, проживающих на территориях Иркутской и Читинской областей, объединены в автономные округа. Национально-государственные образования были приравнены к соответствующим административно-территориальным структурам. Компетенция органов государственной власти Бурятской АССР, например, практиче-

⁴⁵ Социалистическая Якутия. — 1989. — 18 апр.

⁴⁶ Тувинская правда. — 1983. — 31 янв.; Советская Россия. — 1983. — 19 янв.; Диалог. — 1989. — № 11/12. — С. 23.

⁴⁷ Правда. — 1990. — 6 февр.

ски ничем не отличалась от компетенции органов Читинской или Иркутской областей в вопросах формирования планов социально-экономического развития. Хакасская и Горно-Алтайская автономные области в своих фактических правах были практически приравнены к обычным районам Красноярского и Алтайского краев и всецело зависели от краевых органов власти, министерств и ведомств. В итоге в хозяйственной и политической практике не в полной мере учитывались веками сложившиеся национальные особенности того или другого народа. Такой подход нивелировал, сглаживал национальные особенности и вольно или невольно препятствовал реализации национально-особенного в решении вопросов экономики, социально-политического развития, культуры, здравоохранения и т. д.

Отмеченное, конечно, не означает, что национальные автономии Сибири были совершенно лишены своего социально-политического облика. В рассматриваемые годы, согласно Конституциям СССР и РСФСР, национальные автономии Сибири имели своих представителей во всех вышестоящих советских органах власти. В автономиях проводилась определенная работа по развитию языка и культуры коренного населения, решались вопросы преимущественного выдвижения на руководящую работу лиц коренной национальности. С 1969 по 1987 г. в автономных республиках Сибири количество местных Советов возросло с 673 до 794, в том числе сельских — с 527 до 598. Число депутатов местных Советов за этот период увеличилось с 21,6 тыс. до 27,5 тыс. чел., из них в сельских Советах — с 13,6 тыс. до 15,3 тыс. чел. В Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях в местные Советы были избраны в 1987 г. 7,8 тыс. депутатов против 6,9 тыс. в 1969 г.

В составе органов государственной власти от выборов к выборам неуклонно растет численность пред-

ставителей коренных национальностей Сибири. В целом по РСФСР в 1969 г. депутатами местных Советов было избрано бурят 4,9 тыс. чел., а в 1987 г. — 6,0 тыс. чел., тувинцев — соответственно 2,1 тыс. и 3,0 тыс., якутов — 7,0 тыс. и 7,7 тыс., алтайцев — 1,0 тыс. и 1,3 тыс., хакасов — 787 и 930 чел.

В составе местных Советов много депутатов — работников аграрного сектора экономики, в котором занята основная масса коренного населения. Так, среди депутатов местных Советов, избранных в 1987 г., труженики сельского хозяйства составляли в Бурятии 35,6 %, в Туве — 44,2, в Якутии — 39,8, в Горном Алтае — 44,9, в Хакасии — 30,2 %⁴⁸.

Рос образовательный и культурно-технический уровень народных избранников. С 1969 по 1987 г. число депутатов с высшим и средним образованием в местных Советах автономных республик Сибири возросло с 47,1 до 90,0 %, а с неполным средним и начальным образованием — уменьшилось с 52,9 до 10,0 %. В Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях в 1987 г. доля депутатов местных Советов с высшим и средним образованием составляла 90,5 %.

Одной из важных форм участия депутатов в осуществлении управленческих функций является их деятельность в постоянных комиссиях Советов. В Верховных и местных Советах автономных республик Сибири, избранных в 1985 г., было образовано 4736 постоянных комиссий, в состав которых вошли 20,5 тыс. депутатов. За полтора года с момента выборов постоянными комиссиями Верховного Совета Бурятской АССР было обсуждено более 90 вопросов деятельности местных Советов

⁴⁸ Итоги выборов по состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР. 1969 г.— М., 1969.— С. 11, 27, 175; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР. 1987 г.— М., 1987.— С. 10, 22—23, 40—45, 66, 94, 98.

народных депутатов, министерств и ведомств республики. Начиная с 1985 г. все чаще стала использоваться такая действенная форма контроля за работой государственных органов и должностных лиц, как депутатский запрос. Более регулярными стали отчеты депутатов перед своими избирателями. Однако эффективность деятельности постоянных комиссий, как и в целом местных органов советской власти, по руководству экономикой и социальной сферой была невысокой. Советы не имели достаточной экономической базы, чтобы быть полновластными хозяевами своих территорий и противостоять ведомственному диктату, контролировать экологическую ситуацию и состояние земельных ресурсов. По этой причине в большей степени выполнялись наказания, касающиеся улучшения жилищных условий, бытового, медицинского обслуживания населения, строительства школ, домов культуры, спортивных сооружений, и в меньшей степени — охраны окружающей среды, создания условий для высокопроизводительного труда. В 1985 г. местными Советами Бурятии было принято к исполнению 2290 наказов, около половины которых за прошедшие после выборов полтора года были реализованы. В Горном Алтае принято к реализации 1620 наказов.

Деятельность Советов, начиная с формирования депутатского корпуса и кончая выполнением наказов избирателей, во многом была ограничена не только экономическими, но и политическими факторами. В значительной степени состав депутатского корпуса формировался по номенклатурному принципу, что вело к отрыву органов власти от трудящихся. В ряде Советов национальных районов Сибири «депутаты по должности» фактически игнорировали реализацию наказов избирателей. Уже на начальном этапе перестройки население многих сельских районов стало отказываться в доверии кандидатам в депутаты, которые выдвигались

по принципу соответствия занимаемой должности. Так произошло с секретарем Романовского сельсовета А. Минеевой и директором совхоза «Сосновский» Ц. Дугдановым на выборах местных Советов в Бурятской АССР, состоявшихся в июне 1987 г.⁴⁹

Заметное влияние на активизацию деятельности Советов оказали решения XIX Всесоюзной партийной конференции. Конкретным проявлением развивающейся демократии и самоуправления народа явились выборы народных депутатов СССР, состоявшиеся в начале 1989 г. Выборы во всех национальных автономиях прошли в атмосфере свободы выдвижения кандидатов в депутаты, гласности, в большинстве случаев на альтернативной основе. Так, при выборах народного депутата СССР по Майминскому избирательному округу № 707 состязались два кандидата: председатель Горно-Алтайского областного исполнительного комитета Совета народных депутатов В. И. Чаптынов и директор Паспальского совхоза Д. Е. Плетенецкий. Большинство избирателей округа отдали свои голоса директору совхоза, который и стал народным депутатом СССР. От Горного Алтая в острой борьбе народным депутатом СССР была избрана директор восьмилетней сельской школы В. К. Ерелина. Народными депутатами от Бурятии избраны наряду с партийными и советскими работниками председатель колхоза Д. Б. Дамбаев, директор совхоза В. Я. Калашников, организатор внеклассной и внешкольной работы школы Г. С. Степанова; в Туве — первый секретарь РК ВЛКСМ П. С. Санчат, директора совхоза Д. Б. Кара-Сал и В. О. Оюн, директор школы М. В. Дондун; в Якутии — учительница школы А. В. Белина и директор совхоза Н. Н. Петров; в Хака-

⁴⁹ Политический собеседник (журнал Бурятского обкома КПСС). — 1988. — № 5. — С. 8.

сии — шоферы совхозов В. Г. Амзраков и И. Н. Ботандаев. Расширение демократических основ и гласности в работе Советов сопровождалось повышением активности депутатских комиссий, групп, самих депутатов.

Вместе с тем в силу сохраняющейся централизации управления народным хозяйством местные Советы до сих пор лишены необходимой экономической базы для реализации своих управленческих полномочий. На селе хозяином положения продолжает оставаться администрация совхоза или колхоза, в руках которой находятся реальные средства для строительства и содержания жилья, учебных и дошкольных заведений, учреждений культуры. Советы в таких условиях, получив формально большие права в решении социально-культурных вопросов, но располагая мизерными материальными средствами, продолжают оставаться фактически бесправными. Это приводит к снижению их авторитета, в значительной степени способствует текучести кадров. Например, только за два года (1986-й и 1987-й) в Горном Алтае сменилось 80 % председателей сельских Советов. Аналогичное положение имело место и в других автономиях. В Бурятии за это же время сменилась половина председателей городских, районных, сельских и поселковых Советов. Большая сменяемость имела место среди секретарей исполкомов⁵⁰.

В целом созданные Конституцией СССР 1977 г., конституциями союзных и автономных республик условия для значительного повышения правового статуса всех звеньев Советов не были подкреплены достаточными экономическими мероприятиями. До конца не был решен вопрос о разделении функций между партийными и советскими органами. На работу Советов, как и общественных организаций трудящихся,

отрицательно влияла трактовка тезиса о возрастании руководящей роли партии, данная в документах партийных съездов 60—70-х гг. Эта концепция ориентировала партийные комитеты на административно-командные методы управления вместо воздействия на Советы присущими партии политическими и идеологическими средствами. В партийных комитетах образовывались новые отделы, дублирующие советские и хозяйственные органы, что негативно сказывалось на деятельности Советов, ускливало бюрократизацию партийного и советского аппарата.

Составной частью общественно-политической системы на селе являются профсоюзные организации колхозов и совхозов. Толчком к их созданию послужили решения февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». После перехода значительной части механизаторов и специалистов МТС на работу в колхозы и совхозы за ними было сохранено профсоюзное членство, а также право на государственное социальное страхование. Они принесли с собой в деревню, и прежде всего в колхозы, свойственную рабочему классу форму объединения — профсоюз. В это же время многие экономически слабые колхозы национальных районов Сибири были реорганизованы в совхозы. Колхозники перешли в категорию рабочих и стали членами профсоюза. Все это позволило внедрить работу профсоюзов в колхозы и оживить ее в совхозах.

Однако задача распространения профсоюзных форм работы в сельской местности, особенно в колхозах, решалась в начале 60-х гг. непоследовательно, встречая на своем пути непонимание со стороны местного партийного аппарата. Например, бюро Хакасского обкома партии 30 ноября 1961 г., обсуждая вопрос о создании обкома профсоюза работников сельского хозяйства и загото-

⁵⁰ Звезда Алтая.— 1988.— 3 февр.; Правда Бурятии.— 1988.— 17 янв.

вок, посчитало целесообразным включить в сферу его деятельности только совхозы⁵¹. Большими препятствиями на пути укрепления сельских профсоюзных организаций явились перестройка партийных и советских органов, административное перекраивание районов в годы семилетки. Не окрепшие еще организационно, профсоюзные организации колхозов и совхозов нередко сводили свою работу к сбору членских взносов, слабо занимались организацией социалистического соревнования, укреплением трудовой дисциплины, вопросами улучшения условий труда и отдыха тружеников деревни.

Большое значение в развитии сельских, особенно колхозных, профсоюзных организаций имело принятие Президиумом ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок в 1965 г. временного Положения о профсоюзном комитете колхоза, которое заложило нормативную базу для регулирования профсоюзной деятельности⁵². Принятые меры позволили профсоюзным организациям колхозов и совхозов национальных автономий Сибири укрепить организационную структуру, активнее включиться в организацию социалистического соревнования за увеличение производства зерна, мяса, молока и другой сельскохозяйственной продукции. Заметно возросла роль профсоюза в лучшем использовании средств материального и морального поощрения коллективов и отдельных тружеников колхозов и совхозов, выполнивших производственные планы и социалистические обязательства.

Наряду с идеологическими факторами это способствовало росту участников социалистического соревнования. За 1965—1985 гг. в сельском хозяйстве Горного Алтая численность ударников коммунистического труда возросла с 1434 до 11 132 чел.

А в целом количество сельских тружеников, участвующих в социалистическом соревновании, увеличилось с 50,2 тыс. чел. в 1980 г. до 58,3 тыс. чел. в 1985 г. В Бурятии количество участников социалистического соревнования достигло в 1989 г. 348 тыс. чел., т. е. практически в соревновании участвовало все трудоспособное население республики⁵³. Профсоюзы организовывали шефство опытных высококвалифицированных работников над молодыми, что способствовало передаче профессиональных знаний, навыков, производственного опыта. Так, в Хакасии в 1975 г. наставниками молодежи являлись 690 коммунистов, 12 Героев Социалистического Труда, 46 кавалеров ордена Ленина. В Горном Алтае в 1983 г. наставниками молодежи были 4184 чел., в том числе 4 Героя Социалистического Труда, 797 орденосцев, 402 ветерана труда. Профсоюзные комитеты руководили постоянно действующими производственными совещаниями, обществами рационализаторов и изобретателей, научно-техническими обществами, общественными комиссиями, бюро и т. д.

Увеличение материальных возможностей сельских профсоюзов в решении комплексных задач организации быта и отдыха трудящихся, обеспечения их спецодеждой, защиты интересов вело к повышению авторитета профсоюзных организаций, к быстрому численному росту профсоюзных рядов. Так, в Бурятии с 1961 по 1981 г. численность профсоюзов увеличилась с 167,3 тыс. до 390,3 тыс. чел.; в Туве — с 31,4 тыс. до 104,9 тыс. чел.; в Якутии — со 155,0 тыс. до 457,0 тыс. чел. В Горном Алтае численность профсоюзов увеличилась до 81,9 тыс. чел.; в Хакасии — до 233,3 тыс. чел. В конце 60-х — начале 70-х гг. в национальных автономиях Сибири были созда-

⁵¹ ПАХО, ф. 2, оп. 1, д. 2647, л. 224.

⁵² Шкуратов И. Ф. Профсоюзу работников сельского хозяйства 60 лет. — М., 1979. — С. 28.

⁵³ XXXV Горно-Алтайская областная конференция КПСС. — Горно-Алтайск, 1988. — С. 118; ЦА ВЦСПС, ф. 1, оп. 44, д. 8240, л. 2.

ны штатные Советы профсоюзов сельского хозяйства и заготовок в масштабах районов, автономных округов, областей и республик. Это усилило межсоюзные связи и тем самым повысило роль профсоюзных организаций на селе.

Профсоюзные организации значительно расширили круг своих обязанностей: увеличивали сеть сельских клубов и домов культуры, создавали местные дома отдыха и пансионаты для работников сельского хозяйства. Постоянными стали общественные смотры техники к сельскохозяйственным работам, скотных дворов к зимовкам, хода заготовки кормов. На повестку дня профсоюзных собраний стали чаще выноситься вопросы социального страхования колхозников и рабочих совхозов, решения экономических задач сельскохозяйственными предприятиями.

Вместе с тем в деятельности профсоюзных организаций, работавших на селе в национальных автономиях Сибири, имели место существенные недостатки. Их причины вскрыты в решениях XXVII съезда партии и мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС. Во многом они определялись сложившейся в стране административно-командной системой руководства, излишней централизацией в управлении экономикой нашего государства. В то же время целый ряд упущений в деятельности профсоюзных организаций автономных республик, областей и округов стал возможным из-за недостатков в руководстве профсоюзами со стороны местных партийных органов. Нередки были случаи, когда на партийных конференциях, пленумах сибирских автономий, рассматривавших важнейшие народнохозяйственные вопросы, среди выступающих не было представителей профсоюза вообще, тем более представителя профсоюза работников сельского хозяйства.

В деятельности самих профсоюзных организаций и их органов вопросы производства часто полностью

превалировали над вопросами быта, условий труда рабочих и служащих, защиты прав трудящихся. Об этом, например, шла речь на заседании президиума Тувинского обкома профсоюза работников сельского хозяйства 21 февраля 1979 г., рассмотревшего вопрос «О состоянии производственного травматизма и освоении средств, ассигнованных на охрану труда в 1978 г., и задачах хозяйственных и профсоюзных организаций на 1979 г.». В докладе обкома было отмечено, что, несмотря на объявленный ВЦСПС Всесоюзный общественный смотр условий труда, быта и отдыха трудящихся женщин, на ряде предприятий республики к этой работе даже не приступили. Для проведения смотра не были созданы комиссии по Министерству сельского хозяйства республики, где трудилось более 10 тыс. женщин. В то же время из общего числа пострадавших и получивших травмы четвертая часть приходилась на женщин⁵⁴.

Многие профкомы сужали сферу своего влияния, проявляли робость при решении вопросов развития производства, защиты интересов трудящихся от произвола бюрократической администрации. Анализ документов профсоюзных органов автономий свидетельствует об отсутствии практики острого реагирования профкомов на необоснованные корректировки производственных планов, нарушение администрацией законодательства об охране прав работников и несоблюдение условий техники безопасности.

Важное место среди общественно-политических организаций деревни занимал комсомол. В рассматриваемые годы трудоспособное население колхозов и совхозов в национальных районах Сибири было в значительной мере представлено молодежью, поэтому возрастала роль организационных и идейно-политических факторов в мобилизации усилий этой

⁵⁴ ЦГА ТувАССР, ф. 376, оп. 1, д. 191, л. 13.

крупной социальной группы на выполнение народнохозяйственных и социально-культурных задач. Серьезные проблемы стояли и в сфере воспитания подрастающего поколения. Однако решались они в противоречивой обстановке и порой неадекватными средствами. Необоснованный волюнтаризм в общественно-политической жизни, консерватизм и застойные явления оказывали коррозующее воздействие на сознание молодежи. Перманентное отставание социально-культурной сферы в сельской местности, неблагоприятные условия труда и быта вели к оттоку населения, и прежде всего молодежи, в города. Это было главной причиной сокращения численности комсомольских организаций в отдельных хозяйствах и районах. Например, в колхозе «Родина» Кяхтинского района Бурятской АССР число комсомольцев с 1963 по 1966 г. уменьшилось со 128 до 80 чел., в совхозе «Кударинский» — с 215 до 159 чел. Подобная ситуация складывалась и в других национальных районах Сибири. Количество комсомольцев среди ведущих профессий колхозно-совхозного производства — механизаторов и животноводов — в Хакасской автономной области сократилось с 3057 чел. в 1961 г. до 1414 чел. в 1969 г., и только с 1970 г. оно начало снова возрастать, достигнув в 1971 г. 1812 чел., в 1973 г. — 2178 чел. При этом отмеченное сокращение происходило на фоне постоянного увеличения общей численности комсомольцев Хакасии: с 2,8 тыс. чел. в 1961 г. до 54,7 тыс. чел. в 1973 г. Только за 1972 г. в комсомол было принято 10,4 тыс. юношей и девушек.

Крупные недоработки в налаживании быта, воспитательной работе подрывали престиж сельскохозяйственного труда в глазах молодежи, негативно сказывались на состоянии комсомольских организаций и в других национальных районах. Например, в 1967 г. в Агинском Бурятском автономном округе, основой

экономики которого всегда являлось сельскохозяйственное производство, из 5148 членов комсомола в сельском хозяйстве трудилось 1175 чел. В 1967 г. в колхозах и совхозах действовали 142 комсомольско-молодежные бригады, в 1968 г. — только 112. За 1968 г. окружком, райкомы, первичные комсомольские организации направили в овцеводство только 61 чел. Тонкой была комсомольская прослойка среди ведущих профессий на селе в Хакасской автономной области. В 1965 г. среди доярок комсомольцы составляли 15 %, среди скотников — 3, чабанов — 1,5 %. Низким был образовательный уровень секретарей первичных комсомольских организаций области: 42 % из них не имели среднего образования⁵⁵.

На низком уровне оставалась работа комсомольских организаций по привлечению молодежи к овладению сельскохозяйственной техникой. Так, в Якутской АССР механизаторов было меньше, чем требовалось для обслуживания техники, а набор в училище механизации в 1968 г., например, составил только 86 % от необходимого.

В конце 60-х — начале 70-х гг. комсомольская работа во всех автономиях Сибири концентрировалась вокруг подготовки и проведения празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. В Горном Алтае, например, был объявлен ленинский смотр комсомольских организаций. В задачи смотра входили активизация труда молодежи, борьба за экономию и бережливость. Было развернуто движение под девизом «Мой личный трудовой подарок юбилею вождя», открыты лицевые счета Ленинского фонда экономии, куда только за первое полугодие 1970 г. внесено около 50 тыс. руб. Областной

⁵⁵ ПАБО, ф. 1, оп. 2, д. 91, л. 134; ПАХО, ф. 12, оп. 33, д. 7, л. 1; оп. 42, д. 9, л. 23; оп. 44, д. 12, л. 45; оп. 46, д. 44, л. 11.

комитет ВЛКСМ Горного Алтая совместно с Обществом рационализаторов и изобретателей объявил смотр-конкурс «Пятилетке — мастерство и поиск молодых!»⁵⁶.

Серия организационно-политических мероприятий, входивших в Ленинский зачет и посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, способствовала привлечению молодежи в сельскохозяйственное производство. Хороших результатов в этой работе добились комсомольские организации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Здесь в юбилейном году в сельское хозяйство по путевкам комсомола было направлено 510 юношей и девушек. В основе этой акции лежал почин выпускников Харатской средней школы, изъявивших желание остаться работать всем классом в родном колхозе. Такая инициатива имела место и в других автономиях. В 1971 г. ряды сельских тружеников Якутии пополнили более 2 тыс. выпускников школ. За 1973—1975 гг. в животноводство Хакасии по путевкам комсомола пришло 816 чел.

Как и многие другие идеологические кампании, Ленинский зачет, не подкрепленный системой организационно-экономических мероприятий, давал лишь временный эффект и не мог решить проблем профессиональной ориентации молодежи и ее закрепления на селе. Однако комсомольский аппарат продолжал искать новые формы воздействия на комсомольцев, изыскивать дополнительные идеологические резервы. Своеобразным мероприятием в этом плане стало проведение обмена комсомольских документов. В Якутии в ходе обмена комсомольских документов индивидуальное собеседование прошли 26 тыс. членов ВЛКСМ, до 72 % поднялся удельный вес комсомольцев, успешно выполнявших постоянные комсомольские поруче-

ния⁵⁷. Эти цифры в то же время свидетельствовали о нарастании учета формальных показателей активизации в комсомольской работе.

Комсомольцы сельских районов национальных автономий участвовали во всенародном обсуждении проекта Конституции СССР, вносили предложения и дополнения. Было, например, учтено и вошло в текст новой Конституции дополнение, выдвинутое комсомольцами Андрюшинского отделения совхоза «Нижнеколымский» Якутской АССР, к статье 66 Конституции СССР: «Забота о своих престарелых родителях — обязанность детей», о чем писала «Комсомольская правда». Однако и это мероприятие, прошедшее в форме очередной кампании, не могло заменить реальной и постоянной работы в молодежной среде. Деятельность комсомола все в большей степени приобретала аппаратные очертания, копируя стиль и методы управления, культивируемые в партийных органах. Этому объективно способствовало возрастание в составе выборных комсомольских органов партийной прослойки. Например, в Бурятии численность коммунистов, занятых на комсомольской работе, выросла с 402 чел. в 1965 г. до 2668 чел. в 1981 г. Аппарат комсомольских организаций в своей повседневной работе все теснее замыкался на аппарат партийный, отрывался от комсомольских масс и молодежной проблематики. В сферу его внимания все в большей мере попадали вопросы, исходившие сверху, а не снизу. В то же время партийные комитеты осуществляли руководство комсомолом сквозь призму преимущественно хозяйственных, а не идеологических задач. Так, бюро обкома Бурятской АССР 3 июля 1976 г. рассмотрело вопрос «О работе комсомольской организации совхоза «Верхне-Талицкий» Хоринского района по подготовке и организованному проведению заготовки кор-

⁵⁶ Комсомол Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1980. — С. 154, 164.

⁵⁷ ПАЯО, ф. 3, оп. 249, д. 175, л. 1.

мов»⁵⁸. Вопрос, как видим, стоял даже не об участии молодежи и комсомольцев в заготовке кормов, а именно о подготовке и организованном проведении заготовки кормов.

Чрезмерная привязка комсомола к решению хозяйственных и производственных вопросов объективно отодвигала на второй план проблемы быта, культуры, спорта и отдыха молодежи. Все это снижало интерес молодежи к общественным делам, глушило ее энтузиазм. Аппарат же на процесс отчуждения реагировал принятием все новых и новых почinov и начинаний, которые могли бы подогреть общественный интерес. Подсчитано, что только за 1976—1978 гг. в Якутии было выдвинуто более 15 инициатив республиканского значения. Многие из них не были доведены до логического завершения, так как не получили организационного обеспечения на местах⁵⁹.

В первой половине 80-х гг. разрыв между аппаратом и рядовыми комсомольскими массами еще больше увеличился. В 1984 г. ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи»⁶⁰. В нем отмечалось, что в среде молодежи имеют место пассивность, индивидуализм, недисциплинированность и другие негативные явления, комсомольские органы критиковались за шаблонные приемы и средства работы. Однако новой концепции взаимоотношений партии и комсомола, места комсомольских организаций в политической системе этот документ не выдвинул. Напротив, была подтверждена незыблемость механизмов общественных отношений, сложившихся в 70-е гг. На основании этих решений

ЦК КПСС были приняты меры по укреплению партийного ядра в комсомоле, увеличено представительство комсомольцев в советских и профсоюзных органах, народном контроле, расширилась сеть «Комсомольских прожекторов», увеличилась численность комсомольско-молодежных бригад. Но все эти меры в большой степени носили формальный, аппаратный характер.

Перестройка деятельности комсомольских организаций начала осуществляться лишь после XXVII съезда КПСС на основе решений XX съезда ВЛКСМ. Во всех городских и сельских организациях были проведены собрания с обсуждением решений съезда. Развертывается, хотя еще и робко, работа по реорганизации аппарата комсомольских органов, искоренению проявлений формализма, заорганизованности, бюрократизма, по преодолению в молодежной среде бездуховности, потребительства. Комсомольские организации начинают более тесно контактировать с неформальными объединениями, ищут пути и формы более активной работы среди различных слоев молодежи.

Активизировалась работа комсомола по закреплению молодежи в сельском хозяйстве и привлечению на село новых работников. В 1988 г. секретарь Амгинского райкома партии Якутской АССР М. Н. Сибиряков обратился к молодежи Сибири и Дальнего Востока с призывом приехать в села, возродить угасающую жизнь в «неперспективных деревнях». Этот призыв, поддержанный областным комитетом партии и Советом Министров Якутской АССР, нашел широкий отклик среди комсомольцев и молодежи. Развивается движение под девизом «Возродим заброшенные сельхозугодья». В образованные в 1984—1986 гг. в Амгинском районе совхозы «Мэндигинский» и «Целинный» прибыло дополнительно около 100 чел. Число совхозов в республике с 1985 по 1989 г. увеличилось за счет вновь

⁵⁸ ПАБО, ф. 3, оп. 3, д. 13, л. 1; оп. 6, д. 12, л. 16; оп. 15, д. 71, л. 1; ф. 36, оп. 11, д. 7, л. 62.

⁵⁹ ПАЯО, ф. 3, оп. 257, д. 5, л. 45.

⁶⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— 9-е изд.— М., 1987.— Т. 14.— С. 590—598.

созданных на заброшенных и мало-заселенных землях с 94 до 128. В связи с развитием новых экономических отношений на селе более эффективной стала работа комсомола по профориентации молодежи. Около 70% операторов машинного доения в Якутии — вчерашние выпускники средних школ. Передовой дояр П. П. Шарин — делегат XXVII съезда партии — возглавил комсомольско-молодежный коллектив, работающий на арендном подьяде в совхозе им. Героя Попова Менгино-Кангаленского района⁶¹. Активизировалась деятельность комсомола и молодежи в решении задач повышения эффективности сельскохозяйственного производства и в других автономиях.

Однако в целом процесс перестройки сельских комсомольских организаций национальных районов Сибири идет противоречиво и неоднозначно. До сих пор не выработана новая концепция молодежных общественных организаций, чрезвычайно рас-

спирительной является трактовка функций и задач комсомола. Сохраняются элементы бюрократизации комсомольского аппарата, сокращается численность членов ВЛКСМ. Решения XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции, февральского (1990 г.) Пленума ЦК КПСС, съездов народных депутатов СССР открыли новые возможности для выражения общественно-политических позиций тружеников деревни. Эти тенденции заявляют о себе через расширение гласности, укрепление гражданских позиций, широкое развитие процесса демократизации общественной жизни в целом. Однако и в этой сфере происходит борьба старого и нового, консервативной и прогрессивной тенденций. И все же фактом реальной жизни становится расширение участия сельских жителей в деятельности государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов.

Глава 13

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РАЙОНАХ РАССЕЛЕНИЯ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА

1. Социально-экономическое развитие

Из 26 народностей Севера, проживающих на территории РСФСР и насчитывавших в 1979 г. 158,3 тыс. чел., на территории Сибири концентрированно расселяются 10 народностей: ненцы, эвенки, ханты, манси, долганы, селькупы, кеты, иганасаны, тофалары, энцы. В 1979 г. их насчитывалось здесь 67,8 тыс. чел., или 42,2% от всей численности народностей Севера в РСФСР. Народности севера Сибири проживают преимущественно в Красноярском крае, Тюменской, Томской, Иркутской, Читинской областях и Бурятской АССР. Большая часть их населяет

Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Эвенкийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономные округа. Наиболее широко на территории Сибири (в том числе в Якутской АССР) и Дальнего Востока расселяются эвенки. Кроме названных народов на территории Якутской АССР проживают юкагиры, эвены и чукчи, они населяют также соседние районы Магаданской области и Чукотского автономного округа.

В последние десятилетия не происходило активного перемещения народностей севера Сибири за пределы территорий традиционного расселения. Вместе с тем промышленное освоение северных районов и связанный с ним приток инонационального населения устойчиво снижают долю народностей Севера в этих рай-

⁶¹ Земля сибирская дальневосточная.— 1989.— № 2.— С. 10.

Таблица 24

Доля народностей Севера в населении автономных округов, % ко всему населению округа *

Автономный округ	1959 г.	1979 г.
Таймырский	9,0	16,5
Эвенкийский	33,9	20,3
Ханты-Мансийский	14,5	3,3
Ямало-Ненецкий	33,6	16,0

* Таблица рассчитана по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР.— М., 1963.— С. 328, 332; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.— М., 1984.— С. 86, 88.

онах (табл. 24). В сельской местности этот процесс протекает медленнее, чем в городской, что объясняется как меньшим притоком в село пришлого населения, так и относительно небольшим уровнем миграции в город большинства народностей севера Сибири. При относительном уменьшении доли селян среди всего населения севера Сибири (табл. 25) происходит абсолютный рост их численности. Так, среди автономий народностей севера Сибири лишь в Ханты-Мансийском АО численность жителей села в 1989 г. по отношению к численности 1979 г. составила 96,7 %. В Ямало-Ненецком АО этот показатель достиг 138,5 %, в Таймырском (Долгано-Ненецком) АО — 120,0, в Эвенкийском АО — 170 %. Рост происходил как за счет естественного прироста проживающего там сельского населения, так и за счет миграционного притока.

Структура сельского и промышленного хозяйства севера Сибири весьма специфична и определяется в значительной мере географическим положением и суровыми природно-климатическими условиями. Она включает как традиционные для зоны Севера отрасли — оленеводство, охоту, рыболовство, сбор дикоросов, прикладные промыслы, так и новые — мясное и молочное животноводство, звероводство, птицеводство, производство овощей и картофеля. Сочетание в комплексе традиционных и новых отраслей определяет и

участие в сельском и промышленном хозяйстве пришлого и коренного для региона населения — народностей Севера. В самой обширной для сельского хозяйства отрасли — оленеводстве — трудятся почти исключительно народности Севера, а среди охотников и рыболовов они составляют значительную долю. В целом в традиционном секторе сейчас занято 43 % трудоспособного населения из числа народностей Севера, хотя три десятилетия назад эта доля составляла более 70 %¹. Одновременно происходит процесс включения народностей Севера в нетрадиционный сектор сельского хозяйства, в котором в 1985 г. их трудилось около 6 %.

К началу 60-х гг. структура сельского и промышленного хозяйства складывалась в основном из традиционных отраслей. В этот период северные, в частности национальные, сельскохозяйственные предприятия развивались как многоотраслевые, но были невелики. В 60-е гг. началось существенное структурное и организационное преобразование этих хозяйств. Большое число мелких колхозов было объединено в более крупные, а затем преобразовано в совхозы. В тот же период развивались новые формы организаций, занимавшихся оленеводством, рыболовством, охотой, заготовкой и переработкой дикоросов, — госпромхозы Главохоты РСФСР, коопзверопромхозы Роспотребсоюза. Сохранились рыболовецкие колхозы Министерства рыбного хозяйства РСФСР, появились подсобные сельские хозяйства промышленных предприятий. В результате преобразований с 1960 по 1985 г. число колхозов на сибирском Севере сократилось более чем в 22 раза, а количество совхозов увеличилось более чем в 10 раз (в 1960 г. — 27 совхозов, в 1970 г. — 137, в 1980 г. — 246, в 1985 г. — 287) (табл. 26).

¹ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист.— 1988.— № 16.— С. 77.

Доля сельского населения в населении автономных округов, % ко всему населению округа *

Регион	Доля сельского населения				Число жителей на 1 км ²
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1985 г.	
РСФСР	48	38	31	27	8,4
Таймырский АО	39	38	35	34	0,1
Эвенкийский »	80	72	65	70	0,003
Ханты-Мансийский »	73	37	22	12	2,0
Ямало-Ненецкий »	65	57	49	22	0,5

* Таблица рассчитана по материалам переписей населения 1959, 1970, 1979 гг., а также стат. сб.: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. — М., 1986. — С. 6—8.

Таблица 26

Изменение количества колхозов и численности колхозников сибирского Севера *

Показатели	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Все колхозы сибирского Севера	495	88	25	23	22
Число колхозов (без рыболовцевких)	206	68	11	9	9
Численность колхозников, тыс. чел.	14,7	6,2	1,3	1,1	1,4
Число совхозов	27	137	—	245	287

* Таблица составлена по данным годовых отчетов колхозов.

Концентрацию производства и преобразование форм собственности в сельском и промышленном хозяйстве нельзя оценить однозначно. К положительным моментам следует отнести прежде всего повышение заработной платы и улучшение пенсионного обеспечения бывших колхозников. К отрицательным — нерациональную специализацию и нарушение комплексности ведения сельского и промышленного хозяйства северян. Преобразование колхозов в совхозы не всегда происходило с учетом природно-экономических условий. Так, на обском Севере потенциально сельскохозяйственные предприятия оказались в составе рыбозаводов и наоборот. Подобные объединения вызвали нередко неоправданные перемещения трудовых ресурсов, в результате чего на отдельных предприятиях создались их излишки. Соответственно понизился уровень трудовой занятости населения, и в частности коренного. Так, в регионе

обского Севера на рыбозаводах к 1966 г., т. е. через 5 лет после реорганизации, занятость бывших колхозников снизилась с 95,4 до 52 %, коренного населения — с 94 до 59, в том числе женщин — с 89,2 до 21,8 %².

Но наиболее негативные последствия массового преобразования колхозов в совхозы заключались в том, что промышленные богатства северных рек, лесов и тундры, а также домашние олени и почти все средства производства перестали быть коллективной собственностью коренного населения. Они перешли к государству и фактически стали «ведомственной» собственностью Минсельхоза (затем — Госагропрома), Минрыбхоза, Роспотребсоюза, Главохоты и т. д. Эти организации руко-

² Шевелев Б. К. Проблемы интеграции отраслей в северном агропромышленном комплексе // Проблемы современного социального развития народностей Севера. — Новосибирск, 1987. — С. 115.

водствуются лишь узковедомственными, сиюминутными интересами, не увязывают свою деятельность с насущными жизненными потребностями северных народов, с перспективами их развития.

Почти все промыслово-сельскохозяйственное производство на Севере планомерно убыточное из-за низких закупочных цен и высокой себестоимости продукции. Неоднократные повышения закупочных цен могли стабилизировать положение лишь на время, так как вся прибавка вскоре «съедалась» ускоренным ростом цен на промышленные товары. Так, совхозы севера Тюменской области в 1970 г. были убыточными на 0,3 %, а в 1980 г. — на 19, севера Красноярского края — соответственно на 1,3 и 41,9 %.

Кроме цен на уровень рентабельности большое влияние оказывает фондовооруженность сельскохозяйственного производства. Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения (без рыболовецких колхозов) возросли на Севере с 0,8 млрд руб. в 1970 г. до 3,9 млрд руб. в 1985 г. Однако фондовооруженность сельскохозяйственного производства Крайнего Севера оставалась более низкой, чем в среднем по РСФСР. Темпы ее роста также были недостаточны. Удельный вес капитальных вложений, направленных на развитие аграрно-промышленного комплекса Севера в 1976—1983 гг., составлял 21 %, в то время как в среднем по народному хозяйству он превышал 30 %³. Между тем оленеводско-промысловые хозяйства Севера весьма отстали в применении достижений научно-технического прогресса. Производственные процессы оленеводства и охотничьего промысла, а также переработка продукции не механизированы. Отрасли постоянно испытывают трудности из-за высоких тарифов авиаперевозок, отсутствия плав-

средств с малой осадкой, острой нехватки наземных вездеходных средств общественного и индивидуального пользования. Особую остроту в регионе приобрела проблема электроснабжения. В большинстве районов в зоне деятельности сельхозпредприятий нет государственных энергосетей. Для производственных и бытовых нужд хозяйства вынуждены вырабатывать электроэнергию с помощью дизель-генераторов мощностью 100—400 кВт, причем обеспеченность ими не превышает 12 % общей потребности. Основная часть оленеводов и промысловиков вообще не пользуется электроэнергией.

Основной отраслью сельского хозяйства, с которой связана жизнедеятельность коренных народностей, остается оленеводство. Примерно четвертая часть всех совхозов Севера — оленеводческие. В рассматриваемый период их численность постоянно увеличивалась. На сибирском Севере в 1960 г. было 8 оленеводческих совхозов, в 1970 г. — 30, в 1980 г. — 52, в 1985 г. — 60. поголовье северных оленей увеличивалось до 1970 г., а затем стало уменьшаться. В 1960 г. в автономных округах сибирского Севера насчитывалось 535 тыс. оленей, в 1970 г. — 644 тыс., в 1985 г. — 580 тыс. (табл. 27). К 1988 г. по сравнению с 1970 г. снижение поголовья оленей на сибирском Севере составило 8 %, а по Таймырскому автономному округу — примерно 40 %. В Бурятской АССР и Иркутской области эта отрасль находится на грани исчезновения. Соответственно снизилось и производство оленьины. Эти данные говорят о том, что с 70-х гг. начался спад в развитии оленеводства. Можно выделить несколько причин спада. Первая причина — нарушение преемственности между поколениями оленеводов. Молодежь, получившая интернатное воспитание и не имеющая соответствующей профессионально-технической подготовки, совершенно не приспособлена к ра-

³ Сельское и промышленное хозяйство Крайнего Севера. — Новосибирск, 1984. — С. 47.

Поголовье северных оленей в автономных округах сибирского и Крайнего Севера (на начало года), тыс. голов *

Регион	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Крайний Север **	2084	2449	2250	2192	2123
Все автономные округа сибирского Севера	535	644	538	580	599
В том числе:					
Ямало-Ненецкий	336	414	363	419	442
Ханты-Мансийский	65	67	55	53	52
Таймырский	85	123	88	76	74
Эвенкийский	49	40	32	32	31

* Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.— М., 1986.— С. 196—198; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.— М., 1988.— С. 230.

** Данные на конец года.

боте в кочевых условиях оленеводства. Вторая причина — нарушение демографических пропорций в бригадах оленеводов: 2—3-кратное преобладание мужчин. В поселках же существенно больше женщин. Это приводит к разрушению семей оленеводов, а для тех, кто семьи не имеет, препятствует ее созданию. Третья причина — отсутствие адекватной материально-технической базы. Оленеводы не обеспечены ни достаточно удобными жилищами, ни техническими транспортными средствами, которые бы сделали возможным переход на сменно-звеньевую систему организации оленеводства. Четвертая причина — выбытие оленьих пастбищ из сельскохозяйственного оборота в связи с промышленным освоением Севера и экологическим загрязнением. За последние 15 лет на сибирском и европейском Севере, на Дальнем Востоке выведены из оборота, по официальным данным, свыше 34 млн га, т. е. одна десятая часть оленьих пастбищ. На самом деле — гораздо больше⁴. Пятая причина — недостаточное количество убойных пунктов и морозильной техники.

Аналогичные проблемы есть и в промысловом хозяйстве Севера. Наиболее ценным продуктом промыслового хозяйства Севера является пуш-

нина. Динамика закупок пушнины сильно зависит от ее вида. Это связано с тем, что некоторые виды промысловых животных, например ондатра и заяц-беляк, значительно истреблены, закупки пушнины по этим видам резко сократились. Добыча серебристо-черной лисицы за 1960—1985 гг. возросла в 1,5 раза, а песца — в 3 раза⁵. Однако дальнейший рост добычи этих видов может также привести к их истреблению. Особенное беспокойство вызывает резко увеличение добычи песца (в 1987 г. — в 2 раза по сравнению с 1985 г.), в то время как производство клеточного песца увеличилось незначительно. Самой разумной политикой по отношению к добыче пушнины должно стать научно обоснованное прогнозирование численности биологических популяций и их оптимальной продуктивности.

В развитии пушного промысла наблюдаются отрицательные тенденции, связанные с узурпацией одним ведомством прерогатив государственной монополии на меха. До недавнего времени всей закупленной пушниной распоряжалась легкая промышленность, которая не только

⁵ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1970 году.— М., 1971.— С. 40; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году.— М., 1981.— С. 29; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году.— М., 1986.— С. 34.

⁴ Известия.— 1989.— 8 июня.

диктовала закупочные цены, но и накладывала ограничения на переработку мехового сырья. Северяне были лишены возможности распоряжаться даже частью добытой пушнины.

Одной из причин неблагополучия в охотничье-промысловом хозяйстве являются низкие закупочные цены на промысловую продукцию. Даже такие ценные продукты промысла, как пушнина, мясо диких животных, пернатая дичь, ягоды и грибы, до начала 80-х гг. не обеспечивали рентабельности хозяйства. Существовавший неэквивалентный обмен сельскохозяйственной и промысловой продукции приводил к тому, что незаслуженно принижался престиж промыслового охотника, в результате чего охотничье-промысловое хозяйство теряло опытных охотников-профессионалов. Работа охотников-промысловиков осложнялась еще и тем, что быстро росло число охотников-любителей, деятельность которых часто сопровождается браконьерством.

Существенного расширения производства пушнины можно ожидать в основном за счет клеточного звероводства, которое развивается на Севере с 50-х гг. Клеточное звероводство производит пушнину более низкого качества, чем охотничий промысел, зато не зависит от природных факторов. Оно тесно связано с оленеводством, животноводством и рыболовством, так как часть отходов этих отраслей служат кормом для пушных зверей. В настоящее время рост производства клеточной пушнины ограничивается в основном наличием кормовой базы.

Рыболовство на реках, внутренних водоемах и прибрежной полосе существует на Севере с древнейших времен. В 1960 г. рыболовецких колхозов на Крайнем Севере было 247. После укрупнения колхозов и реорганизации некоторой их части в совхозы число рыболовецких колхозов сократилось к 1970 г. до 77, а к 1980 г. — до 70. На развитие ры-

боловства технический прогресс оказал большее влияние, чем на другие традиционные отрасли. В 60-е гг. широкое распространение получили капроновые сети и механизмы, облегчающие труд рыбаков. Энерговооруженность труда рабочих в рыбной промышленности тюменского Севера с середины 60-х до середины 70-х гг. увеличилась в 2,2 раза. Однако только техника не может решать проблемы рыболовства, ибо главной задачей является воспроизводство рыбных запасов. В последние два десятилетия рыболовство испытывает серьезные затруднения в связи с загрязнением рек и водоемов промышленными сточными водами. В районах наибольшего загрязнения уловы рыбы уменьшаются. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе в 1985 г. улов рыбы составлял 69 % от улова рыбы в 1980 г., а в Ямало-Ненецком автономном округе — 80 %. Там, где уровень загрязнения водоемов меньше, улов рыбы возрастает. Например, в Красноярском крае за 1980—1985 гг. улов рыбы увеличился на 44 %⁶.

Кризисные явления в развитии традиционных отраслей хозяйства вызваны несбалансированностью экономики, нерациональным хозяйствованием. Однако особо негативное влияние на их развитие имеет деградация сельскохозяйственных и промысловых угодий под воздействием промышленности. Интенсивное промышленное освоение северных регионов сопровождается разрушением экосистемы. Нецелесообразная эксплуатация добывающей промышленностью природных ресурсов обочивается мертвыми лунными пейзажами, тысячами квадратных километров затопленной, вырубленной, уничтоженной пожарами земли. Вокруг промышленных предприятий на огромной площади происходит

⁶ Социальные проблемы труда у народов Севера.— Новосибирск, 1986.— С. 108.

резкое оскудение охотничьих и рыбных запасов. На Таймырском полуострове уровень загрязнения воздуха промышленными предприятиями во много раз превышает ПДК. На тюменском, томском, енисейском Севере нефтяниками, геологами и лесозаготовителями загублены сотни рыбных рек и озер. Ежегодно вырубаются или сгорают сотни тысяч гектаров сибирских лесов, уничтожаются ценнейшие кедррачи и охотничьи угодья, а рубка леса идет все дальше, вплоть до тундры.

Растениеводство в районах Севера представлено в основном производством зерновых и кормовых культур, картофеля и овощей. Посевная площадь под зерновыми, овощами и картофелем с течением времени изменилась незначительно, а площадь под кормовыми культурами существенно выросла. Основным новшеством в растениеводстве северных районов является производство теплично-парниковых овощей. В 1985 г. общее производство овощей в районах проживания народностей Севера составляло 43,4 тыс. т, в том числе в закрытом грунте — 9,9 тыс. т.

Нетрадиционное животноводство на Севере связано с разведением коров, свиней, овец, коз. В общем объеме поголовья коров на Севере доля, приходящаяся на автономные округа, невелика, в 1985 г. она составляла всего 7,5 %. Основная его часть приходится на Ханты-Мансийский автономный округ, что связано с более благоприятными природно-климатическими условиями и наличием кормовой базы. За период с 1960 по 1987 г. поголовье коров в автономных округах сибирского Севера выросло незначительно, хотя население Севера за это время увеличилось почти вдвое. В то же время общее производство мяса на Севере возрастало. Рост производства мяса связан в основном с увеличением поголовья свиней: в 1960 г. их было 7,9 тыс. голов, в 1970 г. — 10,4 тыс., в 1980 г. — 50,2 тыс., в 1987 г. — 70,7 тыс. Доля

оленины в общем объеме производства мяса на Севере сокращается: в 1960 г. она составляла 30 %, в 1980 г. — 19, в 1985 г. — 15 %. В 1960 г. на Севере было произведено молока 392 тыс. т, в 1970 г. — 544 тыс., в 1980 г. — 789 тыс. и в 1985 г. — 892 тыс. т⁷. Следует сказать, что нетрадиционное животноводство не вытесняет, а естественно дополняет оленеводство, так как имеет иную кормовую базу.

Сельское хозяйство на Севере развивается в тесной связи с другими отраслями. Представители народностей Севера работают во всех основных отраслях народного хозяйства. Так, доля занятых в сельскохозяйственном производстве у народностей Севера составляла в 1985 г. 49 %, в промышленности — 14 %. Суммарный показатель доли занятых в таких отраслях, как медицина, народное образование и культура, равен общереспубликанскому показателю (18 %). Это стало возможным благодаря росту общего и профессионального образования у народностей Севера. Так, только за период с 1970 по 1979 г. доля лиц, имеющих высшее образование, увеличилась в 2 раза, незаконченное высшее и среднее специальное — в 1,9, общее среднее — в 4, неполное среднее — в 2,1 раза. Однако, несмотря на достигнутые успехи, уровень образования народностей Севера остается пока ниже, чем в среднем по РСФСР. Так, в 1979 г. доля лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием у народностей Севера составляла 45,9 % при среднем показателе по РСФСР 64,5 %⁸.

Основную часть интеллигенции народностей Севера составляют учителя, медицинские и клубные работники, управленческие кадры. Специалистов производственной сферы крайне мало. Такая структура под-

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. — Т. 196—198.

⁸ Там же. — С. 14.

готовки кадров специалистов уже в 60-е гг. вошла в противоречие с реальными нуждами расширившегося и усложнившегося производства в районах проживания народностей Севера, с одной стороны, и с ценностными ориентациями молодежи — с другой.

Одной из самых серьезных проблем у народностей Севера является недостаток рабочих мест в сельском хозяйстве. Например, у эвенков, проживающих в Якутии, в 1970 г. доля занятого населения по отношению к трудоспособному составляла 93,1 %, у эвенов — 89,2 %. При этом доля незанятого населения со временем увеличивается. В 1959 г. у эвенков и эвенов она составляла 6,7 %, в 1970 г. — 8,7 %⁹. Основную долю незанятого населения составляют женщины. По результатам социологического обследования эвенков Илимпейского района Эвенкийского автономного округа, проведенного Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР в 1988 г., среди женщин уровень незанятости составляет 10,8 %, среди мужчин — 5,6 %. Доля незанятого населения у эвенков в 3,5 раза выше, чем у проживающего в тех же местах русского населения. Недостаток рабочих мест для народностей Севера не может быть компенсирован переездом на новое место жительства, ибо большинство из них предпочитают жить в национальных поселках традиционного района расселения.

Основная причина незанятости у женщин — уход за детьми, что вызвано как недостатком мест в детских учреждениях, так и неразвитостью социальной инфраструктуры, не обеспечивающей достаточного числа женских рабочих мест. Однако в передовых национальных хозяйствах достигнут довольно высокий уровень занятости и мужчин, и женщин. Так, в совхозе «Томпонский» в

⁹ Бойко В. И., Васильев Н. В. Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. — Новосибирск, 1981. — С. 59.

Якутской АССР доля не занятых в общественном производстве в трудоспособном возрасте составляла в 1985 г. всего 1,0 %, в том числе у мужчин — 0,4, у женщин — 1,6 %.

Специфика мужского и женского труда четко отражается в социально-профессиональной структуре занятого населения. Мужской труд преобладает там, где работа связана с механизмами, а также в традиционных отраслях. Женщин больше среди специалистов непроектной сферы (учителя, врачи и т. д.), среди служащих-неспециалистов. Среди руководителей доля мужчин и женщин была практически одинакова.

Происходящие на Севере процессы особенно негативно сказываются на молодом поколении коренных жителей. Молодежь неохотно идет в традиционные отрасли хозяйства из-за их отсталой экономики, плохой организации. Но при перемещении исконных северян в любые другие сферы занятости им, как правило, приходится довольствоваться низкооплачиваемой, непрестижной работой. Доля лиц, занятых неквалифицированным физическим трудом (уборщицы, грузчики, подсобные рабочие и т. д.), в структуре занятости коренного населения постоянно растет и составляет уже более 30 % (в 1959 г. — 13 %) ¹⁰, а в ряде районов и значительно больше. Сравнительный анализ характера занятости эвенкийского и русского сельского населения Илимпейского района Эвенкийского автономного округа (табл. 28) показывает, что доля лиц, занятых неквалифицированным физическим трудом, среди эвенков составляет 42,5 %, что чуть ли не вдвое выше, чем у русских (25,0 %). Доля занятых умственным трудом среди русского населения района равняется 34,8 %, а среди эвенков — 20,8 %, т. е. в 1,7 раза меньше. Существенными остаются различия в долях

¹⁰ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов. — С. 80.

Т а б л и ц а 28

Социально-профессиональная структура занятого эвенкийского и русского сельского населения Илимпийского района Эвенкийского автономного округа (1988 г.), % к итогу *

Социально-профессиональная группа	Эвенки	Русские
Специалисты производственной сферы (агрономы, зоотехники, инженерно-технические работники)	1,4	4,3
Специалисты непроизводственной сферы (учителя, врачи)	12,2	11,6
Руководители	3,6	8,5
Прочие служащие	3,6	10,4
Механизаторы, работники на механизмах	7,2	25,5
Рабочие, занятые ручным трудом средней квалификации	8,6	10,4
Рабочие, занятые неквалифицированным физическим трудом	42,5	25,0
Работники в сфере традиционных занятий	20,9	4,3

* Таблица составлена по данным социологических обследований.

специалистов производственной сферы и долей руководящих работников. Так, среди эвенков в 3 раза меньше по сравнению с русским населением инженерно-технических работников, в 2,4 раза — руководителей, в 3 раза — прочих служащих. И лишь по доле специалистов непроизводственной сферы (учителя, врачи, клубные работники) эвенки не только сравнялись с русским населением, но и несколько обогнали его (12,2 и 11,6 %). Традиционными для северян промыслами (охотой, рыбной ловлей, оленеводством) занято всего около 21 % эвенков (русских — 4,3 %).

Итак, ключевой тенденцией, определившей ход социально-экономического развития народностей Севера в рассматриваемый период, явилось изменение соотношения между традиционными и новыми видами труда. Доля занятых традиционным трудом постоянно уменьшается, нетрадиционным — увеличивается. Это обусловлено как изменением структуры рабочих мест в общем комплексе хозяйственной деятельности народностей Севера, так и переориентацией части трудоспособного населения, в основном молодежи, на иные виды трудовой деятельности. Постоянно растет доля лиц, занятых

механизированным трудом, а также специалистов производственной и непроизводственной сфер. Однако преобладают не эти, в целом положительные, явления, а негативные процессы, грозящие народностям Севера потерей национальной самобытности.

Падение интереса к традиционным видам труда, которые определяют национально-культурную самобытность коренных народов, обусловлено прежде всего следующими обстоятельствами: спецификой традиционного труда, связанной с производственным кочеванием оленеводов, тяжелыми его условиями и увеличением производственной нагрузки на одного оленевода, недостаточной технической оснащенностью традиционных видов труда; заниженными ценами на сельскохозяйственную и промысловую продукцию, что привело к нерентабельности традиционных отраслей; изъятием пастбищ под промысловые нужды и загрязнением окружающей среды, что сузило возможности развития традиционных отраслей хозяйства и привело к переориентации части коренного населения на другие, порой неквалифицированные виды труда.

Противоречивая ситуация, сложив-

шаяся в структуре занятости населения, вызывает необходимость принятия ряда решений, которые должны обеспечить перспективное решение проблем социально-экономического развития народностей Севера.

Сегодня проявились новые, благоприятные тенденции в социально-экономическом развитии народностей Севера. Кооперативное движение и индивидуальная трудовая деятельность повысили занятость народностей Севера — появились новые рабочие места, созданные благодаря снятию запретов на индивидуальную трудовую деятельность населения. Увеличивается объем местной переработки продукции традиционных промыслов, благодаря чему национальные колхозы и совхозы перестают быть сырьевым придатком предприятий легкой и пищевой промышленности. Повышается экономическая самостоятельность колхозов и совхозов. В качестве одной из положительных тенденций следует отметить увеличение поголовья оленей в личном пользовании. Благодаря развитию арендного подряда растут производительность труда и заработная плата тружеников сельского и промышленного хозяйства. В качестве примера прогрессивных новшеств можно привести введение арендного подряда в 23 бригадах совхоза «Томпонский» в Якутской АССР. Этот совхоз и раньше был передовым, и сейчас одним из первых включился в перестройку. Однако в подавляющем большинстве колхозов и совхозов новые формы хозяйствования еще не применяются.

Коренные жители снова должны почувствовать себя полноправными хозяевами тайги и рек, тундровых пастбищ и оленьих стад. Лишь хозяйственное самоуправление, возможность самостоятельно распоряжаться кооперативной собственностью могут вернуть малочисленным народностям Севера их экономическую и культурную самостоятельность.

2. Уровень жизни, культура

В 60—80-е гг. произошли некоторые позитивные сдвиги в изменении уровня жизни, улучшился быт сельских жителей. В условиях Севера, где личное подсобное хозяйство развито слабо, основной статьей денежных доходов сельского населения является оплата труда. Преобразование колхозов в совхозы позволило перейти к гарантированной оплате труда, социальному страхованию, пенсионному обеспечению. Оплата труда колхозников и зарплата рабочих совхозов имели тенденцию к росту. Так, в период с 1970 по 1985 г. у колхозников не рыболовецких колхозов в районах Крайнего Севера Красноярского края оплата труда увеличилась в 2,6 раза и составляла в 1985 г. 259 руб. в месяц, у рабочих совхозов она выросла в 2 раза и равнялась 298 руб. в месяц¹¹. В целом же рост оплаты труда работников сельского хозяйства отставал от роста заработной платы работников промышленности. В Якутии в 1982 г. среднемесячная оплата труда работника сельского хозяйства была на 36 % ниже, чем в промышленности. Уровень зарплаты в сельском хозяйстве в среднем по Крайнему Северу составлял в 1985 г. 327 руб. в месяц, а в промышленности — 399 руб.¹² Однако в различных регионах, в разных сельских промысловых хозяйствах и даже отраслях уровень зарплаты, при общей тенденции к ее росту, значительно различался. Так, в передовом оленеводческом совхозе Якутии «Томпонский» в 1984 г. заработки оленеводов были заметно выше, чем в среднем по региону (у передовиков достигали 1000—1200 руб. в месяц). В совхозах Эвенкии «Нидымском» и «Кислоканском» они в 1987 г. составляли соответственно 354 и 318 руб.

¹¹ Экономика и культура районов Крайнего Севера за 1940—1985 гг.— М., 1986.— Т. 1.— С. 112—121.

¹² Там же.— С. 174.

Существуют специфические проблемы в оплате труда тружеников сельского и промышленного хозяйств. Труд в традиционных для народностей Севера отраслях — оленеводстве, охоте — регламентируется слабо. В то же время он нелегок и мало механизирован. Основные фонды в этих отраслях ничтожны. В оленеводстве, например, затраты на корма, ремонт основных средств и амортизацию не достигают и 3 %. В то же время нередки случаи, когда, например, взеходы типа «Буран», огнестрельное оружие приобретаются оленеводами на свои средства. В охотничьем промысле ни в закупочных ценах, ни в заработной плате не отражаются личные затраты охотников на приобретение орудий лова, инвентаря, сооружение избушек, заготовку топлива и рыбы на корм ездовых собак и приманку песцов, что снижает реальную заработную плату на 30—35 %. Более чем у 80 % промысловиков снаряжение, оборудование и инвентарь находятся в личной собственности. Кроме того, большинство промысловиков пользуются личными ездовыми оленями, собаками, снегоходами и моторными лодками, но арендная плата за них введена не во всех хозяйствах. Уровень заработной платы в традиционных для народностей Севера отраслях нередко ниже, чем в нетрадиционных, где занято в основном пришлое население. Например, в 1987 г. в совхозе «Нидымский» Эвенкийского автономного округа среднемесячный заработок на добыче северного оленя составлял 83 руб., в оленеводстве — 354, на пушном промысле — 444, в молочном животноводстве — 449, мясном животноводстве — 417, птицеводстве — 583, свиноводстве — 678 руб. Невелики заработки и в прикладных промыслах, что объясняется низкими расценками и малыми объемами производства. Так, в Эвенкии в 1988 г. в совхозах «Тутончанский» и «Кислоканский» обдирка, выделка и сушка одного камуса стоили

35 коп., а в совхозе «Нидымский» — 22 коп., шитье пары унтов в совхозе «Тутончанский» — 23 руб., «Нидымский» — 16 р. 15 к., «Кислоканский» — 12 руб. Рыночная же цена была в 10 раз выше.

В целом уровень денежных доходов работников агропромышленных предприятий Севера естественно связан с уровнем рентабельности этих предприятий. Далеко не все из этих предприятий высокоприбыльны, в известной мере это объясняется их ориентацией на производство лишь сельского и промышленного сырья: мяса, шкур, пушнины, рыбы. Известно, что стоимость сырья значительно ниже стоимости готовой продукции. Переработка же этого сырья сосредоточена в основном на государственных предприятиях легкой и пищевой промышленности. Таким образом опосредованно изымается часть прибавочного продукта, производимого работниками сельского и промышленного хозяйства.

Уровень денежных доходов — лишь один из показателей благосостояния. Не менее важны и другие показатели: количество и качество жилья, состояние медицинского, торгового, бытового обслуживания, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями и т. д. Дети у народностей Севера находятся на полном государственном обеспечении в детских дошкольных учреждениях, школах-интернатах и в учебных заведениях, где они приобретают профессию. Затраты на одного ребенка в год только в интернате при школе составляют более 1100 руб.

Стабильной тенденцией для всего рассматриваемого периода, и в частности для последних пятилеток, следует назвать рост темпов строительства жилья в большинстве районов сибирского Севера. В автономиях народностей Севера они были выше, чем в целом в Тюменской области и Красноярском крае. Так, объем жилья, введенного в строй в десятой пятилетке, по сравнению с девятой

составил в Тюменской области 149,8 %, в Ханты-Мансийском автономном округе 172,1, в Ямало-Ненецком автономном округе — 210,8, в Красноярском крае — 105,9, в Таймырском автономном округе — 115,6, в Эвенкийском автономном округе — 139,1 %¹³. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. Однако темпы строительства жилья в городе были выше, чем на селе. И в целом проблема жилья на севере Сибири оставалась нерешенной. На 1 января 1985 г. средняя обеспеченность одного жителя районов проживания народностей Севера жильем составляла 9,9 м² общей площади, или 69 % от средних показателей по РСФСР. В большинстве национальных поселков невысокий уровень благоустройства: имеют водопровод 24 % жилищных зданий, центральное отопление — 39, канализацию — 23, горячую воду — 16, газ — 16, ванны — 10 %¹⁴. Специфична проблема жилья у сельского населения, занятого в оленеводстве. Более 4 тыс. семей не имеют стационарного жилья и ведут кочевой образ жизни. Практически лишь немногие элементы нового вошли в образ жизни оленевода. Палатка, где это возможно, сменила традиционные виды мобильного жилья, появились радиосвязь, эпизодическое транспортное сообщение вертолетом или вездеходом. Чем благоустроеннее становилось северное село, тем большим был разрыв между качеством быта селянина и кочевника. Уровень потребностей и возможности реализации заработанных денег при кочевом образе жизни у оленевода весьма ограничены. Предпринимаются попытки решить проблему жилья для оленевода и его семьи. Если в тундровой зоне, где оленевод проходит за стадом оленей до 1500 км в год, практикуется пе-

редвижное жилье из новых материалов, то в таежной зоне, где годовой маршрут ограничивается 400 км, начали создаваться на маршрутах кочевий стационарные жилищно-бытовые комплексы для оленеводческих бригад, зачастую с отдельным жилым модулем для каждой семьи оленеводов.

Наряду со строительством жилья шел процесс развития социальной инфраструктуры села. Строились детские дошкольные учреждения, школы, клубы, магазины, больницы. Улучшилось медицинское обслуживание селян, повысилась обеспеченность населения врачами, больничными койками. Однако уровень развития медицинского обслуживания в автономных округах севера Сибири отставал от уровня в целом в Тюменской области и Красноярском крае. Так, с 1960 по 1985 г. обеспеченность населения врачами выросла в Красноярском крае в 2,6 раза, в Таймырском и Эвенкийском АО — соответственно в 1,7 и 1,4 раза; в Тюменской области — в 2,8 раза, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО — в 2,6 и 1,6 раза. Рост численности населения кое-где опережал рост материальной базы медицинского обслуживания в округах. Так, обеспеченность населения больничными койками в период с 1960 по 1985 г. в Эвенкийском АО снизилась в расчете на 10 тыс. чел. населения с 243 до 234, в Ямало-Ненецком АО — со 113 до 95¹⁵. Медицинское обслуживание сельского населения, расселяющегося на территориях Севера в небольших поселениях, а также кочевого населения имеет специфику. С целью приближения специализированной медицинской помощи и контроля за состоянием здоровья сельского населения используются формы выездной работы — бригадные выезды врачей центральных районных и ок-

¹³ Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. — С. 248—249.

¹⁴ В. И. Бойко. Социально-экономическое развитие народностей Севера. — Новосибирск, 1988. — С. 48.

¹⁵ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. — С. 356, 358, 362, 365.

ружных больниц. При окружных и районных больницах организованы передвижные постоянно действующие медицинские отряды. Так, в автономных округах Тюменской области в 1985 г. работали четыре передвижных медицинских отряда. Экстренная медицинская помощь оказывается станциями санитарной авиации, областными, краевыми, республиканскими и окружными больницами. В Якутии, например, в 1985 г. действовали три подстанции санитарной авиации, в Красноярском крае — два отделения санитарной авиации: в Таймырском и Эвенкийском автономных округах. При центральных районных больницах созданы передвижные медицинские отряды: в Якутской АССР — 9, в Красноярском крае — 6. В Тюменской области работают также передвижные фельдшерско-акушерские пункты, обслуживающие семьи оленеводов и рыбаков непосредственно на рабочих местах¹⁶.

Средняя обеспеченность больницами и фельдшерско-акушерскими пунктами в районах проживания народностей Севера в 1985 г. отставала от нормы и составляла 67 %. Смертность среди народов Севера уже несколько десятилетий не снижается и в 2—3 раза превышает этот показатель по РСФСР. Высока и детская смертность¹⁷. В перспективе система медицинской помощи в сельской местности сибирского Севера должна равняться более высокими темпами.

Районы проживания народностей Севера отстают и по обеспеченности детскими дошкольными учреждениями, которая составляет 64 % от нормы. И это несмотря на то, что в 1961—1985 гг. в северных районах Сибири значительно увеличи-

лись число детских дошкольных учреждений и число мест в них. Так, в Таймырском АО в этот период численность детей в постоянных дошкольных учреждениях увеличилась в 2,2 раза, в Эвенкийском АО — в 2,3, в Ханты-Мансийском АО — в 12,8, в Ямало-Ненецком АО — в 8,8 раза¹⁸.

Представители народностей Севера, как правило, имеют преимущество при устройстве детей в детские дошкольные учреждения. Дети оленеводов, чьи родители заняты на производстве и не могут забирать их домой ежедневно, содержатся в детских садах круглогодично. Многие родители-олeneводы берут своих детей из детских дошкольных учреждений лишь на летний период. С ними и кочуют. Некоторые оленеводы кочуют с детьми-дошкольниками и в зимнее время. Для значительной части населения, проживающего в селе, государственное обеспечение детей существенно повышает уровень материального благосостояния.

Рост денежных доходов населения — одно из условий удовлетворения его растущих и изменяющихся потребностей. Другим условием является уровень развития сферы торговли и услуг и их предлагаемый ассортимент. Зафиксировано, что, например, в Ямало-Ненецком АО в 1975 г. семья расходовала в среднем 35,1 % своего бюджета на приобретение продовольственных товаров и 24,5 % — на приобретение промышленных товаров¹⁹. Поскольку практически все сельские населенные пункты электрифицированы, сельские жители охотно покупают бытовую технику — холодильники, стиральные машины, телевизоры, радиоприемники. Большой популярностью у жителей села пользуется компактная транзисторная радиоаппаратура на автономном

¹⁶ Чикин С. Я., Бедный М. С., Афонина С. Ф. Проблемы охраны здоровья народностей Севера // Проблемы современного социального развития народностей Севера. — Новосибирск, 1987. — С. 233—234.

¹⁷ Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов. — С. 80.

¹⁸ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. — С. 267, 269.

¹⁹ Луковцев В. С. Минувя тысячелетия. — М., 1982. — С. 125.

электропитании. Большой спрос существует на современную одежду, особенно у молодежи.

Специфична структура покупок у оленеводов. Со строительством для них жилья, переводом их на оседлый образ жизни увеличились и покупки ими вещей долгосрочного пользования. Кочевое же население ограничивает свои потребности необходимым минимумом — продовольствие, посуда, одежда, спальные принадлежности. В последние десятилетия среди продуктов питания коренного населения, в частности оленеводов, все большую долю занимают овощи, консервированные продукты. Новые вкусы привиты молодежи в поселках, в школах-интернатах. В рассматриваемый период на сибирском Севере объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, вырос многократно. Так, с 1960 по 1985 г. в Таймырском АО он увеличился в 5,7 раза, в Эвенкийском АО — в 6,3, в Ханты-Мансийском АО — в 28,7, в Ямало-Ненецком АО — в 19,8 раза²⁰.

Резкий рост объема товарооборота на севере Западной Сибири несомненно связан с промышленным освоением территории и возрастанием спроса пришлого, в основном городского, населения. Удовлетворение же спроса жителей села имеет свои специфические проблемы. Торговое обслуживание кочевого населения осуществляется с помощью разъездной торговли. Например, только за первую половину 1985 г. для торгового обслуживания оленеводов совхоза «Томпонский» Якутской АССР было использовано более 82 ч летного времени вертолета МИ-8. С переходом торговых предприятий на хозрасчет возникла проблема оплаты дорогостоящего летного времени. Торговые предприятия отказываются его оплачивать, для сельских и

промысловых хозяйств десятки тысяч рублей — весьма накладная сумма. Так, названному совхозу для сохранения торгового обслуживания в прежнем объеме необходимо ежегодно оплачивать транспортные расходы в сумме более 110 тыс. руб. Рост товарооборота на селе мог быть и большим, так как отложенный спрос весьма велик. Ассортимент продовольственных и промышленных товаров, поставляемых в села севера Сибири, явно недостаточен. Среди товаров, постоянно дефицитных для северного села, мебель, вздеходы «Буран», лодочные моторы «Вихрь» и запасные части к ним, бензопилы, палаточная ткань, одежда из хлопчатобумажных тканей, резиновые сапоги и т. д.

Наряду с ростом торгового обслуживания возрастал объем бытовых услуг. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах он увеличился с 1970 по 1987 г. соответственно в 11,7 и 11,6 раза. В Таймырском же и Эвенкийском АО он увеличился соответственно в 1,8 и в 2 раза²¹.

В сельской местности севера Сибири далеко не во всех населенных пунктах имеются хотя бы приемные пункты предприятий бытовых услуг. Но и там, где они есть, перечень услуг невелик. Часто обслуживание ведется выездными бригадами швей, парикмахеров, фотографов и других мастеров из райцентра. Недостаток в бытовом обслуживании, например в ремонте бытовой техники, одежды, обуви и т. д., влияет на уровень жизни сельского населения, вынуждает его приобретать новые товары. Поэтому в сельском доме нередко можно увидеть несколько радиоприемников, 2—3 телевизора и т. д. Это усиливает и дефицит, так как завоз товаров в сельскую северную глубинку весьма сложен.

Указанные выше существенные недостатки в торговле, бытовом, ме-

²⁰ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.— С. 281—282.

²¹ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.— М., 1988.— С. 303—304.

дицинском обслуживании свидетельствуют о низком уровне жизни северян в селе. Все это требует специальной программы, которая позволила бы в ближайшей перспективе коренным образом изменить положение — значительно повысить уровень жизни.

Сфера культуры народностей Севера в рассматриваемый период формировалась сложными путями. Ее создание происходило благодаря сохранению отдельных культурных традиций, а также усвоению большого количества инонациональных феноменов культуры. В этот период получили наибольшее развитие новые национальные культурные ценности посредством творческой переработки достижений культуры общества: литература, некоторые виды искусства. Рождение нового в культуре народностей Севера определялось, с одной стороны, целым комплексом условий изменения культурного уровня, с другой — развитием самого человека с его новыми культурными интересами, потребностями.

Развитие инфраструктуры населенных пунктов, изменение уровня материального благосостояния жителей, экономическое развитие в целом повлияли в первую очередь на формирование новой культуры быта, создали предпосылки иного стиля жизни. Мера усвоения новых культурных образцов в быту характеризует наличие находящихся в индивидуальном пользовании предметов культурно-бытового назначения. В быту наиболее отчетливо видно, насколько культурные ориентации вошли в привычку, стали нормой. Степень насыщенности быта предметами культурно-бытового назначения дает определенное представление о культурном уровне владельцев.

Анализ результатов социологических исследований в Якутии (1978 г.), где народности Севера опрашивались вместе с якутами, показывает, что, хотя сельчане и отстают от горожан по наличию бытовых приборов, в целом бытовая

техника, способствующая утверждению новой культуры быта, распространена сравнительно широко. Предметом первой необходимости стало радио — один из основных источников информации. На момент опроса 74 % сельчан и 75 % горожан Якутии являлись владельцами многоканальных радиоприемников. Телевизоры имели только 59 % сельчан из числа опрошенных. Весьма популярными стали фотоаппараты: ими пользовались почти 40 % сельчан и более половины горожан. Музыкальные инструменты имели 29 % сельских жителей и 28 % — городских.

Создание предпосылок, условий культурной жизни проявляется, в частности, в развитии сети учреждений культуры. В постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (от 16 марта 1957 г.)²², «Об организации комплексного культурно-бытового обслуживания народностей Севера» (от 26 мая 1981 г.)²³ были определены меры по интенсивному строительству новых объектов культурного назначения. За период с 1960 по 1987 г. в одном только Ханты-Мансийском АО число библиотек увеличилось со 160 до 284, а количество книг и журналов в них возросло с 0,5 млн до 3,8 млн экз., число клубов увеличилось со 178 до 313, а киноустановок — от 130 до 415. Но при росте абсолютных показателей наличия учреждений культуры в этом автономном округе имеет место падение относительных показателей (последние рассчитывались за период с 1960 по 1985 г.): число библиотек на 10 тыс. жителей округа сократилось с 12 до 2, количество книг и журналов в них в среднем

²² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.).— М., 1968.— Т. 4.— С. 331—336.

²³ Собрание постановлений правительства РСФСР.— М., 1981.— № 16.— С. 242—243.

на одного жителя уменьшилось с 3,7 до 3,2 экз., число клубов на 10 тыс. жителей упало с 13 до 3, а киноустановок — с 10 до 3. Аналогичные тенденции наблюдались и в Ямало-Ненецком АО. Так, если абсолютное число библиотек с 1960 по 1987 г. увеличилось там в 1,8 раза, то относительное за 1960—1985 гг. сократилось в 4,3 раза, соответственно абсолютное количество клубных учреждений возросло в 1,3 раза, относительное уменьшилось в 3 раза, абсолютное число киноустановок стало больше в 3,7 раза, относительное — меньше в 2 раза.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в двух названных округах, где особенно быстрыми темпами развивается промышленность и растет численность населения (оба округа находятся в Тюменской области), происходит отставание темпов формирования культурной среды (в частности, обеспеченности учреждениями культуры).

Основные формы стационарного комплексного культурного учреждения на селе — клубы и дома культуры. Но эта форма охватывает только оседлых сельских жителей и оказывается ограниченной для культурного обслуживания оленеводов, охотников и рыбаков, в течение длительного времени находящихся вне населенных пунктов. Для работников этих профессий создана новая форма культурно-просветительных учреждений — агитационно-культурная бригада (АКБ). Такие бригады возникли сначала в Якутии (1968 г.), а затем стали создаваться в других северных районах. Они были организованы на базе существовавших тогда «красных чумов» и яранг. Это более совершенная форма передвижного культурного учреждения, ибо имеет в своем составе квалифицированных специалистов. АКБ хорошо оснащается техническими средствами ведения агитационно-культурной работы: радиоприемниками, фотоаппаратами,

проекционной аппаратурой — передвижными кинопроекторами, магнитофонами, музыкальными инструментами. Передвижение от одной обслуживаемой бригады к другой осуществляется вертолетами, что значительно сокращает время транспортировки.

В работу АКБ входят чтение лекций, показ кинофильмов, коллективное слушание радио, выдача книг, организация праздников и спортивных состязаний (например, гонок на оленях) и т. д. Вместе с АКБ бывают на местах работники медицины, торговли, а также учителя, советские, партийные, комсомольские, профсоюзные работники, специалисты сельского хозяйства. Приезжают также фотографы, парикмахеры, закройщики. АКБ, например, в одной только Якутии в 1980 г. обслуживали 16 тыс. чел. В целом АКБ посещает каждую бригаду (оленьеводческую, охотничью, рыболовецкую, звероводческую, козеводческую) примерно 3—4 раза в год, что объясняется нехваткой специалистов в сфере культуры, высокой стоимостью вертолетных рейсов и сложностью климатических условий.

И стационарная, и передвижная формы культурного обслуживания населения северных районов не исчерпывают собой всех каналов культурной среды. Средства массовой информации: радио, телевидение и периодическая печать — как виды культурного обслуживания также имеют большое значение. Но в исследуемый период при росте абсолютных показателей числа трансляционных радиоточек и разового тиража газет сохранялся большой (в 2—4 раза) отрыв северных автономных округов от РСФСР в целом.

Составной частью культурной среды являются учреждения образования (школы, средние специальные учебные заведения, вузы). На Севере обеспеченность населения учреждениями образования в целом ниже, чем по РСФСР. Так, если РСФСР и Крайний Север примерно в одинако-

вой мере обеспечены сетью общеобразовательных школ (на 10 тыс. чел. населения в РСФСР в 1960 г. приходилось 11 школ, в 1985 г. — 5, на Крайнем Севере — соответственно 12 и 4), то обеспеченность учебными заведениями средней и высшей ступени значительно ниже: средними специальными — в 1,6 раза, вузами — в 4 раза.

Но учреждения культуры и образования, а также средства массовой информации представляют собой лишь материальную основу для культуры, для развития человека. Личностная сторона культурной среды есть тот ее пласт, который в большей степени отражает объективные тенденции в современной культуре. Статистика позволяет рассмотреть два показателя: численность учащихся в структуре населения автономных округов и уровень образования населения. В начале периода в отдельных северных автономных округах численность учащихся общеобразовательных (дневных и вечерних) школ на 10 тыс. жителей не превышала соответствующий среднероссийский показатель, к концу периода удельный вес школьников в составе населения стал выше, чем по РСФСР, что может быть обусловлено высоким удельным весом в возрастной структуре населения Севера более молодых возрастных групп. В то же время на протяжении всего периода численность учащихся в средних специальных учебных заведениях на 10 тыс. жителей не только в автономных округах, но по всему Крайнему Северу была в 2—4 раза ниже, чем по Российской Федерации в целом.

Число лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием в каждом из северных автономных округов больше, чем по РСФСР и СССР в целом (табл. 29) за счет увеличения числа лиц, получивших образование в учебных заведениях, находящихся в других регионах страны. В период между Всесоюзными переписями населения 1959,

1970 и 1979 гг. произошло ускорение темпов роста уровня образования как по каждому из северных автономных округов, так и по РСФСР в целом.

Культурная деятельность человека наиболее глубоко отражает его культурный уровень. Самым распространенным занятием среди сельских и городских жителей Якутии является чтение газет, журналов и художественной литературы. Самые читающие — лица с высшим образованием, молодежь и работники умственного труда. К наименее читающей можно отнести группу работников физического труда, не связанного с механизмами, в том числе рабочих традиционных отраслей хозяйства. Кино после чтения — наиболее доступное средство приобщения человека к культуре, особенно в сельской местности, а потому популярное среди всех социальных групп. На распространенность телевидения — сравнительно нового канала массовой информации — влияет прежде всего место жительства: в городе телепрограммы смотрят свыше 90 % опрошенных, в селе — лишь 60 % (табл. 30). Концерты и лекции больше посещают сельчане, нежели горожане, что объясняется более активным использованием ограниченного количества каналов культурной информации на селе.

Важным звеном в культурном развитии социальных групп является приобщение их к общественной деятельности. Участие в общественной работе выявляет заинтересованность в делах общества, широту взглядов, социальную зрелость. На степень участия социальных групп в общественной работе влияет место жительства: ею занимаются 63,9 % сельчан и 67,3 % горожан Якутии, причем существуют различия и между сельчанами. Например, в сельском Сунтарском районе, где имеются промышленные предприятия, около 80 % опрошенных принимают участие в общественной деятельности, в других же — только

Таблица 29
Уровень образования населения в северных автономных округах (число лиц с образованием в возрасте 10 лет и старше на 1000 чел.)

Регион	1959 г.				1970 г.				1979 г.				
	В том числе				В том числе				В том числе				
	Высп. и сред. (полное и неполное)	высп. (за- конч. и неза- конч.)	сред. спе- циальное	сред. об- щее (полн. и неполн.)	Высп. и сред. (полное)	высп. (за- конч. и не- законч.)	сред. спе- циальное	сред. общее (полн. и не- полн.)	Высп. и сред. (полное)	высп. (за- конч. и не- законч.)	сред. спе- циальное	сред. общее (полн. и не- полн.)	
Ханты-Мансийский АО	316	21	61	234	363	37	94	392	324	75	175	526	181
Ямало-Ненецкий »	289	20	62	207	266	40	102	301	296	81	187	483	179
Таймырский »	385	32	74	279	317	49	120	387	279	81	181	492	186
Эвенкийский »	342	36	77	229	313	45	114	294	305	78	173	425	241
Ненецкий »	347	29	72	246	336	471	98	341	319	63	156	454	238
РСФСР	361	35	53	273	325	489	73	359	296	86	116	443	239
СССР	361	34	48	279	310	55	68	360	293	83	107	448	249

Таблица 30
Распространение видов культурной деятельности в свободное время среди народностей Севера Якутской АССР

Группа по месту жительства	Чтение газет и журналов	Чтение худ. литерат.	Просмотр телепрограмм	Посещение кино	Посещение лекций и концертов	Неформальное общение	Занятия спортом	Занятия профессиональным творчеством
Народности Якутии Севера — сельчане	84,5	80,0	50,1	80,6	82,6	50,1	—	—
Народности Якутии Севера — горожане	90,0	—	88,3	88,3	53,3	75,0	35,0	10,0
Якуты-сельчане	90,7	83,2	60,4	83,7	82,6	60,0	—	—
Якуты-горожане	93,4	—	91,5	87,5	58,6	86,3	34,5	5,4

* Прочерк означает отсутствие сведений, не дифференцированы данные по посещению концертов и лекций (Якутия, город, село), по двум видам чтения (Якутия, город).

50—60 %. На уровень общественной активности влияют также образование и характер труда.

Отражением тенденции роста общественной активности стали выступления национальной интеллигенции, особенно во второй половине 80-х гг., на страницах центральной и местной печати по болевым проблемам Севера. К разряду самых актуальных из них можно отнести проблемы экологии — нерационального природопользования, правовой защиты человека как члена той или иной северной этнической общности, разрушения семейных традиций и социокультурной преемственности, утраты национальных языков.

Культуры народностей Севера являются уникальным результатом деятельности человека в экстремальных природно-климатических условиях, достигнутым многовековым опытом освоения Севера — выработкой оптимальных взаимоотношений человека с суровой и в то же время ранимой природой и взаимоотношений людей в экстремальных ситуациях. Поэтому бесценный опыт национальных культур нужен не только для воспитания нового поколения коренных северян, но и для адаптации больших групп мигрантов из других регионов страны. Не случайно именно в современный период остро встал вопрос о восстановлении нередко нарушаемых рациональных форм природопользования, выработанных в течение длительного исторического времени.

У всех народностей Севера традиционные одежда, головные уборы сохраняются как повседневные (у оленеводов и охотников) в условиях ведения промыслового хозяйства, а также в качестве дорожной одежды, в которой можно даже спать, зарывшись в снег. И тем не менее традиционная одежда жителей Севера претерпела большие изменения в связи с переменой образа жизни. Все элементы национального костюма можно встретить либо в быту у пожилых людей, либо в по-

левых условиях (на охоте, при выпасе оленей, ловле рыбы и добыче морского зверя). В повседневной жизни весь комплект традиционной одежды, как женской, так и мужской, сохранился, в частности, у нганасан. Еще в 60-х гг. это можно было наблюдать в отдельных поселках Таймырского АО. Показательно, что отдельные элементы традиционного костюма служат как бы символом национального самосознания того или иного народа.

Большое развитие в период 1960—1985 гг. получают декоративно-прикладное искусство, художественные промыслы. Сохранилось и широко развивается на Севере искусство шитья из меха и кожи: одежда, обувь, ковры, женские украшения, сумки, сувениры. Это искусство представлено практически во всех северных районах: в Эвенкии, Якутии, на Таймыре и т. д. Выделкой и художественной обработкой шкур занимаются мастера и индивидуально, и в рамках художественных мастерских, сувенирных фабрик. В декоративно-прикладном искусстве народностей Севера используются также другие природные материалы, например рог оленя. Изготавливаются изделия из бересты — домашняя утварь, предметы декора.

Произошли изменения и в танцевальной культуре. Большую роль в этом сыграли специалисты из других республик. Тесно переплелись традиционное народное искусство, художественная самодеятельность и профессиональное искусство. Создание профессиональных песенно-танцевальных ансамблей «Эргырон» (1968 г.) и «Мэнго» (1974 г.) оказало влияние на развитие танцевальной самодеятельности других народов Севера. Число самодеятельных ансамблей достаточно велико, они имеются почти в каждом селе. Появились и свои профессиональные композиторы.

Возникновение национальной литературы знаменует качественно новый этап в становлении националь-

ной культуры, ибо именно в литературе наиболее адекватно отражается формирование национального самосознания. В рассматриваемый период становятся все более известными имена писателей и поэтов из народностей Севера: Ю. Рытхэу, Г. Ходжера, В. Санги, Л. Лапсуя, В. Ледкова, А. Немтушкина, В. Коянто, С. Курилова, О. Аксеновой, А. Кымытваль и др. Некоторые писатели-северяне удостоены Государственных литературных премий РСФСР.

Значимость литературы велика, так как книга является важнейшим источником сохранения и трансляции продуктов устного народного творчества, духовных ценностей народа. Осуществление непрерывного процесса преемственности предполагает наличие активного воспреемника национальной культуры. Но в северных районах отсутствует налаженная система художественного обучения детей как в детских садах, так и в школах-интернатах. Полное государственное обеспечение детей народностей Севера — в яслях, детских домах, школах-интернатах и специальных учебных заведениях различных типов — по существу исключило семью из общего процесса воспитания и обучения молодежи. Это не только нарушает механизм преемственности поколений, но и оказывает необратимое воздействие на детей и на семью. Обучение в школах-интернатах сказывается и на языковой ситуации. Родители иногда просто не понимают ребенка, когда он приезжает на каникулы. На Таймыре, например, только половина детей коренных национальностей изучает родной язык. Учителя же чаще всего им не владеют.

Свободное функционирование родных языков северян — гарантия дальнейшего развития их национальных культур. В связи с этим в начале 80-х гг. активизировалась работа по развитию преподавания языков народов Севера. В 1981 г. созданы новые проекты программы изучения родного языка во вто-

ром — пятом классах для эвенков, нанайцев, эскимосов, хантов, манси. Ведется работа по уточнению ранее действовавших алфавитов. Для самских и селькупских языков создан новый проект преподавания родного языка в нулевом — первом классах. В 1981 г. разработаны кетский алфавит и проект юкагирского алфавита на основе русской графики.

В качестве интегрирующего в удовлетворении коммуникативных потребностей как внутри складывающейся народности, так и в сфере межнационального общения выступает русский язык. Сегодня абсолютное большинство представителей народностей Севера свободно владеет русским языком. Таких людей значительно больше, чем лиц, использующих только язык своей национальности. Только в период между переписями 1970 и 1979 гг. число лиц, свободно владеющих русским языком, возросло с 75,5 % до 82,7 %, в то время как число лиц, пользующихся только языком своей национальности, снизилось с 72,1 до 65,0 %. Практически все молодые люди и дошкольники владеют русским языком. Некоторые представители народностей Севера владеют языками других национальных общностей. Например, абсолютное большинство эвенков (85 %), проживающих в Якутской АССР, общаются посредством якутского языка, в то время как посредством языка своей национальности — только 12 %. То же можно сказать об эвенах, живущих в Якутии: среди них якутским языком владеют около 70 %, а языком своей национальности — 45 %.

Чем моложе возраст, тем больше лиц, не владеющих языком своей национальности. Например, в возрасте до 7 лет не владеют своим языком почти одна треть, в возрасте 7—10 лет — около одной пятой, причем в городской местности удельный вес лиц в данных группах возрастает в 2—2,5 раза. Среди народностей Севера, живущих в городской местности, как правило, выше знание

русского языка, чем в сельской, и он чаще называется в качестве родного, чем язык своей национальности. Это соотношение на селе меняется в пользу языка своей национальности. То же следует сказать и о владении языком. В городской местности русским языком владеют почти все (языком своей национальности — около половины), в сельской — две трети (языком своей национальности — около трех четвертей).

Итак, в рассматриваемый период бурного хозяйственного освоения Крайнего Севера в этом регионе происходят интенсивные социокультурные процессы, которые в значительной степени затрагивают уклад жизни и культуру его коренных жителей. Несомненно, имеет место освоение народностями Севера новых культурных ценностей и новых потребностей. Формируется национальная интеллигенция, взявшая на

себя миссию сохранения и развития традиционных культур. Однако преобладающими являются не эти в целом позитивные процессы, а тенденции сужения сферы функционирования национальных культур и национальных языков. В силу нарушения преемственности поколений национальные культуры приобретают скорее профессиональный, нежели массовый, народный характер. В связи с этим вполне реальной остается угроза культурной ассимиляции коренных народностей сибирского Севера, потери ими самобытности. Поэтому сохранение и развитие всего комплекса традиционных этнических культур с целью наиболее полного раскрытия способностей, творческих потенциалов северных народностей является одной из важнейших задач современной национальной политики государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правильную оценку результатов исторического пути, пройденного сибирским селом за 60—80-е гг., можно дать, лишь учитывая изменения концепции социально-экономического развития нашего общества — его целей в политической, экономической и социальной сферах управления и способов их реализации. Господствовавшая долгие годы концепция строительства социализма привела наше общество к тупику и потерпела крах, выход из которого — в принятии новой концепции, иного политико-экономического механизма претворения ее в жизнь путем революционной перестройки существующего и учета опыта прошлых десятилетий. Дискуссии о моделях социализма еще только разворачиваются, поляризуются и оценки итогов развития нашей страны за 70 лет, в том числе и исторического пути крестьянства. Сейчас становится ясно, от какого наследства в идеологии и практике необходимо решительно отказаться, ясно, что основные черты и принципы социализма — государственная собственность на землю и средства производства, принцип «от каждого по способностям — каждому по труду», полная занятость населения и другие — подверглись глубоким деформациям или оказались мифами. Устаревшей парадигмой стали такие представления, как приоритет-

ность расширения масштабов производства по сравнению с улучшением качественных показателей; отсталость крестьянского уклада по сравнению с городским, ориентация на крупное производство, или гигантомания; преимущественный рост средств производства ради самого производства, население как трудовой ресурс; вовлечение в хозяйственный оборот новых земель, остаточный принцип развития социальной инфраструктуры; выдвигание государственной собственности как высшей, последовательно социалистической формы, а кооперативной и личной собственности как второстепенной, преходящей; ограничение товарно-денежных отношений и оценка их как реликта прошлой эпохи.

Оценку исторического опыта сибирского крестьянства за прошедшие тридцать лет следует, по-видимому, давать исходя как из итогов и уроков пройденного пути, так и тех идеалов, которые вытекают из нашей приверженности социалистическому выбору. В Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму» говорится: «Социалистическое развитие невозможно без идеала. А он, в свою очередь, лишается реальной почвы, если люди забывают или пренебрегают своей историей...

Облик будущего, даже отдаленного от нас несколькими десятилетиями, невозможно обрисовать конкретно, во всех деталях. Ясно одно: это будет совсем другое общество, которое сложится в условиях демократии, на базе мощного культурного и научно-технического прогресса, будет основываться на гуманистических ценностях народов нашей страны и всего человечества...

С нами идея социальной справедливости...

Право на труд, на пенсионное обеспечение, бесплатное образование, другие социальные блага, впервые появившиеся на советской почве, стали достоянием всякого цивилизованного общества»¹.

Принципы социальной справедливости, коллективизма, подлинного народовластия и демократизма, гуманизма, развития творческого потенциала и расцвета личности — вот те ориентиры, которые наше общество утверждает в качестве целей своего развития, и с этих позиций следует проанализировать итоги и уроки пройденного пути.

Аграрный сектор общества призван прежде всего выполнять производственную функцию. Поэтому следует дать оценки того, как крестьянство справилось с задачей ведения сельского хозяйства и с обеспечением населения продовольствием, имея за плечами накопленные за годы строительства социализма проблемы и противоречия.

В 60—80-е гг. развитие сельского хозяйства Сибири, как и всей страны, было сложным и противоречивым: периоды относительно быстрого подъема производства сменялись длительными годами стагнации, вхождения в кризис в конце 70-х — начале 80-х гг., с началом последующего его преодоления.

Валовая продукция сельского хозяйства СССР (среднегодовая за пятилетия) с 1961—1965 по 1981—1985 гг. увеличилась на 57 %, в

РСФСР и Сибири — на 44 %. Достались эти сравнительно небольшие приросты большой ценой. На развитие сельского хозяйства направлялись огромные капиталовложения (в СССР за 1961—1988 гг. — 884 млрд руб.), причем в условиях снижения приростов капиталовложений в народное хозяйство страны в целом и замедленного внедрения эффективных технологий (трудо-, энерго- и материалосберегающих). В 1981—1985 гг. на укрепление АПК была направлена третья часть всех капитальных вложений.

В развитие сельского хозяйства Сибири за 1966—1985 гг. вложено 47,1 млрд руб. — объем инвестиций в регионе составлял примерно 10—11 % от общесоюзного уровня. Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения возросли за эти же годы более чем в 5 раз, значительно повысилась техническая оснащенность и вооруженность работников сельского хозяйства и сократилась доля тяжелого физического труда.

Достигнуты были также некоторые положительные результаты в улучшении социальной инфраструктуры и уровня жизни сельского населения. Увеличение капиталовложений на развитие непроизводственной сферы (их доля в общей структуре вложений в село повысилась с 15—18 % в 70-е гг. до 30 % в середине 80-х г.) позволило развернуть в более широких масштабах жилищное и культурно-бытовое строительство. Значительно увеличился и обновился общественный жилищный фонд²: за два десятилетия в сибирских селах построено более миллиона квартир. Обеспеченность общей жилой площадью в расчете на одного сельского жителя повысилась примерно в полтора раза. Улучшилась и степень благоустроенности жилья: обеспеченность водопроводом, централь-

² На строительство жилья приходится примерно 80—85 % всех непроизводственных инвестиций в сельское хозяйство.

¹ Правда. — 1990. — 13 февр.

ным отоплением, канализацией, газом возросла в 3—4 раза. Совокупный доход сельской семьи возрос примерно в 2—2,5 раза. В 3—4 раза увеличилась оплата труда колхозников, которая росла несколько быстрее, чем у работников совхозов. Разрыв в оплате труда колхозника и работника совхоза в 1965 г. составлял 33—34 %, а в середине 80-х — примерно 10 %. Сократился разрыв в уровне доходов и потребления городского и сельского населения: душевые доходы сельского жителя составляют сейчас примерно 85—90 % доходов горожан.

Некоторые позитивные изменения произошли в культурной жизни сибирского села. Социологические обследования показали, что со второй половины 60-х до середины 80-х гг. удельный вес сел с развитым и среднеразвитым культурным обслуживанием увеличился с одной второй части до трех пятых. Сравнительный анализ переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. свидетельствует о поступательном повышении образовательного уровня и профессиональной подготовки работников сельского хозяйства. Как следствие социальных перемен сократился отток населения из села в город, в том числе молодых наиболее квалифицированных кадров.

Поиск наиболее эффективных форм хозяйствования, социального переустройства села и общества в целом в условиях господства административно-командной системы был непоследовательным, половинчатым и в конечном счете не привел к крупным качественным сдвигам ни в экономике, ни в социальных условиях жизни сельского населения. Развитие социально-экономических процессов в деревне было далеко не однозначным: решение одних проблем сопровождалось возникновением новых, зачастую более сложных, нарастали трудности и противоречия, появлялись застойные зоны. Неоднократно (в середине 50-х, во второй половине 60-х, в середине 80-х гг.)

ставились задачи перехода на интенсификацию экономики, но социально-экономические и политические формы и средства управления народным хозяйством и производственные отношения оставались по существу адекватными экстенсивному пути развития. Поэтому принимаемые меры приносили кратковременный успех (существенный подъем темпов роста происходил в каждом случае в течение примерно пяти лет), качественные показатели улучшались медленно, а некоторые из них ухудшались. Достигнутые результаты оказались далекими от планировавшихся и не соразмерными вложенным капиталам и финансовым затратам. В итоге ни экономические, ни социальные факторы не выполняли в достаточной мере свою функцию стимуляторов экономического роста сельского хозяйства. В середине 80-х гг. создавалась большая напряженность в экономике и экологии аграрного сектора, повысилась ресурсоемкость и себестоимость сельскохозяйственной продукции, а в конечном итоге и их дефицитность. В отличие от общего прогресса мирового сельского хозяйства сельскохозяйственное производство страны, в том числе и Сибири, имело тенденцию стагнации объемов при ухудшении экономических показателей. Так, средняя урожайность зерновых культур по Сибири в целом возросла с 11,1 ц/га в 1966—1970 гг. до 12,6 ц/га в 1981—1985 гг. (на 1,5 ц/га); производство молока на одну корову (в колхозах и совхозах) увеличилось с 2020 кг в 1965 г. до 2222 кг в 1985 г. (на 202 кг). За этот же период прирост сбора зерновых с гектара составил в Канаде 6 ц/га, в Швеции — более 6, в США — более 18 ц/га³.

В застойную зону попали ресурсы сельского хозяйства: земля истощалась, сократились трудовые ресурсы,

³ Сельское хозяйство капиталистических и развивающихся стран. (Экономико-статистический справочник).— М., 1973.— С. 52—56; СССР и зарубежные страны. 1987: Стат. сборник.— М., 1988.— С. 198.

техника использовалась нерационально, да и была некомплексной и дорогой; высокими оставались ресурсоемкость производства и себестоимость продукции; производство значительной части колхозов и совхозов долгое время (до конца 80-х гг.) было убыточным, финансовые долги государству нарастали, и их приходилось списывать. Сузилась профессиональная специализация крестьян, попусту терялось много рабочего времени. Негативные стороны экономической деятельности крестьянства породили растущий в объемах привлеченный труд горожан принудительного характера.

Стагнация сельского хозяйства затормозила социальное переустройство села и рост уровня жизни сельского населения. В результате к концу 80-х гг. социальная сфера жизни на селе характеризовалась такими негативными чертами, как вымывание в города наиболее здоровой части населения; хронический дефицит материальных благ и их низкое качество; уравнильное распределение оплаты труда; достаточно высокий удельный вес семей, имеющих сравнительно низкие доходы; большой отложенный спрос у части сельского населения в виде денежных накоплений; глубокий кризис социальной сферы жизни — здравоохранения, образования, быта и культуры, — выразившийся не только в отставании предложения от спроса, но и в относительной неразвитости самого спроса; деформации в структуре социальных ценностей, трудовых мотиваций и нравственного облика людей — отчуждение от труда, социальная пассивность и иждивенчество по отношению к государству; возникновение феномена «несунов», массовый алкоголизм; рост преступности; рост детской смертности, сокращение продолжительности жизни; сокращение величины свободного времени, увеличение времени домашнего труда.

Эти итоги развенчивают миф об ускоренном приближении нашего об-

щества к социальной однородности, о сближении города и деревни, о ликвидации различий между физическим и умственным трудом. Сохранилось, а в ряде мест даже усилилось глубокое хроническое отставание деревни от города. На селе по-прежнему гораздо хуже поставлено медицинское, торговое и культурно-бытовое обслуживание, а техническая обустроенность жилищного фонда в 2—5 раз уступает городской. На селе смертность людей в трудоспособном возрасте на 20 %, а детская — на 50 % выше, чем в городе⁴. Отток жителей села в города превышает их естественный прирост.

Все эти негативные черты с особой остротой проявляются в сибирской деревне, а в национальной они еще и усугубляются. Условия жизни населения в сельской местности Сибири хуже по сравнению не только с городом, но и с селами Украины, Молдавии и многих районов Российской Федерации. Сибирская деревня по-прежнему отстает от страны в целом (и республики) по средним стандартам потребления жилья, платных услуг, использования общественных фондов, по уровню развития всех отраслей сферы обслуживания. Сибирские ученые считают, что отставание окажется еще более глубоким, если учесть необходимость компенсации более суровых природно-климатических условий, требующих увеличения потребительского бюджета в южных районах Сибири как минимум на 20—40 %, а в северных — в 1,5—2 раза по сравнению с центральными районами страны⁵.

Анализ причин кризиса сельского хозяйства дан в материалах мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, определившего ряд принципиальных уроков, вытекающих из предшествующего опыта, и наметившего основ-

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 15—16 марта 1989 года. — М., 1989. — С. 72.

⁵ Известия. — 1989. — 2 июня.

ные направления развития современной аграрной политики КПСС. В докладе на Пленуме М. С. Горбачев заключает, что экономические и социальные проблемы села в течение долгого времени не решались, а накапливались, в результате чего общесоюзная проблема продовольственного снабжения стала самой болевой точкой в жизни общества, которое вынуждено значительную часть продуктов закупать за рубежом. «Дефицит продовольствия создает социальную напряженность»⁶.

Новая аграрная политика должна быть направлена на решение продовольственной проблемы и обеспечение уже в ближайшие годы достаточного и устойчивого продовольственного снабжения. Для достижения этой цели необходимы коренные социально-экономические преобразования в деревне. Ключ к ним — перестройка отношений собственности, позволяющая крестьянину стать хозяином на земле и быть заинтересованным в увеличении роста и эффективности производства сельскохозяйственной продукции, а также социальная ориентация развития экономики.

В решениях мартовского (1989 г.) Пленума ЦК, в законах, принятых съездами народных депутатов, в указах и постановлениях Верховного Совета СССР и РСФСР намечается программа экономического и социального развития села. Необходимо разработка аналогичной программы и для восточных районов РСФСР, в частности Сибири. Реализация ее потребует своеобразных методов решения продовольственной проблемы региона и социальных задач. Своеобразие восточных районов связано с периферийным характером размещения основных сельскохозяйственных ресурсов и большой протяженностью продовольственных линий снабжения продуктами в условиях слаборазвитой транспортной сети, а также со специфической си-

стемой расселения сельских жителей.

В решениях XXVII съезда КПСС и в других документах партии и Советского государства намечена масштабная программа приоритетного экономического и социального развития Сибири: «Составной частью экономической стратегии партии,— говорится в Программе КПСС,— было и остается ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. При освоении новых районов особое экономическое и политическое значение имеет неукоснительное обеспечение комплексного решения производственных задач и развития всей социальной инфраструктуры в интересах улучшения условий труда и жизни людей»⁷.

Сибирские ученые в 70—80-е гг. неоднократно прорабатывали варианты развития сельского хозяйства восточных регионов страны на долгосрочную перспективу⁸. Программа развития сибирского села и сельского хозяйства была обсуждена и дополнена участниками Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири и ускорению научно-технического прогресса (Новосибирск, 1985). В результате прогнозных расчетов на перспективу в 15—20 лет, выполненных в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и в Сибирском НИИ экономики сельского хозяйства Сибирского отделения ВАСХНИЛ в конце

⁷ Материалы XXVII съезда КПСС.— М., 1986.— С. 146.

⁸ Ильюшонок С. Е., Можин В. П., Панченко А. И. Планирование развития аграрно-промышленного комплекса.— Новосибирск, 1975; Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири.— Новосибирск, 1979; Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе.— Новосибирск, 1980; Заславская Т. И., Калмык В. А., Хахулина Л. А. Проблемы социального развития Сибири и пути их решения // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии.— 1986.— № 1, вып. 1; и др.

⁶ Материалы Пленума...— С. 36.

80-х гг., могут быть названы три группы целевых экономических задач, стоящих перед АПК Сибири в 90-е гг. и первое десятилетие XXI в.

Первая, наиболее масштабная по потребным ресурсам и средствам достижения задач — обеспечение местного населения основными продуктами питания. На уровне 2000—2005 гг. на это будет затрачиваться приблизительно 92—94 % материальных и трудовых ресурсов. Вторая задача — широкое участие в межрегиональном продовольственном обмене. Если учитывать поставки на Дальний Восток продуктов питания и зернофуража, то для их обеспечения должно затрачиваться примерно 5—6 % ресурсов сибирского регионального АПК. Наконец, третья задача — восстановление позиций Сибири на мировом продовольственном рынке. Решение последней задачи необходимо для получения сельским хозяйством и пищевой промышленностью Сибири валютных ресурсов в целях реконструкции их материально-технической базы, укрепления экономики этих отраслей и развития социальной сферы жизни работников. Мировые стандарты качества могут быть достигнуты по таким продуктам, как сильная пшеница и сибирское масло. Учитывая необходимость одновременного достижения других целей, в ближайшие 15—20 лет на решение этой последней задачи можно ориентировать не более 1,5—2 % ресурсов сибирского АПК.

Современное состояние сельского хозяйства Сибири отличает двойственность. С одной стороны, к настоящему времени накоплен значительный производственный потенциал, определены главные черты мирового прогресса в аграрной сфере на основе освоения достижений научно-технического прогресса (комплексная механизация, автоматизация и электронизация многих производственных процессов, распространение биотехнологий, ресурсосберегающих технологий, компьютеризации и др.).

С другой — эти достижения науки и техники используются в сибирском земледелии и животноводстве не комплексно и на очень узких участках, прежде всего в отраслях с промышленного типа технологией (птицефабрики, свинокомплексы) или в научно-производственных подразделениях, а также в сфере хранения, переработки и реализации продукции.

К особенностям решения продовольственной проблемы в Сибири следует отнести и необходимость преодоления диспропорций между увеличением объемов потребления в районах Сибири, прежде всего на Севере, что связано с опережающим ростом численности населения, и трудностями достижения более высокой эффективности аграрного производства, в основном в южных зонах, с максимальным использованием в них благоприятствующих природно-климатических факторов. Таким образом, опережающий рост потребления в районах Севера и опережающий рост производства на юге Сибири объективно должны поляризовать региональные структуры АПК. На Севере в районах с неблагоприятными и зачастую экстремальными условиями ведения сельского хозяйства, с острым дефицитом трудовых ресурсов, высокой стоимостью жизни, с ориентацией на привлечение возможно меньшего контингента трудящихся извне, при малой численности сельского населения естественным выглядит особый путь его развития, а именно развитие и сохранение традиционных отраслей и промыслов коренного и старожильского населения (оленоводство, охотничий и рыбный промыслы, выделка кож и меховых изделий). Близ и в черте городов для снабжения их населения диетическими и нетранспортабельными продуктами (тепличными овощами, яйцом и диетическим мясом птицы, цельномолочными продуктами) необходимо создание высокомеханизированных сельскохозяйственных предприятий.

То же, что может быть произведено на юге Сибири и в других районах и завезено оттуда с суммарно более низкими издержками, явится основой формирования продовольственных ресурсов потребления по другим продуктам.

В экстремальных и субэкстремальных условиях аграрные предприятия, организованные по промышленному образцу, т. е. имеющие достаточно жесткую технологию, находящиеся в большой степени зависимости от централизованного энерго-, тепло- и водоснабжения, требующие для своего функционирования промышленной дисциплины труда, будут нацелены в основном на обеспечение населения городов, рабочих и вахтовых поселений остродефицитной свежей и витаминизированной продукцией. Юг Сибири, ее основные сельскохозяйственные районы будут и впредь играть роль крупнейшего производителя продовольствия на востоке СССР. В связи со специфическими условиями Сибири в перспективе, скорее всего, сохранятся и наиболее эффективно будут функционировать крупные предприятия сельского хозяйства, как государственные, так и кооперативные, включая ассоциации, акционерные компании (комбинаты), научно-производственные системы и др.

В ходе выработки концептуальных основ социально-экономических преобразований на первом (май — июнь 1989 г.) и втором (декабрь 1989 г.) Съездах народных депутатов, важнейших государственных установлений на первой (июль 1989 г.), второй (ноябрь этого же года) и третьей (февраль — апрель 1990 г.) сессиях Верховного Совета СССР сформировался и был принят пакет законодательных актов, и среди них важнейшие — «О собственности в СССР», «О земле», «Об аренде» и др.

Особое значение для судеб сельского населения и форм развития сельского хозяйства приобрело утверждение о равноправии, равнозначности различных форм социали-

стической собственности — государственной, колхозной, собственности кооперативов, ассоциаций, индивидуальных трудовых форм, личного подсобного хозяйства, смешанных форм — государственно-кооперативных и др.

«Основой решения продовольственной проблемы, — говорится в Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, — должно стать развитие всех форм хозяйствования на земле — одинаковые возможности должны иметь государственные, кооперативные, индивидуальные хозяйства, разнообразные формы хозяйствования — подрядные, арендные, семейные и другие»⁹. Преодолено представление о главенстве государственной формы собственности, как якобы наиболее эффективной в социалистическом обществе, преобразование форм собственности в пользу которой в сельском хозяйстве страны, и в частности в Сибири, было долгие годы преобладающей тенденцией. Признано целесообразным кардинально преобразовать государственную собственность, превратить ее из казенно-бюрократической, «ничейной», отчуждающей производителя от продуктов его труда, в собственность, управляемую на демократических началах самими трудящимися. Практика выявила основной путь такого преобразования — аренду, когда производственный коллектив получает в свое пользование или распоряжение определенные объекты общественного достояния, включая землю, ведет самостоятельное хозяйство как социалистический товаропроизводитель.

Преобладающая по экономической роли и месту в Сибири государственная форма собственности, раскрепощенная от казенно-бюрократических извращений, сохраняет приоритет там, где объективно существует повышенный риск хозяйствования (природно-климатический и научно-технический), а также в зонах пер-

⁹ Правда. — 1990. — 15 февр.

воначального освоения или крупной структурной переориентации хозяйственной направленности, требующей значительных инвестиций без ожидаемой скорой окупаемости. Так, формирование крупного промышленного района — КАТЭКа в Красноярском крае — требует переориентации ряда хозяйств с возделывания высококорентабельных зерновых (пшеницы) на производство овощей и картофеля¹⁰.

Сохранится государственная форма собственности и на крупных индустриальных предприятиях, технологически и организационно жестко связанных, вплоть до интеграции, с предприятиями иных отраслей народного хозяйства. Прежде всего это яичные, бройлерные птицефабрики, свинокомплексы, комплексы по откорму крупного рогатого скота. Вероятно, в силу повышенной значимости предприятий перечисленных типов в районах Сибири, и прежде всего в ее основных, южных сельскохозяйственных зонах, государственный сектор производства будет и в дальнейшем сохранять существенные позиции в сельском хозяйстве.

Возможности развития кооперативной формы хозяйствования на селе расширяются с принятием законов о кооперации, об аренде и постановлений, регулирующих деятельность производственных, торговосбытовых, ремонтно-строительных и других кооперативов на селе. Началось преобразование внутривладельческих отношений в колхозах и совхозах, создание на их основе союзов кооператоров-арендаторов, которые в перспективе могут получить широкое развитие.

Наряду с государственными, кооперативными, арендными сельскохозяйственными предприятиями на базе заброшенных деревень, земель, отдаленных от центральных усадеб колхозов и совхозов, банкротства хронически убыточных из них, а так-

же расширения размеров ЛПХ возникают и получают развитие семейные фермы, которые в обозримой перспективе будут дополнять другие формы хозяйствования.

Для получения общих представлений о масштабах проблем при реализации социально-экономических путей развития аграрного комплекса Сибири с одновременным выходом на полное покрытие продовольственных потребностей необходимо определить исходные позиции по возможностям продовольственного самообеспечения региона. Практически по всем важнейшим продуктам (кроме зерновой группы) сельское хозяйство Сибири в настоящее время не в состоянии обеспечить удовлетворительное снабжение населения региона, даже если все имеющиеся ресурсы будут направлены на местные нужды. Так, в середине 80-х гг. обеспеченность продовольственных потребностей населения Сибири местными ресурсами составляла по зерну 225 %, мясу — 66, молоку — 70, яйцу — 90, картофелю — 84, овощам — 39 %. Для того чтобы выйти на уровень обеспеченности продуктами, соответствующий в основном научно обоснованным нормам, объем сельскохозяйственной продукции по Сибири в целом должен наращиваться со среднегодовым темпом прироста 3,1—3,5 % до конца текущего столетия.

Целевая характеристика производства — выход за 15—20 лет на урожай зерновых культур 25—30 ц/га в расчете на среднегодовой уровень, т. е. обеспечение прироста сбора с 1 га посева не менее 12 ц по сравнению с современной урожайностью, с дальнейшим увеличением этого показателя до 17—20 ц. Как следует из сопоставления с данными приростов сборов урожаев по другим странам, это близко к показателям прогресса американского сельского хозяйства или европейского в 70-е — первой половине 80-х гг., включая такие страны, как Венгрия, Чехословакия, ГДР.

¹⁰ Формирование КАТЭКа: Опыт разработки и моделирования программы. — Новосибирск, 1986. — С. 193—195.

Для осуществления задач продовольственного обеспечения населения у АПК Сибири практически нет альтернативы развитию по пути интенсификации. Однако отсутствие альтернативы не есть условие обязательности движения по этому пути. На это указывает и опыт, полученный в ходе осуществления первоначального этапа интенсификации. Достигнутые результаты в этом отношении оказались далеки от планировавшихся, не адекватными вложенным капитальным и финансовым затратам. Надежность преобразований отрасли и всего продовольственного комплекса возможна лишь на базе опережающих темпов роста производительности труда.

Обеспечение важнейшей пропорции — между объемом производства и производительностью труда, а также несколько более быстрый рост технического уровня сельского хозяйства Сибири над общесоюзным (в силу задач продовольственного обеспечения восточных районов и напряженности здесь с трудовыми ресурсами) достигается при среднегодовых темпах роста производительности труда 4,5—5,5 % в год. В сельском хозяйстве должно быть обеспечено по меньшей мере то же превышение темпов роста производительности труда над объемами производства, что и в целом в народном хозяйстве, а желательно и более высокое. Высвобождающиеся в результате этого трудовые ресурсы предпочтительно вовлечь в сферу переработки и реализации продукции, тем самым повысив экономическую эффективность агропромышленного комплекса в целом.

В Продовольственной программе СССР, принятой в 1982 г., намечался среднегодовой рост производительности труда в общественном секторе 4,1 % на десятилетие 1981—1990 гг., и, как известно, эта задача осталась нерешенной. Если будет достигнут расчетный уровень производительности труда, то в сельскохозяйственном производстве Сибири

(без учета лиц, полностью занятых в личных подсобных хозяйствах, а также труда на дачных участках и в садово-огородных кооперативах) необходимый объем производства будет обеспечен 1,2 млн среднегодовых работников, из них 1,1 млн постоянных. Это примерно 82—85 % от числа ныне занятых, что находится в границах демографических оценок сокращения численности сельского населения.

При освоении новых районов особое экономическое и политическое значение придается неукоснительному обеспечению комплексного решения производственных задач и развития всей социальной инфраструктуры в интересах улучшения условий труда и жизни людей. Преодолеть отставание социальной сферы сибирского села, создать комплекс благоприятных условий труда и сельского быта — основной путь закрепления квалифицированных кадров на селе, предотвращения их чрезмерного оттока в города и в западные районы страны. Большую роль в сокращении миграции из села играет сбалансированность условий труда с потребностями работника. Если до последнего времени преимущество отдавалось рабочему месту и человек приспособлялся к нему, то в перспективе необходимо всемерное приспособление технических средств, санитарно-гигиенических условий труда к природе человека, его требованиям к качеству техники, условиям и организации труда. В этом заключается одна из черт социализации экономики.

В условиях напряженного трудового баланса сельского хозяйства Сибири необходимо достичь такого положения, чтобы темпы роста производительности труда опережали темпы сокращения рабочей силы. Возможности для этого есть, особенно на начальной стадии: 20—30 %, а иногда и 50 % фонда рабочего времени составляют потери; число прогулов у рабочих совхозов в 3 раза, а у колхозников — в 7 раз выше, чем

у рабочих промышленности; большие потери рабочего времени вызываются также перерывами в работе в межсезонный период и составляют от 8 до 26 дней в расчете на одного колхозника. Только по этой причине в сельском хозяйстве Новосибирской области недоиспользуется 500 тыс., в Алтайском крае — 3 млн чел.-дней. Более полное и эффективное использование фонда рабочего времени работников сельского хозяйства позволит сократить дефицит труда в отрасли в 1,5—2 раза.

В Сибири, как и в РСФСР в целом, снижение доли сельского населения и трудовых ресурсов в общей численности населения будет протекать более интенсивно, чем в других регионах страны, но умеренно по отношению к Центральному, Центрально-Черноземному, Северо-Западному и Волго-Вятскому экономическим районам. Как ожидается, исключение составит Восточная Сибирь, где предполагается увеличение численности трудовых ресурсов сельской местности в 90-е гг. В Западной Сибири продолжится их сокращение. В результате этих процессов обеспеченность села трудовыми ресурсами в РСФСР и ее восточных районах ухудшится, и лишь такие районы сибирского края, как Бурятская, Тувинская и Якутская автономные республики, будут обеспечены ими полностью¹¹. Будут продолжаться процессы нуклеаризации семей, увеличения числа одиночек, добрачных рождений детей, разводимости. Все они потребуют специальных мер для снятия социальной напряженности в жизни крестьянства, однако в случае успешного развития семейных арендных и фермерских хозяйств негативные процессы изменения семейных отношений могут сгладиться.

Поскольку сельское население продолжит «старение» и в последующее десятилетие, можно ожидать сохранения тенденции к снижению его

оттока в города. Упрочению этой тенденции будет способствовать и существенное повышение транспортной доступности мест работы, сферы обслуживания, мест досуговой деятельности, хотя в Сибири взаимобусловленность расселения и размещения производства еще долгое время будет представлять собой специфику региона вследствие больших расстояний и относительно слабой плотности населения. Острота транспортной доступности может быть снята последовательно проводимой расселенческой политикой и прежде всего строительством внутри- и межхозяйственных дорог. Дороги — одно из самых уязвимых звеньев сельской жизни. В Новосибирской области лишь 43 % райцентров соединены с областным центром дорогами с твердым покрытием, 39 % периферийных поселков — с центральными усадьбами; на Алтае — соответственно 100 и 66 %¹². Строительство местных дорог будет крупным шагом в деле интеграции сельских поселений.

Приоритетное значение в социальной программе перспективного развития сибирского села отводится жилищной проблеме. Несмотря на высокие темпы ввода жилья в сельской местности, жилищная проблема остается наиболее острой. Социологические опросы показывают, что около трети сельчан связывают повышение жизненного уровня с улучшением жилищных условий, а 70 % ставят оснащенность коммунальными удобствами на первое место среди всех качественных характеристик жилья. Обеспечение каждой семьи благоустроенной квартирой или домом, намеченное в социальной программе до 2000 г., отвечает современным потребностям сельских жителей. Однако с развитием семейных ферм возрастает тяга жителей села к собственным домам с подворьем. Как полно будут удовлетворяться запро-

¹¹ Трудовые ресурсы в реализации Продовольственной программы. — М., 1984. — С. 30, 33—34, 38—39.

¹² Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск, 1987. — С. 269.

сы крестьян в получении долгосрочных кредитов, в обеспечении строительными материалами, в значительной мере будет зависеть от создания в стране внутреннего свободного рынка, борьбы с инфляционными процессами, наконец, от реализации реформы ценообразования и налогового пресса.

В перспективе доходы сельскохозяйственного населения должны быть выше, чем у семей промышленных работников, поскольку часть совокупных доходов семей колхозников и работников совхозов составляют поступления из личных подсобных хозяйств, т. е. за счет дополнительного труда сверх его общественной нормы. Справедливым будет равенство совокупного дохода, приходящегося на единицу затрат труда, в сельском хозяйстве и других отраслях материального производства.

Здоровье населения — одна из основных ценностей — отражает качество жизни и определяется ее укладом, а именно условиями труда, качеством питания, жилищица, уровнем гигиенической культуры и пр. Поскольку главный фактор здоровья на сегодня — это условия труда, их улучшение будет способствовать его укреплению. Но нельзя игнорировать и то обстоятельство, что переход на индивидуальный труд в условиях слабой его технической базы (отсутствия мини-тракторов и другой техники, приспособленной для ведения фермерского хозяйства) может чрезмерно увеличить трудовую нагрузку в ущерб здоровью крестьянина, членов его семьи. В период становления этого типа хозяйств в зоне рискованного земледелия возможны и нервные перегрузки. Борьба с негативными последствиями, отражающимися на здоровье человека, ляжет и на сферу здравоохранения, сравнительно отсталую в Сибири. В перспективе здесь предполагается рост обслуживания жителей специализированными учреждениями городов, в том числе передвижными видами помощи. В начале 90-х гг. завершит-

ся телефонизация всех лечебно-профилактических учреждений на селе. Предполагается также строительство новых сельских клубов и домов культуры, расширение сети библиотек и спортивных сооружений. В этой сфере будут широко применяться передвижные виды услуг (автобиблиотеки, кинопередвижки, автоклубы). Для закрепления специалистов сферы обслуживания на селе будут увеличиваться льготы (преимущества в обеспечении квартирами, топливом, увеличении продолжительности отпусков, в оплате труда и пр.).

Подъем культурного уровня сельских жителей составляет обязательное звено в цепи задач обновления села. Переход на интенсивный путь хозяйствования, передача в руки крестьян управленческих функций в производстве и политической жизни села, вовлечение населения в активную деятельность новых местных Советов, усиление личностных контактов между различными социальными группами и соединение многих социальных ролей в одном лице потребуют высокого развития личностных качеств человека — квалификации, инициативности, умения анализировать ситуацию, принимать рискованные решения и нести за них ответственность.

Одна из важнейших задач социальной политики нашего государства — выравнивание социальных различий между регионами страны. Это касается как автономий (республик, областей), так и районов проживания народностей Севера, которые значительно отстают по условиям жизнеобеспечения — среднему совокупному доходу семьи (относительно стоимости жизни), обеспеченности услугами производственной сферы и благоустроенным жильем (на единицу территории). Решение этой задачи возможно на пути возрождения и творческого развития ленинской национальной политики, расширения прав и реальной самостоятельности автономных республик, областей, округов (возможно, создания новых

автономных образований), приоритетного экономического и социального развития национального села, коренных народностей Севера в первую очередь. При сохранении современных условий жизни трудно ожидать положительных сдвигов в сознании народов, интересы которых столь долго игнорировались. Ведомства, ведущие промышленное освоение северных территорий и тем самым подрывающие естественную основу традиционных занятий коренного населения, должны компенсировать наносимый ущерб. Необходимо приведение в надлежащий порядок хозяйства самих коренных жителей, целью которого должны стать не высокие плановые показатели, а развитие на современной технической базе традиционных отраслей сельского хозяйства и промыслов, а также развитие культуры, языка, прогрессивных традиций.

В Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии говорится, что необходимо «укрепление суверенитета, расширение прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, их возможностей самостоятельно решать крупные вопросы экономической, социальной и культурной жизни...

Ни один народ, каким бы малочисленным он ни был, не должен утратить свою культуру, язык, свои неповторимые, веками складывающиеся облик и характер. Мы за предоставление компактно проживающим национальным группам возможности создавать свои общественные, образовательные, религиозные и иные ассоциации, иметь культурные и информационные органы, школы, культовые сооружения.

Особая забота на общегосударственном уровне должна быть проявлена по отношению к малочисленным народам, их самостоятельному существованию и развитию»¹³.

Осуществление масштабных мер по социально-экономическому преоб-

разованию села неизбежно приведет к усложнению социальной структуры сельского населения, к обновлению и расширению содержания понятия «крестьянство». Ведя поиск новой модели социализма в деревне, партия осудила многолетнюю практику раскрестьянивания; крестьянство как класс социально реабилитировано. На основе коренного преобразования социальных и экономических отношений изменяются состав, социальный облик крестьянства; в условиях перестройки происходит превращение крестьянина из наемного работника в хозяина, из исполнителя распоряжений «верхов» в распорядителя средств производства и доходов. Нельзя не согласиться с П. И. Симушем, утверждающим, что современное крестьянство — это общественный класс, занятый в сельском хозяйстве и имеющий в своем владении или пользовании землю и другие средства производства, распоряжающийся полученным доходом¹⁴.

В связи с развитием многообразных форм собственности изменяется представление о границах класса крестьянства: в него правомерно включаются наряду с колхозниками, занятыми в общественном производстве колхозов, кооператоры и арендаторы, занятые коллективной или индивидуальной деятельностью в аграрной сфере, владельцы семейных фермерских хозяйств. Пополняют ряды крестьян и те рабочие совхозов, которые становятся кооператорами и арендаторами.

Перспективы развития крестьянства всецело зависят от успешной реализации стратегического курса на возрождение российского крестьянства и выхода из кризиса советского общества. Повышение темпов экономического роста на базе интенсификации сельскохозяйственного производства, его структурной перестройки, эффективных форм управ-

¹⁴ Симуш П. И. Крестьянство: уходящий или обновляющийся класс? // Научный коммунизм.— 1990.— № 1.— С. 25.

¹³ Правда.— 1990.— 13 февр.

ления трудом, активизация социальной политики в направлении совершенствования общественных отношений, а также создания мощной системы социального обеспечения и последовательной демократизации — все это должно благотворно сказаться на социальном прогрессе советского села и политической активности крестьянства. Политическая активность, несомненно, выльется в новые организационные формы, общественные движения и союзы, защищающие интересы крестьянства, его социальных групп от бюрократического аппарата и сопротивления элитарного слоя. Свидетельство тому — недавно созданная Ассоциация сельских кооператоров и арендаторов.

В условиях развития подлинного демократизма на определенном этапе интересы тружеников земли могут найти отражение в органах власти и политических организациях, в перспективе возможно создание крестьянской партии, а также аграрно-крестьянской фракции в составе Съезда народных депутатов СССР. Зародышем последней является консолидация группы депутатов-аграрников, которые в своем Обращении

к первому Съезду народных депутатов заявили: «Все наши предложения сводятся к одному, в сущности: надо сделать крестьянский труд самым престижным и уважаемым, как во всех развитых странах мира. Крестьянин должен занять достойное положение в нашем обществе... Необходимо выравнивать крестьянство в экономическом, социальном, юридическом плане с рабочими и служащими, без всякого изъятия, как и предусмотрено Конституцией Союза Советских Социалистических Республик»¹⁵.

Сельский образ жизни, качественно отличный от городского с его «урбанистическими» ценностями, должен стать равноценным с последним в социальном отношении на базе высокого уровня доходов населения, обеспеченности жильем и другим социальным обустройством; он должен стать притягательным и предпочтительным для людей, больше ценящих доступ к природным благам и относительно спокойный ритм жизни. Крестьянство — главный кормилец страны — должно обрести равноправный социальный статус и высокий общественный престиж.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
- ГАОО — Государственный архив Омской области
- ОААК — Объединенный архив Алтайского крайсовпрофа
- ОАНО — Объединенный архив Новосибирского облсовпрофа
- ПААК — Партийный архив Алтайского крайкома КПСС
- ПАВО — Партийный архив Бурятского обкома КПСС
- ПАКК — Партийный архив Красноярского крайкома КПСС
- ПАКО — Партийный архив Кемеровского обкома КПСС
- ПАНО — Партийный архив Новосибирского обкома КПСС
- ПАТюмО — Партийный архив Тюменского обкома КПСС
- ПАХО — Партийный архив Хакаского обкома КПСС
- ПАЧО — Партийный архив Читинского обкома КПСС
- ПАЯО — Партийный архив Якутского обкома КПСС
- ТАМП РСФСР — Текущий архив Министерства просвещения РСФСР
- ЦА ВЦСПС — Центральный архив ВЦСПС
- ЦАМП РСФСР — Центральный архив Министерства просвещения РСФСР
- ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
- ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР
- ЦГА ТувАССР — Центральный государственный архив Тувинской АССР
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азарова А. И. 438
Азарх Э. Д. 42
Аксенов И. М. 377
Аксенова О. 468
Александров В. Н. 41
Амзараков В. Г. 443
Ангелина П. Н. 357
Афонин В. Г. 140
- Бадалян Т. М. 41
Бадулин Н. М. 316
Балыкова Н. А. 42
Бараев А. И. 71
Батлук В. Т. 140
Бахолдина В. М. 357
Беккер А. А. 96, 128, 339
Беккер Г. А. 198
Белина А. В. 442
Бестужев-Лада И. 332
Бимбаев Г. М. 438
Бойко В. И. 42
Борисов Б. Л. 42
Борисова Л. Г. 42
Ботандаев И. Н. 443
Букин С. С. 42
Бурдакина А. С. 372
Бутченко Г. М. 384
Буханько Н. Н. 96, 339
Бычков А. П. 41
- Василенко И. М. 339
Вепрев А. Ф. 29, 31, 135, 378
Вовченко Ф. Я. 339
- Гавриленко О. В. 140
Гаганова В. 137
Гвоздева Г. П. 42
Гончаров П. Л. 41
Гончарова Г. С. 42
Горбачев М. С. 5, 12, 15, 18, 36, 84, 130,
144, 199, 336, 342, 347, 366, 440, 474
Горшенин К. П. 203
Горяченко Е. Е. 41
Гринько Ф. М. 379
Гущин Н. Я. 41, 42
- Дамбаев Д. Б. 442
Демиденко В. Г. 379
Дидеева Л. Г. 438
Дондуп М. В. 442
Дремова Л. И. 41
Дугданов Ц. 442
- Емельянов А. М. 16, 25, 26, 30, 32, 35
Еремина В. К. 442
- Жукова Г. А. 41
- Заббаров И. Ш. 120
Заболотная М. И. 140
Заславская Т. И. 23, 29, 33, 35
Золототрубов В. С. 42
- Иванова Г. Н. 438
Илаков А. А. 438
Ильиных В. А. 42
Иордан Р. 128
Исакова Н. В. 42
Истомин В. Г. 42

- Калашников В. Я. 442
 Калмык В. А. 41, 42
 Калугина Э. И. 41
 Кара-Сал Д. Б. 442
 Карпунина И. Б. 42
 Качкышев Я. М. 438
 Каштапов А. Н. 202
 Коваленко В. К. 42
 Кожуховы 133
 Коцелап М. А. 319
 Коянто В. 468
 Кренц А. 128
 Кривко А. Г. 290
 Кузнецов А. И. 42
 Кузько В. С. 290
 Курплов С. 468
 Кухарь И. И. 29
 Кымытваль А. 468

 Лапцуй Л. 468
 Ледков В. 468
 Ленин В. И. 24, 43, 122, 316, 326, 365
 Лигостаев А. Я. 140
 Липокурова В. П. 438
 Ловцова М. М. 319
 Лукинов И. И. 32, 189
 Лунегова Е. П. 42
 Лысенко Т. Д. 202, 204

 Максименко И. А. 140
 Мальцев Т. С. 8, 71, 72
 Манякин С. И. 311
 Маркс К. 43, 62, 68, 174
 Масканов С. А. 438
 Махина Е. С. 42
 Медведев И. Ф. 42
 Мслентьева А. П. 42
 Минсеева А. 442
 Митусова Ф. В. 339
 Михальченко А. К. 41
 Могильницкая К. И. 41
 Монсеев Н. Н. 38
 Мухордов Е. Г. 206

 Назаров И. А. 36, 346
 Наливайко Г. А. 8

 Неворотов Г. А. 263
 Недобитков И. А. 140
 Немтушкин А. 468
 Нечипоренко О. В. 42
 Николаев А. А. 41, 42
 Никулина Е. В. 41
 Новиков А. М. 372
 Новоселов Ю. А. 214
 Носков А. А. 41, 42
 Носова Н. Г. 319
 Носоненко М. И. 319
 Оборкин А. И. 42
 Ольшанский М. А. 202
 Опалайко Н. П. 366
 Осинский И. И. 42
 Островский В. Б. 21
 Оюн В. О. 442

 Пацкова К. И. 41
 Петров Н. Н. 442
 Плетенецкий Д. Е. 442
 Пожидаев В. П. 379
 Попкова Р. А. 42
 Приходько Л. Н. 42
 Романова Н. А. 41
 Рутц Р. И. 206
 Рыжков Н. И. 17, 35, 39
 Рытхэу Ю. 468
 Рычков А. А. 41

 Самолищенко И. И. 377
 Санги В. 468
 Санчат П. С. 442
 Саункин А. А. 22
 Сдобников С. С. 202
 Сенчагов В. К. 195
 Сергеев А. А. 35
 Сергеев В. М. 373
 Сергеева О. П. 440
 Сибиряков М. Н. 448
 Симуш П. И. 21, 481
 Синягин И. И. 203
 Смирнов В. Д. 210
 Сталин 32
 Старостин Н. Г. 440
 Степанова Г. С. 442

Сыманович Ч. Э. 25
Сырещиков В. И. 290

Тапилина В. С. 42
Татарчук Н. Ф. 373
Титков И. В. 323
Тосдов Д. 438
Толасов Б. К. 383
Тонтушева М. С. 438
Тупикин Н. И. 128
Турченко В. Н. 42
Тюрина А. П. 21, 23

Удалова И. В. 42

Федорова П. П. 438
Филиппов С. М. 438
Филиппов Ф. Р. 34
Филиппова В. Г. 29
Фольмер Н. И. 202
Фоминых А. М. 140

Харченко И. И. 42
Ходжер Г. 468

Чаптынов В. И. 442
Черкасский Я. И. 41
Чпкин С. Н. 41
Чопуй Д.-Б. Б. 438

Шалаев С. А. 147
Шапошников А. Н. 42
Шарин П. П. 438, 449
Швецова Е. И. 42
Шевлягин А. И. 202
Шелепа А. С. 41
Шильдяшов И. М. 42
Шишкин Н. Ф. 383
Шкредов В. П. 35
Штамлер В. И. 41
Шумаков И. Я. 316

Эйгерис И. Я. 41
Энгельс Ф. 43
Эннс И. Я. 304
Эрнст А. Я. 384

Юферов В. А. 202
Яковина Г. Н. 42
Яковлев А. Н. 28

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакан, г. 70, 431
Абаканский р-н 345
Агинский Бурятский авт. округ 386, 399,
401, 404, 406, 409, 436, 437, 446
Аларский р-н 141
Алейск, г. 45
Алейский р-н 135, 318, 379
Алексеевский р-н 424
Алтайский край (Алтай) 8, 19, 20, 29, 41,
45, 50, 52, 68, 71, 73, 74, 77, 83—85,
91, 95—97, 100, 108—110, 112—114, 116,
119, 123, 125, 127—130, 132, 134, 135,
137, 138, 140—142, 144, 146, 151, 155,
156, 158, 161, 162, 171, 172, 190, 193,
198, 199, 203, 206, 207, 210, 212, 213,
221, 224, 230, 233, 234, 240, 248—250,
253, 255, 258, 259, 262, 263, 269, 270,
275, 276, 282, 283, 285, 289, 290, 301, 303,
304, 308, 313—316, 318, 319, 322, 323,
330, 332, 334—339, 342, 343, 346—349,
356—361, 366—369, 372, 373, 375—377,
379, 381, 400, 402, 441, 479
Алтайский р-н 379
Амгинский р-н 448
Америка 159
Аскизский р-н 435, 439
Ачинск, г. 160
Ачинский р-н 109
Баганский р-н 131, 344
Баевский р-н 92
Бай-Тайгинский р-н 428
Балман, с. 319
Барабинская низменность (Барабинская
степь, Бараба) 68, 83, 158, 203
Барабинский р-н 138, 379
Барановка, с. 142
Баргузинский р-н 434
Белоруссия 158
Благовещенский р-н 379
Боготольский р-н 109
Бурятская АССР (Бурятия) 41, 68, 71,
109, 152, 155, 386—394, 396, 398, 399,
401—414, 416—427, 429—435, 437—444,
446, 447, 449, 452, 479
Венгрия 477
Венгеровский р-н 204
Волго-Вятский р-н 45, 479
Волчихинский р-н 316
Восточная Сибирь 7, 14, 16, 36, 45—47,
49, 51—53, 55, 56, 61—63, 67, 68,
71—73, 75, 76, 80, 85—88, 91—93,
95—97, 100—103, 109, 111, 112, 116, 119,
125, 126, 131, 149, 151, 155, 157, 158,
164, 166, 168—171, 173—175, 191—196,
201, 217, 220—226, 228—230, 232—236,
238, 240, 242—245, 247—250, 252, 254,
255, 258, 263, 264, 270, 271, 276, 282,
286, 287, 293—296, 303, 304, 306, 307,
310, 311, 313, 348, 349, 366, 367, 382,
388, 390, 405, 408, 479
ГДР 207, 477
Горно-Алтайск, г. 431
Горно-Алтайская АО (Горный Алтай) 39,
386—388, 390—393, 395—399, 401,
403—406, 409, 414—416, 421, 424,
429—432, 436—438, 441—444, 446, 447
Дальний Восток 16, 36, 40, 46, 51, 70,
149, 182, 199—201, 204, 206, 209, 211,
237, 276, 448, 449, 453, 474, 475
Дзержинский р-н 109
Доволенский р-н 344
Европа 159
Емельяновский р-н 352
Еравнинский р-н 407
Ермаковский р-н 109, 144
Забайкалье 41, 83, 158, 162
Завьялово, с. 316
Завьяловский р-н 384
Западная Сибирь 7—9, 14, 16, 36, 45—49,
51—53, 55, 56, 60—64, 67, 68, 70—76,
79—81, 85—89, 91—97, 100—103, 105,
106, 109—112, 116, 118, 119, 123—129,
131, 132, 138, 149, 151, 153—158, 162,
164, 166, 168—175, 180, 182, 186—188,
191—196, 200—202, 205, 206, 209, 210,
217, 218, 220—226, 228, 229, 231—236,
238—240, 242—245, 247—252, 254, 255,
257, 258, 260, 263, 264, 267, 270, 271,
276, 281, 283, 286, 287, 293—296, 303,

- 304, 306—308, 310, 311, 313, 315, 319,
329, 334, 335, 348, 349, 357, 358, 367,
369—371, 382, 462, 479
- Здвинский р-н 138
Змеиногорский р-н 141, 304
Знаменский р-н 379
- Иланский р-н 141, 383
Илимпийский р-н 456, 457
Ингино, с. 323
Иркутск, г. 149
Иркутская обл. 41, 46, 59, 70, 71, 82,
108, 109, 112, 119, 127, 132, 141, 151,
155, 161, 224, 233, 234, 240—242, 244,
248—250, 252, 253, 255, 259, 262, 263,
270, 283—285, 316, 317, 319, 322, 323,
337, 348, 349, 351, 358, 368, 379, 440,
441, 449, 452
Иртыш, р. 75, 77
Искитимский р-н 84, 129, 135, 146, 344
Ишим, р. 75
- Казахстан 199, 201, 202
Калачинский р-н 138
Каменский р-н 330
Канада 472
Карасукский р-н 348
Каратузский р-н 109
Каргатский р-н 352, 370
Карымский р-н 120, 135, 211
Кемерово, г. 45, 149, 158
Кемеровская обл. 44, 45, 48, 52, 71, 88,
99, 108, 112, 119, 126, 127, 135, 140,
151, 155, 162, 171, 172, 205, 221, 223,
224, 233, 234, 240, 248—250, 255, 283,
317, 318, 323, 337, 348, 349, 351, 366,
368, 369, 372, 375
Ключевской р-н 140
Колыванский р-н 111, 132
Коробейниково, с. 315
Косихинский р-н 135, 210
Кош-Агачский р-н 438
Крайний Север 452—454, 458, 464, 465,
469
Краснозерский р-н 131, 375, 379
Красноярск, г. 377
Красноярский край 29, 41, 46, 69, 71,
77, 79, 81, 82, 88, 97, 108—110, 112,
117, 119, 127, 129, 132, 134, 135, 138,
140, 141, 144, 151, 155, 161, 212, 221,
223, 224, 233, 234, 240, 248—250, 255,
276, 282, 283, 285, 289, 291, 303, 308,
313, 317, 322, 323, 325, 334—339, 341,
342, 345, 347—349, 352, 361, 368, 370,
371, 378, 380, 441, 449, 452, 454,
458—461
Крутинский р-н 292, 353
Куйбышевский р-н 131, 319
Кулундинская степь (Кулунда) 68, 71, 75,
193, 203
Кулундинский р-н 366, 369
Купинский р-н 138
Курагинский р-н 109
Курганская обл. 16, 40, 205, 213
Кызыл, г. 431
Кыштовский р-н 204, 322, 344
Кяхтинский р-н 446
- Латвийская ССР 273, 329
Лебяжье, с. 316
Локтевский р-н 113
- Магаданская обл. 449
Майский р-н 109
Мамонтовский р-н 338
Маринский р-н 340
Маслянинский р-н 129, 370, 382
Мегино-Кандаласский р-н 440
Междуреченск, г. 45
Менгино-Кангаленский р-н 449
Минусинская котловина 71
Минусинский р-н 140
Михайловский р-н 315
Молдавия 473
Монгун-Тайгинский р-н 428
Москаленский р-н 354
Москва, г. 321, 373, 384
Мосты, д. 135
Муромцевский р-н 72, 204, 263
- Назаровский р-н 141
Нижневартовск, г. 45
Нововаршавский р-н 339
Новокузнецк, г. 160, 162
Новокузнецкий р-н 372
Новоселовский р-н 109
Новосибирск, г. 148, 160
Новосибирская обл. 19, 20, 41, 45, 47—50,
52, 54, 56, 59, 64, 67, 68, 71, 72, 81,
83, 84, 106—113, 119, 120, 123, 127,
129—136, 138, 140, 141, 146, 147, 151,
155, 156, 162, 171, 172, 179, 199, 201,
204, 205, 210—213, 224, 233, 234, 239,
240, 244—252, 255, 258, 260—264, 269,
272, 273, 276, 282—285, 287—289, 291,
293, 296—300, 304—309, 312, 315—317,
319, 320, 322, 323, 327—329, 331, 332,
336—338, 341, 343, 344, 347—352, 354,
355, 358, 359, 361, 363—365, 367, 368,
370—377, 379, 380, 383, 385, 402, 479
Новосибирский р-н 132
- Обь-Иртышский регион 161
Одесский р-н 128, 129, 384
Оконецкий р-н 129
Олонки, с. 316, 322
Омск, г. 309, 321, 360
Омская обл. 19, 20, 36, 41, 45, 59, 68,
71, 72, 82, 102, 106—110, 112, 115,
119, 123, 126—129, 132, 134, 136, 138,
140, 142, 144, 146, 151, 152, 155, 156,
159, 161, 162, 171, 172, 190, 199, 201,
204—206, 211, 212, 218, 221, 224, 233,
234, 240, 248—250, 255, 257, 263, 264,
275, 276, 282, 283, 285, 287, 290—292,
303, 304, 308, 311, 314, 316, 317, 319—
323, 325, 335, 336, 339—343, 346—349,
353, 357, 359, 360, 366, 368, 376, 379,
382, 384, 402
Омский р-н 82
Ордынский р-н 108, 132, 141, 147, 319,
343, 344

- Павловский р-н 129, 316
 Петропавловский р-н 92
 Поволжье 51, 205
 Подгорное, с. 323
 Полковниково, с. 316
 Полтавский р-н 290
 Поспелихинский р-н 372
 Приобское плато 75
- Ребриха, с. 316
 Родино, с. 315
 Родинский р-н 315
 Романово, с. 316
- РСФСР (Российская Федерация, Россия)
 7, 8, 20, 44—47, 49—53, 55, 56, 59—63,
 69, 71—76, 79, 80, 83, 86—91, 93—96,
 100, 101, 111, 112, 115, 126, 127, 129,
 139, 140, 143, 164, 166, 168, 170, 171,
 174, 175, 177—179, 188, 191, 192, 194,
 198, 209, 211, 216, 217, 220, 223, 224,
 228, 229, 231—235, 238—240, 242—245,
 249, 251, 253—255, 258, 262, 263, 265,
 270, 271, 273, 275, 283, 286, 287, 293—
 295, 299, 303—305, 307—309, 315—317,
 319—323, 348, 387—399, 404, 406—408,
 412—419, 421—423, 432, 433, 441, 449,
 451, 452, 455, 460, 461, 464—466, 471,
 473, 474, 479
- Рубцовск, г. 327
 Рубцовский р-н 83, 339, 369, 379
 Русско-Полянский р-н 129, 138
 Рыбинский р-н 109
- Север 39—41, 449, 450, 452—463, 465—469,
 475, 480, 481
 Северный Кавказ 51
 Северный Казахстан 202, 212
 Северный р-н 204, 355
 Северо-Байкальский р-н 434
 Северо-Западный р-н 479
 Северо-Казахстанская обл. 213
 Сибирь 5, 7—9, 11, 12, 14, 16, 19, 20,
 23, 27, 36—41, 43—55, 58—61, 67—76,
 78—83, 85—96, 99—106, 108—113, 116,
 117, 119, 123—125, 130, 131, 133, 137—
 139, 141, 143, 144, 148—164, 166—169,
 171, 173, 175, 178, 182, 187—189, 191,
 192, 194, 196, 199—209, 211—213, 216,
 217, 219—223, 225, 227, 229, 231—239,
 243, 244, 248—251, 254, 255, 258, 259,
 262—266, 268, 270, 275—279, 282—291,
 294, 296, 302—315, 317, 319—323, 330,
 331, 333—335, 339, 340, 347—351, 353—
 356, 358, 360, 366—371, 373, 375, 377,
 378, 382, 386—390, 392—400, 403, 408,
 410—412, 415, 417—420, 427, 429, 430,
 433, 435—438, 440—442, 444—446, 448—
 450, 460, 462, 471—480
- Славгородский р-н 140, 315
 Советский р-н 128
 Средняя Азия 149, 158, 199
 СССР, Советский Союз 13, 23, 32, 44, 48,
 53, 59, 69, 70, 127, 151, 154, 155, 157—
 159, 164, 178, 237—240, 293—296, 316,
 348, 373, 394, 429, 430, 465, 466, 471,
 476
- США 7, 472
 Сузунский р-н 129, 210, 284, 316, 379,
 383
 Сунтарский р-н 465
- Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. ок-
 руг (Таймыр) 449—453, 455, 460—462,
 466—468
- Тайшет, г. 70
 Тальменка, с. 315
 Тальменский р-н 129
 Татарский р-н 377
 Тес-Хемский р-н 428
 Томск, г. 148
- Томская обл. 44, 59, 71, 74, 83, 97, 99,
 108, 109, 112, 119, 127, 135, 146, 151,
 152, 155, 159, 162, 171, 172, 205, 207,
 221, 223—225, 233, 234, 240, 248—250,
 255, 285, 290, 313, 317, 319, 323, 337,
 347—349, 368, 372, 449
- Топчихинский р-н 366, 377
 Третьяковский р-н 29, 116, 134, 210, 316
 Тувинская АССР (Тува) 39, 41, 45, 68,
 71, 148, 152, 155, 162, 201, 386—396,
 398, 399, 401—419, 421—425, 427—434,
 437—439, 441, 442, 444, 479
- Тульская обл. 120
 Тюкалинский р-н 379
 Тюменская обл. 41, 44, 48, 51, 52, 59, 71,
 74, 79, 83, 108—110, 112, 119, 125, 127,
 132, 135, 151, 155, 159, 162, 171, 172,
 205, 213, 223—225, 233, 234, 240, 248—
 250, 255, 285, 287, 290, 317, 320, 322,
 337, 338, 347—349, 368, 379, 380, 449,
 452, 459—461, 464
- Тюмень, г. 148
 Тюменцевский р-н 270, 358
- Убаган, р. 75
 Убинский р-н 352
 Ужурский р-н 109

- Украина 158, 205, 473
Улан-Удэ, г. 431
Улуганский р-н 438
Урал 41, 45, 51
Усть-Канский р-н 438
Усть-Коксинский р-н 438
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ
386, 399, 401, 404, 406, 409, 411, 436,
437, 447
Усть-Пристанский р-н 129, 315
Усть-Тарский р-н 352
Уярский р-н 109
- Хакасская АО (Хакасия) 39, 148, 158,
201, 213, 386—388, 390—396, 398, 399,
401, 403—406, 408, 409, 412, 414, 416,
421, 424, 425, 428—437, 439, 441, 442,
444, 446
Ханты-Мансийский авт. округ 449—451,
453—455, 460, 462, 463, 466
Хоринский р-н 447
- Целиноград, г. 201, 202
Центрально-Черноземный р-н 51, 479
Центральный р-н 51, 479
- Челябинская обл. 205, 213
Черепановский р-н 376
Черлак, пос. 319
Чехословакия 207, 477
- Читинская обл. 41, 44, 45, 48, 58, 68,
71, 82, 99, 108, 112, 114, 118—120, 127,
132, 135, 151, 155, 211, 224, 225, 233, 234,
240, 248—250, 255, 285, 287, 308, 317,
322, 338, 341, 348, 349, 358, 367, 368,
370, 374, 381, 440, 441, 449
Чукотский авт. округ 449
Чулымский р-н 317
- Швеция 472
Шилкинский р-н 372
Шинюновский р-н 316
Шушенский р-н 138
- Щербакуль, с. 319
- Эвенкийский авт. округ (Эвенкия) 449—
451, 453, 456—462, 466
Эликманарский р-н 438
Эрзинский р-н 428
- Юргинский р-н 135
- Якутск, г. 431
Якутская АССР (Якутия) 39, 41, 148,
386—396, 398—401, 403—412, 414—419,
421—425, 427—433, 436—438, 440—442,
444, 446—449, 456, 458, 461—468, 479
Ямало-Ненецкий авт. округ 449—451, 453,
454, 460—462, 464, 466

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

ЧАСТЬ I

Развитие производительных сил и производственных отношений

Глава 1. <i>Сельское население</i>	43
1. Демографическое развитие	—
2. Система расселения	50
3. Тенденции занятости	58
Глава 2. <i>Материально-техническая база и кадры сельского хозяйства</i>	68
1. Земельные ресурсы	—
2. Капитальные вложения и основные производственные фонды	78
3. Техническая и энергетическая оснащенность производства	85
4. Производственно-технические кадры	90
Глава 3. <i>Производственные отношения. Развитие колхозной собственности</i>	98
1. Изменения в отношениях собственности и укрепление экономики колхозов	99
2. Специализация производства. Развитие отношений кооперации и агропромышленной интеграции	105
3. Изменения в механизме реализации отношений собственности	114
Глава 4. <i>Совершенствование стимулов труда. Трудовая активность крестьянства</i>	122
1. Организация и оплата труда в колхозах. Развитие подрядных и арендных отношений	—
2. Производственная активность	136
Глава 5. <i>Сельскохозяйственное производство</i>	147
1. Основные тенденции и этапы развития сельскохозяйственного производства	—
2. Переход сельского хозяйства на путь интенсификации	152
3. Динамика общественного производства и его эффективность	163
4. Личный сектор сельского хозяйства	176
5. Заготовки сельскохозяйственных продуктов	185
6. Роль науки в развитии сельского хозяйства	198

ЧАСТЬ II

Социальное развитие села

Глава 6. <i>Социальная структура сельского населения</i>	215
1. Социально-классовая структура	—
2. Социально-профессиональная структура	227
Глава 7. <i>Уровень жизни сельского населения</i>	237
1. Динамика и структура доходов	—
2. Обеспечение предметами потребления	251
3. Жилищные условия	262
4. Бытовое обслуживание	270
5. Развитие здравоохранения	275
Глава 8. <i>Культурное развитие деревни</i>	281
1. Сельская школа	—
2. Изменение образовательного уровня сельского населения	293

3. Развитие сферы культурного обслуживания села	302
4. Основные направления культурно-просветительной работы	312
5. Использование свободного времени	315
Глава 9. Общественно-политическая жизнь	334
1. Партийные организации	—
2. Профсоюзные и комсомольские организации	347
3. Участие крестьянства в деятельности Советов и самостоятельных организаций	364
4. Организация колхозного самоуправления	378

ЧАСТЬ III

Крестьянство и сельское хозяйство национальных районов Сибири

Глава 10. Население автономных республик и областей	388
1. Демографическое развитие	—
2. Социально-профессиональная структура	394
Глава 11. Сельскохозяйственное производство: динамика и структурные особенности	399
Глава 12. Социально-культурное и общественно-политическое развитие	412
1. Материальное благосостояние	—
2. Культурное развитие	420
3. Общественно-политические организации	436
Глава 13. Крестьянство и сельское хозяйство в районах расселения народностей Севера	449
1. Социально-экономическое развитие	—
2. Уровень жизни, культура	458
Заключение	470
Список принятых сокращений	483
Именной указатель	484
Географический указатель	487

Научное издание

**КРЕСТЬЯНСТВО
И СЕЛЬСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО
СИБИРИ
1960—1980-е гг.**

Редактор издательства *Т. Б. Мелкозерова*
Технический редактор *А. В. Сурганова*
Корректоры *Р. К. Червова, Г. Д. Смоляк*

ИБ № 34992

Сдано в набор 30.03.90. Подписано к печати 08.02.91. Формат 70×100^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 40,3. Усл. кр.-отт. 41,6.
Уч.-изд. л. 41,6. Тираж 790 экз. Заказ № 134. Цена 6 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099
Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

**В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
готовятся к печати книги:**

Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.).

Кадры науки Советской Сибири: Проблемы истории. Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири.

Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII — первая половина XIX в.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь XVII в.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век.

Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 **Баку**, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;
252025 **Киев**, ул. Осипенко, 17;
252107 **Киев**, ул. Татарская, 6 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск**, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
190164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
194064 **Ленинград**, Тихорецкий проспект, 4;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Тверская, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);

- 720001 **Бишкек**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
- 142292 **Пушино** Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
- 443002 **Самара**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700000 **Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
- 700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
- 700070 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
- 700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
- 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

1-704204к

Томский государственный университет

Научная библиотека 00284338